

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

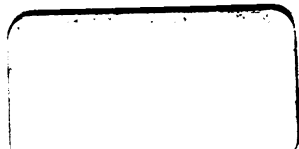
О программе Поиск книг Google

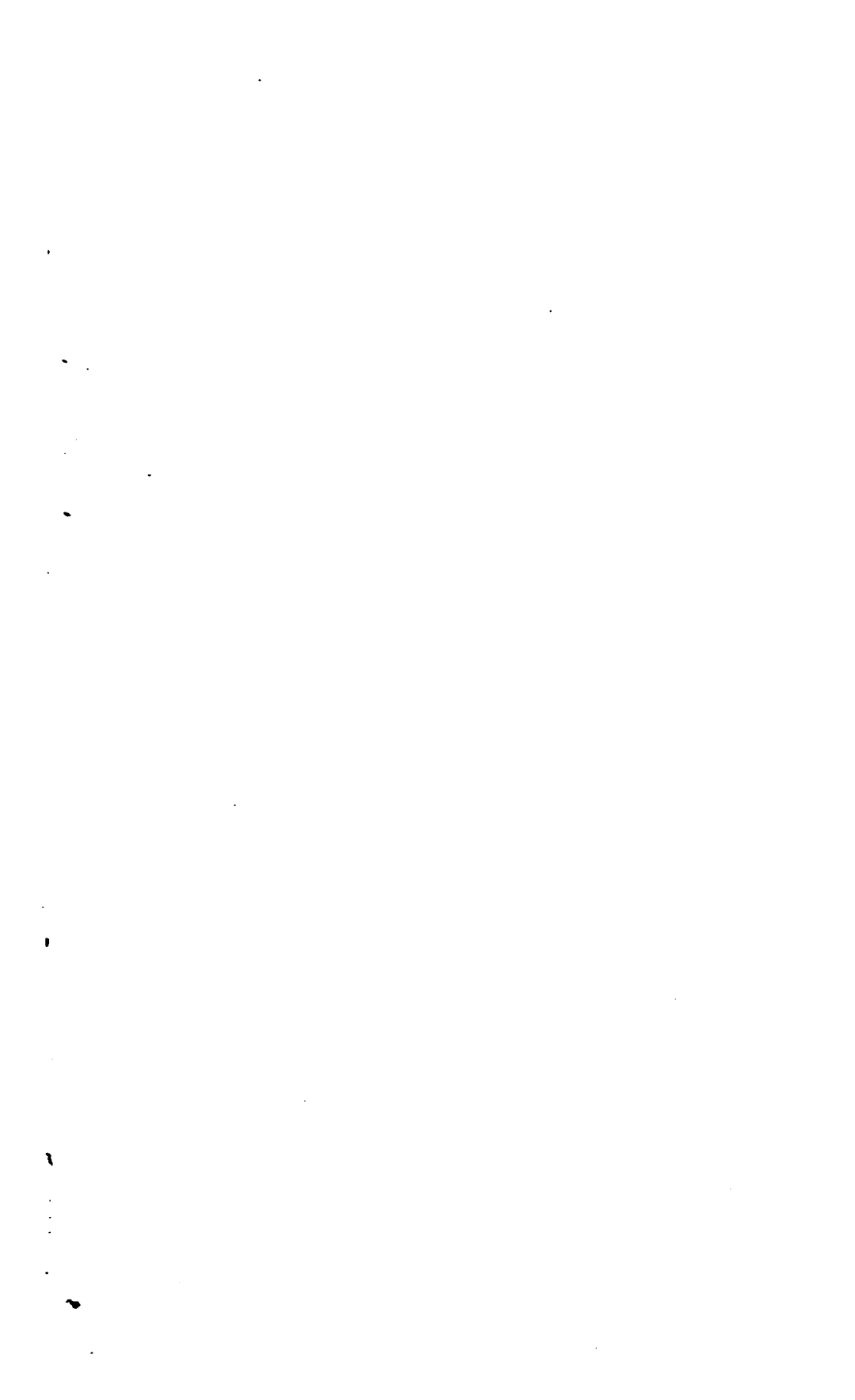
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

312v 176:25

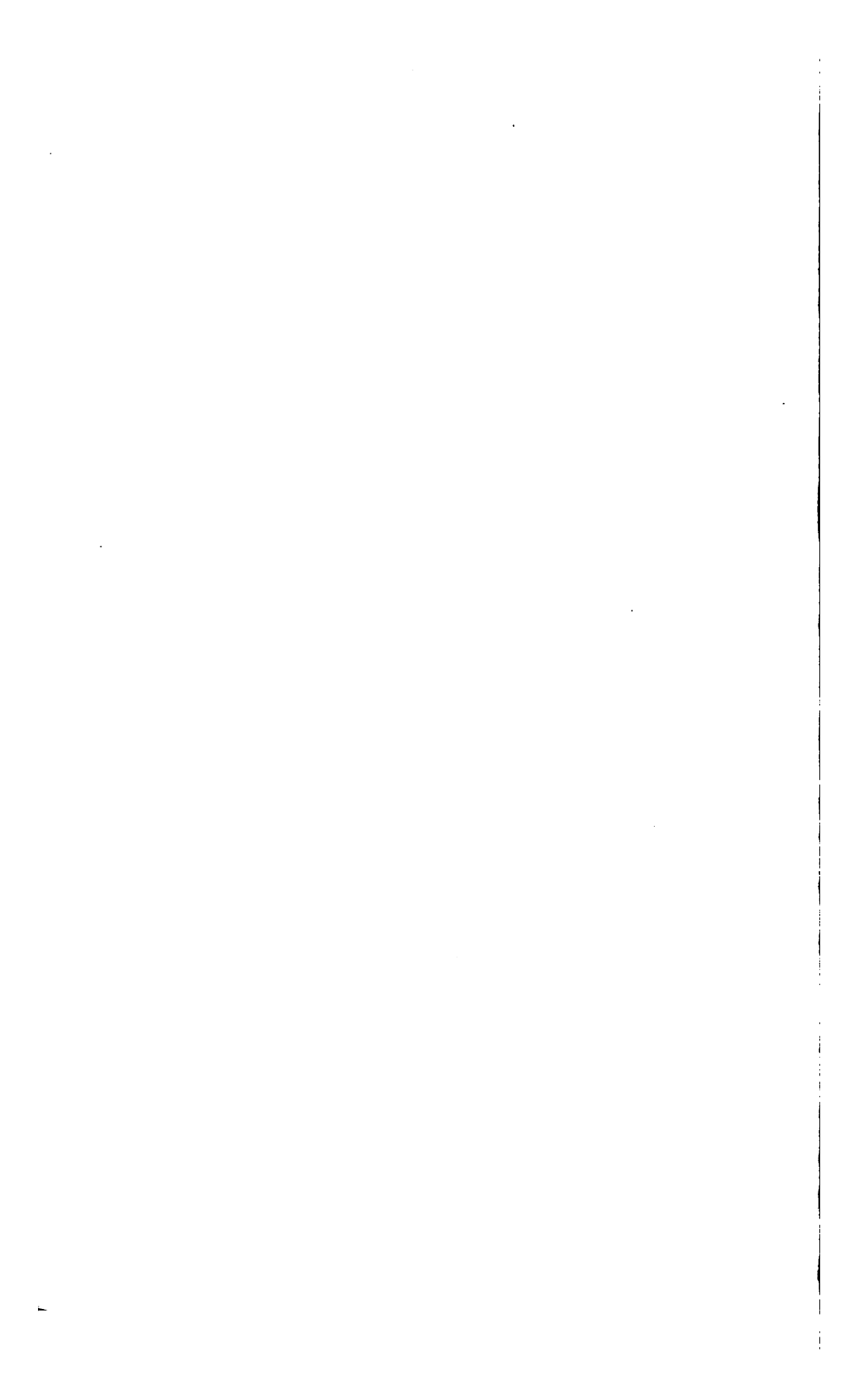
HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

368748

ВЪ СТИЖЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮТЕЦЕ.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 12-я.

ДЕКАБРЬ, 1875.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательство

В. В. Баранов

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1875.

- I.—УЧЕНЫЯ БАРЫНИ.—Комедія Мольера въ пяти дѣйствіяхъ.—Д. Д. Минаева.
II.—ПОЛОЖЕНІЕ СЫЛЬНЫХЪ ВЪ СИБИРИ.—IV-V.—Окончаніе.—И. М. Яриш-
цева.
III.—ГРАФЪ А. К. ТОЛСТОЙ, какъ лирическій поэтъ.—Ф. Ф. Миллера.
IV.—ПЬЕРРЪ-ЖОЗЕФЪ ПРУДОНЪ ВЪ ПИСЬМАХЪ. — Correspondance de P.-J.
Proudhon.—Статья четвертая.—IV-VI.—Окончаніе.—Д-ева
V.—ИЗЪ „ЛАЗАРЯ“ ГЕЙНЕ.—I-X.—Пер. А. М.
VI.—ДВИЖЕНІЕ УМОВЪ ВЪ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ ПРИ ФЛАВІЯХЪ, Траянѣ и
Адрианѣ.—93—138 гг.—А. Hausgrath, Neutestamentliche Zeitgeschichte. Drit-
ter Theil.—К. К. Арсеньева
VII.—ДРЕВНИЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ОБРАЗОВАННОСТИ.—
Сравнительно-историческіе очерки.—II.—Византийци.—А. В. Пышина
VIII.—ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО СЕРБИИ, въ 1867 году.—III.—
П. А. Ровинскаго
IX.—КАКЪ МЫ ЖИВЕМЪ НЫНЧЕ.—Очерки изъ романа А. Троллопа.—Л. А-въ.
X.—ПО СЕЛАМЪ И ЗАХОЛУСТЬЯМЪ.—VIII.—Чтець, введць и священно-
судць.—Деревенскіе рассказы.—Ф. Забытаго.
XI.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Взлетъ прежде и лютя теперь.—
Московский ссудный банкъ и акцизное дѣло въ виленской губерніи.—Отчетъ
Публичной бібліотеки за 1874 г.—Поѣздка министра народнаго просвѣщенія
на югъ.—Дѣла въ Кокнигъ.—Сообщенія „Правительственаго Вѣстника“, и
дѣйствія Англіи въ Египтѣ.—Кончина В. К. Чевенна.
XII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—Политическое и экономическое
положеніе Германіи наканунѣ новой сессіи рейхстага.—К.
XIII.—ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.—IX.—Драматическая сцена во Франціи.—Эм.
Зола.
XIV.—БИБЛОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.—Новый сводъ русскихъ выданъ.—
Книга о вѣнскихъ богатыряхъ, В. П. Аевариуса.—А. П.
XV.—ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСПОВѢДЬ ГРАФА А. К. ТОЛСТОГО, въ письмѣ къ проф.
Де-Губернаису во Флоренціи
XVI.—ИЗВѢСТІЯ.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.—
II. Отчетъ союда Общества распространенія грамотности въ нижегородской
губерніи, за 1874—75 г.
XVII.—МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.—„Вѣстникъ Европы“ въ 1875 г.
XVIII.—АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ
Европы“ за 1875 годъ
XIX.—БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: I—XXII стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1876 г. см. ниже.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Въ редакціи полученъ: рассказъ Ив. С. Тургеня
и повѣсть Ал. Ан. Потѣхина, и приготовленъ къ печати переводъ
изданнаго романа Эм. Зола: „Его Превосходительство, Эженъ Ругонъ“

1879. Oct. 6
Gift of
Eugene Schuyler,
U. S. Consul at
Birmingham, Eng.

731.84
~~Stack 302~~
P. 84-176. 25

УЧЕНЫЯ БАРЫНИ

КОМЕДИЯ МОЛЬЕРА

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

КРИЗАЛЬ, буржуа.

ФИЛАМИНТА, жена Кризали.

АРМАНДА
ГЕНРІЭТТА } ихъ дочери.

АРИСТЪ, братъ Кризали.

БЕЛИЗА, сестра его.

КЛИТАНДРЪ, обожатель Генріэтты.

ТРИССОТЕНЪ, салонный поэтъ.

ВАДІУСЪ, ученый.

МАРТИНА, служанка.

ЛЕШИНЪ, слуга Кризали.

ЛБЕНЪ, слуга Вадіуса.

ГАРИУСЪ.

Дѣйствіе въ Парижѣ, въ домѣ Кризали.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

АРМАНДА и ГЕНРИЭТТА.

АРМАНДА.

Какъ?! Замужъ ты идешь безъ колебанья,
 Разсудку здравому и скромности на зло?
 И не на шутку въ голову пришло
 Тебѣ такое пошлое желанье?

ГЕНРИЭТТА.

Да, не шутя.

АРМАНДА.

Рѣшилась смѣло ты?
 Я слушать не могу тебя безъ тошноты.

ГЕНРИЭТТА.

Но что-жъ въ замужствѣ видишь ты дурного?

АРМАНДА.

Мой Богъ!

ГЕНРИЭТТА.

Что? объясни.

АРМАНДА.

Пойми ты это слово:

За-муж-ство!.. Нѣтъ, его произнося,
 Отъ отвращенія я содрагаюсь вся...
 Какія намъ оно картины открываетъ!
 Какія грязныя желанья порождаетъ!
 И можешь ты отъ страха не дрожать,
 Послѣдствія замужства понимая?

ГЕНРИЭТТА.

Послѣдствія?... я, какъ жена и мать,
 Обязанности, долгъ свой исполняя,
 Не понимаю, чѣмъ меня смущаль бы таеъ
 Мой добровольный браеъ.

АРМАНДА.

И ты съ такой судьбой готова помириться?

ГЕНРИЭТТА.

Чего-жь еще желать въ мои года:
 Съ любимымъ человекомъ навсегда
 Слить жизнь свою и сердцемъ подѣлиться,
 Устроить для себя счастливый уголокъ
 Любви и нѣжности, вдали отъ всѣхъ тревогъ...
 Ужели гнѣздышко такое не уютно,
 Не хорошо?

АРМАНДА.

Какъ ты не развита!
 Какую ролью жалкой занята:
 Въ хозяйскихъ дрязгахъ жить ежеминутно,
 Изъ мужа дѣлать идола, ребята
 Плавсивыхъ нянчить по недѣлямъ!..
 Нѣтъ, пусть живутъ мѣщане, какъ хотятъ,
 А ты должна стремиться въ высшимъ дѣлать
 И радостей осмысленныхъ искать:
 Не чувствами живи одними ты, но чутко
 Прислушивайся къ голосу разсудка.
 Примѣръ передъ глазами — наша мать.
 Своей ученостью она извѣстна въ свѣтѣ,
 А матери должны достойны быть и дѣти;
 Страсть къ знанію скрывается въ крови
 Семейства нашего, а потому въ любви
 Къ науцѣ — ты ищи духовныхъ наслажденій;
 Чѣмъ замужъ выходить, безъ дальнихъ разсужденій
 Въ мужа ты философію возьми.
 Она насъ возвышаетъ надъ людьми,
 Власть разума надъ нами расширяя
 И всѣ животныя инстинкты убивая,
 Которые безъ всякаго труда
 До степени скотовъ низводятъ насъ всегда.
 Ученые друзья, широкій міръ науки —
 Вотъ чтó спасаетъ насъ отъ праздности и скуки,
 А все, чтó тѣшитъ женщинъ большинство,
 Считаю я за вздоръ и баловство.

ГЕНРИЭТТА.

Ужъ видно таково судьбы предначертанье,
 Что есть у каждаго особое призванье.

Ты, напримѣръ, паришь на высоты
 Глубокой мудрости, отъ суеты далеко,—

А я не залетаю такъ высоко

И отъ земли не бѣгаю, какъ ты.

Не станемъ же противиться природѣ:

Пусть каждая изъ насъ отдастся своему
 Влеченію. Ты дѣйствуй на свободѣ,
 Просторъ дай философскому уму,

А я начну ввухать безъ всякаго смущенья
 Замужства своего земныя наслажденья.

Что-жь! въ крайностяхъ своихъ все-жь будемъ подражать

Мы нашей матери, хотъ разными путями;

Ты — область духа станешь изучать,

А я—дѣйствительность и жизнь съ ея страстями;

Ты будешь жить тревогами ума,

А я—родить дѣтей и ихъ кормить сама.

АРМАНДА.

Мы выбирать должны, разсудкомъ предрѣшая,

Примѣры лишь хорошіе одни:

Вѣдь людямъ подражать, какъ кашляютъ они,

Сама ты согласишься, заслуга небольшая.

ГЕНРИЭТТА.

Когда бы наша мать такой имѣла взглядъ,

Ты, вѣроятно бы, на свѣтъ не появлялась;

И въ юности своей она, наврядъ,

Одною философіей плѣнялась.

Не дѣлай же сердитаго лица,

На слабость женщины смотри ты съ снисхожденьемъ,

(Ты этой слабости обязана рожденьемъ)

И не препятствуй мнѣ міръ подарить явленьемъ

Малютки-мудреца.

АРМАНДА.

Я вижу, хочешь ты, во что бы то ни стало,

Быть замужемъ; не стану спорить я.

Но знать твой выборъ ииѣ-бы не мѣшало:
Не прочишь же себѣ Клитандра ты въ мужа?

ГЕНРИЭТТА.

А почему же иѣтъ? Онъ мнѣ не пара что-ли?
Не знала я о томъ до сей поры.

АРМАНДА.

По-моему, безчестнѣе иѣтъ роли,
Какъ отбивать побѣду у сестры:
Кто этого не знаетъ —
О комъ Клитандръ давно уже вздыхаетъ.

ГЕНРИЭТТА.

Но не пошли вздыханья эти въ прокъ...
Отъ нашихъ слабостей твой разумъ такъ далекъ,
Что на дѣвичество себя ты осудила
И философіи всю душу посвятила;
Поэтому, не все-ль тебѣ равно
Кому любить Клитандра суждено?

АРМАНДА.

Разсудокъ, въ насъ обуздывая страсти,
Такъ далеко не простираетъ власти —
И если мужа я въ Клитандрѣ не ищу,
То все-жѣ поклонника терять въ немъ не хочу.

ГЕНРИЭТТА.

Талантами твоими восхищаться
Ему я право полное дала;
Его любовь я только приняла,
Которую отвергла ты...

АРМАНДА.

Признаться,
Дивлюсь тебѣ. Ты вѣришь, какъ дитя,
Любовнику отвергнутому... Или
Онъ такъ плѣненъ тобой, что не шутя
Меня забылъ?

ГЕНРИЭТТА.

Да. Искренни такъ были
Его слова: я вѣрила ему.

ВЪСТАНІЕ СЕРВІЯ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 12-я.

С ДЕКАБРЬ, 1875.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательство

№ 582/1875

Чтобъ васъ могла открыто я любить
И не была въ глазахъ людей преступна.

КЛИТАНДРЪ.

Рѣшенья этого я только ждалъ отъ васъ
И съ радостью примусь за дѣло хоть сейчасъ.

АРМАНДА.

Не торжествуй, сестра: ты думаешь, быть можетъ,
Что это все меня волнуетъ и тревожить?

ГЕНРИЭТТА.

Я? Вовсе нѣтъ. Извѣстно мнѣ давно,
Что, подъ контролемъ правилъ неизмѣнныхъ,
Ты выше слабостей людей обыкновенныхъ,
Что сердце у тебя уму подчинено.
Нѣтъ, не печалиться, я думаю, ты станешь,
Но руку помощи скорѣе мнѣ протянешь —
И ускоришь день свадьбы нашей. Да?

АРМАНДА.

Нѣтъ, это уже слишкомъ:
Остричь съ ничтожнымъ, крошечнымъ умишкомъ!
И чѣмъ же ты горда?
Смѣшно же сердцемъ брошеннымъ гордиться!

ГЕНРИЭТТА.

Пусть брошено оно, — не вижу въ этомъ зла,
И еслибъ ты поднять его могла,
То, вѣрно-бъ, потрудилась наклониться.

АРМАНДА.

Когда мнѣ говорятъ подобный вадоръ,
То я не унижаюсь до отвѣта.

ГЕНРИЭТТА.

Честь и хвала тебѣ! Да, полно, ты-ли это?
Куда-жъ дѣвался прежній твой задоръ?

Арманда уходитъ.

СЦЕНА Ш.

КЛИТАНДРЪ и ГЕНРИЭТТА

ГЕНРИЭТТА.

Сестру признанье ваше поразило.

КЛИТАНДРЪ.

Мою безцеремонность заслужила
Она за глупое тщеславіе вполне.
Но, Генриэтта, вы согласье дали мнѣ,
И къ вашему отцу иду я...

ГЕНРИЭТТА.

Погодите!

Вы мать мою сначала убѣдите.
Отца мы опасаться не должны,
Его сопротивленье не опасно;
Отецъ всю жизнь, покорно и безгласно,
Привыкъ плясать подь дудочку жены.
Она — глава семьи, и въ ней одной вся сила,
Все дѣлается такъ, какъ пожелаетъ мать.
Вотъ почему я васъ бы попросила
Стараться ей и тетѣ угождать,
А маленькая лестъ и угожденья
Приобрѣтутъ вамъ ихъ расположенье.

КЛИТАНДРЪ.

Я слишкомъ прямъ, чтобъ льстить кому-нибудь,
И, если душу мнѣ предъ вами распахнуть,
Ученыхъ барынь всѣхъ я уважаю мало.
Не спорю, хорошо, чтобъ женщина все знала,
Но возмутительно, когда онѣ спѣшать
Поверхостными знаньями кичиться.
По моему, милѣй та женщина въ сто-вратъ,
Которая по скромности боится
Ученость выставять предъ всѣми на показъ.
Я уважаю въ женщинахъ познанья
Безъ хвастовства, безъ заученыхъ фразъ
И безъ цитатъ изъ моднаго изданья.
— Конечно, ваша мать воспитана, умна,
Но вдоръ, съ вторымъ носится она,

Я восхвалять не въ силахъ, ставши эхомъ
 Того, къ чему я отношусь со смѣхомъ
 И даже съ бѣшенствомъ. Я не могу понять
 Ея благоговѣнья къ Триссотену!

Вѣдь въ гени она готова записать
 Педанта этого. Какую можетъ цѣну
 Имѣть въ ея глазахъ освистанный глупецъ,
 Котораго труды—замѣтить вамъ не худо—
 На рынкахъ продаются нынче съ пуда.

ГЕНРИЭТТА.

Согласна съ вами я: онъ—скуеи образецъ,
 Но такъ какъ онъ на мать мою влѣзетъ,
 То вамъ сойтись съ нимъ не мѣшаетъ.
 Влюбленный человѣкъ всѣмъ долженъ угождать:
 И здѣсь поспѣть, и тамъ не опоздать,
 И даже, наконецъ, обязанъ для потачки
 Быть въ домѣ въ милости у комнатной собачки.

КЛИТАНДРЪ.

Вы правы, но, повѣрьте—гадокъ мнѣ
 Настолько Триссотень, что даже и во снѣ
 Я не могу дойти до униженья—
 Расхваливать его произведенья.

Едва ихъ прочиталъ,
 До встрѣчи съ нимъ его уже я зналъ:
 Въ его твореніяхъ, гдѣ капли нѣтъ таланта,
 Я ясно увидалъ хвастливаго педанта,
 Тщеславнаго, довольнаго собой,
 Который къ славѣ доброй не стремится
 И такъ двусмысленной извѣстностью гордится,
 Что и съ фельдмаршаломъ судьбой
 Не помѣняется.

ГЕНРИЭТТА.

Дивлюсь я, какъ могли вы
 Заочно быть такъ прозорливы.

КЛИТАНДРЪ.

Я даже по стихамъ, которыми весь свѣтъ
 Готовъ онъ угощать чуть-чуть не ежечасно,
 Нарисовалъ себѣ его портретъ;
 Его черты мнѣ представлялись ясно

Со всей фигуурою отъ головы до пятъ,
И, встрѣтившись съ нимъ разъ, я бился объ закладъ,
Что это Триссотень—быть не могло иначе!
И—выигралъ пари.

ГЕНРИЭТТА.

Вы шутите?

КЛИТАНДРЪ.

Клянусь!

Теперь же пожелайте мнѣ удачи.
А! ваша тетушка идетъ сюда. Рѣшусь
Я, наконецъ, ей вѣрить тайну нашу,
Чтобъ дѣйствовать потомъ чрезъ тетку на мамашу.

Генриэтта уходитъ.

СЦЕНА IV.

БЕЛИЗА и КЛИТАНДРЪ.

КЛИТАНДРЪ.

Позвольте случаемъ воспользоваться мнѣ
И съ вами здѣсь наединѣ
Поговорить чистосердечно.

БЕЛИЗА.

Ахъ, бойтесь откровенности!.. Конечно,
Въ кругъ обожателей своихъ я васъ ввела,
Но чувствъ высказывать вамъ права не дала.
Пусть говорятъ глаза, не то за оскорбленье
Сочту иной я способъ выраженья.
Вздыхайте, мучайтесь, любите вы меня,
Но чтобъ о томъ не знала я.
Готова снисходить, не замѣчая словно,
Я къ чувствамъ, выражаемымъ безмолвно,
Но если въ нихъ вмѣшается языкъ,
Я съ глазъ васъ прогоню, повѣрьте, въ тотъ же мигъ.

КЛИТАНДРЪ.

Пусть не пугаетъ васъ предположенье это:
Предметъ моихъ желаній—Генриэтта,
И вы, надѣюсь я, такъ будете добры—
Замолвите за насъ словечко у сестры.

БЕЛИЗА.

Вы такъ увѣртливы, что я не ожидала...
 Ей-Богу, ничего умнѣй до сей поры
 Я ни въ одномъ романѣ не читала.

КЛИТАНДРЪ.

Увѣртеку видите вы тамъ на этотъ разъ,
 Гдѣ истина одна словами руководить.
 Повѣрьте: Генріэтта не выходитъ
 Изъ головы моей; связали крѣпко насъ
 Любви невидимые путы.
 Я только жду блаженной той минуты,
 Когда мнѣ Генріэтту отдадутъ.
 Вы мнѣ поможете? возьмете этотъ трудъ?..

БЕЛИЗА.

Въ смыслъ вашихъ словъ я, кажется, проникла.
 Идея хороша, преловкій оборотъ!
 Но такъ какъ и себя я сдерживать привыкла,
 То вамъ одно скажу я, въ свой чередъ,
 Что наша Генріэтта—противъ брака,
 И замужъ ни за что, навѣрно, не пойдетъ.

КЛИТАНДРЪ.

Вы сильно заблуждаетесь, однако!
 Я искренно во всемъ признался вамъ...

БЕЛИЗА.

О, Боже! Перестаньте отпираться!
 Куда вы мѣтите—я вижу по глазамъ.
 Пока и тѣмъ должны вы утѣшаться,
 Что можете уловку продолжать,
 Что въ формѣ, допускаемой приличьемъ,
 Рѣшаются любовь отъ васъ принять,
 Но только съ тѣмъ, замѣйте вы, различьемъ,
 Чтобъ ваша страсть вполнѣ была честна
 И самыхъ чистыхъ помысловъ полна.

КЛИТАНДРЪ.

Послушайте!

БЕЛИЗА.

На этотъ разъ довольно.
Я увлеклась и безъ того неволью.

КЛИТАНДРЪ.

Но ваше заблужденье...

БЕЛИЗА.

Кончимъ споръ.
Краснѣю даже я за этотъ разговоръ.

КЛИТАНДРЪ.

Когда я васъ люблю, пускай меня повѣсятъ!

БЕЛИЗА.

Нѣтъ, нѣтъ, не слушаю...

Уходить.

СЦЕНА V.

КЛИТАНДРЪ—одинъ.

Кого она не взбѣситъ?
Я дуръ такихъ не видывалъ. Чортъ съ ней!...
Фантази и бредни—что ни слово...
Пойду искать помощника другого,
Который былъ бы нѣсколько умнѣй.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

АРИСТЪ—провожающаго уходящаго КЛИТАНДРА.

Васъ скоро о рѣшительномъ отвѣтѣ
Я извѣщу и чѣмъ могу
Вамъ услужить,—то, вѣрите, помогу.
Народъ нетерпѣливѣйшій на свѣтѣ
Всѣ женихи...

СЦЕНА II.

КРИЗАЛЬ и АРИСТЪ.

АРИСТЪ.

А! съ добрымъ утромъ, братъ.

КРИЗАЛЬ.

Здорово, другъ, здорово!

АРИСТЪ.

Скажи-ка, братъ, теперь ты на-угадъ —
Зачѣмъ я здѣсь?

КРИЗАЛЬ.

Ты? Честное, братъ, слово,
Не знаю. Повѣсти ты лучше самъ о томъ.

АРИСТЪ.

Давно, скажи, съ Клитандромъ ты знакомъ?

КРИЗАЛЬ.

Давненько; онъ у насъ бываетъ часто въ домѣ.

АРИСТЪ.

Что-жъ можешь ты сказать о немъ?

КРИЗАЛЬ.

Да, кромѣ

Хорошаго, что я могу сказать!
Людей такихъ—съ огнемъ днемъ нужно поискать.

АРИСТЪ.

Такое мнѣнне радъ услышать я отъ брата.
Съ тобой поговорить Клитандръ меня просилъ.

КРИЗАЛЬ.

Его отца я въ Римѣ зналъ когда-то.

АРИСТЪ.

Да?

КРИЗАЛЬ.

И могу сказать: вотъ истый баринъ былъ!

АРИСТЪ.

Слыхалъ о томъ.

КРИЗАЛЬ.

Лѣтъ подъ тридцать намъ было;
Какъ я, онъ былъ отчаянный кутила.

АРИСТЪ.

Не сомнѣваюсь въ томъ.

КРИЗАЛЬ.

Зналъ цѣлый Римъ,
Какъ волочились мы за женщинами съ нимъ
И въ свѣтѣ шли рассказы
Про наши шалости и всякія проказы.

АРИСТЪ.

Прекрасно, но теперь мы къ дѣлу перейдемъ.
Я долженъ объяснить, зачѣмъ сюда явился...

СЦЕНА Ш.

ТЪ ЖЕ и БЕЛИЗА—слушаетъ въ дверяхъ.

АРИСТЪ.

Меня къ тебѣ Клитандръ прислалъ своимъ посломъ:
Онъ въ Генріэтту, видишь-ли, влюбился.

КРИЗАЛЬ.

Какъ? въ дочь мою?

АРИСТЪ.

Да, по уши влюбленъ
И отъ любви приходитъ въ изступленье.

БЕЛИЗА—Аристу.

Остановись. Все это ложь. Введенъ
Клитандромъ ты въ большое заблужденье.

АРИСТЪ.

Какъ понимать тебя?

БЕЛИЗА.

Онъ лжетъ, и отдана
Его привязанность совсѣмъ не Генриэтѣ.

АРИСТЪ.

Ты шутишь?

БЕЛИЗА.

Нѣтъ, я въ томъ убѣждена.

АРИСТЪ.

Помилуй, онъ клялся мнѣ всѣмъ на свѣтѣ...

БЕЛИЗА—значительно.

Да?

АРИСТЪ.

Да, и, не откладывая дня, •
Уговорить родныхъ онъ умолялъ меня.

БЕЛИЗА.

Я вижу, ты блуждаешь, какъ во мракѣ.

АРИСТЪ.

И я настаивать хочу на этомъ бракѣ.

БЕЛИЗА.

Часъ отъ часу не легче! Мой дружокъ,
Тебя Клитандръ провелъ хитро и ядовито:
Все это сватовство, повѣрь, одинъ предлогъ,
И къ женщинѣ другой имъ только страсть прикрывта.

Я знаю эту тайну, хоть молчу,
Но все-таки тебѣ глаза раскрыть хочу.

АРИСТЪ.

Но, если знаешь ты такъ много,
Кого же любить онъ, скажи намъ, ради Бога?

БЕЛИЗА.

Желаетъ знать?

АРИСТЪ.

Кого?

БЕЛИЗА.

Меня.

АРИСТЪ.

Тебя?

БЕЛИЗА.

Меня.

АРИСТЪ.

А! Гмъ!..

БЕЛИЗА.

Что значитъ это восклицанье?

Свои достоинства хотъ нѣсколько цѣня,
Могу-жь такое сдѣлать я признанье,—
Когда Дорантъ, Дамисъ, Клеонтъ и Лисидасъ
Въ своей любви влялись мнѣ столько разъ!

АРИСТЪ.

Они? Тебѣ?

БЕЛИЗА.

Всѣмъ сердцемъ и душою.

АРИСТЪ.

И признавались въ томъ?

БЕЛИЗА.

Съ большою,

Конечно, осторожностью. Они

Такъ предо мной благоговѣютъ,
Что только взглядами высказываться смѣютъ,
Но языкомъ... Фи!.. Боже, сохрани!..

АРИСТЪ.

Но стали рѣдки здѣсь Дамиса посѣщенья.

БЕЛИЗА.

Я вижу въ этомъ дань любви и уваженья.

АРИСТЪ.

Дорантъ острѣтами колоть тебя привыкъ.

БЕЛИЗА.

Ревнивцы всѣ имѣютъ злой языкъ.

АРИСТЪ.

Клеонтъ и Лисидасъ давно женились оба.

БЕЛИЗА.

Съ отчаянья. Понятна мнѣ ихъ злоба.

АРИСТЪ.

Нѣтъ, это вонъ изъ рувъ! Одумайся, сестра!..

КРИЗАЛЬ.

Отъ всѣхъ такихъ химеръ отстать тебѣ пора!

БЕЛИЗА.

Химеры, говоришь ты? Вотъ такъ ново!
Химеры! правится мнѣ очень это слово!
Самой мнѣ невдомѣкъ, что я заражена
Химерами...

Уходитъ.

СЦЕНА IV.

КРИЗАЛЬ.

Что случилось съ ней? Она
Совсѣмъ съ ума сошла.

АРИСТЪ.

И я того же мнѣнья.
Но возвращусь къ Клитандру я опять:
Онъ любить Генріетту и рѣшенья
Ждетъ твоего. Что можешь ты сказать?

КРИЗАЛЬ.

Меня и спрашивать объ этомъ не годится:
За честь особую сочту съ нимъ породниться.

АРИСТЪ.

Но онъ не такъ богатъ.

КРИЗАЛЬ.

Пускай! Я это зналъ.

Его достоинства—вогъ лучшій капиталъ.

Въ тому-жъ, съ его отцомъ душа мы въ душу жили.

АРИСТЪ.

Съ женой, однако, ты поговори сперва.

КРИЗАЛЬ.

Все будетъ такъ, какъ мы съ тобой рѣшили.

Не вѣришь развѣ мнѣ?

АРИСТЪ.

Но пусть твои слова

Супруга подтвердить. Все лучше, братецъ, будетъ.

КРИЗАЛЬ.

Трунишь ты надо мной? Нѣтъ, милый другъ, повѣрь,
Какъ самъ я захочу, такъ и жена разсудить.

АРИСТЪ.

Но...

КРИЗАЛЬ.

Дѣйствовать мнѣ предоставь теперь:

Я съ ней сейчасъ объ этомъ потолкую.

АРИСТЪ.

А мнѣ въ племянницѣ толкнуться нужно въ дверь,
Чтобъ бѣдненькой подать надежду кой-какую.

Уходитъ.

КРИЗАЛЬ.

Я слово далъ и—баста! Лишь въ женѣ
На пару словъ сходить придется мнѣ.

СЦЕНА V.

КРИЗАЛЬ и МАРИНА.

МАРИНА.

Вотъ счастье-то! Попала чуть не въ драку!
Недаромъ говорить пословица одна:

Кто, вадумаетъ топить свою собаку,

Тотъ всѣмъ кричить, что бѣшена она.
Вотъ вамъ и служба наша!..

КРИЗАЛЬ.

Что случилось?

Мартина, что съ тобой?

МАРТИНА.

Со мною что?

КРИЗАЛЬ.

Ну, да.

МАРТИНА.

Да то, что барыня сегодня взбѣленилась
И прогнала меня.

КРИЗАЛЬ.

Какъ это?

МАРТИНА.

Навсегда.

КРИЗАЛЬ.

Въ толкъ не возьму.

МАРТИНА.

Еще прибить грозитъ,

Коль я не уберусь.

КРИЗАЛЬ.

А я не отпущу.

Нѣтъ, барыня твоя ужъ слишкомъ горячится;
Доволенъ я тобой и, знай, не допущу,
Чтобъ мнѣ...

СЦЕНА VI.

ТЪ ЖЕ, ФИЛАМИНТА и БЕЛИЗА.

ФИЛАМИНТА—увидя Мартину.

Какъ? это ты, негодная? Ты смѣла
Остаться здѣсь? Прочь съ глазъ моихъ сейчасъ!

КРИЗАЛЬ.

Послушай-ка...

ФИЛАМИНТА.

Что я сказала разъ,

То рѣшено...

КРИЗАЛЬ.

Да, но...

ФИЛАМИНТА.

Я ей велѣла

Оставить насъ.

КРИЗАЛЬ.

Но въ чемъ ея вина?

ФИЛАМИНТА.

Что-жь, подъ твоей защитой она?

КРИЗАЛЬ.

Нисколько.

ФИЛАМИНТА.

За нее ты вздумалъ заступаться?

КРИЗАЛЬ.

Да нѣтъ же, Боже мой! Хотѣлъ я только знать,
Что сдѣлала она.

ФИЛАМИНТА.

Не трудно догадаться,

Что я за пустяки ее не стала-бъ гнать.

КРИЗАЛЬ.

Не спору, но съ прислугою, примѣрно...

ФИЛАМИНТА.

Я этой дряннн въ домѣ не стерплю.

КРИЗАЛЬ.

Конечно, такъ; тебѣ она грубила, вѣрно?

ФИЛАМИНТА.

Противорѣчій я, ты знаешь, не люблю.

КРИЗАЛЬ.

Согласенъ.

ФИЛАМИНТА.

Ну, а ты, — хорошій мужъ ты тоже! —
Взять сторону жены обязанъ.

КРИЗАЛЬ.

И возьму!

Мартинъ.

Безстыдница! на что-жъ это похоже?
Нѣтъ извиненія поступку твоему.

МАРТИНА.

Да что-жъ я сдѣлала?

КРИЗАЛЬ—тихо.

Не знаю, хоть повѣсьте!

ФИЛАМИНТА.

Она еще глядитъ на это, какъ на вздоръ.

КРИЗАЛЬ.

Да объясни же мнѣ, прошу я, ради чести:
Трюмо она разбила? нашъ фарфоръ?

ФИЛАМИНТА.

Да развѣ гнать ее за это я бы стала?
За пустяки я не сержусь ни мало.

КРИЗАЛЬ—Мартинъ.

Ну, что я тутъ пойму?

Филаминтъ.

Такъ, значить, не шутя
Она набѣдокурила?

ФИЛАМИНТА.

Еще бы!

Не взбалмошная я какая, не дитя.

КРИЗАЛЬ.

Она изъ жадности, быть можетъ, вль со злобы
Вещь цѣнную осмѣлилась стянуть?

ФИЛАМИНТА.

И это-бъ ничего.

КРИЗАЛЬ—Мартинъ.

Несчастливая! Злодѣйка!

Филаминтъ.

Въ обманѣ ты ее поймала какъ-нибудь?

ФИЛАМИНТА.

Гораздо хуже.

КРИЗАЛЬ.

Хуже?

ФИЛАМИНТА.

Хуже!

КРИЗАЛЬ—Мартинъ.

Смѣй-ка,

Змѣя, заговорить!

Филаминтъ.

Скажи, хоть въ двухъ

Словахъ...

ФИЛАМИНТА.

Она меня нахальствомъ возмутила

И послѣ тридцати уроковъ оскорбила

Такой ошибкой грубою мой слухъ,

Такимъ невѣжествомъ...

КРИЗАЛЬ.

А, вотъ въ чемъ преступленье!

ФИЛАМИНТА.

Какъ! Несмотря на всѣ мои внушенья,

Рѣшаться колебать основу всѣхъ наукъ—

Грамматикеу, которая вокругъ

Законы королямъ предписываетъ даже.

КРИЗАЛЬ.

Ну, я воображалъ проступокъ покрупнѣй.

ФИЛАМИНТА.

Проступка, сударь мой, противнѣй нѣтъ и гаже.

КРИЗАЛЬ.

Конечно...

ФИЛАМИНТА.

Отыщи ты оправданье ей,

Попробуй.

КРИЗАЛЬ.

Не рѣшусь.

ФИЛАМИНТА.

Жалѣю. Развѣ можно
Согласованье словъ коверкать такъ безбожно,
Когда сто разъ законы языка,
Практически, наглядно,
Мы объясняли ей?

МАРТИНА.

Вы толковали складно,
Да только говоръ вашъ мнѣ не дался пока.

ФИЛАМИНТА.

Не дерзость ли? Какъ это вамъ пріятно?
Изысканный языкъ нашъ «говоромъ» клеймить.

МАРТИНА.

По моему, кто говорить понятно,
Тотъ, значить, и вальготно говорить.

ФИЛАМИНТА.

«Вальготно?» вотъ еще образчикъ слога.
Вамъ нравится?

БЕЛИЗА—Мартинѣ.

Ты не боишься Бога!
Ужъ мы ли не щадили всѣхъ заботъ,
Чтобъ говорить могла ты научиться,
А у*тебя, едва раскроешь ротъ,
Въ неправильныхъ словахъ со счету можно сбиться.

МАРТИНА.

Создатель мой! Чему же тутъ дивиться!
Не смыслу вѣдь — наплюйте мнѣ въ глаза —
Въ ученостяхъ я вашихъ ни аза!

ФИЛАМИНТА.

Ахъ, слушать не могу!

БЕЛИЗА.

Не выношу я чуши!

ФИЛАМИНТА.

Какъ тутъ имѣть чувствительныя уши?

БЕЛИЗА—Мартинѣ.

Ты тупостью своей, мнѣ кажется, горда.

Таеъ помни же: «ученость» говорится

Въ числѣ единственномъ всегда.

Ты на грамматику обязана молиться.

МАРТИНА.

Не знаю я угодницы таковой ¹⁾.

ФИЛАМИНТА.

Она рѣшительно смущаетъ мой покой!

БЕЛИЗА—Мартинѣ.

Ты ложно поняла грамматики значенье,

Хоть слова этого давно

Тебѣ объяснено происхожденье.

МАРТИНА.

Пусть происходитъ, барышня, оно

Отъ рода знатнаго, иль отъ простого рода,

Мнѣ, право, все равно.

БЕЛИЗА.

Мужичка! Не тебя-ль учили мы два года?

Грамматика — припомни — учить насъ

Спряженьямъ и склоненьямъ

Глаголовъ и именъ съ мѣстоименемъ.

МАРТИНА.

Сударыня, убейте хоть сейчасъ,

Но эти господа мнѣ вѣсье не знакомы.

ФИЛАМИНТА.

Какая мѹка съ ней!

¹⁾ Здѣсь непереводамая игра словъ: *grammaire* и *grand'mère*. Какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ переводчику приходилось, если не выпускать, то измѣнять такіе каламбуры, насколько они возможны въ русской рѣчи.

БЕЛИЗА.

Рѣчь о словахъ идетъ:
Согласованью словъ тебя уже давно мы
Учили, глупая!

МАРТИНА.

А много мнѣ заботъ —
Живуть они согласно, иль дерутся.

ФИЛАМИНТА—Белизѣ.

Ахъ, бончимъ, наконецъ, мы этотъ разговоръ.

Кризаль.

И ты ее не выгналъ дѣ сихъ поръ?

КРИЗАЛЬ.

Какъ хочешь. [*Тихо*] Мнѣ никакъ не увернуться!

Мартинѣ.

Ступай и барыню напрасно не тревожь.

ФИЛАМИНТА.

Какъ? ты стѣсняешься съ канальей этой? Что-жъ,
Будь вѣжливъ; ей нужна твоя поблажка.

КРИЗАЛЬ.

Нѣтъ, я... [*Рѣзко*] Проваливай! [*Тихо*] Иди, моя бѣдняжка!

СЦЕНА VII.

ТѢ ЖЕ, безъ МАРТИНЫ.

КРИЗАЛЬ.

Поступокъ твой, ей-Богу, безтолковъ, —
Скажи о томъ хоть недругу, хоть другу:
Нельзя-жъ изъ-за подобныхъ пустяковъ,
Поднявши пыль до облаковъ, •
Гнать съ мѣста расторопную прислугу.

ФИЛАМИНТА.

Могла-ли я сносить, — иль въ это ты не вникъ? —
Когда она терзала слухъ мой вѣчно,
Боверкала слова безчеловѣчно
И, варварски уродуя языкъ,

Лишь упражнялась въ грубыхъ поговоркахъ,
Употребляемыхъ на рынкахъ и задворкахъ.

БЕЛИЗА.

Ахъ, нарушая всякій разъ
Все то, чему училъ насъ Вогелась,
Она двухъ словъ не скажетъ точно;
Она терзаетъ слухъ и мнѣ:
То какофоніи однѣ,
То плеоназмы, какъ нарочно.

КРИЗАЛЬ.

Про Вогеласа ей и толковать не слѣдъ,
Когда она не портитъ нашъ обѣдъ.
Пусть лучше, нивого не безпокоя,
Въ согласованьи словъ она совретъ,
Чѣмъ вкусный соусъ подождетъ,
Иль пережаритъ все жаркое.
Не болтовней, я супомъ только съѣдъ,
А Вогелась вашъ супу не сваритъ:
Малербъ, Балъзакъ чего-чего не знали,
А предъ кухаркою на кухнѣ-бѣ спасовали.

ФИЛАМИНТА.

Что за циническій, за безобразный тонъ!
Тотъ человѣкомъ можетъ ли назваться,
Кто духомъ не способенъ возвышаться,
Въ матеріальныя заботы погружень?
Прилично ли заботиться о тѣлѣ,
О жалкой скорлупѣ? Иль нѣтъ серьезнѣй цѣли?

КРИЗАЛЬ.

Я тѣла своего — поворнѣйшій слуга,
И эта скорлупа мнѣ очень дорога.

БЕЛИЗА.

Но тѣло безъ души немислимо, помилуй!
И если вѣруешь ты въ умственный прогрессъ —
Надъ тѣломъ духъ всегда имѣетъ перевѣсъ,
А потому всю жизнь свою, мой милый,
Духовной пищей мы должны себя питать.

КРИЗАЛЬ.

Ну, это кушанье совсѣмъ не аппетитно;
 Но если для тебя оно такъ сытно,
 Тебѣ, конечно, нечего скучать
 И поднимать булгу...

ФИЛАМИНТА.

Ахъ! Въ гробъ я лечь готова... —
 Откуда выкопалъ подобное ты слово?

БЕЛИЗА.

Ужъ чисто допотопное.

КРИЗАЛЬ.

Пора!

Все выскажу, и съ плечъ спадеть гора...
 Вы злость разбудите и въ человѣкѣ кроткомъ;
 Къ вамъ всѣ относятся давно, какъ въ сумасбродамъ...

ФИЛАМИНТА.

Что хочешь ты сказать?!

КРИЗАЛЬ.

Я ей, не вамъ. Сестра!

Мнѣ собственно съ тобой потолковать пора.
 Ошибки въ языкѣ тебя волнуютъ шибко,
 Межъ тѣмъ, вся жизнь твоя есть странная ошибка.
 Вѣдь въ книгахъ проку нѣтъ, — ты лучше ихъ сожги,
 И только одного Плутарха береги:
 Мои воротнички на немъ отлично гладить; —
 Съ наукой же оставь однимъ ученымъ ладить.
 Затѣмъ, распорядись, почтеннѣйшая, чтобъ
 Убрали съ чердака твой длинный телескопъ,
 Котораго пугаются зѣваки;
 И чѣмъ луну разсматривать во мразѣ,
 Ты оглянись кругомъ и — вѣрно, цѣлый домъ
 Идетъ вверхъ дномъ...
 Нѣтъ, каждой женщинѣ внушить бы нужно строго:
 Учись, да не заучивайся много,
 Воспитывай дѣтей, долгъ матери неси,
 Въ хозяйствѣ каждый грошъ на черный день паси,

Забывъ о томъ, что значить лѣнь и скука, —
 Вотъ философія и женская наука.
 Не дурно бы примѣръ намъ съ нашихъ предковъ взять:
 Они искали въ жены не всезнайку,
     А ловкую хозяйку,
 Довольствуясь и тѣмъ, чтобъ отличать
     Жена могла отъ панталонъ фуфайку.
 Жизнь нашихъ бабушекъ безъ книги спокойно шла,
 Ихъ воспитаніемъ одно хозяйство было,
 А библиотекой — напѣрстокъ, да игла,
     Чтобъ дочерямъ приданое мать шила,
 Да штопала чулки, избравъ благую часть.
 А нынче?.. Женщины съ усердіемъ упрямымъ
 Пустились сочинять, чтобъ въ авторы попасть;
 Къ ученой болтовнѣ у нихъ явилась страсть,
     Особенно... вотъ въ этомъ домѣ самомъ.
 Здѣсь знаютъ то, чего и знать нельзя:
 Всѣ тайны на небесной нашей сферѣ,
 Всю подноготную на Марсѣ и Венерѣ,
     И, голову свою загромоздя
 Чортъ знаетъ чѣмъ, подумать не желаютъ —
 Какой тамъ для меня обѣдъ приготовляють.
 Прислуга же, — звони хоть десять лѣтъ —
 Сидитъ за книжкой, барынѣ въ угоду,
 И разсуждать у насъ вошло въ такую моду,
     Что для разсудка мѣста больше нѣтъ.
 Я ѣсть хочу, а поваръ мой читаетъ;
 Хочу я пить — слуга стихи кропаетъ,
     И я, въ концѣ-концовъ, имѣя слугъ,
 Не вижу никогда отъ нихъ услугъ...
 Одна мнѣ бѣдная служанка оставалась,
 Проказой вашею она не заражалась,
     Но и ее прогнали за порогъ
 За то, что не дался изысканный ей слогъ.
 Не нравится, сестра, такой мнѣ безпорядокъ, —
 Замѣть, что я во всемъ виню тебя одну, —
 Латынщиковъ твоихъ я день и ночь кланю,
 А этотъ Триссотень особенно мнѣ гадокъ:
 Своими виршами онъ отуманилъ васъ;
 Безъ ерунды двухъ словъ онъ никогда не свяжетъ,
     А если что и свяжетъ,
 Такъ видно полоумнаго сейчасъ.

ФИЛАМИНТА.

И мысль пошла, и пошло изложение!

БЕЛИЗА.

Въ одномъ лицѣ найдется-ль гдѣ-нибудь
 Мѣщанской узкости такой соединенье?
 Ужель я одного съ тобой происхожденья?
 Ты братъ мой? Нѣтъ, и думать позабудь.
 Мнѣ стыдно говорить съ тобой.

Уходитъ.

СЦЕНА VIII.

ТѢ ЖЕ, безъ Белизы.

ФИЛАМИНТА.

Желаешь

Еще пустить стрѣлу?

КРИЗАЛЬ.

Я? Нѣтъ. Коль позволяешь,
 Сведу я на другое разговоръ.
 Дочь наша старшая на бракъ глядитъ сурово,
 И я о ней ни слова:
 Умъ философскій въ ней былъ видѣнъ съ давнихъ поръ,
 И ты ее отлично воспитала;
 Но Генріотта съ ней имѣть сходства мало,
 И выбрать мужа ей, мнѣ кажется, пора.

ФИЛАМИНТА.

Я думала объ этомъ не вчера,
 И вотъ мой планъ, до сихъ поръ тайной бывшій.
 Тотъ самый Триссотень, тебѣ не угодившій,
 Котораго ты ставишь намъ въ упрекъ,
 Мной выбранъ ей въ мужа. Конечно, могъ
 О немъ ты думать, что тебѣ угодно,
 Но я его узнала превосходно,
 А потому со мной ты лучше и не спорь
 И съ дочерью пова меня не ссорь:
 Въ ея согласи я почти не сомнѣваюсь
 И съ ней сама поговорить собираюсь;
 Тебя-жь прошу молчать...

Уходитъ.

СЦЕНА IX.

КРИЗАЛЬ и АРИСТЪ.

АРИСТЪ.

Ну, что? Ушла жена?
Ты съ нею говорилъ? Что думаетъ она?

КРИЗАЛЬ.

Она-то?

АРИСТЪ.

Отвѣчай! Ну, что же—въ шляпѣ дѣло?
Согласна?

КРИЗАЛЬ.

Не совсѣмъ.

АРИСТЪ.

И слышать не хотѣла?

КРИЗАЛЬ.

Не то!

АРИСТЪ.

Колелется? Была одна изъ сценъ?

КРИЗАЛЬ.

Не то!

АРИСТЪ.

Такъ что же?

КРИЗАЛЬ.

Зять другой есть на примѣгъ.

АРИСТЪ.

Другой?

КРИЗАЛЬ.

Вотъ именно.

АРИСТЪ.

Таеъ кто же?

КРИЗАЛЬ.

Триссотень.

АРИСТЪ.

Какъ? Триссотень?

КРИЗАЛЬ.

Который всѣмъ на свѣтѣ
Латынью и стихами надоѣлъ.

АРИСТЪ.

Не согласился ты?

КРИЗАЛЬ.

О, нѣтъ, избави Боже!

АРИСТЪ.

Протестовалъ?

КРИЗАЛЬ.

Положимъ, не успѣлъ,
Но своего согласья не далъ все же.

АРИСТЪ.

И это хорошо. Шагъ все-таки впередъ,
Но о Клитандрѣ ты сказала ей въ свой чередъ?

КРИЗАЛЬ.

Нѣтъ, выслушавъ жену свою, признаться,
За лучшее я счелъ о немъ не заикаться.

АРИСТЪ.

Ну, осторожностью ты можешь удивить,
Но тамъ, гдѣ нужно волю проявить,
Нѣтъ у тебя ни силы, ни сноровки.
Не стыдно ли настолько слабымъ быть,
Что можетъ женщина вить изъ тебя веревки?

КРИЗАЛЬ.

Все это вѣрно, братъ,
Но шума всякаго боюсь я очень; страстно
Люблю я тишину, въ раздорахъ вижу адъ,
Жена же въ гнѣвѣ просто мнѣ ужасна.
Хоть книжной мудростью и чванится она,
Но злость отъ этого не меньше въ ней сильна;
Ея мораль строга—мы это всѣ слышали,
Но желчь расходится,—и къ чорту всѣ морали.
Коль ей не угрожу, такъ Боже упаси,
Тогда хоть всѣхъ святыхъ изъ дома выноси,

И отъ домашняго дракона, кромѣ шутокъ,
Скрываюся иногда по нѣсколько я шутокъ,
А между тѣмъ въ глаза, всё чувства затая,
Я долженъ говорить — «мой другъ», «душа моя»...

АРИСТЪ.

Поди! Все это вздоръ. Скажу тебѣ я прямо:
Ты трусь, вотъ почему жена твоя упряма,
И видя, что успѣлъ ты въ работѣнство упасть,
На слабости твоей основываетъ власть.
Ты за носъ самъ водить себя даль право;
Ты виноватъ во всемъ, а не жена неправя,
И бѣдуря твоей тебѣ я не прощу.
Нѣтъ, съ духомъ соберись; хотъ только разъ единый
Власть женщины страхни и сдѣлайся мужчиной,
Сказавъ настойчиво и смѣло: я хочу!..
Неужто дочерью, какъ самый трусь послѣдній,
Готовъ ты жертвовать изъ-за семейныхъ бредней,
И состояніе глупцу отдать готовъ
Ты за подюжину его латинскихъ словъ,
Глупцу, котораго съ энтузіазмомъ дивимъ
Привыкла называть твоя жена
Поэтомъ и философомъ великимъ?
Нѣтъ, роль твоя жалка и такъ смѣшна,
Что всё тебя поднять на смѣхъ скоро.

КРИЗАЛЬ.

Да, да, ты правъ; достоинъ я укора...
Мнѣ нужно, навонецъ, власть мужа показать.

АРИСТЪ.

Отлично сказано.

КРИЗАЛЬ.

Безчестно сознавать
Себя рабомъ жены.

АРИСТЪ.

Ты правъ.

КРИЗАЛЬ.

Она ехидно
Умѣла пользоваться кротостью моею.

АРИСТЪ.

Сомнѣнья въ этомъ нѣтъ.

БРИЗАЛЬ.

Шутила такъ обидно
Надъ добротой моей.

АРИСТЪ.

Конечно.

БРИЗАЛЬ.

И, ей-ей,
Я власть свою сегодня докажу же
И выберу для Генріэтты мужа.

АРИСТЪ.

Вотъ молодецъ! Ты будь такимъ всегда.

БРИЗАЛЬ.

Клитандра адресъ знаешь ты? Такъ мигомъ
Ступай за нимъ и привези сюда.

АРИСТЪ.

Бѣгу, лечу!

БРИЗАЛЬ.

Довольно жить подъ игомъ:
До этихъ поръ—ни мужъ я, ни отецъ...
Пора же стать женщиной, наконецъ!..

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

ФИЛАМИНТА, АРМАНДА, БЕЛИЗА, ТРИССОТЕНЬ и ЛЕПИНЬ.

ФИЛАМИНТА.

Мы выберемъ, удобный уголокъ,
Чтобъ выслушать стихи отъ слова и до слова.

АРМАНДА.

Я жажду слушать ихъ.

БЕЛИЗА.

Я умереть готова

Отъ ожиданія.

ФИЛАМИНТА—Триссотену.

Все ваше—мысль и слогъ—

Очаровательны.

АРМАНДА.

Восторгъ и наслажденье!

БЕЛИЗА.

Для слуха моего нѣтъ выше упоенья.

ФИЛАМИНТА.

Такъ не томите же, пожалуйста, вы насъ!

АРМАНДА.

Не медлите!

БЕЛИЗА.

Молю! На этотъ разъ

Не мучайте насъ долго...

ФИЛАМИНТА.

Въ эпиграммѣ

Осмѣйте нетерпѣнье наше сами.

ТРИССОТЕНЬ—Филаминтѣ.

Мое новорожденное дитя

Должно, сударыня, въ васъ пробудить участие!

Родиться въ свѣтъ оно имѣло счастье
Въ гостиной вашей и...

ФИЛАМИНТА.

И не шута
Оно мнѣ дорого: его отца я знаю.

ТРИССОТЕНЬ.

А ваше одобренье, полагаю,
Ему замѣнить мать.

БЕЛИЗА.

О, что за умъ!

СЦЕНА П.

ТЪ ЖЕ и ГЕНРИЭТТА.

ФИЛАМИНТА—Генриэттъ.

Куда?

Постой же уходить.

ГЕНРИЭТТА.

Явилась я не въ пору
И не хочу мѣшать такому разговору
Пріятному.

ФИЛАМИНТА.

Останься. Никогда
Чудесь подобныхъ ты, навѣрно, не слыхала.

ГЕНРИЭТТА.

Въ поэзіи я смыслю очень мало.

ФИЛАМИНТА.

Пустое! Объясню я въ пять минутъ,
Чего ты не поймешь.

ТРИССОТЕНЬ—Генриэттъ.

Ученый всякій трудъ
Вы оставляете, я вижу, безъ вниманья.
Вамъ свойственъ лишь одинъ талантъ очарованья.

ГЕНРИЭТТА.

Въ послѣднемъ вы ошиблись.

ВЕЛИЗА.

Господа,
Къ новорожденному, пожалуйте, вернемся.

ФИЛАМИНТА—Лепину.

Мы състь хотимъ, дай вресла намъ сюда.

Лепинъ падаетъ.

Взгляните на глупца, съ которымъ всѣ мы бьемся!

До этихъ поръ ужель ты не имѣлъ
Понятія о равновѣсїи тѣлъ?

ВЕЛИЗА.

Чѣмъ объяснишь ты намъ свое паденье?
Ты центру тяжести дозволилъ уклоненье,
А потому и на полъ полетѣлъ.

ЛЕПИНЪ.

Когда упалъ, я понялъ это.

ФИЛАМИНТА—уходящему Лепину.

Олухъ!

Мнѣ стыдно за подобнаго осла.

ТРИССОТЕНЪ.

Какъ счастливъ вашъ слуга, что онъ не изъ стекла.

АРМАНДА.

Что за находчивость!

ВЕЛИЗА.

Въ острѣтахъ и уколахъ

Неистоцимъ!

Садятся.

ФИЛАМИНТА.

Итакъ, вы намъ должны
Задать роскошный пиръ: мы ожидаемъ чуда.

ТРИССОТЕНЪ.

Мнѣ кажется, вы слишкомъ голодны,
Чтобъ изъ восьми стиховъ единственное блюдо
Могло насытить васъ, а потому не худо

Я сдѣлаю, расширивъ свой обѣдъ,
И съ эпиграммою соединю сонетъ:
Его я написалъ въ альбомъ одной принцессы,
Которая стихи не знала какъ хвалить;

Надѣюсь, что и вы найдете, можетъ быть,
Аттическую соль въ моей альбомной пьесѣ.

АРМАНДА.

Сомнѣнья въ этомъ нѣтъ!

ФИЛАМИНТА.

Мы чтенья жадно ждемъ.

БЕЛИЗА—перерывая Триссотена каждый разъ,
какъ онъ собирается читать.

Волненіе свое скрываю я съ трудомъ.
Повзя меня всегда съ ума сводила,
Особенно, когда въ стихахъ я находила
Изыщество... Но можно угадать...

ФИЛАМИНТА.

Онъ не начнетъ сонета,
Пока мы будемъ всѣ его перерывать.

ТРИССОТЕНЬ.

Соне...

БЕЛИЗА.

Потише, Генріэтта!

АРМАНДА.

Ахъ, дайте-жъ, наконецъ, ему читать!

ТРИССОТЕНЬ.

Сонетъ принцесса Уранія
на ея михорадку ¹⁾:

Вы вашу мудрость усыпите,
Иначе-бъ ночью или днемъ
Вы благосклонно не впустили
Врага закатаго въ свой домъ.

БЕЛИЗА.

Въ началѣ изумительное что-то!

¹⁾ Этотъ сонетъ находится въ „Oeuvres galantes en prose et en vers de M. Co-
tin“. Etienne Loyson, Paris, 1663. Онъ озаглавленъ: „Sonnet à mademoiselle de
Longueville à présent duchesse de Nemours, sur sa fièvre“.

АРМАНДА.

Нельзя придумать лучше оборота.

ФИЛАМИНТА.

По граціи стиха вы лучший нашъ поэтъ!

АРМАНДА.

Вы мудрость усыпили... Безподобно!

БЕЛИЗА.

Врага заклятого, — какъ тонко и какъ злобно
Дается тутъ изысканный совѣтъ.

ФИЛАМИНТА.

Въ словахъ же: *благоклонно не впустили* —
Какой сарказмъ и благородство въ стилѣ.

БЕЛИЗА.

Но будемъ слушать далѣе сонетъ.

ТРИССОТЕНЪ.

Вы вашу мудрость усыпили,
Иначе-бъ, ночью, или днемъ
Вы благоклонно не впустили
Врага заклятого въ свой домъ.
Толкайте жъ гостей вашу, или
Не много будетъ толку въ томъ,
Что завершите вѣчнымъ сномъ
Вы жизнь прекрасную въ могилѣ.

БЕЛИЗА.

Чудесно! дайте мнѣ, пожалуйста, вздохнуть.

АРМАНДА.

Позвольте не спѣша намъ насладиться.

ФИЛАМИНТА.

Я чувствую, какъ замираетъ грудь
Отъ этихъ строфъ и голова кружится.

АРМАНДА.

Толкайте жъ гостей вашу, или
Не много будетъ толку въ томъ...

Какъ ловко и съ какимъ умомъ
Метафору вы здѣсь употребили!

ФИЛАМИНТА.

Толкайте жъ гостю вашу, или...

Ахъ, это—геніально-смѣлый стихъ!

АРМАНДА.

Великія слова! Я безъ ума отъ нихъ!

БЕЛИЗА.

Не говори! Восторгъ и восхищенье!..

АРМАНДА.

Сама такъ написать желала бы я страхъ!

БЕЛИЗА.

Стихъ этотъ стоить цѣлаго творенья!

ФИЛАМИНТА.

Но красоту такого выраженья
Поймутъ ли всѣ?

АРМАНДА и БЕЛИЗА.

Ахъ! ахъ!

ФИЛАМИНТА.

Толкайте гостю вашу, или
Не много толку будетъ въ томъ...

Другіе что-бъ ни говорили,
Но въ этихъ двухъ строкахъ прочла я цѣлый томъ.

БЕЛИЗА.

Глубокъ ихъ смыслъ; вполне согласна въ томъ.

ФИЛАМИНТА.

Когда очаровательное *или*
Пришло вамъ въ голову, могли ли
Вы сами оцѣнить тогда, что тьма
Таланта въ немъ, и силы, и ума?

ТРИССОТЕНЪ.

Гмъ!..

АРМАНДА.

А межъ тѣмъ, какая скрыта злоба
Въ двухъ строчкахъ! Выразиться можно ли острѣй?

ФИЛАМИНТА.

Блистательны четверостишья оба;
Но перейдемъ къ трехстишьямъ скорѣй.

АРМАНДА.

Ахъ, еслибы еще вы повторили.

ТРИССОТЕНЪ.

Чтобъ вышелъ толкъ—толкните, или...

АРМАНДА, БЕЛИЗА и ФИЛАМИНТА.

Ахъ, это *или, или, или!*

ТРИССОТЕНЪ.

Не много будетъ толку въ томъ,
Что завершите вѣчнымъ сномъ
Вы жизнь прекрасную въ могилѣ!..

АРМАНДА, БЕЛИЗА, ФИЛАМИНТА.

Ахъ! *Жизнь прекрасную въ могилѣ!..*

ТРИССОТЕНЪ.

Какъ? Васъ она терзаетъ, жжетъ,
Кровь воспаляетъ,—безъ заботъ
О вашихъ прелестяхъ и санѣ?
Идите-жъ въ ванну съ ней, и тамъ
Безъ словъ, приравъ ее къ рукамъ,
Нахалку утопите въ ваннѣ.

ФИЛАМИНТА.

Что можетъ выше быть?

БЕЛИЗА.

Сравненье съ чѣмъ найдешь?

АРМАНДА.

Отъ наслажденія, какъ-будто, умираешь.

ФИЛАМИНТА.

Испытываешь сладостную дрожь,
А почему—сама не знаешь.

АРМАНДА.

Идите-жъ въ ванну съ ней, и тамъ...

БЕЛИЗА.

Безъ словъ, прибравъ ее къ рукамъ...

ФИЛАМИНТА.

Нажалку утопите въ ваннѣ!..

АРМАНДА.

У васъ въ стихахъ, что слово, то алмазь.

БЕЛИЗА.

Гуляешь въ нихъ, какъ въ рошѣ ароматной...

ФИЛАМИНТА.

По драгоценностямъ ступая каждый разъ.

ТРИСОТЕНЪ.

Итакъ, сонеть...

ФИЛАМИНТА.

Сюрпризъ для насъ пріятный.
Въ такихъ созданіяхъ соперниковъ вамъ нѣтъ.

БЕЛИЗА—Генріэттѣ.

Одну тебя не взволновалъ сонеть.
Ты странный видъ имѣешь, Генріэтта.

ГЕНРИЭТТА.

Ахъ, тетуська, у всякаго свой видъ,
И каждому нельзя имѣть талантъ поэта.

ТРИСОТЕНЪ.

Васъ чтеніе мое, скажите, не гнѣвить?

ГЕНРИЭТТА.

Нисколько. Я не слушаю.

ФИЛАМИНТА—Триссотену.

Но сами
Хотѣли перейти вы въ эпиграммѣ.

ТРИССОТЕНЬ.

На новую карету,
подаренную одной дамъ дружомъ ея сердца ¹⁾).

ФИЛАМИНТА.

Въ заглавіяхъ всегда онъ чѣмъ-нибудь блеснетъ.

АРМАНДА.

Ихъ новизна сулитъ намъ множество острогъ.

ТРИССОТЕНЬ.

Любовь не дешева,—скажу вамъ по секрету...

ФИЛАМИНТА, АРМАНДА и ВЕЛИЗА.

Ахъ!

ТРИССОТЕНЬ.

Чтобъ каждый день Ланса кучера
Спѣшили заложить блестящую карету,
Имѣніе свое я заложилъ вчера.

ФИЛАМИНТА.

Неподражаема двухъ этихъ словъ игра!

ТРИССОТЕНЬ.

Наслѣдства своего не сберегая,
Могу я промотаться до нага.
Ахъ, для меня Ланса дорогая —
Во всякомъ смыслѣ очень дорога ²⁾).

АРМАНДА.

О, это сверхъ всѣхъ нашихъ ожиданій!

ФИЛАМИНТА.

Онъ создалъ новый родъ плѣнительныхъ посланій!

¹⁾ Эта эпиграмма помѣщена въ томъ же сборникѣ, гдѣ напечатанъ сонетъ. Она носитъ названіе: „*Sur un carrosse de couleur amarante acheté pour une dame, Madrigale*“.

²⁾ Въ оригиналѣ эпиграмма вѣрится на непереводимой игрѣ словъ: *amarante* и *à ma rente*.

БЕЛИЗА.

Могу я промотаться до вага.
 Ахъ, для меня Ланса дорогая
 Во всякомъ смыслѣ очень дорога!!

ФИЛАМИНТА.

Не знаю, противъ васъ была-ль когда-нибудь
 Я восстановлена, но къ вашимъ сочиненьямъ
 Всегда я относилась съ восхищеньемъ.

ТРИССОТЕНЪ.

Восторгъ и въ насъ могли бы вы вдохнуть,
 Рѣшившись прочесть намъ для финала
 Произведенья вашего пера.

ФИЛАМИНТА.

Мнѣ не знакома ризомъ блестящая игра,
 Стиховъ я не пишу, но сильно бы желала
 На дняхъ, подружески, прочесть вамъ восемь главъ
 О женской академіи — планъ цѣлый —
 Въ защиту женщинъ всѣхъ и попоранныхъ ихъ правъ.
 Еще Платонъ въ полетѣ мысли смѣлой
 На этотъ планъ вниманье обратилъ
 Въ трактатѣ о Республикѣ. Сама же
 Я думаю, по мѣрѣ средствъ и силъ,
 Развить проектъ. Невыносима даже
 Несправедливость та, съ которой не хотятъ
 На здравый смыслъ намъ выдать аттестатъ,
 Стараются убить въ насъ высшія стремленья
 И мѣста не даютъ намъ въ храмѣ просвѣщенья.

АРМАНДА.

Поддерживая мысль въ досужихъ головахъ,
 Что разсуждать способны мы прекрасно
 О выеройкахъ однихъ и модныхъ кружевахъ,
 Не значить-ли насъ оскорблять ужасно?

БЕЛИЗА.

Такому мнѣнію должны мы дать отпоръ
 И снять съ себя безславный приговоръ.

ТРИССОТЕНЪ.

Я, какъ повлонникъ дамъ, до нынѣ имъ остался.
И если блескомъ глазъ ихъ часто любовался,
То блескомъ ихъ ума былъ восхищенъ всегда.

ФИЛАМИНТА.

И этимъ каждая изъ насъ была горда;
Но многимъ умникамъ, которые съ презрѣньемъ
Глядятъ на насъ, мы довазать хотимъ,
Что намъ въ наукѣ все доступно, какъ и имъ;
Что женщины одарены умѣньемъ
Ученныя собранья составлять
И въ нихъ порядокъ строгій соблюдать:
Соединять достоинство съ свободой,
Науки высшія съ изящнымъ языкомъ;
Посредствомъ опытовъ знакомиться съ природой
И людямъ партій всякихъ — о какомъ
Вопросѣ рѣчь зайдетъ — дать право безъ смущенья
Высказывать тѣ, иль другія мнѣнья.

ТРИССОТЕНЪ.

На вашихъ преніяхъ, безъ всякаго сомнѣнья,
Стоялъ бы я за перипатетизмъ.

ФИЛАМИНТА.

А я за платонизмъ.

АРМАНДА.

Я Эпикуромъ больше увлекаюсь.

БЕЛИЗА.

Мириться съ пустотою я боюсь
И тѣмъ охотнѣе къ матеріи склоняюсь.

ТРИССОТЕНЪ.

Во многихъ мнѣніяхъ съ Декартомъ я схожусь.

АРМАНДА.

Я вихри у него люблю.

ФИЛАМИНТА.

Предпочитаю
Главу о звѣздахъ падающихъ.

АРМАНДА.

Я

О нашей академіи мечтаю,
Гдѣ, что-нибудь открывъ, изобрѣти,
Прославиться могу я не шута.

ТРИССОТЕНЬ.

Узнавши васъ, мнѣ это ясно стало:
Во всей природѣ тайнъ для васъ осталось мало.

ФИЛАМИНТА.

А о себѣ скажу, и въ этомъ вѣрите мнѣ:
Я жителей открыла на лунѣ.

БЕЛИЗА.

Я ихъ не видѣла — въ томъ увѣрять напрасно,
Но башни на лунѣ я разглядѣла ясно.

АРМАНДА.

Науку посвятивъ себя вполне,
Мы въ философіи найдемъ отдохновенье.

ФИЛАМИНТА.

Въ исторіи послѣдней есть черты
Плѣнительныя. Сколько красоты
Въ любви философовъ!.. Но нынче предпочтенье
Я стойкамъ открыто отдаю:
Великій ихъ мудрецъ достоинъ удивленья.

АРМАНДА.

Еще одинъ проектъ отъ васъ не утаю:
Готовимъ въ языкѣ большія мы реформы.
Не вынося въ немъ многихъ словъ дурныхъ,
Произнесемъ имъ смертный приговоръ мы
На засѣданіяхъ своихъ,
Подвергнемъ ихъ всѣмъ строгостямъ гоненья
И прозу и стихи избавимъ навсегда
Отъ ихъ употребленья.

ФИЛАМИНТА.

Но выше и похвальнѣй нѣтъ труда,
Чтобъ нашу академію прославить,

Какъ предпріятіе—оно въ моихъ рукахъ—

Которое въ вѣкахъ

Намъ можетъ имя громкое составить:

Избавимъ мы языкъ отъ грязныхъ всѣхъ слоговъ,

Марающихъ языкъ посредствомъ эвживоковъ,

Дмуслысленностей сальныхъ и намѣковъ.

Мы ихъ считать привыкли за враговъ

Всѣхъ женщинъ цѣломудренныхъ и скромныхъ.

ТРИССОТЕНЬ.

Проекты мудрыя; и слава вамъ и честь.

БЕЛИЗА.

Мы думаемъ на дняхъ вамъ свой уставъ прочесть.

ТРИССОТЕНЬ.

Я отъ него достоинствъ жду огромныхъ.

АРМАНДА.

Мы будемъ судьями единственными всѣхъ

Въ стихахъ и прозѣ новыхъ сочиненій,

Таки что отъ смысла нашихъ только мнѣній

Зависѣть будетъ ихъ успѣхъ, или неуспѣхъ;

Но, строгія въ другимъ, мы, вѣрныя программѣ,

За лучшихъ авторовъ себя признаемъ сами.

СЦЕНА III.

ТЪ ЖЕ и ЛЕПИНЪ.

ЛЕПИНЪ—Триссотену.

Какой-то господинъ желаетъ видѣть васъ;

Весь въ черномъ, говорить онъ тихо...

Всѣ встать.

ТРИССОТЕНЬ.

Это, вѣрно,

Ученый тотъ, мой другъ, который много разъ

Представиться желалъ вамъ.

ФИЛАМИНТА.

О, безмѣрно

Мы рады этому; вашъ другъ—намъ тоже другъ.

Триссотень уходитъ.

СЦЕНА IV.

ФИЛАМИНТА, АРМАНДА, БЕЛИЗА и ГЕНРІЮТТА.

ФИЛАМИНТА.

Принять его должны почётно мы въ свой кругъ.

Генріюттѣ, которая хочетъ уйти.

Постой же! я тебѣ сказала, — безъ сомнѣнья
Ты слышала.

ГЕНРІЮТТА.

Но для какихъ же дѣлъ?

ФИЛАМИНТА.

Узнаешь скоро все. Минуточку терпѣнья.

СЦЕНА V.

ТЪ ЖЕ, ТРИССОТЕНЪ и ВАДИУСЪ.

ТРИССОТЕНЪ.

Вотъ человекъ, который весь сгорѣлъ
Желаніемъ свести знакомство съ вами,
И, смѣю думать я, что удалось сыскать
Мнѣ собесѣдника, достойнаго блистать
Межъ вашими высокими умами.

ФИЛАМИНТА.

Вашъ выборъ цѣнимъ мы.

ТРИССОТЕНЪ.

Онъ занятъ цѣлымъ вѣкъ,
Всѣхъ древнихъ классиковъ цитируетъ свободно
И говорить по-гречески, какъ грекъ.

ФИЛАМИНТА—Белизѣ.

По-гречески, сестра, онъ знаетъ! превосходно!

БЕЛИЗА—Армандѣ.

По-гречески, Арманда!

АРМАНДА.

Онъ великъ!

ФИЛАМИНТА.

О, знайте, такъ люблю я греческій языкъ,
Что васъ обнять по-дружески желаю.

Вадіусъ обнимаетъ Белву и Арманду.

ГЕНРИЭТТА—Вадіусу, который хочетъ обнять и ее.

Позвольте,—право, я по-гречески не знаю.

Всѣ садятся.

ФИЛАМИНТА.

Въ восторгѣ я отъ греческихъ творцовъ.

ВАДІУСЪ.

Боюсь, сударыня, что я въ концѣ-концовъ
Наскучу вамъ тѣмъ жаромъ неподдѣльнымъ,
Который на поклонъ привелъ меня сюда.
Быть можетъ, помѣшалъ я разговорамъ дѣльнымъ?

ФИЛАМИНТА.

Вы, зная греческій языкъ! О, никогда!..

ТРИССОТЕНЪ—указывая на Вадіуса.

Къ тому же, онъ въ стихахъ и прозѣ—просто чудо!
Поэта лучшаго не знаю я повуда.

ВАДІУСЪ.

У многихъ авторовъ главнѣйшій ихъ порогъ,—
Переступивъ черезъ чужой порогъ,
Въ толпѣ, иль во дворцѣ, безъ всякаго стѣсненья
Читать снотворныя свои произведенья.

По-моему, злосчастнѣй нѣтъ пѣвца,
Поймавшаго врасплохъ довѣрчивыя уши
И въ потѣ своего усталого лица
Терзающаго ихъ наборомъ всякой чуши.

Я глупостью такой не зараженъ,
И греку одному въ томъ слѣдую, обычно
Поставившему всѣмъ философамъ въ законъ—
Въ Аѳинахъ не читать трудовъ своихъ публично;
Но вамъ охотно я прочту стишки одни,
Чтобъ знать, достойны ли вниманія они.

ТРИССОТЕНЪ.

Въ стихахъ соперниковъ найдете вы едва-ли.

ВАДУСЪ.

А ваши—граціи вамъ, будто, дигтовали.

ТРИССОТЕНЪ.

У васъ что ни строка, то бриліантъ.

ВАДУСЪ.

У васъ самихъ блистательный талантъ.

ТРИССОТЕНЪ.

Въ эклогахъ вы сильнѣй, вамъ признаюсь по чести,
Виргилія и Теокрита вмѣстѣ.

ВАДУСЪ.

А благородный тонъ блестящихъ вашихъ одъ?
Тутъ и Горацій самъ въ сравненіе нейдетъ.

ТРИССОТЕНЪ.

А что милѣе вашихъ шансонетокъ?

ВАДУСЪ.

Сонеты ваши! сколько въ нихъ души!

ТРИССОТЕНЪ.

А въ маленькихъ рондо какъ всякій стихъ вашъ мѣтокъ!

ВАДУСЪ.

Какъ ваши мадригалы хороши!

ТРИССОТЕНЪ.

А вы въ балладѣ выше подражанья.

ВАДУСЪ.

Въ экспромтахъ вы достойны обожанья.

ТРИССОТЕНЪ.

Когда бы Франція могла вамъ цѣну знать...

ВАДУСЪ.

И еслибъ геніевъ умѣли мы вѣнчать...

ТРИССОТЕНЬ.

Возили-бъ васъ въ каретѣ триумфальной...

ВАДУСЪ.

Вамъ монументъ воздвигли-бъ колоссальный.

Ахъ, встать... о балладѣ. Мнѣ пора
Знать ваше мнѣніе. Какіе недостатки...

ТРИССОТЕНЬ—перебивая его.

Читали вы сонетъ о лихорадкѣ
Ураніи?

ВАДУСЪ.

Да, въ обществѣ одномъ вчера
Читали мнѣ его.

ТРИССОТЕНЬ.

И автора сонета

Вы знаете?

ВАДУСЪ.

Не знаю. Только это
Извѣстно мнѣ, что очень плохъ сонетъ.

ТРИССОТЕНЬ.

Имъ восхищается, однако, высшій свѣтъ.

ВАДУСЪ.

Но, тѣмъ не менѣе, онъ стѣбитъ сожалѣнья,
Въ чемъ убѣдитесь вы и сами по прочтеніи.

ТРИССОТЕНЬ.

Едва-ли, я о немъ имѣю взглядъ такой,
Что писанъ онъ рукою мастерской.

ВАДУСЪ.

Избави Богъ меня отъ мастерства таковаго!

ТРИССОТЕНЬ.

На мнѣніи своемъ настаиваю снова:
Сонетъ написанъ мной; я самъ его творецъ.

ВАДУСЪ.

Вы?

ТРИССОТЕНЬ.

Я.

ВАДУСЪ.

Да какъ же такъ случилось, наконецъ?

ТРИССОТЕНЬ.

Не угодилъ я вамъ, мнѣ очень неприятно.

ВАДУСЪ.

Я былъ вчера разсѣянъ, вѣроятно,
Иль чтець былъ плохъ. Забудьте мой уворъ:
Къ балладѣ собственной клонилъ я разговоръ.

ТРИССОТЕНЬ.

Баллады, кажется, давно уже не въ модѣ—
И пошло сочинять стихи въ подобномъ родѣ.

ВАДУСЪ.

Но все же есть любители балладъ.

ТРИССОТЕНЬ.

А я на нихъ другой имѣю взглядъ.

ВАДУСЪ.

Отъ этого онѣ не сдѣлаются хуже.

ТРИССОТЕНЬ.

Педанты одобряютъ только ихъ.

ВАДУСЪ.

Такъ вамъ не одобрять ихъ почему же?

ТРИССОТЕНЬ.

Нельзя-ли качествъ собственныхъ своихъ
Мнѣ глупо не навязывать...

Всѣ встанутъ.

ВАДУСЪ.

Однако,

Вы сами нагло дѣйствуете такъ...

ТРИССОТЕНЬ.

Молчи, пачкунъ, бессмысленный писака!

ВАДУСЪ.

Прочь, виршеплётъ, кривляка изъ кривлякъ.

ТРИССОТЕНЬ.

Литературный воръ!

ВАДУСЪ.

Педантишка!

ФИЛАМИНТА.

О, Боже!

Постойте, господа! На что-жь это похоже?

ТРИССОТЕНЬ—Вадусу.

Ступай и возврати, безстыдный шарлатанъ,
Все, что укралъ у грековъ и римлянъ.

ВАДУСЪ.

Покайся предъ Парнасомъ, если можно,
Что ты Горація коверкалъ такъ безбожно.

ТРИССОТЕНЬ.

Припомни книгу собственную ты,
Гдѣ не разрѣзаны никѣмъ еще листы.

ВАДУСЪ.

Припомни о своемъ книгопродавцѣ прежде,
Который отъ тебя въ больницу даже слѣгъ.

ТРИССОТЕНЬ.

Извѣстности моей не подточить невѣждѣ.

ВАДУСЪ.

Такъ автора «Сатиръ» ¹⁾ припомни, мой дружокъ!

ТРИССОТЕНЬ.

Ты тоже не забудь.

ВАДУСЪ.

Меня онъ уважаетъ,
И въ этомъ убѣжденъ, хотя и задѣваетъ
Онъ, мимоходомъ, кончикомъ пера
Меня съ извѣстными любимцами двора,

¹⁾ Буало.

А ты, какъ образецъ и цвѣтъ писака бездарныхъ,
Сталъ жертвой вѣчною остротъ его коварныхъ ¹⁾.

ТРИССОТЕНЬ.

Но развѣ этимъ я не вознесенъ?
Тебя, какъ жалкаго, съ толпой мѣшаетъ онъ,
Однимъ ударомъ на смерть поражая, —
Меня же, какъ борца съ талантомъ уважая,
Съ которымъ нужно силы напрягать,
Разить онъ для того, чтобъ снова поражать,
Доказывая этимъ очень ясно,
Что побѣдить меня старается напрасно.

ВАДУСЪ.

Печатно я хочу помѣряться съ тобой.

ТРИССОТЕНЬ.

Еще почувствуешь ты руку Триссотена!

ВАДУСЪ.

Я въ прозѣ и стихахъ зову тебя на бой.

ТРИССОТЕНЬ.

Мы встрѣтимся другъ съ другомъ у Барбена! ²⁾

СЦЕНА VI.

ТЪ ЖЕ, безъ ВАДУСА.

ТРИССОТЕНЬ.

За увлеченіе простите вы меня.
Вашъ взглядъ на мой сонетъ, сударыня, цѣня,
Нападковъ я не могъ оставить безъ отвѣта.

ФИЛАМИНТА.

Хотѣлось бы мнѣ успокоить васъ...
Забудемъ этотъ споръ. Послушай, Генріэтта!
Я съ болью сердца думала не разъ,
Что умъ развить твой слишкомъ мало,
И я тебѣ лекарство приискала.

¹⁾ Извѣстно, что въ личности Триссотена Мольеромъ изображенъ аббатъ Котэнъ.

²⁾ Книгопродавецъ того времени.

ГЕНРИЭТТА.

Напрасный трудъ вы взяли на себя.
 Я на ученныя бесѣды неспособна
 И, надъ собой усилій не любя,
 Не мудрствуя, могу прожить удобно;
 Я честолюбья вашего чужда
 И лучше дурочкой останусь навсегда,
 Чѣмъ голову ломать напрасно буду,
 Придумывая острое словцо.

ФИЛАМИНТА.

И это говоришь ты матери въ лицо?
 Такъ значить, я за дочь краснѣть должна повсюду?
 Послушайся меня и разсуди сама,
 Что внѣшней красоты минутно обаянье:
 Цвѣтотъ сорвутъ и — нѣтъ благоуханья.
 Вся сила женщины лишь въ красотѣ ума,
 Которую не заглушаютъ годы,
 Несчастья и житейскія невзгоды.
 Давно искала средства я, чтобъ ты
 Вкусила сладость этой красоты,
 Чтобъ съ жаждою неутолимой знанья
 Въ великій мѣръ науки ты вошла
 И для себя супруга избрала
 Высокаго ума и дарованья.

Указывая на Триссотена.

Вотъ человекъ, котораго въ мужа
 Должна ты выбрать.

ГЕНРИЭТТА.

Какъ, мамаша? Я?

ФИЛАМИНТА.

Да, ты. Не ворчи дурочку напрасно.

БЕЛИЗА—Триссотену.

Я поняла вашъ взглядъ и возвратить согласна
 Любовь, которая принадлежала мнѣ.
 На этотъ бракъ даю вамъ разрѣшенье
 И счастья вамъ желаю я вполне.

ТРИССОТЕНЬ—Генріэттъ.

Восторгъ мой не находитъ выраженья,
И я не знаю, какъ мнѣ васъ благодарить —
За честь и счастье...

ГЕНРІЭТТА.

Нельзя ли погодить!
Поспѣшно слишкомъ вы благодарите.

ФИЛАМИНТА.

Что за отвѣтъ? Гдѣ набралась ты прити?
Такъ знай же, если... ты понять меня должна.

Триссотену.

Пойдемте! Пусть опомнится она.

СЦЕНА VII.

ГЕНРІЭТТА и АРМАНДА.

АРМАНДА.

Какъ о тебѣ заботится мамаша!
Вѣдь будущій твой мужъ такъ знаменить, пойми...

ГЕНРІЭТТА.

Желаешь, такъ себѣ въ мужа его возьми.

АРМАНДА.

На это воля матери, — не наша.

ГЕНРІЭТТА.

Какъ младшая сестра, могу я уступить
Тебѣ его охотно.

АРМАНДА.

Можетъ быть,
Что отъ него бы я не отказалась,
Когда бы тоже замужъ порывалась.

ГЕНРІЭТТА.

А еслибы педантами во снѣ
Я бредила, какъ ты, то, можетъ быть, и мнѣ
Такая партія блистательной казалась.

АРМАНДА.

Во всякомъ случаѣ, хоть разный вкусъ у насъ,
Родителямъ должны мы все же покоряться:
Желанье матери для дочери пригазъ,
А потому тебѣ сопротивляться...

СЦЕНА VIII.

ТѢ ЖЕ, КРИЗАЛЬ, АРИСТЪ и КЛИТАНДРЪ.

КРИЗАЛЬ—подводя Клитандра къ Генриэттѣ.

Ну, дочка, согласиться ты должна:
Хочу, чтобъ руку вы другъ другу крѣпко сжали.
Вотъ будущій твой мужъ, а вотъ ему жена.
Такъ пожелалъ отецъ твой. Поняла ли?

АРМАНДА—Генриэттѣ.

Сговорчивѣе ты глядишь на этотъ разъ.

ГЕНРИЭТТА.

Родителямъ, сестра, должны мы покоряться:
Желаніе отца — для дочери пригазъ.

АРМАНДА.

Повиновеніе должно согласоваться
И съ волей матери.

КРИЗАЛЬ.

Что тамъ ты говоришь?

АРМАНДА.

Замѣтила я лишь,
Что наша мать совсѣмъ иного мнѣнья.
Другой женихъ...

КРИЗАЛЬ.

Болтуня, замолчи!

Съ ней философствовать ступай до пресыщенья,
А какъ мнѣ поступать, трещётка, не учи,
Да мать предупреди, шепни ей на ушко ты,

Что трескотню ея мнѣ слушать нѣтъ охоты.
Ступай же!

СЦЕНА IX.

ТЪ ЖЕ, безъ АРМАНДЫ.

АРИСТЪ.

Чудеса! Да это ты ли, братъ?

КЛИТАНДРЪ.

Свою судьбу благословлять я радъ.

БРИЗАЛЬ—Клитандру.

Идите же впередъ вы въ комнату къ невѣстѣ,
Какъ голубки, съ ней поворкуйте вмѣстѣ.

Аристу.

Смотря на нихъ, самъ молодѣю я;
Ихъ счастье меня, какъ-будто, обновляетъ,
И въ памяти невольно оживаетъ
Вся золотая молодость моя.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

ФИЛАМИНТА и АРМАНДА.

АРМАНДА.

Да, въ заблужденіи своемъ она упорна
И, только по наружности поворна,
Ждетъ-не-дождется брачнаго вѣнца.
Сестра, — это этого теперь не замѣчаетъ? —
Не столько слѣдуетъ желанію отца,
Какъ матери идти наперекоръ желаетъ.

ФИЛАМИНТА.

О, я ей докажу, кого изъ насъ изъ двухъ
Ей нужно слушаться! Еще узнаетъ дочка
Что выше и сильнѣй — безсмертный духъ,
Иль брэнная, земная оболочка?

АРМАНДА.

Приличья никакого нѣтъ у нихъ,
И этотъ господинъ, непрощенный женихъ,
Желаетъ стать насильно вашимъ зятемъ.

ФИЛАМИНТА.

Но никогда ему не стать имъ.
Порядочнымъ онъ былъ, казалось мнѣ, сперва,
Его любовь къ тебѣ я даже одобряла,
Но всѣ его поступки и слова
Я въ новомъ свѣтѣ скоро увидала.
Онъ знаетъ, напримѣръ, что хвалить всѣ мой слогъ,
Что я пишу статьи и, несмотря на это,
Ни разу не просилъ прочесть ему двухъ строкъ.

СЦЕНА II.

ТЪ ЖЕ и КЛИТАНДРЪ—слушаетъ въ дверяхъ.

АРМАНДА.

Будь я на вашемъ мѣстѣ — Генріетта
Забыва бы про этотъ глупый бракъ.

Вы понимаете, что говорю я такъ
 Безъ всякой зависти или досады личной.
 Нѣтъ, разумъ мой, къ анализу привычный,
 Находить въ философіи оплотъ
 И выше всякихъ будничныхъ заботъ.
 Не за себя — за васъ оскорблена я;
 Вашъ долгъ не уступать, намѣреня ихъ зная,
 Тѣмъ больше, что Клитандръ доказывалъ сто разъ,
 Что онъ не уважаетъ вовсе васъ.

ФИЛАМИНТА.

Глупецъ!

АРМАНДА.

Когда о вашей славѣ всюду
 Трубить молва, — онъ холоденъ, какъ ледъ.

ФИЛАМИНТА.

Бездѣльникъ!

АРМАНДА.

А стихи всѣ ваши онъ зоветъ
 Наборомъ словъ.

ФИЛАМИНТА.

Наглецъ! Не позабуду
 Я дерзости такой.

АРМАНДА.

Я съ нимъ вступала въ споръ,
 И если-бъ знали вы, какой ужасный вздоръ...

КЛИТАНДРЪ—Армандѣ.

Позвольте! Будьте хоть немного,
 Сударыня, правдивы и честны.
 Какое зло, скажите, ради Бога,
 Я сдѣлалъ вамъ? Гдѣ всѣ мои вины,
 Рождающія въ васъ такое озлобленье?
 За что меня вы стали такъ чернить
 Въ глазахъ людей, которыхъ снисхожденье
 Теперь особенно хочу я заслужить?
 За что же гнѣвъ такой, скажите откровенно?

АРМАНДА.

На васъ я не сержусь, но вѣрьте, сударь, мнѣ,
 Что гнѣва моего достойны вы вполнѣ:
 Въ насъ чувство первое бываетъ такъ священно,
 Что, обманувшись разъ, въ разбитомъ сердцѣ вновь
 Не скоро загорается любовь.
 Невѣрность сердца хуже преступленья:
 Клятвопреступнику одинъ отвѣтъ — презрѣнье.

КЛИТАНДРЪ.

Не я вамъ измѣнилъ, а сами вы меня
 Своимъ бездушіемъ надменно оттолкнули,
 Мнѣ душу холодомъ суровымъ леденя, —
 Такъ вашъ упрекъ выслушивать могу-ли?
 Я привязался въ вамъ, какъ самый близкій другъ,
 Два года для меня вы были всѣхъ дороже,
 Я не жалѣлъ заботъ, вниманья и услугъ,
 На жертву всякую готовъ былъ я — и что же?
 Ни нѣжности моей, ни страсти раздѣлять
 Не пожелали вы... чего же было ждать?
 И я съ другой тѣмъ чувствомъ подѣлился.
 Кто-жъ виновать, скажите мнѣ, изъ насъ?
 Я-ль бросить васъ рѣшился,
 Иль вы меня прогнали съ глазъ?

АРМАНДА.

Вы, кажется, понять не захотѣли,
 Что не гнала я васъ, а добивалась цѣли
 Единственной—въ васъ нравственность поднять
 И чувству вашему дать высшее значенье.
 Привязанности чистой раздѣлять
 Вы не могли и въ жаждѣ упоенья
 Восторговъ чувственныхъ искали, но огня
 Такого не нашли вы у меня.
 Нѣтъ, для высокихъ душъ съ ихъ чистотой духовной
 Любовь подобная—является грѣховной;
 И въ нихъ горитъ огонь, но въ немъ—небесный свѣтъ,
 Неодолимый сумракомъ полночнымъ...
 Мы любимъ для того, чтобы любить, и нѣтъ
 Желаній грязныхъ въ сердцѣ непорочномъ;
 На счетъ ума привыкнувъ жить давно,
 Забыли мы совсѣмъ, что тѣло намъ дано.

КЛИТАНДРЪ.

Къ несчастью, убѣдился я на дѣлѣ,
Что состою изъ тѣла и души,
Которая имѣеть нѣжду въ тѣлѣ...

Быть можетъ, ваши мнѣнья хороши,
Но въ мудрости тавой мнѣ небо отвязало,
И не могу я жить душой своей одной.
Конечно, правы вы: прекраснаго не мало

Въ привязанности чистой, неземной
Но не по мнѣ она: когда овладѣваетъ
Мной сильная любовь и пламенная страсть,
Тогда меня всего всесильно поворачаетъ

Ея неограниченная власть.

На свѣтѣ, кажется, всѣ люди въ этомъ родѣ,
И браки до сихъ поръ въ большомъ ходу и модѣ.
Ужели осворбить я только тѣмъ васъ могъ,

Что искренно хотѣлъ на васъ жениться

И подальъ вамъ предлогъ

За это на меня серьезно разсердиться?

АРМАНДА.

О, если ужъ на то пошло

И чувственность въ любви для васъ такъ неизбежна,

Что, всѣмъ моимъ теоріямъ на зло,

Вы можете привязаны быть нѣжно

Не иначе, какъ цѣпью брачныхъ узъ,

Я, такъ и быть, рѣшаюсь на союзъ,

Когда на предложенье ваше

Согласье дать мамаша.

КЛИТАНДРЪ.

Не поздно ли? Не возвратится вновь

Привязанность, отвергнутая вами.

Вся жизнь моя и вся моя любовь

Принадлежать другой...

ФИЛАМИНТА.

Я вашими словами

Возмущена. При выборѣ жены,

Довѣрившись обманчивой надеждѣ,

Вы были бы, я думаю, должны

У матери ея просить согласья прежде.
Вы слишкомъ занеслись; опомнитесь. Къ тому-жь,
Давно ужъ выбранъ мной для Генріетты мужъ.

КЛИТАНДРЪ.

Кого-жь избрали вы себѣ въ зятя такъ скоро?
Избавьте вы меня, молю васъ, отъ позора
Имѣть соперниковъ такихъ, какъ Триссотенъ.
Клянусь, противника нельзя придумать хуже!..

Конечно, въ жизни, полной перемѣнъ,
Нашъ вѣкъ, упадокъ вкуса обнаружа,
Вѣнчаетъ лаврами бездарнѣйшихъ творцовъ,
Но Триссотена всѣ отлично разгадали,
И пошлыя его творенія едва-ли

Найдутъ восторженныхъ чтецовъ.

А вы.... меня всегда вы изумляли,
Превознося его едва не до небесъ

И видя верхъ чудесъ
Въ его напыщенномъ и пошломъ риемоплѣтствѣ.

ФИЛАМИНТА.

Вы мнѣніе одно составили о немъ,
Другое—мы, а при такомъ несходствѣ
Другъ друга никогда мы не поймемъ.

СЦЕНА III.

ТЪ ЖЕ и ТРИССОТЕНЪ.

ТРИССОТЕНЪ.

Я съ важной новостью. Представьте, до разсвѣта
Сегодня близко такъ прошла отъ насъ комета,

Что намъ едва погибнуть не пришлось.

Когда бы ей съ землей столкнуться довелось,
Она бы—такова чудовищная сила—

Планету нашу въ дребезги разбила.

ФИЛАМИНТА.

Ахъ, этотъ разговоръ на время прекратимъ:

Мы гостю нашему наскучить можемъ имъ.

Невѣжество взявъ смѣло на поруки,

Читаетъ ненависть къ уму онъ и къ наукѣ.

КЛИТАНДРЪ.

Вы исказили истину, меня
 Защитникомъ невѣжества рисуя.
 Науку по достоинству цѣня
 И предъ ея могуществомъ пасуя,
 Я только не люблю идей,
 Вносящихъ порчу въ общество людей.
 Невѣжды иногда почтеннѣе мудреныхъ
 Всезнаекъ нынѣшнихъ и записныхъ ученыхъ.

ТРИССОТЕНЪ.

Мнѣ кажется, наука никогда
 Не можетъ быть источникомъ вреда.

КЛИТАНДРЪ.

А я такъ думаю, въ томъ убѣдясь невольно,
 Великихъ дураковъ творить она довольно.

ТРИССОТЕНЪ.

Но это парадоксъ!

КЛИТАНДРЪ.

Нисколько, и мой взглядъ
 Примѣры ясныя отлично подтверждать.

ТРИССОТЕНЪ.

Смотря, какой примѣръ вы приведете.

КЛИТАНДРЪ.

О, за примѣромъ мнѣ ходить не далеко.

ТРИССОТЕНЪ.

Не вижу я его.

КЛИТАНДРЪ.

Ищите и найдете,
 А вамъ особенно найти его легко.

ТРИССОТЕНЪ.

Все-жъ отъ невѣжества скорѣе, чѣмъ отъ знаній,
 Плодятся дураки.

КЛИТАНДРЪ.

Есть больше основаній
Предполагать, что глупъ еще не такъ
Невѣжда, какъ ученѣйшій дуракъ.

ТРИССОТЕНЪ.

Отъ правды далеко ушли мы:
Глупецъ съ невѣждой—синонимы.

КЛИТАНДРЪ.

Ужъ если доводить сравненье до конца:
Педантъ походить больше на глупца.

ТРИССОТЕНЪ.

Невѣжда пропадетъ, познаній не усвоитъ.

КЛИТАНДРЪ.

Отъ книжной мудрости педантъ тупѣетъ вдвое.

ТРИССОТЕНЪ.

Внѣ знанья—нѣтъ заслугъ; въ немъ—мудрости вѣнецъ.

КЛИТАНДРЪ.

Отъ знанія пошлѣй становится наглець.

ТРИССОТЕНЪ.

Въ невѣжествѣ для васъ такая прелесть скрыта,
Что защищать его готовы вы открыто.

КЛИТАНДРЪ.

Но это съ тѣхъ лишь поръ,
Какъ привелось вступить мнѣ въ разговоръ
Съ извѣстными учеными.

ТРИССОТЕНЪ.

Короче

Узнайте ихъ.

КЛИТАНДРЪ.

Но слушать ихъ—нѣтъ мочи.

ФИЛАМИНТА—Клиландру.

Однако, вы...

Томъ VI—Декабрь, 1875.

КЛИТАНДРЪ.

Позвольте кончить мнѣ.

Надѣюсь, что силенъ противникъ мой вполне
И помощи не ждетъ. Къ тому же, я стараюсь
Не нападать, а только защищаюсь.

АРМАНДА.

Но раздражительность и ѣдкость вашихъ словъ...

КЛИТАНДРЪ.

Еще помощница? я замолчать готовъ.

ФИЛАМИНТА.

Я допускаю споръ, но личные нападки
Въ немъ неприличны, сударь мой, и гадки.

КЛИТАНДРЪ.

Ахъ, Боже мой! Безъ злобы я смѣюсь,
И шутку онъ пойметъ, какъ истинный французъ.
Къ тому-жъ, отъ смѣха—будь смѣхъ колкій и злорадный—
Онъ защищенъ извѣстностью громадной.

ТРИССОТЕНЬ.

Я вовсе не дивлюсь, что собесѣдникъ мой
Горой стоитъ за мракъ. Вполнѣ довольный тьмой,
Старается двору потворствовать онъ лестно:
Дворъ разума не чтить, какъ это всѣмъ извѣстно,
И за невѣжество стоять имѣетъ интересъ:
Оно въ глазахъ двора имѣетъ полный вѣсъ.

КЛИТАНДРЪ.

На этотъ бѣдный дворъ вы сердитесь ужасно,
И вѣрно онъ скорбитъ, смотря, какъ ежечасно
Такие остряки, какъ вы, его громятъ,
Талантовъ вашихъ всѣхъ призвать въ немъ не хотятъ,
А потому, въ рѣчахъ своихъ горячихъ,
Дворъ обвиняете вы въ вашихъ неудачахъ.
И за безвеусіе корите этотъ дворъ.
Позвольте-жъ мнѣ сказать, чтобъ заключить нашъ споръ,
Что вы съ собратьями разумнѣе бы были,
Когда бы о дворѣ помягче говорили.

Поистинѣ, не всѣмъ такъ скверно при дворѣ,
 Какъ вамъ рассказывать угодно:
 И въ немъ заботятся о знаньѣ, о добрѣ,
 И въ немъ есть умъ, способный благородно
 Заслуги награждать и, нѣтъ сомнѣнья въ томъ,
 Хорошій вкусъ развиться можетъ въ немъ.

ТРИССОТЕНЬ.

Намъ факты говорятъ про этотъ вкусъ иное.

КЛИТАНДРЬ.

Что-жъ говорить? Дурное?

ТРИССОТЕНЬ.

Еще бы нѣтъ! Мы всѣ убѣждены,
 Что Бальдусъ, напримѣръ, и Разіусъ должны,
 Какъ гордость Франціи, повсюду прославляться,
 А при дворѣ—въ томъ совѣстно признаться—
 Лишаютъ ихъ вниманья и награды.

КЛИТАНДРЬ.

Вашъ гнѣвъ понятенъ мнѣ. Изъ скромности похвальной
 Себя забыли вы поставить съ ними въ рядъ.

Но въ чемъ же состоитъ ихъ подвигъ колоссальный?

Въ наборѣ громкихъ фразъ?

Чѣмъ,—говорю, конечно, не о васъ,—

Чѣмъ замѣчательны всѣ ихъ произведенья,

Что сдѣлали они, чтобъ обвинять нашу дворъ

За грубое его пренебреженье?

Какъ! Геніи они? Съ какихъ же это поръ?

Какъ! Франція нуждается въ ихъ знаньѣ

И долженъ дворъ цѣнить ихъ умъ и дарованье?

Пигмеи жалкіе! Кто могъ увѣрить ихъ,

Что мы читать должны подобныхъ пустозвоновъ,

Что ихъ перо и каждый новый стихъ

Распоряжается судьбой коронъ и троновъ,

Что осыпать ихъ долженъ градъ

Великихъ милостей, подарковъ и наградъ,

Что цѣлый міръ, сложивъ благоговѣнно руки,

Глядитъ на нихъ, и что въ родной странѣ

Обязаны считать ихъ свѣточемъ науки?

За что-жъ? отвѣтите мнѣ.

За то ли, что они съ усердіемъ упрямымъ
Латынью пичкались лѣтъ тридцать, можетъ быть,

И торопились головы набить

Различнымъ книжнымъ хламомъ?

Въ наукѣ, повторяя намъ зады,

Всѣ эти книжники, отъ знаній сбившись съ толку,

Жизнь цѣлую, болтая безъ умолку,

Негодны ни къ чему, разсудка лишены

И, наглостью одной одарены,

Надобѣдаютъ всѣмъ до отвращенья

И лишь безславятъ дѣло просвѣщенья.

ФИЛАМИНТА.

Вы слишкомъ горячи; волненье въ васъ растеть...

Конечно, съ вами спорить тотъ,

Чье имя такъ извѣстно и такъ славно...

СЦЕНА IV.

ТЪ ЖЕ и ЖУЛЬЕНЪ.

ЖУЛЬЕНЪ.

Ученый, посѣтившій васъ недавно,

Которому имѣю честь служить,

Велѣлъ, сударыня, записку вамъ вручить

И поклониться низко.

ФИЛАМИНТА.

Хотя бы важности большой была записка,

Но вы понять должны, мой другъ,

Что въ домъ чужой нельзя врывать безъ доклада:

Вамъ прежде обратиться было надо

Къ кому-нибудь изъ здѣшнихъ слугъ.

Такъ поступаюгъ всѣ обыкновенно,

О чемъ и васъ не забывать прошу.

ЖУЛЬЕНЪ.

Я въ памятную книжку непременно,

Сударыня, все это запишу.

ФИЛАМИНТА—читаетъ.

«Милостивая государыня! Триссотенъ хвалится, что онъ жес-
нится на вашей дочери. Я васъ предупреждаю, что его филосо-

«фія вертится около вашего богатства, и вы хорошо сдѣлаете, если не заключите этого брака, пока я не кончу поэму, которую противъ него сочиняю. Въ ожиданіи этого произведенія, гдѣ я намѣреваюсь изобразить его самыми яркими красками, посылаю вамъ Горация, Виргилія, Теренція и Катулла съ отбѣтками на поляхъ всѣхъ мѣстъ, выграденныхъ г. Триссотеномъ.»

У истинныхъ заслугъ всегда враги найдутся.

А! если такъ,—

Отъ зависти онъ можетъ задохнуться:

Сегодня-жъ сдѣлаю я шагъ

Рѣшительный, и Генріетты бракъ,—

Пусть знаетъ клеветникъ, писавшій эти строчки,—

Устрою я безъ всякой проволоочки.

Жульену.

Ступайте-жъ къ господину своему

И передайте, милый мой, ему,

Какъ выраженье полнаго вниманья

Къ словамъ его достойнаго посланья:

Указывая на Триссотена.

Какъ будущій мой зять, съ сегодняшняго дня

Онъ будетъ принятъ въ домъ у меня.

СЦЕНА V.

ТЪ ЖЕ, безъ ЖУЛЬЕНА.

ФИЛАМИНТА—Клитандру.

Семейства нашего я другомъ васъ считаю,

А потому надѣюсь видѣть васъ

При подписи контракта: приглашаю

Быть непременно въ этотъ часъ.

А ты займись, Арманда, приглашеньемъ

Нотаріуса къ намъ и извѣсти сестру

О томъ, что рѣшено сегодня поутру.

АРМАНДА.

Къ чему же? Къ Генріеттѣ съ извѣщеньемъ

Самъ господинъ Клитандръ навѣрно поспѣшитъ

И такъ ее настроитъ, убѣдитъ,

Что, не мигнувши глазомъ,

Она отвѣтитъ вамъ рѣшительнымъ отказомъ.

ФИЛАМИНТА—ухода.

Еще увидимъ мы—чья власть надъ ней сильнѣй
И трудно ли управиться мнѣ съ ней.

СЦЕНА VI.

ТЪ ЖЕ, безъ ФИЛАМИНТЫ.

АРМАНДА.

Могу увѣрить васъ, что я едва не плачу,
Въ исцаньи вашемъ видя неудачу.

КЛИТАНДРЪ.

Она еще не столько велика,
И сокрушаться вамъ не слѣдуетъ пока.

АРМАНДА.

Мнѣ жаль, но въ вашъ успѣхъ я вѣрю очень мало.

КЛИТАНДРЪ.

Но вы, такъ думая, ошиблись, можете быть.

АРМАНДА.

Я, право, ошибиться бы желала.

КЛИТАНДРЪ.

Надѣюсь, что вы мнѣ не станете вредить
И даже помогать начнете въ этомъ дѣлѣ,
Взявъ сторону сестры и своего отца?

АРМАНДА.

Отъ всей моей души!

КЛИТАНДРЪ.

И я, добившись цѣли,
Признателенъ вамъ буду безъ конца.

СЦЕНА VII.

КРИЗАЛЬ, АРИСТЪ, ГЕНРІЭТТА и КЛИТАНДРЪ.

КЛИТАНДРЪ.

Вамъ поддержать меня теперь необходимо:

Супруга ваша такъ была неумолима,
Что Триссотена мнѣ открыто предпочла.

КРИЗАЛЬ.

Какъ эта чепуха ей въ голову взбрела?
Ну, что она нашла въ подобной образинѣ?

АРИСТЪ.

Способностью слагать куплетцы по-латыни
Онъ надъ соперникомъ своимъ взялъ перевѣсъ
И въ душу матери, какъ бѣсъ лукавый, влѣзъ.

КЛИТАНДРЪ.

Она сегодня же намѣрена, однако,
Устроить сватовство, не отлагая брака.

КРИЗАЛЬ.

Сегодня?

КЛИТАНДРЪ.

Вечеромъ.

КРИЗАЛЬ.

Такъ вечеромъ я самъ
Свое согласье вамъ официально дамъ.

КЛИТАНДРЪ.

Для составленья брачнаго контракта
Нотариуса ждеть къ себѣ она.

КРИЗАЛЬ.

За нимъ и я пошлю для заключенья акта.

КЛИТАНДРЪ—указывая на Генріэтту.

И ваша дочь черезъ сестру должна
Узнать—кому обѣщана она.

КРИЗАЛЬ.

А я заставлю дочь,—вотъ честное вамъ слово,—

За васъ идти, ни за кого другого.

О, я имъ покажу, что въ домѣ я одинъ—

Глава и властелинъ!..

Генріэттѣ.

Ты подожди насъ здѣсь и брось свое смущенье...

Аристу.

Пойдемъ-ка, братъ, ко мнѣ.

ГЕНРИЭТТА—Аристу.

Ахъ, поддержите это настроенье
Въ моемъ отцѣ.

АРИСТЪ.

Довѣрься мнѣ вполне.

СЦЕНА VIII.

ГЕНРИЭТТА и КЛИТАНДРЪ.

КЛИТАНДРЪ.

Какую-бъ помощь мнѣ въ любви ни обѣщали,
Но я на васъ надѣюсь больше всѣхъ.

ГЕНРИЭТТА.

Вы знаете—и въ счастья, и въ печали
Я ваша всей душой.

КЛИТАНДРЪ.

О, если такъ,—помѣхъ
Я не страшусь и долженъ называться
Счастливейшимъ изъ смертныхъ!..

ГЕНРИЭТТА.

Да, но все-жъ
Хотятъ насъ разлучить. Сегодня сговоръ.

КЛИТАНДРЪ.

Ложь!

Пока вы за меня, мнѣ нечего бояться.

ГЕНРИЭТТА.

Для исполненія моихъ завѣтныхъ грѣзъ
Я все употреблю, но еслибъ привелось
Намъ навсегда разстаться,
То есть убѣжище съ священной тишиной,
Гдѣ никому другому не удастся
Назвать меня своей женой.

КЛИТАНДРЪ.

Вы любите меня,—довольно! и, повѣрьте,
Я буду этотъ день благословлять до смерти.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

ГЕНРИЭТТА и ТРИССОТЕНЬ.

ГЕНРИЭТТА.

Давно хотѣлось съ вами мнѣ
Поговорить наединѣ;

Я буду откровенна, не слушаю
И правду всю васъ выслушать заставлю.
Мнѣ очень хорошо извѣстно, что за мной
Вы думаете взять приданое большое;

Но знаю также хорошо я,
Что счастье не въ богатствѣ, хоть иной
Иначе думаетъ. Вы, какъ философъ въ жизни,
Чтобъ не подвергнуться всеобщей укоризнѣ,
Должны доказывать не на однихъ словахъ,
Что золото для васъ—ничтожество и прахъ.

ТРИССОТЕНЬ.

Клянусь, я чуждъ корыстныхъ побужденій!
Меня къ вамъ привлекаетъ не расчетъ;
Нѣтъ, ваши прелести, умъ, грація движеній,
Глубокій взглядъ, улыбка ваша—вотъ
Сокровища, предметъ моихъ желаній,
Моей любви и пламенныхъ мечтаній!..

ГЕНРИЭТТА.

За это отъ души я васъ благодарю,
Но — съ сожалѣньемъ это говорю —
Взаимности вы отъ меня не ждите.
Могу васъ уважать, когда хотите,
Но полюбить... люблю Клитандра я,
А двухъ любить, вы знаете, нельзя.
Я вижу, что Клитандръ васъ несравненно хуже,
Что я слѣпа, такого выбравъ мужа,
Что за таланты многіе свои
Вполнѣ вы стоите восторженной любви;
Я это сознаю, но лишена искусства
Насильно возбудить въ себѣ такое чувство.

ТРИССОТЕНЪ.

Но съ вашею рукой, обѣщанной мнѣ, я
 Надѣюсь получить и ваше сердце тоже,
 И, не щадя заботъ, которыхъ нѣтъ дороже,
 Успѣю, можетъ быть, дожидаться дня,
 Когда меня полюбите вы страстно.

ГЕНРИЭТТА.

Нѣтъ, чувству первому останусь я вѣрна,
 И всякая надежда въ васъ — напрасна,
 Въ чемъ я признаться искренно должна,
 Въ правдивости своей не видя оскорбленья.
 Любовь чуждается сухого разсужденья
 И не достоинствъ ищетъ въ людяхъ милыхъ... нѣтъ:
 Любовь — капризь. Дадимъ ли мы отвѣтъ,
 Чѣмъ именно намъ дорогъ другъ любимый?
 Законъ любви — законъ неуловимый...
 Ахъ, еслибы надъ ней могъ властвовать нашъ умъ,
 Предвидя неудачи и удачи,
 За васъ бы я пошла безъ всякихъ долгихъ думъ, —
 Но, видно, сердце думаетъ иначе.
 Оставьте-жъ вы меня съ моею слѣпотой,
 Не пользуйтесь жестокой властью той,
 Съ которою хотятъ меня заставить
 Идти за васъ. Подумайте: нужна, вѣдь,
 Особенная низость — черезъ мать
 Себѣ жену насильно добывать!
 Нѣтъ, честный человекъ ей не навяжетъ счастья
 Отверженной любви и тяжелыхъ брачныхъ узъ,
 И никогда не вступить съ ней въ союзъ
 Безъ добровольнаго согласья.
 Не прибѣгайте же въ родительскимъ правамъ
 И не насилуйте, прошу, моихъ желаній.
 Не лучше-ль дѣвушку другую выбрать вамъ,
 Достойную всѣхъ вашихъ дарованій?

ТРИССОТЕНЪ.

Гдѣ средство васъ въ себѣ привлечь хоть чѣмъ-нибудь?
 Приказывайте мнѣ, повелѣвайте мною...
 Васъ не любить нельзя; вы сдѣлались одною
 Моей мечтой! Вы...

ГЕНРИЭТТА.

Дайте отдохнуть!

Не въ первый разъ, съ присущимъ вамъ талантомъ,
 Въ посланіяхъ къ Ирисамъ, къ Амарантамъ
 Вы говорите съ жаромъ этимъ...

ТРИССОТЕНЬ.

Нѣтъ!

Я ими восхищался, какъ поэтъ:
 То говорилъ мой умъ, — не сердце. Сердце это
 Любовью бьется къ вамъ одной лишь, Генриэтта!

ГЕНРИЭТТА.

Иль замолчите вы, иль я уйду сейчасъ?

ТРИССОТЕНЬ.

Вы оскорбляетесь? Но я на этотъ разъ
 Себѣ прощу такое оскорбленье.
 Любовь, которую я такъ скрывалъ отъ васъ,
 Ничто не сокрушитъ: ни гнѣвъ вашъ, ни презрѣнье.

Могу ли я отъ счастья убѣгать,

Когда и ваша мать

Въ немъ приняла горячее участие?

Всѣ средства хороши для достиженья счастья.

ГЕНРИЭТТА.

Но думали ли вы хотя единый мигъ,
 Къ чему ведетъ насиліе такое?
 Вѣдь вы рискуете, скажу вамъ напрямикъ,
 Лишиться сна, душевнаго покоя,
 Подобнымъ способомъ устраивая бракъ.
 Жена-невольница для мужа первый врагъ.

ТРИССОТЕНЬ.

О, этотъ врагъ меня не беспокоить.
 Во всѣмъ случайностямъ мудрецъ себя готовить.
 Отъ легкихъ слабостей освободясь на вѣкъ
 И подчиняя ихъ разсудку безусловно,
 Благоразумный человекъ
 Смотрѣть на многое обязанъ хладнокровно.

ГЕНРИЭТТА.

Отъ философіи таковой,
 На всѣ случайности махающей рукой,
 Въ восторгѣ, просто, я, и видя въ васъ такъ много
 Душевной твердости, молитъ готова Бога,
 Чтобъ вашу жизнь связалъ онъ съ лучшею женой,
 Которую ни въ чемъ нельзя равнять со мной.

А мнѣ чужда подобная отвага,
 Мои достоинства не столько велики,
 И я, влянусь, для вашего же блага
 Вамъ не отдамъ своей руки.

ТРИССОТЕНЬ—уходя.

Посмотримъ. Намъ идти, однако, не пора-ли?
 Нотаріусъ насъ ждетъ уже, навѣрно, въ залѣ.

СЦЕНА II.

ГЕНРИЭТТА, КРИЗАЛЬ, КЛИТАНДРЪ и МАРТИНА.

КРИЗАЛЬ—Генриэттѣ.

А, милая! ты очень кстати здѣсь.
 Однимъ желаніемъ теперь живу я весь,
 Что поворишься ты вполне отцовской волѣ.
 Знай: матушку твою я проучить хочу,
 Ей поблажать не стану болѣ
 И, въ доказательство, что вовсе не шучу,
 Вернулъ Мартину я и въ домѣ водворяю.

ГЕНРИЭТТА.

Рѣшимость вашу я, отецъ мой, одобряю,
 Не измѣнила-бъ только вамъ она.
 Крѣпитесь же, настойчивымъ явитесь
 Въ своихъ желаніяхъ; главой семьи кажитесь:
 Въ ней мать командовать надъ вами не должна.

КРИЗАЛЬ.

Что-жъ, я колпакъ, по-твоему?

ГЕНРИЭТТА.

Ни мало,

Помилуйте!

КРИЗАЛЬ.

Фатишка? вѣтрогонъ?

ГЕНРИЭТТА.

Но развѣ что-нибудь такое я сказала?

КРИЗАЛЬ.

Иль думаютъ, что я характера лишень?
Что тряпка я?

ГЕНРИЭТТА.

О, нѣтъ, отецъ!

КРИЗАЛЬ.

Ужели

Я не сумѣлъ бы, въ самомъ дѣлѣ,
Въ мои года

Быть въ домѣ господиномъ полновластнымъ?

ГЕНРИЭТТА.

Конечно.

КРИЗАЛЬ.

Или я смотрю такимъ несчастнымъ,
Котораго безъ всякаго труда
Супруга водить за носъ?

ГЕНРИЭТТА.

Нивогда

Такимъ вы не были.

КРИЗАЛЬ.

Башмакъ я,—да? Прекрасно,
Сударыня. Смѣшите вы меня.

ГЕНРИЭТТА.

Невольно, можетъ быть, васъ оскорбила я.

КРИЗАЛЬ.

Вы слушаться должны меня всѣ!

ГЕНРИЭТТА.

Это ясно.

КРИЗАЛЬ.

И предо мною ни гу-гу!
Въ семействѣ я одинъ повелѣвать могу.

ГЕНРИЭТТА.

Вы правы, батюшка!

КРИЗАЛЬ.

Мой голосъ первый въ домѣ.

ГЕНРИЭТТА.

Согласна съ вами я.

КРИЗАЛЬ.

Я мужъ, а не колпакъ,
И замужъ дочь отдать никто не смѣетъ, кромѣ
Ея отца.

ГЕНРИЭТТА.

Конечно, это такъ.

КРИЗАЛЬ.

Надъ вами власть я получилъ отъ Бога.

ГЕНРИЭТТА.

Кто-жъ въ этомъ сомнѣвался хоть немного?

КРИЗАЛЬ.

И постараюсь я на дѣлѣ доказать,
Что въ выборѣ супруга,—знай заранѣ,—
Должна меня ты слушать, а не мать.

ГЕНРИЭТТА.

Ахъ, это лучшее изъ всѣхъ моихъ желаній!
Васъ буду слушаться во всемъ я съ этихъ поръ.

КРИЗАЛЬ.

Посмотримъ же, какъ мнѣ наперекоръ
Пойдетъ жена.

КЛИТАНДРЪ.

Вотъ и она, а съ нею

Нотариусъ.

КРИЗАЛЬ.

И кстати очень. Ну,
Всѣ стойте за меня.

МАРТИНА.

Я и одна сѹмѣю,
И нужное словцо, гдѣ слѣдуетъ, верну.

СЦЕНА III.

ТѢ ЖЕ, ФИЛАМИНТА, БЕЛИЗА, АРМАНДА, ТРИССОТЕНЪ и НОТАРИУСЪ.

ФИЛАМИНТА—Нотариусу.

Въ контрактѣ вашемъ слогъ ужасенъ. Хотя немного
Займитесь, васъ прошу, вы исправленьемъ слога.

НОТАРИУСЪ.

Нашъ слогъ? Чѣмъ дуренъ онъ? Глупцомъ бы я прослылъ,
Когда бы въ немъ хоть слово измѣнилъ.

БЕЛИЗА.

Какъ? въ центрѣ Франціи возможна дичь такая?
По крайней мѣрѣ, въ цѣль научную вникая,
Не можете ли вы счетъ франковъ измѣнить
На мины и таланты въ капиталѣ,
А самое число изобразить
Календами и Идами нѣльзя ли?

НОТАРИУСЪ.

Мои товарищи меня бы осмѣяли,
Когда-бъ рѣшился я исполнить вашъ капризь.

ФИЛАМИНТА.

Мы бесполезнымъ споромъ увлеклись.
Въ своей обязанности, сударь, приступите:
Вотъ столъ, — садитесь и пишите.

Замѣтивъ Мартину.

Негодница опять явилась здѣсь! Когда?
И кто осмѣлился ввести ее сюда?

КРИЗАЛЬ.

Объ этомъ толковать теперъ намъ не у мѣста,
У насъ есть дѣло нѣсколько важнѣй.

НОТАРИУСЪ.

И приступлю къ контракту. Гдѣ-жъ невѣста?

ФИЛАМИНТА.

Дочь младшая моя.

НОТАРИУСЪ.

Такъ.

КРИЗАЛЬ,—указывая на Генріэтту.

Имя ей—

Пишите—Генріэтта.

НОТАРИУСЪ.

Превосходно.

А кто женихъ?

ФИЛАМИНТА,—указывая на Триссотена.

Вотъ мнѣ кого угодно

Назначить ей въ мужа.

КРИЗАЛЬ—указывая на Клитандра.

А мужъ, котораго ей назначаю я—

Вотъ онъ!

НОТАРИУСЪ.

Два мужа!!...

Не много ли?

ФИЛАМИНТА.

Пишите. Почему же

Остановились вы? Вотъ Триссотень—мой зять.

КРИЗАЛЬ.

А я въ зятя хочу Клитандра взять.

НОТАРИУСЪ.

Нельзя ли вамъ войти въ такое соглашенье,
Чтобъ выбрать жениха,—конечно, одного.

ФИЛАМИНТА.

Я высказала вамъ свое рѣшенье.

КРИЗАЛЬ.

Меня вы слушайте и больше ничего.

НОТАРИУСЪ.

Кого же, наконецъ, мнѣ слушать, въ самомъ дѣлѣ?

ФИЛАМИНТА—Кризалью.

Вы мнѣ противорѣчить захотѣли?

Нельзя ли помолчать, совѣтъ дамъ добрый вамъ.

КРИЗАЛЬ.

Я только не хочу—вотъ вся моя забота—
Чтобъ брали дочь мою изъ одного разчета:
Приданое ея прибрать къ своимъ рукамъ.

ФИЛАМИНТА.

Не прибѣгайте вы къ подобнымъ пустякамъ.
О средствахъ умный мужъ заботиться обязанъ.

КРИЗАЛЬ.

Съ Клитандромъ, наконецъ, я честнымъ словомъ связанъ.

ФИЛАМИНТА—указывая на Триссотена.

А я ему согласіе дала,
Вотъ выборъ мой,—и болѣе ни слова.

КРИЗАЛЬ.

Не много-ль, матушка, ты на себя взяла?

МАРИНА.

Я сторону мужчинъ принять готова,
Не бабы дѣло ими помыкать.

КРИЗАЛЬ.

Мысль вѣрная.

МАРИНА.

Къ тому-жь, и то сказать,
Предъ пѣтухомъ молчать должны всѣ куры.

КРИЗАЛЬ.

Отлично сказано!

МАРИНА.

Найдутся балагуры—
И мужа осмѣютъ и доведутъ до слезъ,
Боль онъ женѣ даль власть во все совать свой носъ.

Конечно, такъ.

КРИЗАЛЬ.

МАРИНА.

И, вотъ вамъ крестъ, сама я
 Не вышла-бъ ни за что за мужа вадлака.
 Мужъ въ домѣ—голова и правая рука,
 А если-бъ, мужа бранью донимая,
 Дурить я начала, вполнѣ онъ былъ бы правъ,
 Мнѣ потасовку сильную задавъ.

КРИЗАЛЬ.

Какъ говорить! Умно и полногѣсно.

МАРИНА.

Нашъ баринъ справедливъ. Отцу, конечно, лестно
 Найти для дочери получше муженька.

КРИЗАЛЬ.

Еще бы нѣтъ!

МАРИНА.

Охота велика
 Отказывать красавчику такому,
 Любезному и молодому,
 И брать ученаго... Вотъ не видали бѣды!
 Не пара барышнѣ ученый книжникъ... Нѣтъ.
 Она не мараетъ по-латыни
 И за него идти по той причинѣ
 Не слѣдъ ей.

КРИЗАЛЬ.

Мнѣнне такое-жъ и мое.

ФИЛАМИНТА.

И нужно выносить подобное вранье!

МАРИНА.

Всѣ эти умники лишь ловки въ красноречивѣ,
 И для себя не выбрала бы я
 Ни одного изъ нихъ въ мужа.
 Ученость—дѣло лишнее въ хозяйствѣ;
 Гдѣ книги завелись, тамъ въ домѣ все вверхъ дномъ,
 И, если мнѣ признаться можно въ томъ,
 Желала-бъ для себя такого я супруга,

Чтобъ книгу онъ любилъ одну—
 Свою жену;
 Чтобъ понималъ букварь французскій туго,
 Ну, словомъ (барыня пусть недовольна мной),
 Мужъ долженъ быть ученъ лишь для меня одной.

ФИЛАМИНТА—Кризаль.

Конецъ или нѣтъ? Я слишкомъ терпѣливо
 Молчала. Все сказалъ вашъ милый адвокатъ?

КРИЗАЛЬ.

По-моему, Мартина справедлива.

ФИЛАМИНТА.

Довольно. Диспутъ конченъ. Поспѣшать
 Пусть волю матери исполнить абсолютно.
 Не повторять же мнѣ ежеминутно:
 Вотъ дочь моя, а вотъ ея женихъ.
 Не возражайте мнѣ. Соединяю ихъ
 Обоихъ навсегда я съ этого мгновенья.
 Когда же съ васъ Клитандръ взялъ слово, наконецъ,
 Пусть съ старшею сестрой идетъ онъ подъ вѣнецъ.

КРИЗАЛЬ.

Вотъ вамъ, въ концѣ-концовъ, и наше соглашенье!

Клитандру и Генриэттѣ.

Довольны вы?

ГЕНРИЭТТА.

Отецъ!..

КЛИТАНДРЪ.

Могу-ль...

ВЕЛИЗА.

Что до меня,
 Я знаю, кто зажечь въ немъ можетъ цѣль любовный,
 Но... мы на сторонѣ любви духовной
 И чистой, какъ свѣтило дня.

СЦЕНА IV.

ТЪ ЖЕ и АРИСТЪ.

АРИСТЪ.

Друзья мои, мнѣ очень неприятно
Являться вѣстникомъ печали въ этотъ часъ.

Вотъ два письма. Прочтите; вѣроятно,
Посланья поразятъ громовой вѣстью васъ.

ФИЛАМИНТЪ.

Во-первыхъ, къ вамъ одно письмо отъ прокурора.

КРИЗАЛЬ.

Другое же къ тебѣ съ Лионской почты, братъ.

ФИЛАМИНТА.

Какія же несчастья намъ грозятъ?

АРИСТЪ.

Прочтите и узнаете все скоро.

ФИЛАМИНТА—читаетъ.

«Милостивая государыня! Я просилъ вашего брата передать
«вамъ это письмо, изъ котораго вы узнаете то, что я не осмѣли-
«ваюсь передать вамъ лично. Большая небрежность, съ каковою
«вы относились къ вашимъ дѣламъ, была причиной того, что клеркъ
«вашего докладчика не извѣстилъ меня въ-время и вы положи-
«тельно проиграли процессъ, который должны были выиграть».

КРИЗАЛЬ.

Проигранъ вашъ процессъ!

ФИЛАМИНТА.

Чего-жъ смутились вы?

Такое малодушье непристойно,
И я, не опуская головы,
Ударъ судьбы перенесу спокойно.

«Недостатокъ заботливости обойдется вамъ въ 40 тыс. экю.
«По приговору суда вы присуждены уплатить эту сумму вмѣстѣ
«съ судебными издержками».

По при-го-во-ру! Я при-су-жде-на!
Однихъ преступниковъ третировать такъ можно!

АРИСТЪ.

Конечно, выразился онъ неосторожно:
 Стилистива его васъ возмущать должна.
 Онъ написать обязанъ былъ безспорно:

Судъ *проситъ васъ покорно*
 Всѣ деньги уплатить въ узаконенный срокъ.

ФИЛАМИНТА.

Другое же письмо?

КРИЗАЛЬ.

Въ немъ нѣсколько лишь строфъ.

Читаетъ.

«М. Г. Дружба, связывающая меня съ вашимъ братомъ,
 «даетъ мнѣ нѣкоторое право интересоваться и вашими дѣлами.
 «Мнѣ извѣстно, что Аргантъ и Дамонъ, въ рукахъ которыхъ на-
 «ходится вашъ капиталъ, объявлены въ настоящее время бан-
 «кротами».

Я разоренъ, мой Боже, совершенно!

ФИЛАМИНТА.

Вы взволновались черезчуръ!
 Что за отчаянье? Для избранныхъ натуръ
 Все это такъ обыкновенно:
 Богатство потерявъ, они въ самихъ себѣ
 Его найдутъ. Поэтому, судьбѣ,
 Не унывая, нужно повориться.

Указывая на Триссотена.

Онъ самъ богатъ и съ нами подѣлится.

ТРИССОТЕНЪ.

О, нѣтъ, сударыня. Вы можете назадъ
 Взять ваше обѣщанье.
 Я вижу — цѣлый свѣтъ единодушно радъ
 Разстроить наше бракосочетанье,
 А жить съ людьми въ ладу — одно мое желанье.

ФИЛАМИНТА.

Но вы иначе думали, пока
 О нашемъ разореньи не узнали.

ТРИССОТЕНЬ.

Я, наконецъ, усталъ. Хоть очень велика
Та честь, которую вы мнѣ предоставляли,
Но я скорѣй отъ счастья откажусь,
Чѣмъ противъ общаго желанія женюсь.

ФИЛАМИНТА.

Въ моихъ глазахъ упали вы позорно.
И я въ васъ вѣрила, такъ долго, такъ упорно!..

ТРИССОТЕНЬ.

Смотрите на меня, какъ вамъ угодно: нѣтъ
До этого мнѣ никакого дѣла.
Презрительный отказъ я получилъ въ отвѣтъ
Моей любви, и я — мнѣ совѣсть повелѣла —
Переносить безчестья не могу,
Хотя меня всегда считайте смѣло
За вашего покорнаго слугу.

Уходить.

СЦЕНА V.

ТѢ ЖЕ, безъ ТРИССОТЕНА.

ФИЛАМИНТА.

Продажная душа! Теперь все ясно стало!
Онъ на философа походить очень мало.

КЛИТАНДРЪ.

Хоть не философъ я, но предлагаю вамъ
Всего себя и все, что я имѣю,
Готовый съ вами, если только смѣю,
Дѣлить бѣды и счастье пополамъ.

ФИЛАМИНТА.

Цѣню и чувствую великодушье ваше.
Вы любите, я вижу, дочь мою:
Берите-жъ Генріотту.

ГЕНРИОТТА.

Нѣтъ, мамаша.

Я голосъ противъ подаю
И съ вашей волею должна не соглашаться.

КЛИТАНДРЪ.

Какъ? васъ ли слышу я? Могу-ль не изумляться?
 Когда препятствія отъ насъ устранены,
 Вы...

ГЕНРИЭТТА.

Знаю я, что вы, Клитандръ, бѣдны.
 Мечтая быть женою вашей, прежде,
 Давъ волю самой сладостной надеждѣ,
 Я часто думала о томъ, что этотъ бракъ
 Разстройство вашихъ дѣлъ поправитъ. Но не такъ
 Случилось: обѣдѣли мы, и я ли,
 Любя васъ искренно и свято, допущу,
 Чтобъ вы невзгоды наши радѣляли?

КЛИТАНДРЪ.

Но съ вами и въ бѣдахъ я счастье отыщу,
 А жизнь безъ васъ—томительная мука.

ГЕНРИЭТТА.

Въ васъ говорить любовь, любовь же—близорука.
 Нѣтъ, лучше жизни мы не будемъ отравлять.
 Ничто не портитъ такъ любви и наслажденья,
 Какъ нѣжды и житейскія лишенья,
 Которыя родятъ потомъ—какъ знать?—
 Упреки, жалобы и сердца охлажденье.

АРИСТЪ.

И у тебя причины нѣтъ иной
 Отказывать ему?

ГЕНРИЭТТА.

Нѣтъ, но его женой
 Не буду я, ему добра желая.
 Огъ слишкомъ дорогъ мнѣ, чтобъ за него пошла я.

АРИСТЪ.

Такъ будьте счастливы вы оба съ этихъ поръ.
 Банкротство, нищета—все это сущій вздоръ,
 Комедія невинная и ловко
 Придуманная мной военная уловка,
 За тѣмъ, чтобъ доказать и убѣдить сестру,
 Что намъ ея мудрецъ совсѣмъ не ко двору.

КРИЗАЛЬ.

Хвала Создателю!

ФИЛАМИНТА.

Я безконечно рада.

Мнѣ представляется невольно та досада
 Начала этого, когда парижскій свѣтъ
 Заговорить о пышной свадьбѣ всюду:
 Для жадности глупца урока лучше нѣтъ.

КРИЗАЛЬ—Клитандру.

Я зналъ впередъ, что вашимъ тестемъ буду.

АРМАНДА—Филаминтѣ.

Такъ вы меня имъ въ жертву принесли?

ФИЛАМИНТА.

Да, къ этому, ты видишь, всё пришла.

А ты... ты покорись такому приговору
 И въ философіи найди себѣ опору.

БЕЛИЗА.

А все-таки Клитандръ въ одну меня влюбленъ
 И женится съ отчаянія онъ.

КРИЗАЛЬ—нотариусу.

Пишите же контрактъ съ моею волей сходно,
 Какъ я вамъ приказалъ, какъ было мнѣ угодно.

ДМИТРІЙ МИНАЕВЪ.

ПОЛОЖЕНІЕ ССЫЛЬНЫХЪ

ВЪ

С И Б И Р И

Окончаніе.

IV *).

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ССЫЛЬНЫХЪ.

Однимъ изъ самыхъ печальныхъ результатовъ неудовлетворительнаго состоянія ссыльныхъ являются преступленія ихъ, обнаруживающія свое вліяніе на общій уровень нравственности. Конечно, ссыльные не приносятъ съ собой нравственныхъ элементовъ,—но сторонники ссылки выражаютъ всегда мнѣніе, будто преступники въ Сибири съ перемѣною мѣста и среды теряютъ свои дурныя наклонности и становятся нравственнѣе. Мало того, составилось мнѣніе, что Сибирь представляетъ даже меньшую преступность, чѣмъ Россія. Въ виду такого утвержденія необходимо повѣрить, дѣйствительно ли все это такъ. Мы уже видѣли, что обстановка ссыльныхъ и ихъ настоящее неудовлетворительное положеніе никакъ не могло способствовать особенному сохраненію нравственности. Тяжкія условія труда, нищета и бѣдность, отсутствіе осѣдлости, праздность и бродяжество, наклонность къ побѣгамъ не могли не усилить наклонности къ преступленіямъ.

---

*) См. выше: ноябрь, 313 стр.

Точно также не могъ благоприятствовать нравственности ссыльныхъ целибатъ, преобладаніе въ нихъ мужского населенія надъ женскимъ, предшествовавшая жизнь по острогамъ, долгое этапное странствованіе по прежнимъ тюрьмамъ, — все это не могло не отразиться на нравахъ ссыльныхъ. Но оставимъ все это въ сторонѣ и возьмемъ ссыльнаго, какъ человѣка, независимо отъ прошедшей его жизни; каково окажется развитіе его нравственности исключительно подъ вліяніемъ условій сибирской жизни?

Обращаясь къ мнѣніямъ лицъ, близо сталкивающихся съ ссыльнымъ населеніемъ, въ отчетахъ мѣстнаго начальства, наконецъ къ мнѣнію сибирскихъ обществъ и крестьянства, мы приходимъ къ заключенію, что отзывы эти о нравственности ссыльныхъ въ большинствѣ не особенно благоприятны и не даютъ права заключить многого объ ихъ способностяхъ и поведеніи.

Администрація, управлявшая ссыльными въ Сибири, давнымъ-давно высказывала взглядъ не особенно выгодный о жизни ссыльныхъ и ихъ нравственномъ достоинствѣ.

Изъ повдѣйшихъ отзывовъ мы можемъ указать на слѣдующее; вотъ что свидѣтельствуетъ иркутскій ревизоръ поселеній: «ссыльные ремесленники не отличаются нравственностью и въ большинствѣ пьянствуютъ. Ссыльные, иногда хорошіе работники и ремесленники, по низкой степени своей нравственности, лѣни и безопасности дѣлаются неспособными въ постоянному труду, почему и предаются бродяжеству или же уходятъ въ золотые промыслы, гдѣ работа временная и требуетъ не искусства, а физической силы. Съ подобными рабочими частная предпримчивость не можетъ двигаться». Такой отзывъ приводитъ томское начальство въ 1873 году. Енисейское губернское начальство говоритъ: «изъ цифръ, приведенныхъ въ статьѣ, «народная нравственность», очевидно, что громадный процентъ преступленій ссыльныхъ въ сильной степени подрываетъ и благосостояніе и нравственность населенія, среди котораго они живутъ». Якутское начальство даетъ слѣдующій отзывъ: «большинство поселенцевъ, находящееся въ заработкахъ на золотыхъ приискахъ, развратившееся въ тюрьмахъ, каторжной работѣ, арестантскихъ ротахъ и во время продолжительнаго слѣдованія ихъ въ Сибирь, продолжаетъ и здѣсь развивать всѣ дурныя наклонности. Они нисколько не беспокоятся о своей будущности, и все, что зарабатываютъ на приискахъ, оставляютъ въ литейныхъ заведеніяхъ и снова нанимаются въ работу, гдѣ и продолжаютъ свое существованіе, до негодности ихъ къ работѣ, нищенствуя, бродяжа и дѣлая преступленія». Всѣ отзывы сводятся къ тому, что единственный трудъ, доступный

для ссыльныхъ—золотопромышленный, дѣйствуетъ на нихъ исключительно деморализующимъ образомъ. Что касается отбывовъ мѣстнаго населенія, то оно исполнено еще большихъ предубѣждений. Названіе поселщика всегда намекаетъ въ Сибири на сомнительное нравственное качество. Поведеніе ссыльныхъ не пользуется репутациею, а трудъ ихъ чрезвычайно низко цѣнится по его достоинству. Что касается ссыльныхъ изъ бродягъ, то они совсѣмъ оказываются неспособными къ труду. Мѣстами отношенія туземнаго населенія къ ссыльному элементу доходить до ненависти. Не довѣряя вполне сложившемуся предубѣжденію, точно также какъ и считая его довольно неточнымъ опредѣленіемъ, мы должны однако обратиться къ болѣе доказательнымъ даннымъ въ опѣннѣ сравнительной нравственности ссыльныхъ и ихъ вліянія на окружающую среду. Единственно безспорною и опредѣленною мѣрвою, здѣсь могутъ быть цифры уголовной статистики и сумма преступности въ Сибири. Къ сожалѣнію, такихъ-то изслѣдованій и недоставало. Поэтому намъ составило не мало труда выдѣлить и добыть нѣкоторые свѣдѣнія по этой части ¹⁾.

Несмотря на то, уже нѣкоторые общія данныя по уголовной статистикѣ вообще Россіи указываютъ на участіе ссылки въ распредѣленіи преступленій. Уголовныя свѣдѣнія г. Анучина представляютъ намъ постоянное возрастаніе преступленій и увеличеніе преступности отъ запада къ востоку. Maximum этой преступности возрастаетъ въ приуральскихъ губерніяхъ. Къ сожалѣнію, уголовныя данныя эти кончаются предѣломъ Урала и не охватываютъ Сибири, которая не вошла еще въ нашу уголовную статистику. Но уже первое мѣсто по преступленіямъ, принадлежащее пермской и оренбургской губерніи, дало поводъ заключить изслѣдователю, что развитіе преступленій стоитъ здѣсь въ связи съ распространеннымъ бродяжествомъ бѣглыхъ и ссыльныхъ, возвращающихся изъ Сибири, что подтверждается и циф-

1) Обыкновенно преступленія ссыльныхъ, находившихся въ Сибири, свѣшивались съ преступленіями всѣхъ другихъ сословій въ Сибири. Въ общей же суммѣ преступности въ Сибири входила въ общіе итога преступности всей Россіи. Во-вторыхъ, отъ преступленій ссыльныхъ доставлялся только изъ судебныхъ мѣстъ, между тѣмъ какъ значительная часть преступленій совершенно не входила въ счетъ, такъ какъ ссыльно-поселенцы и каторжанне и особенно бродяги подлежали въ Сибири разбирательству различныхъ учреждений: на каторгѣ—заводскому начальству, на приискахъ—горному начальству, въ городахъ—гражданскимъ судамъ, судамъ военнымъ, полицейскимъ учрежденіямъ, разбиравшимъ исключительно бродягъ,—торемному начальству и т. д., которыя никогда не соединялись въ одну вѣдомость, а о многихъ до сихъ поръ свѣдѣній не имѣется.

рами (Анучинъ, Матер. къ Угол. Статист. Россіи. Ч. I, ст. 188). Это одно уже даетъ намёкъ, что востокъ въ дѣлѣ уровня преступности едва ли подлежитъ особому исключенію, и что положеніе его не можетъ находиться въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ со-сѣднія съ нимъ губерніи. Напротивъ, возрастающая прогрессія преступности по направленію къ Уралу намекаетъ на совершенно обратное.

Позднѣйшія свѣдѣнія министерства юстиціи за 1867 и 1868 годы указываютъ, что сибирскія губерніи въ общемъ распредѣленіи преступленій также занимали не послѣднее мѣсто, въ связи съ сѣверо-восточными губерніями Россіи; хотя данныя эти собраны только изъ однихъ судебныхъ мѣстъ, но и изъ этихъ свѣдѣній видно, что наибольшее число приговоренныхъ было по губерніямъ *казанской*, *нижегородской*, *пензенской* и *пермской*. По бродяжеству болѣе всего осужденныхъ въ *пермской*, *херсонской* и *енисейской*. По смертоубійству въ 1867 году первыя губерніи *бавинская*, *полтавская* и *томская*. Въ 1868 г. осужденныхъ за убійства болѣе всего въ *киевской* и *тобольской*. Оставленныхъ въ подозрѣніи болѣе всего въ *пермской*. По нарушенію монетнаго устава судилось болѣе всего въ *тобольской* губерніи.

Число преступленій, сдѣланныхъ поселенцами и каторжными и бывшихъ на разсмотрѣніи судебныхъ мѣстъ въ Сибири, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ министерство юстиціи, считалось въ 1867 году — 93 и 1868 — 98. Первое мѣсто занимали по преступленіямъ ссыльныхъ бродяжество, второе — убійство, третье — воровство, четвертое — зажигательство. Цифра 98 преступленій однако составляетъ, какъ мы увидимъ ниже, только ничтожную часть общаго числа преступленій ссыльныхъ въ Сибири. То же подтверждается и опубликованной таблицей о преступленіяхъ ссыльныхъ съ 1838 по 1847 г., взятой, вѣроятно, изъ отчетовъ приказа о ссыльныхъ (таблица эта напечатана нынѣ въ иркутскомъ календарѣ на 1875 г., стр. 177). Какъ ни неполны подобныя свѣдѣнія, но распредѣленіе преступленій и въ ней показываетъ, что вслѣдъ за бродяжествомъ, которое мы не вносимъ въ число уголовныхъ преступленій, первую роль играетъ у ссыльныхъ убійство, вторую — воровство, третью — грабежъ, четвертую — поддѣлка ассигнацій. Но для насъ, конечно, болѣе интересны самыя позднѣйшія и болѣе полныя свѣдѣнія. Собственно преступленій по послѣднимъ отчетамъ во всей Сибири значилось: въ иркутской губерніи въ 1872 г. 426, и число осужденныхъ 160; въ 1873 г. число преступленій было 473, число осужденныхъ 113; въ енисейской губерніи по статистикѣ 1873 г. преступленій 1545 и

осужденныхъ 1188, на население въ 372,000; въ томской губерніи преступленій было 826, осужденныхъ 401; въ забайкальской области въ 1873 г. число преступленій 73, число осужденныхъ 137; въ приморской области за тотъ же годъ преступленій 35, осужденныхъ 102; въ якутской области преступленій 112, осужденныхъ 43; въ Семипалатинской области преступленій 285, осужденныхъ 41. (Въ Семипалатинской области ссыльныхъ нѣтъ). По уголовнымъ отчетамъ, въ сибирскихъ губерніяхъ первое мѣсто по роду преступленій занимаетъ смертоубійство, второе—поддѣлка кредитныхъ бумагъ, третье мѣсто—кража, четвертое—нанесеніе ранъ. Въ эти дѣла судебныхъ мѣстъ не вошло бродяжество, которое занимаетъ конечно первое мѣсто въ Сибири. Распределеніе преступленій, какъ мы видимъ, совершенно оригинально. Въ російскихъ губерніяхъ распределеніе преступленій идетъ въ такомъ порядкѣ: кража, грабежъ, смертоубійство, зажигательство, увѣчья и раны ¹⁾. Проявленіе въ Сибири на первомъ планѣ такихъ преступленій, какъ убійство, грабежъ, поддѣлка монеты, нанесеніе ранъ, показываетъ уже на какія-то особыя условія проявленія преступленій. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь имѣетъ вліяніе ссылка. Значеніе цифръ мѣстной уголовной статистики объясняется слѣдующими характеристиками мѣстной нравственности въ отчетахъ губернаторовъ. Мѣстную уголовную лѣтопись сибирскіе начальники губерніи дополняютъ слѣдующими характеристиками: пополняясь людьми, не имѣющими твердыхъ нравственныхъ убѣжденій, томская губернія, какъ и вся Сибирь, представляетъ больше всякой другой страны вѣроятности для проступковъ и преступленій. Вообще ссылки обнаруживаютъ на нравственность народа самое неблагоприятное вліяніе, и это вліяніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе отношеніе ссыльныхъ къ коренному населенію. Преступленія въ томской губерніи увеличились въ такомъ порядкѣ: въ 1870 г. ихъ было 639; въ 1871 г.—893; въ 1872 г.—766; въ 1873 г.—826, т.-е. въ годъ увеличились на 60. Кражъ было 206; убійствъ—100; увѣчій и нанесеній ранъ—82. Число преступленій по нарушенію устава монетнаго и поддѣлки кредитныхъ билетовъ равнялось: въ 1870 г. — 83-мъ; въ 1871 г. — 132-мъ; въ 1872 г.—90; въ 1873 г.—93-мъ. Фальшивые кредитные билеты входятъ въ губернію путемъ провоза ихъ арестантскими нартіями и проходящими бродягами; часть ихъ поддѣлывается на мѣстѣ преимущественно ссыльными. Сбытъ ихъ произ-

¹⁾ См. общ. обз. дѣятельности судебныхъ мѣстъ и статистическихъ свѣдѣній о подсудимыхъ, изд. министерства юстиціи, 1874 г.

водится инородцамъ и малограмотнымъ крестьяцамъ. Бродягъ поймано въ четыре года 3869 человекъ» (Томскій отчетъ).

Еще болѣе наглядную картину преступлений представляетъ енисейская губернія по отчетамъ губернатора. Въ теченіе 1873 г. разсмотрѣно было въ судебныхъ мѣстахъ 1545 дѣлъ; число осужденныхъ въ общемъ населеніи губерніи составляетъ больше 0,4% или 4 осужденныхъ на 1000 человекъ. Противъ 1872 г. число осужденныхъ болѣе на 267 человекъ и число преступленій на 554. По многочисленности первое мѣсто между преступлениями занимаетъ смертоубійство, составляя 72% въ общемъ числѣ преступленій; затѣмъ слѣдуютъ: воровство-кража и воровство-мошенничество — 23,3%; нанесеніе ранъ и увѣчій — 15,6%; нарушеніе уставовъ монетныхъ — 5,9%; грабежи — 4,6%; преступления по службѣ государственной и общественной — 3,3%; бродяжество — 2,9%; личныя оскорбленія — 2,4%; нарушенія по питейному сбору и авцизу — 2,0%; разбой — 1,4%; нарушеніе осторожности отъ пожаровъ — 1,1%; остальные преступления составляютъ 9,5% общаго числа преступленій. Число же осужденныхъ по каждому изъ преступленій въ общему числу осужденныхъ представляется въ слѣдующемъ процентномъ отношеніи: въ смертоубійствѣ число осужденныхъ 24,6%; въ кражѣ — 23,2%; въ нанесеніи ранъ и увѣчій — 18,3%; въ нарушеніи уставовъ монетныхъ — 6,0%; въ грабежѣ — 5,1%; въ преступленияхъ по службѣ государственной и общественной — 3,8%; въ бродяжествѣ — 2,5%; въ разбоѣ — 1,5% и по нарушенію осторожности отъ пожаровъ — 1,1%. Осужденные по всѣмъ остальнымъ преступленіямъ составляютъ только 10,0%. Преступныя женщины составляютъ 7,4% общаго числа осужденныхъ. По сословіямъ, въ числѣ осужденныхъ было дворянъ потомственныхъ и личныхъ — 1,2%; купцовъ и мѣщанъ — 15,5%; крестьянъ — 23,5%; военнаго сословія — 7,3%; инородцевъ — 13,1%; поселенцевъ — 30,6% и ссыльно-ваторжныхъ — 8,8%. Принимая во вниманіе, что въ числѣ крестьянъ есть крестьяне изъ поселенцевъ, оказывается, что болѣе половины всѣхъ преступленій совершено уже разъ осужденнымъ въ російскихъ губерніяхъ населеніемъ: поселенцами, каторжными и крестьянами изъ поселенцевъ. Изъ 507 человекъ поселенцевъ и ссыльно-ваторжныхъ, осужденныхъ за всѣ преступления, обвинено: въ смертоубійствѣ 135 чел., что составляетъ 26,7% общаго числа обвиняемыхъ; въ воровствѣ-кражѣ и въ воровствѣ-мошенничествѣ — 21,1%; въ нанесеніи ранъ, увѣчій и другихъ поврежденій — 19,5%; въ нарушеніи уставовъ монетныхъ — 5,0%; въ остальныхъ 22-хъ разныхъ преступленіяхъ обвинено изъ 507

чел. только 65, или 12,9⁰/₀, слѣдовательно, это пришлое населеніе совершаетъ самыя важныя преступленія.

О преступленіяхъ иркутской губерніи, выпадающихъ на долю ссыльныхъ, мы собрали слѣдующія свидѣнія: въ 1868 г. осуждено было къ каторгѣ 19 чел., къ ссылкѣ и на водвореніе — 5 и къ исправительнымъ наказаніямъ — 51 ч. Изъ числа 19 приговоренныхъ къ каторгѣ 11 ч. ссыльно-поселенцевъ. Въ 1871 году, къ каторгѣ приговорено 30 чел., изъ нихъ поселенцевъ 26 ч., къ исправительнымъ наказаніямъ 85 чел., въ числѣ ихъ ни одного поселенца; въ 1872 г. къ каторгѣ приговорено 42 ч., въ томъ числѣ 31 поселенецъ; къ исправительнымъ наказаніямъ 118 чел., въ числѣ приговоренныхъ 31 поселенецъ и 39 другихъ сословій. По вѣдомости о преступленіяхъ за 1873 г. видно, что ссыльныхъ осуждено было 38 ч. по губерніи, т.-е. столько же, сколько крестьянъ, не считая осужденныхъ бродягъ; все это показываетъ, во-первыхъ, что число уголовныхъ преступленій въ четыре года увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое, и, во-вторыхъ, что болѣе важныя преступленія совершаются исключительно ссыльными ¹⁾. То же самое обнаруживается и изъ другихъ вѣдомостей. Въ забайкальской области въ 1873 г. совершено было 73 преступленія, изъ которыхъ главную роль играли убійство, нанесеніе ранъ и кража; въ теченіе года ссыльно-каторжными сдѣлано было 50

¹⁾ Въ дополненіе къ этимъ даннымъ имѣются слѣдующія свидѣнія. Всѣ сибирскія тюрьмы, какъ извѣстно, переполнены ссыльно-поселенцами: изъ 189 подсудимыхъ арестантовъ, содержащихся съ 1-го октября 1874 г. въ иркутской тюрьмѣ, 86 челов. поселенцы, 15 каторжные и только 42 чел. люди полноправные; итакъ, 69% содержащихся арестантовъ приходится на долю ссыльнаго элемента; слѣдующая таблица покажетъ, за что именно содержится большинство поселенцевъ.

Побѣги и бродяжество	35
Кража со взломомъ	12
Монокрадство	8
Убійство	7
Переимѣна имени и фамиліи	5
Нанесеніе ранъ	4
Грабежъ	3
Подлогъ	4
Поддѣлка монетъ	2
Переводъ хлѣбческаго золота	2
Захватъ	1
Проживаніе по фальшивому виду	1
Оскорбленіе должностныхъ лицъ	1
Разбой	1
Итого	86

преступлений; сверхъ того, судилось пойманныхъ 372 бродяги. О нравственности якутской области, начальникъ области въ 1873 г. заявляетъ: преступленийъ въ 1873 году, въ сравненіи съ предшествовавшимъ годомъ, увеличилось на 60, и прибавляетъ, что большинство осужденныхъ ссыльные, лишенные всѣхъ правъ состоянія за прежнія преступленія, и какъ безнравственные, уже разъ сосланы въ отдаленную область.

Такимъ образомъ, уголовная статистика приводитъ насъ къ совершенно другимъ результатамъ, чѣмъ до сихъ поръ предполагалось. Она показываетъ, что ссыльное населеніе далеко не такъ добродѣтельно и нравственно, какъ думали, а Сибирь далеко не обладаетъ такимъ спокойствіемъ, какъ увѣряютъ.

Мѣстная уголовная статистика открываетъ намъ: 1) что преступность въ Сибири превосходить всѣ другія мѣстности; 2) дѣйствица преступленийъ представляетъ то оригинальное явленіе, что здѣсь крупныя и самыя опасныя преступленія стоятъ въ первомъ ряду, какъ убійство; 3) Сибирь, благодаря ссылкѣ, обладаетъ нѣкоторыми специфическими преступленіями, какъ-то: бродяжествомъ и поддѣлкой монеты и кредитныхъ бумагъ, стоящими—бродяжество на первомъ мѣстѣ передъ убійствомъ, а преступленіе по поддѣлкѣ монеты на второмъ мѣстѣ послѣ убійства; 4) усиленіе преступленийъ въ Сибири годъ-отъ-году возникаетъ въ неимовѣрно быстрой прогрессіи. Такъ, въ томской губ. оно увеличивается ежегодно на 60 по отношенію къ цифрѣ 600. Въ якутской тоже на 60, въ енисейской возрасло въ годъ на 500 съ 1000 и въ иркутской увеличилось въ четыре года болѣе чѣмъ вдвое; 5) въ заключеніе, исчисленія уголовной статистики обнаруживаютъ, что преступленія въ Сибири падаютъ въ большинствѣ на долю ссыльныхъ. Такъ, по официальному отчету енисейской губерніи заявлено, что болѣе 50% самыхъ тяжкихъ преступленийъ совершалось ссыльными. Осужденныхъ изъ крестьянъ было 23,54, поселенцевъ и ссыльно-каторжныхъ—39,04. Въ иркутской губерніи отношенія осужденныхъ ссыльныхъ къ свободнымъ сословіямъ, по тяжко-уголовнымъ дѣламъ, выражается въ такомъ отношеніи: сослалось въ три года въ каторгу 11 ссыльныхъ на 8 крестьянъ, 24 на 4, 31 на 11, и въ 1873 г. осужденныхъ было какъ ссыльно-поселенцевъ, такъ и крестьянъ по 38. Но при этомъ надо принять еще во вниманіе число тѣхъ и другихъ. Количество преступленийъ ссыльныхъ распредѣляется на ихъ число въ 40 и 45,000, число же преступниковъ остальныхъ сословій на количество жителей въ 327,000 и 328,000 жителей—это разница огромная. При такой пропорціи численное преобладаніе количества преступ-

лений ссыльныхъ обнаруживаетъ, что преступность между ссыльнымъ сословіемъ является не только не ничтожною, но поразительною. Вотъ факты, которые не могутъ не быть признаны значительными.

Въ дополненіе въ уголовнымъ свѣдѣніямъ и анализу преступленій въ Сибири, мы предприняли просмотръ всѣхъ происшествій и уголовныхъ случаевъ, публикуемыхъ въ «Сибирскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», чтобы имѣть понятіе объ ихъ характерѣ и участи ссыльнаго элемента. Несмотря на числовыя отмѣтки этихъ случаевъ, мы не могли, однако, ими воспользоваться въ хронологическомъ порядкѣ, такъ какъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ происшествія и случаи велись безъ всякаго порядка, доставлялись случайно и неаккуратно; но и здѣсь участіе ссыльнаго элемента не можетъ не быть замѣчено. Такъ, въ группѣ происшествій и уголовныхъ случаевъ повсюду фигурируютъ поселенцы. Точно также отношеніе ихъ и здѣсь довольно значительно: отъ 20—60 на 100 случаевъ.

Происшествія, публикуемыя въ губернскихъ вѣдомостяхъ, точно также даютъ намъ возможность составить себѣ понятіе объ особенностяхъ многихъ сибирскихъ преступленій и ихъ мѣстномъ типическомъ характерѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ преступленій.

Въ богородской волости произошелъ пожаръ—подозрѣвается ссыльно-поселенецъ въ поджогѣ.

Найдено мертвое тѣло, принадлежащее ссыльно-поселенцу.

Ссыльно-поселенецъ N пробовалъ лишить себя жизни шиломъ въ банѣ, страдая въ послѣднее время тоской по родинѣ.

Найдено въ полѣ мертвое тѣло неизвѣстнаго человѣка съ «туясомъ» и «котомвой», очевидно бродяга; трупъ уже разложился (одинъ изъ 400,000 пропавшихъ въ Сибири безъ вѣсти).

Въ канскомъ округѣ на покосѣ поселенца Чистякова найдены человѣческія кости.

Вверху рѣки Оми проплылъ трупъ.

Въ курганскомъ округѣ въ болотѣ найдено мертвое тѣло.

Въ Курганѣ найдена отпиленная мертвая рука (часто убитыхъ бродягъ крестьяне изрѣзываютъ и разбрасываютъ, чтобы не попался трупъ).

Бродяга зашелъ переочевать къ крестьянину, который засталъ его въ любовной связи съ женой и убилъ его. (Томск. Губерн. Вѣдомост. 1859 г.).

Бродяги увели женщину съ покоса.

Крестьяне распяли пойманнаго бродягу, за кражу, на деревѣ;

крестьяне подковали бродягу, т.-е. отбили пяты за кражу въ погребѣ, ночью.

У крестьянъ на пашнѣ украдено 2 сошника.

Въ маріинскомъ округѣ боготольской волости ссыльный поселенецъ Иванъ Опявъ, бѣжавшій изъ арестанской роты во время поимки, нанесъ раны ножомъ 2 человѣкамъ, ловившимъ его.

Поселенецъ, жившій въ услуженіи, убилъ семейство и раскроилъ голову младенцу.

Бѣгло-кагоржый татаринъ зарѣзалъ на дорогѣ беременную женщину.

Крестьянинъ NN волости попался въ кабацѣ съ фальшивою бумажкой и объявилъ, что получилъ ее отъ ссыльно-поселенца.

Кромѣ того, образчиковъ преступленій могутъ быть слѣдующія. «Иркутскія Губернскія Вѣдомости» сообщаютъ, что въ киренскомъ округѣ, въ деревнѣ Чугуевой, 10-го мая, въ одиннадцатомъ часу вечера, поселенцы: (ссыльные) Вукановъ 22 лѣтъ, и Мухамедъ Непомнящій 50 лѣтъ, чрезъ взломъ окна въ питейномъ заведеніи крестьянина Якова Черкашина, вошли въ горницу, гдѣ спали самъ Черкашинъ съ женою, оба пьяные и дочери ихъ: Анна 15 лѣтъ, у которой были на рукахъ отцовскія деньги, и Авдотья 5 лѣтъ. Злодѣи изранили прежде всего маленькую дѣвочку, которая вскорѣ и умерла затѣмъ; допытываясь денегъ у Анны, нанесли ей нѣсколько тяжелыхъ ранъ, и отняли деньги, хотѣли убить, но въ это время постучался поселенецъ Вороновъ. Узнавъ его голосъ, Анна начала кричать и звать на помощь, что и заставило бѣжать убійцъ.

Изъ Ишима, отъ 28 февраля 1875 года, извѣщали въ «Биржу»: въ послѣдній день масляницы, 22 февраля, въ нашемъ городѣ было совершено звѣрское, неслыханное преступленіе. Подъ вечеръ этого дня, въ устроенной среди города горѣ для катанья подъѣхало трое ухарей, схватили въ свои сани дѣвушку тринадцати лѣтъ и увезли ее за городъ, несмотря на отчаянныя вопли несчастной жертвы. За городомъ дѣвочка была растлѣна и изнасилована троими похитителями поочередно. Потомъ негодяи возвратились въ городъ и выбросили полумертвую дѣвочку на улицу. Полиція, не могшая предупредить звѣрскаго преступленія, хотя и оказала энергію при розыскѣ злодѣевъ, но дѣвочкѣ это не было утѣшеніемъ: она черезъ сутки умерла въ городской больницѣ.

Недавно изъ Красноярска было разсказано такое событіе. Въ мѣстной женской гимназіи пропала горничная. Вслѣдъ затѣмъ найдена была на берегу обезображенная голова, косы продѣты

въ уши. Далѣе, собака таскала по городу человѣческую руку. По этимъ частямъ узнали пропавшую дѣвушку; она была варварски умерщвлена и изрѣзана, у ней вырѣзаны были груди, половыя части и проч. Одновременно въ городѣ исчезли швейцаръ женской гимназіи и писарь изъ какой-то канцеляріи, на которыхъ и падало подозрѣніе. Вскорѣ оказалось, что они были оба ссыльно-каторжные, жившіе въ Красноярскѣ по фальшивымъ паспортамъ, и одинъ изъ злодѣевъ былъ даже сторожемъ дѣвичьескаго заведенія. Наконецъ, характеристическимъ происшествіемъ можетъ служить преступленіе въ Иркутскѣ, 5 октября 1873 г. Въ Иркутскѣ была убита вдова, купчиха Чурина, съ дочерью, кухарка, бурятъ работникъ и дворникъ; послѣдніе двое брошены въ Ангару, на набережной которой стоялъ домъ Чуриныхъ; горничная дѣвушка была обезвѣщена однимъ изъ убійцъ и задушена петлей, но по счастливой случайности осталась жива и явилась впослѣдствіи единственной обличительницей преступниковъ. Вообще убійство это сопровождалось возмутительнѣйшими истязаніями. Конечно, обстоятельство это надѣлало много шума въ столицѣ нашей ссыльной страны, хотя подобныя убійства не рѣдкость въ здѣшнемъ краѣ. Убійство было совершено по заранее обдуманному плану и составляло, говорятъ, первое изъ задуманныхъ. Въ преступленіи участвовали трое ссыльно-поселенцевъ и трое бродягъ. Преступники вели себя на судѣ, какъ и передъ наказаніемъ, весьма хладнокровно. Нѣкоторые изъ нихъ сознавались на судѣ въ совершенномъ злодѣйствѣ, говорили весьма спокойно: «взялъ да и придушилъ», или: придушилъ да и бросилъ въ Ангару». Нѣкоторые изъ нихъ въ тюрьмѣ еще общались перерѣзая половину города; они были уроженцы витебской, каменецъ-подольской и тверской губерній, ссыльные въ Сибирь, попавшіе въ чуждую страну, озлобленные на все ихъ окружающее. Въ виду звѣрскаго преступленія трое изъ главныхъ преступниковъ, виновныхъ въ убійствѣ и грабежѣ, судимы были военнымъ судомъ и приговорены къ повѣшенію. Иркутскъ былъ свидѣтелемъ самаго ужаснаго зрѣлища.

Значительная часть сибирскихъ преступленій отличается звѣрствомъ и грубостью. Это зависитъ какъ отъ свойства преступниковъ, озлобленныхъ каторжниковъ, артистовъ преступленія, такъ и отъ мѣстныхъ суровыхъ и огрубляющихъ условій жизни. Въ Сибири, какъ въ странѣ дѣвственной, пустынной, при слабомъ вліяніи власти и полиціи, преступленіе становится смѣлѣе и необузданнѣе; наконецъ, благодаря простотѣ жизни, патріархальности и слабо развитой гражданственности и отсутствію город-

своей цивилизаціи, которая всегда предполагаетъ большую осторожность преступленія, проявляются безъ утонченности и хитрости, а въ самыхъ грубыхъ и простыхъ формахъ. Люди, наблюдавшіе жизнь ссыльныхъ на золотыхъ приискахъ, передавали на примѣръ, что въ Сибири тонкій мошенникъ часто дѣлается грубымъ злодѣемъ; гдѣ онъ дѣйствовалъ прежде утонченными средствами съ помощью хитрости, обмана, изобрѣтательности, тамъ, въ Сибири, дѣйствуетъ просто «обухомъ топора», потому что и изобрѣтательности такой не требуется.

Однако въ Россіи сложилось мнѣніе, что въ Сибири рѣшительно не замѣчается опасности для гражданской жизни, и мѣстные жители никогда не жалуются на преступленія, а потому заключили, что самыя преступленія, исключительны и рѣдки. Чтобы выяснитъ себѣ это, мы составили хронику за два послѣдніе года обо всѣхъ печатавшихся, выходившихъ изъ ряда событіяхъ, въ газетахъ, которая можетъ довершитъ картину мѣстной жизни.

Хроника эта содержитъ 33 возмутительныхъ происшествія и дополняется слѣдующими свѣдѣніями о нѣкоторыхъ городахъ. При перепискѣ томской городской управы по поводу усилившихся преступленій оказывается, что съ 1 іюля по 7 октября 1874 г. въ городѣ было 30 случаевъ убійствъ и воровства, а по полицейской вѣдомости показано 58 преступленій этого рода. — въ три мѣсяца. По обнаруженнымъ свѣдѣніямъ газеты «Сибирь», въ районѣ иркутскаго военнаго округа ежегодно рѣшается отъ 30 до 40 дѣлъ, которыя прекращаются за неотысканіемъ виновныхъ. Наконецъ, изъ Енисейска намъ пишутъ далѣе, какъ въ нынѣшнюю зиму сообщалось слѣдующее: «лишь только успѣли несчастные обыватели оправиться отъ горя и успокоиться послѣ страшной катастрофы (извѣстнаго пожара), какъ внезапно, негаданно у нихъ явилась новая тревога и новое безпокойство за свою жизнь и имущество. Въ городѣ, въ теченіе самаго короткаго періода времени, было совершено нѣсколько убійствъ, грабежей и кражъ. Нѣкоторыя изъ этихъ преступленій, по своему звѣрскому характеру, смѣлости и неразборчивости въ отношеніи мѣста и времени ихъ совершенія, положительно выходили, какъ говорится, изъ ряду вонъ: были случаи кровавыхъ сценъ среди бѣлаго дня, на людныхъ улицахъ. Паника до того овладѣла мѣстнымъ обществомъ, что, несмотря на его привычное равнодушіе ко всякаго рода преступленіямъ, въ средѣ его раздались сильныя протесты и явное негодованіе на бездѣйствіе мѣстной полиціи».

Такиѣ факты не даютъ повода заключить о значительной без-

опасности жизни въ краѣ. Но фактъ незамѣченности преступленій въ Сибири точно также получилъ настоящее объясненіе въ послѣднее время: онъ объясняется привычкою къ преступленіямъ. Самыя ужасныя преступленія здѣсь не производятъ впечатлѣнія. Вотъ что объ этомъ пишетъ одинъ изъ наблюдателей сибирской жизни: «въ одну зиму, часовъ въ 6 вечера, было невозможно ходить по улицамъ. Какіе-то молодцы, съ пѣснами, на тройкѣ, въ вощевѣ развѣзжали по городу и ловили арканомъ и баграми проходящихъ и провѣжающихъ по улицамъ. И все это сходило съ рукъ и считается вещью крайне обыкновенною, къ которой жители привыкли и приглядѣлись. Предметъ для разговоровъ всегда есть; но тонъ самыхъ разговоровъ идетъ какъ о погодѣ. Какая-нибудь кумушка совершенно хладнокровно, нисколько не возмущаясь, рассказываетъ объ убійствѣ или воровствѣ, какъ будто дѣло идетъ о зарѣзанномъ теленкѣ или разбитой посудинѣ. Въ первое время я удивлялся подобнымъ вещамъ, потомъ мало-по-малу совершенно привыкъ и обжился» ¹⁾).

Сибирь въ этомъ случаѣ похожа на постоянное поле битвы, гдѣ оставшіеся въ живыхъ весьма мало говорятъ объ убитыхъ. При темнотѣ и невѣжествѣ сибирской массы населенія, общество долго не замѣчало окружающихъ явленій, оно не жаловалось на ссылку и совершенно сжилось съ своимъ положеніемъ. Если заявлялись жалобы по поводу преступленій, то обвинялась обыкновенно недостаточная бдительность полиціи. Такихъ жалобъ мы не мало встрѣчаемъ въ корреспонденціяхъ, а въ послѣднее время въ Томскѣ объ этомъ загорѣлось цѣлое дѣло. Городская управа, въ виду усилившихся грабежей и кражъ (а уголовная хроника этого города, какъ видно, поразительная), просила полицію усилить бдительность и наблюдать за ночными сторожами. Полиція обидѣлась. А за представленіе томскому губернатору на видъ этихъ происшествій вся городская управа въ наличномъ составѣ отдана была подъ судъ. Дѣло это перенесено въ сенатъ. На самомъ дѣлѣ въ городѣ съ 1 іюля по 7 октября 1874 г. было 30 случаевъ убійства и воровства, а по «Полицейскимъ Вѣдомостямъ» показано 58 преступленій этого рода въ три мѣсяца. Вотъ источникъ этихъ пререканій! Такія пререканія не рѣдкость въ Сибири въ виду мѣстныхъ особенностей края.

Однако настоящія причины преступленій начинаютъ все чаще выясняться.

Нравственное вліяніе ссылки, кромѣ того, отражается и мно-

¹⁾ См. Не столь отдаленнаго мѣста Сибири. „Отеч. Зап.“ 1875, июль, ст. 19.

гими другими явлениями въ Сибири. Такъ, указывается на развитіе разврата, незаконныхъ сожитій и увеличеніе незаконныхъ рожденій въ краѣ. Иркутская губернія, по числу незаконныхъ рожденій, напримѣръ, занимаетъ второе мѣсто. (Въ иркутской губерніи на 100 т. жителей приходилось 391 незаконнорожденный, въ Петербургѣ 497, въ Москвѣ 237, а въ саратовской и рязанской губ. 51—52). Несоразмѣрность половъ между ссыльными естественно влечетъ къ разврату; тѣ же явленія замѣчались и въ Австраліи и, по словамъ Дюкэна, составляютъ самую невыгодную сторону ссылки.

Точно также указываютъ въ Сибири на распространеніе сифилиса, заносимаго партіями. Въ иркутской губерніи называютъ цѣлыя селенія, гдѣ эта страшная болѣзнь поражаетъ людей, совокупно семьями, не исключая грудныхъ и рождающихся дѣтей. Д-ръ Шпрекъ о томъ же свидѣтельствуетъ на Амурѣ. Кромѣ того, ссылка, говорятъ, не могла остаться безъ нравственнаго вліянія на самое воспитаніе сибиряковъ, на ихъ нравы. Наши учителя, пишетъ одинъ сибирякъ, няньки, гувернеры, капиталисты, мѣстная интеллигенція и даже самыя власти, напримѣръ волостные писаря—изъ ссыльныхъ, что не могло остаться безъ послѣдствій. Мѣстное общество заражалось вліяніемъ преступниковъ. Ссылные научили сибирское крестьянство страсти къ промыслу фальшивыми билетами; здѣсь существуетъ цѣлый воровской промыселъ срѣзыванія чаевъ, въ которомъ не рѣдко участвуютъ сами купцы, какъ недавно открылось въ Канскѣ.»—Въ Сибири существуетъ множество спекулянтовъ, которые служатъ только организаторами преступленій, для которыхъ исполнителей доставляетъ бродячее сословіе; организаторъ долженъ скрыть и спроводить продуктъ преступленія, и конечно ему достается львиная часть при этомъ. Сосланные коноврады, фальшиво-монетчики, срѣзывать чаевъ, находятъ у подобныхъ лицъ пріютъ и практику; поэтому неудивительно, что торговля не распространяется, и въ нѣкоторыя мѣста бываетъ иногда не безопасно купцу ѣздить. Отсутствію личной безопасности слѣдуетъ приписать отсталость Сибири въ промышленномъ отношеніи, вялость взаимныхъ сношеній и невѣжественное состояніе края. Ссылка производитъ растлѣвающее вліяніе и на другія сферы общественной жизни. Оно охватываетъ сибирскую промышленность, практику чиновничества и наконецъ даже простирается на воспитаніе дѣтей. Г. Максимовъ говоритъ, что сибирскіе варианты русскихъ сказокъ наполняются бродяжескими персонажами; извѣстно также, что си-

бирскія дѣти играютъ «въ бродягъ», «въ поджоги», и даже разыгрываютъ сцены бродяжескаго самосуда.

Понятія о собственности и гражданственности въ Сибири поэтому болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, поколеблены, пренебреженіе къ чужому интересу развило хищничество и неразборчивую наживу; борьба съ ссыльными породила самосудъ, массу безправія; наконецъ самая ссылка извратила до извѣстной степени нравы администраціи. — Вредное вліяніе неравноправности сибирскаго населенія отражается и на нравахъ полицейской администраціи Сибири. Привыкнувши болѣею частью практиковать свою власть на бродягахъ, сибирскій чиновникъ практикуетъ тѣ же средства для узнанія истины, или для исправленія зла, и на полноправной части сибирскаго населенія. Лучшимъ примѣромъ этого можетъ служить слѣдующій случай: 1871 г., смотритель карійскаго золотого промысла, Демидовъ, открылъ убійство, совершенное однимъ ваторажнымъ; чтобы раскрыть всѣ подробности преступленія, Демидовъ пыталъ черезъ палача жену убійцы, которая была женщина свободная, пришедшая въ Сибирь съ мужемъ добровольно и, слѣдовательно, избавленная отъ тѣлеснаго наказанія; потомъ онъ пыталъ одиннадцатилѣтнюю дочь убійцы; дѣвочку держали на воздухѣ и палачъ сбѣе ее розгой съ головы до пятъ; ребенку даже было дано нѣсколько ударовъ плетью, и, когда она попросила пить, ей подали соленого омуля. Плетей дано было бы и больше, еслибы самъ палачъ не отказался продолжать битье. И между тѣмъ жестокость Демидова есть естественное послѣдствіе того воспитанія, которое онъ долженъ получить, долго управляя ссыльной массой. Все это далеко не свидѣтельствуетъ о благотворительномъ нравственномъ вліяніи ссылки. Въ заключеніе мы считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько выписокъ изъ корреспонденцій, выражающихъ отношеніе мѣстнаго общественнаго мнѣнія къ ссылке. Въ корреспонденціяхъ чаще и чаще слышатся жалобы на бродягъ, безпаспортныхъ и безпріютныхъ ссыльныхъ, наполняющихъ города и порождающихъ преступленія. Такъ, въ 1873 году корреспондентъ изъ Омска, рисуя положеніе осаждаемаго бродягами и преступленіями города, восклицаетъ: «постоянная ссылка въ Сибирь ненужнаго для европейскихъ губерній люда ставитъ насъ въ постоянную блокаду отверженныхъ людей. И нигдѣ, кажется, эта блокада не чувствуется такъ сильно, какъ въ омскомъ обругѣ» («Камско-Волжская Газета» 1873 г. № 89, корреспонденція изъ Омска). Изъ Енисейска въ январѣ 1875 г. сообщаютъ по поводу уголовного случая, совершеннаго поселенцемъ (вражи въ церкви): «въ послѣднее время пролетаріатъ

нашъ усилился наплывомъ новыхъ лицъ, изъ которыхъ большая часть приписана сюда въ мѣщане и, по отсутствію здѣсь работъ, въ зимнее время положительно бѣдствуетъ. Они же совершаютъ преступленія» («Новое Время», 1875 г. № 12) ¹⁾. Изъ той же губерніи посылается далѣе такое извѣстіе: — «Сибирь» сообщаетъ, что большой наплывъ ссыльныхъ и бродягъ былъ причиной того, что въ енисейской губерніи, въ первые только пять мѣсяцевъ нынѣшняго года, было ограблено семь церквей и, сверхъ того, было четыре покушенія на ограбленіе. При одномъ случаѣ въ селѣ Юзефевскомъ, на 17 апрѣля, убитъ трапезникъ. Къ счастью, почти всѣ злоумышленники пойманы. При изслѣдованіи открылось, что воры изобрѣли новый способъ проникать въ церкви, черезъ разборку дымовыхъ трубъ.

Наконецъ, въ послѣднее время всѣ корреспонденціи изъ Омска, Томска, Красноярска, Енисейска и Иркутска сливаются въ единогласный протестъ противъ ссылки въ край. Передавая о бѣдственномъ положеніи ссыльныхъ, корреспондентъ изъ Енисейска въ 1875 г. прибавляетъ: «ссылка эта приноситъ чистѣйшій вредъ краю; отрицать вредъ ея для Сибири и признавать ея пользу и необходимость могутъ только люди, не жившіе въ Сибири и не видѣвшіе массу ссыльныхъ на новой, чуждой имъ сторонѣ. Чѣмъ скорѣе Сибирь избавится отъ этихъ подневольныхъ, пришлыхъ людей, тѣмъ она больше выиграетъ въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи» («Биржевыя Вѣдомости», № 40, 1875 г.).

«Сибирь, какъ извѣстно, служить для Россіи какъ-бы венгиляторомъ, — пишетъ корреспондентъ изъ Томска, объясняя мѣстныя преступленія, и въ который выходитъ все ненужное. — И все это группируется по большей части въ нашихъ большихъ городахъ, въ особенности въ Томскѣ. Каждое лѣто присылаются тысячи поселенцевъ, которые, войдя въ Сибирь, выпускаются, какъ говорится, на всѣ четыре стороны, рѣшительно безъ всякихъ средствъ къ жизни. Незнаніе мѣстности, новизна обстановки и трудность достать какую-нибудь работу, при изобилии рабочихъ рукъ, невольно заставляютъ поселенцевъ прибѣгать безъ разбора ко всевозможнымъ средствамъ къ существованію. Легко понять, какъ у насъ при такой обстановкѣ должны процвѣтать всякіе виды мошенничества и безобразія. Даже при хорошей полиціи было бы трудно совершенно гарантировать жителей отъ грабежей, убійствъ и проч.,

¹⁾ Мы могли бы привести подобнахъ корреспонденцій массу, которыя мы имѣли подъ рукою за два послѣднихъ года, но ограничиваемся только нѣкоторыми.

между тѣмъ у насъ въ настоящее время полиціи на дѣлѣ почти не существуетъ, если же она и вздумаетъ заявить о своемъ существованіи, то въ такихъ исключительныхъ случаяхъ приноситъ жителямъ болѣе вреда чѣмъ, пользы». Наконецъ, иркутскій корреспондентъ, по поводу слуховъ объ отиѣнѣ ссылки, выражается такимъ образомъ: «хотите ли знать, что думаютъ сибиряки о ссылке? Вліяніе ея давно испытывается Сибирью, и отношеніе населенія къ ней довольно опредѣленно выяснилось, хотя бы потому, что нѣтъ ни одной проѣзжей дороги, гдѣ можно было бы ѣздить безопасно. Недавно разбойничали около Нерчинска, Томска и Тобольска, такъ что не было проѣзда у этихъ центровъ Сибири. Этимъ путемъ создается у насъ искусственная осада городовъ; легенды «о двѣнадцати разбойникахъ», явившіяся въ прошломъ столѣтіи, осуществляются и въ наше время: еще на дняхъ, въ окрестностяхъ Иркутска, поймана шайка, систематически грабившая въ городѣ и окрестностяхъ. Лѣтомъ убиты были двѣ беззащитныя женщины, теперь, по слухамъ, идетъ процессъ одного адвоката изъ ссылныхъ, обвиняемого въ отравленіи иркутской дамы, своей довѣрительницы. При генералѣ Синельниковѣ повѣшено трое ссылныхъ бродягъ, изрѣзавшихъ въ Иркутскѣ цѣлое семейство. Но это только преступленія изъ ряду выходящія. Сколько ссылныхъ вторгается въ семейную жизнь, съ помощью денегъ и связей, сколько обмановъ и неуловимыхъ мошенничествъ — и не перечестъ! Ссылные становятся здѣсь въ главѣ промышленныхъ предпріятій; они играютъ видную роль въ обществѣ, они являются интеллигенціей.

«Несмотря на то, что ссылные не пользуются у насъ довѣріемъ, они, тѣмъ не менѣе, производятъ на все общество глубоко развращающее вліяніе. Намъ извѣстно, сколько разврата, подъ вліяніемъ нищеты, поселили ссылные въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ частнымъ золотымъ приискамъ. Пониженіе нравственнаго уровня города Иркутска, выражающееся въ громадномъ развитіи проституціи, положительно объясняется бѣдностью ссылныхъ женщинъ; умноженіе преступленій противъ чужой собственности опредѣляется нищетою преступниковъ. Думаютъ, что безъ ссылныхъ въ Сибири не будетъ рабочихъ рукъ, что упадетъ земледѣліе и не станетъ ремесленниковъ. Мы знаемъ, что земледѣльцемъ дѣлается изъ ссылныхъ развѣ одинъ изъ ста, да и то едва ли. Съ открытіемъ ремесленныхъ школъ, намъ рабочіе изъ ссылныхъ вовсе не понадобятся. А если понадобятся труженики на прииски и на фабрики, то только вливайте вличь — и цѣлыя артели являются изъ европейскихъ губерній, какъ те-

перь они являются отвсюду даже на амурскіе пріиски, какъ свидѣтельствуя факты. Ссылка сдѣлала то, что Сибирь стала неудобно-обитаемою для самихъ сибиряковъ и они бѣгутъ изъ нея безъ оглядки». («Голось», № 26, 1875 г.).

Указанія эти и отзывы, слышащіеся изъ самой Сибири, не могутъ теперь уже не заслужить нѣкотораго вниманія, въ виду подтверждающихъ фактовъ уголовной статистики и общаго положенія ссылныхъ. Они показываютъ, что мнѣніе о нравственномъ и морализующемъ значеніи нашей ссылки въ тѣхъ формахъ, въ какихъ она проявляется, миновало и должно утратить свое значеніе.

V.

Стоимость ссылки казни и обществу.

Въ заключеніе нашего очерка остается сдѣлать небольшія соображенія, во что обходится ссылка государству и мѣстному населенію, чтобы имѣть понятіе о выгодности и дешевизнѣ этого наказанія.

Какъ за-границей, такъ и у насъ утвердилось мнѣніе, что ссылка, какъ наказаніе, представляетъ необыкновенно удобный и дешевый способъ избавляться отъ преступниковъ. Выгоды его основывались обыкновенно на томъ, что государству чрезвычайно мало стодитъ переправа преступника въ другую мѣстность, и затѣмъ оно слагаетъ уже всякія заботы о немъ съ себя, предоставляя его собственнымъ силамъ. Дешевизна эта обусловливается вообще прежнимъ возрѣніемъ на наказаніе и на личность преступника. Самый дешевый способъ отдѣлаться отъ преступника былъ, конечно, смертная казнь, которая и практиковалась въ древнѣйшее время. Затѣмъ явились изгнаніе и ссылка. Древнія формы ссылки не отличались особенною заботливостью и попеченіемъ о преступникѣ. Англія перевозила преступниковъ, какъ рабовъ, на корабляхъ и продавала на плантаціи. Наша пѣшеходная гоньба ссылныхъ, въ прежнее время, также могла считаться дешевымъ наказаніемъ. Ихъ гнали цѣлыми тысячами, связанными цѣпами, какъ стада. Селили, какъ попало, часто въ мѣстностяхъ, гдѣ они тотчасъ же вымирали; такъ, на примѣръ, Чичеринъ погубилъ тысячи ссылныхъ на болотистой Барабѣ, во время проведенія дороги. Жизнь ссылнаго мало цѣнилась. Но со временемъ ссылка, однако, требовала все большіе и боль-

шихъ попеченій, по приложенію къ ссылке, и большихъ государственныхъ расходовъ, не говоря уже о томъ, что дешевизна наказанія никогда не говорила за его совершенство.

При защитѣ ссылки, какъ наказанія, въ современныхъ формахъ и въ доказательство дешевизны его, обыкновенно ссылаются на незначительность расходовъ на нее по нашимъ смѣтамъ; но мы позволимъ себѣ здѣсь нѣкоторое выясненіе этихъ цифръ, точно также какъ и укажемъ на болѣе полную оцѣнку стоимости нашей ссылки. Расходы, числящіеся на ссылку и тюремную часть, на основаніи нѣкоторыхъ смѣтъ, могутъ почестъя дѣйствительно весьма малыми. Такъ, напримѣръ, по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ на 1875 г., указано на расходы казны для всего тюремнаго дѣла въ Россіи, включая сюда и пересылку, всего 7.461,626 р. Это можетъ дать поводъ заключить, что сюда входятъ всѣ расходы по нашей пересылкѣ. Но, очевидно, что это не такъ; во-первыхъ, это бюджетъ одного министерства только, а въ расходахъ по пересылкѣ участвуютъ и другіе; второе, нѣкоторыя другія данныя того же министерства внутреннихъ дѣлъ пополняютъ эти свѣдѣнія. При сводной вѣдомости, составленной, при томъ же министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ 1872 г., г. Юферовымъ, видно, что сумма, ассигнуемая на упомянутый предметъ, была 9.546,388 р. 26¹/₂ коп., а къ этому нужно прибавить еще расходуемые 1.141,388 руб. 26¹/₂ коп. попочительными о тюрьмахъ обществами. При этомъ тюремный бюджетъ доходилъ до 10.688,038 руб., но и здѣсь не были приняты многіе другіе расходы. Изъ опубликованной государственной росписи и отчета министра финансовъ за прошлый годъ видно, что расходы по тюремной части не уменьшились, но даже увеличились на 224,580 руб. (см. докладъ министерства финансовъ и государственная роспись, № 11 «Голоса»).

Что касается расходовъ на пересылку, то они обыкновенно оцѣниваются въ 2 съ половиною милліона, но это только затраты на продовольствіе и одежду препровождаемыхъ. По росписи г. Юферова, занесенной въ тюремную статистику, пересыльная часть обходилась въ 5.788,000 р. (см. таблицы 8 и 9 при матеріалахъ, изд. Юферовымъ), но и здѣсь пересыльная часть не вполнѣ вычислена, хотя и болѣе полно; такъ, не приняты экстраординарныя суммы, расходуемыя по губерніямъ, земскія суммы по содержанію тюремъ и препровожденію. Затѣмъ, приводимые итоги касаются одной пересылки ссыльныхъ въ Сибирь, но не входятъ въ счетъ расходы горнаго вѣдомства по изысканію и устройству рудниковъ, содержаніе казенныхъ заво-

довъ для ссыльныхъ и выдача имъ поселенческихъ капиталовъ на водвореніе. Безъ оцѣнки всѣхъ этихъ тратъ стоимость ссылки и пересылки не можетъ считаться полною. При этихъ же расходахъ она явится громадною.

Стоимость пересылки для казны въ Сибирь одного арестанта нынѣ вычисляется среднимъ числомъ въ 50 р., принимая снабженіе его и одеждою; но здѣсь разумѣются одни путевыя издержки, т.-е. одни кормовыя, притомъ принято препровожденіе только по главному сибирскому тракту, имѣющему искусственные пути по Волгѣ, Камѣ, и перевозкою отъ Перми до Тюмени на подводахъ, что составляетъ только одну вѣтвь пересылки. За то не принято во вниманіе содержаніе тракта, который хотя и сокращаетъ время на препровожденіе арестанта, но стѣбитъ довольно дорого, что до сихъ поръ затрудняло его введеніе на другихъ трактахъ. Затѣмъ, не причислено препровожденіе ссыльнаго по пѣшеходному тракту до главнаго сибирскаго и препровожденіе по Сибири пѣшимъ путемъ до мѣста назначенія, что значительно подниметъ содержаніе арестантовъ въ дорогѣ, такъ какъ 1000 верстъ дѣлается здѣсь въ 68 дней. До Сибири доходить арестантъ въ полгода и нерѣдко въ годъ ¹⁾. Ничто ссыльному не препятствовало оставаться въ больницѣ и, наконецъ, за нимъ на казенный счетъ часто слѣдовала и семья. (Съ 1867 г. по 1871 годъ прослѣдовало въ Сибирь за ссыльными 5581 женщина и 12,627 дѣтей). Къ этому надо причислить содержаніе ссыльнаго въ тюрьмѣ, до отправки въ Сибирь и до распредѣленія на мѣстѣ, наконецъ, содержаніе ссыльнаго (въ тюрьмѣ) до весны, вслѣдствіе приостановки съ 1867 г. зимняго препровожденія. Все это должно возвысить на него издержки. Препровождающія команды также должны войти въ счетъ пересылки, которыя хотя въ числѣ 14,867 нижнихъ чиновъ и употребляются для конвоирования не однихъ ссыльныхъ, но и пересыльныхъ; но 20 командъ съ 1386 чел. конвоя служатъ на главномъ ссыльномъ трактѣ исключительно ссыльной системѣ, точно также какъ и другія команды, особенно въ Сибири. Все это увеличиваетъ стоимость пересылки. Уже г. Юферовымъ вычислено было препровожденіе одного арестанта съ издержками въ 142 р., но если присчитать содержаніе его до весны въ центральномъ пунктѣ, стоящее не менѣе 60 руб., разложить расходы на семейства, содержаніе четырехъ экспедицій, инспекторовъ по пересылкѣ и

¹⁾ Съ 1-го мая по 1-е октября 1874 г. отправлено изъ Тюмени 7614 мужчинъ, женщинъ и дѣтей пѣшимъ порядкомъ.

водворенію ссыльнаго, затраты на водвореніе, то цифра эта окажется вдвое, если не втрое болѣе. Дальнѣйшіе матеріальные и нематеріальные убытки отъ ссыльной системы, какъ, напримѣръ, побѣги, содержаніе бродягъ въ тюрьмѣ насчетъ казимъ цѣлые годы, не подвергаются точному вычисленію, но они тоже не могутъ быть опущены въ общемъ расчетѣ ссыльной системы. Все это подало поводъ послѣдней редакціи въ запискѣ о тюремной и ссыльной реформѣ, въ комитетѣ тайнаго совѣтника Зубова, при окончательномъ разсмотрѣніи тюремной реформы дать слѣдующія заключенія: «сибирская ссылка обходится для государства весьма дорого. Расходы на ссыльныхъ въ настоящее время производятся изъ разнообразныхъ источниковъ, какъ-то: изъ суммъ общества попечительнаго о тюрьмахъ, изъ государственнаго казначейства, изъ тюремнаго капитала, капитала министерства внутреннихъ дѣлъ, изъ государственнаго земскаго сбора, изъ городскихъ доходовъ, изъ суммъ приказа о ссыльныхъ, а значительная часть ихъ отбывается, кромѣ того, сибирскими жителями въ видѣ натуральной повинности. Если стоимость ссылки опредѣлять тѣми только расходами, которые производятся изъ суммъ государственныхъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то дешевизна ея въ сравненіи съ другими мѣрами наказанія стояла бы внѣ всякаго сомнѣнія. Однако государственнымъ расходомъ слѣдуетъ признать не только тотъ, который заносится въ смѣты министерства финансовъ, но и всѣ другіе расходы на общія цѣли, производимые жителями въ видѣ денежной или натуральной повинности. Разъ признавъ эту безспорную истину, необходимо согласиться, что сибирская ссылка — мѣра въ высшей степени дорого стоящая для государства. Одна пересылка арестантовъ въ предѣлахъ европейской Россіи, несмотря на послѣдовавшія по этой части улучшенія и достигнутую экономію, обошлась въ 1869 г. въ 5.778,000 р., не считая расходовъ на содержаніе управленій центральныхъ и губернскихъ. Общее число всѣхъ пересылаемыхъ въ европейской Россіи арестантовъ доходитъ до 120,000, такъ что пересылка одного человѣка обходится въ 49 р.; изъ этого числа пересылаемыхъ по распоряженіямъ судебныхъ мѣстъ 12,000 человѣкъ, остальные же пересылаются обыкновенно на весьма незначительныя разстоянія, иногда лишь изъ одного уѣзда въ другой той же губерніи, такъ что стоимость пересылки не меньше 200 руб. Въ Сибири передвиженіе арестантовъ составляетъ натуральную повинность жителей; если даже расходы на передвиженіе тамъ вдвое меньше, чѣмъ въ европейской Россіи, то окажется, что средняя стоимость передвиженія одного арестанта до мѣста ссылки обхо-

дится въ 300 р. с., т.-е. расходы, употребляемые теперь на передвиженіе одного арестанта до мѣста ссылки, были бы достаточны для содержанія его по меньшей мѣрѣ въ теченіе 4 лѣтъ въ самой дорогой тюрьмѣ европейской Россіи. Принявъ же во вниманіе, что значительное число тяжкихъ преступниковъ, вслѣдствіе побѣговъ, ссылаются въ Сибирь по два раза и болѣе, даже до 16 разъ, окажется, что издержки на пересылку каждаго арестанта должны быть приняты въ болшихъ еще размѣрахъ. Этимъ серьезнымъ расходомъ далеко не закончиваются издержки, которыя необходимо затратить на ссыльно-поселенцевъ и ссыльно-каторжныхъ. Постройка тюремъ и ремонтъ ихъ требуетъ громадныхъ текущихъ расходовъ, несмотря на ихъ неудовлетворительное состояніе. Содержаніе всѣхъ ссыльныхъ, которые, вслѣдствіе болѣзней и дряхлости, впадутъ въ невозможность поддерживать свое существованіе, ложится на мѣстное населеніе; и такъ какъ болѣзни, вслѣдствіе изнуреній въ пути, бродячества и неправильной жизни въ острогахъ, между ссыльными весьма часты, то понятно, до какой степени тяжела для мѣстныхъ жителей эта обязанность. Содержаніе же ссыльно-каторжныхъ въ тюрьмахъ всецѣло ложится на государство и, какъ показалъ долговременный опытъ, отнюдь не окупается производимыми работами. Ко всему вышеизложенному слѣдуетъ еще прибавить, что сравнительная незначительность суммы, расходуемой въ настоящее время на отправленіе карательной ссылки, объясняется лишь тѣмъ, что правительство уклонялось отъ дорого стоящихъ мѣръ, которыя были бы необходимы для правильнаго ея отправленія. Число должностныхъ лицъ, имѣющихъ надзоръ за ссыльными, далеко меньше необходимаго, получаемое ими содержаніе весьма незначительно, ссыльные не имѣютъ школъ, требуемая закономъ богадѣльня не устроена, даже сибирская стража до того незначительна, что изъ сибирскихъ остроговъ и мѣстъ поселенія не бѣгаетъ почти только тотъ, кто самъ не желаетъ. Словомъ, при существующемъ бюджетѣ не могутъ быть достигнуты ни карательныя, ни охранительныя, ни исправительныя задачи ссылки, и для того, чтобъ поставить ссылку сколько-нибудь удовлетворительно, было бы необходимо произвести громадныя затраты, передъ которыми 10 миліоновъ руб. ежегоднаго расхода представляются ничтожною песчинкою». Поэтому можно судить, что издержки на ссылку должны оцѣниваться, за одно передвиженіе арестанта по 300 р., минимумъ въ 4.800,000 ежегодно при существующемъ контингентѣ ссыльныхъ. Къ этому должно быть причислено содержаніе этапнаго тракта и военнаго конвоя съ 14,867 ч. нижнихъ чиновъ, со-

держаніе на пути тюремныхъ замковъ, этаповъ и прочее; наводнѣе, подводная повинность, выполняемая населеніемъ, которая должна войти въ счетъ государственныхъ расходовъ ¹⁾. Содержаніе половины пересыльной стражи, по вычисленію г. Лохвицкаго, должно быть не менѣе 2.000,000 и всѣхъ расходовъ на ссылку болѣе 5.000,000 р., а тогда стоимость на арестанта будетъ равняться уже не 300, а 800 руб. ²⁾. Все это — казнѣ, а сколько еще стѣбитъ она обществу? Дешевизна ссылки до сихъ поръ тѣмъ и обуславливалась, что значительная часть издержекъ падала непосредственно на общество, въ видѣ особой натуральной повинности. Начиная уже съ того, что государство ссылкой преступника въ другое общество слагало всякую заботу о немъ и предоставляло содержаніе его собственнымъ его силамъ; когда же ссыльный не могъ помочь себѣ, онъ ложился всею тяжестью на общество. Судя по тому, въ какомъ неудовлетворительномъ состояніи находится наша ссылка, надо заключить, что это было въ большинствѣ именно такимъ образомъ. Еслибы казна продолжала держать преступника въ тюрьмѣ, она расходовала бы по 74 р. на человѣка. Теперь же обществу приходится содержать ссыльнаго. Принимая даже арестантское содержаніе, на 12,000 ежегодно идущихъ ссыльныхъ потребуется 880,000 р. Но весь континентъ ссылки, проживающій въ Сибири, равняется 202,834 человѣкамъ и на прокормленіе его необходимо 15.009,716 р. Извѣстно, что $\frac{4}{5}$ ссыльныхъ не обзаводятся хозяйствомъ и бродяжатъ Богъ знаетъ гдѣ; предполагая однако только половину

¹⁾ До чего доходить и какъ годъ отъ году увеличивается содержаніе сибирскихъ замковъ и этаповъ, видно изъ слѣдующихъ свѣдѣній: въ послѣднее время въ Иркутской губерніи построено 10 новыхъ этапныхъ тюремъ, предстоить еще построить 16; на покрытіе этого расхода исчисленъ капиталъ въ 452,592 р., да въ предшествовавшее трехлѣтіе издержано на тотъ же предметъ 188,500 р. Въ Томскѣ построена центральная пересыльная тюрьма, для избѣжанія крайней тѣсноты, и поглотила значительные капиталы; то же предполагается сдѣлать и въ Красноярскѣ. Въ томской губерніи возведено 13 этапныхъ зданій, на чтѣ въ 1870 и 1871 годахъ ассигновано 44,000 рублей; въ 1870 году на исправленіе томскаго замка ассигновано 19 717 рублей 38 коп., издержано 16,000 руб.; въ 1873 году предполагенъ для той же цѣли новый расходъ въ 16,000 рублей, которые, конечно, и употреблены по назначенію. Даже въ уединенныхъ городахъ: Канскѣ, Барнаулѣ, Бійскѣ и Маріинскѣ, вслѣдствіе тѣсноты тюремныхъ помѣщеній отъ притока бродягъ и пересыльныхъ, оказалось необходимымъ устроить новыя тюрьмы, которыя уже проектированы. Словомъ, расходы на постройку и ремонтъ тюремно-этапныхъ помѣщеній въ Сибири весьма значительны и увеличивается съ каждымъ годомъ. См. всеподданнѣйшіе отчеты губернаторовъ Сибири за 1871, 1872 и 1873 годы.

²⁾ Въ Англіи пересылка арестантовъ обходилась, надо замѣтить, еще болѣе, а именно 180 фунт. стерл., то-есть 1080 р.

бродягъ, прокормленіе ссыльныхъ обойдется обществу въ $7\frac{1}{2}$ милліоновъ. Вычисленные и признанные 40,000 бродягъ, шатающихся по Сибири, одни стобють 2.960,000 р. крестьянству ежегодно. Къ этому необходимо прибавить содержаніе тюремъ городами и мѣстными обществами, добавочные расходы по содержанію этаповъ, подводную повинность для партій, убытки крестьянства и больничные расходы на поселенцевъ, недоимки ихъ, уплачиваемыя населеніемъ, наконецъ, убытки отъ преступленій, совершаемыхъ ссыльными.

Содержаніе тюремъ въ сибирскихъ городахъ падаетъ на мѣстное общество; такъ, по отчетамъ губернаторовъ видно, что тюрьмы содержатся въ Красноярскѣ изъ государственныхъ и земскихъ сборовъ, въ Ачинскѣ, Канскѣ и Минусинскѣ на счетъ городскихъ доходовъ, въ Енисейскѣ же *на счетъ сбора съ жителей*. Подводная повинность ложится значительной тяжестью на крестьянъ. Такъ, по officialному отчету въ одной енисейской губерніи пересылка и препровожденіе арестантовъ требуетъ ежегодно 5202 человекъ и 5296 подводъ. На сельскія общества ложатся значительныя недоимки за ссыльныхъ, по податямъ, по уплатѣ больничныхъ денегъ за поселенцевъ, приходящіяся по 300—400 р. съ одного сельскаго общества; наконецъ, расходы по содержанію усиленнаго штата волостного правленія, въ виду множества поселенческихъ дѣлъ и переписки о нихъ ¹⁾; такой расходъ доходить до 50 к. съ души сверхъ платимыхъ за собственныя надобности. Одинъ уже этотъ расходъ можетъ составить значительную сумму въ сложности. Все это въ совокупности заставляетъ нести мѣстное населеніе, кромѣ содержанія ссыльнаго, цѣлую массу новыхъ налоговъ за него ²⁾. Замѣтимъ, что вся тяжесть системы падаетъ на одну часть населенія имперіи, и именно на Сибирь; въ Сибири же исключительно по преимуществу на крестьянство. Край такимъ образомъ выполнялъ тюремную повинность по содержанію преступниковъ за цѣлое государство. Если нѣкоторые лица въ Сибири находили ее выгодною какъ, напр., золотопромышленники, черпавшіе изъ контингента ссылки свою наемную силу, если привилегированные классы

1) Въ Сибири въ самыхъ малыхъ волостяхъ у волостного писаря по пяти и шести человекъ помощниковъ, а въ большинствѣ 10 и 12, съ жалованьемъ отъ 15-ти до 45-ти руб., смотря по мѣсту и дороговизнѣ предметовъ жизни. Расходъ въ Иркутской губ. равняется на волостное правленіе въ 4500 р. и сходитъ по $74\frac{1}{2}$ коп. съ души. Такія волостныя правленія выпускають до 10 и 20,000 исходящихъ №№ въ годъ и $\frac{2}{3}$ переписки относятся къ ссыльно-поселенческому управленію.

2) Такъ, напримеръ, нынѣ взыскивають съ обществъ за пересылку бродягъ.

не замѣчали ее, какъ избавленные отъ налоговъ, то крестьянство въ Сибири не могло ею не таготиться. Уплаты за поселенцевъ, которыхъ общества часто не видало и въ глаза, кромѣ партій, борьба съ бродяжествомъ, постоянныя покражи, поджоги «замокъ» (хуторовъ), избушекъ, не могли не подрывать матеріальнаго благосостоянія крестьянъ и не давать себя чувствовать. Крестьянамъ часто предписывалось брать ссыльныхъ въ работники, снабжать ихъ землею присѣвкомъ и проч.; такимъ образомъ въ Сибири пробовала привиться система, практиковавшаяся въ Австраліи «*assignment system*» или система кабальная, но она ничего не давала крестьянамъ, кромѣ убытка, ибо ссыльный просто садился на шею мужику. Поэтому крестьянство сплошь и рядомъ отказывалось отъ приѣма ссыльныхъ и выражало протесты противъ приписки ссыльныхъ. Нѣкоторые мѣстные акты свидѣлствуютъ объ этихъ протестахъ, облеченныхъ въ легальную форму. Напр., въ 1806 г. иркутскій земскій исправникъ Оладынь прислалъ верхоленскому комиссару подробный проектъ о принятіи крестьянами ссыльно-поселенцевъ въ работники, съ условіемъ снабженія ссыльныхъ за работу пищею, одеждою, денежною платою и присѣвками, на что крестьяне верхоленскихъ общинъ, въ полномъ своемъ составѣ, отвѣтили слѣдующимъ актомъ, который мы считаемъ необходимымъ привести цѣликомъ: «въ полномъ собраніи народа, въ единогласномъ и твердомъ мнѣніи утвердили, общественнымъ прошеніемъ отказаться отъ предписанія исправника и комиссара, скромно предпосылая въ то же время своимъ возраженіямъ оговору, что хотя общество предписаніямъ начальства всегда должно съ крайнимъ усердіемъ повиноваться, но что въ настоящемъ случаѣ, по значительному числу въ крестьянскомъ обществѣ бѣдныхъ крестьянъ, изъ сельскихъ мірскихъ старожилловъ, нуждающихся въ наемной работѣ у своихъ общинниковъ, по малости запашекъ и присѣвковъ у самихъ крестьянъ, не имѣющихъ силы и могутъ распахать много земли по общей скудости достатковъ у большей части ихъ, общество ленскихъ крестьянъ никакъ не можетъ согласиться съ предписаніемъ господина исправника о принятіи крестьянами поселенцевъ въ работники съ снабженіемъ ихъ присѣвками по двѣ десятины и проч. ¹⁾».

Обременительность повинностей по содержанію и устройству ссыльныхъ, какъ и по прокормленію дряхлыхъ и старыхъ (процентъ которыхъ огроменъ), за неимѣніемъ богадѣленъ, и которые исключи-

¹⁾ Извѣстія Сибирск. Отдѣла Импер. Геогр. Общества. Т. VI, № 3, 1875 г., стр. 106.

тельно процветаютъ на счетъ сельскихъ обществъ, порождаютъ и до сихъ поръ многочисленныя жалобы сибирскихъ сельскихъ обществъ.

Теперь мы можемъ довольно точно оцѣнить, чего стоила Сибирь ссылке. Мы указали уже, что значительная часть каторжныхъ должна была содержаться правдою и ей предоставлялось уходить въ бѣга. Что касается поселенцевъ, то всѣ они являлись безъ средствъ, безъ всякой помощи, проклиная новую мѣстность, часто не зная чѣмъ заняться, и, по отзывамъ правительственныхъ ревизій и исследователей, жили «нищенствомъ и преступленіемъ». Весь этотъ контингентъ ссылки бродяжилъ и питался подаеніемъ насчетъ мѣстнаго населенія. Такимъ образомъ, вся тяжесть ссылки по содержанію преступника падала на бѣднаго сибирскаго земледѣльца. Крестьяне пригрѣвали въ первое время поселенцевъ, отводили имъ избы, кормили ихъ и снабжали подаеніемъ. Если мы представимъ себѣ около 200,000 населенія, постоянно пробивающагося всѣми средствами около туземцевъ, на которыхъ Сибирь должна произвести хлѣбъ, одежду и проч., въ томъ числѣ отъ 30 до 40,000 бродягъ, расхаживающихъ по дорогамъ и питающихся исключительно подаеніемъ и воровствомъ, мы поймемъ тогда, во что это обходилось Сибири. Сверхъ того, мы не считаемъ значительной части повинностей, которыя несетъ крестьянство и страна, какъ послѣдствія ссылки. Для ссыльной системы отъ Урала до Амура построены этапы и въ городахъ обширныя тюрьмы на 1,500 и 2,000 ссыльныхъ, которые выстроены и содержатся мѣстными обществами и постройка которыхъ обходилась не менѣе 200,000 р. каждая. Постройка тюремъ годъ отъ году увеличивается и неизвѣстно, каковъ предѣлъ будетъ этимъ увеличивающимся расходамъ. Нечего говорить, что все это не можетъ похвастаться справедливымъ, ложась на одинъ край. Ссылка создала у насъ изъ цѣлаго края одну «колоссальную тюрьму», второй несъ всѣ неудобства и тягости этой тюрьмы. Вотъ почему замѣчаніе, что Сибирь несла цѣлые вѣка всѣ грѣхи своей праматери, высказанное вѣмъ-то, не лишено основанія. Мы видимъ, что она несла, кромѣ того, и значительныя матеріальныя пожертвованія и лишенія. Сдѣлавъ въ Сибири стою нечистотъ, ссылка породила безчисленныя безпорядки и неудобства, легшія всею тяжестью на край. Смѣшавъ громадное населеніе съ ссыльнымъ, она дала полную возможность развитію преступленій, породила два равноправныхъ класса, развила кабалу, содѣйствовала въ край антагонизму сословій, наконецъ, деморализировала населеніе и извратила жизнь общества, а потому со-

ставляетъ нынѣ положительное ярмо и «язву края», какъ выражаются многіе официальные документы. Гибельныя послѣдствія ссылки дали себя знать такими чувствительными результатами Сибири, что она, какъ увѣряютъ, едвали скоро отъ нихъ оправится. Ссылка задерживала и парализовала жизнь мѣстности и устанавливала на нее особыя исключительныя воззрѣнія, которыя можно назвать *каторжными*: «обширный край, — прекрасно замѣчаетъ вице-адмиралъ Посеетъ, въ своей запискѣ о ссылкѣ, — пространствомъ въ 2¹/₂ раза большій европейской Россіи, богатства котораго еще недостаточно оцѣнены и изслѣдованы, осужденъ быть мѣстомъ жительства тяжкихъ преступниковъ изъ среды 70 милліоновъ населенія. Мѣра эта имѣла основаніе, когда Сибирь, кончаясь Камчаткой и Охотскимъ моремъ и имѣя за собой пустынный Тихій Океанъ, сама считалась пустынною землею и обитателями имѣла по преимуществу одни дикіе и кочующіе народы. Теперь, когда Тихій Океанъ, съ каждымъ днемъ, все болѣе обращается въ новое Средиземное Море; когда чрезъ приобрѣтеніе Амурской области Россія придвинулась къ этому морю; когда сопредѣльныя Россіи государства открылись и быстро развиваются, теперь необходимо дать и Сибири возможность вступить на путь развитія, необходимо снять тяготящее на ней клеймо «страны преступниковъ». Постоянная ссылка такихъ людей въ продолженіе двухъ вѣковъ въ страну мало населенную не могла не имѣть развращающаго вліянія на это населеніе. Ссылка служитъ главнымъ основаніемъ жалобъ, въ настоящее время, и общества и начальства въ Сибири на недостатокъ людей, заслуживающихъ довѣрія и могущихъ быть употребляемыми съ пользою для края. Такое состояніе населенія останавливаетъ развитіе страны, составляетъ главную причину общаго равнодушія къ богатой Сибири и къ ея обитателямъ, хотя, говоря вообще, мало нравственнымъ, но весьма способнымъ. Страна остается какъ-бы забытою, и вмѣстѣ съ этимъ, съ каждымъ днемъ, все болѣе отстаетъ отъ сосѣднихъ ей странъ Востока». Такимъ образомъ, цѣною ссылки приносилось въ жертву самое существованіе и развитіе нашего Востока.

Всѣ неудобства и тяжести ссылки при настоящихъ условіяхъ приводятъ насъ къ заключенію и неизбѣжному выводу, что стоимость ссылки и затраты, дѣлаемыя на нее казною и обществомъ, не выкупаются ея результатами.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чему сводятся результаты нашей ссылки

на основаніи представленныхъ фактовъ?—Къ исчезновенію и вымиранію всего ссыльнаго населенія въ Сибири безъ всякаго слѣда, чтоъ выражается въ потерѣ 500,000 населенія въ одно нынѣшнее столѣтіе.

Изъ существующаго нынѣ контингента, приписаннаго къ волостямъ, какъ оказывается, находится на лицо только одна пятая часть; остальные въ бѣгахъ и неизвѣстной отлучкѣ.

Современное положеніе раскрываетъ самый ужасный и растлѣнный бытъ ссыльнаго населенія; ссыльные бѣдствуютъ, и Сибирь, вмѣсто полезныхъ работниковъ, наводнена массою бездомнаго и празднаго пролетаріата. Вмѣсто исправленія, при печальныхъ условіяхъ ссыльнаго быта, наказаніе это даетъ обратные результаты, а именно: испорченность, бродяжничество и преступленія ссыльныхъ.

Вмѣсто огражденія общества путемъ изолированія и перемѣщенія преступника, ссылка у насъ способствовала возвращенію преступниковъ, наконецъ, наводнила Сибирь преступленіями, годъ отъ году увеличивающимися въ невѣроятныхъ размѣрахъ, и такимъ образомъ цѣлая мѣстность лишилась безопасности, и жизнь Востока представила такія условія, которыя несомнѣстимы съ жизнью какого-либо гражданскаго края.

Столь печальные результаты естественно вынуждаютъ обратиться къ реформѣ этого наказанія, къ устраненію всѣхъ золъ, нынѣ имъ порождаемыхъ, и созданію такихъ началъ,—будутъ ли они примѣнены, въ видѣ особыхъ земледѣльческихъ колоній, въ мѣстахъ незаселенныхъ, или среди срочныхъ тюремъ,—которыя бы содѣйствовали обезпеченію преступника, исправительному его воспитанію и, наконецъ, самой безопасности гражданскаго общества, гдѣ бы оно ни существовало—въ Россіи или въ Сибири.

Вотъ къ чему приводитъ насъ обзорѣніе современнаго состоянія ссылки.

Н. Ядринцевъ.

ГРАФЪ А. К. ТОЛСТОЙ

КАБЪ

ЛИРИЧЕСКІЙ ПОЭТЪ *)

Немногочисленная семья современныхъ нашихъ поэтовъ недавно лишилась одного изъ лучшихъ своихъ сочленовъ. Русское общество въ правѣ теперь ожидать полнаго собранія сочиненій покойнаго, написавшаго далеко не мало послѣ книжки стихотвореній 1867 г. Такое изданіе вызоветъ въ свое время и обстоятельную критику. Моя же задача пова — только высказать нѣсколько поминальныхъ мыслей передъ свѣжей еще могилой.

Что произведенія гр. А. К. Толстого выливались непосредственно изъ души, какъ совершенно свободный актъ его поэтического творчества, что онъ настоящій поэтъ — это, я думаю, не подлежитъ сомнѣнію. Но время наше таково (можетъ быть, это одна изъ его односторонностей), что даже и величайшее совершенство *художественной формы* цѣнится главнымъ образомъ потому, что при такомъ совершенствѣ сильнѣе дѣйствуетъ *содержаніе*. Въ чемъ заключается это послѣднее — вотъ въ чему сводится для насъ все. Что же отвѣтить на этотъ вопросъ, имѣя въ виду поэтическія произведенія гр. А. К. Толстого?

Въ своемъ посланіи къ другому поэту, но поэту и вмѣстѣ съ тѣмъ публицисту, растворявшему огнемъ вдохновенія даже свои всѣмъ памятные передовыя статьи, къ И. С. Аксакову, — гр.

---

*) Читано въ общемъ собраніи литературнаго фонда, 26-го октября.

А. К. Толстой старается отклонить отъ себя упрекъ въ нѣоторой отрѣшенности отъ текущихъ явленій:—Я,—говоритъ онъ—

....Не чуждъ и здѣшней жизни;
Служа таинственной отчизнѣ,
Я и въ пылу душевныхъ силъ,
О томъ, что близко, не забылъ....

И всѣ мнѣ дороги явленья,
Тобой описанныя, другъ,
Твои гражданскія стремленья
И честной рѣчи трезвый звукъ.

Но онъ прямо сознается, что не можетъ остановиться на одномъ этомъ; онъ замѣчаетъ про самыя выдающіяся явленія дѣйствительности:

Я въ нихъ иному гласу внимлю,
И, жизнью смертию дыша,
Гляжу съ любовью на землю,
Но выше просится душа;

И что ее, всегда чаруя,
Зоветь и манить вдалекѣ,
О томъ повѣдать не могу я
На ежедневномъ языкѣ! ¹⁾

А между тѣмъ поэтическій языкъ гр. Толстого никогда не является языкомъ *приподнятымъ*; стихи его никакъ нельзя упрекнуть собственно въ такъ называемой «торжественности» и «недостаткѣ простоты». (Хотя объ этихъ упрекахъ и говорится въ томъ же оправдательномъ посланіи къ И. С. Аксакову). Напротивъ, по своему языку Толстой совершенно близокъ къ дѣйствительной жизни; въ этомъ смыслѣ и онъ вполне захваченъ теченіемъ современнаго реализма. Дѣло вовсе не въ языкѣ, а въ содержаніи, — въ томъ, что его поэзія не является вполне поглощеною «злостью дня». Она, какъ и у Пушкина, еще далеко не чужда *отвлеченно-идеальнымъ* стремленій уединяться порою, для «сладостныхъ звуковъ» и для «молитвъ»—

На берега пустынныхъ воиъ,
Въ широкошумныя дубровы,

или даже «приподнимать ту завѣсу», которою, по выраженію Жуковскаго, «задержанъ отъ насъ горній міръ». Даже тѣ наслажденія чувствомъ художественной любви къ красотѣ, воплощенной въ женщинѣ, тѣ поэтически-страстные наслажденія, которыя, по-

¹⁾ Стихотворенія, изд. 1867 г., стр. 1—2.

добно Пушкину, воспѣваются А. К. Толстымъ въ цѣломъ рядѣ глубоко-задушевныхъ элегій, проникаются у него своего рода мистическою возвышенностью, рѣшительно напоминающею выпренній подшибъ Жуковского. Вспомнимъ, напримѣръ, слѣдующіе стихи Толстого:

О, не спиши туда, гдѣ жизнь свѣтлѣй и чище,
Среди міровъ иныхъ,
Пошеди здѣсь со мной, на этомъ печелинѣ
Твоихъ надеждъ земныхъ....
.....
Слиась въ одну любовь, мы цѣпи безконечной
Единое звено,
И выше восходить, въ сіянье правды вѣчной,
Намъ врозь не суждено ¹⁾.

Но тутъ же невольно припоминается и слѣдующее, также небольшое стихотвореніе, составляющее своеобразный *pendant* въ Лермонтовскому: «по небу полуночи»... И тутъ представляется проносящаяся по небесамъ, безъ сомнѣнія, женская, глубоко любящая душа, только она тутъ не на землю летитъ, а съ земли улетаетъ...

Встрѣчныя тихо ее вопрошали свѣтила:
Что ты грустна, и о чемъ эти слезы во взорѣ?
Имъ отвѣчала она: я земли не забыла,
Много оставила тамъ я страданья и горя.
Здѣсь я лишь ликаю блаженства и радости внемлю,
Праведныхъ души не знаютъ ни скорби, ни злобы—
О, отпусти меня снова, Создатель, на землю,
Было-бъ о вошь позалѣтъ и утѣнить кого бы ²⁾.

У Толстого не было уже и малѣйшихъ отзвуковъ той *идеализаціи чувственной красоты и чувственной любви*, которая иногда сказывалась у Пушкина, какъ наслѣдіе французской эротической поэзіи XVIII ст., имѣвшей на него такое вліяніе въ его молодости. Женскіе образы А. К. Толстого постоянно оказываются обладающими *душевною красотою*, и оны лишь съ тѣмъ большимъ правомъ позволялъ себѣ отдыхать, совершая ее, своею поэтическою душой—отъ міра дѣйствительности со всѣми его тревоженіями:

Меня, во мракѣ и въ пыли
Досель влачившаго оковы,
Любови крылья вознесли
Въ отчизну пламени и слова
.....

¹⁾ Стихотворенія, стр. 102.

²⁾ Стихотворенія, стр. 84.

И съ горней выси я сошелъ,
Проникнуть весь ея лучами,
И на волнующійся долъ
Взираю новыми очами... ¹⁾

Съ одной стороны, любовь въ этомъ возвышающемъ, благо-роживающемъ значеніи, съ другой—природа съ ея вѣчными красотами, поэтически-надѣляемая сочувственною человѣку душою, постоянно побуждали Толстого (употребляя выраженіе Пушкина) къ «поэтическимъ побѣгамъ» изъ міра дѣйствительности.

Но къ этимъ двумъ вѣчнымъ источникамъ поэтическихъ наслажденій, къ идеальной любви и идеализированной природѣ, у Толстого, какъ и у Пушкина, присоединяется еще одинъ—самый актъ творчества—независимо отъ какихъ бы то ни было цѣлей и примѣненій. Вспомнимъ стихотвореніе уже послѣднихъ годовъ—«Слѣпой» ²⁾, въ которомъ выведенъ пѣвецъ, не замѣчающій, что слушатели разошлись отъ него въ то время, какъ онъ весь отдался порыву своего вдохновенія; узнавая объ этомъ, пѣвецъ говоритъ:

Я пѣлъ одиноко, но тужить и роптать
Мнѣ, старому, было-бъ грѣшно и не стать—
Наградъ мое сердце не ждало.

Убогому пѣть не тяжелый былъ трудъ,
А пѣсня ему не въ хвалу, и не въ судъ,
Зане онъ надъ нею не воленъ.
Не вѣдаетъ грозный источникъ, когда
Потокомъ онъ въ степи стремится,
И бьетъ, и кинитъ его, пѣвнися, вода,—
Придутъ ли къ нему пастухи или стада
Струями его освѣжиться!

Этотъ поэтический образъ независимости и произвольности творчества соотвѣтствуетъ тому, которымъ воспользовался Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи «Эхо», — только Пушкинъ, кромѣ произвольности поэтическихъ отзвуковъ, указываетъ еще на то, что они вызываются рѣшительно *вслымя* въ природѣ. Но и эта сторона Пушкинскаго опредѣленія поэзіи вполне оправдывается А. К. Толстымъ. И его поэтическое участие вызывалось даже скучной обителью такова, повидимому, непоэтическаго лица, какъ какой-нибудь станціонный смотритель, захрапѣвшій подъ сонный звукъ маятника, или запущеннымъ видомъ покинутаго барскаго дома, или наконецъ унылой картиной деревни въ сѣрый и па-

¹⁾ Стихотворенія, стр. 87.

²⁾ „Вѣстн. Европа“, 1873 г., май.

смурный день, съ какимъ-нибудь оборваннымъ евреемъ — въ видѣ мало утѣшительнаго дополненія къ этому незатѣйливому ландшафту. Поэтъ нашъ находилъ одинаковый художническій интересъ и въ заоблачномъ мірѣ свѣтлыхъ и темныхъ духовъ, спорящихъ изъ-за души гениальнаго Донъ-Жуана, въ которой возвышенная жажда свободы должна была переродиться въ разнузданность страсти, и въ нравственномъ одиночествѣ русскаго мальчика, который подрастаетъ въ пустынѣ роскошныхъ палатъ, при губернёръ-педантѣ, и силою неизбежно разыгрывающагося, при такихъ условіяхъ, воображенія создаетъ себѣ любящее и любимое существо — въ оживающемъ для него «Портретѣ» ¹⁾. На самомъ закатѣ своей художнической жизни поэтъ, перенесясь въ средневѣковую Италію, заставилъ и насъ невольно участвовать, вмѣстѣ съ нимъ, въ суевѣрно-окрасившемся тамъ предчувствіи приближающагося напора нѣмцевъ, отъ чего и мерещился итальянцамъ залегшій все небо ужасный «Драгонъ». И мы невольно повѣрили нашему поэту, что это переводъ съ итальянскаго (тогда какъ оказывается, что поэма эта вполне оригинальна), до такой степени проникся онъ тутъ духомъ старо-итальянской поэзіи. Муза Толстого (если еще позволительно употребить это выраженіе, ни разу не попадающееся въ его стихахъ, совершенно отрѣшившихся отъ той псевдо-классической закваски, которая еще сказывалась порою у Пушкина), — муза Толстого то заводила его въ сумрачный міръ шотландскихъ или скандинавскихъ преданій, нерѣдко связывая эти послѣднія съ древне-русскими ²⁾, то, зайдя съ нимъ къ балтійскимъ славянамъ, рисовала ему картину ихъ ожесточенной борьбы съ насильно навязываемымъ имъ христіанствомъ ³⁾, или же, перейдя въ древнюю Русь, заглядывала въ душу князю Владиміру, слѣдя въ ней за тою внутреннею борьбой, которая разрѣшилась, наконецъ, полнѣйшей готовностью смиренно склониться главою подъ благое иго христіанской вѣры ⁴⁾. Одна и та же отзывчивая душа поэта и живо увлекалась перерожденіемъ «Грѣшницы» подъ благодѣтельнымъ взоромъ Спасителя, и сочувственно вторила ратованью «язычника» Гёте (какъ онъ самъ себя называлъ) во имя правъ чувственности, безпощадно приносившихся въ жертву христіанской идеѣ «духа» («Вѣстн. Евр.», мартъ, 1868 г.).

Коснувшись поэмы «Грѣшница», нельзя не замѣтить, что

¹⁾ „Вѣстн. Европы“, 1874, январь.

²⁾ Въ стихотвореніи: „Пѣсня о трехъ побойцахъ“. „Вѣстн. Европы“, 1869 г., май.

³⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1871 г. май.—„Весѣда“ 1871 г. январь.

⁴⁾ „Вѣстн. Европы“ 1869 г. сентябрь.

поэтъ нашъ совершенно проникся въ ней чисто религіозной идеей личнаго обращенія къ Богу грѣшной души. Ни мало не затронута имъ *соціалная* сторона вопроса, а ея не трудно бы было коснуться, еслибы онъ прямо держался прекрасной евангельской повѣсти съ многосодержательными словами Спасителя: «кто ивъ васъ безъ грѣха, пусть тотъ первый броситъ въ нее камень». Уже и на основаніи этихъ словъ, которыми вовсе не воспользовался нашъ поэтъ, можно бы было выставить грѣхъ этой женщины—грѣхомъ всего общества, естественнымъ слѣдствіемъ установившихся въ немъ порядковъ,—а такая постановка дѣла придала бы разсказу старинны отдаленной живой интересъ современности, прямо бы связала его со «злобою дня».

За то нашъ поэтъ въ полномъ смыслѣ связалъ таковой связью и съ нашимъ, и съ будущими вѣками другое свое произведеніе религіознаго содержанія, — свое поэтическое житіе Іоанна Дамаскина. Изъ отдаленнаго прошлаго, изъ міра отшельническихъ легендъ христіанскаго Востока заимствованы тутъ черты не старѣющаго мірового характера. Дамаскинъ, считающій себя невольникомъ среди того блеска, которымъ его окружилъ калифъ, и на высотѣ той власти, которую отъ ему передалъ, служить своеобразнымъ воплощеніемъ того стремленія въ художнической независимости, которымъ былъ до таковой степени преисполненъ и самъ поэтъ ¹⁾. Вспомнимъ слова Іоанна:

Инымъ призваніемъ влечомъ
Я не могу народомъ править:
Простымъ рожденъ я быть пѣвцомъ,
Глаголомъ вольнымъ Бога славить.
Въ толпѣ вельможъ всегда одинъ,
Мученья полонъ я и скуки;
Среди пировъ, въ главѣ дружить
Иные слышатся мнѣ звуки.
Неодолимый ихъ призывъ
Къ себѣ влечетъ меня все болѣ —
О, отпусти меня, калифъ,
Дозволь дышать и пѣть на волѣ ²⁾.

Отъ пустыни придворныхъ палатъ перейдя къ другой—къ той «матери пустынѣ», которая такъ сочувственно воспѣвается въ нашихъ народныхъ «стихахъ», — Дамаскинъ поетъ гимнъ, про-

¹⁾ Со временемъ, когда сдѣлается возможною полная біографія А. К. Толстого, должна будетъ обнаружиться непосредственная связь „Іоанна Дамаскина“ съ обстоятельствами жизни поэта, принадлежавшаго къ числу тѣхъ рѣдкихъ натуръ, у которыхъ слово не расходится съ дѣломъ.

²⁾ Стихотворенія, стр. 205.

нижнѣе живѣею радостью, что пришлось наконецъ очутиться съ глаза на глазъ съ самою природою. Такое поэтическое чувство несомнѣнно существовало у нѣкоторыхъ отшельниковъ первыхъ вѣковъ христіанства; съ этой именно стороны оно понятно и такъ ярво выставлено пламенными перомъ Златоуста. Такою-то поэтически-отшельническою кагурою является и Іоаннъ Дамаскинъ, устами котораго нашему поэту можно было опять высказывать и собственныя свои задуманныя мысли:

Благословляю васъ, гѣса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубыя небеса!

. . . . .
О, если-бъ могъ всю жизнь смѣшать я,
Всю душу выветѣ съ вами слить;
О, если-бъ могъ въ мой объятья,
Я васъ, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить! ¹⁾

Но живая любовь къ людямъ требуетъ постоянного общенія съ ними *со всеми*. Врезгливое устраненіе себя отъ «злости дья» съ ея обычными житейскими дрягачи, бѣство отъ нихъ въ незараженную высь созерцательной жизни — сопряжено съ опасностью всецѣло уйти въ самого себя, *закливо умереть* въ этой нравственной могилѣ. Такого рода опасность воплощается для Іоанна Дамаскина въ лицѣ того суроваго отшельника, которому отданъ онъ подь начало. Но этотъ непреклонный старикъ является только воплѣ логическимъ представителемъ отшельническаго направленія. Онъ требуетъ, чтобы новый житель пустыни воплѣ отложилъ —

Венужныхъ думъ безплодное броженье,

требуетъ, чтобы онъ отдался воплѣ религіозно-практической заботѣ о соблюденіи себя отъ міра. Пусть онъ откажется отъ того, что вѣдь и нужно лишь для общенія съ другими; — не только отъ своихъ пѣсенъ, но и отъ самаго дара слова. И Дамаскинъ увлеченъ на время непреклонной логикой старика; — не даромъ онъ восклицаетъ:

Такъ вотъ гдѣ ты таилось, отреченье,
Что я не разъ въ молитвахъ общалъ!
Моей отрадой было пѣснопѣнье,
И въ жертву ты, Господь, его избралъ! ²⁾

¹⁾ Стихотворенія, стр. 208.

²⁾ Стихотворенія, стр. 216.

И точно, если пѣснопѣнье—только *его собственная отрада*, если оно существуетъ исключительно для *него самого*, а его убѣждаютъ, что ради *себя*, ради *своей души*, ему надобно отъ него отречься,—то какъ же не повиноваться подобному убѣжденію? — Но Дамаскину приходится наконецъ сознать, что пѣснопѣнья его *нужны ближнему*; къ нему приходитъ другой, такой же отшельникъ, какъ онъ, но еще не порвавшій всѣхъ своихъ связей съ міромъ, а потому и изнывающій отъ скорби по своему умершемъ братѣ. А скорбь эта такъ велика, что даже не знаетъ слезъ; но источникъ ихъ можетъ открыться отъ пѣсни Дамаскина. И вотъ, невольно исторгнутая мольбами скорбящаго, эта пѣсня опять пролилась неудержимымъ потокомъ, а съ ней полились и слезы изъ глазъ, такъ упорно ихъ не дававшихъ:

Надъ вольной мыслью Богу не угодны
Насиліе и гнѣтъ:
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умереть.

Сказано ли это отъ лица Іоанна, сказано ли поэтомъ прямо отъ себя,—но въ этомъ, очевидно, выражается мысль поэмы; она развивается далѣе въ слѣдующихъ вопросахъ:

Ужели вправду мнишь ты, близорукій,
Сковать свои мечты?
Ужель поирать въ себѣ живые звуки
Насилью думаешь ты? ¹⁾

Но самымъ ходомъ поэмы сказано несравненно болѣе; изъ нея невольно вытекаютъ еще и такіе вопросы: «ужели могъ ты видѣть въ твоемъ дарѣ пѣсенъ только *свою отраду*? кто далъ тебѣ право утаить этотъ животворный даръ отъ живыхъ людей? Не на то ли этому чудному дару и подобаетъ *свобода*, чтобы онъ смѣло вторгался въ самую «злону дня» и звучалъ, по выраженью Лермонтова,—

Какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ?»

Не ясно ли послѣ этого, что Толстой своимъ «Дамаскинскимъ» приведенъ былъ къ такому же взгляду на *общественное служеніе поэта*, къ какому, послѣ долгихъ отъ него отклоненій, пришелъ и Пушкинъ въ заключительныхъ словахъ Бога къ «Пророку»:

... Обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!

¹⁾ Стихотворенія, стр. 223.

«Иоаннъ Дамаскинъ», эта лучшая изъ поэмъ Толстого по красотамъ изложенія, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самая сочувственная и живая по своей основной мысли.

Извѣстно, что поэма эта впервые появилась въ литературномъ органѣ такъ называемыхъ *славянофиловъ*, «Русской Бесѣдѣ», служа, по этой основной мысли, вполне подходящимъ выраженіемъ того, что составляетъ одну изъ основныхъ сторонъ славянофильскаго ученія. Но мысль о неотъемлемой свободѣ слова, этого существеннѣйшаго признака, по которому отличается человѣкъ отъ прочихъ созданій, — мысль въ равной мѣрѣ сочувственная и людямъ другихъ направленій. Отовзавшись въ ученіи славянофиловъ собственно на такую мысль, поэтъ нашъ никогда и не думалъ отдаваться ихъ направленію вполне, какъ не могъ отдаться вполне и противоположному направленію. Своей *идеѣ полнѣйшей поэтической независимости* оставался онъ вѣренъ и въ жизни, хотя и глубоко сознавалъ всю трудность неизбѣжно-вытекавшаго изъ такой независимости одиночества:

Двухъ становъ не боецъ, но только гость случайный,
За правду я бы радъ поднять мой добрый мечъ;
Но споръ съ обоими досель мой жребій тайный,
И къ клятвѣ ни одинъ не могъ меня привлечь;
Союза полнаго не будетъ между нами —
Не купленный никѣмъ, подъ чье-бъ ни сталь я знамя,
Пристрастной ревности друзей не въ силахъ снести,
Я знамени врага отстаивалъ бы честь ¹⁾.

Однажды, правда, поэтъ нашъ подалъ поводъ думать, не рѣшится ли онъ окончательно стать въ славянофильскій станъ, отделившись, повидимому, сочувственно на одну изъ самыхъ спорныхъ сторонъ его историческаго ученія извѣстными своими стихами: «*Государь ты нашъ батюшка, государь Петръ Алексѣевичъ*» ²⁾. Но цѣлый рядъ другихъ произведеній изъ русской исторіи ни мало не оправдалъ такихъ — съ одной стороны *надеждъ*, съ другой — *опасеній*.

Здѣсь не мѣсто входить въ оцѣнку того пониманія отечественной исторіи, которое, каково бы ни выходило оно у нашего поэта, оставалось вполне независимымъ отъ какой-либо историко-политической школы.

Къ числу его произведеній изъ русской исторіи принадлежить, какъ извѣстно, и его драматическая трилогія, которая

¹⁾ Стихотворенія, стр. 42.

²⁾ Напечатаны въ газетѣ „День“.

ждать еще обстоятельнаго разбора. Я же теперь касалось ея, какъ и другихъ его произведеній изъ отечественной исторіи, собственно съ цѣлью напомнить о томъ, что поэтъ нашъ является и тутъ, какъ во всемъ, не принесшимъ, по его собственному выраженію, стѣснительной мысли никакому стану. Онъ постоянно старался подходить, такъ - сказать, лицомъ къ лицу къ своему народу, отстраняя чье-либо наставительное посредничество, и исключительно опираясь на свое живое художническое чутье. И что же? несмотря на помѣхи, неизбѣжно вытекавшія изъ самыхъ свойствъ воспитанія и образованія въ той искусственной средѣ, которой принадлежалъ поэтъ, ему нерѣдко удавалось достигать въ столь высокой мѣрѣ непосредственнаго общенія съ народомъ, что въ его художественные стихи вторгались живьемъ народныя думы, или же задушевные мысли поэта облекались въ первобытный народный стихъ и въ стародавніе образы и обороты народного творчества. Въ этомъ именно отношеніи Толстой сдѣлалъ шагъ впередъ послѣ Пушкина, которому народность, какъ извѣстно, не сразу далась, да и до конца, можетъ быть, не далась въ такой мѣрѣ. Не самъ ли народъ, наиримѣръ, говоритъ въ слѣдующихъ стихахъ Толстого?

Ой, кабы Волга матушка да вспять побѣжала,
 Кабы можно, братцы, начать жить свачала!
 Ой, кабы зимой цвѣты расцвѣтали!
 Кабы мы любили да не разлюбили!

Кабы всегда чарка доходила до рту!
 Да кабы приказныхъ по боку да въ чорту!
 Да кабы звенѣли завсегда карманы!
 Да кабы намъ, братцы, да свои нафтаны!
 Да кабы голодный всякій день обѣдал!
 Да баюшка-царь нашъ всю правду бы вѣдал! ¹⁾

Что, какъ не чисто народная иронія, сказывается въ слѣдующей ярко своеобразной картинѣ:

Ходить Спѣсь мадуваючись,
 Съ боку на бокъ переваливаясь.
 Ростомъ-то Спѣсь аршинъ съ четвертью,
 Шапка то на немъ во цѣлу сажень...

А и зашелъ бы Спѣсь къ отцу въ матери,
 Да ворота не крашены!
 А и помолился-бъ Спѣсь во церкви Божіей,
 Да полъ не метѣнь!

¹⁾ Стихотворенія, стр. 174.

Идетъ Спѣсь, видитъ: на небѣ радуга;
 Повернулъ Спѣсь во другую сторону:
 «Не пригоже-де мнѣ нагибать!»¹⁾

Не чисто-ли русская *мирота* воззрѣнія, никакъ не уживающаяся съ тѣмъ, что называется *середкой на половинкѣ*, поражаетъ васъ въ слѣдующихъ стихахъ Толстого:

Коль любить, такъ безъ разсудку,
 Коль грозить, такъ не на шутку,
 Коль ругнуть, такъ стораща,
 Коль рубнуть, такъ ужъ сплеча!

Коли спорить, такъ ужъ смѣло!
 Коль карать, такъ ужъ за дѣло!
 Коль простить, такъ всей душой!
 Коли пирь, такъ пирь горой²⁾.

Извѣстно, что въ стихотвореніяхъ поэта нашего нерѣдко связывается грусть-тоска. Пораженный однажды классическимъ образомъ Милона Кротонскаго, обносившаго каждый день вокругъ города маленькаго теленка, который все росъ и росъ и наконецъ обратился въ быка, тѣмъ не менѣе, въ силу привычки, приходившагося ему по силамъ, — поэтъ сейчасъ же воспользовался этимъ образомъ для такого сравненія:

Въ дни юности моей, съ судьбой въ отважномъ спорѣ,
 Я, какъ Милонъ, взвалилъ себѣ на плечи горе,
 Не замѣчая самъ, что бремя тяжело;
 Но съ каждымъ днемъ оно невидимо росло,
 И голова моя подъ нимъ ужъ посѣдѣла —
 Оно же все растетъ безъ мѣры и предѣла³⁾.

Но какъ было именно въ этомъ случаѣ не найти подходящихъ красокъ и въ напихъ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ, когда онѣ съ такимъ глубокимъ чувствомъ выносливости рисуютъ не менѣе художественные въ своемъ родѣ образы «горя-гореванья»? Толстой и воспользовался и на этотъ разъ готовыми чертами народной поэзіи не въ одномъ изъ своихъ стихотвореній⁴⁾, но я приведу лишь слѣдующій поразительно вѣрный образъ для той же идеи, задуманный и выполненный нашимъ поэтомъ въ совершенно народномъ духѣ:

1) Стихотворенія, стр. 166.

2) Стихотворенія, стр. 66.

3) „Вѣстн. Европы“ 1873 г. январь.

4) Стихотворенія, стр. 62, 72.

Не божимъ громомъ горе ударило,
 Не тяжелой скалой навалилося,
 Собиралось оно малыми тучками,
 Затянули тучки небо ясное,
 Посѣяло горе мелкимъ дождичкомъ
 Мелкимъ дождичкомъ осеннимъ.
 А и сѣть оно давнымъ давно
 И сѣчетъ оно безъ умолку...

Но такъ медленно изводиться станеть не въ моготу и при величайшей выносливости, — и у поэта невольно тутъ вырывается пожеланье въ томъ же чисто народномъ вкусѣ:

А и бывало-жъ другимъ счастьеце:
 Налетало горе-вихремъ бурею,
 Ворочало горе дубы съ корнемъ вонъ ¹⁾.

Но, кромѣ злодѣя-горя, къ человѣку бываетъ приставлено еще и другое безобразное существо, приходящееся сродни первому. Поэтъ намъ рисуетъ и это новое чудище тѣми же, взятыми у народа, красками:

Нѣтъ, ужъ не вѣдать мнѣ, братцы, ни сна, ни покоя!
 Съ жизнью бороться приходится, съ бабой-ягою!
 Старая крѣпко меня за бока ухватила,
 Сломится, такъ и гляжу, молодецкая сила!
 Пусть бы хоть молча, а то вѣдь накинудась съ бранью,
 Слухъ утомляетъ мнѣ, сплетница, всякою дрянью.
 Охъ, насолили мнѣ дразги и мелочи эти!
 Баба, постой, погоди, не одна ты на свѣтѣ!
 Сила и воля нужны мнѣ для боя иного;—
 Постѣ, пожалуй, съ тобою мы схватимся снова ²⁾.

Но сила и воля подкашиваются не оттого только, что имъ приходится постоянно разгребать передъ вами наваливаемый на вашу дорогу житейскій соръ;—онѣ нерѣдко остаются безъ дѣла и отъ избытка внутренняго содержанія, отъ нехотѣнія-неумѣнья вставить его въ какія-либо опредѣленныя рамки, такъ какъ всѣ эти рамки неизбѣжно стѣсняють вашу свободу. Дорожа всего болѣе безграничною независимостью духа, поэтъ нашъ вполне сознавалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что она въ состояніи доводить до (въ своемъ родѣ) гамлетовскихъ безвыходныхъ колебаній. Свое откровенное признаніе въ этомъ облекъ онъ опять въ обороты народной поэзіи, и облекъ совершенно удачно—потому, надо думать, что въ самомъ нашемъ народномъ характерѣ въ сильнѣйшей

¹⁾ Стихотворенія, стр. 50.

²⁾ Стихотворенія, стр. 57.

степени развита та ширь, которая не позволяет уставиться раз навсегда под какой-либо одинъ уголь зрѣнія, или отдать себя, такъ сказать, въ кабалу одному какому-нибудь «толку». А жутко приходится иногда отъ этой черты характера, и невольно завидуется тому, въ комъ нѣтъ ея непокладистой шири. Вотъ народная дума о томъ Толстого:

Хорошо, братцы, тому на свѣтѣ жить,
У кого въ головѣ добра не много есть,
А сидитъ тамъ одно одишеенько,
А и сидитъ оно крѣпко на крѣпко,
Словно гвоздь, обухомъ вколоченный.

А хорошо оно потому, что такой человекъ всегда знаетъ, куда ему надо —

...Знай претъ впередъ, на проломъ идетъ,
Давитъ встрѣчнаго-поперечнаго.
А бѣда тому, братцы, на свѣтѣ жить,
Кому Богъ далъ очи зоркія,
Кому видѣть далъ во всѣ стороны,
И тѣ очи у него разбѣгаются...
И дойдетъ онъ до распутица,
Не одну видать въ полѣ дорожаньку,
И онъ станетъ—призадумается,
И пойдетъ впередъ, воротится,
Начинаетъ идти сызнова...
И всѣ люди его корятъ-бранятъ:
«Ишь, идетъ-молъ, озирается,
Ишь, стоитъ-молъ, призадумался,
Ему бы мѣрить все да взвѣшивать,
На всѣ боки бы поворачивать...»¹⁾

А время между тѣмъ идетъ себѣ да идетъ, жизнь не терпитъ, не дожидается, и обладающій подобнымъ избыткомъ душевныхъ силъ, тяготящимъ его самого какъ богатыря Святогора, такъ же точно ихъ бесплодно носившаго, — обладающій подобнымъ ненужнымъ избыткомъ силъ оманчивается наконецъ тѣмъ, что «найдетъ себѣ гору, да на ней и залажетъ» — подобно тому же Святогору богатырю, этому первому изъ нашихъ «Обломовыхъ». Но поэтъ нашъ схватилъ и эту сторону народного типа — при помощи опять-же народныхъ красокъ:

Ты невѣдомое, незнамое,
Безъ виду, безъ образа,
Безъ имени-прозвища, —
Полно гнуть меня ко сырой землѣ,
Донимать меня, добра молодца!

¹⁾ Стихотвореніе, стр. 47.

Какъ съ утра-то встану здоровешенекъ,
Здоровешенекъ, кажись, гору сдвинуть-бы,
А къ полудню уже руки опускаются,
Ноги словно къ землѣ приросли.

А новое, особое чудище, стоящее и безобразной бабищи съ ея соромъ-дразгомъ, и гореваньица-горя, наваливающагося на плечи молодцу,—новое чудище сидитъ себѣ да сидитъ у его изголовьица, да надъ нимъ же и насмѣхается:

«Ой, удалъ-силенъ добрый молодецъ,
Еще много ли на боку полежано,
Силы-удали понакоплено,
Отговорокъ-то понахожено?
А и много ли богатырскихъ дѣлъ
На печи сидючи понадумано,
Вахлаками другихъ поругано,
Себѣ спину почесано?»¹⁾

Но если такъ легкоъ переходъ отъ колебательнаго стоянія на распутіи къ сповойному сидѣнію на печи,—то тутъ за то не рискуешь попасть въ положеніе тѣхъ братьевъ, которые, въ извѣстной притчѣ Толстого *о правдѣ*²⁾, перебились изъ-за нея до смерти, а все оттого, что каждый смотрѣлъ на нее съ *одного* своего конца и не допускалъ возможности посмотрѣть и съ *какого-нибудь другаго*.—Спасая отъ такого пагубнаго задора, стоянье внѣ всякаго опредѣленнаго стана представлялось нашему поэту особенно привлекательнымъ потому, что ограждало его независимый духъ отъ всякаго рода соблазновъ—даже отъ соблазна *похвалъ* и *хумъ* своихъ же сторонниковъ. И поэтъ нашъ до конца оставался вѣренъ тому идеалу, который начертанъ имъ, между прочимъ, въ слѣдующихъ давнишнихъ его стихахъ:

Ни предъ какой земною властью
Своей онъ мысли не тайтъ,
Не льститъ неправому пристрастью,
Враждѣ неправой не кадитъ.
Ни предъ вѣнчанными царями,
Ни предъ судилищемъ молвы,
Онъ не торгуется словами,
Не клонитъ рабски головы.
Друзьямъ въ угодность, боязливо
Онъ никому не шлетъ укоръ;
Когда-жъ толпа несправедливо
Свой постановитъ приговоръ,
Одинъ, не слѣдуя за нею,
Предъ тѣмъ, что чисто и свѣтло,

¹⁾ Стихотворенія, стр. 53.

²⁾ Стихотвор. стр. 172—174.

Держать онъ, благоговѣя,
Склонить свободное чело ¹⁾.

Эта-то смѣлая рѣшимость плыть и *противъ теченія* привела нашего поэта къ тѣмъ стихотвореніямъ позднѣйшаго времени, въ которыхъ онъ, какъ памятно всѣмъ намъ, враждебно затронулъ нѣкоторыя, бывшія тогда самоновѣйшими, а теперь, пожалуй, уже и постершіяся угловатости. При этомъ поэтъ нашъ могъ въ значительной мѣрѣ руководиться своимъ чувствомъ художника, оскорбившагося прежде всего за свое божество—красоту; этимъ, по крайней мѣрѣ, отъывается у него слѣдующая характеристика:

Они звона не терпятъ гуслирнаго,
Подавай имъ товара базарнаго!
Все, чего имъ не взвѣсить, не смѣрять,
Все, кричать они, надо похѣрять!..

. . . . .
И приемы у нихъ дубоватые
И ученье-то ихъ грязноватое... ²⁾

Во всякомъ случаѣ на явленія этого рода поэтъ нашъ взглянулъ съ той же отвлеченно-художнической точки зрѣнія, которая сказала у него и въ поэмѣ «Грѣшница». Какъ тамъ онъ усмотрѣлъ исключительно вину самой *личности* въ томъ, что должно быть отнесено и на счетъ всего общества, такъ и тутъ—въ этихъ «дубоватыхъ приемахъ» и въ этомъ «грязноватомъ ученіи»—ему видѣлась только какая-то странная прихоть извѣстнаго рода людей, тогда какъ направленіе ихъ непосредственно вытекало изъ цѣлаго ряда предшествовавшихъ явленій...

Но я ограничусь однимъ указаніемъ на то, какъ могли появиться у нашего поэта и принять такой склонъ эти его сатирическія произведенія, во всякомъ случаѣ остающіяся столько же *искренними*, какъ и все, что выливалось изъ-подъ его пера. Боясь отдаться въ полонъ «зlobѣ дня», онъ, какъ живой человекъ, нерѣдко касался ея, не измѣняя при этомъ той *вѣчной правды* и *вѣчной красоты*, которой по преимуществу служитъ художникъ; но постоянное опасеніе этой «зlobы» держало его нѣсколько въ сторонѣ отъ дѣйствительной жизни, а это-то и помѣшало ему, невольно отозвавшись и на упомянутыя явленія недавней поры, постановить о нихъ такой приговоръ, который вполнѣ бы удовлетворялъ неумышленной правдѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и чувству художнической мѣры и безпристрастія.

Тяжело бы было теперь, когда мы, какъ я выразился вначалѣ, стоимъ еще «передъ свѣжей могилой» перебирать, одно за

¹⁾ Стихотвор., стр. 28—29.

²⁾ Стихотвор., стр. 176 (Пантелей цѣлитель).

другимъ, тѣ произведенія, въ которыхъ нашему поэту пришлось волею-неволею, за свое излишнее опасеніе «злобы дня», заплатить принесеніемъ ей же такой щедрой дани, которая вышла въ ущербъ и его поэтическому дару, и его чувству самостоятельности — такъ какъ дань эта на время придвинула его очень близко къ одному изъ весьма выдававшихся становъ. Надо думать, что онъ самъ почувствовалъ это, и, остановившись во время, сберегъ и свой честный характеръ, и свой чистый поэтический даръ... Во всякомъ случаѣ, вѣрно то, что Толстой былъ искрененъ всегда, оставался искреннимъ и въ самыхъ своихъ одностороннихъ увлеченіяхъ; его натура была цѣльная, и какъ всѣ подобныя натуры, онъ не былъ преднамѣренъ, а потому иногда не былъ и послѣдователенъ; мы теперь еще не можемъ имѣть правильнаго понятія о его уклоненіяхъ, такъ какъ въ печать попали пока уклоненія его только въ одну сторону; въ рукописной литературѣ найдется, конечно, не мало уклоненій его и въ другую сторону — еще болѣе рѣзкихъ и уже не имѣющихъ ничего общаго съ тѣмъ становъ, которому нравились первыя.

Въ заключеніе этой поминальной замѣтки приведу стихи, вылившіеся у гр. Толстого уже давно и обличающіе, какъ это часто бываетъ у лириковъ, въ душѣ самого поэта то, что вмѣстѣ съ тѣмъ подлежитъ обличенію и въ цѣломъ обществѣ. Стихи эти затрогиваютъ тотъ нашъ недугъ, который долженъ бы былъ возбуждать опасенія пуще всякихъ другихъ недуговъ. Въ самомъ дѣлѣ, по какимъ бы ложнымъ путямъ ни направлялись живыя силы, — и самое блужданіе ихъ должно быть предпочтено тому мертвенному застою, о которомъ съ такимъ нравственнымъ ужасомъ говорилъ поэтъ:

Я задремалъ, главу понура,
И прежнихъ силъ не узнаю;
Дохни, Господь, живящей бурей,
На душу сонную мою!
Какъ гласъ упрека, надо мною
Свой громъ призывный прокати,
И выжи ржавчину покоя,
И прахъ бездѣйствія смети!
Да вспряну я, Тобой подъятый,
И, внявъ карающимъ словамъ,
Какъ камень отъ удара млата,
Огнѣ таившійся издамъ! ¹⁾

Многіе ли могутъ сказать, что имъ не понадобится такая, вылившаяся устами поэта, возбуждательная молитва?

Ор. Миллеръ.

¹⁾ Стихотвор., стр. 55.

ШЕРРЪ-ЖОЗЕФЪ ПРУДОНЪ

ВЪ ПИСЬМАХЪ

*Correspondance de P.-J. Proudhon, précédée d'une Notice sur P.-J. Proudhon
par J.-A. Langlois. Paris. A. Lacroix et Cie. 1875. Tomes I-XIV.*

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Окончаніе.

IV *).

Личныя дѣла Прудона, съ наступленіемъ 1854 г., нисколько не улучшились, что сказывается въ письмѣ его отъ 1-го января къ Матею. Онъ жалуется на цензурныя преслѣдованія, на невозможность продолжать писательскую карьеру. А дѣловая дорога по прежнему для него закрыта. Въ мірѣ внѣшней политики ему неначѣмъ успокоиться. Въ этомъ письмѣ мы находимъ подробность, показывающую, что тесть его, Пьегаръ, несмотря на приговоръ суда, остался на свободѣ. Нѣсколько поздне Прудона обнадежили тѣмъ, что его критическій журналъ будетъ разрѣшенъ. Это такъ его одушевляетъ, что онъ говоритъ въ письмѣ къ Феррари, отъ 10-го января: «не правда ли, что появленіе «*Revue du Peuple*» будетъ болѣе важнымъ событіемъ, чѣмъ 2-е декабря?»

---

*) См. выше: мартъ, 154; май, 78; іюль, 83; авг. 523; сент. 118; окт. 530; нояб. 221. стр.

Мы уже знаемъ, что Прудонъ написалъ по заказу книгопродавца анонимную книжку: «Manuel du speculateur à la Bourse». Про эту вещицу онъ пишетъ г. Мадье-Монжб: «брошюра очень много и сочувственно читается рабочими; но все ея значеніе заключается лишь въ томъ, что она представляетъ собою родъ инвентаря *захваченнаго* у народа *достоянія*, т.-е. первую вещь, какую слѣдуетъ тотчасъ же потребовать на случай революціи, цѣнность отъ 12-ти до 15-ти *милліардовъ!*.. Въ ней показываютъ также, въ подробностяхъ, секреты спекуляціи и игры, значеніе различныхъ финансовыхъ и промышленныхъ учреждений: все это вещи очень поучительныя для народа; ихъ достоинство то, что онъ ясно устанавливаютъ революціонный *объектъ*, чего до сихъ поръ никогда не дѣлали. Это — чудовищная бомба, брошенная на парижскую мостовую рукою революціи; но какъ литературное произведеніе, оно не стбитъ того, чтобы вы имъ занялись».

Начиная съ этого письма къ Мадье-Монжб, Прудонъ довольно горячо занимается восточнымъ вопросомъ и близостью войны съ Россіей. Его взглядъ на эту «кутерму» (такъ онъ называетъ столкновеніе въ Иерусалимѣ) интересенъ въ особенности для насъ, русскихъ. Можно было впередъ сообразить, что Прудонъ взглянетъ на все это дѣло гораздо трезвѣе, чѣмъ масса его соотечественниковъ; но и на русскій взглядъ подобная смѣлость, правдивость и честность соображеній — нѣчто совершенно выходящее изъ ряда вонъ. Онъ начинаетъ съ того, въ письмѣ отъ 10-го января, что называетъ восточное столкновеніе *интригой*, затѣянной въ Тюльери, подъ ненавистнымъ ему клерикальнымъ вліяніемъ. По его мнѣнію, и греки, и русскій императоръ были вполне правы, отстаивая свое положеніе на Востокѣ. Онъ такъ ясно и рѣзко это формулируетъ, что мы приведемъ соответственное мѣсто цѣликомъ:

«Вы, конечно, легко поймете, что еслибъ вы сами были въ подобномъ положеніи — царемъ, повелителемъ націи въ 70.000,000 душъ, съ арміей въ 800,000 человекъ, вы не потерпѣли бы, чтобъ Франція, по поводу Гроба Господня, выхватила у васъ изъ-подъ носа вліяніе на Востокъ, и производила его въ оскорбительномъ для васъ смыслѣ. Лучше было бы уже сказать Франціи: возьмите Сирію, или Бессарабію, или Польшу!»

Вообще, для Прудона вся эта исторія лишена какаго бы то ни было прогрессивнаго смысла. Онъ надѣется только, что Наполеонъ III, впутавшись въ войну, долженъ будетъ, такъ или иначе, послужить дѣлу революціи. Себѣ же лично онъ желаетъ немного побольше свободы, «чтобы докончить важныя и велико-

лѣнные труды». Не теряетъ онъ надежды и на то, что ему разрѣшатъ журналъ «Peuple». Тогда онъ выступить опять съ энергическимъ починомъ: «я сдѣлаю все что можно,—говоритъ онъ,—чтобы открыть революціонные шлюзы, и когда я увижу, какъ имперія плаваетъ на этомъ океанѣ, съ кормчими-либералами и съ фанатическимъ экипажемъ, это меня легко утѣшитъ въ злослови и неблагодарностяхъ нашей старой демократіи. Бѣдная демократія, проникнутая монархическимъ духомъ до мозга костей и взявшая у революціи однѣ лишь театральныя фразы! Поэтому-то она меня никогда и не понимала. Она не поняла, что моя сила заключалась и будетъ заключаться завтра—если мнѣ позволять писать—въ томъ, что я вовсе не вожакъ, не трибунъ, не особа. Какъ личность, я остаюсь пролетаріемъ, человѣкомъ ничтожества, неспособнымъ къ трибунѣ, неспособнымъ къ власти, ко всякаго рода *представительности*. Я—отрицаніе *личностей*, я представляю собою разумъ коллективный, *безличный, анархическій, невидимый*, послѣдній предѣлъ революціи...»

Въ самомъ концѣ письма есть новый приговоръ французской демократіи: «она погибла,—утверждаетъ Прудонъ, — отъ формализма своего принципа (всеобщая подача голосовъ) и отъ незнанія своей сущности (экономическая реформа); для того, чтобы вернулась опять демократія, надо, чтобы она сдѣлалась революціонная, не во вкусъ г. Бюшеза, подарившаго намъ поповъ, не во вкусъ Робеспьера, великаго творца централизаціи и полиціи, а въ духъ федералистовъ 89 г., кордельеровъ 93, въ духъ Клотца, Шометта, Камбона, всѣхъ этихъ *разрушителей* жречества, Капитолія и государства!»

Печальныя соображенія по личнымъ дѣламъ находятся въ письмѣ къ Морису, отъ 18-го января. Прудонъ жалуется на невыносимость своего паткаго положенія и хочетъ, во что бы то ни стало, чѣмъ-нибудь покончить. Политическія событія продолжаютъ возбуждать въ немъ все тотъ же протестъ противъ интриги, которая вызвала столкновение на Востокъ. Въ двухъ письмахъ къ Жозефу Феррари, отъ 14-го и 21-го января, онъ высказывается все въ томъ же духѣ критическаго пессимизма, и не задумывается надъ тирадами въ родѣ слѣдующей:

«Мнѣ снилось въ эту ночь, что русскіе вошли въ Константинополь; я на этомъ проснулся и сказалъ про себя: браво! такъ должно быть и такъ будетъ! Надо выгнать наконецъ турка изъ Европы; смѣшно и недостойно думать о томъ, чтобы ввести этихъ варваровъ въ *европейскую систему*. Къ тому же, подъ полумѣсяцемъ стоятъ угнетенные народы, требующіе *возврата* и не

желающіе ядаты приличій западныхъ дипломатовъ. Греція кричитъ всѣми своими органами: долой отсюда татарина! И вся славянская раса поднимается для его изгнанія. Развѣ не венгерцы и не славяне уже останавливали захваты турокъ, всѣ эти Губіади и Собѣсскіе? И не выходитъ ли, что царь преслѣдуетъ историческую миссію? И не кажется ли вамъ отступничествомъ тотъ фактъ, что англо-французскій флотъ угрожаетъ ему? Нашей политикѣ слѣдовало бы допускать полетогечку эту неизбежную отплату, приобретаая свою долю вліянія и заручаясь прочными мѣстами; а мы, вмѣсто того, умѣемъ только идти на буксирѣ Англіи, этого эксплуататора народовъ и морей. Насъ за это постигнетъ кара, и по дѣломъ; она уже началась. Пока Россія и Англія борются: первая изъ-за окончательнаго торжества цивилизаціи, вторая изъ-за всемірнаго торгашества, Франція, точно глупая фигурантка, собирается воевать изъ-за реликвіи!.. Какъ бы ни кончилась борьба, мы останемся двойниками (sošie) пьеси. Изъ-за такой великой чести намъ, разумѣется, нужно истратить 500.000,000 фр. и 100,000 челоувѣкъ».

Надо сказать правду: Прудонъ преувеличивалъ фактическое могущество Россіи и смотрѣлъ на нашу роль съ меньшей критикой, чѣмъ на поведеніе французскаго правительства. Онъ слишкомъ скоро сталъ предсказывать успѣхи русскихъ; но его безпощадный языкъ нисколько не умаляетъ патріотическаго чувства: Францію онъ по прежнему любитъ и, негодуя на роль ея въ восточномъ вопросѣ, не перестаетъ надѣяться на то, что печальный исходъ столкновенія по внѣшней политикѣ дастъ новый толчокъ революціонному движенію. Этотъ взглядъ высказанъ особенно ясно въ началѣ письма, отъ 1-го февраля, къ тому же Феррари, гдѣ онъ опять занимается восточнымъ вопросомъ. Ему противенъ французскій шовинизмъ, разыгравшійся до того, что даже яacobинцы рукоплещутъ войнѣ и сулятъ смерть казакамъ.

Личное положеніе Прудона описано въ письмѣ, отъ 2-го февраля, къ доктору Магѣ въ такихъ чертахъ:

«Я нахожусь въ состояніи почти полнаго преобразованія. Властью правительства и волею іезуитовъ я почти пересталъ существовать какъ писатель. Мои изданія сняты съ эталажей и вычеркнуты изъ каталоговъ; ни одинъ книгопродавецъ не желаетъ взять на себя изданіе чего бы то ни было, вышедшаго изъ-подъ моего пера.

«Что въ особенности поучительно, это то, что въ глубинѣ души всѣ партіи, даже враждебныя правительству, даже красные рукоплещутъ этому, и я въ правѣ говорить, какъ я уже и дѣ-

галъ въ протестаціи, обращенной къ министру, что имперія есть не что иное, какъ коалиція всѣхъ старыхъ партій противъ февральской мысли, а въ этомъ качествѣ—самое законное изъ правительствъ».

Но какъ ни плохо приходилось ему, онъ не могъ не отягаться на политическія событія, и въ письмѣ, отъ 12-го февраля, къ Мадье-Монжбъ съ бѣльшей подробностью разбираетъ текущія событія, дѣлая изъ русскаго императора безсознательное орудіе того общественнаго движенія, которому Прудонъ желалъ всегда служить. Онъ чертитъ даже цѣлый планъ русскаго военнаго захвата и боится одного лишь, чтобы царь не испугался такой программы. И чѣмъ больше развивался шовинизмъ вокругъ Прудона, тѣмъ рѣзче и независимѣе дѣлался онъ въ своихъ взглядахъ. Это дошло до того, что онъ пишетъ, отъ 25-го февраля, Жюзефу Феррари:

«Война императорская, консервативная, война капиталистовъ и католиковъ, война анти-демократическая, анти-греческая, противная принципу національностей: такова отнынѣ восточная война.

«А итальянская національность?»

«А венгерская національность?»

«А національность христіанскихъ сербовъ, болгаръ, румыновъ, эвиротовъ?»

«Эти національности, любезный другъ, могутъ ждать и еще подождать!.. Не для національностей *поджаривается колбаса*, гласитъ марсельеза Куртили и Тюльери» (Ce n'est pas pour les nationalités que le boudin grille! dit la marseillaise de la Courtille et des Tuileries).

И опять онъ того мнѣнія, что революція должна совершиться новымъ путемъ. Чѣмъ бы война ни кончилась, эконоическій принципъ долженъ взять верхъ:

«Это прекуръзная перипетія, — выводитъ онъ въ заключеніе: — подобной еще не было, видно, въ исторіи. Она уже доказываетъ, какъ чужды своему вѣку люди, умѣвшіе только волноваться въ 1848 г.»

Точно также и въ письмѣ къ Шарлю Эдмону, отъ 26-го февраля, Прудонъ выражаетъ свое недовѣріе къ такъ-называемому восточному вопросу, гдѣ онъ видитъ одну бонапартовскую гордыню, поддержанную различными интригами, влонившимися въ тому, чтобы сдѣлать подъ всевозможными предлогами популярною войну «avec les Cosaques». Прудонъ не вѣритъ въ то, чтобы европейскія державы послушали Наполеона III, грозившаго имъ революціонной войной. Онъ смотритъ на Бонапарта, какъ

на человѣка потеряннаго и ждетъ въ ближайшемъ будущемъ его *отреченія*. «Наполеонъ III, — разсуждаетъ Прудонъ, — сталъ въ то же положеніе, что и Карлъ X, и Луи-Филиппъ; если онъ, хоть сколько-нибудь, заботится о своей фамилии и о своемъ имени, пускай онъ не дотягиваетъ до послѣдней минуты. Онъ долженъ убраться, а съ его кузеномъ, которому онъ *законно* оставитъ свою власть, пусть начнется *республиканская эра*». И далѣе, къ концу письма, онъ восклицаетъ: «*отреченіе*, говорю я вамъ. Бейте въ этотъ колоколъ, пустите этотъ лозунгъ; пускай Наполеонъ III и его Евгенія отправляются въ Новую Каледонію, въ Гвиану, въ Нука-Гиву добывать себѣ владѣнія по плечу; а Франція пусть пойдетъ по настоящему пути своихъ традицій и своего призванія».

Свои взгляды Прудонъ отдаетъ на судъ пріятеля, говоря, что онъ приходить къ извѣстнымъ выводамъ въ всякихъ политическихъ сплетенъ и салонныхъ разговоровъ: таковой методъ считалъ онъ всегда наилучшимъ.

Первое письмо шестого тома, гдѣ продолжается переписка 1854 г., адресовано Бергману, отъ 5-го марта. Читатель припомнитъ, что это былъ ближайшій пріятель Прудона, съ которымъ онъ когда-то переписывался часто и много; но съ февральской революціи переписка эта прекратилась, безъ всякаго разрыва между ними. Бергманъ послалъ Прудону, въ первыхъ числахъ марта 1854 г., по экземпляру своихъ новѣйшихъ брошюръ, не сдѣлавъ на нихъ никакой надписи. Прудонъ понялъ и почувствовалъ этотъ молчаливый упрекъ друга, и отвѣтилъ ему большимъ, весьма искреннимъ посланіемъ. Въ немъ простой и правдивый человѣкъ сказывается по прежнему; а самая форма изліяній представляетъ собою живой біографическій интересъ.

«Ты лучше меня, мой милый Бергманъ, — начинаетъ Прудонъ, — ты пересилилъ своего стараго друга столько же сердцемъ, сколько и умомъ, какіе ты влагаешь въ твою дружбу. Ты понялъ, что я бѣдникъ, стыдящійся своего долгаго молчанія, что я слишкомъ хорошо сознавая свои вины, не осмѣливался снова подойти къ тебѣ. Еще разъ говорю; ты лучше меня, Бергманъ, не скажу тебѣ ничего больше; если я преклоняюсь предъ тобою, повѣрь, я дѣлаю это не потому, чтобы презиралъ такъ самого себя; когда я сравниваю себя съ другими, клянусь тебѣ, а не совѣсти назначаю себѣ довольно хорошее мѣсто».

Такъ какъ онъ не писалъ Бергману цѣлыхъ шесть лѣтъ, и разсказываетъ ему свои испытанія тотчасъ послѣ вступленія цитированнаго нами. Въ этомъ мѣстѣ письма нѣтъ ничего ос

бенно новаго въ смыслѣ біографическомъ; но его интимный тонъ для насъ драгоцененъ, и мы сообщимъ здѣсь въ выпискахъ все то, что потеряло бы въ болѣе краткомъ изложеніи:

«Вернулся я въ Парижъ въ концѣ 47 г., и занимался моими любимыми работами, когда разразилась февральская революція. Я провелъ въ уединеніи первые два мѣсяца, мартъ и апрѣль, слѣдя за ходомъ событій и страдая въ душѣ отъ ужаснаго положенія, въ какомъ я видѣлъ нашу страну. Расположеніе нѣкоторыхъ демократовъ, каковаго я совсѣмъ не добивался, а потомъ нападки журналовъ, мною вовсе невызванныя, бинули меня въ дѣятельную политику; журнализмъ сдѣлалъ меня депутатомъ; и какъ я только попалъ въ Собраніе, слѣпая ненависть консервативной партіи принудила меня нарушить молчаніе, а въ концѣ-концовъ ожесточеніе противъ моей личности, возбудивъ меня до ярости, сдѣлало изъ меня то, что было видно впослѣдствіи...

«Такая жизнь не могла дольше длиться. Ассизный судъ заперъ меня, съ разрѣшенія Собранія, на три года въ тюрьму. Обойдась со мною съ такою суровостью, судьи спасли мнѣ жизнь. Вотъ уже около 5-ти лѣтъ, какъ былъ произнесенъ мой приговоръ, и въ это время я много работалъ, много видѣлъ, много чему выучился; конечно, я не измѣнился; но я сталъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ я могу быть, и, надѣюсь, будущность докажетъ моимъ друзьямъ и недругамъ, что я лучше моей репутации, и что во мнѣ дѣйствительно есть кое-что».

Высказавшись съ такой искренностью, Прудонъ спрашиваетъ друга, почему тотъ не писалъ ему ни разу въ теченіе трехлѣтней тюрьмы? Про себя же, т.-е. про тѣ мотивы, которые удерживали его отъ переписки, онъ высказывается съ наименьшей простотой:

«Во-первыхъ, я твой должникъ, позволь мнѣ напомнить тебѣ это, и я всегда льстилъ себя надеждой послать тебѣ при письмѣ платежный вексель. Когда я былъ народнымъ представителемъ, съ содержаніемъ по 25 франковъ въ день, когда я былъ главнымъ редакторомъ журнала, расхорившагося въ 80,000 экземплярахъ, мнѣ горячо хотѣлось покрыть долгъ, болѣе чѣмъ чести, долгъ благодарности».

«Пословица говоритъ: *ce qui vient de la flûte s'en va au tambour*. Двадцать-пять франковъ вознагражденія уходили на потребности, связанныя съ положеніемъ, на пособія бѣднымъ гражданамъ, на подписки и т. д., и я могу тебя завѣрить, что кромѣ нѣкоторыхъ пошляковъ, нашедшихъ въ депутатскомъ званіи чѣмъ поживиться, вся республиканская лѣвая вела себя достойно, и

благороднымъ образомъ употребляла: такія скромныя средства. Тѣ, кто пришелъ бѣднымъ, ушли еще бѣднѣе, послѣ каторжной жизни!

«Что же до журнализма, ты легко поймешь, что онъ далъ мнѣ еще менѣе, чѣмъ депутатское званіе. Подо мной было убито четыре журнала; съ февральской эпохи меня разоряли четыре раза; я потерялъ сумму въ 3,000 франковъ, которые я добылъ отъ изданій различныхъ сочиненій, помѣстивъ ихъ въ видѣ залога въ журнальное предіриятіе. До истеченія 1850 г. я очутился, какъ и наканунѣ февраля, *tu es чѣмъ!*»

Прудонъ самъ задалъ за своего друга вопросъ о собственной женитьбѣ и объясняетъ ее тѣми побужденіями, какія мы уже видѣли, напирая главнымъ образомъ на свою потребность въ отеческихъ привязанностяхъ.

«Въ четыре года, — говоритъ онъ, — признательность моей жени доставила мнѣ три краснощекихъ и бѣловурыхъ дѣвочки, которыхъ мать кормила сама; ихъ существованіе наполняетъ теперь почти всю мою душу. Пускай говорятъ, сколько хотятъ, что я поступилъ неблагоразумно, что недостаточно родить дѣтей, что слѣдуетъ ихъ воспитать и обезпечить; для меня несомнѣнно лишь то, что отеческія чувства наполнили во мнѣ огромную пустоту, что они дали мнѣ тотъ балластъ, въ какомъ я нуждался, ту дружину, какой я въ себѣ никогда не зналъ. Я сожалѣю о томъ, что уже въ 48 г. не былъ отцомъ семейства, по крайней мѣрѣ пять или шесть лѣтъ!»

Не нужно быть крайнимъ мальтузіанцемъ, чтобы не соглашаться съ особымъ видомъ эгоизма, по второму человѣкъ, находящійся постоянно въ нуждѣ, обзаводится женой и дѣтьми изъ одного лишь желанія отеческихъ чувствъ, особливо если этотъ человѣкъ такъ сурово смотритъ на женщину и права главы семейства...

Далѣе, Прудонъ повторяетъ свои жалобы на невозможность продолжать писательское дѣло и на такую же невозможность составить себѣ барьеру практическаго дѣятеля: «*Terra et aqua interdictus sum!*»

«Впрочемъ, — прибавляетъ онъ, — жизнь моя спокойна: я не испытываю никакого тревоженія. Полиція знаетъ, что я за человѣкъ; она знаетъ, что я также въ сущности презираю яacobинскую партію, какъ и партію легитимистовъ, что я равнодушенъ къ политической формѣ, скептиченъ относительно всякой власти; я гораздо болѣе обезпочиваюсь самымъ дѣломъ правителей, чѣмъ ихъ титуломъ. Поэтому-то система, разъ мною поддержанная,

смертельная партіямъ и сектамъ, въ одно и то же время охраняетъ меня со стороны правительства и навлекаетъ на меня непримиримую ненависть его соперниковъ».

Онъ не оправдывается по поводу тѣхъ недѣльныхъ слуховъ, какіе могли дойти до Бергмана о его выгодной женитьбѣ и желѣзнодорожныхъ дѣлахъ.

«Такова, дорогой Бергманъ,—кончаетъ онъ,—сокращенная исторія моей интимной жизни въ послѣднія шесть лѣтъ. Въ моемъ умѣ, въ моемъ сердцѣ и въ моемъ состояніи остался я точно такимъ же, какимъ ты меня всегда зналъ. Бѣдность не особенно мнѣ убыточна; если я сожалѣю кой-о-чемъ по этой части, то о томъ лишь, что не могъ еще покрыть моихъ обязательствъ. Въ 48 и 49 г. я думалъ одну минуту, что литературный трудъ позволитъ мнѣ совсѣмъ высвободиться. Случай прошелъ, и я не могъ имъ воспользоваться. Впрочемъ, время текло такъ быстро, что я не могу даже хорошенько сказать: полно, былъ ли когда у меня этотъ случай?»

Заключительное обращеніе въ Бергману показываетъ, что житейскія испытанія ни мало не охладили въ Прудонѣ стараго дружескаго чувства.

«Ты знаешь, дорогой Бергманъ, что благотворительность налагаетъ обязанности. Если ты мнѣ послалъ твои произведенія, ты долженъ мнѣ и написать. Эта молчаливая послышка отъ тебя, эти брошюры (безъ адреса и подписей) ударили меня прямо въ сердце; ты меня покаралъ; забудемъ же все. Протяни мнѣ руку, и такъ, какъ древній философъ говорилъ: *«мой другъ спитъ, я иду разбудить его; такъ какъ, прибавлю я, ты самъ пришелъ разбудить нашу дружбу, то не дѣлай же, какъ виргиліева Галаatea, quae fugit ad salices»*».

Въ письмѣ, отъ 29-го марта, къ Шарлю Белю, Прудонъ говоритъ, что готовить въ печати второе изданіе своего «Руководства для биржевого спекулянта», и хочетъ посвятить дѣльную главу рабочимъ ассоціаціямъ. Онъ видѣлся съ вліятельными рабочими и ждетъ отъ нихъ различныхъ свѣдѣній. Ему нужно знать, въ какомъ положеніи находятся въ рабочихъ ассоціаціяхъ: активъ, пассивъ, прибыль, оборотный и запасный капиталы, цифры уже повонченнаго дѣла, средняя задѣльная плата, число членовъ, составъ управленія и т. д.

«Вы видите,—добавляетъ онъ,—что для меня важно не обуславдвать принципъ, а заявить факты и официально подтвердить, *по жгтствъ*, существованіе этой новой силы, которая, конечно, могла бы влучить дальнѣйшее развитіе».

Онъ предостерегаетъ своего корреспондента на счетъ рискованныхъ предпріятій, въ какія рабочія общества могли бы удаться; а въ небольшой запискѣ, отъ 5-го апрѣля, просить того же Белэ посѣтить съ нимъ вмѣстѣ ассоціацію, которую тотъ поддерживалъ, соболъзнуя о томъ, что рабочіе испытываютъ въ ту минуту такой тяжелой кризисъ.

Завязавшая снова переписка съ Бергманомъ переноситъ насъ къ той эпохѣ, когда Прудонъ такъ подробно высказывался пріятелямъ по всѣмъ своимъ идеямъ, трудамъ и стремленіямъ.

«Ты спрашиваешь меня,—пишетъ онъ, послѣ дружескаго вступленія,—что я думаю дѣлать; ты мнѣ напоминаешь презестную нѣмецкую поговорку: «чтобы птица съѣла, надо ей зеленую вѣтку».

«Милый другъ, зеленая вѣтка для моего гнѣзда еще не выросла, и я въ настоящую минуту только прививаю ее. Восточная война разстроила меня, какъ и столькихъ другихъ, и если она продлится, чего я боюсь, она заставитъ меня, быть можетъ, искать спасенія въ эмиграціи. А пока вотъ что я дѣлаю и каковъ мой операционный базисъ. Еслибы печати возвратили хоть каплю свободы, я могъ бы еще извлекать изъ моего литературнаго капитала, въ худой годъ, отъ пяти до шести тысячъ франковъ, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, треть пошла бы въ сбереженіе; поэтому я и не могу рѣшиться бросить эту цѣнность, вполне или почти-что уничтоженную теперь, и все еще думаю, даже подѣ этимъ суровымъ режимомъ (болѣе суровымъ со мною, чѣмъ съ кѣмъ-либо), пронавести воскрешеніе моей дѣятельности.

«Вотъ уже десять лѣтъ, т.-е. съ самаго изданія моихъ «Экономическихъ Противорѣчій», на которыя я смотрю, какъ на трудъ съ серьезной критикой и съ научной обработкой, не переставали я работать надъ созданіемъ экономіи, науки, до сихъ поръ еще не выясненной, существующей въ такомъ видѣ, что никто не можетъ сказать, въ чемъ она состоитъ.

«Сдается мнѣ, что я, среди всѣхъ моихъ полемикъ, сильно подвинулъ этотъ трудъ, и кажется, у меня есть хоропія вещи. Если только я не обманываюсь, я въ состояніи выпустить, наконецъ, трудъ, отвѣчающій моимъ надеждамъ и съ точностію показать, опираясь на солидность моихъ изслѣдованій, что исторія, просвѣщенная экономіей, сама по себѣ — неистощимая экономія. Принципы просты, ясны, опредѣлительны, легки; но какъ въ каждой наукѣ, достойной этого имени, примѣненія, развитіе принциповъ, словомъ, совокупность явленій или поступательный ходъ идеи идутъ безконечно и во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ.

«При настоящемъ порядкѣ вещей я не осмѣлился бы надѣяться на успѣхъ, имѣя дѣло съ предубѣжденнымъ обществомъ, которое и безъ того увлечено другими заботами и стоять слишкомъ далеко въ сторонѣ отъ воспоминаній соціальной республики. Надо мнѣ подвигаться шагомъ, надо поправить свое положеніе полегоньку, скромными и чисто утилитарными трудами. Я это и дѣлаю въ настоящую минуту съ помощію нѣсколькихъ друзей, сочувствующихъ, какъ и ты, моей невзгодѣ и понимающихъ мою мысль мою лучше, чѣмъ вульгарная публика».

Онъ сообщаетъ потомъ вкратцѣ неудачную исторію своихъ дѣловыхъ попытокъ и переходитъ опять къ своимъ теоретическимъ занятіямъ:

«Рядомъ съ экономіей, въ одно время съ нею и посредствомъ ея, я началъ изучать исторію и скоро дошелъ до убѣжденія, что исторія, просвѣщенная новой наукой, сама становится какъ-бы новымъ міромъ, еще совсѣмъ неизвѣданнымъ. У меня на десять тысячъ франковъ заимтокъ и изысканій, собранныхъ уже какъ мною самимъ, такъ и моими сотрудниками; расходы по этимъ трудамъ приняты были на себя однимъ несчастнымъ книгопродавцемъ, обанкротившимся по милости 2-го декабря. Ты понимаешь также, что я не могу отказаться отъ этого труда, цѣнность котораго могла бы быть легко увеличена вчетверо или даже вдесятеро, еслибы мнѣ удалось довести его до конца. Я придалъ этому труду, единственному въ своемъ родѣ, насколько мнѣ по крайней мѣрѣ извѣстно (ты опять скажешь, что я честолюбивъ) имя Хроноса, чтобы сдѣлать pendant къ книгѣ А. Гумбольдта «Космосъ», тебѣ, вонечно, извѣстной.

«Вотъ, около этихъ-то двухъ важныхъ произведеній, которыя я веду разомъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, и будутъ вращаться всѣ мои ежедневныя думы. Мнѣ еще остается ужасно много сдѣлать, и хотя я далеко еще не исчерпалъ предметъ, я могъ уже подтвердить тотъ рѣшительный въ моихъ глазахъ фактъ, что методъ, сдѣлание всѣхъ положеній находится въ связи съ «Математическими принципами» Ньютона, «Сравнительной Анатоміей» Кювье и т. д., и т. д. То, что я говорю, очень высокоумно; но примѣни, если хочешь, ко мнѣ изреченіе: *si parva licet conpropege tagnis* и, посокративши что слѣдуетъ, ты получишь, смѣю сказать, настоящее понятіе о моемъ произведеніи. Самъ же ты говорилъ: въ 1848 — 49 году я выбросилъ мою мысль, не давши ей достаточно созрѣть; грубое зерно не было поято и не дало ростка; оно упало на камни и въ волочіе шипы, и должно было высохнуть и заглохнуть».

«Я, милый другъ, и работаю теперь надъ исправленіемъ того, о чемъ ты жалѣлъ за меня въ 1848 г., и кажется я этого добился. Экономическая наука, этотъ сборникъ бесвязныхъ наблюдений, болѣе перекрещивающихся, чѣмъ планетныя орбиты, наука, приводящая въ отчаяніе по своимъ противорѣчіямъ—позволила мнѣ схватить ея характеръ и методъ; мнѣ кажется, я могу представить ее въ видѣ *аксіомъ, теоремъ, демонстрацій* и всего, что отсюда вытекаетъ, чего никто еще не попытался сдѣлать».

Въ этихъ сообщеніяхъ Прудона гораздо меньше рѣзкостей и самообольщеній, чѣмъ прежде бывало; но вѣра въ свои силы остается все та же, несмотря на очень крутыя обстоятельства. Мало того, надежда возобновить газету «*Peuple*» продолжаетъ пріятно волновать его, что онъ высказываетъ въ письмѣ отъ 11-го апрѣля, въ Морису-ла-Шатръ. Онъ увѣряетъ только своего корреспондента, что не намѣренъ дѣлать правительству ни малѣйшихъ уступокъ, ни въ принципахъ, ни въ формѣ. Если ему удастся возродить свой органъ, онъ вѣритъ въ то, что произойдетъ новый государственный переворотъ, въ интересахъ революціи, какъ онъ ее разумѣлъ. Онъ сознается, что его пріатели осмѣиваютъ такую надежду; но тутъ же поддерживаетъ ее оригинальными соображеніями. По его взгляду выходитъ, что во Франціи, съ эпохи февральской революціи вплоть до крымской войны, господствовала система реакціи, которая и приходитъ, по мнѣнію Прудона, въ концу.

«Вотъ эта-то система, — продолжаетъ онъ, — шесть недѣль или два мѣсяца тому назадъ и дала восточному вопросу, легкомысленно поднятому тюльерійскимъ дворцомъ, видъ *союзнаго союза*, направленнаго разомъ и противъ царя—главы греческаго возстанія, и противъ революціонеровъ-соціалистовъ, болѣе или менѣе вѣрно представляемыхъ Кошутами, Маццини и проч.

«Отсюда — сумбуръ, съ каждымъ днемъ все болѣе очевидный, куда бросается западная Европа, отсюда же явное безсиліе англо-франко-турецкой коалиціи противъ движенія къ рѣшительному высвобожденію, какое подготавливалось въ теченіе двухъ вѣковъ и поддерживается имп. Николаемъ среди христіанскихъ населеній европейской Турціи.

«Помилуйте, что можетъ реакція, подписанная Друэшь де-Люисомъ, Джономъ Росселемъ и Рейндъ-напой, противъ соединенныхъ силъ царя и *возстанія!*

«Что могутъ сдѣлать сорось съ небольшимъ тысячъ человекъ,

чтобы осилить главу государства, располагающаго миллиономъ солдатъ, являющагося представителемъ свободы, когда онъ начинаетъ съ того, что сжигаетъ свои порты, переселяетъ во внутрь страны приморскихъ жителей и, не принимая морского сраженія, уводитъ свои корабли и засыпаетъ пескомъ всѣ проходы Дуная, Балтики и Чернаго моря?

«Мнѣ долго бы пришлось объ этомъ говорить. Предпріятіе это не выдержитъ и до истеченія трехъ мѣсяцевъ; мы увидимъ, что политика Друэновъ и Росселей продырявится насевозъ и будетъ освистана.

«*Революціи противопоставляютъ резолюціи.* Греки, подобно итальянцамъ, хотятъ быть господами у себя дома; ничего не можетъ быть справедливѣе этого. Они призываютъ на помощь имп. Николая: это ихъ право. До сихъ поръ западной революціи нечему тутъ противиться. Она не можетъ, ни подъ какимъ предлогомъ, стоять за турокъ, и съ этой точки зрѣнія я очень сожалѣю, что вашъ другъ, господинъ де-Жирарденъ, выступилъ въ противномъ смыслѣ.

«Западной революціи слѣдуетъ дѣлать вотъ что: подтвердить новую національность и протестовать противъ всякаго раздѣла и всякаго расчлененія.

«Королевство, имперія, республика или федерація—возьмите какую угодно форму; но необходимо, чтобы провинціи европейской Турціи образовали изъ себя *новое государство* и притомъ независимое: вотъ что можетъ сдѣлать Франція, вотъ что имѣетъ право требовать революція.

«Реакція 48—54 годовъ вздумала устроить въ Константинополѣ второе изданіе своей римской экспедиціи; для этого возбудили шовинистскій духъ страны противъ казаковъ; глупо декларировали противъ царя, тогда какъ слѣдовало согласиться съ нимъ и покончить при его помощи съ турками, съ тѣмъ, конечно, чтобы потомъ драться за независимость новаго государства. А теперь, надѣлавши весь этотъ рядъ ошибокъ, хвастаются тѣмъ, что повалить сѣвернаго самодержца съ нѣсколькими полками, забывая, что *великій человекъ* (онъ хочетъ сказать Наполеонъ I) проигралъ кампанію съ 500,000 человекъ!

«Говорю вамъ, г. ла-Шатръ, реакція 48 г. сама завовала себя въ дѣши; *система* ея подходитъ къ концу, и прежде чѣмъ династія Бонапартовъ будетъ выгнана, такъ какъ она этого заслуживаетъ, очень возможно, очень вѣроятно, что она рѣзко повернетъ и будетъ искать спасенія на обширномъ лонѣ революціи...

«Если такъ случится, позвольте мнѣ разсчитывать на ваше содѣйствіе и я на него дѣйствительно разсчитываю. Истинные друзья народа должны смотрѣть за тѣмъ, чтобы дѣла не попадали опять въ руки *умѣренныхъ* пошляковъ, такихъ же эгоистовъ, трусовъ и реакціонеровъ, что нами управляютъ, или въ руки мнимыхъ *красныхъ*, равно лишенныхъ и ума, и добросовѣстности...

«Дайте мнѣ мѣсяць свободной прессы, и я вамъ приведу массу пролетаріата въ то же самое броженіе, какъ и въ лучшіе дни 48 г. Тогда правительство будетъ очень тонко, если уйдетъ отъ движенія, а буржуазія очень сильна, если дастъ намъ отпоръ».

Кто же скажетъ, что это писалъ французъ въ самый разгаръ парижскаго повинизма, направленнаго противъ *казаховъ* и русскаго императора?! Но мало того, что оно само по себѣ чрезвычайно замѣчательно, при всѣхъ слабыхъ сторонахъ общаго взгляда и подробностей, текуція политическія событія въ Турціи придаютъ этимъ цитатамъ особое значеніе. Живи Прудонъ теперь, и выскажись онъ о славянскомъ движеніи, которое врядъ ли будетъ подавлено одними силами султана, мнѣніе его звучало бы правдивой и логической нотой въ хорѣ двоедушныхъ, трусливыхъ или непослѣдовательныхъ голосовъ, и на этотъ разъ уже не французскихъ, а другихъ западно-европейскихъ прессъ. Онъ навѣрно сказалъ бы то же самое и о «большомъ человѣкѣ», и о движеніи національностей...

V.

Весьма забавнымъ можетъ показаться тотъ эпизодъ, который представляетъ собою письмо отъ 16 апрѣля въ доктору Кретену. Читатель припомнитъ, что этотъ медикъ, находясь въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Прудонемъ, былъ постояннымъ врачомъ его семейства. Какъ оказывается изъ письма, онъ началъ лечить дочь Прудона гомеопатіей и такъ сильно настаивалъ на исполненіи своихъ предписаній, что между ними вышелъ крупный разговоръ. Докторъ Кретень сильно обидѣлся и написалъ Прудону рѣзкое письмо, на которое тотъ и отвѣчаетъ. Замѣчательно въ отвѣтѣ его то здравое воззрѣніе на практическую медицину, какое онъ высказываетъ, стараясь, въ то же время, успокоить раздраженнаго пріятеля ловкими и добродушными доводами. Какъ неизмѣнный защитникъ свободы во всѣхъ ея формахъ, Прудонъ и тутъ защищаетъ свободу больного—оспаривать распоряженія медика.

прибавляя, что иначе доктора занимались бы не врачеваніемъ людей, а коновальнымъ искусствомъ.

«Я могу ошибиться, — доказываетъ Прудонъ, — одинъ разъ, десять разъ, сто разъ въ моихъ оцѣнкахъ, я рискую убить самого себя, думая, что вылечусь: совсѣмъ этимъ я согласенъ; но есть вещь гораздо болѣе драгоценная, чѣмъ сама жизнь, вещь, которую я хочу развить въ себѣ во что бы то ни стало, рискуя всѣмъ на свѣтъ, это — право распоряжаться самимъ собою, свободно управлять моимъ тѣломъ и моею душой. Поэтому, пожалуйста, не угрожайте мнѣ, какъ Пюргонъ, апенсіей, а потомъ бродипенсіей, а потомъ апоплексіей, если я откажусь поставить себѣ вашу клистиръ; этотъ абсолютизмъ меня раздражаетъ, отнимаетъ у меня чувство послушанія и вовсе нейдетъ къ вамъ. Настоящій медикъ тотъ, повторяю вамъ, кто просвѣщаетъ мой умъ, помогаетъ моему инстинкту, поправляетъ мое сужденіе; вѣдь этого, говорю я вамъ, вы вовсе не медикъ, вы просто знахарь, или ваша больная не что иное, какъ болванъ».

Но этимъ, письмомъ не кончилась переписка о гомеопатіи. Другъ-докторъ не унимался, и Прудонъ долженъ былъ опять убѣждать его, въ письмѣ отъ 7-го мая. Хотя объясненіе имѣеть на половину личный характеръ, но натура Прудонова ума такова, что онъ въ каждый частный фактъ способенъ былъ вкладывать крупное общее содержаніе. Даже въ споръ о правахъ больного и медика вносилъ Прудонъ безпощадный духъ анализа и руководящей логики.

«Я ограничусь тѣмъ, — пишетъ онъ доктору Кретену, — что разъ навсегда объявлю вамъ, не за тѣмъ, чтобъ вамъ отвѣчать, а чтобы выгородить собственную честность: каковъ мой настоящій взглядъ на медицину и медиковъ.

«Я не обезьяню ни съ Руссо, ни съ Мольера и вовсе не исповѣдываю того преувеличеннаго скептицизма, который нанесъ бы мнѣ самому больше вреда, чѣмъ тѣмъ, на кого бы я обращалъ его. Я смотрю на медицинскую науку, взятую во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, какъ на одну изъ самыхъ возвышенныхъ, хотя она и удерживаетъ постоянно, въ своей практикѣ, нѣчто существенно-гадательное; я думаю, что она можетъ оказывать человечеству все болѣшя и болѣшя услуги, если только будетъ руководиться философіей и освободить себя отъ матеріализма, въ которомъ сидитъ ея настоящій камень преткновенія.

«Въ частности я полагаю, что гомеопатія обладаетъ, въ своемъ двойномъ принципѣ, драгоценнымъ открытіемъ, и что она — шагъ впередъ въ искусствѣ излечивать; я ее хвалю въ осо-

бенности за то, что она своимъ динамизмомъ стремится, болѣе чѣмъ всякая другая теорія, въ тому, чтобы убѣжать отъ грубаго матеріализма, упомянутого мною».

Взглядъ Прудона на гомеопатію страдаетъ метафизическимъ отбѣнкомъ; но то, что онъ говоритъ о матеріализмѣ медицины, нужно принимать не въ прямомъ смыслѣ, а въ смыслѣ грубой экспериментации, ненаучнаго леченія по симптомамъ, которое только въ новѣйшее время стало изгоняться изъ медицинской практики.

Дальнѣйшія соображенія Прудона настолько же занимательны:

«Все это, говоритъ онъ, не мѣшаетъ мнѣ смотрѣть на *предписываніе лекарствъ* (médication) въ тѣсномъ смыслѣ, какъ на вещь скорѣй гадательную, чѣмъ демонстративную и методическую, почему я и думаю, что въ каждомъ живомъ существѣ можетъ быть медицинскій инстинктъ, почему я и не буду имѣть въ медика, каковъ бы онъ ни былъ, безусловной вѣры, почему я только съ ограниченіемъ принимаю предписанія, почему я только отчасти вѣрю въ ихъ дѣйствіе даже тогда, когда исполняю ихъ, почему степень моего довѣрія къ доктору и будетъ лишь всегда выражаться такой сомнительной формулой: *«хорошо, очень хорошо, или: совсѣмъ не годится принимать къ сведѣнію»*.

«Я могу рисковать жизнію, позволяя себѣ судить о вашихъ предписаніяхъ; но я смотрю на такой рискъ, какъ на гораздо меньшее зло для самого себя, тѣмъ на абсолютную потерю моей свободной воли или, если хотите, моихъ внутреннихъ побужденій и предчувствій.

«То, что я дѣлаю съ медикою, то самое дѣлаю я и со всѣми на свѣтѣ, и жалѣю лишь о томъ, что недостаточно это дѣлаю. Я отрекся бы отъ всей моей экономической науки, я сталъ бы отрицать законъ *раздѣленія*, еслибы онъ долженъ былъ имѣть результатомъ созданіе взаимности деспотизма, гдѣ никто не имѣлъ бы права мыслить самъ собою, изслѣдовать и выбирать внѣ своей спеціальности».

Конецъ письма, такой же оригинальный, заключаетъ въ себѣ дружеское обращеніе къ доктору, котораго Прудонъ проситъ быть выше мелочнаго раздраженія и посѣщать его хоть изрѣдка, удерживая за собой право слушаться его предписаній, когда ему это захочется.

Восточная война продолжаетъ входить главнымъ мотивомъ въ его переписку съ Шарлемъ Эдмономъ. Тотъ спросилъ Прудона, какъ онъ смотритъ на текуція событія, и въ письмѣ отъ 9-го

юля Прудонъ заново формулируетъ свои взгляды, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ и относясь къ русской политикѣ съ безпристрастіемъ, хотя и не съ особенной симпатіей:

«Царь,—говоритъ онъ,—это—олицетвореніе всѣхъ интересовъ, добивающихся смерти бѣдной Турціи, интересовъ съ извѣстной долей эгоизма, а слѣдовательно несправедливости... Еслибъ царь желалъ покончить съ Турціей, когда поняли его политику, ему слѣдовало, по-моему, поступить такъ: сказать европейскимъ державамъ, что онъ требуетъ *эмансипаціи христіанъ*, что равнялось бы отходной «большого человѣка», и что еслибъ Порты отказала ему, онъ ее принудитъ; но что въ то же время, еслибы державамъ самимъ угодно было взяться за это дѣло, онъ бы имъ охотно это предоставилъ и удовольствовался бы выжидательнымъ поведеніемъ, не беря на себя никакого обязательства. Почти то же предлагаетъ онъ въ настоящее время и Австріи. Почему не сдѣлалъ онъ этого раньше?... Какъ только англо-французы попали бы въ Константинополь и приобрѣли бы должный опытъ по этому вопросу, кто сталъ бы оспаривать у Николая Добруджу? И, подъ конецъ, похоронили бы мертвеца, поладивъ между собою.»

Политику Англии и Франціи считаетъ Прудонъ *постыдной и лицемерно-скандалѣзной*; этими самыми словами клеймитъ онъ дипломатію лорда Сеймура и г. Друэна де-Люиса. Ихъ лживую политику Прудонъ объясняетъ подвохами европейскаго ретроградства.

«Вы знаете, любезный другъ,—говоритъ онъ Шарлю Эдмону,—что старое европейское общество находится въ такомъ же положеніи, какъ и Турція; оно очень больно, оно издыхаетъ. Оно чувствуетъ это, оно это знаетъ, оно цѣпляется за всѣ мадонны, оно призываетъ всѣхъ знахарей, оно упивается всѣми снадобьями.

«Во Франціи, напримѣръ, реакція 48 г. продолжается ожесточенная, болѣе яростная и безпощадная, чѣмъ когда-либо. Дѣло дошло до того, что еслибъ имперія пала, у васъ завтра были бы министрами Гизо-Лабурдоннѣ, Брозьи-Подиньякъ и Кувезь-Трестальонъ. За неимѣніемъ факта слянія (*fusion*), нео-якобинцы позабавились бы, начавши гильотинаду Клотцемъ, Эберомъ, Демуленомъ, Шометтомъ, Жакомъ Рѹ, Варлѣ, Монморо и другими анархистами и агенстами. И это продолжалось бы до тѣхъ поръ, пока сабля, вытянутая изъ штановъ нео-христіанина Бюшеза, не взялась бы восстанавливать порядокъ и добрые принципы въ издыхающемъ обществѣ!

«Это и доказываетъ, что старый свѣтъ, въ сущности, при-

шелъ къ соглашенію, хотя въ формулахъ, повидимому, противорѣчащихъ, и руководится тѣми же рутинами, тѣми же предвзудками. Напримѣръ, что же можетъ, скажите на милость, выдумать бывший первый ученикъ, прозывающійся Друэнъ де-Люисомъ, какъ не закрѣпленіе *европейскаго равновѣсія*, т.-е. все тѣ же традиціи священнаго союза, Ринселье, вестфальскаго мира? А по части турокъ, развѣ у насъ нѣтъ другой традиціи, Франциска I?... Вы говорите: а національности? — Национальности! Это также традиція, т.-е. революціонная болтовня (*blagologie révolutionnaire*). Пусть революція покажетъ только кончикъ уха, и принципъ національностей будетъ мгновенно устраненъ. Кто этого захотѣлъ?.. Друэнъ де-Люисъ, т.-е. все то же старое общество, исчадія котораго онъ и его сотоварищи. Ужь, конечно, ни орлеанизмъ, ни легитимизмъ, ни партія сліянія не поддерживали войны; но что они сдѣлали, будучи не въ состояніи всему помѣшать, это то, что война стала въ одно и то же время, и противо-революціонною и враждебною народамъ».

Прудонъ возвращается къ своей мысли о неизбежности отреченія для Наполеона III, и объясняетъ политику Англии смѣсько повинизма съ задѣтымъ честолюбіемъ аристократіи. Исходъ войны для него во всякомъ случаѣ печальный, хотя бы Франція и добилась побѣды. Но въ немъ живетъ настолько объективности, что онъ не выдаетъ своихъ соображеній за приговоры, а желаетъ основывать ихъ на фактахъ и цифрахъ:

«Я стараюсь,—кончаетъ онъ письмо,—угадывать событія по расположенію умовъ; поѣтому-то для меня, въ этомъ восточномъ вопросѣ, какъ Гробъ Господень давно уже ничего не значить, такъ и Турція ничего не значить и Россія точно также; что имѣетъ значеніе, въ чемъ заключается настоящее дѣло, такъ это — мистификація Германіи, завоевываніе въ дѣли демократіи и революціи, и *слава* Англии».

Восточная война такъ волнуетъ Прудона, среди его усиленныхъ занятій, что онъ, отрываясь отъ нихъ, продолжаетъ обсуждать ее въ пріятельскихъ письмахъ съ такой яркостью и энергіей, точно въ передовыхъ статьяхъ собственнаго политическаго журнала. Письмо къ Ланглуа, отъ 9-го іюля, напоено все тѣмъ же интересомъ минуты. Прудонъ, и въ этомъ случаѣ, головой выше всѣхъ своихъ единомышленниковъ и силится объяснять имъ настоящій смыслъ восточныхъ событій:

«Сколько же времени надо будетъ вамъ, плохо исправившійся яковинецъ, жидкій социалистъ,—спрашиваетъ онъ Ланглуа,—чтобы понять вашъ вѣкъ и узнать вашихъ современниковъ?»

«То, что происходитъ на Востоке и что скандализуетъ васъ такъ, какъ будто бы вы не должны были этого ожидать, есть не что иное, какъ война, объявленная революціи. Уже давно вопросъ Гроба Господня ничего не значить. (И тутъ стоитъ перифраза изъ предыдущаго письма). Дѣло заключается опять, какъ и всегда, въ спасеніи Старога Свѣта, взволнованнаго неожиданно несеромностію имп. Николая.

«Французы и англичане, побывавши на мѣстѣ, гдѣ они видѣли своими глазами и потрогали своими руками трупъ, должны были признать, что царь сказалъ правду: мертвое тѣло, какъ Лазарь, уже издавало зловоніе. Слѣдовало, стало быть, согласиться между собою, тѣмъ болѣе, что прибытіе союзниковъ и выяснило эту, весьма мало сожалительную кончину. Но мозги слишкомъ взбудоражены, чтобы дѣло пошло такимъ образомъ; къ тому же сабля вышла изъ ноженъ и надо ей поработать.

«Что же происходитъ и какъ оно тамъ у васъ отражается?

«Европа больна, очень больна; она отходить, какъ и Турція, схватываясь за всякія снадобья, молясь передъ всѣми мадоннами; вы и безъ Николая, самодержца всероссійскаго, хорошо знали это.

«Боясь своей летаргій, старое общество вздумало воевать; оно вообразило, что это его вылечить.

«Въ Англійи есть старая аристократія, эгонстичная и сварливая; ея гордость страдаетъ оттого, что палата общинъ надъ ней премьеруетъ и толкаетъ ее впередъ: меркантильная буржуазія, бобденизмъ, чартизмъ, агитація на материкѣ въ сторону такой будущности, гдѣ она ровно ничего не видитъ. Эта старая аристократія замышляетъ въ настоящую минуту нѣчто въ родѣ войны Питта съ республикой и имперіей; восточнымъ вопросомъ воспользовались, какъ предлогомъ, и добились союза съ Наполеономъ III, чтобы послать его упражнять свою воинственность на Дунай, Балтику и на Черное море, гдѣ онъ менѣе опасенъ, чѣмъ на Ламаншѣ. Албонскую толпу, не менѣе нашей падею на повинованіе, заставили кричать ура, министерство было увлечено и попла всѣхъ Непиры, Дондасы, Рагланы!

«Въ Германіи буржуазія вчетверо тупѣе нашей и упрямо добивается парламентскихъ учреждений. Нѣмецкая буржуазія, не менѣе парижской и англійской аристократія, чувствуетъ ужасъ къ социальнымъ демократамъ, но она не хочетъ и монархіи по священному праву; она стоитъ за свою конституціонную хартію, а кто *est* ея *mazaxx* врагъ хартій? Царь. Она думаетъ, что если царь будетъ побѣжденъ, то парламентская свобода не встрѣтитъ уже никакого препятствія; отсюда та громадная популярность,

какою пользуется въ Германіи англо-французское предпріятіе. Во все это вмѣшалась чернь, всѣмъ бросилась въ голову ненависть къ славянамъ и весь свѣтъ оретъ: долой казаковъ!

«Очень хорошо, милѣйшіе мои буржуа. Но вспомните 1814—1815 г.: какъ только Наполеонъ былъ побитъ, короли, какъ истые побѣдители, уже не помнили больше своихъ обѣщаній. Подите, требуйте хартій у побѣдителей!

«Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, отличающагося всегда по части интеллигенціи, Пруссія и Австрія двинулись впередъ. Боже мой, какъ всѣ бросились подглядывать имъ дощечки! Я только и вижу вокругъ себя людей, нисколько не понимающихъ ихъ политики, а между тѣмъ она, какъ нельзя больше, ясна.

«Естественное дѣло, прусскій король и нѣмецкій императоръ были раздражены (*embêtés*) придирками своихъ буржуа, демократическими и революціонерными происками, а также немного утомлены своимъ высокимъ и могущественнымъ протекторомъ! Что же выходитъ! Вдругъ правительство Франціи и Англіи гарантируетъ ихъ отъ всякихъ демагоговъ; англійская аристократія выказываетъ себя гораздо менѣ пылкой въ дѣлѣ свободы; французская буржуазія, провинившаяся въ 89, 93, 99, 1814, 1830, 1848 годахъ, восклицаетъ: *теа сибра!* Нѣмецкая буржуазія предлагаетъ имъ свои деньги на покупку ружей противъ казаковъ и этихъ негодяевъ—республиканцевъ; султанъ при послѣднемъ вздыханіи проситъ своего добраго друга, Фердинанда, овладѣть *Молдо-Валахіей!* И вы удивляетесь, клубные простаки, тому, что Австрія, ничѣмъ однако особеннымъ не рискуя, начинаетъ склонять ухо въ просьбамъ Наполеона III, главы новаго священнаго союза?...

«А Россіи вы не очень боитесь: допускаю, что ее побьютъ, сожгутъ ея флоты, чего особенно добивается Англія; послѣ того каждый заберетъ кусочекъ наслѣдства Абдуль-Меджида, и все это не мнѣя лукаво, ибо никто, кромѣ царя, не желалъ его кончины.

«Если дѣла пойдутъ такъ,—а какъ же имъ иначе идти?—то Франція, истощенная деньгами и людьми, съ обузой Алжира на рукахъ, консервативная Франція закричитъ Наполеону: стой! — Стой!—т.е. мнѣ тебя больше не нужно, другъ мой, убирайся! И если только императоръ Николай, послѣ сожженія его флота англичанами, почувствуетъ себя удовлетвореннымъ и войдетъ въ общій строй державъ, священно-союзническихъ и консервативныхъ, то Наполеонъ III, лишенный партій и всякихъ корней, превратится въ какую-то закуску (*hors-d'oeuvre*), въ какую-то бессмыслицу, принужденъ будетъ отречься въ пользу графа Париж-

сваго, а тотъ, болѣе великодушный, чѣмъ узурпаторъ 2 декабря, наградить его пенсіей на хлѣбъ насущный.

«Тогда, если социалисты не будутъ изгнаны — на что я надѣюсь, но не увѣренъ, — они начнутъ опять споръ; а пока они могли бы, начиная съ настоящей же минуты, не будь они трусливѣе якобинцевъ, раздувать священный огонь, воздѣлывать сѣмена 1848 г., и кто знаетъ, создавать мало-по-малу гарантіи для республики на случай болѣе и болѣе вѣроятной династической или правительственной перемѣны.

«Вотъ, милый другъ, то, что многіе начинаютъ уже предвидѣть. Одна только Гора ничего въ этомъ не понимаетъ: она видитъ во всемъ Наполеона и имперію. Буржуазія позволяетъ ей перетирать свои зубы объ эту пилу, которую она разобьетъ когда угодно однимъ взмахомъ кулака.

«Взрослый вы, наконецъ, человѣкъ? Заслуживаете ли вы жить въ обществѣ мыслящихъ людей? Вамъ кричали: вашъ врагъ вовсе не человѣкъ 2-го декабря, а такъ же, какъ и прежде, люди 13-го июня; вопросъ не въ Тюльери, а всегда, какъ и въ 49 году, въ улицѣ Пуатье; задача вовсе не въ конституціи 48 года, ни даже въ конституціи 93-го — нелѣпая противорѣчивая задача, поставленная въ выраженіяхъ абсолютизма, а въ Сень-Симонѣ, Фурье, Оуэнѣ, въ февральскихъ принципахъ; задача убитыхъ въ іюнѣ 48 года».....

Письмо это написано человѣку, отправившемуся служить султану, во имя западнаго либерализма. Прудонъ не хотѣлъ удерживать Ланглуа отъ поѣздки въ Турцію, зная вѣроятно, что для того надо было куда-нибудь дѣваться; но читатель видитъ, въ какой степени выше стоялъ Прудонъ надъ неразсчетливымъ либерализмомъ и радикализмомъ своихъ единомышленниковъ, кричавшихъ объ истребленіи «казаковъ», не понимая, что борьба началась не между варварствомъ и цивилизаціей, а между старымъ европейскимъ обществомъ и тѣмъ «возстаніемъ вещей», на которое Прудонъ не переставалъ возлагать свои упованія.

VI.

Отсутствіе всякаго прочнаго положенія, необходимость пробаваться черновой, и притомъ случайной работой, сдѣлали то, что Прудонъ дорожилъ каждымъ часомъ своего времени и почти на четыре-пятыхъ сократилъ свою интимную переписку. Но его дѣльность и добросовѣстность были таковы, что онъ не могъ

оставить безъ обстоятельнаго отвѣта ни одного дѣльнаго обращенія къ нему не только друга, но и простого знакомаго. Такъ, Бергманъ, бывшій до того времени равнодушнымъ къ экономическимъ вопросамъ, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній на брошюру Прудона о желѣзныхъ дорогахъ, и Прудонъ немедленно и весьма подробно отвѣчаетъ ему письмомъ отъ 15-го іюля. За періодъ, разбираемый нами, особенно цѣнны тѣ рѣдкія письма, гдѣ Прудонъ обращается къ пріятелямъ, съ которыми давно не переписывался и обзрѣваетъ свою жизнь за послѣднее время. Такое письмо отъ 27-го іюля отправлено имъ г-ну Тришу.

«Вы хотите знать, — спрашиваетъ онъ, — въ какомъ я нахожусь положеніи?»

«Скажу вамъ это въ нѣсколькихъ словахъ: бесполезно, въ настоящую минуту, много говорить обо мнѣ.

«Разумѣется, я бѣденъ, и живу со дня на день; оно понятно, потому что съ самаго 2-го декабря, за исключеніемъ брошюры, разрѣшенной Наполеономъ, мои книги должны были повсемѣстно исчезнуть съ полокъ книжныхъ магазиновъ; ни одинъ разносчикъ ихъ не продастъ и многіе боятся скомпрометтироваться, читая ихъ. Я оцѣниваю стоимость всего мною напечатаннаго около 50,000 франковъ. Теперь все это проглочено. Я могъ бы легко добывать ремесломъ журналиста отъ 5 до 6,000 франковъ въ годъ; но мнѣ это запрещено, формально запрещено; ни одинъ главный редакторъ журнала не согласился бы взять меня.

«Остается у меня одинъ ресурсъ: составлять за деньги, то для того, то для другого, компилятивныя книжки или же писать большія ученныя сочиненія, нисколько не занимательныя для публики.

«Несмотря на все это, я вовсе не прихожу въ отчаяніе. Этотъ порядокъ угнетенія не можетъ долго длиться, и я уже приготавлиюсь къ тому, чтобъ съ честію воскреснуть.

«Пока весь свѣтъ засыпаетъ въ общемъ молчаніи, я работаю, я иду впередъ, и, черезъ годъ или два, я также опережу самого себя, какъ я опередилъ другихъ въ 1848 г.

«Мое положеніе не блестяще; но оно то, чѣмъ можетъ быть, и такъ какъ я его знаю доподлинно, такъ какъ мнѣ извѣстны его причины и исходы, то я удваиваю энергію и считаю себя увѣреннымъ въ успѣхъ.

«Думаютъ вообще, что я раздавленъ, умеръ, совсѣмъ умеръ и прикованъ. Церковь, магистратура, старыя партіи, разные севты радуются этому. А я только нырнулъ; но если я не опи-

блюсь въ собственныхъ силахъ, въ скоромъ времени всё замѣтить, что знали до сихъ поръ лишь половину моей личности».

Къ этому вѣрному, печальному, но смѣлому подведенію итоговъ Прудонъ приписываетъ фразу, гдѣ сказывается весь человѣкъ, умѣвшій всегда сливать слово съ дѣломъ:

«Тотъ, кто не способенъ терпѣть и ждать, — не мужчина. Я слишкомъ волновалъ Старый Свѣтъ, чтобъ онъ немножко не мстилъ мнѣ; помолчимъ и пождемъ».

Небольшая записка къ Э. Жирардену, отъ 2-го августа, показываетъ, что Прудонъ продолжалъ сношенія довольно близкаго знакомства съ редакторомъ «Прессы». Онъ пользуется даже этимъ поводомъ, чтобъ заявить Жирардену несогласіе по вопросу восточной войны.

«Что вы одобряете политику какого бы то ни было правительства, когда она вамъ кажется хорошей, это ровно ничего не значить въ вашемъ положеніи, всѣмъ достаточно извѣстномъ; но развѣ все, что мы дѣлаемъ на Востокѣ и въ другихъ мѣстахъ, имѣетъ здравый смыслъ? У меня нѣтъ журнала, и я не могу вѣрить въ вѣчность всего этого, почему я и силюсь пойти дальше моихъ современниковъ и приготовить свое воскресеніе».

Еще болѣе краткая записка къ нѣкому г. Вильоме, отъ 10-го августа, заключаетъ въ себѣ весьма цѣнный біографическій фактъ. Извѣстный пасквильянтъ Миркуръ уже и въ это время началъ составлять свои грошовыя біографіи современниковъ и обливать ихъ грязью по своему произволу. Миркуръ являлся обыкновенно къ какой-нибудь извѣстности или знаменитости, выпрашивалъ позволеніе составить ея біографію, или же черезъ общихъ знакомыхъ добывалъ біографическія подробности. Такъ онъ началъ подѣлывать и къ Прудону, черезъ г. Вильоме. Прудону было непріятно такое приставанье: вѣроятно, онъ уже предчувствовалъ, какъ обработаетъ Миркуръ его личность и труды.

«Такъ какъ г. Миркуръ вашъ другъ, — пишетъ онъ Вильоме, — то я не могу сомнѣваться въ томъ, что онъ порядочный человѣкъ. Но я долженъ вамъ сознаться, что про него говорятъ очень дурно, и мнѣ будетъ особенно пріятно убѣдиться въ томъ, что онъ, подобно мнѣ, лучше своей репутаціи».

«Впрочемъ, я не желаю вовсе стѣснять его пера и заговаривать его критику; онъ повредитъ и себѣ и мнѣ, если пощадитъ меня. Но къ чему всё эти біографіи?».....

Біографія появилась, и она-то подава вѣднпій поводъ къ

полемикъ Прудона съ однимъ крупнымъ прелатомъ, въ формѣ которой было написано самое убѣжденное и такъ-сказать *цен-тральное* сочиненіе Прудона: «De la Justice».

Въ промежутокъ между 10-мъ августа и 1-мъ сентября поразилъ Прудона новый ударъ. Послушаемъ, какъ онъ самъ рассказываетъ объ этомъ въ письмѣ къ Бергману отъ 1-го сентября:

«Три недѣли тому назадъ я былъ пораженъ эпидеміей, и смерть посѣтила меня. Я потерялъ одну изъ моихъ дочерей, около трехъ лѣтъ отъ роду: она была точно убита молніею.

«Въ ту минуту, когда выносили трупъ, я лежалъ недвижимъ, истощенный діарреей, рвотой, паденіемъ силъ. Наконецъ, гомеопатія спасла меня; но я все-таки еще не чувствую подъ собою ногъ. Мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, еще двѣ недѣли на выздоровленіе.

«Моя жена и два моихъ другихъ ребенка также были захвачены бичомъ; словомъ, мы всѣ прошли *черезъ полуду*.

«Эта болѣзнь (онъ говоритъ про холеру) проявляетъ всѣ признаки отравленія. Но невозможно не признать въ ней присутствія нравственныхъ причинъ, и я съ своей стороны, не колеблясь, думаю, что ужъ съ годъ носилъ холеру въ своихъ внутренностяхъ. Слишкомъ много потрясеній и огорченій подтачивали меня въ теченіе года, чтобы не вышло какого-нибудь взрыва, и я могу сказать безъ фатализма: случилось то, что было предназначено».

Картину страданій Прудона и его семейнаго разстройства мы находимъ и въ дальнѣйшихъ пріятельскихъ письмахъ. Сообщенія свои онъ исключительно дѣлалъ доктору Маге; письмо отъ 17-го сентября все чрезвычайно характерно:

«Любезный другъ, не шлите мнѣ ничего, я не ѣмъ.

«Съ самаго начала моего выздоровленія я имѣлъ уже два возврата: вещь почти неизбежная въ этихъ болѣзняхъ.

«Въ тотъ день, когда я вамъ отправилъ первое мое письмо, я думалъ, что уже очень окрѣпъ; три дня спустя, меня опять схватила діаррея, и вотъ уже шесть дней, какъ я живу супомъ и бульономъ.

«Необходима система предосторожностей, для того, чтобы я могъ ѣсть. Я совсѣмъ потерялъ вкусъ вина.

«Сегодня я опять чувствую себя лучше: мнѣ совершенно ясно то, что моя теперешняя слабость происходитъ гораздо больше отъ діаты, чѣмъ отъ болѣзни; а недѣлю тому назадъ было совсѣмъ наоборотъ.

«Стало быть, какъ только я въ состояніи буду ѣсть биф-

штукъ и вѣзету, и поѣмъ ихъ въ теченіе трехъ дней, а по всей вѣроятности осилаю и поѣздку.

«Я пожертвовалъ болѣзни цѣлыхъ шесть недѣль; стало быть, у меня есть времени еще до 1-го октября.

«Если же, какъ я на то надѣюсь, я достаточно окрѣпну въ четвергъ или пятницу, я увѣдомлю васъ объ этомъ, и мы назначимъ день моей поѣздки».

По поводу своей болѣзни онъ дѣлаетъ такія обобщенія:

«1854-ый годъ полонъ бѣдъ:

«Чума, голодъ, война, задержка въ торговлѣ и промыслахъ, и все это подъ покрывшкою деспотизма.

«Въ эту минуту царствуетъ полное отсутствіе дѣль. Глубокая нищета въ Парижѣ. Всѣ стоятъ на сторожѣ».

Кончаетъ онъ не веселыми ожиданіями отъ восточной войны и пророчествуетъ кривисъ, какъ только французы будутъ побиты въ Крыму. Но и въ началѣ октября Прудонъ чувствовалъ себя еще очень слабымъ и не надѣялся поправиться раньше двухъ мѣсяцевъ. Другому пріятелю, Сюшэ, онъ описываетъ отъ 3-го октября свои горькія отеческія ощущенія:

«Лишился я не старшей моей дочери Катерины, а второй—Марсели. Ударъ былъ не менѣе чувствителенъ. Я очень дорожилъ этимъ ребенкомъ, который лучше сестеръ своихъ воспроизводилъ типъ отца, и общалъ мнѣ энергическій умъ и характеръ. Такъ-то судьба караетъ насъ за тщеславіе. Да и зачѣмъ создавать всегда самолюбивые планы за дѣтей, вмѣсто того, чтобы довольствоваться воспитаніемъ ихъ въ трудѣ и добрыхъ нравахъ? Какое значеніе имѣетъ все остальное, рядомъ съ этими истинными благами, а отъ насъ зависитъ передать ихъ нашимъ дѣтямъ».

Мы уже имѣли случай замѣчать, что Прудонъ искалъ въ семейной жизни удовлетворенія своихъ личныхъ потребностей, съ суровостію и безсознательнымъ эгоизмомъ простолюдина. Такъ точно и любовь его къ дѣтямъ проявляется, въ приведенномъ отрывкѣ, значительное отеческое себялюбіе, хотя и смягченное ударомъ судьбы. Но рядомъ съ этимъ выступаетъ сильная натура, способная на самыя великодушныя чувства.

«Человѣку съ сердцемъ,—пишетъ онъ дальше,—ничего не значитъ страдать; но истинное мученіе смотрѣть, какъ страдаютъ и умираютъ близкіе. Въ теченіи одной недѣли я, моя жена и трое моихъ дѣтей были поражены; когда я былъ всего плоше, бѣдная моя Марсель умирала, точно сраженная ударомъ молніи. Цѣлую недѣлю отъ меня скрывали эту потерю, говоря, что ее

отдали въ квартиру перваго этажа подъ надзоръ одной моей знакомой.

«Вы и г-жа Сюшэ, такая бодрая и преданная, легко представите себѣ, сколько должна была страдать моя жена, принужденная ходить за самой собой, быть постоянно около меня, такъ какъ я ее безпрестанно требовалъ, глотать свои слезы и улыбаться мнѣ, боясь огорчить меня своей грустью.

«Любезный другъ, я вамъ говорилъ не одинъ разъ: я считаю мужчину выше женщины по мозговой и мышечной силѣ; но сердцемъ онѣ куда лучше насъ! По крайней мѣрѣ я самъ съ охотою отдаю имъ это предпочтеніе».

Нѣсколько поздно пришелъ Прудонъ въ такому выводу. Для этого понадобился ударъ судьбы и усиленная преданность жены его. Но, съ годами, Прудонъ все укрѣплялся въ своихъ одностороннихъ и вовсе ненаучныхъ взглядахъ на женщину, выраженныхъ имъ и въ посмертной его книгѣ, явившейся въ Парижѣ тотчасъ послѣ его «Переписки». Книга эта называется «La Roposcatie, ou les femmes dans les temps modernes». Содержание ея не представляетъ впрочемъ ничего новаго въ интересахъ объективной критики.

Отмѣтимъ и то, что тяжелая болѣзнь смягчила взглядъ Прудона и на молодое поволеніе.

«Я постоянно слышу вокругъ себя, какъ злословятъ нашу вѣкъ и теперешнюю молодежь. Я не знаю молодежи и мало ее вижу; но судя по нѣкоторымъ образчикамъ, я убѣжденъ напротивъ, что наши дѣти, любезный Сюшэ, будутъ лучше и пойдутъ дальше насъ».

Свою бѣдность Прудонъ не скрываетъ, и говоритъ о ней въ благородныхъ и трогательныхъ выраженіяхъ.

«Мы бѣдны,— замѣчаетъ онъ въ концѣ письма,— и я право не знаю, сколько еще времени мы останемся бѣдняками. Но мы не гордимся нашей бѣдностью; мы остаемся простыми и скромными людьми, прикрывая наши прорѣхи, насколько можемъ, живя со дня на день, по средствамъ, и силою труда, при чистой совѣсти и добрыхъ друзьяхъ, и кончимъ, быть можетъ, тѣмъ, что станемъ счастливѣе тѣхъ, чья роскошь иногда оскорбляетъ насъ.

«Надѣюсь, что у насъ всегда будетъ gigot и курица со стаканомъ вина для добраго друга. Долой гордость! Когда пріятель, жавущій въ довольствѣ, предлагаетъ мнѣ обѣдъ въ 20 ф., я его подчую обѣдомъ въ 100 су; и по-моему тутъ соблюдено равенство, потому что есть пропорціональность».

И въ письмѣ къ Морису, отъ 17-го октября, повторяются по-

дробности о болѣзни Прудона и смерти дочери. Про свои работы онъ сообщаетъ больше въ видѣ предположеній. Надѣется онъ, что большое сочиненіе по экономіи позволитъ ему высвободиться изъ тѣсноты нужды и получить на немъ до тридцати тысячъ франковъ. И другая работа, «Общая хронологія», въ семи или восьми томахъ, должна ему дать до 8,000 фр. Оба эти труда возьмутъ у него не меньше десяти лѣтъ, а въ этотъ періодъ онъ рассчитываетъ на полную пережѣну политическихъ событій.

«Однимъ словомъ, любезный Морисъ, — заканчиваетъ онъ, — я положительно рассчитываю на то, что 1855 г. увижу мое воскресеніе и что, какъ писатель или какъ человѣкъ заработка, я пойду дальше, чѣмъ въ 1842 г.»

Поглощенный чрезмѣрною работою, не приносившею ему ничего вромѣ засушняго куска хлѣба, Прудонъ долженъ былъ еще больше совратить свою корреспонденцію, что онъ съ открытостью и говоритъ нѣкоему г. Боннону, обратившемуся въ нему съ чисто-литературнымъ письмомъ. Только событія восточной войны заставляютъ его касаться общихъ интересовъ въ своей интимной перепискѣ.

Взглядъ Прудона на крымскую кампанію все такой же — рѣзко-отрицательный.

«Съ самаго начала, — пишетъ онъ, — эта кампанія, какъ съ военной, такъ и съ политической точки зрѣнія — длинная нелѣпость».

Эта рѣшительная фраза стоитъ въ письмѣ къ Эдмону отъ 22 ноября; а нѣсколько позднѣе, отъ 29-го, онъ пишетъ Гильдемену:

«Восточная война принимаетъ положительно роковой и разорительный характеръ; но она, какъ я думаю, все-таки не задержитъ нашего предпріятія (онъ говоритъ тутъ о дѣловомъ предпріятіи, затѣянномъ нѣкимъ г. Вердо). Причина этого та, что всѣ должны, не менѣе правительства, поладить съ необходимостію продолжительной войны, войны въ нѣсколько лѣтъ, и быть можетъ безъ всякаго исхода; и нужно будетъ, такъ или иначе, приняться за дѣла, ибо нельзя же жить не работая».

Къ концу 1854 г. переписка дѣлается еще скуднѣе, и на декабрь мѣсяць приходится всего два письма, отправленныхъ въ одинъ и тотъ же день, 19-го декабря. Второе изъ нихъ, г-ну и г-жѣ Сюшэ, замѣчательно выходной противъ демократовъ-якобинцевъ, въ лицѣ Барбеса, который, какъ извѣстно, несмотря на свой радикализмъ, рукоплескалъ восточной войнѣ и съ гордостію называлъ себя *шовинистомъ*.

«Впрочемъ, такова наша демократія,—заканчиваетъ Прудонъ:—несмотря на официальные заявленія императора и министровъ, несмотря на союзъ съ Австріей, на половину заключенный, наши демократы хотятъ непременно обратить восточную войну въ войну революціонную, и держась за эту химеру, они рукоплещутъ и подталкиваютъ къ войнѣ. Самые дальновидные уже начинаютъ распознавать въ чемъ дѣло; но масса, представляемая газетами «Siècle», «Chargivagi», «Presse» и проч., продолжаетъ гнѣть Марсельезу.—Говорю вамъ, есть тайная связь между явобинцами и имперіалистами; въ ней не смѣютъ признаться, но она дѣйствительно существуетъ.

«Я, дорогіе друзья, стараюсь какъ можно больше уединиться, и нахожу свое утѣшеніе и свой кусокъ хлѣба въ трудѣ. Знаю, что демократія, разъяренная тѣмъ, что потеряла власть, особенно съ той поры, какъ у ней передъ глазами зрѣлище имперіи — ненавидитъ меня, какъ одного изъ виновниковъ ея паденія. Я оплачиваю ей за ненависть презрѣніемъ. Одна династія стоитъ другой; къ чему же мнѣ выбирать непременно между Бурбонами, Орлеанами, Бонапартомъ, Кавеньякомъ, Ледрю-Роллекомъ? Свобода, прогрессъ, воспитаніе народа, его освобожденіе отъ нищеты и суевѣрія—вовсе не съ ними. Я это сказалъ. Въ этомъ—мое преступленіе. Надѣюсь, что мнѣ придется и еще разъ повторить то же самое»...

Хотя 1854 г. и оказался бѣднѣе по количественному содержанию, чѣмъ предыдущіе, но заканчивается онъ, какъ читатель видитъ, настоящей Прудоновской нотой...

Послѣдніе восемь томовъ переписки Прудона обнимаютъ собою послѣднія десять лѣтъ его жизни (1855—1864 гг.).

Д — в в в.

ИЗЪ „ЛАЗАРЯ“

ГЕЙНЕ.

I.

ЗЕМНОЕ ПОПРИЩЕ.

Если взываеъ кто щедро судьбой,
Еще болѣе тотъ получаетъ, —
Кто-жь немного имѣлъ за душой,
Тотъ навѣрное все потеряетъ!

И, увы! если нищъ ты и нагъ —
Схоронись подъ доской гробовою:
Права жить не имѣеть бѣднякъ,
Жить нельзя здѣсь съ пустою сумою.

II.

ВОСПОМИНАНІЯ.

На кухнѣ вселенной всѣхъ блюдъ я ѣдалъ,
 Всѣ лакомства, запахи, сласти узналъ;
 Я всѣмъ наслаждался на бѣломъ семь свѣтѣ,
 Какъ врядъ-ли другой кто на нашей планетѣ!
 Я кофе пивалъ, заѣдалъ пирошками,
 И укулокъ милыхъ плѣнялся глазами;
 Въ жилетѣ и модномъ гулялъ въ сюртувѣ;
 Брицали дукаты въ моемъ кошельѣ.
 Какъ Геллертъ, ѣзжалъ я на борзомъ конѣ;
 Друзья собиралися въ замокъ ко мнѣ.
 Персонѣ моей улыбнулося счастье,
 Мнѣ солнце свѣтило, не зналъ я ненастья.
 Лавровый вѣночекъ у меня на челѣ!
 Съ нимъ громкая слава! Я былъ какъ во снѣ:
 То—вѣчный былъ май, вѣчно юныя розы,
 То—полныя нѣги смѣнялися грѣзы.
 Къ обѣду мнѣ голубей жареныхъ въ ротъ
 Судьба послала безъ дальнихъ хлопотъ.
 Нерѣдко и ангель, на легкихъ крылахъ,
 Являлся съ шампанской бутылкой въ рукахъ.
 Тѣ милыя грѣзы исчезли безслѣдно,
 Какъ мыльный пузырь; прозябаю я, бѣдный.
 Я въ членахъ обрѣлъ ревматичную боль,
 Извѣдалъ и стыдъ, и печалей юдоль.
 Платилъ я сторицей за каждый мигъ счастья,
 Годами болѣзней, тревогъ и ненастья.
 Обрушились бѣды — и стая клоповъ
 Кусала мой жалкій, изсохшій остовъ.
 Забота-старуха въ груди угнѣздилась,
 Въ душѣ моей низость и ложь поселилась:
 Я гордую выю предъ сильнымъ согнулъ,
 Какъ нищій я руку свою протянулъ...
 Усталъ я, довольно тревогъ и волненья.
 Я жажду покоя, могилы и тлѣнья.
 Живите, о, братья! мы свидимся тамъ,
 Гдѣ мѣста не будетъ печалямъ, грозамъ.

III.

ПРЕДЪ СМЕРТЬЮ.

Въ погонѣ за счастьемъ оставишь свой домъ,—
Вернешься въ лохмотьяхъ, съ пустымъ кошелью;
Въ чужбинѣ, съ нѣмецкой душой и нарядомъ,
Осыпанъ ты будешь лишь волжостей градомъ.

Больной, истомленный, домой добредешь
И отдыхъ желанный въ могилѣ найдешь.
Средь отчихъ полей широко и раздольно,
Уснуть тамъ такъ сладко, тепло и привольно.

А сколько людей умираетъ безъ силъ,
Вдали отъ родимыхъ домовъ и могилъ,
Въ странѣ дорогой простираючи руки,
Съ душой, полной скорби, рыданья и муки.

IV.

ВЪ РУБИЦѢ.

Чтобъ въ чѣрствую душу богатыхъ пролѣзть
Ты лести безъ стыда и безъ мѣры:
Вѣдь золото плоско; понятно, и лести —
Чѣмъ плоче, тѣмъ больше ей вѣры.

И если вознудся ты этой стези,
Златому тельцу поклонился,
Валяйся въ пыли, пресмыкайся въ грязи,
Чтобъ гордый вумиръ умилился.

Сталь хлѣбъ дорожать, тяжело бѣднѣямъ,
На лести же всегда есть вредить;
Кто оду напишетъ богатаго псамъ,
Тотъ будетъ навѣрное сытъ.

V.

МУДРЫЯ ЗВѢЗДЫ.

Цвѣты такъ легко попираютъ ногой,
 Изъ нихъ уцѣлѣетъ немного;
 Прохожій безжалостно давитъ пятой
 Красивыхъ, какъ самыхъ убогихъ.

Покоится жемчугъ въ морской глубинѣ;
 Его изъ пучинъ добываютъ,
 Въ богатомъ уборѣ, въ красивомъ перстнѣ,
 Въ ярмо золотое вставляють.

Но мудрыя звѣзды далеко отъ насъ
 На сводѣ небесномъ мерцають,
 И темною ночью, въ полуночный часъ,
 Какъ факелы мiръ освѣщаютъ.

VI.

ПОМИНКИ.

По мнѣ панихиды не стануть служить,
 Хвалебныхъ рѣчей не составлять,
 Не будутъ надъ гробомъ ни пѣть, ни кадить,
 И тѣло въ покоѣ оставятъ.

Какъ тихо на мирномъ кладбищѣ моемъ!
 Матильда съ Полиною лѣтомъ
 Придетъ погулять и поплакать вдвоємъ
 Надъ бѣднымъ усопшимъ повтоємъ.

Могилу она иммортелей вѣнкомъ
 Украситъ, усыплетъ цвѣтами,
 Вздыхая промолвить: «*raucge homme*»,
 И глаза залыются слезами.

Какъ жаль, я живу черезчуръ высоко,
 Матильдѣ усталой и милой
 Мнѣ стулъ предложить не совсѣмъ-то легко.
 Головку она наклонила —

О, милый ребенокъ, не можешь отнюдь
 Домой ты пѣшкомъ возвращаться:
 У самой ограды нанять не забудь
 Фіакръ — они тамъ толпятся.

VII.

НОВАЯ ВСТРѢЧА.

Густая жимолость, прохладный вечеръ,
 По прежнему мы вмѣстѣ у окна;
 На небѣ ясною свѣтится луна,
 Но мы не радостны: какъ будто зимній вѣтеръ

На насъ пахнулъ; не даромъ, видно,
 Двѣнадцать раздѣляетъ лѣтъ
 Отъ прежнихъ насъ мечтаній и бесѣдъ;
 Простыла страсть, — какъ это ни обидно.

Сидѣлъ я молча, а болтуня рядомъ,
 Въ золѣ любви старалась изъ всѣхъ силъ
 Раздуть минувшій жаръ, вернуть любовный пылъ;
 Упреки, вздохи сыпалися градомъ.

Я выслушалъ рассказъ, пространный и примѣрный,
 О добродѣтеляхъ ея и о борьбѣ со зломъ,
 И о моемъ вліяніи гибельномъ. Съ лицомъ
 Преглурымъ я сидѣлъ; да! было сверно

Въ душѣ моей. — Я, наконецъ, простился.
 Деревья, освѣщенные луной,
 Какъ привидѣнія мелькали предо мной,
 Когда домой я ночью возвратился.

VIII.

СИДѢЛКА-ЗАБОТА.

Какъ мошекъ лѣтомъ веселый рой
На солнцѣ летаетъ, кружится;
Такъ милыхъ друзей окруженный толпой,
Я думалъ всю жизнь веселиться.
Друзья дѣлились моимъ добромъ,
Пока поживились послѣднимъ грошомъ.

Минуло счастье и пусть кошель;
За ними друзья улетѣли,
Потускло солнце, поетъ мятель,
Всѣ мошки давно околѣли.
Въ несчастьи, какъ мошки ночной порой,
Исчезли друзья, повернулись спиной.

Въ полночный часъ, у постели моей,
Дежурить сидѣлка-забота;
Въ заплаткахъ кофта, чепецъ на ней,
Очки и чулокъ для работы;
Скрипитъ табакеркой, грозить клюкой
И страшно сѣдою трясеть головой.

Задремлешь часто, и снится вновь:
Вернулись былия мгновенья,
Весеннее солнце, дружба, любовь...
Скрипитъ табакерка — исчезли видѣнья,
И, вмѣсто завѣтной любимой мечты,
Зловѣщей старухи я вижу черты.

IX.

ДУРНОЙ СОНЪ.

Я спалъ, и, мнилось, возвращались
 Мнѣ бодрость, свѣжесть прежнихъ лѣтъ,
 Мы внизъ, бѣгомъ, съ горы спускались
 Съ Оттилей; виля горный слѣдъ.

Что за прелестное созданье:
 Глазокъ зеленый смотреть вдаль—
 Въ обрывъ крутой—безъ содроганья;
 Гибка, какъ трость; крѣпка, какъ сталь.

Звучить такъ чудно голосъ милый;
 Душа прозрачна, какъ кристалль,
 Въ ея рѣчахъ и умъ, и сила,
 А губки—розы и коралль.

Я не болѣлъ любви томленьемъ,
 Не бредилъ я, мой мозгъ былъ цѣлъ;
 Къ ея рукѣ лишь въ умиленьи,
 Безъ словъ припалъ я и блѣднѣлъ.

Мнѣ помнится, я далъ ей лиллю,
 Эмблему чистой красоты,
 Сказалъ: «будь мнѣ женой, Оттиля,
 Добра примѣромъ, чистоты...»

Слова отвѣтныя, увы! не долетѣли
 До слуха моего. Проснулся я, и вновь—
 Старикъ, прикованный болѣзнями къ постели,
 Пока возьмутъ съ нея подъ гробовой покровъ.

X.

ПОТУХАЕТЪ.

Спустили занавѣсъ; театръ
 Пустѣеть; всѣ спѣшать домой.
 Погибла пьеса, бѣдный авторъ!
 Онъ палъ, непонятый толпой.
 Почтила публика поэта:
 Освистанъ милостиво онъ.
     Всѣ вышли, нѣтъ огня и свѣта,
     Все тихо, смолеъ людской гомонъ.

Но, чу! со сцены, въ тѣмѣ еромѣшной,
 Раздался жалобный аккордъ:
 Струна порвалась тамъ, конечно,
 У старыхъ ветхихъ клавикордъ.
 Въ партерѣ, тутъ и тамъ, нахально,
 Сѣдая крыса пробѣжить;
 Повсюду сырость, смрадъ; прощальный
 Последней лампы свѣтъ дрожить;
 Вотъ меркнетъ бѣдная — погасла:
 То жизнь моя, увы, угасла.

А. М.

ДВИЖЕНИЕ УМОВЪ

ВЪ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ

ПРИ ФЛАВІЯХЪ, ТРАЯНЪ И АДРІАНЪ

98—138 гг.

A. Hausrath, Neutestamentliche Zeitgeschichte. Dritter Theil. Heidelberg.
1873 и 1874.

Въ концѣ 1874 г. вышла въ свѣтъ послѣдняя часть сочиненія Гаусрата: «Исторія временъ новаго завѣта», о первыхъ годахъ котораго мы говорили вскорѣ по появленіи ихъ въ свѣтъ ¹⁾. Оставивъ себѣ задачей изображеніе исторической обстановки, историческихъ условій, при которыхъ возникли одна за другою книги новаго завѣта, Гаусратъ довелъ свою работу только до III эпохи, въ которой, по его мнѣнію, относится появленіе позднѣйшихъ изъ числа этихъ книгъ—до конца первой половины I-го вѣка. Моментъ, на которомъ, такимъ образомъ, остановился Гаусратъ, не составляетъ рубежа между двумя рѣзко отличающимися другъ отъ друга періодами, не имѣетъ рѣшительнаго значенія ни въ исторіи римской имперіи, ни въ исторіи древней цивилизаціи, ни въ исторіи христіанства. На императорскомъ престолѣ Антонины были не только преемниками, но и продол-

---

¹⁾ „Вѣст. Евр.“, ноябрь, 1873 г., стр. 262.

жателями Траяна и Адриана; въ дѣлѣ соглашенія и примиренія старыхъ вѣрованій съ новыми философскими ученіями, Маркъ Аврелій, нео-платоники, апологеты политеизма шли по стопамъ Сенеки, Эпиктета, Плутарха; въ средѣ христіанства организація церкви и борьба ея съ ересями, наполняющія собою вторую половину II-го и весь III-й вѣкъ, начались гораздо раньше Автокиновъ. Сочиненію Гаусрата, обрывающемуся посрединѣ всѣхъ этихъ тѣсно связанныхъ между собою движеній, неизбѣжно должно недоставать полноты, законченности, заключенія. Остается надѣяться, что картина угасающаго язычества и распространяющагося христіанства будетъ дорисована Гаусратомъ, въ другомъ книгѣ, съ такимъ же искусствомъ, съ какимъ онъ ее началъ.

Изъ богатаго матеріала, заключающагося въ третьемъ томѣ «Исторіи времени новаго завѣта», мы и на этотъ разъ выберемъ только то, что болѣе доступно для изложенія въ нашей печати, и останавливаемся прежде всего на предметѣ, которому была преимущественно посвящена первая наша статья о Гаусратѣ—на религіозномъ движеніи въ средѣ языческаго греко-римскаго міра.

I.

Царствованіе первыхъ двухъ Флавіевъ—Веспасіана и Тита—было эпохой реакціи противъ политической и нравственной разпущенности, овладѣвшей имперіею при Неронѣ и слабыхъ, эфемерныхъ его преемникахъ. Строгій къ другимъ и къ самому себѣ, сдержанный, въ высшей степени практичный, Веспасіанъ настойчиво стремился въ тому, чтобы возстановить порядокъ въ финансахъ, въ администраціи, а если можно—и въ умахъ своихъ подданныхъ. Поддержаніе старыхъ вѣрованій было въ его глазахъ однимъ изъ средствъ къ достиженію этой цѣли. Самъ Веспасіанъ былъ религіозенъ на подобіе древнихъ римлянъ; онъ былъ суевѣренъ, совѣщался съ оракулами—не исключая и тѣхъ, которые прорицали въ храмахъ египетскихъ или мало-азиатскихъ, обращалъ вниманіе на знаменія; но мистицизмъ, мечтательность, увлеченіе новизною не были свойственны его простой, трезвой натурѣ. При такомъ настроеніи духа, всего естественнѣе было для него, повидимому, вступить въ союзъ со стоиками, какъ и сдѣлали Траянъ и въ особенности Маркъ-Аврелій—со стоиками, усилія которыхъ уже въ то время были направлены къ восшествію древняго благочестія, хотя и на нѣсколько измѣненны

основахъ. Но стоическая школа I-го вѣка по Р. Х. соединяла съ религиознымъ рвеніемъ другого рода рвеніе, дѣлавшее невозможнымъ сближеніе ея съ императоромъ. Она легчала преданія и чувства республиканской эпохи, поклонялась памяти Катона Младшаго, Брута и Кассія, проновѣдывала вражду къ тиранніи и тиранамъ. Правда, въ большей части случаевъ вражда эта не шла дальше фразъ и уживалась какъ нельзя лучше съ покорностью, даже съ подобострастіемъ передъ царствующимъ императоромъ, подобно тому, какъ стоическая философія часто уживалась съ погонею за наслажденіями¹⁾; но и однихъ фразъ было достаточно, чтобы возбудить въ высшихъ сферахъ недоуверіе и нерасположеніе къ стоицизму. Сначала Веспасіанъ позволилъ всемъ философамъ, изгнаннымъ изъ Рима Нерономъ, возвратиться въ столицу; но это не примирило ихъ съ Флавіями. Глава тогдашнихъ римскихъ стоиковъ, Гельвидій Прискъ, зять казеннаго при Неронѣ Тразен, противился въ сенатѣ всемъ мѣрамъ Веспасіана, отказывался называть его императоромъ; однако, онъ былъ допущенъ въ исправленію обязанностей претора и изгнанъ изъ Рима только тогда, когда публично, въ засѣданіи сената, оскорбилъ императора. Титъ, раздѣлявшій съ своимъ отцомъ управление имперіею, былъ менѣе снисходителенъ, чѣмъ Веспасіанъ: когда стоики и циники стали нападать на связь его съ Береникой—еврейкой изъ рода Ирода,—онъ велѣлъ казнить однихъ, изгнать другихъ, и, вѣроятно по его настоянію, состоялся, наконецъ, декретъ сената объ изгнаніи всѣхъ стоиковъ и циниковъ изъ Рима²⁾. Къ искорененію философской оппозиціи клонилось, съ другой стороны, учрежденіе каеэдръ греческаго и римскаго краснорѣчія, съ щедрымъ вознагражденіемъ преподавателей и съ избраніемъ ихъ изъ среды извѣстнѣйшихъ риторовъ того времени, не враждебныхъ, въ принципѣ, существующему порядку вещей. Съ помощью этой мѣры Веспасіанъ надѣялся изъять воспитаніе

1) „Ты хочешь быть свободнымъ?—спрашиваетъ Марціалъ одного изъ такихъ мнѣхъ стоиковъ:—лжешь, ты не хочешь быть свободнымъ, а если бы хотѣлъ, то могъ бы: стоило бы только тебѣ не обѣдать на чужой счетъ, утолять жажду дешевымъ виномъ, носить простую тогу, пренебрегать золотыми блюдами мерзавца, нагибаться, чтобы войти подъ кровлю своего жилища. Было бы у тебя столько силъ, столько душевнаго мужества—свободнѣе тебя не могъ бы жить ни одинъ варварскій государь“.

2) Во главѣ стоической оппозиціи стояли при Флавіяхъ, вмѣстѣ съ мужчинами, и женщины—напримѣръ, Фаннія, дочь Тразен и жена Гельвидія Приска. Гаусратъ приписываетъ этому обстоятельству ожесточеніе, съ которымъ стоики нападали на связь Тита съ Береникой, такъ какъ вліяніе еврейки должно было быть особенно ненавистно римскимъ матронамъ,—и вообще анекдотическій характеръ обвиненій, распушенныхъ ими противъ Флавіевъ.

юношества изъ-подъ вліянія стоиковъ, руководившихъ имъ почти исключительно въ республиканскомъ или, лучше сказать, псевдо-республиканскомъ духѣ. Самымъ блестящимъ изъ числа новыхъ профессоровъ былъ Квинтиліанъ, выдвинувшій на первый планъ изученіе Гомера, Т. Ливія, Цицерона, вмѣсто тенденціозной литературы, съ которою до тѣхъ поръ преимущественно знакомили учениковъ. Вмѣстѣ съ Квинтиліаномъ Веспасіанъ приближалъ къ себѣ другого серьезнаго писателя, Плинія Старшаго, удаливъ отъ двора литературныхъ паразитовъ—Марціала, Стація и т. п.,—процвѣтавшихъ при Неронѣ и опять возвысившихся при Домиціанѣ. Титъ, вступивъ на престолъ, дѣйствовалъ въ томъ же духѣ, какъ и Веспасіанъ; но при послѣднемъ изъ Флавіевъ, Домиціанѣ, все перемѣнилось. Онъ оказывалъ вѣншіе знаки уваженія къ богамъ, издавалъ законы въ огражденіе общественной нравственности, преслѣдовалъ нарушителей ея, казнилъ весталокъ, заподозрѣнныхъ въ нарушеніи обѣта цѣломудрія. Но, прославляя боговъ, онъ думалъ только о прославленіи самого себя; Марціалъ, его стихотворный прислужникъ, называетъ боговъ неоплатыми должниками Домиціана, за все то, что онъ въ честь ихъ сдѣлалъ, за всѣ храмы, которые онъ имъ построилъ, за всѣ богатства, которыя онъ имъ посвятилъ. Охраненіе нравственности полицейскими и карательными мѣрами, бесплодное само по себѣ, могло только возмущать общественную совѣсть, исходя отъ чело-вѣка, который самъ былъ образцомъ безнравственности. Подъ конецъ царствованія Домиціана философы всѣхъ школъ внезапно подверглись преслѣдованію, ничѣмъ съ ихъ стороны не вызванному и гораздо болѣе жестокому чѣмъ то, которое стоики испытали при Веспасіанѣ. При Траянѣ они, напротивъ того, пользовались спокойствіемъ и почетомъ. Лично во многомъ похожій на Веспасіана, только болѣе предприимчивый и даровитый, Траянъ, подобно первымъ двумъ Флавіямъ, старается возвратиться къ стремленіямъ и политикѣ древняго Рима. И дѣйствительно, успѣхи его оружія, мудрость его управленія возбуждаютъ на время въ римскихъ сердцахъ отголосокъ прежняго горделиваго сознанія римской силы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе поддержать вѣрованія предковъ, преданія старины, столь богатой славными воспоминаніями. Этимъ, между прочимъ, объясняется преслѣдованіе христіанъ при Траянѣ, какъ и впоследствии при Маркѣ-Авреліѣ.

Но возрожденіе древне-римскаго духа не было ни глубоко, ни продолжительно. Преемникъ Траяна, Адрианъ, является римляниномъ только по имени; про него, съ большимъ еще основа-

ніемъ чѣмъ про Юліана, можно сказать, что онъ былъ «романтикомъ на тронѣ Цезарей». Первымъ дѣломъ его царствованія былъ рѣшительный разрывъ съ воинственной политикой Траяна, которую послѣдній, какъ истый римлянинъ, считалъ необходимой не только для безопасности границъ, но и для нравственнаго здоровья государства. Завоеванія Траяна на востоѣ — Армения, Месопотамія — уступаются обратно парянамъ; отъ Дакии, съ такимъ трудомъ доставшейся Траяну, Адрианъ также думаетъ отказаться, но не исполняетъ своего намѣренія, въ виду слишкомъ явнаго неодобренія, съ которымъ отнеслись къ нему даже друзья императора. Постоянные мосты черезъ Рейнъ и Дунай уничтожаются, какъ-бы для того, чтобы устранить всякую мысль о наступательныхъ войнахъ, о новыхъ завоеваніяхъ. Миротлюбіе Адриана не даетъ, однако, его подданнымъ прочнаго спокойствія: то паряне, то алане, то сарматы, то африканскія племена вторгаются въ предѣлы государства. Вопреки древне-римскому правилу, Адрианъ не всегда отражаетъ варваровъ мечомъ, а иногда *покупаетъ* у нихъ миръ, — конечно, не надолго. Въ противоположность своимъ предшественникамъ, Адрианъ живетъ больше въ провинціяхъ и для провинцій, чѣмъ въ Римѣ и для Рима, постоянно переносится съ одного конца имперіи на другой, изъ Британніи въ Сирію, съ береговъ Дуная въ Египетъ — и далеко не всегда съ государственнымъ цѣлямъ, а чаще для созерцанія красоты природы и произведеній искусства, для поклоненія мѣстнымъ святынямъ, или просто въ погоню за новыми, сильными ощущеніями. Онъ поднимается на горы, чтобы видѣть отсюда восхожденіе солнца, присутствуетъ въ Атикѣ при алевзинскихъ мистеріяхъ, руководитъ въ качествѣ архонта празднествами въ честь Вакха, учреждаетъ новыя игры своего имени; на мѣстѣ, гдѣ стояла Троя, онъ разыскиваетъ кости Аякса и празднуетъ предполагаемую ихъ находку; около египетскихъ Фивъ онъ прислушивается къ звукамъ, издаваемымъ статуей Мемнона. Современники смѣялись надъ этой лихорадочной подвижностью; позднѣйшимъ писателямъ она внушила нѣсколько рассказовъ, герой которыхъ — римлянинъ, вѣчно чего-то ищущій и ни на чемъ не останавливающийся — явная копія съ вѣдическаго путешественника. Подобно Нерону, Адрианъ считаетъ себя не только знаткомъ и цѣнителемъ изящныхъ искусствъ, но и мастеромъ въ нихъ. Онъ занимается философіей, поэзіей, діалектикой, юриспруденціей, поетъ, рисуетъ, лѣпитъ статуи, лечитъ больныхъ, въ Александріи публично диспутируетъ съ софистами. Желая все знать, всемъ быть, онъ относится ко всему съ легкостью и поверхностью дилеттанта, ничѣмъ не чувствуетъ себя

удовлетвореннымъ, соединяетъ тщеславіе съ завистью, окружаетъ себя философами и художниками, бесѣдуетъ съ ними, повидимому, какъ съ равными, но на самомъ дѣлѣ требуетъ отъ нихъ поклоненія и велитъ умертвить архитектора Аполлодора за рѣзкій отзывъ объ одномъ изъ художественныхъ произведеній императора. Идеализмъ и мечтательность не мѣшаютъ Адріану предаваться чувственнымъ, даже противоестественнымъ, грязнымъ наслажденіямъ. Въ области религіи, какъ и во всемъ другомъ, онъ постоянно къ чему-то стремится и ничего не находитъ. Онъ поклоняется древне-римскимъ богамъ, но это его не удовлетворяетъ; на ряду съ ними онъ ставитъ египетскихъ боговъ, строитъ имъ храмъ въ своей виллѣ близъ Рима, окружаетъ себя жрецами Изиды. Элевинскія мистеріи, какъ и все относящееся къ ученію о безсмертіи души, представляютъ для него особенную прелесть. Всѣ боги, всѣ богини, начиная съ священной змѣи Индїи и священнаго быка Египта, внушаютъ ему почтительное вниманіе. Если онъ неблагоклонно относится къ евреямъ (въ концѣ своего царствованія), христіанамъ ¹⁾ и поклонникамъ Митры, то причину этому слѣдуетъ искать отчасти въ политическихъ соображеніяхъ, отчасти въ народной молвѣ, обвинявшей сторонниковъ двухъ послѣднихъ ученій въ совершеніи человѣческихъ жертвоприношеній. Во время своихъ путешествій Адріанъ воздвигаетъ въ разныхъ мѣстахъ таинственные храмы безъ изображенія боговъ или богинь, посвящая ихъ вѣроятно тому неизвѣстному богу (*seu deo seu deae*); въ существованіе котораго онъ смутно вѣрилъ. Исполненный суевѣрія, онъ приноситъ, послѣ cadaго общественаго бѣдствія, искупительныя жертвы, погружается въ таинства магіи и астрологій, читаетъ свою будущность то въ звѣздахъ, то въ журчаньѣ Кастальскаго источника, вѣритъ въ свою способность творить чудеса, которыхъ преданія, сохраненныя биографомъ его Спартіаномъ, и приписываютъ ему не мало.

¹⁾ Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ христіанскихъ писателей выставляютъ Адріана расположеннымъ къ христіанству, даровавшимъ ему терпимость и даже охрану законовъ; но это не согласуется съ другими, болѣе ранними и достоверными извѣстіями, свидѣтельствующими о томъ, что преслѣдованіе христіанъ, начатое при Траянѣ, не прекратилось и при Адріанѣ, хотя и не достигало обширныхъ размѣровъ. Всѣ вѣдѣтельные современники Адріана—Тацитъ, Светоній, Эдиктетъ—относятся къ христіанству съ большимъ или меньшимъ недоброжелательствомъ. Представленіе объ Адріанѣ, какъ о покровителѣ христіанства, объясняется съ одной стороны тѣмъ, что при немъ христіане начали считать возможнымъ сближеніе съ правительствомъ, подавать императору апологіи своей вѣры, съ другой стороны — самымъ характеромъ Адріана, склоннаго къ вознзвѣнъ въ религіи, какъ и во всемъ другомъ, и не находившаго условія въ преданіяхъ и вѣрованіяхъ политикана.

Какъ настоящій ученикъ современной ему философіи индивидуализма, онъ сосредоточиваетъ всю свою заботливость на своей собственной личности — и не достигаетъ ни счастья, ни даже спокойствія. За четыре года до смерти, усталый, больной, преждевременно состарѣвшійся, онъ поселяется въ Италіи, чтобы больше уже не оставлять ея. Всегда раздражительный, недовѣрчивый, онъ становится теперь капризнымъ тираномъ, бичомъ для всѣхъ его окружающихъ; лучшія стороны его характера — доступность, привѣтливость обращенія ¹⁾ — исчезаютъ безслѣдно. Ревниво дорожающій властью, онъ принужденъ, вслѣдствіе упадка силъ, раздѣлить ее съ другимъ, присвать себѣ преемника и соправителя. Выбирая на это мѣсто своего любимца, Луція Вера, пустого, развратнаго юношу, онъ руководствуется — если вѣрить преданію — предсказаніемъ (а можетъ быть и предположеніемъ, основаннымъ на слабомъ здоровьи Вера), что Веръ умретъ прежде него. И дѣйствительно, Веръ умираетъ еще при жизни Адріана. Если выборъ императора падаетъ затѣмъ на Антонина, вполне достойнаго власти, то это былъ счастливый случай, такъ какъ побудило къ тому Адріана только суевѣріе; въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда онъ размышлялъ о необходимости замѣнить Л. Вера, онъ увидѣлъ Антонина, съ нѣжною заботливостью ведущаго подъ руку своего престарѣлаго тестя — и принялъ это за отвѣтъ самихъ боговъ на вопросъ, его занимавшій. Суевѣріемъ же объясняется и выборъ Адріаномъ Марка-Аврелія въ преемники Антонину; во время религиозныхъ игръ, при которыхъ бросались вѣнки на статую Марса, М. Аврелій, будучи еще ребенкомъ, попалъ своимъ вѣнкомъ прямо на голову статуи, — и Адрианъ увидѣлъ въ этомъ предзнаменованіе высокой судьбы, ожидающей мальчика. Болѣзнь Адріана становится между тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе; онъ ищетъ помощи не столько у докторовъ, сколько у жрецовъ и знахарей; невыносимыя мученія заставляютъ его желать смерти, просить о ней. Онъ хочетъ уморить себя голодомъ, но не находитъ въ себѣ достаточно къ тому силы, — наконецъ намѣренно погрѣшаетъ противъ діеты и умираетъ, 62-хъ лѣтъ отъ роду. Многочисленные его бюсты вполне соотвѣтствуютъ тому, что мы

¹⁾ Въ началѣ царствованія Адріана женщина изъ народа, желавшая о чемъ-то просить его, остановила его на улицѣ; онъ отвѣчалъ, что ему нѣтъ времени, и пошелъ дальше. „Въ такомъ случаѣ, затѣмъ же ты Цезарь“, закричала она ему въ слѣдъ; онъ возвратился, выслушалъ ее и исполнилъ ея просьбу. Если этотъ рассказъ и принадлежитъ къ числу анекдотовъ, то во всякомъ случаѣ онъ выражаетъ собою живніе, которое имѣли въ древности о первыхъ годахъ правительственной дѣятельности Адріана.

о немъ знаемъ. «Тысяча безпвойныхъ морщинъ на истощенномъ лицѣ — говоритъ Гаусратъ — рассказываютъ намъ исторію впечатлительнаго, измѣнчиваго, увлекающагося чловека, постоянно переходившаго отъ одного возбужденія къ другому, никогда не знавшаго внутренней гармоніи духа, пока наконецъ время не превратило вѣчнаго безпокойства въ одно непрерывное чувство усталости. Отсюда отвисшія щеки и направленный внизъ, какъ-бы застывшій взглядъ. Эти черты не внушаютъ ни любви, ни довѣрія — и все-таки притягиваютъ насъ къ себѣ и возбуждаютъ искреннее состраданіе». Адріанъ ближе къ намъ, чѣмъ большинство героев древности; вмѣсто античной цѣльности, въ немъ преобладаетъ внутренняя тревога, внутренній разладъ — *moderne Zerrissenheit*, по выраженію Гаусрата, — хорошо знакомые нашему времени ¹⁾.

Одинъ изъ эпизодовъ царствованія Адріана имѣетъ большое значеніе для характеристики этой эпохи. Во время путешествія императора по Египту любимецъ его, Антиной, утонулъ въ Нилѣ. Было ли это случайностью или самоубійствомъ — съ точностью неизвѣстно; но большинство древнихъ писателей вѣрили въ последнее, объясняя его безграничною преданностью Антиноя Адріану, которому египетскіе прорицатели будущаго обѣщали долгія лѣта или успѣхъ въ какомъ-то предпріятіи, если кто-нибудь добровольно рѣшится пожертвовать ему своею жизнью. Правда, рядомъ съ этимъ поэтическимъ объясненіемъ было въ ходу и другое, видѣвшее въ самоубійствѣ Антиноя желаніе спастись отъ безнравственныхъ замысловъ императора. Какъ бы то ни было, самъ Адріанъ считалъ Антиноя принесшимъ себя ему въ жертву, неутѣшно горевалъ по немъ, и, вѣря въ сопричисленіе его къ богамъ, сталъ оказывать ему божескія почести. Халдейскіе астрологи указали Адріану звѣзду, будто бы появившуюся въ первый разъ на небѣ въ моментъ смерти Антиноя и принявшую его безсмерт-

¹⁾ Ошибочно было бы думать, что управленіе Адріана не принесло никакой пользы имперіи. Ученые юристы, которыми онъ окружилъ себя, способствовали приведенію въ порядокъ прежнихъ законовъ и дополненію ихъ, такъ что въ исторіи римскаго права эпоха Адріана имѣетъ значеніе едва ли менѣе важное, чѣмъ эпоха Юстиніана. Подъ вліяніемъ новыхъ религіозныхъ идей и гуманныхъ чувствъ, носившихся тогда въ воздухѣ, Адріанъ улучшилъ положеніе рабовъ, запретилъ самовольное умерщвленіе ихъ господами, и продажу ихъ для непотребства, отмѣнилъ варварскій законъ, въ силу котораго убійство господина имѣло послѣдствіемъ казнь всѣхъ остальныхъ. Мы уже сказали, что онъ принималъ къ сердцу благосостояніе провинцій. Въ виду противорѣчій, которыми полна какъ дѣятельность, такъ и личность Адріана, понятны колебанія древнихъ писателей по вопросу о томъ, къ какому императорамъ слѣдуетъ отнести его — къ дурнымъ или хорошимъ.

ную душу. Близъ того мѣста, гдѣ Антиной бросился въ Нилъ, Адрианъ основалъ городъ, названный по его имени Антиноополемъ, и построилъ храмъ, въ которомъ египетскіе жрецы организовали поклоненіе новому богу. Въ другихъ мѣстахъ, преимущественно въ Греціи, ему также воздвигнуты были храмы. Въ воображеніи древняго міра онъ занялъ мѣсто подлѣ Озириса, Адониса и Вакха, потому что, подобно имъ, представлялъ собою страждущее, *добровольно* страждущее за другихъ божество. Тогдашнему настроенію умовъ представленіе это было особенно близко—и вотъ почему культъ Антиной распространился съ быстротою, которую никакъ нельзя приписать одному желанію угодить Адриану. Сто лѣтъ спустя встрѣчаются еще извѣстія объ оракулахъ, изрекающихъ отъ его имени, о чудесахъ, совершающихся въ его храмѣ. Римское искусство избрало его однимъ изъ своихъ любимыхъ типовъ. Мы видимъ его изображеннымъ то какъ Вакха, опирающагося на терсъ, то какъ Адониса, бога весны, съ увядающими цвѣтами въ рукахъ, съ признаками близкой смерти на лицѣ, то какъ Озириса, творящаго судъ надъ умершими, то какъ Меркурія, мрачно, съ поникшей головой размышляющаго о тайнахъ подземнаго царства. Глубокая тоска, тяготящая надъ греко-римскимъ міромъ, нашла себѣ олицетвореніе въ меланхолическихъ чертахъ Антиной.

Въ другихъ скульптурныхъ произведеніяхъ этого времени, равно какъ и въ его архитектурѣ, отражается то же чувство усталости, унынія—чувство, такъ рѣзко запечатлѣвшееся въ словахъ, приписываемыхъ Аполлонію Тианскому: «несчастье заключается въ бытіи, а не въ небытіи». Въ литературѣ оно привело къ пессимизму Тацита. Тацитъ вѣритъ въ божество, но считаетъ его разгнѣваннымъ противъ міра, желающимъ не блага, а гибели человѣку. Въ противоположность древнимъ римлянамъ, онъ ищетъ точки опоры не въ этой жизни, а въ будущей, не имѣя однако и въ нее твердой, безусловной вѣры. «Если для благочестивыхъ душъ,—говоритъ онъ обращаясь къ Агриколѣ, умершему среди преслѣдованій и горя,—существуетъ гдѣ-либо пріютъ, если духъ, какъ учатъ мудрецы, не угасаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, то покойся въ мирѣ!» По мѣрѣ того, какъ Тацитъ приближается къ концу своей дѣятельности, онъ становится все болѣе и болѣе суевѣрнымъ; въ первыхъ книгахъ «Лѣтописей»—его послѣдняго произведенія—онъ еще дѣлаетъ оговорки противъ народныхъ предразсудковъ, но, дойдя въ своемъ рассказѣ до 51 г., начинаетъ отмѣчать всѣ чудеса, всѣ знаменія, о которыхъ сохранилось преданіе. Позднѣйшіе писатели II-го вѣка—Діонъ (по прозванію Златоустъ), Максимъ Тирскій, Эліанъ и др.—почти всѣ болѣе

или менѣе мистики, почти у всѣхъ вѣра въ чудеса играетъ важную роль; законы природы, постоянно нарушаемые сверхъестественнымъ вмѣшательствомъ, для нихъ какъ бы не существуютъ. Со времени Перикла до времени Адриана научный духъ, научная мысль сдѣлали по крайней мѣрѣ такой же шагъ назадъ, какъ со времени Адриана до самой темной средневѣковой эпохи.

Самыми выдающимися представителями философіи II-го вѣка были Эпиететъ и Плутархъ. Первый, родомъ изъ Фригіи, былъ вольноотпущенникъ, сначала учившій въ Римѣ, потомъ, вслѣдствіе гоненія Домиціана, перенесшій свою дѣятельность въ небольшой эфирскій городъ Никополь, гдѣ его навѣстилъ Адрианъ ¹⁾. Основаніе философіи, по ученію Эпиетета, — сознаніе вины, чувство безпомощности; ея назначеніе — укрѣпить усталую душу, утѣшить того, кто убѣдился въ ничтожествѣ всего земного; ея предметъ — не изслѣдованіе естественной причины вещей, естественнаго отношенія между ними, а мистическія предположенія о ихъ источникѣ и свойствѣ. Философъ — слуга боговъ, посланникъ Зевеса; для больной души онъ то же самое, что врачъ для больного тѣла. Его орудія — не только разсужденія, но и религиозныя вѣрованія. Не онъ требуетъ послушанія отъ учениковъ, но Зевесъ черезъ его посредство — Зевесъ, говорящій его устами. Философія — таинство, къ которому нельзя относиться легкомысленно. Прежде чѣмъ вступить въ ея святилище, ученикъ долженъ спросить себя: «убѣжденъ ли я въ томъ, что я ничего не знаю? Иду ли я къ учителю, какъ къ оракулу, которому я обязанъ безусловно повиноваться? Не заключается ли вся моя цѣль въ томъ, чтобы ознакомиться съ внѣшнею стороною философіи, съ книгами, которыя до сихъ поръ были для меня непонятны?» Онъ долженъ постоянно помнить всевѣднiе божества и стремиться къ добру, какъ къ божественному дару, безъ всякихъ постороннихъ побужденій. Философъ, съ своей стороны, долженъ заботиться не о славѣ, не объ успѣхѣ, а о духовномъ благѣ своихъ слушателей. Если первое впечатлѣніе ученика, по выслушаніи учителя — удивленіе изяществу, стройности его рѣчи, то учитель не заслуживаетъ имени философа: ученикъ долженъ выходить отъ него не восхищеннымъ, а пораженнымъ, не съ чувствомъ пріятнаго удовлетворенія, а съ сокрушеніемъ сердечнымъ, съ сознаніемъ своей грѣховности, съ рѣшимостью измѣнить свой образъ дѣйствій. Вліяніе философа должно быть основано столько же на словахъ, сколько и на примѣрѣ; жизнь его

¹⁾ По другимъ извѣстіямъ Эпиететъ умеръ еще въ царствованіе Траяна.

должна быть для всѣхъ открыта и для всѣхъ служить образцомъ. Всего лучше, если онъ остается безбрачнымъ, для того чтобы, по возможности, удалаться отъ земныхъ дѣлъ и интересовъ. Примиреніе человѣка съ божествомъ, поддержаніе колеблющихся, спасеніе нравственно-погибающихъ — вотъ главная его задача. «О люди, — восклицаетъ Эпиктетъ, — куда вы стремитесь, зачѣмъ ищете счастья внѣ самихъ себя? Въ богатствѣ, въ господствѣ, въ могуществѣ вы его не найдете. Посмотрите на сильныхъ земли, прислушайтесь къ ихъ стонамъ и вздохамъ! Я доказываю вамъ своимъ примѣромъ, что можно быть счастливымъ безъ дома и двора, безъ рабовъ, безъ имущества, безъ отчизны. У меня ничего нѣтъ, — а я не знаю ни горя, ни страха, я свободен!» Исходя изъ убѣжденія, что всѣ люди — сыны одного бога, и, слѣдовательно, братья, Эпиктетъ требуетъ уничтоженія гладиаторскихъ игръ, перемѣны въ лучшему въ положеніи рабовъ; онъ проповѣдуетъ прощеніе обидъ, любовь къ врагамъ, воздаяніе добромъ за зло ¹⁾. Сходство этого ученія съ христіанской моралью не требуетъ доказательствъ; но оно не привело Эпиктета къ сближенію съ христіанами, которыхъ въ Никополѣ было не мало. Онъ отдаетъ справедливость мужеству, съ которымъ «галілеяне» стоятъ за свою вѣру, но называетъ ее безумствомъ (маніей) и смѣшиваетъ ее съ іудаизмомъ.

Плутархъ отличается отъ Эпиктета и отъ громаднаго большинства своихъ современниковъ болѣе свѣтлымъ взглядомъ на жизнь, на настоящее и на будущее. Родомъ изъ беотійскаго города Херонеи, онъ возвратился туда изъ Рима въ то же время, какъ Эпиктетъ поселился въ Никополѣ, и жилъ тамъ до самой своей смерти. Онъ игралъ большую роль въ дѣлахъ своего города, былъ избранъ въ архонты, сдѣлался жрецомъ Аполлона, руководилъ пнейскими играми и оракуломъ въ Дельфахъ. Эта скромная, узкая дѣятельность, вмѣстѣ съ занятіями философій, была достаточна для его спокойствія и счастья. Сознывая вполне всю ограниченность власти, оставленной Римомъ за выборными мѣстнаго населенія, онъ находилъ, что и этуо властью можно пользоваться во благо согражданъ, что и ея стоить искать и добиваться. Онъ помнитъ и учитъ другихъ не забывать, что надъ головой архонта или беотарха *виситъ*, по его выраженію, *баш-*

¹⁾ Къ ученію Эпиктета чрезвычайно близко подходитъ ученіе послѣдняго великаго представителя стоицизма, императора Марка-Аврелія (см. замѣчательную статью Целлера „Marcus Aurelius Antoninus“, въ его „Vorträge und Abhandlungen geschichtlichen Inhalts“, Leipzig, 1865).

маки римскаго проконсула, и сравниваетъ перваго съ актеромъ, послѣдняго—съ суфлеромъ, котораго актеръ долженъ слушаться, тѣмъ болѣе, что за уклоненіе отъ словъ суфлера актеру въ данномъ случаѣ угрожаетъ не шikanье публики, а казнь или ссылка на отдаленные острова. «Возвышенною эту политическую точку зрѣнія, конечно, назвать нельзя; — говорить Гаусратъ, — но по крайней мѣрѣ она благоразумна. Трезвымъ признаніямъ Плутарха нельзя не отдать предпочтенія передъ лживой и надутой декламаціей риторовъ стоической или цинической школы, потому что филистерская мудрость перваго была внушена честною заботливостію объ интересахъ роднаго городка, между тѣмъ какъ за громкими словами послѣднихъ скрывается одна только безусловная пустота». Главная черта Плутарховой философіи—искренняя и глубокая религіозность. Послѣдователь Платона, онъ превращаетъ его ученіе въ религіозную доктрину, опирающуюся на народныя вѣрованія, хотя въ сущности далеко не во всемъ съ ними сходную. Самый методъ его гораздо болѣе религіозный, чѣмъ философскій; святое, по его мнѣнію, нужно принимать на вѣру, а не изслѣдовать, и онъ находитъ вполнѣ понятнымъ, что мщеніе боговъ постигаетъ того, «кто хочетъ удостовѣриться въ истинѣ древнаго міра, какъ въ дѣйствительномъ существованіи картины, посредствомъ ошупыванья». Отъ прежней увѣренности, что міръ можетъ быть познанъ разумомъ, у Плутарха не осталось и слѣда. Богъ противопоставляется Плутархомъ матеріи, міру; онъ одинъ — истинное бытіе, онъ одинъ вѣченъ и неизмѣненъ, къ нему одному относится слово, начертанное на Дельфійскомъ храмѣ: «ты существуешь». Людямъ, созданіямъ одного дня, поставленнымъ между рожденіемъ и смертію, нельзя приписывать бытіе; ихъ жизнь—все равно что текущая вода: удержать, остановить нельзя ни ту, ни другую. Другіе боги—посредники между единымъ высшимъ богомъ и людьми; первое мѣсто между ними занимаетъ солнце. Всѣхъ боговъ Плутархъ не перечисляетъ, ограничиваясь въ этомъ отношеніи ссылкой на вѣру отцовъ, на освященное древностью преданіе. Какъ верховный богъ одинъ, такъ и вѣра въ сущности одна; всѣ существующія религіи — только ея видовзмѣненія, всѣ народы поклоняются одному и тому же богу, только называя его различными именами. Переходную ступень между богами и людьми занимаютъ демоны, доступныя страстямъ и заблужденіямъ, поэтому иногда добрые, иногда злые, иногда покровительствующіе человѣку, иногда старающіеся вредить ему. Вообще, Плутархъ вѣритъ въ существованіе злого начала, въ особенности воплощеннаго въ матеріи, въ злой душѣ

вселенной. Человѣкъ состоитъ изъ тѣла, души и духа; тѣло, при рожденіи, даетъ ему земля, душу—луна, духъ—солнце. Умирая, онъ отдастъ землѣ только тѣло; душа, въ соединеніи съ духомъ, сначала витаетъ между землей и луной, искупая свои неправые поступки, очищаясь постепенно отъ тѣлесной нечистоты, и затѣмъ поселяется на лунѣ, купается въ ея эфирѣ, наслаждается созерцаніемъ красотъ вселенной, помогаетъ другимъ душамъ достигнуть того же мирнаго пріюта, иногда спускается на землю, чтобы говорить устами оракула, присутствовать при мистеріяхъ, карать пороки и защищать добродѣтель. Если при этомъ она позволитъ себѣ какую нибудь несправедливость, она вновь ковыляется въ узы тѣла; въ противномъ случаѣ для нея наступаетъ высшая награда—духъ отдѣляется отъ души и соединяется съ солнцемъ, съ божествомъ; душа продолжаетъ нѣсколько времени вести призрачную, словно сонную жизнь, и наконецъ сливается съ луною. Каждая изъ составныхъ частей человѣка возвращается, такимъ образомъ, къ своему первоначальному источнику. Плутархъ вѣритъ въ Провидѣніе, доказываетъ, противъ эпикурейцевъ, постоянное его вмѣшательство въ дѣла человѣчества. Если злое дѣло не тотчасъ влечетъ за собою божественную кару, это объясняется мудростью и долготерпѣніемъ божества, дающаго грѣшнику возможность исправиться, и будущую жизнью, уравнивающею всѣ кажушіяся несправедливости настоящей. Уступая духу своего времени, Плутархъ признаетъ человѣка несчастнѣйшимъ изъ всѣхъ существъ, но снѣшить прибавить, что источникъ несчастья — въ самомъ человѣкѣ, въ его грѣховности. Стоитъ только ему любить боговъ, какъ они его любятъ—и жизнь перестанетъ быть ему въ тягость; онъ увидитъ въ ней празднество, уготованное для него богами, и не захочетъ испортить праздничное настроеніе ни жалобами на судьбу, ни избыткомъ веселья или горя; радость его будетъ ясна и спокойна, къ прошедшему онъ будетъ относиться съ благодарнымъ воспоминаніемъ, къ будущему — съ надеждой. Сочиненія Плутарха о нравственности—а въ числу ихъ слѣдуетъ отнести и біографіи великихъ людей, въ которыхъ очень мало историческаго въ строгомъ смыслѣ этого слова—нѣсколько широкоувѣчательны и водянисты, не чужды банальности и даже тривіальности; но общій ихъ характеръ вполне заслуживаетъ сочувствія. Подобно Эпикету, Плутархъ возстаетъ противъ жестокаго обращенія съ рабами, даже съ животными, противъ гладиаторскихъ игръ, противъ тѣхъ поворныхъ привычекъ, въ которыхъ современники не безъ основанія подозрѣвали самого Адриана; онъ превозноситъ

женскую добродѣтель, отнюдь не отвергая семейной жизни, даже цѣня ее чрезвычайно высоко. Онъ представляетъ собою какъ-бы заключеніе того монотеистическаго и этическаго движенія, которое началось во времена Сократа и внесло въ политизмъ, не сходя съ его почвы, столько новыхъ, чуждыхъ ему прежде идеаловъ, столько гуманности, столько любви къ человѣку, какъ къ человѣку, а не какъ къ гражданину того или другого государства, не какъ къ послѣдователю того или другого положительнаго вѣроученія.

Въ первой половинѣ II-го вѣка вліяніе философскихъ представленій, въ особенности платонизма и стоицизма, становится замѣтнымъ въ средѣ христіанскаго міра. Это и не могло быть иначе, съ тѣхъ поръ, какъ христіанство стало приобрѣтать приверженцевъ между людьми, получившими образованіе въ языческихъ школахъ или почерпнувшими его изъ чтенія языческихъ писателей. Прослѣдить это вліяніе для насъ всего удобнѣе на одной изъ главныхъ ересей занимающей насъ эпохи — на гностицизмъ, который, какъ замѣтилъ уже въ концѣ II-го вѣка римскій епископъ Ипполитъ, былъ именно философскимъ ученіемъ, облеченнымъ въ христіанскія формы. Гностицизмъ распался на множество сектъ, но различіе между ними, по замѣчанію того же Ипполита, обуславливалось преимущественно тѣмъ, что одни гностики были послѣдователями Гераклита, другіе — Пифагора, третьи — Платона и т. д. Большую роль у гностиковъ, — какъ и у стоиковъ, какъ и у Филона — играла аллегорія, аллегорическое объясненіе священныхъ книгъ или преданій, съ тою, конечно, разницею, что стоики примѣняли этотъ способъ объясненія къ греко-римскимъ мифамъ, Филонъ — къ ветхому завѣту, а гностики — преимущественно къ новому завѣту. Всѣ главныя числа евангельской исторіи — *тридцать* лѣтъ земной жизни Христа, *три* года его учительской дѣятельности, *двенадцать* апостоловъ — имѣютъ въ глазахъ гностиковъ глубокой мистической смыслъ. Потерянная и потомъ найденная овца, кровоточивая женщина, дочь Іаира, потерянный динарій — все это изображаетъ собою, по ихъ ученію, частицы свѣта, попавшія въ матерію и стремящіяся обратно къ своему источнику. Три мѣры муки, въ которыя женщина кладетъ заваску (Ев. отъ Матѳея, XIII, 33) — это три класса людей: саркии (въ которыхъ преобладаетъ тѣло), психики (въ которыхъ преобладаетъ душа) и пневматики (въ которыхъ преобладаетъ духъ), а женщина — мудрость (софія), образовательница низшаго міра. Это господство аллегоріи у гностиковъ — явле-

ніе вполне естественное. «Аллегорія — говорить Бауръ ¹⁾, — посредница между философіей и религіей; вотъ почему она развивается въ широкихъ размѣрахъ каждый разъ, когда рядомъ съ положительной религіей появляется независимое отъ нея философское міросозерцаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ потребность согласовать идеи и ученія философіи съ содержаніемъ религиозныхъ вѣрованій. Простой къ тому способъ — истолкованіе послѣднихъ въ духѣ первыхъ, причемъ религиознымъ представленіямъ и разсказамъ придается значеніе совершенно отличное отъ ихъ первоначальнаго, буквального смысла». Это дѣлается въ большинствѣ случаевъ совершенно добросовѣстно и серьезно, т. е. толкователь самъ вѣритъ въ правильность своего толкованія. Больше чѣмъ гдѣ-либо аллегорія процвѣтала въ Александріи, откуда и вышли двое изъ главныхъ проповѣдниковъ гностицизма — Валентинъ и Василидъ; основателемъ ученія считается Керинъ, іудействующій христіанинъ (Judenchrist) ²⁾, принадлежавшій, по всей вѣроятности, къ тѣмъ александрійски-образованнымъ евреямъ, представителемъ которыхъ въ I-мъ вѣкѣ служилъ Филонъ. Не ограничиваясь аллегорическимъ объясненіемъ св. писанія, гностики подвергали тому же процессу всю греческую литературу, всю астрономію и физику; вездѣ и во всемъ они искали и находили образъ или символъ того, что они принимали за истину. Если методъ ихъ имѣлъ, такимъ образомъ, много общаго съ методомъ современныхъ имъ языческихъ философовъ, то не меньше заимствованнаго представляло и самое содержаніе ихъ доктринъ. Въ основаніи ея лежалъ тотъ же дуализмъ, та же противоположность между матеріей и духомъ, какъ и у Плутарха, у позднѣйшихъ стоиковъ, у неоплатониковъ; преобладающій характеръ ея — явно пессимистическій. Міръ, какъ вмѣстелище матеріи, не могъ быть сотворенъ Богомъ, чуждымъ всему матеріальному; да и вообще онъ не могъ быть *сотворенъ*, потому что матерія столь же вѣчна, какъ и духъ, а могъ быть только *образованъ* существомъ высшимъ, могущественнымъ, но отдѣльнымъ и отличнымъ отъ Бога. Такимъ существомъ является деміургъ, игравшій ту же роль въ ученіи Платона. Какъ и у платониковъ, деміургъ гностиковъ — олицетвореніе образовательной силы идей, отразившихся

¹⁾ *Baur*, Kirchengeschichte der drei ersten Jahrhunderte (первый томъ его Geschichte der christlichen Kirche), стр. 179.

²⁾ Подъ именемъ Judenchristen нѣмецкіе писатели разумѣютъ тѣхъ христіанъ I-го и начала II-го вѣка, которые, перейдя въ христіанство изъ іудейства, не вполне разрывали съ нимъ связь и считали необходимымъ держаться многихъ его обрядовъ и правилъ.

въ мірѣ. Его область преимущественно психическая, занимающая средину между матеріальною и пневматическою, духовною; поэтому деміургъ и можетъ служить посредникомъ между Богомъ и вселенной, по крайней мѣрѣ въ томъ движеніи, которое идетъ сверху внизъ, отъ перваго къ послѣдней. Кроме деміурга посредничество это, по ученію большинства гностиковъ, принадлежитъ эонамъ, длинному ряду существъ или олицетворенныхъ идей, составляющихъ переходъ отъ духа къ матеріи. Существованіе міра есть зло; образованіе его у многихъ гностиковъ объясняется, поэтому, злобой или безразсудствомъ образователя. Все, что есть духовнаго въ мірѣ, стремится возвратиться къ своему источнику или подъ вліяніемъ тоски по чемъ-то высшемъ и лучшемъ, или подъ вліяніемъ божественной любви и состраданія. Когда это стремленіе будетъ удовлетворено, тогда, по ученію Василида, все погрузится въ *великую безсознательность* (μαγάλη ἄγνοια), въ блаженное спокойствіе, среди котораго нѣтъ больше желаній и хотѣній, а есть только забвеніе, дарованное Богомъ. Истинное знаніе (γνώσις, откуда и наименованіе секты) доступно только для избранныхъ, для пневматиковъ, носящихъ въ себѣ божественную искру; они одни только могутъ возвратиться послѣ смерти въ высшія сферы, для нихъ однихъ только имѣетъ искупительную силу смерть Христа. Такъ какъ воссоединеніе свѣтлыхъ элементовъ съ ихъ источникомъ происходитъ непрерывно, то страшнаго суда нѣтъ и быть не можетъ. Какъ относились гностики къ христіанству — это вопросъ, подробное разсмотрѣніе котораго не входитъ въ предѣлы нашей задачи; общее понятіе о немъ можно, впрочемъ, составить себѣ по всему, сказанному выше. Прибавимъ только, что, исходя изъ своего взгляда на матерію, какъ на нѣчто безусловно враждебное духу и никогда непосредственно съ нимъ не соприкасающееся, гностики не допускали дѣйствительнаго воплощенія Христа и учили, что Христось только повидимому (κατὰ δόξαν) былъ человекомъ; откуда названіе *докетистовъ*, данное имъ древнею церковью. Между христіанами II-го и III-го вѣка существовало предположеніе, что гностики позволяютъ себѣ всевозможныя отступленія отъ правилъ нравственности, считая ихъ обязательными только для психиковъ, но не для пневматиковъ, подобно тому, какъ сырость производитъ ржавчину на желѣзѣ, но не дѣйствуетъ на золото. Весьма вѣроятно, что нѣкоторые проповѣдники гностицизма, какъ, на примѣръ, ученикъ Валентина — Маркъ, о которомъ сохранилось извѣстіе у Иринея, употребляли во зло свое вліяніе, въ особенности на женщинъ, и оправдывали всякое плотское увлеченіе софизмами, въ

родѣ только-что приведеннаго; но другіе гностики — напримѣръ Сатурнинъ—вдавались въ противоположную крайность, въ самый суровый аскетизмъ, возставали противъ брака, запрещали своимъ послѣдователямъ употребленіе вина, мяса и всего *рожденнаго*, такъ какъ рожденіе нечисто. Отсюда ясно, что чувственная разнужданность не происходила изъ самой сущности гностицизма.

Характеристика гностицизма въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является около половины II-го вѣка, составляетъ послѣднюю главу сочиненія Гаусрата, такъ какъ борьбѣ съ гностицизмомъ посвящены, по его мнѣнію, позднѣйшія книги новаго завіта. На Востоцѣ, т.-е. на родинѣ гностицизма, непосредственное вліяніе его было продолжительнѣе, чѣмъ на Западѣ; слѣды гностической доктрины замѣтны и въ ученіи Оригена, и въ позднѣйшихъ ересяхъ, особенно въ манихействѣ, хотя источникъ послѣдняго и слѣдуетъ искать больше въ восточныхъ религіозныхъ системахъ, чѣмъ въ греческой философіи. Черезъ посредство манихейства и его многочисленныхъ видоизмѣненій дуализмъ гностиковъ соприкасается съ дуализмомъ катаровъ, альбигойцевъ XII и XIII-го в. ¹⁾ Умственная работа, совершавшаяся въ нѣдрахъ языческой философіи время упадка, не прекратилась такимъ образомъ со смертію этой философіи. На склонѣ среднихъ вѣковъ, на рубежѣ новаго міра происходитъ борьба за тѣ же идеи, которыя занимали мыслителей въ эпоху Адриана и Антониновъ.

II.

Исторія немногихъ народовъ такъ богата контрастами, какъ исторія евреевъ. Крайняя мечтательность и крайняя практичность, преданность отвлеченной идеѣ и страсть къ наживѣ, одинаковый интересъ къ богословію и къ торговлѣ — всѣ эти свойства, всѣ эти черты, повидимому несомѣстимыя, характеризуютъ евреевъ и въ цвѣтущую эпоху іудейскаго царства, и во время борьбы ихъ за государственную самостоятельность, и послѣ полного прекращенія ихъ политической жизни. Никогда, можетъ быть, эта двойственность еврейскаго типа не выражалась такъ ярко, какъ въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х., непосредственно передъ паденіемъ Іерусалима. Въ то самое время, когда въ Палестинѣ готовится борьба на жизнь и на смерть, когда одинъ пророкъ смѣняется другимъ,

¹⁾ *Baur*, Geschichte der christlichen Kirche. Band II, Seite 66 — 78; B. III. S. 22—25, 181—190.

возстаніе слѣдуетъ за возстаніемъ и національно-религіозное чувство переходитъ въ болѣзненное изувѣрство, — въ діаспорѣ, т. е. въ средѣ евреевъ, разбѣянныхъ по всему пространству римской имперіи, кипитъ торговая дѣятельность, накаплиются капиталы, что не мѣшаетъ ей однако слѣдить съ напряженнымъ вниманіемъ за всѣми вѣстями изъ Іерусалима. Изъ числа іудейскихъ общинъ діаспоры всего многочисленнѣе и сильнѣе, послѣ александрійской, была община римская, оживленную картину которой мы находимъ у Гаусрата. Евреи поселялись въ Римѣ издавна, но число ихъ тамъ въ особенности увеличилось въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х., послѣ покоренія Палестины римлянами; еврейскихъ военноплѣнныхъ, какъ и другихъ, продавали въ рабство, но они были крайне неудобными рабами, не хотѣли ѣсть одну пищу съ другими, отказывались работать въ субботу, избѣгали соприсношенія съ разными нечистыми, по ихъ мнѣнію, вещами, — и никакая сила въ мірѣ не могла сломить ихъ упрямства. Поэтому ихъ болѣею частью спѣшили отпустить на волю, тѣмъ болѣе, что въ качествѣ вольноотпущенниковъ они могли быть и дѣйствительно были полезными своимъ прежнимъ господамъ, оказывая имъ, съ свойственною евреямъ ловкостью, самыя разнообразныя услуги. Эти-то вольноотпущенники присоединялись цѣлыми массами къ соотечественникамъ своимъ, прежде привлеченнымъ въ Римъ торговыми дѣлами. Когда, въ 59 г. до Р. Х., Цицеронъ долженъ былъ произнести рѣчь, по содержанию своему непріятную для евреевъ ¹⁾, они собрались на форумъ въ такомъ количествѣ, что ораторъ сомнѣвался, дадутъ ли они ему возможность высказаться вполнѣ передъ судьями. Вообще Цицеронъ гордился тѣмъ, что имѣлъ мужество навлечь на себя ненависть этого безповойнаго и непримиримаго племени. Юлій Цезарь покровительствовалъ евреямъ; послѣ его умерщвленія, они нѣсколько ночей сряду собирались вокругъ костра, на которомъ были сожжены его останки, и пѣли надъ нимъ погребальныя гимны. Послѣ смерти Ирода, при Августѣ, восемь тысячъ евреевъ собралось на палатинскомъ холмѣ, чтобы поддержать передъ императоромъ просьбу посланныхъ изъ Іерусалима о восстановленіи въ Іудеѣ прежняго теократическаго государственнаго устройства. Эдикты Тиверія и Клавдія объ изгнаніи евреевъ изъ Рима имѣли только скоропреходящее дѣйствіе; при Неронѣ ихъ числилось въ столицѣ до 30,000. Для жительства ихъ былъ сначала назначенъ четырнадцатый округъ

¹⁾ За Флакка, обвинявшагося въ присвоеніи себѣ храмовой казны иѣсовитскихъ малоазіатскихъ еврейскихъ общинъ.

города, по-ту сторону Тибра, гдѣ сосредоточивались въ силу закона всѣ промыслы и ремесла, производящіе нечистоту. Грязь, тѣснота, избытокъ населенія были отличительными чертами еврейскаго квартала. Вскорѣ евреи перешли и на другой берегъ Тибра, заняли улицы около Капуанскихъ воротъ, близъ самой аристократической части города, проникли даже на Марсово поле. Надписями доказано, что у нихъ въ Римѣ было семь синагогъ, но весьма вѣроятно, что на самомъ дѣлѣ число молитвенныхъ еврейскихъ домовъ было еще больше. Среди еврейскаго населенія столицы можно было найти и величайшую бѣдность, и величайшее богатство. Образцомъ навязчиваго нищаго является у Марціала еврей съ той стороны Тибра, съ ранняго утра выкрикивающій на улицѣ свой дрянной товаръ, предлагающій его въ обмѣнъ на битое стекло, еще отъ матери своей научившійся попрошайничеству. Ювеналь, подходя утромъ къ окну, видитъ, какъ оборванная еврейка крадется въ богатый домъ, чтобы предсказывать знатымъ дамамъ будущее и толковать ихъ сновидѣнія, въ какомъ угодно смыслѣ, за сходную цѣну¹⁾. Но еще ненавистнѣе, чѣмъ еврей-нищій, былъ для римлянина еврей-ростовщикъ, еврей-маглеръ. Всѣ почти знатные римляне были должниками евреевъ, умѣвшихъ захватить въ свои руки и значительную часть столичной торговли. Способствовали этому ихъ обширныя связи съ діаспорой всѣхъ концовъ имперіи, быстрота, съ которой они отовсюду получали важныя для нихъ извѣстія. Среди богатыхъ римскихъ евреевъ находились и такіе, которые не чуждались языческихъ забавъ и наслажденій, не отставали отъ римской аристократіи въ утонченномъ развратѣ, влялись «храмомъ громовержца», сочиняли стихи, писали рецензіи, хвастали своею свѣтскою ученостью. Это не спасало ихъ, впрочемъ, отъ сарказма поговѣвъ, которые, начиная съ Горація и Овидія до Марціала и Ювенала, постоянно избирали евреевъ предметомъ своей сатиры. Въ глазахъ римлянъ были одинаково смѣшны и эманципированные евреи, съ ихъ неудачными попытками скрыть свое происхожденіе, и евреи, вѣрные старинѣ, съ ихъ обычаями, непонятными для посторонняго наблюдателя. Празднованіе субботы, соблюденіе постовъ, безпрестанныя омовенія, ночныя молитвы, обрѣзавіе, запрещеніе ѣсть свиное мясо—надъ всѣмъ этимъ римляне не уставали ивоцрять свое остроуміе, и ничѣмъ нельзя было такъ легко возбудить смѣхъ театральнѣй

¹⁾ *Aere minuto qualiacumque voles Judaei somnia vendunt.* (Сатира 6-я, стихи 546 и 547).

публики, какъ насмѣшвой надъ презираемымъ ею народомъ. Одинъ изъ еврейскихъ писателей сохранилъ для насъ нѣсколько примѣровъ такихъ сценическихъ выходовъ противъ евреевъ. На сцену выводять верблюда, покрытаго траурнымъ покрываломъ. «Почему верблюдъ въ траурѣ?» — «Потому, что евреи, соблюдая субботу, не хотятъ ѣсть даже травъ, а питаются репейникомъ, отнимая такимъ образомъ у бѣднаго верблюда его пищу». Является шутъ съ печальнымъ выраженіемъ лица. «Почему горюетъ шутъ?» — «Потому что масло задорожало». — «Почему же оно задорожало?» — «Изъ-за евреевъ! Они продаютъ въ субботу все, что заработали въ теченіе недѣли, у нихъ не остается даже дровъ, чтобы готовить кушанье. За недостаткомъ другого топлива они сжигаютъ свои кровати, и затѣмъ спятъ на полу, валяются въ пыли; чтобы счистить грязь, такимъ образомъ на нихъ накопляющуюся, они употребляютъ ужасно много масла — вотъ почему оно и поднимается въ цѣнѣ!» До крайности дивой и забавной казалась римлянамъ и та суматоха, которую часто поднимали въ еврейскомъ кварталѣ богословскіе споры его обитателей, и которая вызывала иногда даже вмѣшательство римскихъ властей, съ цѣлью восстановленія порядка. Какъ ни единодушны были евреи въ столкновеніяхъ своихъ съ язычниками, внутреннія несогласія между ними доходили нерѣдко до насильственныхъ дѣйствій. «Если ты не убѣдишься моими доводами, — такъ заключаетъ Гораций шутливый споръ съ своимъ противникомъ по какому-то эстетическому вопросу, — я призову на помощь поэтовъ, они всѣ согласны со мною, и разъ, что на нашей сторонѣ будетъ большинство, мы, подобно евреямъ, силой присоединимъ тебя къ нашему лагерю».

Несмотря на всѣ эти насмѣшки, несмотря на нерасположеніе, съ которымъ относятся къ евреямъ и серьезныя умы описываемой нами эпохи — напримѣръ Тацитъ, — несмотря на взаимную національную антипатію между римлянами и евреями, въ Римѣ, какъ и вездѣ, образовалась мало-по-малу довольно значительная община прозелитовъ, т. е. язычниковъ вполнѣ или отчасти обращенныхъ въ іудейство. Въ чемъ заключалось его обаяніе, его притягательная сила — объ этомъ мы уже говорили въ нашей первой статьѣ о Гаусратѣ. Большинство между римскими прозелитами составляли женщины; нѣкоторые изъ нихъ принадлежали къ извѣстнѣйшимъ родамъ римской аристократіи — къ родамъ Фульвіевъ, Флавіевъ, Ветуриевъ, Валеріевъ и т. п. Поппея, жена Нерона, была такъ близка къ іудаизму, что выразила желаніе быть погребенной по еврейскому обряду — и желаніе это, къ великому ужасу и соблазну римлянъ,

было исполнено Нерономъ. Уже во времена Горація многіе римляне соблюдали субботу, постились по четвергамъ, воздерживались отъ употребленія извѣстныхъ родовъ пищи, предпринимали поѣздки въ Иерусалимъ съ благочестивою цѣлью. Вступленіе въ ряды прозелитовъ обнаруживалось не одними этими внѣшними признаками; по словамъ Тацита и Ювенала, обращенные въ іудаизмъ становились равнодушными въ семейству (конечно, если оно не слѣдовало за ними въ новую вѣру), въ отечеству, начинали презирать и римскихъ боговъ, и римскіе законы, и завѣщали это презрѣніе своимъ дѣтямъ. Какъ бы то ни было, умноженіе числа прозелитовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ римской еврейской общинѣ, несмотря на нравственную распущенность многихъ ея членовъ, несмотря на меркантильныя стремленія большинства, не угасала глубокая религіозная жизнь, не ослабѣвало умственное движеніе. Еще лучшимъ доказательствомъ этому служить образованіе въ средѣ римскихъ евреевъ христіанской общины, уже при Неронѣ достигшей значительныхъ размѣровъ. Судя по нѣкоторымъ указаніямъ, заключающимся въ посланіи апостола Павла къ римлянамъ, можно предполагать, что въ этой общинѣ, а слѣдовательно и вообще между римскими евреями было не мало zelotovъ, съ которыми мы сейчасъ познакомимся ближе, говоря о положеніи Палестины.

Оппозиція, то тайная, то открытая, противъ римскаго владычества началась въ Палестинѣ съ самаго покоренія ея Помпеемъ, и никогда не прекращалась совершенно ¹⁾. Прежде, при первыхъ Маккавеехъ, евреи относились къ римлянамъ довольно сочувственно, какъ потому, что видѣли въ нихъ естественныхъ союзниковъ противъ тогдашняго врага своего—противъ Сиріи,—такъ и потому, что не приходили съ ними въ непосредственное соприкосновеніе. Но когда Помпей, вступившій въ Иерусалимъ подъ предлогомъ посредничества между Гирканомъ и Аристовуломъ—послѣдними Маккавееми, оспаривавшими другъ у друга верховную власть,—обманомъ овладѣлъ городомъ, предалъ казни членовъ синедріона, объявилъ плѣнными и продалъ въ рабство массу молодыхъ евреевъ и евреекъ, и, что всего важнѣе, силою проникъ въ храмъ и вступилъ, не снимая обуви, въ самое «святая святыхъ», тогда римляне сразу сдѣлались въ глазахъ евреевъ

¹⁾ Кромѣ третьяго тома Гаусрата, мы руководствуемся въ этой части нашей статьи первымъ томомъ его „Исторіи времени новаго завѣта (стр. 151—171, 300—315) и сочиненіемъ Ренана: „l'Antechrist“, составляющимъ четвертую часть его „Histoire des origines du christianisme“.

прирожденными врагами ихъ національности, ихъ вѣры. Это первое впечатлѣніе не изгладилось, а перешло въ глубокое, неискоренимое чувство. Со времени маккавейскихъ войнъ вся частная и общественная жизнь евреевъ находилась подъ властью ихъ религіознаго закона, составляла съ нимъ какъ-бы одно цѣлое. Ничто не было предоставлено произволу отдѣльнаго лица. Обычай и празднества, работа и отдыхъ, молитвы и пѣсни, очищенія и омовенія, даже родъ пищи—все это было установлено для всѣхъ и каждаго заранѣе, разъ навсегда, на каждый день, почти на каждый часъ. Отъ точнаго исполненія всѣхъ установленныхъ правилъ зависѣла для еврея его чистота, его правота передъ закономъ, безъ которой ему недоступна благодать, ниспосланная его народу. Отсюда вѣчная тревога, вѣчная боязнь осквернить себя, сдѣлать себя нечистымъ, проникающая во всѣ слои общества, хотя и не во всѣхъ одинаково сильная. Простой еврей избѣгаетъ соприкосновенія съ язычниками и самарянами, фарисей чуждается толпы, ессеи удаляется отъ всего человѣчества и не убѣжденъ даже въ чистотѣ членовъ своего собственнаго союза. Къ самой странѣ своей еврей относится съ чувствомъ скорѣе религіознаго, чѣмъ патріотическаго характера. Она освящена въ его глазахъ святыней, которую она въ себѣ вмѣщаетъ, обрядами и жертвами, которые въ ней совершаются, даже десятиной, которая вносится со всѣхъ ея произведеній въ пользу храма и духовенства, т.-е. какъ-бы самому Богу. Понятно, что всякому вѣрующему еврею подчиненіе его страны язычникамъ, появленіе ихъ въ Іерусалимѣ, городѣ священномъ по преимуществу, вступленіе ихъ въ ограду храма, должно было казаться оскорбленіемъ святыни, постоянно повторяющимся, постоянно вносящимъ нечистоту въ жизнь народа, постоянно угрожающимъ союзу его съ Богомъ. Понятно, что раввины узнавали въ Римѣ четвертаго звѣря Данилова пророчества, звѣря съ желѣзными зубами и мѣдными когтями, попирающаго ногами освященный народъ. «Ты погибнешь—говоритъ еврейскій писатель I-го вѣка, обращаясь къ римскому орлу,—ты погибнешь, послѣдній изъ четырехъ звѣрей, съ твоими страшными крыльями, погаными когтями и проклятыми головами; ты погибнешь, и страна освободится отъ твоей власти, и отдохнетъ, и возложитъ надежду на милосердіе того, кто ее создалъ». Съ своей стороны, римляне не понимали и не могли понять евреевъ,—такъ различно было міросозерцаніе обоихъ народовъ. Трезвый, прагматическій смыслъ римлянъ, съ земной точки зрѣнія заботившихся объ устройствѣ земныхъ дѣлъ, не имѣлъ ничего общаго съ пламеннымъ вообра-

женіемъ евреевъ, все подчинявшихъ своей теократической системѣ. Всегда готовые признавать боговъ, которымъ поклонялись покоренныя племена, римляне ожидали и требовали отъ послѣднихъ такой же готовности въ отношеніи къ богамъ римскимъ— и находили ее вездѣ, за исключеніемъ Палестины. Ненависть евреевъ къ чужимъ богамъ разсматривалась римлянами, какъ богохульство, какъ отрицаніе всякой религіи; замнутость еврейской жизни—какъ доказательство вражды евреевъ ко всему человѣческому роду. Отсюда легковѣріе, съ которымъ римляне принимали всѣ преданія, всѣ слухи, неблагопріятныя для евреевъ. Источникомъ такихъ преданій и слуховъ служила преимущественно Александрія, т. е. александрійскіе греки, соперники евреевъ въ торговлѣ, въ научныхъ занятіяхъ и въ управленіи городомъ. Они увѣряли, что поводомъ къ изгнанію евреевъ изъ Египта служило распространеніе между ними чесотки, проказы и другихъ заразительныхъ болѣзней; что этимъ объясняется уваженіе ихъ къ свинѣ, какъ животному наравнѣ съ ними подверженному проказѣ; что въ святилищѣ еврейскаго храма стоитъ ослиная голова, которой поклоняется народъ; что Моисей былъ прежде жрецомъ Озириса, и, сдѣлавшись отступникомъ отъ своей вѣры, завѣщала евреямъ ни къ кому не питать любви, всякому давать дурныя совѣты и вездѣ разрушать храмы; что празднованіе субботы—не что иное, какъ поощреніе народной лѣни; что однажды въ годъ евреи приносятъ въ жертву человѣка (конечно, язычника), и т. п. Такіе рассказы повторялись даже серьезными писателями, напримѣръ Тацитомъ и Плиніемъ Старшимъ, и усиливая нерасположеніе греко-римскаго міра къ евреямъ, тѣмъ самымъ еще болѣе отдаляли послѣднихъ отъ перваго.

Когда, въ началѣ I-го вѣка по Р. Х., Иудея, утомленная долговременною тиранніей Ирода и его сына Архелая, перешла подъ непосредственное управленіе римской власти—прокуратора, подчиненнаго проконсулу сирійской провинціи,—народъ принялъ эту перемѣну безъ большого ропота, не предполагая, чтобы положеніе его могло сдѣлаться еще хуже, чѣмъ было до тѣхъ поръ; но спокойное настроеніе умовъ продолжалось недолго. Проконсулъ П. Сульпицій Квириній, человѣкъ рѣзкій и непреклонный, сразу возбудилъ противъ себя евреевъ, предписавъ произвести въ Иудеѣ общую народную перепись. Въ глазахъ римлянина это была самая простая, обыкновенная правительственная мѣра; но евреи еще со временъ Давида относились къ переписи съ особымъ недоувѣріемъ и считали ее дѣломъ нечестивымъ, допуская ее только въ такой своеобразной формѣ или об-

ставляя ее такими условіями ¹⁾, о которыхъ Квириній не хотѣлъ и слышать. Еще сильнѣе возмущало евреевъ установленіе поземельнаго налога, такъ какъ земля, по понятіямъ евреевъ, была дана имъ самимъ Богомъ, и одному только Богу они должны платить налогъ съ земли, въ видѣ десятины съ ея произведеній. Всеобщее возстаніе было близко; но первосвященнику Іоазару, поддержанному наиболѣе умѣренными изъ числа фарисеевъ, удалось успокоить народъ и склонить его въ уступчивости ²⁾. Платежъ налоговъ, установленныхъ римлянами, остался однако камнемъ преткновенія для евреевъ, постоянно поддерживая въ нихъ злобу противъ римлянъ и желаніе избавиться отъ тягостной, унижительной обязанности. Отъ партіи фарисеевъ отдѣлилась именно въ это время партія *зелотовъ*—особенно ревностныхъ исполнителей закона, находившихъ, что фарисеи слишкомъ легко подчиняются совершившемуся факту и слишкомъ спокойно довольствуются словесными выходками противъ римскаго нечестія. Сборщики (или, вѣрнѣе, откупщики) налоговъ—мытари—сдѣлались предметомъ ненависти для всего народа, отверженными паріями общества. Мы знаемъ изъ евангелія, что для еврея I-го вѣка слово «мытарь» было однозначительно съ словами «язычникъ, убійца, разбойникъ, грѣшникъ» и т. п. Свидѣтельство мытара не имѣло силы передъ еврейскимъ судомъ; всякое общеніе съ нимъ оскверняло, дѣлало нечистымъ. Нужно замѣтить, что, и независимо отъ религіозныхъ предразсудковъ, римскіе налоги тяжело отзывались на Палестинѣ. Такъ какъ они были отданы на откупъ, то сборщики ихъ всячески старались увеличить собираемую сумму, и народъ платилъ несравненно больше, чѣмъ сколько получало правительство. Найти защиту противъ злоупотребленій сборщиковъ было почти невозможно, такъ какъ изъ класса всадниковъ, къ которому они болѣею частью принадлежали, назначались и судьи. Сношенія между городами были крайне затруднены дорожными, мостовыми, пограничными и другими пошльнами и сборами. Въ тридцатыхъ годахъ перваго вѣка по Р. Х. Палестина представляетъ явные признаки обѣднѣнія. Безжалостные кредиторы преслѣдуютъ разорившихся должниковъ и сажаютъ ихъ въ

1) Число жителей опредѣлялось обыкновенно по числу овецъ, принесенныхъ въ жертву во время празднованія Пасхи. Въ рѣдкихъ случаяхъ производилась и настоящая перепись, но съ тѣмъ, чтобы для искупленія сопряженнаго съ нею грѣха вносились въ пользу храма извѣстная сумма, чтобы переписи подлежали только мужчины старше 20 лѣтъ и чтобы отъ нея было изъято все колено Левіино.

2) Возстаніе вспыхнуло только въ Галилеѣ, хотя на нее перепись и не распространялась, и было быстро подавлено римлянами.

тюрьму или продаютъ въ рабство. Ростовщики въ короткое время увеличиваютъ свой капиталъ въ пять, въ десять разъ. Поземельная собственность раздробляется, постройки остаются неоконченными. Исчезаетъ довѣріе въ будущее, исчезаетъ предприимчивость; сокровища зарываются въ землю, цѣлое состояніе обращается въ одну жемчужину, чтобы удобнѣе было скрыть его. При такомъ положеніи дѣлъ, всякое столкновеніе съ римской администраціей, съ римскими солдатами должно было возбуждать продолжительное волненіе въ народѣ; а въ поводахъ къ столкновеніямъ, при раздражительности и придирчивости евреевъ, при безцеремонности римскихъ прокураторовъ, никогда не было недостатка. Бюстъ императора, выставленный въ виду храма, доска съ изображеніемъ имени императора, прибитая къ крѣпостной стѣнѣ, римлянинъ, случайно перешедшій за черту храмовой ограды—все служило предметомъ смуть или по крайней мѣрѣ громкихъ жалобъ, которымъ иногда уступалъ даже прокураторъ. Ко всѣмъ элементамъ броженія присоединилось ожиданіе Мессіи, съ которымъ большинство евреевъ, какъ извѣстно, соединяло надежду на чисто земное торжество избраннаго народа надъ всѣми остальными. Самарія, вообще говоря, была менѣе воспримчива къ этой надеждѣ, чѣмъ Іудея или Галилея; однако въ 35 г. самаряне увлеклись проповѣдью фанатика, обѣщавшаго имъ указать мѣсто, гдѣ зарыты Моисеемъ въ землю священные сосуды,— а моментъ открытія этихъ сосудовъ долженъ былъ, по народному вѣрованію, совпасть съ моментомъ пришествія Мессіи. Обманутый народъ толпами устремился къ горѣ Гаризиму, и, чтобы остановить движеніе, понадобилось вмѣшательство вооруженной силы. Въ 59 г. какой-то египетскій еврей сзывалъ народъ на Элеонскую гору, чтобы видѣть оттуда, какъ, по мановенію его руки, падутъ стѣны Іерусалима—и толпа вѣрила ему, такъ что для восстановленія порядка опять пришлось прибѣгнуть къ кровопролитію.

Въ царствованіе Нерона положеніе дѣлъ въ Палестинѣ было болѣе натануто, чѣмъ когда бы то ни было. Длинный рядъ неспособныхъ, алчныхъ, жестокихъ прокураторовъ истощилъ терпѣніе народа ¹⁾. Послѣдній изъ нихъ, Гессій Флоръ, превзошелъ въ этомъ отношеніи всѣхъ своихъ предшественниковъ, такъ что его не безъ основанія подовѣрвали въ намѣреніи довести евреевъ до отчаянія, чтобы затѣмъ разомъ покончить съ ними. Малая

¹⁾ Такого мнѣнія не только еврейскіе писатели, но и римскіе. Самъ Тацитъ говоритъ (Ист. 5, 9): „терпѣніе евреевъ продолжалось до прокураторства Гессія Флора“.

война, безпрестанно вспыхивавшая на разныхъ пунктахъ, казалась ему болѣе тяжелой и опасной, чѣмъ открытое, всеобщее возстаніе. Съ другой стороны, обстоятельства вызывали евреевъ на рѣшительное предпріятіе противъ имперіи. Управленіе Нерона, достигшаго къ 66 г. геркулесовыхъ столбовъ безумія и жестокости, повсюду внесло беспорядокъ и дезорганизацію; на Востокъ только-что былъ заключенъ съ парянами непрочный миръ; въ Британніи продолжалось, въ Галліи готовилось возстаніе; германцы угрожали вторженіемъ въ предѣлы государства. Нерасположеніе къ римскому владычеству между восточными народами было всеобщее; позволительно было надѣяться, что при первомъ рѣшительномъ успѣхѣ евреевъ всѣ сосѣди ихъ поднимутся противъ Рима. Отъ діаспоры, отъ вавилонскихъ евреевъ можно было ожидать богатой помощи людьми и деньгами. Нельзя не замѣтить, впрочемъ, что всѣ эти политическія соображенія были доступны только для немногихъ изъ числа палестинскихъ евреевъ; для большинства побудительными причинами къ немедленному возстанію были невыносимый гнетъ римскаго господства, слѣпой фанатизмъ, слѣпая вѣра, что Іегова не оставитъ своихъ избранниковъ и дастъ имъ побѣду надъ нечестивыми. Само собою разумѣется, что не всѣ классы, не всѣ партіи между евреями одинаково желали войны противъ Рима. Партія высшаго духовенства (садукеи), богатая, изнѣженная, себялюбивая, склонная къ религіозному индифферентизму, давно уже находилась въ дружескихъ отношеніяхъ къ римскимъ мѣстнымъ властямъ и къ центральному правительству, и ничего, въ сущности, не имѣла противъ сохраненія *status quo*, хотя, конечно, предпочла бы полное отдѣленіе Палестины отъ римской имперіи и восстановленіе въ ней безусловно-теократическаго государственнаго устройства. За-одно съ садукееями дѣйствовали приверженцы дома Иродова; представителями котораго въ это время были Агриппа II-й, управлявшій, съ титуломъ царя, Галилеей и частью Перее, и сестра его Береника, сохранявшая, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, обаяніе красоты, которою она, два года спустя, плѣнила Тита. Ессееи, отрѣшившіеся отъ всего земнаго, конечно, не могли увлекаться чисто-свѣтскою мыслью о возсозданіи сильнаго іудейскаго царства, и держались, наравнѣ съ палестинскими христіанами, вдали отъ воинственнаго движенія, овладѣвшаго стравою. Умѣренные фарисеи ненавидѣли римлянъ, мечтали объ освобожденіи изъ-подъ ихъ ига, но были слишвомъ разсудительны, чтобы разсчитывать на прочное торжество надъ ними. За войну, во что бы то ни стало, стояли zelоты, болѣе чѣмъ когда-нибудь экзальтированные,

потерявшіе всякую способность разсуждать, болѣею частью совершенно бѣдные и потому ничѣмъ не рисковавшіе, исполненные одинаковой ненависти и къ римлянамъ, и къ саддукейской и фарисейской аристократіи. Еще задолго до войны они стали прибѣгать къ тайному убійству, какъ къ средству держать въ страхѣ враговъ своихъ, и получили названіе сикаріевъ (кинжалщиковъ). Къ зелотамъ присоединялись выходцы изъ Идумеи и другихъ окрестныхъ странъ, разбойники по профессіи, въ сущности равнодушные къ религіознымъ вопросамъ, видѣвшіе въ войнѣ только удобный случай къ грабежамъ и насиліямъ всякаго рода. Въ то время, когда первосвященникъ и вліятельнѣйшіе изъ раввиновъ еще вели переговоры съ Агриппой и Гессіемъ Флоромъ, Менахемъ—сынъ Иуды изъ Гамалы, который руководилъ возстаніемъ въ Галилеѣ въ началѣ I-го вѣка—овладѣлъ крѣпостью Мазадой, вооружилъ найденнымъ тамъ оружіемъ собравшюся вокругъ него толпу зелотовъ, занялъ Іерусалимъ ¹⁾ и открылъ военныя дѣйствія противъ римлянъ. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ его было умерщвленіе первосвященника Ананіи, болѣе чѣмъ всѣ другіе саддукеи, ненавистнаго народу. Оправившись отъ своего перваго испуга, аристократы схватили Менахема, предали его мучительной казни; но остановить начатую войну они не рѣшились и оставили веденіе ея на время въ рукахъ зелотовъ. Римскія войска, шедшія противъ Іерусалима подъ начальствомъ самого проконсула Цестія, были разбиты и обращены въ бѣгство; новаго нападенія, при томъ положеніи, въ которомъ тогда находилась имперія, въ скоромъ времени ожидать было трудно. Все, повидимому, благопріятствовало евреямъ; но между ихъ сосѣдями нена-

¹⁾ Самый городъ Іерусалимъ былъ очищенъ Гессіемъ Флоромъ безъ борьбы, какъ только начались беспорядки; римскій гарнизонъ удался въ цитадели, господствовавшія надъ городомъ. По мнѣнію Ренана, это было большою ошибкой со стороны Гессія Флора. „Вооруженная власть,—говоритъ онъ,—имѣетъ право покинуть занимаемый ею и возмущившійся городъ не иначе, какъ истощивъ всѣ средства сопротивленія. Еслибъ Флоръ остался въ городѣ, іерусалимлянамъ едвали удалось бы одолѣть его, и такимъ образомъ были бы предупреждены всѣ послѣдующія бѣдствія“ (стр. 241). Между тѣмъ, немного раньше (стр. 227) Ренавъ утверждаетъ, что кризисъ былъ неизбеженъ, что причины его коренились глубоко въ прошедшемъ еврейскаго народа; логично ли, затѣмъ, ставить весь ходъ событій въ зависимость отъ той или другой ошибки Гессія Флора? Противорѣчіе, въ которое впалъ Ренавъ, объясняется тѣмъ, что, говоря объ іудейской войнѣ 66—70 г., онъ постоянно имѣетъ въ виду аналогичскіе факты изъ исторіи Франціи,—въ особенности послѣднюю парижскую коммуну,—и слишкомъ ревностно старается извлекать изъ прошедшаго ученія для настоящаго. Упрекая Гессія Флора за преждевременное оставленіе Іерусалима, Ренавъ въ сущности упрекаетъ Тьера за слишкомъ послѣднее удаленіе французскихъ войскъ изъ Парижа въ мартѣ 1871 г.

висть къ нимъ оказалась болѣе сильною, чѣмъ ненависть къ имперіи. Не только никто не присоединился къ борьбѣ, начатой евреями противъ Рима, но она послужила сигналомъ къ избіенію евреевъ цѣлыми массами въ городахъ Сиріи, Финикіи, Египта. Началось оно въ Кесаріи, въ смѣшанномъ населеніи которой давно уже кипѣла взаимная вражда, и въ которую удалился Гессій Флоръ, полный бѣшенства противъ евреевъ. Евреи, въ отмщеніе за своихъ кесарійскихъ единовѣрцевъ, стали убивать сирійцевъ во всѣхъ городахъ Палестины, сжигать ихъ села; отвѣтомъ на это были новыя побоища евреевъ въ Аскалонѣ, Тирѣ, Акрѣ, Дамаскѣ и многихъ другихъ мѣстахъ. Всего ужаснѣе было кровопролитіе въ Александріи, гдѣ евреи составляли почти половину населенія; по исчисленію современныхъ писателей, ихъ погибло тамъ до пятидесяти тысячъ. Когда всѣ эти вѣсти дошли до Іерусалима, онѣ не утѣшили zelotovъ, а только увеличили ихъ ожесточеніе. Не подѣйствовало на нихъ и то, что помощь изъ діаспоры и изъ Вавилона далеко не достигла ожидаемыхъ размѣровъ, что аравитане, несмотря на кровное родство свое съ евреями, приняли сторону Рима; не испугало ихъ, наконецъ, и назначеніе Лицинія Муціана проконсуломъ Сиріи, Флавія Веспасіана—начальникомъ расположенныхъ въ Сиріи войскъ, хотя и тому и другому предшествовала репутація людей талантливыхъ и энергичныхъ. Рѣшено было сопротивляться до конца, въ надеждѣ на высшую помощь.

Несмотря на то, что война противъ римлянъ была исключительно дѣломъ zelotovъ, саддукеевъ и фарисеевъ скоро удалось присвоить себѣ большую долю участія въ веденіи военныхъ дѣйствій и вообще въ управленіи страной. Объясняется это тѣмъ, что на сторонѣ ихъ была опытность, привычка къ власти, и что многіе изъ нихъ притворялись пламенными приверженцами воинственной политики. Главную роль между этими мнимыми патриотами игралъ бывший первосвященникъ Анна, типъ надменнаго, властолюбиваго эгоиста, гонитель христіанъ, притѣснитель низшаго духовенства. Повидимому, дѣйствуя за-одно съ главою zelotovъ, Элеazarомъ, онъ поддерживалъ негласныя сношенія съ римлянами и тайно вооружалъ своихъ приверженцевъ, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ овладѣть властью. По настоянію Анны и его сообщниковъ, командованіе войсками въ Галилеѣ было ввѣрено Іосифу, молодому фарисею, будущему автору извѣстныхъ сочиненій объ іудейской войнѣ и объ исторіи еврейскаго народа. Галилея, по географическому положенію своему, должна была выдержать первый натискъ римлянъ; защита ея имѣла поэтому

огромную важность для Іерусалима и требовала полководца опытного и рѣшительнаго. Іосифу одинаково недоставало обоихъ этихъ качествъ. Мѣстомъ дѣятельности его была до тѣхъ поръ исключительно синагога, раввинская школа. Ученикъ фариисеевъ, онъ рано перешелъ на сторону саддукеевъ, въ союзѣ съ которыми легче было достигнуть богатства и власти. Но духъ времени былъ такъ силенъ, что даже сухая, холодная натура Іосифа должна была заплатить ему дань, прежде чѣмъ окончательно выдти на настоящую свою дорогу. Носившіяся въ воздухѣ идеи о нечистотѣ всего земнаго, о необходимости уединенія, покаянія, аскетическаго образа жизни увлекли Іосифа въ пустыню, гдѣ онъ присоединился къ одному изъ есеевскихъ братствъ, и въ продолженіи трехъ лѣтъ подчинялся всѣмъ строгимъ правиламъ этой секты; затѣмъ, терпѣніе его истощилось, и онъ возвратился въ Іерусалимъ, обманувъ надежды есеевъ, видѣвшихъ въ немъ одного изъ будущихъ столповъ ихъ ученія. Изъ общенія своего съ есееями Іосифъ вынесъ только усиленную заботливость о внѣшней чистотѣ, усиленное рвеніе къ формальнымъ требованіямъ закона. Онъ присоединился къ той фариисейской шволѣ, для которой золото въ храмѣ было дороже самаго храма, цѣлость священнаго хлѣба—дороже сохраненія человѣческой жизни, неприкосновенность освященныхъ орудій—дороже національной самостоятельности. Съ этимъ наружнымъ благочестіемъ Іосифъ соединялъ величайшій эгоизмъ и страсть къ почестямъ и власти. Онъ провелъ нѣсколько времени въ Римѣ, и, видѣвъ вблизи его могущество, не могъ раздѣлять тѣхъ иллюзій, тѣхъ надеждъ на легкую и полную побѣду, которыми увлекались zeloty. При такомъ взглядѣ на дѣло, единственной честной политикой со стороны Іосифа было бы открытое сопротивленіе войнѣ, открытое стремленіе къ примиренію съ Римомъ. Настоящіе единомышленники его были между приближенными Агриппы, а не между защитниками Іерусалима. Но при дворѣ Агриппы Іосифа ожидала только роль второстепеннаго придворнаго, а участіе въ возстаніи обѣщало ему господствующее вліяніе, можетъ быть, даже верховную власть. До крайности самолюбивый, онъ считалъ себя необходимымъ для евреевъ и надѣялся на свои связи и на свое дипломатическое искусство, чтобы достигнуть соглашенія съ римлянами.

Послѣдствія назначенія Іосифа командующимъ войсками въ Галилеѣ не замедлили обнаружиться ¹⁾. Вмѣсто того, чтобы го-

¹⁾ Въ помощь Іосифу были даны не два офицера, какъ этого можно было бы ожидать при неопытности главнокомандующаго, а два священника, которые обра-

товиться къ защитѣ, ученый фарисей, внезапно обращенный въ воина, занялся установленіемъ въ провинціи, ему ввѣренной, такого гражданскаго устройства, которое по возможности приближалось бы къ преданіямъ еврейской старины. Онъ осматривалъ вѣрностныя постройки въ городахъ не для того, чтобы удостовѣриться въ ихъ годности къ оборонѣ, а для того, чтобы узнать, нѣтъ ли въ нихъ какихъ-либо изображеній, отзывающихся язычествомъ. Ревизуя магазины, онъ обращалъ вниманіе не на то, достаточно ли они снабжены провіантомъ, а на то, приготовляется ли въ нихъ масло въ надлежащей чистотѣ, согласно съ Моисеевымъ закономъ. Объ организаціи и обученіи войска Іосифъ не думалъ, ограничиваясь только произнесеніемъ отъ времени до времени воинственныхъ спичей. Къ мелкимъ партизанскимъ отрядамъ, образовавшимся въ Галилеѣ еще до прибытія Іосифа и доказавшимъ свою храбрость въ нѣсколькихъ стычкахъ съ римлянами, Іосифъ относился враждебно, потому что зналъ, что они состоятъ изъ zelotovъ. Противъ римлянъ онъ не предпринималъ ничего; городамъ, завѣдомо державшимъ ихъ сторону, предоставлялъ полную свободу; транспорты, шедшіе въ лагерь враговъ и перехваченные еврейскими партизанами, тайно возвращалъ Агриппѣ, но противъ zelotovъ онъ нѣсколько разъ выступалъ съ оружіемъ въ рукахъ и предавалъ разграбленію города, въ которыхъ они преобладали. Вожди іерусалимскихъ zelotovъ нѣсколько разъ наставляли на отозваніи Іосифа изъ Галилеи, старались даже подкупить съ этою цѣлью Анну и друзей его; но попытки ихъ не имѣли успѣха. Къ какому коварству, къ какому лицемѣрью былъ способенъ Іосифъ, достойный представитель худшихъ сторонъ фарисейства—это мы узнаемъ изъ собственныхъ его сочиненій; онъ самъ перечисляетъ всѣ клятвы, данныя и неисполненныя имъ, всѣ обманы, ему удавшіеся; самъ рассказываетъ, какъ вожди враждующихъ партій рѣшили однажды собраться въ тиверіадской синагогѣ, чтобы повончить передъ лицомъ Бога всѣ свои распри, какъ на самомъ дѣлѣ каждая партія надѣялась перебить при этомъ удобномъ случаѣ своихъ безоружныхъ противниковъ, и какъ замыселъ не удался ни той, ни другой сторонѣ только потому, что обѣ явились въ синагогу съ оружіемъ, скрытымъ подъ костюмомъ богомольца, и каждая своевременно замѣтила вооруженіе противниковъ. Не лучше Іосифа поступали военачальники, избранные аристократіей, и въ другихъ частяхъ Палестины, такъ что натискъ римлянъ, начавшійся весною 67 г.,

тели все свое вниманіе на сборъ десятины и на наполненіе собственныхъ своихъ кармановъ.

вслѣдъ за прибытіемъ новаго полководца, Веспасіана, вездѣ засталъ евреевъ одинаково непритовленными даже къ защитѣ. Одинъ видъ римскаго войска, стройнаго, дисциплинированнаго, сроднивагося съ войною, часто наводилъ панической страхъ на евреевъ, неопытныхъ въ военномъ искусствѣ, непривыкшихъ дѣйствовать сообща, молившихся, когда нужно было готовиться къ бою, праздновавшихъ субботу, когда нужно было укрѣплять лагерь или возвышать крѣпостныя стѣны. Цѣлыя толпы галилеянъ бѣжали изъ-подъ знаменъ Іосифа при одной вѣсти о приближеніи римлянъ; храбро держались только мѣста, защищаемыя zelотами. Въ одно изъ такихъ мѣстъ, крѣпость Иотопату — укрылся Іосифъ, оставленный своимъ войскомъ. Подъ вліяніемъ необходимости, онъ не безъ искусства руководилъ обороной Иотопаты, пока не убѣдился въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія; тогда онъ хотѣлъ оставить гарнизонъ на произволь судьбы и спастись бѣгствомъ, но былъ удержанъ собственными своими солдатами, и послѣ взятія крѣпости попалъ въ плѣнъ къ римлянамъ. Изъ числа защитниковъ Иотопаты немногіе избѣжали смерти, но Іосифу была дарована жизнь, а нѣсколько позже и свобода. Первоначальнымъ поводомъ къ такому снисхожденію было желаніе Веспасіана, чтобы главнокомандующій галилейскими войсками украсилъ собою его триумфъ въ Римѣ; но затѣмъ ловкій фарисей сумѣлъ войти въ милость и къ Веспасіану, и къ Титу, предсказывая имъ, что они достигнутъ верховной власти, называя Веспасіана Мессіей, который обѣщанъ евреямъ; и оказывая Титу всякаго рода услуги, даже противъ соотечественниковъ своихъ. Онъ находился при Титѣ во все время осады Іерусалима, руководя его своими совѣтами. Послѣ взятія Іерусалима онъ сопутствовалъ Титу въ Римъ, получилъ пенсію отъ императора, сталъ называться Іосифомъ Флавіемъ, и съ рѣдкимъ искусствомъ сумѣлъ удержаться въ милости и у Домиціана, ненавидѣннаго всѣхъ тѣхъ, кто служилъ его отцу и брату. Сочиненіе Іосифа объ іудейской войнѣ, написанное въ Римѣ, просмотрѣнное Атриппой и одобренное Титомъ, конечно, не можетъ считаться достовернымъ изложеніемъ событій. Оно тенденціозно отъ начала до конца, представляя собою апологію самого Іосифа, обвинительный актъ противъ zelотовъ и панегирикъ Веспасіану и Титу. «Все ужасное, — говоритъ самъ Іосифъ, — слѣдуетъ приписывать іерусалимлянамъ, все справедливое — римлянамъ». Основная мысль книги — это непобѣдимость Рима, всякое возстаніе противъ котораго наказывается самимъ Богомъ. Понятно, что такую книгой слѣдуетъ пользоваться съ крайнею

осторожностью. По справедливому замѣчанію Ренана, сужденія Іосифа о зелотахъ имѣютъ такую же доказательную силу, какую имѣли бы сужденія Дюмурье о яковинцахъ. Замѣчательно, что, измѣнивъ своему народу, сдѣлавшись прислужникомъ злѣйшихъ враговъ его, Іосифъ остался фарисеемъ, и, по предположенію Гаусрата, сохранилъ даже вѣру въ скорое пришествіе Мессіи. Его позднѣйшія сочиненія, его автобіографія, его защита евреевъ противъ Аппіана, его трактатъ о древностяхъ—дышать ревностью къ буквѣ закона, вѣрой въ божественное призваніе избраннаго народа. Всѣ попытки Іосифа защитить евреевъ противъ нападеній язычниковъ, опровергнуть предразсудки послѣднихъ противъ первыхъ остались безплодными и даже не примирили съ нимъ его единовѣрцевъ, продолжавшихъ преслѣдовать его своею ненавистью до самой его смерти.

Вѣсть о паденіи Иотопаты, о покореніи Галилеи римлянами, объ измѣнѣ Іосифа ускорила давно готовившійся разрывъ между зелотами и умѣренною партіею въ Іерусалимѣ. Первые не безъ основанія возлагали на послѣднюю отвѣтственность за неудачи, постигшія національное дѣло. Партизаны изъ среды зелотовъ, успѣвшіе бѣжать изъ Галилеи въ Іерусалимъ — первое мѣсто между ними занималъ Іоаннъ изъ Гишалы — возбуждали въ народѣ негодованіе противъ фарисеевъ и саддукеевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряли его, что побѣда надъ римлянами вовсе не такъ трудна, что Іерусалимъ для нихъ неприступенъ. Съ другой стороны, Анна и его единомышленники больше чѣмъ когда-нибудь помышляли о примиреніи съ римлянами, о тайной сдачѣ имъ Іерусалима. Первосвященникомъ въ это время былъ Матей, получившій свое званіе еще изъ рукъ Агриппы и потому подозрительный въ глазахъ зелотовъ. Они потребовали его удаленія; аристократія не хотѣла о томъ и слышать. Тогда Элеазаръ и другіе представители партіи дѣйствія созвали членовъ единственнаго изъ всѣхъ левитскихъ семействъ, державшаго сторону зелотовъ, и приказали имъ бросить жребій, кому изъ нихъ быть первосвященникомъ. Это отступленіе отъ обычая переполнило мѣру терпѣнія умѣренной партіи; Анна призвалъ ее къ оружію, отгѣснилъ зелотовъ въ ограду храма и былъ близокъ къ побѣдѣ, но не рѣшился взломать священныя ворота храма и пропустилъ такимъ образомъ удобную минуту. Зелоты призвали на помощь идумеанъ, сдѣлали удачную вылазку, разбили на-голову своихъ враговъ и произвели между ними страшное кровопролитіе, при которомъ погибли Анна и другіе главные вожди саддукеевъ и умѣренныхъ фарисеевъ. «Слабость всякаго временнаго правитель-

ства, организованнаго съ цѣлью національной обороны,—говорить по этому поводу Ренанъ,—заключается въ томъ, что оно не можетъ перенести пораженія. Постоянно тѣснимое крайними партіями, оно падаетъ, какъ только не можетъ дать толпѣ того, для чего оно было создано, т.-е. побѣды... Партія, стоящая за войну во что бы то ни стало, всегда дѣйствуетъ тираннически; умѣренность никогда еще не спасала отечества, потому что первый принципъ ея—уступать обстоятельствамъ, а геройство, въ большей части случаевъ, есть рѣшимость не слушаться разсудка. Принудить къ крупнымъ жертвамъ націю, не имѣющую династїи—династїя сама по себѣ есть въ сущности не что иное, какъ постоянный, правильный терроръ—можно только терроризмомъ¹⁾. Масса всегда робка; но въ революціонное время робкіе въ соображеніе не принимаются. Людей экзальтированныхъ всегда много, но они присвоиваютъ себѣ господство, отрѣзывая всѣ пути къ отступленію. Однимъ словомъ, въ критическія минуты народной жизни власть всегда достается крайней партіи, политики²⁾ всегда бывають безсильны». Когда Ренанъ писалъ эти строки, онъ по всей вѣроятности имѣлъ въ виду не столько Іудею I-го вѣка по Р. Х., сколько Францію 1793 и 1870 гг. Несмотря на свой политическій консерватизмъ, Ренанъ становится здѣсь на сторону монтаньяровъ противъ жирондистовъ, на сторону Гамбетты противъ современныхъ французскихъ монархистовъ. Вѣрный преданіямъ фаталистической школы французскихъ историковъ, школы Минье и Тьера, онъ оправдываетъ, во имя необходимости, насиліе крайней партіи надъ среднею, если оно направлено къ усиленію національной обороны противъ вѣшняго врага. Онъ упускаетъ при этомъ изъ виду, что событія іудейской войны далеко не во всемъ аналогичны съ событіями великой французской революціи или послѣдней войны между Франціей и Германіей. Жирондисты были такими же патриотами,

¹⁾ Образъ дѣйствій аенлявъ при вторженіи Ксеркса, 1612-й годъ въ Россіи, вся исторія Англїи достаточно опровергаютъ парадоксъ Ренана о необходимости терроризма.

²⁾ Въ концѣ XVI-го вѣка партія, занимавшая во Франціи среднее мѣсто между католической лигой и протестантами, была известна подъ именемъ *партїи помѣщиковъ*; съ тѣхъ поръ французскіе писатели часто называютъ этимъ именемъ всякую среднюю, умѣренную партію, склонную къ уступкамъ и компромиссамъ. Говоря о безсилїи политиковъ, Ренанъ забылъ, что въ концѣ XVI-го вѣка побѣда въ междоусобной войнѣ, раздѣлившей Францію, осталась за Генрихомъ IV-мъ, который, будучи врагомъ лиги, не принадлежалъ и къ крайней протестантской партіи—достаточнымъ доказательствомъ этому служитъ переходъ его въ католицизмъ,—и скорѣе всего можетъ быть причисленъ къ тогдашнимъ *политикамъ*.

какъ и монтаньяры; приписывать побѣды французскихъ республиканскихъ войскъ паденію Верньо и его товарищей, террору, парижской коммунѣ или комитету общественнаго спасенія—значитъ разсуждать по правилу: *post hoc, ergo propter hoc*. Въ самый разгаръ террора, въ 1793 г., военныя дѣйствія шли неудачно для французовъ, гораздо неудачнѣе, чѣмъ при Дюмурье, полководцѣ умѣренной партіи. Успѣхи 1794 и 1795 гг. объясняются лучшей организаціей французскихъ войскъ, появленіемъ во главѣ ихъ болѣе даровитыхъ полководцевъ, постоянно увеличивающагося анархіей въ рядахъ союзниковъ; что касается до энтузіазма французскихъ солдатъ, то при Дюмурье и Кюстинѣ онъ былъ не менѣе силенъ, чѣмъ при Пишегрю и Журданѣ. Нѣтъ основанія утверждать, что оборота Франціи въ рукахъ жирондистовъ привела бы къ другимъ, худшимъ результатамъ, чѣмъ въ рукахъ якобинцевъ, — точно также какъ нѣтъ основанія считать геройство за нѣчто противоположное здравому смыслу, за нѣчто безусловно несомнѣнное съ разсудкомъ. Въ 1870—71 г. Гамбетта не былъ представителемъ крайней партіи; въ Парижѣ, въ Лионѣ, въ Марсели она дѣйствовала не за-одно съ нимъ, а противъ него—однако усилія Гамбетты организовать, поддержать борьбу едва ли могли бы быть превзойдены кѣмъ-либо изъ будущихъ вождей парижской коммуны. Умѣренная партія, какъ и всякая другая, способна отстоять независимость государства, способна спасти отечество,—но конечно только тогда, когда она вѣрится въ предпринятое ею дѣло и предана ему безъ всякой задней мысли. Этой преданности, этой вѣры не было у іудейской аристократіи I-го вѣка; вотъ почему она была неспособна и недостойна руководить національной обороной противъ римлянъ. Названіе умѣренной партіи вовсе не идетъ къ ней; это была партія столь же крайняя, какъ и зелоты—конечно, въ противоположномъ направленіи, — готовая на измѣну, на рабство, лишь бы только сохранить букву закона и въ особенности свое привилегированное положеніе среди народа. Несчастье евреевъ состояло именно въ томъ, что между ними не было настоящей умѣренной партіи, которая могла бы, отстранивъ неосуществимыя притязанія аристократовъ и зелотовъ, восстановить внутреннее спокойствіе и заключить съ римлянами почетный миръ, основанный на глубокомъ убѣжденіи въ невозможности успѣшнаго сопротивленія. При отсутствіи такой умѣренной партіи, торжество зелотовъ было дѣйствительно неизбежно, потому что нельзя же было сознательно оставлять веденіе войны въ рукахъ людей, готовыхъ кунить миръ даже цѣною измѣны.

Побѣда зелотовъ надъ саддузейской и фарисейской аристократіей имѣла ближайшимъ послѣдствіемъ не столько усиленіе обороны Иерусалима, сколько страшныя кровопролитія въ средѣ самихъ осажденныхъ. Въ разсказѣ Іосифа о террорѣ, наступившемъ въ Иерусалимѣ послѣ паденія Анны, безъ сомнѣнія много преувеличеннаго; онъ выставляетъ зелотовъ какими-то дикими звѣрями, чуждыми всякаго человѣческаго чувства, не объясняя, что же руководило ими въ такомъ случаѣ при геройской защитѣ Иерусалима, что внушало имъ презрѣніе къ опасности, что возвышало ихъ надъ страхомъ мученій и смерти. Обыкновенные злодѣи, по справедливому замѣчанію Ренана, не могли бы такъ сражаться, такъ умирать. Смотрѣть на событія іудейской войны съ точки зрѣнія Іосифа было бы столь же безразсудно, какъ видѣть во французской революціи дѣло нѣсколькихъ тысячъ еаторжниковъ, сорвавшихся съ цѣпи. «Истина,—говоритъ Ренапъ,—заключается въ томъ, что народныя возстанія, какъ произведеніе смутнаго чувства, а не разума, не переносятъ безнаказанно собственнаго своего успѣха. Подобно всѣмъ другимъ движеніямъ этого рода, іерусалимская революція обезглавила сама себя»¹⁾. Лучшіе патриоты, наиболѣе способствовавшіе побѣдамъ 66-го года, были казнены; почти всѣ достаточные люди погибли. Особенно сильное впечатлѣніе произвела смерть Захаріи, сына Барухова, пользовавшагося большою любовью въ Иерусалимѣ. Онъ былъ поставленъ на судъ передъ синедріономъ, наскоро созваннымъ и кое-какъ составленнымъ; однако и этотъ революціонный трибуналъ не убѣдился въ его виновности и произнесъ оправдательный приговоръ. На оправданнаго тотчасъ же бросились два сиварія и умертвили его посреди храма, а судей зелоты разогнали сабельными ударами. Горевать, плакать о погибшихъ считалось преступленіемъ. Покончивъ съ своими противниками, зелоты обратились другъ противъ друга; приверженцы Элеазара вели открытую борьбу съ приверженцами Іоанна изъ Гишамы; главнымъ театромъ ея была ограда храма, въ которомъ вмѣсто крови жертвъ безпрестанно лилась кровь гражданъ. Это оскверненіе храма приводило въ ужасъ священниковъ и всѣхъ благочестивыхъ людей, видѣвшихъ въ немъ «мервость заустѣнія», предвѣстіе послѣдняго часа для Израиля. Множество мирныхъ гражданъ—въ томъ числѣ іерусалимскіе христіане—удалились изъ города, оставленнаго Богомъ и обреченнаго на гибель. Веспасіанъ, почти не встрѣчая сопро-

¹⁾ „L'Antechrist“, p. 289.

тивленія, приблизился къ Іерусалиму, обложилъ его со всѣхъ сторонъ; катастрофа казалась близкой, но случайное событіе—смерть Нерона—отдалило ее на два года. Сначала ожиданіе вѣстей изъ Рима, приказаній новаго императора, потомъ заботы о присвоеніи и удержаніи верховной власти заставили Веспасіана отступить изъ-подъ стѣнъ Іерусалима. Въ началѣ 70 г. вся имперія подчинилась Веспасіану; онъ отправился въ Римъ занять императорскій престолъ, и поручилъ сыну своему Титу усмирить мятежнаго города, не счумѣвшаго воспользоваться отсрочкой, данной ему обстоятельствами.

Междоусобныя распри продолжались въ Іерусалимѣ непрерывно. Къ двумъ прежнимъ вождямъ zelотовъ присоединился третій, Симонъ-баръ-Гіора (сынъ Гіоры), предводитель партизанскаго отряда или разбойничьей шайки—различіе между тѣмъ и другою въ это время бывало иногда весьма небольшое,—призванный іерусалимлянами, чтобы укротить Элеазара и Іоанна, но принесшій съ собою только новые элементы смуты и безпорядка. «Фанатизмъ,—говоритъ Ренанъ,—не исключаетъ ненависти, недовѣрія, соперничества. Убѣжденные, страстные люди, принужденные дѣйствовать вмѣстѣ, обыкновенно подозрѣваютъ другъ друга—и это для нихъ источникъ силы, потому что взаимныя подозрѣнія соединяютъ ихъ какъ-бы желѣзною цѣпью, предупреждаютъ слабость и измѣну. Наружное согласіе—признакъ политики искусственной, отсутствія убѣжденій. Интересы создаютъ котерію; принципы вызываютъ разногласіе, побуждаютъ къ изгнанію, избіенію, истребленію враговъ. Кто судитъ о событіяхъ съ буржуазной точки зрѣнія, тотъ склоненъ думать, что революція погибла, когда революціонеры *поддаютъ другъ друга*. Наоборотъ, именно тогда революція обладаетъ полной энергіей, именно тогда ею руководитъ безличное рвеніе (*ardeur impersonnelle*). Всего яснѣе это видно въ страшной іерусалимской драмѣ. Дѣйствующія ея лица какъ-бы договорились умереть. Подобно адской плясцѣ, созданной средневѣковымъ воображеніемъ—плясцѣ, въ которой сатана увлекаетъ за собой въ фантастическую пропастъ рядъ людей, держащихъ другъ друга за руки,—революція никому не позволяетъ выходить изъ шествія, которое она ведетъ. Терроръ стоитъ за спиною актеровъ; то экзальтируя другихъ, то въ свою очередь экзальтируемые, они стремятся къ безднѣ; никто не можетъ отступить, потому что повади каждаго—скрытый мечъ, заставляющій его идти впередъ, какъ только онъ хочетъ остановиться»¹⁾. Въ этихъ словахъ Ренанъ впадаетъ прежде всего въ

¹⁾ „L'Antechrist“, p. 495—496.

противорѣчіе съ самимъ собою. Припомнимъ, что, по собственному его выраженію, іудейская революція, какъ и другія, *обезглавила сама себя*, когда жертвой ея, вмѣсто общаго врага, стали падать, одинъ за другимъ, сами революціонеры. Что обезглавленная революція обречена на гибель—это не требуетъ доказательствъ. Ея *безличное рвеніе* не можетъ быть ни продолжительнымъ, ни успѣшнымъ. Когда Дантонъ посылалъ на казнь жирондистовъ, Робеспьеръ—Дантова, термидоріанцы—Робеспьера, французская революція стояла именно на томъ пунктѣ, съ котораго началось обратное движеніе. Іюньскіе дни 1848 года были могилой февральской революціи. Борьба плодотворна, когда она ведется между различными принципами, а не между приверженцами одного и того же принципа, изъ-за какихъ нибудь отбѣнокъ въ его осуществленіи, изъ-за вліянія и власти, или вслѣдствіе недоразумѣній. Борьба за принципъ вызываетъ въ каждомъ изъ борющихся лагерей не разногласіе, а единодушное стремленіе къ общей цѣли, исчезающее только тогда, когда война, если можно такъ выразиться, изъ внѣшней становится внутренней, междоусобной. Подозрительность не можетъ служить источникомъ силы ни для подозрѣвающихся, ни для подозрѣваемыхъ. Энергія, поддерживаемая только тѣмъ скрытымъ мечомъ, о которомъ говоритъ Ренанъ—это лихорадочное, искусственное возбужденіе, которое не можетъ создать ничего прочнаго. Изъ того, что Іерусалимъ храбро защищался противъ Тита, еще не слѣдуетъ, чтобы іудейская революція въ это время была въ своемъ апогеѣ. У однихъ это была храбрость отчаянія, у другихъ—храбрость фанатизма, до послѣдней минуты не допускавшаго и мысли, чтобы Богъ могъ оставить своихъ борцовъ, чтобы жилище его могло сдѣлаться добычей нечестивыхъ.

Послѣдній фазисъ осады, со времени перехода ея въ руки Тита, продолжался съ небольшимъ три мѣсяца; въ началѣ августа 70-го г. храмъ былъ взятъ приступомъ, а вслѣдъ затѣмъ заняты и всѣ остальные части города. Сильно укрѣпленный Сіонъ былъ сданъ почти безъ бою, именно потому, что паденіе храма сокрушило мужество іерусалимлянъ. Симонъ-баръ-Гіора и Іоаннъ изъ Гишала были взяты въ плѣнъ, Элеазаръ бѣжалъ въ крѣпость Махерусъ и долго еще сопротивлялся тамъ римлянамъ. Другая крѣпость, Мазада, держалась цѣлыхъ два года послѣ взятія Іерусалима, и когда римляне, наконецъ, вступили въ нее, они нашли живыми только одну женщину съ пятью дѣтьми; всѣ остальные защитники крѣпости, уцѣлѣвшіе во время осады, предпочли плѣну самоубійство. Удивляться этому нельзя, потому что

они знали, по примѣру Іерусалима, какаѧ судьба ожидаетъ военно-плѣнныхъ евреевъ. Распредѣленные между большими городами имперіи, они были предаваемы мучительной смерти въ циркахъ, передъ глазами любопытной и жестокой толпы; многіе были выводимы на арену по два, по три раза, чтобы продлить удовольствіе зрителей; полунистерзаннныя звѣрями, они были удаляемы изъ цирка и сберегаемы до слѣдующаго представленія. Понятно, какой запасъ ожесточенія долженъ былъ накопиться въ сердцахъ евреевъ, безъ того уже до крайности возбужденныхъ паденіемъ Іерусалима, разореніемъ и оскверненіемъ храма. При Флавіяхъ одно возстаніе евреевъ слѣдовало за другимъ, то въ Египтѣ, то въ Киринеѣ, то въ Сиріи, каждый разъ подавляемое, каждый разъ вызывающее жестокія репрессалии, въ свою очередь поддерживающія жажду мщенія. При Траянѣ, евреи сначала держали себя спокойно, но при первой, преувеличенной вѣсти о неудачахъ, постигшихъ его во время войны съ парянами, они поднялись съ оружіемъ въ рукахъ на весь Востокъ, и подавленіе ихъ потребовало со стороны Рима величайшихъ усилій. Адрианъ, въ началѣ своего царствованія систематически дѣйствовавшій наперекоръ своему предшественнику, отнесся къ евреямъ снисходительно, даже милостиво; есть основаніе думать, что онъ обѣщаль имъ возстановленіе іерусалимскаго храма. Тѣмъ сильнѣе было разочарованіе, когда надежды, возбужденныя Адрианомъ, не осуществились, и онъ оставилъ Востокъ, ничего не сдѣлавъ для Іерусалима. Отъѣздъ его въ Грецію, въ 132 г., былъ сигналомъ новаго, страшнаго возстанія, на этотъ разъ послѣдняго, — такъ дорого оно стоило евреямъ ¹⁾. По окончаніи борьбы, евреямъ было запрещено, подъ страхомъ смерти, не только жить въ Іерусалимѣ, но даже приближаться къ нему; запрещеніемъ обрѣзанія Адрианъ хотѣлъ уничтожить самую еврейскую національность, но эта крайняя мѣра была отмѣнена Антониномъ. Отчужденіе евреевъ отъ остальнаго человѣчества сдѣлалось теперь еще полнѣе, чѣмъ прежде; съ христіанствомъ они разорвали всякую связь, іудеохристіане потеряли всякое значеніе и низошли на степень небольшой секты. Уже вслѣдъ за паденіемъ Іерусалима въ средѣ еврейскихъ законниковъ и учителей появляется стремленіе, враждебное принятію прозелитовъ, т.-е. обращенію язычниковъ въ іудейство; послѣ рѣшительной катастрофы при Адрианѣ, это стрем-

¹⁾ Безпорядки между евреями были и при Антонинѣ, и при Септиміи Северѣ, но они не имѣли большого значенія и не могутъ быть поставлены на одинъ уровень съ возстаніями временъ Нерона, Траяна и Адриана.

леніе становится всеобщимъ, прозелитизмъ исчезаетъ почти совершенно. Способствовало этому, безъ сомнѣнія, и то, что, разрѣшивъ обрѣзаніе евреямъ, Антонинъ строго запретилъ имъ совершать его надъ лицами другой національности. Греческій языкъ перестаетъ быть предметомъ изученія для большинства евреевъ. Отрѣзанная такимъ образомъ отъ внѣшняго міра, заключенная въ тѣсныя рамки неизмѣняемаго закона, еврейская мысль принимаетъ все болѣе и болѣе консервативный, односторонній характеръ. Эліезеръ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ раввиновъ конца I-го вѣка, держался того начала, что мудрость вся заключается въ ученіи предковъ, что прибавить къ нему ничего нельзя, и на какое-нибудь новое мнѣніе отвѣчалъ обыкновенно: «этого я никогда не слышалъ». Всѣ усилія раввинскихъ школъ направляются къ тому, чтобы *оградить законъ заборомъ* и поддержать неприкосновенность этого забора. Разногласія между школами продолжаютъ однако по прежнему, чаще всего обращаясь въ личное соперничество между учителями. Наибольшую извѣстностью, послѣ паденія Іерусалима, пользовалась школа, основанная въ Ямніи раввиномъ Іохананомъ. Ученикъ его Гамалиилъ — внукъ великаго Гамалиила — изгоняетъ его изъ Ямніи, преслѣдуетъ преемника его Эліезера, враждуетъ съ раввиномъ Акибой, пока, наконецъ, самъ не теряетъ своего мѣста. «Грѣйся у очага учителей, — говоритъ Эліезеръ, — но не обожгись объ уголья ихъ, ибо укушеніе ихъ — укушеніе лисицы, ихъ жало — жало скорпіона, ихъ шипѣнье — шипѣнье дракона». Болѣе жизненными и свѣжими, чѣмъ схоластическія предписанія раввинской мудрости — кодификаціи которыхъ, позже образовавшей талмудъ, положилъ начало раввинъ Акиба — представляются тѣ произведенія еврейской литературы I-го и II-го вѣка, которыя внушены паденіемъ Іерусалима и всѣми послѣдовавшими за тѣмъ бѣдствіями. Въ «Пророчествѣ Моисея», «Апокалипсисѣ Баруха» и др., отчаяніе и скорбь еврейскаго народа выражаются съ силой, напоминающей иногда великихъ пророковъ временъ вавилонскаго плѣна. По предположенію Гаусрата, большая часть этихъ произведеній написаны въ Римѣ, іудейская община котораго продолжала, такимъ образомъ, вмѣщать въ себѣ самые противоположные элементы. Во времена Флавіевъ и Траяна, какъ и при Неронѣ, нигдѣ, вромѣ Рима, нельзя было найти евреевъ до такой степени чуждыхъ своему народу, равнодушныхъ къ его несчастью, близко связанныхъ съ его врагами — и рядомъ съ ними евреевъ, до такой степени вѣрныхъ преданіямъ, законамъ и надеждамъ іудаизма.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, говоря по поводу сочиненія

Эвальда (*Geschichte des Volkes Israel*) объ исторіи еврейскаго народа ¹⁾, Ренанъ высказалъ мысль, что народъ, миссія котораго заключается въ умственномъ или религіозномъ ваіаніи на другіе, приноситъ въ жертву этому блестящему, но опасному призванію свою національность, свое самостоятельное существованіе. «Могущественное дѣйствіе греческаго гениа на древній міръ началось только тогда, когда Греція не играла болѣе политической роли. Первою причиной упадка Италиі было стремленіе ея къ универсализму, къ умственному первенству въ Европѣ, котораго она надолго и достигла, но за которое она заплатила полнѣйшимъ безсиліемъ во внутреннихъ, домашнихъ дѣлахъ своихъ. Кто знаетъ, не распространятся ли повсюду французскія идеи, когда сама Франція не будетъ болѣе существовать? Национальности, крѣпко привязанныя къ своей почвѣ, не заботятся о распространеніи своихъ идей между другими народами, обладаютъ у себя дома большою силою сопротивленія, но не играютъ значительной роли въ общемъ мировомъ движеніи. Чтобы дѣйствовать на міръ, нужно умереть для самого себя; народъ, дѣлающійся миссіонеромъ религіозной мысли, не имѣетъ, кромѣ нея, другого отечества, такъ что въ этомъ смыслѣ слишкомъ большая религіозность убиваетъ народъ, препятствуетъ чисто национальной его организаціи.» Ту же самую мысль Ренанъ развиваетъ и въ послѣднемъ сочиненіи своемъ «*l'Antechrist*» (стр. 227—28, 540—545). «Нація, посвящающая себя религіознымъ и социальнымъ задачамъ, — говоритъ онъ, — погибаетъ для политической жизни. Въ тотъ день, когда Израиль сдѣлался «царскимъ священіемъ и языкомъ святымъ, избраннымъ отъ всѣхъ языковъ» (Исходъ XIX, 5 и 6), было рѣшено, что онъ не будетъ похожъ на другіе народы. Противоположныя призванія несовмѣстимы; за превосходство въ одномъ отношеніи всегда приходится платиться слабостью въ другомъ... Еврейскому народу не было дано образовать самостоятельную національность; онъ постоянно мечталъ о чемъ-то международномъ; идеалъ его — не государство, а синагога, свободная религіозная община... Нужно было быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что идеальныя учрежденія, къ которымъ стремился Израиль, исключали всякую мысль о национальной независимости. Учрежденія эти, неспособныя образовать армію, военную власть, могли существовать только подъ сѣнью обширнаго государства, оставляющаго своимъ вассаламъ, своимъ райямъ значительную долю сво-

¹⁾ Статья Ренана объ этомъ предметѣ напечатана въ его „*Études d'histoire religieuse*“.

боды, освобождающаго ихъ отъ политическихъ тревогъ, не требующаго отъ нихъ военной службы. Этимъ условіямъ соотвѣтствовала Персія (при Ахеменидахъ), господство которой было такъ легко для евреевъ, — соотвѣтствовали позже калифатъ и оттоманская имперія... Народамъ предстоитъ выборъ между долгимъ, спокойнымъ, безбѣстнымъ существованіемъ того, кто живетъ только для самого себя, и бурнымъ, смутнымъ поприщемъ того, кто живетъ для человѣчества. Нація, волнуемая социальными и религіозными проблемами, какъ нація почти всегда бываетъ слаба. Страна, мечтающая о царствѣ Божіемъ на землѣ, живущая для общихъ идей, работающая надъ дѣломъ всемірной важности, приноситъ этимъ самымъ въ жертву свою собственную будущность, теряетъ свое государственное, политическое значеніе. Такова была судьба Іудей, Греціи, Итали; такова, быть можетъ, будетъ судьба Франціи. Носить въ себѣ огонь нельзя безнаказанно. Іерусалимъ, предоставленный своимъ гражданамъ, людямъ средняго уровня, долго, можетъ быть, влачилъ бы свое безцвѣтное существованіе; но на долю его выпала несравненная честь стать колыбелью христіанства—и это отдало его на жертву Іоаннамъ изъ Гизалы, сыновьямъ Гіоры, повидимому, бичамъ отечества, на самомъ дѣлѣ — орудіямъ его апофеозы. Эти zeloty, которыхъ Іосифъ называетъ убійцами и разбойниками, были политиками низшаго разряда, малоспособными воинами; но они геройски погубили отечество, которое спасено быть не могло. Они погубили матеріальный городъ, но положили начало царству духовнаго Іерусалима, гораздо болѣе славнаго въ своемъ заупустѣніи, чѣмъ во дни Ирода и Соломона. Въ самомъ дѣлѣ, чего хотѣли консерваторы-садукеи? Они хотѣли чего-то мелочнаго, узкаго — поддержанія небольшой теократіи, небольшого государства, управляемаго священниками. Конечно, они не ошибались, говоря, что взрывы энтузіазма — гибель для націи; революція и мессіаниззмъ дѣйствительно погубили еврейскую національность — но революція и мессіаниззмъ тѣмъ не менѣе были настоящимъ призваніемъ еврейскаго народа, долей участія его въ общемъ дѣлѣ цивилизаціи. Мы также не ошибаемся, когда говоримъ Франціи: «откажись отъ революціи, или ты погибла»; но если будущее принадлежитъ одной изъ тѣхъ идей, которыя незамѣтно вырабатываются въ средѣ народа, Франція возвысится именно благодаря тому, что было въ 1870 и 1871 г. источникомъ ея слабости и ея несчастья. Наши сыновья Гіоры, наши Іоаннки изъ Гизалы никогда не сдѣлаются великими гражданами; но будущее, отдавая имъ справедливость, признаетъ, можетъ быть,

что въ тайны судебъ они были посвящены болѣе, чѣмъ благоразумные люди ихъ эпохи».

Таковы, въ главныххъ чертахъ, соображенія Ренана по поводу катастрофы, постигшей еврейскій народъ въ I-мъ в. по Р. Х. Нельзя отказать имъ въ эффектности, въ поэтической силѣ; но можно ли признать за ними прочное историческое основаніе? Прежде всего въ нихъ поражаетъ слѣдующая явная неточность. Отличительною чертою еврейскаго народа всегда была національная замкнутость, исключительность; прозелитизмъ, какъ мы видѣли, былъ дѣломъ діаспоры, а не палестинскихъ евреевъ, и достигалъ значительной силы только въ точкахъ соприкосновенія іудаизма съ греко-римскою цивилизаціей. Величія и счастья на землѣ, спасенія въ загробной жизни евреи ожидали только для самихъ себя, съ присоединеніемъ развѣ тѣхъ, которые подчинятся всѣмъ ихъ обрядамъ и откажутся отъ всякой связи съ прежней своей національностью. Идеаломъ евреевъ было не общеніе, не слияніе, а обособленіе, несовмѣстимое съ «мечтою о чемъ-то международномъ». Если понятіе объ отечествѣ было для евреевъ нераздѣльно съ понятіемъ о святинѣ, если они любили Іерусалимъ не только какъ свою родину, но и какъ вмѣстилище храма, какъ видимое мѣстопребываніе Божества, то это могло только усилить ихъ національное чувство, ихъ равнодушіе или вражду ко всему чуждому, неосвященному, непричастному союзу Израиля съ Іеговой. Итакъ, работая надъ религиозными задачами, еврейскій народъ не сходилъ съ національной, даже съ узко-национальной почвы, не имѣлъ въ виду всемірныхъ интересовъ человѣчества, *не умиралъ для самого себя*. Правда, человѣчество извлекло громадную пользу изъ нѣкоторыхъ результатовъ его работы (осложненныхъ, впрочемъ, множествомъ другихъ условій); но вѣдь именно отъ этихъ результатовъ еврейскій народъ, *какъ народъ*, какъ цѣлое, рѣшительно отсекся; онъ не призналъ ихъ за свое достоинство—и дѣйствительно, они шли въ разрѣзъ съ вѣковыми *национальными* стремленіями евреевъ. Другіе примѣры, приведенные Ренаномъ въ подтвержденіе его главной мысли, также не могутъ быть признаны убѣдительными. Греки, и въ цвѣтущую пору своей жизни, и въ эпоху упадка, относились къ другимъ народамъ съ высочайшимъ презрѣніемъ, называли ихъ варварами и не только не заботились о томъ, чтобы раздѣлить съ ними результаты своей умственной работы, но считали эти результаты для нихъ недоступными, къ нимъ непримѣнимыми. По справедливому замѣчанію самого Ренана, могущественное дѣйствіе греческаго генія на древній міръ началось только тогда, когда

Греція не играла болѣе политической роли; но если политическій упадокъ Греціи предшествовалъ умственному вліянію ея на другіе народы, то разгадку перваго, очевидно, слѣдуетъ искать не въ послѣднемъ. Итальянцы XIV — XVI в. смотрѣли на своихъ сосѣдей почти такими же глазами, какъ греки на варваровъ, и были равнодушны къ ихъ внутренней жизни; съ другой стороны, раздробленность Италіи — эта главная причина ея политическаго безсилія — началась гораздо раньше эпохи возрожденія, т.-е. эпохи умственнаго преобладанія Италіи надъ Европой. Что касается до Франціи, то мысль о непрестанномъ печалованіи ея по всемъ челоѣчествѣ, о трудахъ и страданіяхъ, добровольно принимаемыхъ ею на себя для общей пользы, представляетъ много лестнаго для національнаго самолюбія, и поэтому была высказываема много разъ французскими ораторами и публицистами; но въ научномъ сочиненіи встрѣтить ее нѣсколько странно. Французскій народъ, какъ и всякій другой, боролся и борется за свои интересы, за свои нужды, не отступая передъ нарушеніемъ чужихъ интересовъ, если они кажутся ему противоположными его собственнымъ; достаточно вспомнить о притязаніяхъ Франціи на лѣвый берегъ Рейна, осуществленныхъ съ оружіемъ въ рукахъ въ самый разгаръ революціи и повторенныхъ не дальше какъ въ послѣднемъ письмѣ В. Гюго на имя конгресса мира. Но, можетъ быть, Ренанъ хотѣлъ указать только на то, что народъ, углубляющійся съ особенною энергіей въ разработку религіозныхъ и социальныхъ задачъ, хотя бы и безъ намѣренія пріобрѣсти умственное господство надъ другими, хотя бы и безъ самоотверженной преданности общимъ, міровымъ интересамъ, обрекаетъ себя этимъ самымъ на преждевременную смерть или на политическое безсиліе? Въ этомъ видѣ мысль Ренана является менѣе парадоксальной, но согласиться съ нею все-таки нельзя. Еслибы существовалъ такой народъ, который посвящалъ бы всѣ свои силы умственной дѣятельности и забывалъ бы изъ-за нея о всемъ остальномъ, то, безъ сомнѣнія, ему трудно, почти невозможно было бы сохранить свою самостоятельность посреди воинственныхъ, предприимчивыхъ, честолюбивыхъ сосѣдей; но такого примѣра исторія намъ не представляетъ. Мы знаемъ, какую роль играла политическая жизнь въ Греціи, въ Италіи, какую роль она играетъ во Франціи. Въ исторіи еврейскаго народа она стоитъ, правда, на второмъ планѣ; тѣмъ не менѣе, въ религіозныхъ стремленіяхъ евреевъ политическому элементу всегда принадлежало видное мѣсто. Умственная работа каждаго народа совершается, помимо его воли, на общую пользу; ея результаты становятся, мало-по-малу,

достояніемъ всего человѣчества или по крайней мѣрѣ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Всѣ передовыя націи подходятъ, такимъ образомъ, подъ опредѣленіе Ренана; всѣ онѣ живутъ не только для самихъ себя, но и для великаго цѣлаго, въ составъ котораго онѣ входятъ; одна даетъ ему больше, другая—меньше, но это разница только въ степени, а не въ родѣ. Изъ черты, общей всѣмъ, нельзя выводить специальное предсказаніе для одного; нельзя видѣть залогъ упадка націи въ той сторонѣ ея жизни, которая существуетъ и у всѣхъ другихъ, стоящихъ на той же ступени развитія. Уже въ древнемъ мірѣ умственная дѣятельность не была принадлежностью однихъ грековъ; не говоря о египтянахъ и финикіянахъ, вліяніе которыхъ на Грецію не подлежитъ никакому сомнѣнію, римляне много сдѣлали для общаго развитія человѣчества—однако Ренану не приходитъ въ голову объяснять этимъ паденіе римской имперіи. Въ новой исторіи взаимодѣйствіе народовъ становится еще болѣе замѣтнымъ; преобладающая роль въ умственной сферѣ принадлежитъ то итальянцамъ, то англичанамъ, то французамъ, то нѣмцамъ,—или, лучше сказать, каждый передовой народъ постоянно вноситъ въ общую массу новыя пріобрѣтенія, измѣрить и сравнить внутреннюю цѣнность которыхъ—задача далеко не легкая. Если новизна, идущая изъ Франціи, ассимилируется съ особенною легкостью и быстротою, то это еще не даетъ французамъ права разсматривать себя какъ жертву, погибающую на алтарѣ человѣчества, спасающую его своею кровью. Если долговѣчность народа обратно пропорціональна интенсивности и экспансивности его умственной жизни, то почему же моментъ упадка насталъ для Испаніи гораздо раньше, чѣмъ для Франціи, почему же военное и политическое могущество націи такъ часто идетъ рука объ руку съ умственнымъ ея развитіемъ? Объяснять пораженія Франціи въ 1870 и 1871 г. избыткомъ умственной работы, совершающейся въ ея нѣдрахъ, можетъ только ослѣпленный патріотизмъ, ищущій утѣшеній во что бы то ни стало. Никто не станетъ отвергать, что въ концѣ прошедшаго вѣка Франція жила несравненно болѣе глубокою и широкою умственною жизнью, чѣмъ при Наполеонѣ III—однако это не помѣшало ея побѣдамъ надъ цѣлымъ рядомъ коалицій.

Строго-католическое воспитаніе оставило въ Ренанѣ отбѣнокъ мистицизма, котораго не могла изгладить вся послѣдующая его дѣятельность. «Передъ событіями 66—70 г.,—говоритъ онъ (стр. 226),—исторіею, колеблясь между удивленіемъ и ужасомъ, останавливается съ уваженіемъ, какъ передъ вѣчнымъ тѣмъ, что

тайственно». Подъ вліяніемъ этой мысли, или, лучше сказать, этого чувства, Ренанъ слишкомъ идеализируетъ zelотовъ, представляя ихъ создателями духовнаго Иерусалима, виновниками его апофеозы, его бессмертной славы. Онъ забываетъ, что основаніе этой славы—вовсе не защита города противъ римлянъ, хотя ей и нельзя отказать въ героизмъ, а тѣ воспоминанія и представленія, которыя сопряжены съ именемъ Иерусалима для послѣдователей религіи, исповѣдуемой всѣми цивилизованными народами. Остался ли бы Иерусалимъ въ рукахъ еврейской теократіи, подчинился ли бы онъ безъ сопротивленія власти Рима, палъ ли бы онъ подъ ударами какой-нибудь естественной катастрофы — Голгоѳа, Сіонъ, Элеонская гора во всякомъ случаѣ сохранили бы свое значеніе для милліоновъ вѣрующихъ, для длиннаго ряда поколѣній. То, что Ренанъ называетъ духовнымъ Иерусалимомъ, было воздвигнуто за тридцать слишкомъ лѣтъ до Іоанновъ изъ Гиппалы и сыновей Гиоры. Совершенно неправильно ставить на одинъ уровень, какъ это дѣлаетъ Ренанъ, еврейскую революцію и мессіаниззмъ; міровое значеніе принадлежитъ одному послѣднему, первая играетъ крупную роль только въ исторіи еврейскаго народа ¹⁾. Ошибочный взглядъ на событія 66—70 г. приводитъ Ренана къ еще болѣе ошибочному заключенію относительно современнаго положенія Франціи. Исходя изъ той мысли, что стремленіе, безумное съ точки зрѣнія здраваго разсудка, можетъ заключать въ себѣ всѣ данныя для торжества истины, что тайна будущаго непроницаема и не допускаетъ вѣрнаго сужденія о настоящемъ, Ренанъ, несмотря на свой консерватизмъ, не рѣшается утверждать, что Франціи слѣдуетъ отказаться отъ революціи. Одной изъ идей, смутно бродящихъ въ средѣ французскаго народа, принадлежитъ, быть можетъ, будущее; осуществить эту идею можетъ только революція; отказаться отъ революціи, значило бы, слѣдовательно, отказаться отъ славной инициативы въ созданіи новаго, лучшаго будущаго—вотъ цѣль разсужденій, заставившихъ Ренана впасть въ противорѣчіе съ его обычными взглядами. Между тѣмъ, второе звено этой цѣпи заключаетъ въ себѣ явную ошибку. Развѣ революція — единственное, необходимое средство для осуществленія новой идеи? Развѣ отреченіе отъ революціи равносильно отреченію отъ умственной жизни, отъ

¹⁾ По мнѣнію Ренана, паденіе Иерусалима, разрушеніе храма способствовало распространенію христіанства и быстрому, полному отдѣленію его отъ іудейства. Не входя въ подробный разборъ этого мнѣнія, замѣтимъ только, что *рѣшительное* событіе въ исторіи распространенія христіанства—проповѣдь апостола Павла—завершилось еще раньше, чѣмъ началось возстаніе 66-го года.

движенія впередъ, отъ замѣны стараго новымъ? Развѣ идея, отъ которой зависитъ будущее, можетъ заглухнуть, исчезнуть только потому, что не будетъ употреблено насиліе для доставленія ей немедленной и полной побѣды? Да и что значить отреченіе отъ революціи, которое теперь проповѣдуется во Франціи даже значительнымъ отдѣломъ радикальной партіи? Это только отреченіе отъ насильственнаго переворота, какъ отъ *article de foi*, какъ отъ единственной панацеи, какъ отъ послѣдняго слова политической мудрости — отреченіе, не имѣющее ничего общаго съ пассивною покорностью судьбѣ или съ систематическимъ безучастіемъ къ общественнымъ интересамъ. Если во Франціи есть свои Іоанны изъ Гишалы, свои сыновья Гіоры, которые *никогда не сдѣлаются великими гражданами*, то благоразумно ли возбуждать или поддерживать въ нихъ мысль, что они — таинственныя орудія Провидѣнія, болѣе посвященныя въ тайны будущаго, чѣмъ *разсудительные* ихъ современники? Благоразумно ли ставить какія-то неопредѣленныя предчувствія и смутныя догадки выше указаній разума, основанныхъ на положительномъ знаніи? Стремясь стать наукой въ полномъ смыслѣ этого слова, исторія, въ наше время, задаетъ себѣ задачей установить точныя законы развитія, которые позволили бы намъ и въ этой области — *savoir pour prévoir*. При такомъ направленіи исторической науки, въ ней не должно быть мѣста для мистическихъ предположеній въ родѣ тѣхъ, которыя иногда увлекаютъ Ренана.

К. АРСЕНЬЕВЪ.

ДРЕВНІЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ОБРАЗОВАННОСТИ.

Сравнительно-историческіе очерки.

II. Византійцы *).

Вопросъ о византійцахъ старый, но все еще не рѣшенный или рѣшаемый весьма различно.

Одни, указывая связь религіозную—введеніе христіанства изъ Византіи, введеніе церковныхъ учреждений, церковнаго книжнаго ученія, мало разсуждаютъ о томъ, чѣмъ вообще отозвалась эта связь на характеръ старой русской образованности и исторіи. Другіе смотрятъ шире и придаютъ отношеніямъ къ Византіи величайшее и счастливое значеніе для всей исторической жизни русскаго народа, —потому что въ ней самой видятъ выраженіе великаго принципа особенной цивилизаціи, принципа, который послѣ паденія Византіи остался русскому народу драгоцѣннымъ историческимъ завѣтомъ. Третьи признаютъ за Византіей историческую заслугу, оказанную введеніемъ христіанства и сообщеніемъ писанія на народномъ языкѣ, но принципъ ея цивилизаціи понимаютъ только въ извѣстныхъ историческихъ границахъ, а нѣкоторыя бытовыя понятія и формы, отъ нея унаслѣдованныя, считаютъ далеко не благотворными для національнаго развитія.

---

*) См. выше: ноябрь, стр. 99.

Это послѣднее мнѣніе ¹⁾, едва ли не всего больше распространенное и, быть можетъ, наиболѣе вѣрное исторически, у нѣкоторыхъ писателей было высказано съ рѣзкостью, которая, хотя и не могла считаться доказанной фактическимъ изслѣдованіемъ, но вызывалась превознесеніемъ византіиства со стороны писателей славянофильскихъ. Такъ это было, напримѣръ, у «западнаго» кружка въ сороковыхъ годахъ. И до сихъ поръ, съ вопросомъ о значеніи Византіи для русскаго историческаго развитія мы вступаемъ на спорную почву, и дѣйствительно, съ тѣмъ или другимъ пониманіемъ этого вопроса связаны существенные пункты въ объясненіи нашего прошедшаго: на основаніи его, одни хотятъ нашему настоящему развитію сообщить особое направленіе, въ смыслѣ византіискихъ воспоминаній; другіе, напротивъ, — освободиться отъ нихъ.

Матеріалъ для объясненія историческихъ отношеній Византіи къ русской исторіи далеко нельзя назвать ни вполнѣ собраннымъ, ни достаточно разъясненнымъ ²⁾. Въ исторіи и древней литературѣ все еще идутъ поиски и находки; археологія памятниковъ быта и искусства едва только устанавливается. Съ другой стороны, въ самой греческой литературѣ среднихъ вѣковъ до сихъ поръ идетъ собраніе и разработка источниковъ. Нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ, занятыхъ такою же разработкою нашихъ литературныхъ памятниковъ въ связи съ византіискими, думаютъ даже, что въ настоящее время и въ настоящемъ положеніи источниковъ весь вопросъ о «вліяніи Византіи» останется «безплодною фразою» для историка, — пока не будутъ обслѣдованы частныя подробности, въ чемъ и какъ выражалось это вліяніе ³⁾.

Но обслѣдованіе частныхъ, какъ извѣстно, не имѣетъ предѣловъ, когда рѣчь идетъ о столь обширномъ историческомъ явленіи, какъ отношенія Византіи къ русской исторіи, явленіи, которое распространяется на цѣлое тысячелѣтіе по времени, и на весьма разнообразныя области историческаго быта. Есть, конечно, предѣлы нашимъ письменнымъ памятникамъ (и основной характеръ ихъ уже довольно извѣстенъ); ихъ собраніе можетъ быть

¹⁾ Ср., между прочимъ, о немъ въ статьѣ Н. И. Костомарова, „Вѣстн. Евр.“ 1870, дек., стр. 526—529.

²⁾ Этому предмету посвящено цѣлое обширное изслѣдованіе г. Илюинкова. Въ немъ собрано много фактическаго матеріала для исторіи стараго быта подъ византіискими вліяніями, но вопросъ вообще недостаточно выдѣленъ или поставленъ иногда слишкомъ вѣишимъ образомъ.

³⁾ А. Попова, „Ист.-литер. обзоръ древне-русскихъ полемиическихъ сочиненій противъ латинянъ“. М. 1875, стр. IV.

завершено; рѣшеніе одной доли вопроса можетъ достигнуть гораздо ббльшей точности, чѣмъ теперь, — но и это не положить предѣла изученію: потребуется вновь всестороннее изученіе самой Византіи, ея роли въ средневѣковомъ мірѣ и христіанствѣ, — и опять новыя долгія изысканія, историческія комбинаціи, которыя будутъ мѣняться и совершенствоваться съ успѣхами цѣлой исторической науки, и т. д. Словомъ, и этотъ вопросъ, какъ и всякій обширный историческій вопросъ, связанъ съ цѣлымъ развитіемъ науки, которому невозможно назначить границы.

Тѣмъ не менѣе, и при нынѣшнемъ положеніи изслѣдованій является потребность опредѣлить основныя стороны вопроса — потребность совершенно законная, во-первыхъ, въ смыслѣ общественнаго образованія, которое нуждается въ обобщеніяхъ, необходимыхъ для цѣлаго пониманія нашей исторіи; во-вторыхъ, и въ чисто научномъ смыслѣ, потому что предварительныя рѣшенія подводятъ итогъ собраннаго матеріала, и вмѣстѣ съ этимъ указываютъ новыя возникающіе вопросы, требующіе отвѣта, и, слѣдовательно, направляютъ послѣдующій трудъ изыскателей... Что эта потребность постоянно существуетъ, можно видѣть изъ того, что вопросъ дѣйствительно возвращается отъ времени до времени въ литературѣ съ новымъ освѣщеніемъ, аргументами и выводами.

Мы не думаемъ предлагать здѣсь новыхъ рѣшеній. Тотъ старшій взглядъ, — который въ общихъ чертахъ высказывался въ сороковыхъ годахъ и кажется намъ наиболѣе близкимъ къ исторической истинѣ, — хотя далеко не былъ обставленъ должными фактическими подробностями, не опровергнутъ въ своей сущности ни новыми памятниками, ни новыми историческими соображеніями. Мы сдѣлаемъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаній по поводу новаго трактата объ этомъ предметѣ, явившагося въ последнее время и написаннаго въ славянофильскомъ смыслѣ ¹⁾. Точка зрѣнія новаго трактата — прежняя славянофильская точка зрѣнія Кирѣевскихъ и Хомякова, но развитая и старательно обставленная историческими фактами, долженствующими доказать, что греко-славянскій міръ есть особое явленіе, идущее съ первыхъ вѣбовъ христіанства, заключающее въ себѣ его истинныя

¹⁾ Это — статья г. Ламанскаго въ „Славянскомъ Сборникѣ“ (Спб. 1875, стр. 413—584), написанная живо, съ убѣжденіемъ, съ большою массою историческаго знанія. Она требуетъ вниманія, какъ выраженіе извѣстной школы, являющееся съ новыми доказательствами. Статья еще не кончена, но основныя положенія уже ясны и достаточно указываютъ ходъ разсужденія.

начала, — явление, противоположное германо-романскому міру, извратившему эти начала, — совмѣстившее въ себѣ лучшія преданія древности, т.-е. истинное (восточное) христіанство и политическую идею римской имперіи (сохранявшуюся послѣ паденія Рима именно въ Византіи), — наконецъ, явление, которое послѣ паденія Византіи продолжается въ Россійской имперіи. Мы встрѣчаемъ въ этомъ трактатѣ самое крайнее выраженіе взгляда, котораго не раздѣляемъ, и потому не могли миновать его въ своемъ изложеніи.

Чтобы указать значеніе Византіи для славянскаго міра, съ первыхъ начатковъ его цивилизаціи, авторъ восходитъ ко временамъ римской имперіи. Идея имперіи есть высокое созданіе греко-римской цивилизаціи, завѣщанное ею новому времени, могущественная форма человѣческаго общежитія, доступная усовершенствованію и дающая условія для обширнаго развитія цивилизаціи. Всякая широкая образованность и литература возможны только въ сильномъ государствѣ: условіе ихъ успѣха — независимая государственность и выработанный литературный языкъ. Если замѣчательная литература развивалась и у народовъ, не имѣвшихъ государственной независимости, какъ у грековъ подъ римскимъ владычествомъ, то всегда было такъ, что начало литературы восходило еще ко временамъ самобытности. Государство стѣбитъ дорого, и народамъ, не имѣющимъ сказать ничего новаго человечеству, не приходится и хлопотать объ этомъ дорогомъ сооруженіи. Напротивъ, постоянное стремленіе къ образованію подобной силы свидѣтельствуеетъ о вѣрѣ народа въ свое историческое призваніе. «Въ этой вѣрѣ и въ этомъ сознаніи народа, а не въ привязанности его къ тѣмъ или другимъ историческимъ лицамъ или семействамъ надо искать объясненія продолжительности и упорства замѣчаемой борьбы». Государственное величіе, создаваемое великими вождями съ помощью восторженной арміи и увлеченнаго народа, не бываетъ долговѣчно и рухнетъ. Если самая форма, которую народы хотятъ дать своему государственному развитію, бываетъ заимствована, это нисколько не говоритъ противъ способности ихъ къ созданію сильнаго государственнаго единства. У новыхъ европейскихъ народовъ вся ихъ цивилизація истекаетъ изъ началъ греко-римскихъ, утвержденныхъ имперіей; самыя религіозныя преданія евреевъ усвоены ими въ формахъ греко-римскихъ.

Прямое римское вліяніе въ западной Европѣ, собственно говоря, никогда не прекращалось. Съ утвержденіемъ христіанства начинается непосредственно вліяніе христіанскаго Рима черезъ

латинскій богослужебный языкъ. Варварскіе вожди не только не уничтожали, но напротивъ сохраняли римскія учрежденія, и вообще имперія внушала имъ высокое уваженіе. Авторъ указываетъ, что эти вожди даже съ радостью принимаютъ отъ римскаго императора (царившаго тогда въ Византіи) различные титулы; такъ, Хлодвигъ получаетъ званіе консула; его потомокъ даже завоеванную имъ «Провинцію» получаетъ въ даръ отъ императора Юстиніана. Императоръ въ Константинополѣ все еще былъ въ понятіяхъ варваровъ преемникомъ Августа и Траяна. Самъ авторъ, какъ увидимъ, утверждаетъ, что, послѣ паденія Рима, настоящая законная римская имперія находилась именно въ Византіи. Столь же высокое понятіе объ имперіи, какъ у западныхъ народовъ, авторъ предполагаетъ и въ славянскихъ племенахъ. Этимъ уваженіемъ варваровъ къ имперіи объясняется то господствующее значеніе, какое имѣла «имперія» въ умахъ западныхъ и славянскихъ народовъ, и центральное вліяніе Рима и Византіи на судьбы, европейской цивилизаціи.

Что же дѣлалось въ самой имперіи? Она состояла еще въ античномъ періодѣ изъ двухъ основныхъ элементовъ — римскаго и греческаго; имперія связала ихъ другъ съ другомъ и, казалось, должна была объединить ихъ окончательно, особенно когда было утверждено христіанство, какъ господствующая религія, когда столица и самыя учрежденія и формы имперіи перенесены были на греческій востокъ, а съ другой стороны, римскій епископъ остался первымъ епископомъ церкви. Греки оставили свое старое имя и стали называть себя римлянами (ромеями), и считать свою имперію римскою. Но объединеніе не совершилось. Старое раздвоеніе римскаго и эллинскаго характера возникло вновь; имперія эллинизировалась на востокѣ: въ то же время совершались нашествія германскія и основаніе новыхъ государствъ на западѣ, и нашествія славянскія на востокъ имперіи. Съ VI до IX вѣка совершается постоянное ослабленіе имперіи, которымъ облегчилось событіе, имѣвшее сильныя, роковыя вліянія на судьбы и запада и востока (основаніе западной имперіи Карла Великаго).

Это ослабленіе имперіи авторъ объясняетъ вовсе не нашествиями варваровъ, какъ обыкновенно это говорятъ. Онъ утверждаетъ, напротивъ, что на варваровъ имперія производила сильное впечатлѣніе своимъ единствомъ и могуществомъ, что, за немногими исключеніями, варвары не думали объ ея разрушеніи. Главную причину ослабленія онъ видитъ въ эллинизациі имперіи. Не только латинскій языкъ смѣнился греческимъ языкомъ

туземнаго большинства, но самыя учрежденія видовижились въ новой обстановкѣ. Греки, подъ римскимъ господствомъ, давно отвыкшіе отъ государственности, не переняли у римлянъ ихъ удивительнаго умѣнья обращаться съ варварами, привязывать ихъ къ себѣ безпристрастіемъ, дарованіемъ широкихъ правъ, внушать имъ гордость римскимъ именемъ и, наконецъ, романизировать ихъ. По положенію своей народности на востокѣ, по воспоминаніямъ древней славы, по заслугамъ въ новомъ христіанскомъ образованіи, греки изъ всѣхъ народностей востока безъ сомнѣнія имѣли полное право на господствующее положеніе въ имперіи; этого положенія не могли никакъ занять другія племена, составлявшія сильный элементъ въ восточной имперіи, какъ армяне или славяне; — но грекамъ не достало государственнаго смысла, которымъ были такъ богаты римляне. Другое обстоятельство еще отвлекало ихъ отъ практическаго государственнаго дѣла, это — увлеченіе теоретическими вопросами, внесеніе въ область религіи діалектическихъ тонкостей, которыми они увлекались до того, что забывали о другихъ интересахъ ¹⁾.

Послѣдствіемъ этой эллинизациі было то, что отношеніе романскихъ и германскихъ народовъ къ римскимъ императорамъ Константинополя совершенно измѣнилось. Какъ ни чувствовала коренная Италия необходимость имперіи для защиты отъ готовъ и лангобардовъ, но не могла не отвращаться отъ константинопольскаго правительства, которое присылало управлять ею окре-

¹⁾ Авторъ такъ говоритъ объ этомъ. „Самое богатство діалектической и эстетической стороны организаціи эллиновъ побуждало ихъ всецѣло отдаваться вопросамъ теоретическимъ и отвлеченнымъ до забвенія прочихъ интересовъ. Торговая дѣятельность также занимала и увлекала эллина, ибо давала полный просторъ его волюнтаривой, самобитной личности, нестойчивой на всякаго рода выдумки, соображенія и затѣи; но скромное, терпѣливое служеніе государству, требуя точнаго исполненія часто самой невидной работы, строгаго подчиненія и покорности долгу, закону, властямъ, было невинно для грека... Съ сильнымъ по природѣ и съ оврѣшшимъ въ преніяхъ діалектическимъ умомъ, греки, раздѣленные на множество партій, безпомядно преслѣдовали въ ученіи и мнѣніяхъ своихъ противниковъ казавшуща имъ ложь и неискренность какъ въ первоначальныхъ ихъ посылкахъ, такъ и въ послѣднихъ ихъ заключеніяхъ, точно также какъ изъ-за личныхъ интересовъ и изъ-за любви къ борьбѣ не задумывались никогда подсеживать и топить другъ друга, гдѣ было можно. Требуя строгой логической послѣдовательности и всецѣлаго обладанія истиною, греки, при неустанной борьбѣ своихъ безчисленныхъ партій, не шли ни на какія вышнія сдѣлки и примирительные компромиссы. Со страстію отдавшись наукообразному развитію и теоретическому формулированію новаго, принятаго ими ученія христіанскаго, цѣлою выставленною ими пледою высоко-даровитныхъ ересіарховъ и учителей и отцовъ церкви, греки вновь раскрыли все богатство своей умозрительной пріади“ и пр. (стр. 480).

ченыхъ азіатовъ и варваровъ. Рядъ политическихъ ошибокъ, сдѣланныхъ Византіей особенно при Юстиніанѣ II и иконоборцахъ, еще усилить это недружелюбное расположеніе, такъ что, наконецъ, въ Италіи возникла мысль объ отложеніи отъ Византіи. Эта мысль постоянно развивалась и привела къ формальному отложенію отъ Византіи, когда папа Левъ III вѣнчалъ короля франковъ, Карла Великаго, римскимъ императоромъ (800). Мы приводимъ въ примѣчаніи ¹⁾ объясненіе, какое даетъ авторъ этому событію. Это была революція, измѣна, нарушеніе права византійской имперіи. Событіе совершилось съ помощью лжи, и папство соединилось съ западной имперіей въ несправедливый союзъ, жертвой котораго стала Византія: папство и западная имперія тѣсно были связаны другъ съ другомъ, были ли они въ союзѣ или въ борьбѣ,—но раздоръ, нерѣдко ихъ раздѣлявшій, прекращался, когда нужно было соединиться противъ Византіи.

Къ политической лжи и узурпаціи присоединилась ложь религіозная—догматическій раздоръ съ Византіей и окончательное отдѣленіе отъ восточной церкви. Римъ вводилъ новые догматы, новые церковные обычаи, нетерпимость къ національному христіанству (недопущеніе перевода св. писанія на народные языки,

¹⁾ „Это было явное и полное отложеніе римскаго запада отъ греческаго востока, —говоритъ авторъ.—Этимъ актомъ вѣнчанія короля франковъ и торжественнымъ провозглашеніемъ его римскимъ императоромъ, и римскій епископъ и римляне до сей минуты *подданные* римскихъ императоровъ въ Константинополѣ, открыто вступили на путь мятежа, революціи и громко заявили міру, что римская имперія въ Константинополѣ перестала закономъ существовать... Принятіемъ императорскаго вѣнца отъ папы Льва III Карлъ V. признавалъ тѣмъ самымъ за епископомъ Рима совершенно новое, самовольно присвоенное себѣ послѣднимъ право развѣнчивать одного императора и короновать другого, а за римлянами и вообще итальянцами — право избранія и провозглашенія императоровъ... Безъ высокомѣрныхъ притязаній римскаго епископа, безъ узурпаціи со стороны папы не могла состояться на Западѣ и узурпація имперіи. По понятіямъ Запада, съ имперією Карла V. и потомъ Оттона I возобновлена была единая и цѣлая имперія римская, а не возобновлялось только старинное дѣяніе римской имперіи на западную и восточную. Только въ этомъ послѣднемъ смыслѣ могли бы еще греки признавать имперію на Западѣ, и только при такомъ добровольномъ признаніи грековъ, основаніе имперіи на западѣ не нуждалось бы въ узурпаціи римскаго епископа. Фикція о перенесеніи римской имперіи отъ грековъ къ франкамъ и потомъ къ нѣмцамъ нуждалась въ фикціи подлинности дарственной грамоты Константина V. и лже-Исидоровыхъ декреталій... Правда, уже въ средніе вѣка, особенно въ разгаръ борьбы съ императорами, развилась на Западѣ цѣлая теорія. Она выводила происхожденіе императорской власти Карла V. и Оттона I и ихъ преемниковъ непосредственно изъ права силы и завоеванія, достойно приобретеннаго мужествомъ и доблестью франковъ и нѣмцевъ, которымъ безпрекословно подчинились и римскіе епископы и граждане Рима“, и проч. (стр. 438—441, и далѣе).

и происходившая отсюда вражда къ славянскому христіанству), притязаніе на главенство въ церкви и т. д.

Таковъ былъ моментъ, когда славяне, занявъ мѣсто въ областяхъ имперіи, принимали христіанство, и вступали въ отношенія съ двумя имперіями, съ двумя лагерями культурнаго государственнаго міра. Со стороны Рима ожидали ихъ властолюбивыя притязанія и нетерпимость римскаго папства и германскаго императорства; въ Византіи они нашли для себя національную церковь, чистое христіанство, св. писаніе и богослуженіе на народномъ языкѣ. Славянству предстояли двѣ дороги: на одной они должны были встрѣтить ложь, коварство и вражду; на другой—основы истинной христіанской цивилизаціи. Мы не будемъ слѣдить за всѣми подробностями изложенія: довольно сказать, что въ исторіи разрыва между востокомъ и западомъ авторъ не жалѣлъ темныхъ красокъ для послѣдняго.

Автору важно было дать идеѣ «имперіи» указанный характеръ и значеніе, потому что въ ней, по его мнѣнію, заключается существенная политическая идея, завѣщанная античнымъ міромъ новому времени, идея, въ кругу которой только можетъ совершаться истинное національно-христіанское развитіе. Если мы не очень ошибаемся, дальнѣйшая мысль его должна состоять въ томъ, что какъ Византія была законной преемницей и продолжательницей идеи римской имперіи, такъ послѣ ея паденія это преемство перешло къ Россіи. Разсказавъ объ «узурпаціи», авторъ въ слѣдующихъ чертахъ изображаетъ значеніе христіанской имперіи, какую представляла въ средніе вѣка Византія.

«Въ средніе вѣка, въ самыхъ отдаленныхъ отъ центра имперіи земляхъ, иногда вовсе даже не покорявшихся ей мечу, какъ, напр., въ велико-моравской державѣ Ростислава, въ вѣчевой и удѣльной Руси, сверхъ того, въ Сиріи, въ Грузіи, у разныхъ малыхъ народовъ Кавказа всюду славилась и чествовалась власть восточнаго римскаго императора, власть царя православнаго, верховнаго вождя всего восточнаго христіанскаго міра. Уваженіе къ ней всѣхъ этихъ миллионовъ людей разныхъ племенъ и разныхъ государственныхъ союзовъ, но одной вѣры и церкви, не утверждалось ни на какой внѣшней, матеріальной силѣ... Опора и основа этого авторитета была чисто идеальная, внутреннее убѣжденіе народовъ восточно-христіанскихъ, безъ различія племенъ, въ необходимости и вѣчности на землѣ, до кончины міра, до явленія антихриста, единаго христіанскаго царства, обнимающаго въ себѣ самыя различныя страны и племена съ ихъ частными мѣстными правительствами и племенами... Какъ

несходство языковъ въ богослуженіи, обрядовъ и обычаевъ помѣстныхъ церквей нисколько не противорѣчило, а вполне уживалось съ единствомъ вселенской церкви, также точно разнообразіе и смѣсь племенъ, странъ и правленій ни мало не мѣшали имъ всѣмъ составлять одно христіанское царство, единую имперію... Восточную имперію нельзя ограничивать только собственными ея предѣлами, и къ среднимъ вѣкамъ вообще неприменимы нынѣшнія мѣрки. Болгары или русскіе не были ей подчинены, но всегда были въ извѣстной степени ея союзниками, — и они почти никогда не имѣли полной государственной независимости, національнаго самодержавія. «Это самодержавіе принадлежало восточному или, какъ говорить одна народная пѣсня о Петрѣ В., единому императору на землѣ, царю православному, «царю христіанъ», этому верховному вождю и главѣ никакими писанными законами не обставленнаго и никакими трактатами и договорами не опредѣленнаго, но тѣмъ не менѣе существовавшего и въ живомъ обычномъ правѣ признаннаго, международнаго союза всѣхъ различныхъ восточно-христіанскихъ, православныхъ земель съ общимъ центромъ въ Цареградѣ».

Приведенное изображеніе не есть только идеалъ (который можетъ и совсѣмъ не походить на дѣйствительность); авторъ понимаетъ его какъ фактъ. На самомъ дѣлѣ, въ опредѣленіи тѣхъ историческихъ правъ и высокаго положенія, какимъ авторъ надѣляетъ византійскую имперію, онъ забываетъ многія обстоятельства, значительно измѣняющія дѣло. Мы видѣли, что свои заключенія объ отношеніи Рима къ Византіи авторъ основываетъ на историческомъ правѣ. Извѣстно, какое обоюдоострое оружіе вообще представляетъ это историческое право, какъ часто оно приводится въ защиту и оправданіе гнилой старины, отжившей привилегіи и насилія противъ свѣжей (хотя иногда и грубой) жизни и свободы. Притомъ, историческое право Византіи передъ Западомъ и мало доказано у автора.

По его собственному справедливому замѣчанію, національная противоположность, или различіе римскаго и греческаго начала идутъ еще изъ античныхъ временъ. Это были двѣ высшія національности древняго міра, соединившіяся въ созданіи классической цивилизаціи, литературы, искусства; но различіе ихъ бросалось въ глаза, и историки новѣйшіе давно указывали особая области cadaго изъ нихъ. Авторъ справедливо говоритъ о великомъ историческомъ значеніи римской имперіи, ея авторитетѣ въ варварскомъ мірѣ и ея дѣйствительномъ и громадномъ вліяніи на этотъ міръ. Этотъ авторитетъ и эту заслугу авторъ спокойно

переносить потомъ на Византію, считая то и другое ея историческимъ правомъ. Но, во-первыхъ, перенесеніе столицы въ Византію (330—395 г.) не означало перенесенія стараго историческаго значенія старой имперіи, и дѣйствительно Римъ, и при Византіи, оставался старымъ Римомъ, производившимъ свое впечатлѣніе на варварскій міръ, возбуждавшимъ не только его алчность, но и смутное чувство почтенія. Затѣмъ, при раздѣленіи имперіи, — которое авторъ какъ-то обходитъ, — столицами той половины раздѣленной имперіи, гдѣ выросъ ея историческій авторитетъ, были опять (съ 395) Римъ и Равенна. Самое дѣленіе не было, конечно, однимъ династическимъ соображеніемъ и удобствомъ. Западная римская имперія еще около столѣтія вела свою отдѣльную исторію, печальную исторію, съ нашествіями и господствомъ варварскихъ вождей, съ разрушеніями самой столицы; но во всякомъ случаѣ исторію отдѣльнаго государства, за которымъ все-таки была наибольшая доля «историческаго права». Въ Италіи, по словамъ самого автора, въ особенности никогда не прекращалось дѣйствіе старыхъ римскихъ преданій. Идея, право хранится конечно въ живыхъ людяхъ, а не въ неренимаемыхъ формулахъ и титулахъ.

Византія, съ своей стороны, не была чужда римскимъ преданіямъ. Въ первое время имперія жила въ новой резиденціи, повидимому, со всѣми чертами стараго Рима, учрежденіями и языкомъ. Но это продолжалось недолго. Римской жизни нельзя было перенести цѣликомъ на новую, уже начавшую колебаться почву; съ раздѣленіемъ имперіи, римское оказалось въ самомъ Римѣ, хотя и умирающемъ, а Византія все больше и больше начинала отражать въ себѣ мѣстную жизнь, т. е. греческую, — ту самую, которая и по мнѣнію автора не умѣла усвоить ни римскихъ учрежденій (которыя стали въ ней вырождаться), ни римской политической практики. — Чего же можно было у нея узурпировать тамъ, гдѣ все-таки была самая почва римскихъ преданій?

Могутъ сказать, что однако Римъ, послѣ паденія варварскихъ царствъ въ Италіи, былъ «поданнымъ» византійскаго императора. Но это подданство было дѣломъ внѣшней необходимости и никакъ не означало отказа отъ традиціи, еще жившей въ умахъ итальянцевъ. Византія должна была завоевывать Италію, и тяжелыя обстоятельства могли заставить итальянцевъ на первое время предпочитать соединеніе съ Византіей, родственной по общей цивилизаціи, подчиненію германскимъ вождямъ, еще порядочно варварскимъ. Опять по словамъ самого автора, Византія, не сѣумѣвшая настоящимъ образомъ понять политическаго завѣта

римской имперіи, сумѣла возбудить въ итальянцахъ отвращеніе къ посылаемымъ ею правителямъ и конечно къ источнику правленія. «Огреченные азіаты» уже одни могли пробудить въ итальянцахъ чувство собственнаго достоинства и напомнить ихъ старое господство надъ тѣмъ Востокомъ, который теперь такъ мало ихъ понималъ. Съ теченіемъ времени измѣнились и отношенія Италіи къ варварскому міру: онъ смѣнился христіанскими государствами, романскіе элементы всплывали съ преданіями римской цивилизаціи; образовывалась новая политическая почва; подъ вліяніями римскаго христіанскаго центра выростала новая культура. Старые инстинкты римской особыности возродились въ новыхъ условіяхъ, и стремленіе осуществить независимость естественно могло перейти въ дѣло, и перешло — въ основаніе новой имперіи. «Узурпація» состояла въ томъ, что живые, дѣятельные элементы не могли и не хотѣли укладываться въ чужія формы, какія налагала Византія, но которыхъ не могла поддержать никакою дѣйствительною силой, ни матеріальной, ни моральной.

Авторъ негодуетъ на «фикціи» (поддѣлка «Декреталій» и т. п.), къ которымъ прибѣгло папство и новая имперія. Онѣ не подлежатъ сомнѣнію и поддѣлка не есть похвальное дѣло; конечно, и все папство цѣликомъ не возбуждаетъ въ насъ ни малѣйшей симпатіи, какъ слишкомъ часто лицемѣрная и своекорыстная теократія, — но значеніе его отношеній къ Византіи; основаніе новой имперіи, не исчерпываются этими фикціями и не опредѣляются только ими. — Фикція дѣйствительно была устроена, такъ какъ считалась нужной, по состоянію тогдашнихъ умовъ, для утвержденія совершавшагося факта, но фактъ былъ вызванъ самой жизнью. Средніе вѣка переполнены фикціями. Сколько фикцій представляла сама Византія и въ политическомъ и въ религіозномъ отношеніи!

Такимъ образомъ, идеальная имперія, воображенная авторомъ, далеко не соответствуетъ фактамъ. Если римское преданіе составляетъ такую важную долю въ этомъ идеалѣ, то по историческимъ справкамъ оно вовсе не было полной собственностью Византіи. Оно, по крайней мѣрѣ, было раздѣлено между Италіей и Востокомъ, и въ дѣйствительности одинаково подвергалось извращенію и уtratѣ; и на западѣ и на востокѣ оно само одинаково становилось фикціей. Авторъ чувствовалъ нѣчто подобное. Относительно Италіи онъ называетъ это «историческое право» давно прожитымъ и утраченнымъ (въ половинѣ среднихъ вѣковъ); но то же самое, еще въ болѣеи степени, слѣдовало признать и от-

носителю Византіи ¹⁾. Ея государственная исторія исполнена фактами, въ которыхъ трудно отыскать подобіе римскому преданію. Авторъ самъ признаетъ, при началѣ своихъ объясненій, что съ эллинизацией восточной имперіи утратился великій государственный смыслъ старой римской имперіи, что греки никогда не умѣли устроить своихъ отношеній съ варварами, составлявшими большинство населенія въ ея европейской области, — такъ, какъ это дѣлали римляне. Нѣтъ сомнѣній, что было немалымъ подвигомъ Византіи сохранить на цѣлую тысячу лѣтъ христіанство и образованность среди самыхъ тяжелыхъ обстоятельствъ, отъ варварскихъ нашествій, падавшихъ на имперію съ сѣвера, востока, юга, и отъ самаго запада; должно признать и заслугу отчаянной борьбы, которою окончилось существованіе Византійской имперіи ²⁾; невозможно не признать обширной доли, внесенной изъ Византіи въ источники европейской цивилизациі, которая существуетъ теперь ³⁾. Но слѣдуетъ опредѣлять мѣру историческаго и политическаго достоинства имперіи, и мѣру умственного запаса, составлявшаго ея собственный самостоятельный вкладъ.

Идеальная картина христіанской имперіи, которую рисуетъ авторъ статьи «Славянскаго Сборника», не мирится и съ его собственными аргументами. — Византія не установила съ варварскимъ міромъ, который проникалъ въ ея области, той тѣсной государственной связи, какую умѣлъ завязывать Римъ въ Галліи, Испаніи, Британіи, на самомъ востокѣ, и съ которою распространялась римская цивилизациія. Византія создавала себѣ свой авторитетъ,

¹⁾ Впрочемъ, мы встрѣчаемъ у автора противорѣчія, которыя показываютъ, что повидимому онъ не выяснилъ себѣ достаточно этого предмета. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ о томъ, какъ „хвастливы и неумѣстны бывали горделивыя притязанія римлянъ и итальянцевъ вообще на первенство (primatus) въ Европѣ, будто бы имъ принадлежащее въ силу ихъ историческаго права, *даже отроченъ прожитано и утраченнаго*“; но вслѣдъ затѣмъ онъ говоритъ нѣчто совсѣмъ иное. „Безъ національнаго чувства отвращенія итальянцевъ къ готамъ, лонгобардамъ и грекамъ, никогда бы римскіе епископы не приобрѣли себѣ независимаго положенія въ отношеніи къ царградскому правительству и не рѣшились бы прибѣгнуть къ помощи франковъ. Франки же Карла V. и нѣмцы Оттона I и преемниковъ, со всею своею военною силою и храбростію, никогда бы не имѣли повода кичиться своими имперіями, если бы въ Римѣ и вообще въ Италіи не *сохранились преданія древнеримской славы и цивилизациі*“ (стр. 444). Эти преданія не могли назваться давно прожитыми и утраченными, если могли послужить основаніемъ для такихъ явленій, какъ имперія Карла V. или Оттона I.

²⁾ Laurent, Etudes sur l'hist. de l'humanité. La papauté et l'empire, стр. 352. „Слав. Сборн.“ 574—575.

³⁾ См. патетическую защиту историческихъ заслугъ Византіи въ этомъ отношеніи, у Rambaud, L'Empire Grec au dixième siècle. Paris, 1870. Предисловіе.

производила иное сильное впечатлѣніе между новыми народами. Главнымъ элементомъ того и другого было христіанство. Византія была источникомъ, откуда христіанство пришло къ народамъ востока и юго-востока Европы, и религіозное единство составляло ихъ основную связь. Константинополь многія столѣтія привлекалъ массы богомольцевъ своими священными реликвіями, которыхъ было здѣсь чрезвычайно много, произведеніями своего церковнаго искусства; для славянской Руси это была ближайшая и знаменитая святыня; для христіанскаго Востока, кромѣ того, здѣсь была надежда спасти дѣло вѣры отъ наступавшаго все грознѣе магометанства. Но этого религіознаго интереса нельзя смѣшивать ни съ политическимъ значеніемъ, ни съ собственно культурнымъ. Авторъ статьи «Слав. Сборника», напротивъ, сливаетъ всѣ эти отношенія, и еще больше запутываетъ вопросъ, смѣшивая то, что принадлежало идеѣ, ученію христіанства, съ національностью и имперією. Политически Византія, безъ сомнѣнія, больше отталкивала, чѣмъ привлекала; національный характеръ былъ слишкомъ часто антипатиченъ и даже ненавистенъ. Не одинъ Несторъ, на первыхъ страницахъ лѣтописи говорившій о «льстивости» (въ тогдашнемъ смыслѣ слова,—коварствѣ и предательствѣ) грековъ, видѣлъ и указывалъ тогда эту черту. Въ отношеніи грековъ къ другимъ народамъ не было ни широты взгляда, ни великодушія: они могли относиться высокоумѣрно къ грубымъ и языческимъ «варварамъ», но то же высокоумѣріе—которое въ случаѣ надобности не мѣшало и униженію—они сохраняли и тогда, когда эти народы становились христіанами. Отношеніе это было, конечно, мало «христіанское», мало плодотворное въ образовательномъ отношеніи, но и мало благоразумное политически: идеальная имперія не сплотила сильнаго политическаго тѣла, которое могло бы выдержать напоръ мусульманства. Ея тысячелѣтная исторія есть исторія постепеннаго распадена ¹⁾.

Значеніе философско-христіанской стороны византійской идеи авторъ объясняетъ, восходя къ первымъ вѣкамъ христіанства. Упомянувъ о первыхъ столетіяхъ новаго ученія съ язычествомъ и первыхъ апологіяхъ, писанныхъ христіанами въ за-

¹⁾ То, что приводится авторомъ на стр. 467 въ объясненіе высокаго значенія власти восточнаго императора въ средневѣковой Руси, мало доказательно. Патріархъ могъ требовать (въ 1893) или, вѣрнѣе, убѣждать русскихъ, чтобы имя византійскаго императора поминалось въ церковныхъ молитвахъ; но требованіе импер. германскаго Короля (въ 1142), чтобы греческій императоръ „наказалъ русскихъ“, и извѣщеніе Калояна, что онъ уже „распорядился“ объ этомъ, есть историческое недоразумѣніе.

щиту своего ученія, онъ справедливо указываетъ, что вліяніе христіанства продлило самое существованіе имперіи поднятіемъ умовъ и характеровъ. Нравственная сила христіанъ возвысила уровень. Эти апологіи, дѣятельность и писанія первыхъ отцовъ церкви обнаруживаютъ замѣчательную смѣлость рѣчи, по поводу посягательствъ высшей государственной власти, и высокое нравственное достоинство. Примѣры этого представляетъ и западная церковь въ знаменитомъ Амвросіѣ, и восточная—въ Іоаннѣ Златоустѣ, Василіѣ Великомъ и проч. Здѣсь было истинное, высокое христіанское ученіе. Но затѣмъ, съ развитіемъ папства, съ возросшимъ дѣленіемъ Востока и Запада, послѣдній все больше удалялся отъ этихъ началъ свободы духа и дѣленія государства и церкви. На Западѣ начинаетъ царить принудительность и насиліе, и начала свободы духа остаются исключительной принадлежностью восточнаго христіанства.

Мы приводимъ въ примѣчаніи ¹⁾ общія соображенія автора,

1) „Изъ вседѣлаго признанія христіанскаго ученія,—говоритъ онъ,—непосредственно вытекаетъ обязательное для христіанъ признаніе самой полной и широкой свободы совѣсти, проповѣди устной и письменной, свободы преподаванія, ученія, сомнѣнія и изслѣдованія. Эта неограниченная свобода духа подразумѣваемо и прямо содержится въ провозглашенномъ и требуемомъ Христомъ, его учениками, апостолами и *свѣрыми изъ духу* преемниками, началъ свободы церкви отъ государства. Этотъ принципъ отдѣленія власти духовной отъ гражданской, разграниченія области нравственнаго закона и внутренней правды отъ области юридической; сферы мысли, убѣжденія, совѣсти и ихъ свободнаго выраженія въ словѣ отъ сферы внѣшнихъ поступковъ и дѣяній, могущихъ подвергаться извѣстнымъ стѣсненіямъ и ограниченіямъ извнѣ, этотъ великій плодотворный принципъ принадлежитъ собственно къ величайшимъ умственнымъ стяжаніямъ новаго христіанскаго человѣчества. Но въ силу самой высоты своей, это начало свободы церкви отъ государства, въ теченіе вѣковъ, въ исторической дѣйствительности, болѣею частію подвергалось такимъ недоразумѣніямъ и ложнымъ толкованіямъ, что людскія поговѣнія и христіанскія общества, наиболѣе преданныя свободѣ духа, часто выступали и выступаютъ въ высшей степени враждебно противъ этого начала свободы церкви, а люди и цѣлыя классы общества, наименѣе умѣющие понимать и цѣнить свободу духа, провозглашали и провозглашаютъ себя ревностными поборниками свободы церкви“.

Для осуществленія этой христіанской свободы требовалось бы сочетаніе высокихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ, которое рѣдко и въ современныхъ наиболѣе образованныхъ обществахъ. Оно было трудно и въ древности. „Съ быстрымъ распространеніемъ христіанства въ различныхъ краяхъ римской имперіи въ III—IV в., особенно съ обращеніемъ императоровъ и ихъ окружающихъ, естественно должно было произойти, съ нѣкоторыми благотворными перемѣнами въ общественной жизни, и довольно значительное *помианеніе въ общемъ пониманіи христіанства*, его основныхъ задачъ и требованій. Сущность христіанскаго ученія отъ этого нисколько не пострадала, основная идея церкви отъ этого не измѣнилась. но этимъ открылось широкое поле для множества искаженій, лжетолкованій и недоразумѣній“. Всѣ эти миллионы людей и самъ императоръ, которые съ половины IV в. называютъ себя

гдѣ высказано много очень справедливаго о томъ, какое должно быть истинное христіанское ученіе въ дѣлахъ мысли и совѣсти,— и обратимся въ его примѣненіямъ, которыя опять натануты и произвольны.

Въ этихъ общихъ положеніяхъ авторъ стоитъ на исторической почвѣ и мы охотно отдадимъ ему справедливость, что онъ очень вѣрно понимаетъ многія черты тогдашнихъ понятій. Но что касается до изложенія дальнѣйшей судьбы этихъ понятій, онъ былъ бы ближе къ исторической истинѣ, еслибы не забывалъ поставленныхъ имъ самимъ историческихъ посыловъ. Мудрено прежде всего согласиться, чтобы и за это время, IV-й вѣкъ, не пострадала «сущность» и не измѣнилась «основная идея». Она, безъ сомнѣнія, не измѣнилась въ своихъ источникахъ, но въ живой дѣйствительности она, безъ сомнѣнія, теряла свое значеніе. Въ обществѣ съ грубо-вещественными понятіями, прежде установленная, основная идея или не понималась, или также понималась грубо-вещественно. Авторъ дѣйствительно замѣчаетъ это въ дѣйствіяхъ и мѣрахъ Константина и его преемниковъ. Но развѣ эти дѣйствія и мѣры прошли бесслѣдно; развѣ они не были практикой жизни, школой и антецедентомъ для послѣдующихъ поколѣній? Напримѣръ, преслѣдованіе ересей стало правиломъ, заняло нѣсколько столѣтій; ожесточеніе, съ какимъ оно велось, вызывало свою реакцію, напримѣръ, иконоборческую; ереси не уменьшались, и становились, быть можетъ, еще болѣе рѣшительны въ своемъ отрицаніи. Наконецъ, предпринятая со временъ Константина кодификація ставила дѣло уже вовсе не въ смыслѣ свободы вѣры и мысли; напротивъ, это была положительная

христіанами—„вообще говоря, гораздо менѣе измѣнять свои понятія и привычки сообразно христіанскому ученію, чѣмъ вносить въ его пониманіе и осуществленіе свои прежнія идеи, вѣрованія и привычки“. Особенно мало понятно имъ было отдѣленіе божескаго отъ кесаревскаго, свобода духа и совѣсти. Большимъ несчастіемъ было то, что Константинъ и его преемники—„безъ сомнѣнія подъ внушеніемъ своей и еще болѣе чуждой ревности не по разуму“—не умѣли удержаться на точкѣ аршія миланскаго эдикта 313 г., призвавшаго полную свободу вѣры и совѣсти и совершенное отдѣленіе религіи отъ государства. Авторъ указываетъ потомъ, какъ грубо-вещественны были воззрѣнія самого Константина,—какъ несправедливы были многія мѣры и гоненія его преемниковъ противъ язычества и еретиковъ. Римскимъ императорамъ, конечно, не легко было отказаться отъ своихъ прежнихъ правъ на вѣншательство въ дѣла вѣры (правъ, какія имѣлъ императоръ, какъ Pontifex Maximus). „Но нельзя и отрицать, особенно припоминая мудрую политику императоровъ Юлиана и Валентиніана I, что, будь въ тогдашнемъ христіанскомъ обществѣ болѣе возвышенныя и чистыя понятія о христіанствѣ, не могли бы имѣть мѣста и такіа чисто языческіа мѣры въ его пользу“ и т. д. (стр. 490—493).

и строгая регламентація, которая съ теченіемъ времени закрѣпила это положеніе вещей, такъ что IX-й вѣкъ, взятый въ своихъ самыхъ нормальныхъ (не случайныхъ) формахъ, былъ слишкомъ не похожъ на IV-й.

Подобное измѣненіе произошло и въ другомъ отношеніи. Если съ IV-го вѣка замѣчается внесеніе грубо-вещественныхъ понятій, то оно не прекратилось и послѣ. Мало того: эти понятія постоянно расширялись и, наконецъ, окрѣпли въ умахъ до того, что стали цѣлымъ важнымъ элементомъ въ религиозныхъ представленіяхъ общества. Въ самой Византіи они вызвали отчаянную реакцію, которая, впрочемъ, не измѣнила дѣла. Основная идея первыхъ вѣковъ, конечно, не могла удержаться въ своемъ прежнемъ характерѣ...

Упустивъ изъ виду развитіе этихъ факторовъ, съ IV-го вѣка, авторъ продолжаетъ настаивать на полной силѣ началъ IV-го вѣка, и для объясненія противорѣчій, которыхъ не могъ онъ не видѣть въ дальнѣйшей исторіи восточной имперіи, и для поддержанія своей теоріи принужденъ слишкомъ часто прибѣгать къ объясненіямъ, заимствованнымъ отъ несовершенства человеческой природы, отъ частныхъ ошибокъ или заблужденій и т. п. Имѣя передъ собою массу фактовъ, тянущихся на многія столѣтія, фактовъ, которые не укладываются въ поставленную имъ идеалистическую рамку, авторъ— вмѣсто того, чтобы искать въ нихъ исторически образовавшіяся свойства цѣлаго времени и общества—хочетъ считать ихъ исключеніями, отдѣльными ошибками, временными заблужденіями. Мы видѣли однако, что дѣло идетъ не о временныхъ и частныхъ случаяхъ, а напримѣръ о цѣлой кодификаціи, которая, давая обязательный идеалъ для послѣдующихъ вѣковъ, носитъ въ себѣ слишкомъ много слѣдовъ общественныхъ несовершенствъ своего времени... Усиліе автора указать именно старый идеалъ IV-го вѣка въ смутныхъ фактахъ послѣдующей исторіи, заявлявшей свои особенныя свойства, это усиліе приводитъ автора къ странному смѣшенію историческихъ эпохъ. Вниманіе къ фактамъ указало бы автору то различіе между IV-мъ и IX-мъ в., о которомъ мы говоримъ. Путь историческихъ измѣненій, какой прошла Византія въ теченіе этого періода, былъ пройденъ, съ малыми отличіями, и Римомъ. Наканунѣ раздѣленія церквей онѣ были въ единствѣ и совершенно понимали другъ друга: но къ этому времени основная идея IV-го вѣка испытала, въ умахъ общества и въ его нравахъ, столь сильныя измѣненія, что по сравненію съ ними значительно измѣняется и самая важность явленій, которыя повлекли за собой

окончательное дѣленіе Востока и Запада. То, что совершилось въ «основной идеѣ» въ теченіе IV—IX вѣка, было важнѣе того, что совершилось въ IX—X-мъ столѣтіяхъ.

Такимъ образомъ и дальнѣйшія заключенія автора представляютъ рядъ парадоксовъ. Эти парадоксы отчасти были указаны противниками того взгляда, который защищается авторомъ, — но онъ опять повторяетъ ихъ безъ отвѣта на возраженія.

Изагая отношенія Востока и Запада съ IX-го вѣка, авторъ обвиняетъ всеобщую несправедливость или заблужденіе западныхъ историковъ въ пониманіи Византіи и византійскихъ началъ. Источникъ этой несправедливости онъ видитъ въ старой враждѣ Рима къ Византіи, — которая и дѣйствительно могла здѣсь участвовать, хотя далеко не въ одномъ этомъ заключался и заключается источникъ неблагоприятныхъ историческихъ сужденій о византійской имперіи и цивилизаціи. Осуждая католическихъ историковъ, авторъ очень высокомерно относится и къ протестантскимъ, не дѣлая (по давнишнему примѣру Хомякова) почти никакой разницы между тѣми и другими. Отзвы о писателяхъ рационалистическихъ, какъ увидимъ, еще суровѣе.

Итакъ, авторъ не видитъ или не признаетъ вліяній историческаго періода, протекшаго между IV-мъ вѣкомъ (или и болѣе ранними вѣками) и IX-мъ, не признаетъ того, что въ «основную идею» жизнь внесла такіе элементы, безъ которыхъ она уже и не понималась, что «идея» была въ обращеніи уже не въ своей первоначальной формѣ, а въ новомъ истолкованіи. Рядомъ съ этимъ мы встрѣчаемъ однако и другія сужденія. «Въ мірѣ греко-славянскомъ, — говоритъ авторъ, — въ идеальное ученіе церкви не вералось понятій, которыя бы унижали или омрачали возвышенность и чистоту христіанскихъ началъ. Но и въ немъ, хотя главнѣйше по другимъ причинамъ, чѣмъ на западѣ, далеко не вошли въ жизнь и не укоренились въ нравахъ и тѣмъ болѣе въ учрежденіяхъ христіанскія начала терпимости и свободы вѣры, мысли и ихъ выраженія. Двѣ главныя страны греко-славянскаго міра, которымъ выпало на долю стоять въ челѣ восточно-христіанскаго человечества, развивать теоретически и осуществлять на практикѣ начала христіанскія, были поражены двумя важными, крупными недостатками или пороками. Главный народъ Византіи, греки были всегда лишены великаго государственнаго смысла и не умѣли никогда осилить и совладать съ полученною въ наслѣдство отъ римлянъ имперією, дабы вполне преобразовать ее согласно съ новыми потребностями и задачами христіанской образованности. При томъ же... греки среднихъ вѣковъ мало

имѣли цѣльности быта и крѣпости нравовъ. Главный народъ московскаго царства и російской имперіи, русскіе, своимъ замѣчательнымъ практически государственнымъ смысломъ, правда, приближаются быть можетъ къ римлянамъ и далеко оставляютъ за собою грековъ; своими же способностями къ умозрѣнію и созерцанію русскіе во всякомъ случаѣ превосходятъ римлянъ и гораздо ближе къ грекамъ ¹⁾... Но при всемъ этомъ, вслѣдствіе *особенностей* своего историческаго развитія, русскій народъ находится до послѣдняго времени и отчасти по нынѣ находится вообще на такой еще низкой степени умственнаго образованія и развитія, что русскому обществу пока совершенно были не по силамъ смѣлая постановка и сознательное разрѣшеніе высшихъ вопросовъ свободы вѣры, мысли и слова» и т. д. Авторъ видитъ такимъ образомъ, что дѣйствительность не отвѣчала идеалу; онъ не отвергаетъ, что по исчисленнымъ у него условіямъ греко-славянскій міръ часто искажалъ и не могъ воплотить въ жизни этотъ идеалъ; но несмотря на все имъ самимъ сказанное, авторъ продолжаетъ настаивать на своей теоріи и превозноситъ восточный міръ, именно потому, что въ него не вералось унижающихъ и омрачающихъ понятій, что его просвѣтительное начало «осталось въ сущности чуждо началу принужденія и насилія», второе онъ считаетъ отличительной чертой западнаго міра. Авторъ ссылается на рядъ замѣчательныхъ отцовъ церкви и церковныхъ писателей, которые чтутся до сихъ поръ на христіанскомъ востокѣ и которые никогда не спускались до оскверненія, или даже до признанія этихъ началъ принужденія и насилія. Писатели иного рода, наклонные къ началу принужденія, какъ византійцы: Теофанъ, или Константинъ Манассія, или какъ Іосифъ Волоцкій на Руси, по словамъ автора, никогда не пользовались у своихъ соотечественниковъ общимъ сочувствіемъ и, напротивъ, находили суровыхъ порицателей. Авторитетами же оставались отцы церкви какъ Василій В., Іоаннъ Златоустъ и пр.

Авторъ приводитъ нѣсколько случаевъ и изреченій этихъ отцовъ (IV вѣка), гдѣ обнаруживается христіанское признаніе свободы духа, и снова осуждаетъ западныхъ историковъ, которые, «не доказавъ», чтобы эти воззрѣнія замѣнились другими или были забыты, упрекаютъ Византію за подчиненіе духовной сферы—сферѣ принудительной ²⁾. Но въ слѣдующихъ тотчасъ строкахъ

¹⁾ Пропускаемъ доказательства, отчасти очень оригинальныя, которыя читатель можетъ найти на стр. 501 „Сборника“.

²⁾ „Не доказавъ, что приведенныя воззрѣнія отцовъ церкви или могли мириться съ ученіемъ церкви о подчиненіи и порабощеніи ея государству, или были впослед-

авторъ говоритъ: «обыкновенно указываютъ при этомъ на *различныя и многочисленныя* случаи вторженія восточныхъ императоровъ во внутреннюю жизнь церкви». Такимъ образомъ, очередь доказательствъ вовсе не за историками западными, а именно за восточными. Авторъ соглашается, что случаи вторженія дѣйствительно бывали, и многочисленны, но, не опровергая фактовъ и дѣланнаго изъ нихъ вывода, опять утверждаетъ, что историко-культурное значеніе Византіи не будетъ оцѣнено вполнѣ, пока не будутъ подробно раскрыты возрѣнія восточной церкви «отъ лица *спрныхъ ея духу* или высшихъ по дарованіямъ и заслугамъ, а не по сану, представителей ея» — возрѣнія ихъ на случаи подобныхъ вторженій государства въ область церкви (стр. 512). Понятно, сколько произвола въ этой ссылкѣ на «вѣрныхъ духу», когда рѣчь идетъ о томъ, чѣмъ дѣйствительно была въ то или другое время извѣстная идея или учрежденіе.

Такъ вообще вѣрная отдѣльная оцѣнка фактовъ перемѣшана съ произвольными идеалистическими выводами. Минуя все историческое движеніе до IX-го вѣка и позднѣе, авторъ настаиваетъ на идеальныхъ представленіяхъ, принадлежащихъ четвертому вѣку, и думаетъ, что они могутъ характеризовать IX—XV вѣка. Но, хотя бы эти идеалы и не были впоследствии «забыты», историкъ не можетъ же обойти фактической дѣйствительности, не можетъ мѣшать книги съ жизнью, безъ опасности — оказаться въ чисто воображаемомъ мірѣ. Идеаль имѣетъ великую историческую цѣну — для того времени, которому принадлежитъ; но если и для того времени его дѣйствительная сила должна быть провѣрена живыми фактами, то тѣмъ менѣе этотъ идеаль можетъ

стѣн совершенно забыты или замѣнены другими, грубыми представленіями о свободѣ вѣры, мысли и слова, — католическіе и обыкновенно въ этомъ случаѣ вторящіе имъ протестантскіе, а нерѣдко и чисто рационалистическіе (не-христиане) историки западные упрекаютъ восточное христіанство съ IX в. и даже раньше, съ Юстиніана I, или съ иконоборцевъ, за принатіе въ принципъ — подчиненія церкви государству, сферы духовной — сферѣ принудительной* (стр. 510).

Странная glossa къ „рационалистическимъ“ писателямъ, сдѣланная, вѣроятно, опять по примѣру Хомякова, удивительна въ авторѣ, столь близко знакомомъ съ церковной литературой и вѣроятно понимающемъ значеніе словъ. „Рационалисты“ — извѣстный разрядъ *христіанскихъ* theologовъ и историковъ. Даже благоразумные изъ католиковъ, отвергающіе понятія рационалистовъ, не исключаютъ ихъ изъ христіанства. Авторъ, такъ горячо защищающій византійскую свободу духа, не замѣчаетъ, что такое мнѣніе о рационалистахъ гораздо меньше похоже на Василя Великаго, чѣмъ на папскую энциклику. Если же онъ разумѣлъ какихъ-нибудь другихъ, напримѣръ, совсѣмъ атенстическихъ писателей (да они и рѣдко дѣлали изслѣдованія о Византійской теологіи), то слѣдовало употребить болѣе свойственный терминъ, для изъясненія грубыхъ недерзавимѣй, которыхъ у насъ и безъ того много.

характеризовать позднѣйшія времена, когда онъ, хотя и не забытый, сохраняемый въ книгахъ, могъ однако потерять самую сущность своего истиннаго смысла.

Что IX — XV вѣка не были и не могли быть похожи на IV в. — можно принимать просто а priori. Историческое развитіе не знает неподвижности, и вопросъ изслѣдованія состоитъ въ опредѣленіи совершающихся перемѣнъ. Какъ бытовья формы, такъ и отвлеченный принципъ, наслѣдуемый отъ старины, не можетъ оставаться неизмѣннымъ въ средѣ развивающейся жизни; онъ также или совершенствуется въ своемъ внутреннемъ содержаніи, или въ неблагоприятныя эпохи падаетъ, — сохраняясь въ книгѣ, забывается въ практикѣ жизни, становится официальной формулой, не исполняемой на дѣлѣ; самый возвышенный принципъ, общественный или религиозный, поставленный въ неблагоприятныя условія, теряетъ смыслъ для послѣдующихъ поколѣній, дѣлается мертвою буквою. Задача историка въ томъ и состоитъ, чтобы опредѣлить его значеніе въ ту или другую эпоку, — когда онъ былъ дѣйствительнымъ выраженіемъ жизни и господствовавшего въ ней высокаго энтузіазма, и когда онъ былъ только формулой, смыслъ которой оставался мало понятенъ или вовсе непонятенъ для людей, повторявшихъ ея слова.

Эти вопросы вообще представляются въ исторіи идеи, — будетъ ли то идея религиозная, поэтическая, общественная, законодательная. Такая идея можетъ жить долгіе вѣка, но ея историческое значеніе можетъ быть весьма различно въ разное время — уже потому, что въ исторіи ея чистая отвлеченность разлагается на факты личной и національно-бытовой жизни. Она можетъ развиться въ другую еще болѣе широкую идею; можетъ видоизмѣниться подъ новыми условіями, смѣшаться съ другими элементами, наконецъ, ослабѣть и утратиться, — быть можетъ, для того, чтобы потомъ возникнуть вновь, съ новою силою и съ болѣею глубиною.

Идея, о которой говоритъ авторъ, подлежала такимъ же историческимъ условіямъ. Мало того: содержаніе ея было столь многозначительно, что средневѣковое общество, и западное, и восточное, было вообще мало способно «воплотить ее въ жизнь», и нужны были бы долгіе и трудные опыты, особое умственное развитіе и успѣхи общественной нравственности для того, чтобы идеализмъ лучшихъ людей IV-го вѣка сталъ серьезно доступенъ умамъ, могъ найти практическія осуществленія. По мнѣнію самого автора, два народа, бывшіе главными представителями восточнаго христіанства, не были въ этому способны, — одинъ по недостатку

государственного смысла, другой — по долгому и упорному невѣжеству.

Такимъ образомъ, и по объясненіямъ самого автора выходитъ, что одно традиціонное присутствіе идеи еще не составляло дѣйствительнаго ея господства, что для такого господства требовались еще иныя условія національной жизни. Слѣдовательно, разсматриваемая исторически, идея можетъ быть оцѣнена только въ связи съ другими явленіями, которыя ее ограничивали, и только въ этомъ ограниченіи она была фактомъ жизни, оказывавшимъ историческое дѣйствіе.

Очевидно, поэтому, что если идетъ рѣчь о сообщеніи идеи однимъ народомъ другому, какъ Византія сообщала ее Руси, то переносилось не одно или не само отвлеченное представленіе, а явленіе дѣйствительной жизни, т. е. идея передавалась не въ своей полной чистотѣ, а съ тѣми ограниченіями, съ какими она существовала на практикѣ въ самой Византіи. Дѣйствительно, съ ней переходили всякія книжныя традиціи, обычаи, схоластическая кодификація; переходило свѣтское законодательство императоровъ, составившееся именно въ духѣ упомянутыхъ ограниченій и искаженій идеи; переходила нетерпимость, развившаяся въ борьбѣ съ Западомъ и еще раньше съ своими ересями, и уже совершенно противорѣчившая идеѣ. Не говоримъ о томъ, какія новыя ограниченія вносила сама принимавшая Русь.

Такимъ образомъ, чтобы опредѣлить дѣйствительно исторически сущность этой идеи, и ея примѣненія въ національной жизни народовъ восточнаго міра, необходимо брать ее не какъ отвлеченность, книжное преданіе, а наблюдать на дѣлѣ совершавшіеся факты, существовавшіе способы пониманія и приложенія къ жизни; при этомъ можетъ иной разъ оказываться, что, находя въ цѣлости книжное преданіе, мы иногда не найдемъ и слѣда идеи въ разныхъ, и многочисленныхъ, явленіяхъ самой дѣйствительности.

Авторъ статьи «Слав. Сборника» не сдѣлалъ этого: тѣ ограниченія идеи, которыя были именно чертой времени и общества и которыя должны бы привлечь его вниманіе, — онъ объясняетъ только ссылками на слабость человѣческой природы или выдаетъ ихъ за исключенія. Думаемъ, что этотъ приѣмъ не разъясняетъ дѣла, а только обходитъ вопросы. Авторъ бываетъ и неправъ въ частностяхъ. Въ примѣрѣ «исключеній» въ религиозной жизни древней Руси, онъ называетъ преп. Іосифа Волоцкаго и ставитъ его особнякомъ, утверждая, что его ученія «никогда не пользовались общимъ сочувствіемъ» и даже вызывали строгое порицаніе. Это не

вполнѣ точно: дѣйствительно, преп. Іосифъ Волоцкій не пользовался общимъ сочувствіемъ и имѣлъ противниковъ, но его дѣятельность вообще была признана тогдашнею церковью, такъ какъ онъ причтенъ былъ къ лику святыхъ. Точно также св. Димитрій Ростовскій. Но это еще не важно; а главное въ томъ, что русская исторія представляетъ цѣлую массу фактовъ, явленій, ставшихъ обычнымъ правиломъ, гдѣ именно господствовали «принудительные» взгляды Іосифа Волоцкаго (что іерархія не всегда могла прилагать ихъ къ дѣлу, какъ не могъ и Іосифъ Волоцкій, — это, конечно, другой вопросъ). Такова исторія русскихъ ересей и всего раскола. Какъ могъ авторъ забыть или обойти эти явленія — для насъ непонятно. Не будемъ касаться трудныхъ вопросовъ о положеніи идеи, излагаемой авторомъ, въ русскомъ обществѣ новѣйшихъ временъ: довольно извѣстно, что это положеніе далеко не соответствуетъ теоріи, такъ пылко защищаемой авторомъ. И это положеніе — не временное и не случайное.

Возвращаемся къ греко-славянской теоріи. Различный характеръ Запада и Востока обнаруживался еще до раздѣленія церквей, но съ этого времени онъ сталъ выказываться еще рѣшительнѣе, прежнія равногласія превратились въ открытый разрывъ и ожесточенную вражду. Отличительная черта латинской церкви было начало принужденія и насилія. Отличительныя черты восточнаго міра авторъ передаетъ такъ: «внутреннее стремленіе къ нравственной высотѣ и къ цѣльности разума, разграниченіе въ принципѣ области церковной и государственной, области свободнаго духа и области внѣшне-обязательной и принудительной, сильное участіе совѣщательнаго начала и участія мірянъ въ управленіи церкви, бракъ духовенства и признаніе правъ народнаго языка въ богослуженіи были общедоступными дарами и благами всѣхъ восточно-христіанскихъ земель» (стр. 514).

Опять тѣ же идеалистическія обобщенія, выставлемыя категорически безъ всякаго вниманія къ фактамъ. Оставимъ въ сторонѣ «внутреннее стремленіе къ нравственной высотѣ», которое авторъ отдаетъ въ монополію Востоку, какъ-будто Западъ былъ поголовно пораженъ нравственной нищетой; оставимъ «цѣльность разума», мистическій терминъ, унаслѣдованный авторомъ отъ Кирѣевскаго и Хомякова, и который пора бы бросить, потому что онъ ничего не объясняетъ; — но и другія черты очень требуютъ разъясненія, прежде чѣмъ можно было позволить себѣ дѣлать изъ нихъ историческій принципъ и полемическій аргументъ. Мы упоминали выше о томъ, насколько въ исторіи византійскаго обще-

ства и древней Руси, по преимуществу близкой къ Византіи, обширна была «область свободнаго духа»; и впоследствии, когда въ нашей жизни расширились средства образованія, между прочимъ въ самомъ духовенствѣ, мы напрасно искали бы расширенія этой области, а также и «сильнаго развитія совѣщательнаго начала»: мы недоумѣваемъ, къ какимъ фактамъ нашего быта, прошлаго или современнаго, могутъ быть приложены эти или другія черты, которыя между тѣмъ авторъ ставитъ въ число самыхъ отличительныхъ принадлежностей Востока. Точно также мы недоумѣваемъ и относительно другой особенности — «участія мірянъ въ управленіи дѣлами церкви». Чтобы видѣть, насколько было «совѣщательнаго начала» и «участія мірянъ въ управленіи церковными дѣлами» въ южномъ славянствѣ, и какъ признавалась тамъ народная церковь, довольно вспомнить исторію фанариотовъ, исторію недавняго возстановленія болгарской церкви, или современное отношеніе греческаго духовенства къ славянскимъ мірянамъ: говорить здѣсь о «совѣщательномъ началѣ» или «участіи мірянъ» было бы неизвинительнымъ злоупотребленіемъ словами. Можно, пожалуй, и въ этихъ примѣрахъ сослаться на исключенія и слабость человѣческой природы, но не будетъ ли слышомъ много исключеній и слабостей?

Далѣе авторъ изображаетъ противоположность латинскаго Запада съ греческимъ Востокомъ, указаніемъ на исторію папскихъ безобразій и на то, какимъ образомъ средневѣковые протесты противъ папства находили себѣ опору въ существованіи византійскаго христіанства. Папскія безобразія и фанатизмъ католическихъ изуверовъ извѣстны достаточно, но эти отрицательные факты еще не объясняютъ вопроса о Востокѣ. Что касается западныхъ протестовъ, то были, конечно, весьма естественны и справедливы ссылки на Византію, когда шли споры противъ celibата духовенства или подобныхъ церковныхъ обычаевъ. Протесты противъ папства болѣе широкіе соединялись обыкновенно съ ересями, потому съ реформой; авторъ и здѣсь даетъ инициативу Византіи. До тѣхъ поръ, пока не будетъ больше, чѣмъ теперь, разработана исторія международныхъ связей средневѣковаго протеста и еретичества, объ этомъ предметѣ трудно высказываться съ нѣкоторою положительностью; но относительно приводимыхъ авторомъ примѣровъ можно и теперь сказать, что они очень мало доказательны — когда, напримѣръ, онъ придаетъ значеніе такимъ западнымъ ссылкамъ на Византію, которыя дѣлались (отчасти со стороны людей, близко ея не видавшихъ) съ чисто полемическими дѣлами, какъ самое письмо Фридриха II къ греческому импе-

ратору Ватаци, какъ ссылки на Византію у приверженцевъ «Вѣчнаго Евангелія» и т. д.

Въ числѣ фактовъ этого рода есть одинъ, обставленный у автора болѣе обильными доказательствами. Это — вліяніе византійскихъ преданій на реформу Гуса, — тѣма, давно указанная г. Новиковымъ и потомъ продолженная Гильфердингомъ. Въ настоящемъ случаѣ она излагается болѣе убѣдительно, чѣмъ прежде, при помощи новыхъ историческихъ данныхъ и новыхъ соображеній, и этотъ эпизодъ — одинъ изъ самыхъ любопытныхъ въ статьѣ.

Но хотя бы этотъ фактъ участія византійскихъ вліяній при возникновеніи реформы Гуса можно было счесть доказаннымъ, остается несомнѣннымъ, что не одни воспоминанія о народной церкви, нѣкогда полученной изъ Византіи, подали основаніе къ гуситскому протесту; что развитіе реформы, еще при самомъ Гусѣ, шло дальше, чѣмъ допускала бы византійская (церковная) программа. При дальнѣйшихъ преемникахъ Гуса это было уже совершенно очевидно: то истинное христіанство, котораго искали гуситы, было не тогдашнее византійское христіанство, даже не христіанство IV—IX вѣка, а скорѣе христіанство I—IV вѣковъ, когда оно еще было болѣе нравственнымъ ученіемъ, нежели кодифицированной системой, сложной іерархіей и обрядомъ. Такимъ образомъ, византійскія воспоминанія могли быть однимъ изъ поводовъ, а самая сущность движенія могла быть независимымъ созданіемъ чешской жизни, почерпавшимъ силу въ средствахъ туземнаго національнаго возбужденія и туземной, т.-е. западной, образованности. Въ самомъ дѣлѣ, Гусъ, славянскій патріотъ, былъ вмѣстѣ и схоластическій ученый по западному образцу, религиозный реформаторъ, идеи котораго были сродны западнымъ умамъ въ такой степени, что по ихъ сущности гуситство стояло въ исторической связи и съ предыдущимъ движеніемъ, напр. съ вилефизмомъ, и съ послѣдующей реформой XVI-го вѣка.

Если мы признаемъ, кромѣ этого, и другіе факты религиознаго возбужденія, исходившаго отъ Византіи и производившаго возстанія противъ папскаго самовластія и церковныхъ недостатковъ латинства, останется во всякомъ случаѣ вопросъ, требующій разъясненія: какимъ образомъ могло произойти, что движенія, возбужденныя (какъ говорятъ) изъ Византіи и несомнѣнно имѣвшія великое вліяніе на дальнѣйшіе успѣхи европейской общественности и умственнаго развитія, что эти движенія принесли свой плодъ именно на Западѣ, тогда какъ Востокъ остался въ сторонѣ и не воспользовался результатами, источникъ ко-

торыхъ, повидимому, ему самому принадлежалъ? Могутъ сказать, что Византія уже владѣла всѣмъ тѣмъ, къ чему стремились теперь на Западѣ люди, выставлявшіе свои протесты и искавшіе реформы? Но этого не было, потому что эти движенія, какъ у Гуса, да и у Лютера, превышали византійскую программу; научное движеніе, порожденное, какъ говорятъ, также византійцами, уже вскорѣ обнаружило силу, какой не знали византійцы. Нѣсколько страннымъ образомъ, авторъ (если только мы правильно его понимаемъ) къ числу заслугъ Византіи въ содѣйствіи европейскому движенію ставитъ и вліянія византійскихъ еретиковъ, слѣдовательно людей, отрицавшихъ само византійское пониманіе христіанства ¹⁾.

Приведенная въ выносѣхъ цитата приводитъ насъ ко взгляду автора вообще на отношенія восточной и западной образованности въ средніе вѣка. Первой онъ придаетъ гораздо болѣе обширное значеніе, чѣмъ думаютъ до сихъ поръ историки европейскаго образованія,—и особенно въ эпоху возрожденія, которое онъ считаетъ повидимому всего больше дѣломъ византійскаго возбужденія.

«...Вся ново-европейская цивилизація,—говоритъ онъ,—развидалась подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ греко-римской. Оно выразилось не только въ эпоху Renaissance: оно дѣйствовало неотра-

¹⁾ Вотъ его слова: „Протесты (противъ римскаго папства, въ концѣ среднихъ вѣковъ, на Западѣ) были двоякаго рода. Одни строго держались почвы христіанской; другіе, возставая противъ Рима и отрицая его ученія, подзапывались вообще подъ основы христіанства. Оба рода этихъ протестовъ получали сильный толчекъ, непосредственнаго внушенія отъ грековъ, отъ восточной церкви и возникавшихъ въ ней ересей...“

„Всѣ эти протесты и движенія средневѣковой западно-европейской мысли, какъ христіанской, такъ и анти-христіанской, осмѣнили и оплодотворили ново-европейскую образованность. Только съ XVI или XVII в. эти идеи или начала стали развиваться вполнѣ своеобразно на Западѣ, давать новыя отростки и самостоятельныя плоды. До этого же времени греко-восточная мысль вообще была выше, глубже и самобытнѣе романо-германской, значительно ее опережала. Надлежитъ также прибавить, что Западъ не воспринялъ во всей полнотѣ и цѣльности мысль восточно-христіанскую. Онъ преимущественно и полнѣе принялъ отъ грековъ и съ XVI в. сталъ развивать далѣе рационалистическія ученія крайнихъ иконоборцевъ, павлиніанъ, и такихъ греческихъ мыслителей, которые, какъ Гемистъ Плевонъ и др., отвергая христіанство, стремились возвратитъ человѣческую мысль къ древне-эллинскому научному міросозерцанію, къ чистой философіи Платона или Аристотеля. Средневѣковне противники на Западѣ римскаго авторитета, стоятъ ли они на точкѣ зрѣнія христіанской или анти-христіанской, относятся къ восточной церкви или ея еретикамъ болѣе или менѣе ученически почитательно, указывая на нее или на нихъ, какъ на истинныя просвѣщенія — ex Oriente lux, какъ на примѣръ, достойный подражанія въ томъ отношеніи, въ коемъ сильнѣе выражалось ихъ недовольство Римомъ, папствомъ“ (стр. 568).

зимо и постоянно въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Самое начало такъ-называемаго Возрожденія относится собственно не ко взятію Константинополя турками, не къ переселенію многихъ ученыхъ грековъ съ рукописями въ Италію и вообще на западъ, но ко временамъ гораздо болѣе раннимъ, чѣмъ даже жилъ Петрарка (1304—1374). Еще до пятого крестоваго похода, до основанія латинской имперіи въ Константинополѣ (1204) и образованія множества французскихъ, итальянскихъ и частью испанскихъ владѣній въ азіатскихъ провинціяхъ восточно-римской имперіи, въ Мореѣ и на островахъ Іонійскаго и Эгейскаго морей, народы западной, особенно латинской Европы, и преимущественно итальянцы состояли съ греками въ самыхъ тѣсныхъ и живыхъ сношеніяхъ, имѣя въ различныхъ углахъ восточной имперіи многочисленныя и многочисленныя факторіи, родясь съ греками, выучиваясь ихъ языку, воспринимая и усвоивая себѣ ихъ культуру и цивилизацію, простирая эти заимствованія отъ модъ и правилъ общезжитія, отъ шелководства и выдѣлки парчей и разныхъ матерій, до различныхъ приемовъ, мотивовъ и сюжетовъ живописи, архитектуры, до научныхъ свѣдѣній и религиозныхъ идей... Уже въ эпоху славы болонскаго и парижскаго университетовъ мы видимъ нѣкоторыхъ любознательныхъ лицъ на Западѣ, которые ѣдутъ для высшаго образованія къ грекамъ и по возвращеніи на родину сохраняютъ дорогія воспоминанія о просвѣщенныхъ взглядахъ и глубокой учености своихъ греческихъ наставниковъ.—Такъ, даже оставляя въ сторонѣ посредственное дѣйствіе греческой цивилизаціи на средневѣковой Западъ черезъ арабовъ, она, задолго до настоящаго Renaissance, прямо, непосредственно чрезъ Византію, болѣе или менѣе сильно дѣйствовала на страны западной Европы.

*До самаго воцаренія въ Византіи турокъ, — говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, — даже враждебному ей романо-германскому Западу, имѣвшему свои университеты, науку и литературы, Византія справедливо представлялась столицею высшаго образованія» ¹⁾.

Выше мы замѣтили, что до болѣе полной разработки средневѣковой литературы греческой и западно-европейской трудно составить себѣ точное понятіе объ отношеніяхъ Византіи къ западнымъ церковнымъ движеніямъ; то же надобно сказать и относительно средневѣковой науки и литературы. Но авторъ во всякомъ случаѣ сказалъ слишкомъ много, поставивъ Западъ въ уче-

¹⁾ Стр. 419—421, 461.

ники Византіи. Въ этомъ вопросѣ о греческомъ или восточномъ воздѣйствіи на западную образованность должно отличать факты весьма различнаго значенія, и только при этомъ различіи могутъ точнѣе опредѣлиться свойства самой византійской культуры и степень ея дѣйствительной заслуги.

Такимъ образомъ должно отличать, во-первыхъ, вліянія античныя, древне-греческія и, во-вторыхъ, вліянія древне-христіанскія, — гдѣ (въ томъ и другомъ случаѣ) Византія играла роль хранительницы и посредницы; въ-третьихъ, подобныя посредственныя вліянія древне-греческой литературы (особенно Аристотеля) черезъ арабскія школы и переводы; наконецъ, вліянія, принадлежавшія собственно Византіи, исходившія отъ ея труда и отъ ея мысли. Понятно, что первыя три категоріи не могутъ быть поставлены въ заслугу собственно-византійской, средне-греческой цивилизаціи, — онѣ не были ея созданіемъ, и она относительно ихъ совершила только трудъ посредства, сбереженія, — а иногда утраты и порчи.

Вліяніе античной цивилизаціи на новую Европу начинается еще въ то время, когда Римъ (поглощавшій тогда и Грецію) былъ языческимъ, а предки позднѣйшихъ европейскихъ народовъ были варварами. Съ начала IV-го вѣка Римъ сталъ официально христіанскимъ, имперія была перенесена на Востокъ, языческая древность стала испытывать гоненія, но продолжала существовать, еще въ томъ же IV-мъ вѣкѣ имѣла свой короткій, но не лишенный блеска возвратъ, и при всемъ могуществѣ переворота, совершеннаго христіанствомъ, употребляла послѣднія силы на сохраненіе старыхъ философскихъ преданій и на борьбу. Уже въ 529 г., при Юстиніанѣ, языческія школы были окончательно закрыты, по приказу этого императора.

Съ того же времени совершается эллинизация восточной имперіи, и вмѣстѣ возникаетъ особый національный типъ византійства, потому что «ромей» уже не были прежними греками ни по этнологическому составу народности (въ которую вошло много новыхъ элементовъ), ни по дарованіямъ. Здѣсь собственно только и начинается средне-греческая «Византія», какъ отдѣльное историческое явленіе, какъ особое государство, фазисъ національности, образованность... Несмотря на гоненія и закрытіе школъ античныя преданія еще хранились кое-гдѣ въ VI—VII вѣкѣ, а потомъ, утративши послѣдніе остатки живой связи — они, вѣроятно по связи съ преподаваніемъ, стали привлекать любопытство собирателей, которые и сохранили многое изъ произведеній древности въ своихъ компіляціяхъ.

Такимъ образомъ очень долго сберегалась сама подлинная античная древность, и сохраненіе ея преданій до VI—VII-го вѣка не было дѣломъ Византіи, которая, напротивъ, сама старалась ихъ истреблять и многое истребила.

Во-вторыхъ, не должно смѣшивать византіиства съ христіанствомъ. Высокія идеи новаго ученія явились для собственно византійскаго періода готовыми; не только писатели первыхъ вѣковъ, но и патристическіе писатели IV-го вѣка, современные началу восточной имперіи, которымъ принадлежитъ великая заслуга объясненія и энергической защиты этихъ истинъ, развивались подъ влияніями старой образованности, которая въ IV-мъ вѣкѣ имѣла еще своихъ замѣчательныхъ представителей, какъ Прокль; Либаній могъ быть другомъ Василія Великаго. Собственная роль Византіи, или средне-греческой національности, въ развитіи христіанской философіи начинается нѣсколько позднѣе, съ возрастающимъ стремленіемъ въ кодификаціи ученій, съ новымъ законодательствомъ, съ тѣми безконечными метафизическими спорами, которые становятся на нѣсколько столѣтій господствующимъ интересомъ византійскихъ умовъ.

Въ-третьихъ, посредственная заслуга Византіи въ сообщеніи новой Европѣ философіи Аристотеля и другихъ произведеній древности, черезъ арабовъ,—эта заслуга была очень неопредѣленная, такъ что многіе ея вовсе здѣсь не находятъ, и приписываютъ ее именно арабамъ, — которые въ тѣ времена призывали къ себѣ ученыхъ, преслѣдуемыхъ въ самой Византіи, покупали греческія бібліотеки или получали ихъ по договорамъ какъ военный трофей, переводили древнихъ авторовъ на арабскій языкъ и распространяли въ своихъ школахъ.

Итакъ, элементы византійской образованности были весьма различны, и далеко не всѣ были ея собственнымъ приобрѣтеніемъ. Античная древность и первая древность христіанская ей не принадлежали (какъ не ея заслугой была и образованность арабовъ). Если византійская образованность усвоивала себѣ то и другое, изучала древнихъ, выбирала патристическіе авторитеты и продолжала ихъ религиозно-философскія задачи,—ея культура не отождествилась ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Она своеобразно относилась къ этому содержанію. Иногда ея мыслители и писатели умѣли быть на высотѣ воспринятой идеи; иногда (особенно, относительно научнаго содержанія античнаго міра) они были только компиляторами, собирателями, схоластиками; иногда, античныя преданія, напр. чисто научныя, были ею и совсѣмъ забыты; иногда

высокая идея вызывала въ нихъ только теоретическое резонерство, и живая истина утопала въ схоластикѣ.

Въ этой схоластикѣ, или религіозной философіи Византіи авторъ, кажется, и находитъ ея основную силу и придаетъ ей великое значеніе, повидимому, не только съ исторической точки зрѣнія. Онъ замѣчаетъ, что Западъ, который, по его мнѣнію, такъ много былъ обязанъ Византіи и только съ XVI и XVII в. началъ своеобразное развитіе, — «не воспринялъ во всей полнотѣ и цѣльности мысль восточно-христіанскую», т.-е. какъ она излагалась и развивалась византійцами. По его мнѣнію, Западъ «преимущественно и полнѣе принялъ отъ грековъ и съ XVI в. сталъ развивать далѣе рационалистическія ученія крайнихъ иконоборцевъ»¹⁾. Но, сколько мы знаемъ, новѣйшая философія ведетъ нѣсколько иначе свою генеалогію, и въ схоластикѣ среднихъ вѣковъ, и западной, и византійской, не думаетъ видѣть источника, еще недовольно ею исчерпаннаго и къ которому ей еще не мѣшало бы возвратиться, — какъ авторъ повидимому хочетъ связать²⁾, — и, напротивъ, считаетъ схоластику особымъ, завершеннымъ историческимъ періодомъ, и даже не философіей въ истинномъ смыслѣ слова³⁾.

1) Стр. 568; см. приведенную выше цитату.

2) Другіе это говорили довольно положительно.

3) Вотъ слова Льюиса, — котораго беремъ не какъ особый какой-нибудь авторитетъ, а какъ писателя, который доступенъ и въ русской литературѣ (наша литература не особенно счастлива въ знакомствѣ съ европейскими произведеніями этого рода).

„Древняя философія угасла съ Промломъ, — говоритъ Льюисъ. — Преемники его, хотя и назывались философами, но въ сущности были только религіозными мыслителями, употреблявшими философскія формулы. Ни одинъ изъ нихъ не покусился на рѣшеніе этихъ трехъ великихъ задачъ философіи: откуда взялся міръ? какова природа Бога? какова природа человѣческаго знанія? Эти религіозные мыслители много разсуждали, аргументировали, дѣлили и подраздѣляли понятія, но при всемъ этомъ они употребляли философію только какъ вспомогательное средство: при рѣшеніи всѣхъ великихъ задачъ вѣра была ихъ единственнымъ орудіемъ.

„Послѣдующія эпохи называются эпохами христіанской философіи; но это названіе есть абсурдъ. Христіанинъ, конечно, можетъ быть въ то же время и философомъ; но говорить о христіанской философіи значитъ злоупотреблять словами. Христіанская философія значитъ христіанская метафизика, т.-е. рѣшеніе метафизическихъ задачъ посредствомъ началъ христіанства. А что такое христіанскія начала, какъ не доктрины, возвышенныя намъ Откровеніемъ Христа, т.-е. таія доктрины, которыя потому и возвышены намъ откровеніемъ, что онѣ недоступны нашему разуму, и которыя мы можемъ воспринять не иначе, какъ вѣроу, потому что разумъ оказался въ этомъ отношеніи совершенно несостоятельнымъ.

„Рѣшеніе метафизическихъ проблемъ съ помощію разума — вотъ предметъ философіи, а между тѣмъ философіей называютъ такое рѣшеніе этихъ проблемъ, которое

Въ историческомъ развитіи средневѣковой схоластики, Византия во всякомъ случаѣ не занимала той особенной роли, какую приписываетъ ей авторъ. На Западѣ, по не прекращавшемуся преданію, независимо отъ Византии знали Платона, неоплатониковъ, Аристотеля, отцовъ церкви до IV-го, даже V-го вѣка. До раздѣленія церквей, патристическіе писатели Востока и Запада были общимъ церковнымъ достояніемъ. Западная схоластика развивается позднѣе, потому что позднѣе образовалось самое общество, возникшее изъ племенного броженія по паденіи западной имперіи,—но она уже скоро стала самостоятельной школой. Нѣкоторые изъ первыхъ схоластиковъ съ IX-го вѣка знали византійцевъ, и гордились этимъ знаніемъ, потому что оно было уже рѣдко. Дальнѣйшій ходъ схоластики былъ вообще дѣломъ собственныхъ усилій западной школы, а не византійскаго руководства.

Напротивъ, исторія сочиненій Аристотеля и его средневѣкового значенія представляетъ совсѣмъ иные отношенія. Въ Византии знали Аристотеля, но не отъ нея знакомство съ Аристотелемъ перешло къ западнымъ философамъ. На Западѣ, въ первое время среднихъ вѣковъ, до XII-го вѣка, извѣстна была только диалектика Аристотеля (въ изложеніи Боэтія). Съ XII-го вѣка вошли въ школу и физическія, метафизическія и этическія сочиненія Аристотеля, которыя вскорѣ и положены были въ основаніе схоластической средневѣковой теологіи. Авторитетъ Аристотеля нѣсколько вѣковъ былъ непререкаемъ. Но западная схоластика заимствовала Аристотеля не отъ грековъ, но отъ испанскихъ арабовъ и евреевъ, вмѣстѣ съ ихъ комментаріями и объясненіями этой философіи.

Въ періодъ Возрожденія, византійская ученость оказала болѣе прямое и дѣйствительное участіе въ началѣ и развитіи этого умственнаго движенія. Но и здѣсь вліяніе исходило не изъ собственно византійскаго творчества, а изъ передачи античныхъ пре-

---

совершается не съ помощію разума, а съ помощію вѣры; сущность философіи состоитъ въ разсужденіи, а сущность религіи—въ вѣрѣ, слѣдовательно и не можетъ быть религіозной философіи: эти два выраженія не совмѣстимы одно съ другимъ. Философія можетъ заниматься тѣми же задачами, какъ и религія; но она дѣйствуетъ по другимъ методамъ и зависитъ отъ совершенно иныхъ началъ. Религія можетъ и должна призывать себѣ на помощь философію, но въ такомъ случаѣ она приводитъ философію подначальное мѣсто, роль объяснительницы, примирительницы и примирительницы религіозныхъ догматовъ. Это будетъ не религіозная философія, а религія и философія, изъ которыхъ послѣдняя лишена права рѣшать вопросы самостоятельно, и допущена только въ качествѣ примирительницы рѣшеній религіи съ рѣшеніями разума“. Льюиса „Исторія Философіи“, въ русскомъ переводѣ. Спб. 1866, стр. 343—344.

даній: греки облегчили движеніе, основнымъ источникомъ котораго были собственные запросы западной науки и литературы. Греки нашли въ Италиі подготовленную почву — шокровительство ученымъ трудамъ, любовь къ древности и столь усердныхъ и даровитыхъ учениковъ, какихъ вѣроятно гораздо меньше находили на своей родинѣ. «Возрожденіе» нашло въ Италиі, Франціи, Германіи послѣдователей съ такимъ энтузіазмомъ и энергической дѣятельностью, что оно стало цѣлымъ культурнымъ явленіемъ, какимъ не было никогда въ самой Византіи. То же слѣдуетъ вѣроятно сказать и о вліяніяхъ Византіи въ области искусства, относительно которой авторъ слишкомъ мало оговариваетъ вліянія Византіи, когда говоритъ, напр., о заимствованіи мотивовъ и сюжетовъ живописи.

Въ практическихъ примѣненіяхъ византійскаго принципа, факты опять мало соотвѣтствуютъ тому идеалистическому представленію, какое даетъ авторъ. При всемъ преимуществѣ восточныхъ воззрѣній надъ узвою и принудительною системою западной церковности, Византія не умѣла однако сохранить и тѣхъ приобрѣтеній, какія сдѣлала въ первоначальныхъ церквахъ славянскихъ. Въ IX-мъ и X-мъ вѣкѣ въ церковный союзъ съ греками вступили почти всѣ вѣтви славянскаго племени, болгары, сербы, словинцы, чеки, русскіе, поляки, отчасти и полабскіе славяне; но извѣстно, что восточное христіанство не удержалось у западныхъ вѣтвей и уступило латинству. Самъ авторъ признаетъ, что это была вина Византіи. Послѣ Кирилла и Меѳодія не нашлось людей, способныхъ продолжать ихъ дѣло. «Ничто такъ не говорить объ упадкѣ духовнаго просвѣщенія и христіанской жизни въ Византіи второй половины IX-го и слѣдующихъ столѣтій, какъ это полное въ ней отсутствіе людей, готовыхъ съ опасностью жизни и съ пренебреженіемъ всѣхъ трудностей и неприяностей идти въ западно-славянскія земли... и вступить тамъ въ прямую и открытую борьбу съ латино-нѣмецкимъ духовенствомъ, отстаивать и охранять насажденіе Константина и Меѳодія и распространять на славянскомъ языкѣ христіанство въ тѣхъ западныхъ заголустьяхъ славянскихъ, куда оно не проникло еще при этихъ первоучителяхъ. Тогдашніе многочисленные монастыри греческіе могли бы поставить цѣлыя полки такихъ миссіонеровъ... Но греки предпочитали заниматься теоретическими тонкостями и политическими интригами... А между тѣмъ живые, неугнѣмонные, энергическіе латино-германцы не щадили никакихъ средствъ и усилій, дабы вырвать съ корнемъ юное насажденіе Константина и Меѳодія и утвердить латинскую церковь вмѣстѣ съ своимъ полити-

ческимъ владѣтельствомъ и вліяніемъ въ западныхъ земляхъ славянскихъ»¹⁾. Византія должна была ограничиться югомъ и востокомъ, которые притомъ были почти совершенно недоступны географически вліяніемъ латино-германства.

Противоположность въ характерѣ и способѣ дѣйствія, здѣсь указанная, обнаруживалась не только въ однихъ церковныхъ дѣлахъ. Въ другихъ мѣстахъ самъ авторъ говоритъ о «составившихся» грекахъ византійскаго періода²⁾. И въ самомъ дѣлѣ, при многихъ замѣчательныхъ личностяхъ, при большомъ запасѣ преданій и образованности, византійское общество въ цѣломъ носило признаки упадка, истощенія и слабости, тогда какъ западное общество было еще очень богато непосредственными силами, какъ это чувствовали и сами византійцы: «неугомонность» и энергія, отличавшія западное общество, часто дѣлавшія его грубымъ и хищнымъ, дѣлали его однако смѣлымъ и сильнымъ и въ умственной жизни. «Латино-германство», каково бы оно ни было въ дѣлахъ религіозныхъ, достигало сильнаго объединенія въ моральныхъ и умственныхъ интересахъ, — какового въ своемъ кругѣ не давала Византія. Южное и русское славянство цѣлѣмъ вѣка были связаны съ Византіей тѣсными церковными узами, но Византія не сообщила имъ и тѣни познаний, какими востокъ была богата: ея литература и главный запасъ которыхъ, послѣ ея паденія, перешелъ къ итальянцамъ и другимъ западнымъ народамъ, — да и вообще не передала Россіи особенно богатаго и выгоднаго умственнаго наслѣдства. Русскіе думали въ XV-мъ вѣкѣ (авторъ статьи «Славянскаго Сборника» и теперь это думаетъ), что послѣ паденія Константинополя Москва осталась преемницей и наслѣдницей Византіи, «третьимъ Римомъ», главой восточнаго христіанства. Дѣйствительно, Россія съ тѣхъ временъ стала самымъ сильнымъ государствомъ христіанскаго Востока, но стала благодаря собственной энергіи, а не византійскому наслѣдію; политическое могущество не сдѣлало Россіи главою восточнаго христіанства, какъ была Византія; церкви восточныя съ XV-го вѣка и донынѣ были предоставлены собственнымъ средствамъ въ своемъ церковномъ бытѣ и просвѣщеніи; далѣе, тѣ бытовныя формы, которыя можно приписывать византійскому преемству, не были приобрѣтеніемъ, несомнѣнно выгоднымъ. Наконецъ, Россія не унаслѣдовала и преданій византійской образованности. Когда ученые византійцы покидали павшее оте-

¹⁾ Стр. 456—457.

²⁾ Стран. 500.

чество, спасая преданія своей литературы, никому изъ нихъ не пришла мысль идти въ Москву, — тамъ имъ было нечего дѣлать, — и они шли въ Италію. Новѣйшая греческая ученость примыкала и примыкаетъ обыкновенно къ Западу.

Безспорно, великой заслугой Константина и Меѳодія было введеніе христіанства на народномъ языкѣ: для самыхъ истинъ христіанства было достойнѣе являться народамъ на живомъ языкѣ, говорить прямо уму и сердцу людей, не обдекаясь въ странную официальность непонятнаго языка. Но не слѣдуетъ преувеличивать этой разницы восточнаго и западнаго христіанства. Дѣйствительно, на Западѣ латинскій языкъ является языкомъ богослуженія, церковнаго законодательства — но была и живая проповѣдь, поученіе на народномъ языкѣ. Господство латыни въ церкви сдѣлало ее языкомъ образованности, и эта образованность становилась достояніемъ *всей* западной Европы. То единство Запада, которое, напримѣръ, нашъ авторъ хочетъ объяснить фальшивыми и насильственными принципами папства и императорства, было, особенно, единствомъ образованности, которое, при помощи латинскаго языка, простиралось всегда дальше границъ имперіи, и пережило тѣ времена, когда авторитетъ папства во многихъ странахъ былъ подорванъ и уничтоженъ. Между прочимъ, общая образованность разносила вездѣ и протесты противъ этого папства. Устраненіе народнаго языка изъ официального христіанства на западѣ вознаграждалось богатымъ развитіемъ національных литературъ, гдѣ мотивы народно-поэтическіе были разработаны въ такомъ обиліи, какого никогда не видѣли славянскія литературы, начавшія съ перевода св. писанія. Съ другой стороны, появленіе писанія на древнемъ народномъ языкѣ у славянъ восточныхъ закрѣпило этотъ языкъ для церкви и образованія, и уже вскорѣ произвело два языка — одинъ для жизни, другой для книги. Это повлекло за собой свои крупныя неудобства. Языкъ книги съ вѣками становился непонятенъ для массы; невразумительность церковной рѣчи породила цѣлый расколъ; господство церковнаго языка затруднило самое образованіе литературы на живомъ языкѣ, которому только длиннымъ рядомъ усилій удалось завоевать себѣ право независимаго существованія, — но черезъ тысячу лѣтъ послѣ Константина и Меѳодія не удалось еще стать живымъ языкомъ религіи.

Мы замѣчали выше, что при международныхъ культурныхъ вліяніяхъ обыкновенно известная идея, нравственный принципъ, знаніе не передаются въ своей чистой, отвлеченной формѣ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ оказываютъ свое дѣйствіе способы пониманія,

этнографическія особенности, съ какими идея являлась у народа передающаго. Въ древней Руси византійскія вліянія не были только книжныя и отвлеченныя; напротивъ, съ перваго введенія христіанства сами византійцы приходили въ Россію іерархами, художниками; съ ними встрѣчались русскіе духовные люди и паломники въ Цареградѣ, на Аѳонѣ, и т. д.; съ общимъ христіанскимъ знаніемъ, церковной литературой, легендами и сказаніями, почерпался и тотъ особый складъ религіозности, который отличалъ византійскихъ ревнителей. Само собою разумѣется, что была большая разница въ положеніяхъ и развитіи: древняя Русь не могла равняться византійцамъ въ ихъ церковно-схоластической учености; античныя изученія византійцевъ и вовсе оставались ей чужды и неизвѣстны; самый складъ византійской религіозности принимался съ извѣстнымъ выборомъ, ограниченіемъ или усиленіемъ, смотря по обстоятельствамъ времени и собственнымъ наклонностямъ,—но общее вліяніе византійскихъ свойствъ не подлежитъ сомнѣнію.

Авторъ статьи «Слав. Сборника» вѣрно опредѣлилъ нѣкоторыя изъ этихъ свойствъ «состарившихся» грековъ; въ дополненіе къ его замѣчаніямъ приводимъ еще характеристику, сдѣланную однимъ изъ нашихъ изслѣдователей византійства. Рѣчь идетъ о положеніи Византіи и характерѣ ея религіозности въ концѣ XI-го вѣка, въ тяжелыя времена, когда нападенія турокъ и печенѣговъ заставили Византію сознаться въ своемъ безсиліи и обратиться за помощью къ ненавистному и пренебрегаемому Западу,—но общія черты національно-религіознаго склада, здѣсь указанныя, найдутся, конечно, и ранѣе и позже этого времени: онѣ принадлежали всему національному характеру.

«Первые годы послѣдняго десятилѣтія въ XI-мъ вѣкѣ,—говоритъ нашъ изслѣдователь,—это былъ моментъ, когда государственная Византія, гордая своими римскими преданіями, своимъ незапятнаннымъ православіемъ, своимъ безконечнымъ превосходствомъ надъ всѣмъ варварскимъ міромъ, грубыми инстинктами котораго она умѣла управлять съ такимъ искусствомъ, и къ средѣ котораго она причисляла какъ западныхъ христіанъ, такъ и своихъ славянскихъ единовѣрцевъ,—потеряла вѣру въ себя и въ высокія заслуги своего православія. Эти заслуги предъ судомъ исторіи, дѣйствительно, высоки, но онѣ, конечно, не оправдывали того *иудейскаго*, во всякомъ случаѣ не-христіанскаго воззрѣнія, что догматы и обрядъ составляютъ всю сущность христіанства—пожимо духа любви христіанской; что общество, которое умѣетъ понимать и толковать всѣ глубины догмата и лучше

другихъ сохранило правильность обряда, есть уже новый сосудъ избранія, во всѣхъ случаяхъ какъ бы обязательно охраняемый самимъ Богомъ, что временныя несчастія и бѣдствія происходятъ только отъ случайныхъ и частныхъ нарушеній въ какой-то подразумеваемомъ союзѣ съ божествомъ, а не отъ постоянного забвенія основной заповѣди о христіанскомъ братствѣ и любви»... ¹⁾.

Этотъ отзывъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что принадлежитъ ученому, извѣстному чрезвычайной осторожностью и точностью своихъ историческихъ заключеній. Въ самомъ дѣлѣ, этой черты невозможно не видѣть во многихъ, самыхъ существенныхъ явленіяхъ византійскаго быта и исторіи, и вѣдѣтъ, можно услѣдить ея обнаруженія и тамъ, въ тѣхъ обществахъ, куда простирались и гдѣ дѣйствовали византійскія вліянія. Очевидно опять, что идеальная Византія, построенная авторомъ статьи «Слав. Сборника», получила бы иной видъ, еслибы онъ всмотрѣлся въ эту особенность византійства ²⁾.

Мы упоминали объ упрекахъ автора западными писателями, католическими и протестантскими, за несправедливое отношеніе къ Византіи, источникъ котораго онъ видитъ въ давней ненависти латинскаго Запада къ православному Востоку. Особая католическая точка зрѣнія подобнаго рода дѣйствительно существуетъ, но думаемъ, что авторъ могъ бы не имѣть о ней заботы: для научнаго изслѣдователя она, конечно, имѣетъ столь же мало значенія, какъ и всякая чисто-клерикальная точка зрѣнія; въ русской научной литературѣ католическія осужденія Византіи (за то, что она не подчинилась папству) могутъ, кажется, имѣть также мало шансовъ. Тѣ осужденія Византіи, какія дѣлались

¹⁾ „Византія и Печенѣги“, В. Васильевскаго (Журн. Мин. Нар. Пр.), ст. II, стр. 260—261.

²⁾ Авторъ, между прочимъ, возстаетъ противъ отзывовъ о „растлѣнной“ Византіи; какіе дѣлались разными писателями, между прочимъ, и нашими; и, полагая, что рѣчь идетъ объ испорченности нравовъ, старается доказать (стр. 514 и д.), что она была никакъ не больше, чѣмъ при разныхъ европейскихъ дворахъ, въ европейскихъ обществахъ и черни большихъ городовъ. Но, во-первыхъ, сравненіе не имѣяетъ факта, и если напр. время Людовика XIV было растлѣнно, то это и адѣсь было признакомъ паденія, которое вскорѣ и постиглоancien régime. Во-вторыхъ, дѣло все-таки не въ этомъ, — а именно въ томъ господствѣ высококѣрнаго „іудейства“, которое не давало мѣста свѣжей жизни, замыкало византійцевъ въ самодовольный и лицемерный эгоизмъ, дѣлало ихъ знаніе бесплоднымъ для общества и наконецъ извращало иногда самую религіозность.

историками протестантскими, отвергать труднѣе, — потому что, хотя авторъ и ставитъ ихъ въ ту же категорію, ихъ точка зрѣнія — болѣе свободная и критическая. Но есть и еще родъ сужденій, которыя шли изъ источника вовсе не-клерикальнаго — именно изъ оцѣнки общаго культурнаго значенія Византіи съ чисто исторической точки зрѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, Византія была поставлена много выгоднѣе Рима относительно преданій древней цивилизаціи, положившей первыя начала новѣйшаго развитія. Во времена варварскихъ нашествій, Византія не подвергалась такимъ опустошительнымъ нападѣніямъ, какія истребили въ Италіи множество всевозможныхъ памятниковъ древности — и однако не сберегла многоаго, что могла сберечь; иногда сама истребляла эти памятники, а послѣ, когда и въ ней возникъ интересъ къ древности, не умѣла изучать ея преданій такъ, какъ изучали ихъ на Западѣ. Еще Гиббонъ осуждаетъ константинопольскихъ грековъ, которые «держали въ своихъ безжизненныхъ рукахъ богатства своихъ предковъ, не заботясь о приобрѣтеніи того духа, который создалъ и облагородилъ ихъ достояніе», которые «въ теченіе десяти вѣковъ не сдѣлали ни одного открытія», которые не способны были создать ни одного высокаго поэтическаго произведенія, и т. д. Нашъ авторъ говоритъ, съ своей стороны, о великой учености византійцевъ, но не опровергнулъ (какъ бы сначала нужно было для его дѣла) тѣхъ мало благопріятныхъ современныхъ свидѣтельствъ о состояніи этой учености, какія собраны, напримѣръ, еще у Галлама ¹⁾.

¹⁾ Рамбо, — какъ мы упоминали, — въ своей книгѣ „L'Empire Grec“, также защищаетъ византійцевъ и приписываетъ имъ великую заслугу въ сохраненіи многихъ древнихъ авторовъ, или по крайней мѣрѣ ихъ отрывковъ, — которые, безъ ихъ трудолюбія, были бы для насъ совершенно потеряны; но самъ жалуется на беспорядочность и неумѣлость компилляцій Константина Багрянороднаго.

Наши новѣйшіе византисты берутъ, кажется, въ обычай попрекнуть западныхъ ученыхъ за невниманіе и недовольное почтеніе къ византійцамъ. Въ предисловіи къ книгѣ г. Успенскаго о „Никитѣ Акоминатѣ“ (Сиб. 1874) читаемъ въ первыхъ же строкахъ: „Писатель, составившій предметъ настоящаго изслѣдованія, мало извѣстенъ какъ въ русской, такъ и въ иностранной литературѣ. За границей вообще не особенно занимаютъ византійской исторіей: ни одна историческая литература не представляетъ у себя отдѣльной монографіи о Никитѣ. Когда западнымъ ученымъ приходится говорить о Византіи, они рѣдко (?) обращаются къ византійскимъ писателямъ, довольствуясь извѣстіями своихъ соотечественниковъ“. Невнимательность европейской исторической литературы къ византійцамъ вообще и къ Никитѣ въ частности авторъ объясняетъ далѣе „ложнымъ самолюбіемъ и высокоумнымъ пренебреженіемъ, съ которыми относятся ученые къ востоку“.

Но спрашивается: откуда же мы знаемъ что-нибудь о византійцахъ, какъ не изъ этой иностранной литературы, не изъ изданій, приготовленныхъ этими amo-

Западные историки литературы въ особенности и имѣли въ виду эту сторону византійской образованности, — растрату античной цивилизаціи, недостатокъ самостоятельной разработки, clerикальный духъ философіи, крайнее распространеніе риторической напыщенности, прикрывавшей бѣдность содержанія и т. п. ¹⁾.

страшными учеными? Неужели въ старину Докманъ, Вандури или Фабрицій, въ новѣйшее время Гаазе, Тафель, Голфъ, Николаи, Финлей и пр. и пр. „не охотно“ занимались Византійей? Гдѣ же охотно занимались ею — неужели у насъ? Авторъ жалуется, что въ иностранной литературѣ нѣтъ монографій о Никитѣ, а на стр. 10 цитируетъ такую монографію. Наконецъ, упрекъ западнымъ ученымъ за невнимательность къ Никитѣ Акоминату (изъ „ложнаго самолюбія“, которое наводитъ авторъ у историковъ XIX-го вѣка относительно писателя XII-го столѣтія!) страннымъ образомъ опровергается первыми строками самаго сочиненія. Оказывается (на страницахъ 1-й и слѣдующихъ), что эта иностранная литература, столь невнимательная къ Никитѣ Акоминату, уже въ XVI-мъ столѣтіи имѣла нѣсколько изданій его сочиненій! „Одинъ изъ высокопоставленныхъ и образованныхъ людей этого времени, Антонъ Фуггеръ, — рассказываетъ авторъ, — приобрѣтивъ въ Царградѣ списокъ исторіи Никиты, поручилъ просмотрѣть его Юрениму Вемфу, мѣстному (еще въ XVI столѣтіи!) своимъ изданіями и критическими трудами *по византійской исторіи*“ и пр. Вольфъ приготовилъ съ величайшимъ вниманіемъ изданіе Никиты, за которымъ послѣдовалъ рядъ другихъ изданій, именно потому, что этотъ писатель привлекалъ къ себѣ вниманіе не только въ историческомъ, но и въ общественномъ смыслѣ. Въ послѣдніа десятилѣтія нашего времени было еще два или три изданія. Все это оказывается на первыхъ же страницахъ книги г. Успенскаго — странное ребячество въ серьезной, впрочемъ, работѣ.

¹⁾ Ср. отзывы Бернгарди (Grundriss der Griech. Litteratur, — въ изложеніи византійскаго періода), Николаи, въ трактатѣ о византійской литературѣ (Griechenland im Mittelalter und in der Neuzeit, Энциклопедія Эрша и Грубера, 1 Section, т. 87; 1869) и проч. Эту черту византійской образованности указываетъ и г. Успенскій: „Двѣнадцатый вѣкъ представляеть не мало иметь, учености, усердіе и знаніе которыхъ могли бы служить достаточнымъ признакомъ образованности и для болѣе благоприятнаго времени. Но почти на каждомъ писателѣ лежитъ общій отпечатокъ формальнаго направленія въ воспитаніи; искусная замѣна недостатка содержанія гладкой формой сдѣлалась обычною въ жизни и дѣятельности образованныхъ людей этого времени. Грамматика и риторика вызвали недовольство; искали успокоенія въ философіи; но и эта послѣдняя, ниталась діалектикой, не отдѣляла истины отъ вымысла и вдавалась въ чуждую ей богословскую область“ („Никита Акомин“, стр. 20). Западные историки, между прочимъ, даже въ послѣднее время, напр. Николаи, упрекають византійцевъ и за порчу классическаго эллинскаго языка, который все больше наполняется у нихъ простонародными и варварскими словами. Этотъ упрекъ, конечно, страненъ: въ языкѣ происходило естественное физиологическое измѣненіе; среднегреческій, какъ онъ существовалъ въ живомъ употребленіи, былъ уже непохожъ на классическій эллинскій и имѣть ничего страннаго, что языкъ устъ народа и общества оный сталъ проникать и въ книгу. Можно скорѣе удивляться тому, что книжный языкъ такъ долго и упорно сопротивлялся вступленію элементовъ живой рѣчи: для историка, это — чистая потеря, потому что усиленное стараніе византійцевъ писать древнимъ классическимъ языкомъ и боязнь нарушить его изищество „варварской грубостью“ порождали натянутую условность, которая скрывала

Исторія точныхъ наукъ и изученія природы пропускаетъ со-
всѣмъ періодъ средневѣковой схоластики, какъ совершенно ли-
шешный научнаго духа, и прямо отъ ученыхъ александрійской
эпохи переходитъ къ началу новѣйшихъ открытій въ XV—XVI
столѣтіяхъ; между тѣмъ эта александрійская наука была грече-
скимъ античнымъ преданіемъ, которое могло бы быть сохранено,
но въ византійскомъ періодѣ заглохло и забылось. Понятно, что
эти историческія заключенія не имѣютъ ничего общаго съ като-
лической ненавистью къ Востоку, на которой настаиваетъ авторъ
статьи «Слав. Сборника». Для западныхъ историковъ представ-
лялось и сличеніе—съ тѣмъ умственнымъ движеніемъ, какое воз-
никло изъ античныхъ вліяній въ Италіи XIV-го вѣка, а затѣмъ
и во всей западной Европѣ.

Наконецъ, авторъ какъ-то особенно понимаетъ и все новѣй-
шее развитіе европейской мысли, въ отвлеченномъ ея содержаніи
и общественныхъ примѣненіяхъ. Ему кажется, что и это развитіе
какъ-то связано съ отношеніями западнаго латинства и византій-
ской философіи: этой послѣдней принадлежитъ, по его мнѣнію,
привилегія истинной терпимости и свободы вѣры; въ западномъ
латинствѣ и протестанствѣ этой свободы и терпимости нѣтъ, и
здѣсь она является будто бы только у людей, отрекающихся отъ
христіанства. «Оттого, — говоритъ онъ, — мы видимъ со временъ
Вольтера (дѣло Каласа), люди, отдѣлившіеся отъ господствующаго
на западѣ христіанства, въ двухъ его формахъ, католицизмѣ и
протестанствѣ, отстаиваютъ и проповѣдываютъ начало терпимости
и свободы вѣры, принимаютъ подъ свою защиту эти начала чи-
сто христіанскія противъ нападокъ и посягательствъ официаль-
ныхъ поборниковъ христіанскаго ученія и нравственности»¹⁾.
На это мнѣніе трудно даже отвѣчать. Авторъ до такой степени
живетъ въ теоріи, что совсѣмъ забываетъ, какъ шла исторія. Оты-
скавъ у восточнаго писателя, положимъ IV-го вѣка, мысль о
терпимости и свободѣ совѣсти, онъ рѣшаетъ, что терпимость и
свобода совѣсти составляютъ исключительную принадлежность Во-

---

подъ книжными выраженіями черты живого быта и нравовъ, и напр. даже самыя
имена народовъ, съ которыми приходилось имѣть дѣло византійцамъ.

1) Стран. 499. Дальше, говоря о насильственности и принудительности, какъ
принципахъ латинскаго Запада, авторъ приводитъ въ примѣръ романо-германское рас-
пространеніе христіанства. Выше мы упоминали, насколько принудительность была
исключительнымъ свойствомъ Запада. Прибавимъ здѣсь, что напрасно авторъ не
вспомнилъ разсказа хѣтописи, какъ напр., Добрыня и Путята крестили огнемъ и ме-
чомъ новгородцевъ. Русское язычество было вообще вяло, такъ что больше двухъ-
трехъ примѣровъ этого рода не понадобилось; но примѣры были.

стова, — и не обращаетъ никакого вниманія на историческіе факты, указывающіе, что на дѣлѣ этой терпимости было очень немного. Вспомнивъ потомъ о Вольтерѣ, человѣкѣ западномъ и невѣрующемъ и который былъ ревностнымъ защитникомъ терпимости, онъ рѣшаетъ, что на Западѣ только люди, отступившіеся отъ церкви, могли понимать и защищать терпимость. Но въ томъ же дѣлѣ, что ученія, возвышенныя христіанствомъ, были такъ возвышенны, что въ теченіе почти двухъ тысячъ лѣтъ, протекшихъ съ его основанія, человѣчество, въ массѣ, не въ состояніи было стать вполне на уровнѣ этихъ ученій, что всегда постигали ихъ вполне только лучшіе люди, что даже въ пору величайшаго энтузіазма, въ западное, ни восточное общество не способны были усвоить ихъ во всемъ объемѣ: эти ученія создавали много прекрасныхъ явленій въ личной жизни, смягчали грубость нравовъ, законодательствъ и понятій, но вообще слишкомъ мало исполнялись, или часто были понимаемы превратно въ учрежденіяхъ общественныхъ, такъ что нужны бывали цѣлыя вѣка для того, чтобы эти ученія хотя частію могли быть выполняемы достойнымъ образомъ въ общественной жизни. Въ этомъ долгомъ трудѣ уразумѣнія христіанства, и западное, и восточное человѣчество перешло цѣлый рядъ заблужденій, жило и питалось этими заблужденіями, возводило ихъ въ законъ и т. д. Въ эпоху гоненій, христіане должны были желать терпимости для себя самихъ. Когда христіанство стало господствующей религіей имперіи, тотчасъ явились принудительные законы противъ язычества и ересей; церковная кодификація IV—IX-го вѣковъ ни мало не оспаривала этой принудительности — и въ Византіи, и въ Римѣ, рядомъ съ ученіями христіанскаго братства и любви возникли клерикальные интересы, которые и тамъ, и здѣсь соединялись съ интересами матеріальными и равно вели въ нетерпимости. Поворотъ въ образованіи, совершенный западнымъ возрожденіемъ, именно приобрѣлъ то великое значеніе, что былъ реакціей противъ крайняго клерикализма, и содѣйствовала очищенію загрубѣвшихъ въ средніе вѣка понятій — обновленіемъ древнихъ идеаловъ. Дѣятели «возрожденія» не отказывались отъ христіанства, но прибавляли въ запасу нравственныхъ понятій новую сторону, источникомъ которой была древность. За «возрожденіемъ» естественно слѣдовала реформація: борьба противъ папства и средневѣковаго клерикализма вела вмѣстѣ съ тѣмъ и *права изслѣдованія*, устраненнаго средневѣковой кодификаціей. Сама реформа, воспитанная въ старыхъ нравахъ, ожесточенная борьбой, не отличалась терпимостью, въ которой мало способно было и все общество, увле-

ваемое ревностью не по разуму и недовольно развитое для свободы мысли и вѣры; но существенно было и заявленіе упомянутого права. Чтобы исправить заблужденія среднихъ вѣковъ нужно было распространеніе образованности, увеличеніе умственныхъ силъ въ самыхъ массахъ общества. И дѣйствительно, распространеніе образованія иного, чѣмъ клерикальное образованіе (западное и восточное, все равно), было главной причиной, содѣйствовавшей развитію понятій о терпимости, давно забытыхъ на Западѣ и на Востокѣ: клерикалы, сословно исключительные, отсталые, часто вовсе невѣжественные, продолжали жечь еретиковъ, преслѣдовать расколы, но образованность (не-клерикальная) начинала просвѣщать умы, наука приучала къ критическому взгляду, къ равнообразію мнѣній, слѣдовательно, къ терпимости, и наконецъ, развивала свои нравственно-общественныя теоріи въ болѣе челоувѣколюбивомъ (христіанскомъ) духѣ, чѣмъ тотъ, къ какому приучала клерикальная исключительность, одинаково сохранявшаяся отъ среднихъ вѣковъ въ обществѣ западномъ и восточномъ.

И нѣтъ ничего удивительнаго, что широкая идея, внушаемая наукою, могла иногда превышать достоинствомъ взгляды, господствовавшіе въ клерикальномъ мірѣ. Такъ, идея терпимости, въ сущности христіанская, какъ замѣчаетъ авторъ, была развиваема въ XVIII-мъ вѣкѣ не однимъ Вольтеромъ, но цѣлой дѣстической французской философій, «просвѣтительной» литературой нѣмцевъ, скептической философій англичанъ. Эти вліянія не остались чужды и общества русскаго, общества той Россіи, которую авторъ считаетъ главнѣйшей представительницей теперь греко-славянскаго міра: наша образованность прошлаго вѣка, между прочимъ, въ трудахъ самой императрицы Екатерины II, большой поклонницы французской философій, — наша литература, при всей ограниченности своихъ размѣровъ, не мало позаимствовалась этими идеями и принесла несомнѣнную пользу правамъ и понятіямъ русскаго общества. Несмотря на всѣ византійскія преданія, русское общество услышало о терпимости и свободѣ совѣсти — едва ли не въ первый разъ при Петрѣ Великомъ, благодаря его великому здравому смыслу, во второй разъ — при Екатеринѣ II, благодаря вліянію французской философій. И вообще, если авторъ захочетъ искренно признать факты, онъ долженъ будетъ согласиться, что въ нашей жизни гораздо больше терпимости обнаруживалось тамъ, гдѣ дѣйствовали вліянія западной образованности, нежели тамъ, гдѣ дѣйствовали византійскіе принципы и воспоминанія.

Такимъ образомъ, ставя на мѣсто идеалистическихъ построений факты исторіи, мы приходимъ къ заключеніямъ, весьма несходнымъ съ греко-славянскою теоріей.

Во-первыхъ, мы не находимъ въ исторіи самого греко-славянства. Греческій и славянскій — это два весьма непохожіе, во многомъ даже антипатичные одинъ другому міра; они бывали въ извѣстныхъ культурныхъ отношеніяхъ, имѣли по нимъ общіе интересы, но ихъ историческая связь никогда не имѣла той степени прочности, какая была дѣйствительно въ противоположаемомъ имъ романо-германствѣ. Германскій міръ очень рано вступилъ въ историческія отношенія съ міромъ римскимъ, — еще во времена древней имперіи. Германцы участвовали долей своего національнаго цѣлаго въ созданіи новыхъ романскихъ народностей; принявъ христіанство, они получили общій съ народами романскими языкъ церкви, который сталъ общимъ языкомъ ихъ образованности; феодализмъ связывалъ ихъ сходствомъ общественныхъ учреждений; единство образованности, нравовъ производило наконецъ и общія явленія въ поэзіи и искусствѣ. Напрасно стали бы мы искать подобной связи въ такъ-называемомъ греко-славянскомъ мірѣ. Славянство было близко географически къ Византійской имперіи, которая прежде всего была для славянскихъ племенъ (южныхъ и восточныхъ) богатой страной, гдѣ можно было найти мѣсто для поселенія и поживиться добычей; византійцы — не только въ тѣ времена, но и долго послѣ — смотрѣли на славянъ едвали лучше, чѣмъ мы смотрѣли на Хиву и Ташкентъ. Принятіе христіанства установило между ними религіозныя отношенія, — которыя однако не были ни общими для всего славянства, ни довольно сильными, чтобы перенести къ славянству образованность, какою обладала сама Византія. Въ однихъ изъ славянскихъ странъ, христіанство, заимствованное изъ Византіи и принятое на народномъ языкѣ, уступило и потомъ утратилось подъ римскими и нѣмецкими вліяніями (Чехія, Моравія, Польша и т. д.); оно сохранилось только на славянскомъ югѣ и востогѣ, въ земляхъ, непосредственно сосѣднихъ съ Византіей или недоступныхъ западнымъ вліяніямъ. Такимъ образомъ, изъ цѣлага племени, которое хотятъ засчитать въ греко-славянство, только южное славянство и Русь могли идти въ этотъ счетъ; для другихъ церковныя отношенія къ Византіи, повидимому все-таки не довольно тѣсныя, начавшись только въ IX-мъ вѣкѣ, продолжались едва нѣсколько десятилѣтій, и затѣмъ снова прервались. Самыя южно-славянскія племена такъ мало цѣнили «греко-славянскія» отношенія (которыя, по теоріи, должны бы были быть для нихъ такъ до-

роги), что уже съ X-го вѣка начинается въ ихъ средѣ сильное еретическое движеніе; другіе уходили въ католицизмъ.

Что касается древней Руси, ея связи съ Византіей были преимущественно религиозныя, единовѣрныя. Такой идеальной восточно-христіанской имперіи, какую изображаетъ изложенная выше теорія, на дѣлѣ не существовало; наши историки, напротивъ, находили, что византійскія вліянія, несомнѣнныя въ первоначальныхъ дѣлахъ, были очень незначительны въ другихъ отношеніяхъ внутренней жизни древней Руси ¹⁾: Царьградъ, конечно, пользовался въ древней Руси великой славой и почтеніемъ—по своимъ святынямъ; онъ былъ знаменитъ, какъ Іерусалимъ, Афонъ, гора Синай,—но его политическое вліяніе на дѣла было ничтожно, культурное движеніе, имъ сообщаемое, столь ограничено, что древняя Русь на много вѣковъ отстала въ этомъ отношеніи отъ западной Европы, и въ томъ числѣ отъ своихъ западныхъ единоплеменниковъ. Въ дѣлѣ образованія, самый Западъ былъ, и по признанію греко-славянской теоріи, гораздо ближе связанъ съ Византіей, чѣмъ была древняя Русь. Византія не передала древней Руси своихъ научныхъ знаній, даже схоластическихъ; античныя преданія, которыя при посредствѣ греческихъ ученыхъ создали такое движеніе умовъ на западѣ въ періодъ «возрожденія», у насъ были неизвѣстны,—или доходили отчасти въ скудномъ, отчасти просто въ каррикатурномъ видѣ. Взамѣнъ того, сообщены были и развились, во-первыхъ, слишкомъ вещественное пониманіе религиозныхъ предметовъ въ массѣ, во вторыхъ, край-

¹⁾ Напомнимъ сужденія г. Соловьева:

„Русское государство,—говоритъ онъ,—образовалось на дѣвственной почвѣ, на которой исторія, цивилизація другого народа не оставила никакихъ слѣдовъ; никакихъ преданій, никакихъ учрежденій не досталось въ наслѣдство тому русскому обществу, которое должно было начать свою историческую жизнь съ одними собственными средствами... Новорожденное общество избѣгло чуждыхъ сильныхъ вліаній со стороны народовъ, поставленныхъ въ болѣе благоприятныя обстоятельства относительно гражданственности... Русь приняла христіанство отъ Византіи, которая вслѣдствіе этого обнаружила сильное вліяніе на жизнь юного русскаго общества, но... Греція обнаруживала свое вліяніе на Русь не во столько, во сколько сама хотѣла обнаруживать его, но во столько и въ такихъ формахъ, въ какихъ сами русскіе хотѣли принимать ея вліяніе; ни свѣтская, ни духовная власть восточной имперіи не могли имѣть рѣшительнаго вліянія на явленія древней русской жизни, не могли выставить начала равносильнаго господствовавшему въ ней началамъ, которыя потому и развивались въ ней свободно и независимо; византійскія государственныя помята, проводимыя на Руси чрезъ духовенство, могли только тогда способствовать окончательному сокрушенію нѣкоторыхъ формъ жизни, когда эти формы были уже рѣшительно поколеблены вслѣдствіе внутреннихъ причинъ“ (Ист. Россіи, I, стр. 273—274).

няя нетерпимость, а вмѣстѣ съ ней и національная исключительность.

Въ XV-мъ вѣкѣ Византія, и еще раньше южное славянство подпали владычеству турокъ. Общее бѣдствіе не сблизило и теперь «греко-славянства», не внушило ему чувства христіанской солидарности; совсѣмъ напротивъ: фанариотское духовенство стало союзникомъ турокъ въ угнетеніи беззащитнаго славянскаго населенія. Эти «христіанско-культурныя» отношенія длились до послѣдняго времени; болгары освободились отъ этого гнета только недавно, добившись учрежденія своей независимой церкви, и аргументомъ, поддержавшимъ ихъ требованія, была историческая ссылка на давнюю отдѣльность отъ Константинополя существовавшей нѣкогда болгарской патриархіи въ Терновѣ; въ Боснѣ фанариотское угнетеніе продолжается и до настоящей минуты. Московское царство послѣ паденія Константинополя является единственнымъ сильнымъ государствомъ христіанскаго Востока; по мнѣнію греко-славянской теоріи, сюда перешло значеніе Византіи. Но и въ эту эпоху, Византія передала Москвѣ не тѣ запасы общечеловѣческой образованности, какіе въ ней были, а то, чтб было въ ней византійско-восточнаго, и, хотя византійскія идеи не остались безъ вліянія на свойства московскаго единодержавія, московское царство разрослось не въ силу принциповъ идеальной имперіи, изображаемой нашимъ авторомъ, а въ силу своего географическаго положенія и превосходства европейскаго племени надъ азіатскими, съ которыми оно тутъ встрѣтилось.

На этомъ кончились греко-славянскія отношенія. Съ ослабленіемъ старой московской національной и религіозной исключительности, для Россіи кончились средніе вѣка; пробудившаяся потребность въ образованіи покидаетъ византійскую традицію, которая была такъ бесплодна въ этомъ отношеніи, и стремленія къ образованности направляются къ западнымъ источникамъ. Съ признавами національнаго возрожденія и съ началомъ политическаго освобожденія у южныхъ славянъ, съ конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка, и тамъ обнаруживаются тѣ же стремленія къ западному образованію. Сама возродившаяся Греція не помышляетъ о «греко-славянствѣ», возведенномъ у насъ въ историческій идеалъ, и обращается къ тѣмъ же западнымъ источникамъ Старый «греко-славянскій» міръ, если онъ когда-нибудь и существовалъ, стремится не къ выдѣленію, а къ объединенію съ западомъ въ общечеловѣческой образованности.

Такимъ образомъ, ни въ историческихъ фактахъ, ни въ современной дѣйствительности не находится особеннаго греко-сла-

визанскаго культурнаго міра. Византія имѣла свою историческую роль, которую давно исполнила; реставрировать ее также невозможно, какъ нельзя возвратитъ средніе вѣка. Она отжила свое время; но тѣ лучшіе элементы, на какіе указываетъ, на примѣръ, и нашъ авторъ, связывая ихъ неразрывно съ спеціально-византійскими традиціями, и которые, собственно говоря, далеко не выполнялись самою Византіей—эти лучшіе элементы составляютъ вообще достояніе истинно-христіанской морали, а не византійства: они имѣли свою исторію, имѣютъ свое будущее, но могутъ осуществиться и укрѣпиться въ умахъ не средствами византійскихъ преданій, а съ помощью большихъ успѣховъ свободнаго образованія.

Сдѣлаемъ еще замѣчаніе. Научные предметы до сихъ поръ понимаются у насъ большинствомъ нѣсколько грубовато, и у многихъ сохраняется привычка объяснять происхожденіе того или другого взгляда на историческое явленіе не дѣйствительными основаніями этого взгляда, а «враждой» или «сочувствіемъ» къ самому предмету,—словомъ, привычка считать извѣстное мнѣніе дѣломъ прихоти, пристрастія или недоброжелательства. Можетъ быть, и нашъ взглядъ причислять къ «враждебнымъ». Въ этомъ будетъ мало смысла. Византія—замѣчательное историческое явленіе: изученіе ея можетъ быть исполнено интереса, и необходимо для объясненія русской исторіи; мы говоримъ только, что для этого изученія нужна не поэтическая идеализація, а историческая критика, которой нѣтъ дѣла ни до вражды, ни до дружбы.

А. Пипинъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО СЕРБІИ

въ 1867 году.

III *).

Д Р И Н А.

По-сербски гора—по-русски лѣсъ.—Дерево царь и хребетъ Церь.—Два преданья въ Подерья.—Троноша и Чокешица (монастыри).—Растительность.—Лозница (окружный городъ): шанцы; родина Вука Стеф. Караджича; общественная жизнь; прота Игнатій.—На Дринѣ.—Дѣвичья скала.—Мѣстечко Крупань: капетанъ и его семейство.—Пограничная стража.—Мѣстечко Любова: путешествіе подъ стражей.—Между крестьянами.—Пустыньность Дрины.—Одинокая механа и ночлегъ на берегу.—Характеристика Подринья.—Рача (монастырь): саборъ; коло.—Красота въ сербскомъ вкусѣ.—Переходъ къ Моравѣ: встрѣча съ хайдукомъ (разбойникомъ).

Всѣмъ славянамъ извѣстно слово *гора*, и во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ оно употребляется въ томъ самомъ значеніи, какъ у насъ, русскихъ; только сербъ горою называетъ лѣсъ, а для названія горъ у него есть слова: *планина*, *брдо*, *врхъ*. Откуда произошло такое отождествленіе горы и лѣса, не берусь объяснить; но для Сербіи это оправдывается тѣмъ, что тамъ всѣ горы покрыты лѣсомъ, и онѣ собственно составляютъ главные хранилища лѣсовъ, которые въ низменностяхъ и равнинахъ давно уже исчезли или продолжаютъ исчезать. Кромѣ того, что горы

---

*) См. выше: ноябрь, 5 стр.

въ Сербіи всѣ вообще покрыты лѣсомъ и рѣдко гдѣ представляютъ голыя скалы, онѣ рѣдко гдѣ выходятъ изъ линіи лиственнаго лѣса, рѣдко гдѣ вступаютъ въ полосу лѣсовъ хвойныхъ. Болѣе распространенною породою въ лѣсахъ Сербіи является дубъ, а на возвышенныхъ мѣстахъ, по горамъ, вездѣ растетъ преимущественно одинъ видъ дуба, называемый по-сербски *церъ* (*quercus setigis*). Это одинъ изъ красивѣйшихъ видовъ европейскаго дуба: стволъ его ровный, постепенно доходящій до тонкой, стрѣльчатой олонечности; вѣтви тонкія, длинныя; кора его вся въ глубокихъ продольныхъ бороздахъ, сквозь которыя просвѣчиваетъ красноватое тѣло; листъ небольшой и съ менѣе глубокими выемками; жолуди гораздо крупнѣе, чѣмъ у другихъ видовъ, и сидятъ кучей, штукъ по пяти въ одномъ, снаружи мохвatomъ и колючемъ гнѣздѣ; въ церѣ много смолистаго вещества, и потому его считаютъ хорошимъ строительнымъ матеріаломъ и отличнымъ топливомъ; а жолудями его скорѣе всего откармливаются свиньи, составляющія одинъ изъ главныхъ источниковъ богатства Сербіи.

Церомъ преимущественно покрыты горы, при вступленіи въ которыя находится монастырь Петковица, и потому вѣроятно горы эти называются *Церъ-планина*. Хребетъ этотъ, не превышающій 1000 ф. высоты, даетъ множество притоковъ р. Савѣ и отдѣляетъ отъ нихъ р. Ядаръ, впадающую въ Дрину. Онъ не заключаетъ въ себѣ ничего ни величественнаго, ни неприступнаго, но, господствуя надъ цѣлымъ пространствомъ въ углу между Дриной и Савой, всегда составлялъ пунктъ опоры, на что указываютъ существующія здѣсь развалины двухъ древнихъ городовъ, Троянова и Милошева.

Съ первымъ народная фантазія соединила общеславянское преданіе о царѣ Траянѣ, который здѣсь является въ роли Изара: онъ имѣлъ возлюбленную въ Митровицѣ (на берегу Савы, въ австрійскихъ предѣлахъ) и леталъ къ ней на восковыхъ крыльяхъ, избирая для этого время, когда солнце не сильно грѣло; враги его постарались задержать его до полудня, а когда онъ полетѣлъ, крылья растопились, и онъ упалъ въ Саву, гдѣ и утонулъ.

Съ другимъ городомъ срединено воспоминаніе о героѣ Косовской битвы въ 1389 г., рѣшившей судьбы сербскаго царства, Милошѣ Обиличѣ, который убилъ турецкаго султана Мурата, самъ погибъ и навлекъ отчаянное мщеніе турокъ противъ сербовъ. Есть и еще преданія о Милошѣ. Когда онъ явился на Косово поле одинъ, въ сопровожденіи небольшой только свиты, — царь Лазарь спросилъ:—гдѣ же твои воины изъ Мачвы?—Они остались дома пахать и сѣять, — отвѣтилъ Милошъ. Тогда раз-

тиѣванный царь изрекъ проклятіе, чтобъ они сѣяли, а имъ ничего не доставалось, кромѣ тернія, чтобы жатвой ихъ пользовались турки. Проклятіе сбылось, и болѣе трехъ столѣтій урожайная богатая Мачва не знала мира и была постояннымъ военнымъ театромъ, переходя изъ рукъ въ руки, то въ туркамъ, то въ австрійцамъ, и всякій разъ подвергаясь опустошеніямъ. Съ тѣхъ поръ—

Србин ради, а турчин се слади;
Србин тече, а турчин растиче.

Но откуда же выходятъ и сподвижники Чернаго Георгія, помогавшіе ему въ дѣлѣ освобожденія Сербіи: Милошъ Поцераць и Чарапичъ.

При каждомъ вторженіи турокъ со стороны Босніи черезъ Дрину, теряя панцы надъ Дриной, сербы искали убѣжища въ Церъ-планинѣ, скрывались въ гущѣ его лѣса или въ монастыряхъ, которыхъ тамъ, кромѣ Петковицы, еще два: Чокешина и Трionoша. Всѣ они не разъ выдерживали осаду, а послѣдній извѣстенъ еще найденною въ немъ лѣтописью сербскихъ царей, извѣстною подъ именемъ *Цароставника*. Такъ попеременно имъ приводилось играть роль то убѣжища литературы и подвижниковъ вѣры, то военного укрѣпленія. Теперь же они почти пусты и представляютъ изъ себя то же самое, что Петковица. Отправясь на Лозницу черезъ нихъ, я нашелъ въ Трionoшѣ двоихъ монаховъ, а въ Чокешинѣ троихъ. Въ первомъ я встрѣтилъ юношу 18-ти лѣтъ, который былъ въ полномъ монашескомъ постригѣ. Я удивился такому раннему постриженію. Оказалось, что всѣ родные его перемерли очень скоро одинъ за другимъ, осталась только сестра, которую взяли на воспитаніе, а его обрекли монастырю, что онъ и исполнилъ. Но все же по уставу нельзя посвящать въ полные монахи раньше 30 лѣтъ. На это мнѣ юноша возразилъ:—«А какъ же вы посвятили нашего митрополита въ этотъ санъ, когда ему еще не было 30 лѣтъ? То нужно было, такъ и тутъ: я пропалъ бы; а теперь волей-неволей я монахъ».

— Но, вы тутъ ничего не дѣлаете, тогда какъ могли бы приносить пользу другимъ.

— Какъ ничего не дѣлаю? я молюсь. Хотѣлось бы почитать, да книгъ нѣтъ. А вотъ, если будетъ война, я пойду въ солдаты.

На этомъ мы съ нимъ и разстались.

Въ Чокешинѣ я засталъ дома отца игумена: онъ съ цѣлой

компаніей сидѣлъ на миндерлукѣ. Передъ ними стояло вино, кофе, и всѣ курили трубки; сидѣли они, снявши обувь, чисто по-турецки, и вели бесѣду о политическихъ дѣлахъ.

Меня они встрѣтили очень радушно и жадно стали выпытывать о томъ, что дѣлается въ Бѣлградѣ, не затѣвается ли чего съ Турціей, не поможетъ ли тутъ Россія—и пошли тутъ здравницы, сопровождаемыя чашами краснаго вина.

Такъ мало въ этихъ людяхъ аскетическаго и такой живой интересъ принимаютъ они во всемъ мірскомъ, что ихъ никакъ нельзя считать чѣмъ-либо особеннымъ отъ народной жизни: нигдѣ, ни въ одномъ монахѣ я не встрѣтилъ отреченія отъ жизни—такого, какое встрѣтите въ нашихъ монастыряхъ. Всѣ они вмѣстѣ съ народомъ своимъ готовятся къ чему-то, всѣ живутъ жизнію наканунѣ.

Напоивъ, накормивъ, монахи отпустили меня съ миромъ и подарили два полотенца сербской работы, очень тонкія съ чрезвычайно изящнымъ узоромъ на концахъ.

Чтобы вывести меня на дорогу, мнѣ дали проводника, потому что кратчайшій путь идетъ черезъ горы тропинками, а иногда мы бросали тропинки и ложились прямо черезъ лѣсъ.

Лѣсъ этотъ однако не былъ такъ густъ и непроходимъ, какъ наши листовые лѣса. Кромѣ дуба, изъ глубины долинъ поднимались буковые деревья съ бѣловатою корой и блестящимъ листомъ на тонкихъ вѣтвяхъ, раскинувшихся шатромъ; вязы и грабы, чрезвычайно высокій яворъ (кленъ), изъ котораго сербъ дѣлаетъ музыкальный инструментъ—*гуслу* (однструнная скрипка), чтобы воспѣвать своихъ героевъ и погибшую славу своего отечества. Высокіе стволы этихъ деревьевъ сплошь убраны яркою зеленью плюща или перепутаны виноградною лозою, голыя вѣтви которой сажень на 20 перекидываются съ одного дерева на другое, точно гигантскія змѣи, толщиною въ руку и больше. Тутъ же, въ лощинахъ, вѣеромъ раскидывается папоротникъ, а къ мощному дубу жметса цѣпкій шиповникъ. Благодаря сокращенію пути, я очень рано вышелъ на дорогу, пропелъ селеніе Клубцы, и Ловница ужъ передо мною. Это небольшой окружный городокъ, пріютившійся у подножія хребта *Гучево* надъ Дриной, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нея, потому что берега она затопляетъ. Ничѣмъ не выдаются въ глаза его зданія: домъ начальника, небольшой гостинный дворъ, у каждаго почти домика садикъ; но мѣстоположеніе его очень живописно—между горъ, кругомъ въ зелени, и тутъ же, въ видѣ четырехугольника, обнесеннаго высокимъ землянымъ валомъ, съ глубокимъ ровомъ,

какое-то укрѣпленіе. По обсыпи кругомъ и заросшему травой пространству, видно было, что оно давно уже служило свою службу: посрединѣ его вознигла уже церковь и еще кое-какіе домики, но все-таки городъ въ сторонѣ отъ него, и построился въ томъ видѣ, какъ теперь, гораздо позже. Это шанцы. Чьей они работы,—не знаю, но въ XVIII столѣтіи они не разъ служили австрійско-венгерской арміи, а въ началѣ XIX-го ими воспользовались сербы.

Немного выше Лозницы на Дринѣ существуетъ перевозъ, а въ сухое лѣто она даетъ броды, и потому не разъ случалось, что турки переправлялись здѣсь и дѣлали вторженіе внутрь Сербіи; за то не разъ приводилось имъ тѣмъ же путемъ возвращаться, спасая только себя и бросая въ воду все имущество. Послѣ одного такого бѣгства турокъ, сербы, въ числѣ другихъ вещей, нашли нѣсколько мѣшковъ вещества, въ родѣ гороха, котораго употребленія не знали. Догадываясь, что это нѣчто съѣдобное, они этотъ горохъ варили, тогли и все-таки ничего не выходило: это былъ кофе, который теперь найдете въ каждой, даже самой бѣдной избушѣ простолюдина.

Послѣ 1807 г., года освобожденія Сербіи, турки продолжали собираться на той сторонѣ Дрины, но переходить не рѣшались. И въ 1810 г., 6-го октября, 30,000 турецкаго войска, подъ предводительствомъ визира, потерѣли тутъ полнѣйшее пораженіе. При этомъ сербовъ поддерживали русскіе: народное преданіе рассказываетъ, какъ русскіе казаки вогнали босняковъ въ рѣку и преслѣдовали ихъ на той сторонѣ. А три года спустя, лозницкіе шанцы были снова овружены турками, и сидѣвшій въ нихъ предводитель сербскаго отряда Петръ Молеръ, изнуренный голодомъ и не видя ни откуда помощи, въ темную ночь рѣшился бросить шанцы и пробиться съвозъ турецкое войско. Удалось это только ему съ очень немногими, остальные всѣ пали, и съ тѣхъ поръ на память бѣднаго Молера легло несправедливое обвиненіе въ томъ, что онъ измѣнилъ и не отстоялъ своего поста.

Это было моментомъ, когда счастье оставило сербовъ, и имъ привелось снова покориться безчеловѣчнымъ туркамъ; а два года спустя, Милошъ Обреновичъ здѣсь же разбилъ и взялъ въ плѣнъ боснійскаго папу, но отпустилъ его назадь, надѣливъ всѣмъ необходимымъ для обратнаго пути и обдаривъ дарами его и его свиту, и тѣмъ обезпечилъ за собою дальнѣйшія побѣды, которыми онъ обязанъ именно тѣмъ, что великодушнѣе обезоружилъ правителя Босніи.

Въ такой короткій періодъ времени и столько катастрофъ, рѣшившихъ хоть на время судьбу цѣлаго края! И это приво-

дится связать про всю Сербію, гдѣ каждое почти мѣстечко полито кровью и покрыто славою побѣдъ или геройской смерти сербскихъ юнаковъ.

Въ стратегическомъ отношеніи Лозница представляетъ важный пунктъ, такъ какъ она съ одной стороны находится въ непосредственной связи съ Мачвой, составляя ея естественное продолженіе, съ другой—посредствомъ долины р. Ядра отъ нея легко вступить въ Валевское окружье, въ сердце Сербіи, такъ-называемую Шумадію.

Въ трехъ часахъ отъ Лозницы въ юго-востоку находится мѣстечко *Тришчъ*, родина Вука Стефановича Караджича, который, рядомъ съ героями войны и политическими дѣятелями, основателями политической свободы Сербіи, помогаль возрожденію сербской народной литературы и народнаго духа, собирая и передъ цѣлымъ свѣтомъ выставляя на судъ и удивленье его превосходныя поэтическія произведенія. Тамъ, владея значительнымъ участкомъ земли, онъ обрабатываль ее, стараясь примѣнить тѣ способы, какіе употребляются въ другихъ образованныхъ странахъ, и научить имъ своихъ соотечественниковъ.

Духъ этого патріота и горячаго ревнителя народной музы и по смерти его даетъ себя чувствовать въ общественной жизни Лозницы. Несмотря на весь гнѣтъ, лежавшій на общественной жизни вслѣдствіе излишняго вмѣшательства въ нее администраціи, тамъ образовался кружокъ, который поставилъ себѣ задачу приводить въ убойственную системѣ, будя въ обществѣ самосознаніе путемъ живыхъ бесѣдъ и литературно-музыкальныхъ вечеровъ. Нашелся небольшой домикъ, подъ сѣнью развѣсистыхъ платановъ, куда эти любители литературы и музыки стали собираться днемъ для чтенія, а по вечерамъ для бесѣдъ и пѣнія. Нашелся какой-то швабъ, который взялся держать буфетъ. Итакъ, образовались *читальнище*, *бесѣда* и *пѣвачко друштво* (пѣвческое общество).

Придя въ Лозницу передъ вечеромъ, я сразу попалъ въ это общество. По формѣ—это копія тѣхъ обществъ, какихъ встрѣтишь много въ Германіи и особенно много у чеховъ; но здѣсь нѣтъ того буржуазнаго духа, нѣтъ той погони за услажденіемъ себя, какое мнѣ встрѣчалось въ тѣхъ обществахъ. Предсѣдатель этого общества прота (протопопъ) Игнатій, старецъ лѣтъ подл 60, а остальные члены—офицеръ, учитель, купецъ, какой-то чиновникъ и сосѣдніе крестьяне, по болъшей части все молодые люди. Домикъ, гдѣ собираются,—собственность Игнатія, и еще въ нему прикупили мѣстечко съ садикомъ, въ которомъ есть виноград-

нижъ, нѣсколько фиговыхъ деревь, груши, сливы и цвѣты. Гости здѣсь не гонятся за комфортомъ и вкуснымъ угощеніемъ, что у австрійцевъ на первомъ планѣ, и нѣтъ здѣсь идола, которому бы курили омміамъ: это все самые простые люди, и самая простая личность—предсѣдатель. Обѣды волосы съ серебрянымъ блескомъ густо заросли и обрамляютъ его смуглое лицо, нѣсколько попорченное оспой; черты лица правильныя и суровыя, но смягчаются необыкновенно прямымъ, добродушнымъ взглядомъ свѣтлоглазыхъ глазъ, полныхъ жизни и огня. По движеніямъ и выраженію физиономіи—это юноша, поэтому съ нимъ такъ легко сходится молодежь, и такъ не сходится онъ со зрѣлымъ возрастомъ, который иногда отнимаетъ у людей искренность и благодушіе и дѣлаетъ изъ нихъ по большей части людей узкаго разсчета, «фаха» и партіи.

Прота Игнатій не получилъ никакого почти образованія; но на его глазахъ складывался юный организмъ сербскаго государства, онъ видѣлъ еще въ живыхъ борцовъ за сербскую свободу, привыкъ понимать ее чутьемъ и здравымъ умомъ, и цѣнить выше всего. Его политическія убѣжденія заключаются въ томъ, что Сербіи нужно хорошее правительство; осуществить ли это князь какой бы то ни было династіи, или какое-нибудь коллективное лицо—ему все равно; онъ знаетъ только нужды и потребности своего народа, которыя всѣ выносить въ себѣ и знаетъ, что хорошее правительство должно ихъ удовлетворить, и такому правительству онъ готовъ оказывать полнѣйшее подчиненіе; мало того, готовъ любить его до самой крайней преданности.

Такъ онъ отнесся къ Александру Карагеоргиевичу, котораго призвали вмѣсто Милоша Обреновича, доходившаго въ злоупотребленіяхъ власти и народнаго богатства до нестерпимости. Въ новомъ князѣ онъ уважалъ сына героя, память котораго священна каждому сербу, и въ то же время видѣлъ въ немъ человѣка добраго и мягкаго характера. Если онъ не обнаруживалъ въ себѣ хорошаго правителя, то народная скупщина каждому правительству облегчаетъ дѣло, если ей дано надлежащее значеніе и къ ней обращаются съ должнымъ довѣріемъ и уваженіемъ. Надежды не оправдались; скупщина не созывалась, а на дѣла главное вліяніе оказывали иностранныя консулы, преимущественно австрійскій, и въ то же время были самыя раболовные отношенія къ Турціи. Противенъ сдѣлался князь народу, и Игнатій явился агитаторомъ въ пользу Обреновичей. Во время собранія скупщины онъ, въ виду окружавшаго ее войска, обратился къ народу прямо съ рѣчью, убѣждая призвать Обреновича. Онъ въ это время не

думалъ, что дѣло можетъ не удасться, и тогда по меньшей мѣрѣ ему грозила тюрьма, за которою въ перспективѣ была бы медленно подходящая, но непремѣнная смерть, а еще меньше думалъ онъ, что со стороны правительства этого же самаго Обреновича онъ подвергнется гоненію, какъ то случилось на дѣлѣ. Наканунѣ топчидерской катастрофы онъ былъ уже въ оппозиціи противъ князя Михаила, лично противъ котораго не имѣлъ ничего. На послѣдней скупщинѣ онъ высказалъ все, что имѣлъ противъ правительства князя, сохранивши привязанность къ нему лично за его щедрость и за его намѣреніе освободить бѣдную братію изъ-подъ турецкаго владычества. Замѣчательно, что при князѣ Михаилѣ подвергались гоненію лица, истинно преданныя ему, а пользовались его довѣріемъ и всѣмъ распоряжались или бездушные бюрократы, какимъ былъ Никола Христичъ, или люди, дѣйствовавшіе въ своихъ личныхъ видахъ и на погибель князя, какимъ, безъ сомнѣнія, былъ военный министръ Миливой Блазнаваць.

Я остановился на личности отца Игнатія и взялъ его со стороны общественно-политической, потому что онъ представляетъ собою извѣстный типъ, — это типъ серба провинціального, котораго не тронула ни турецкая культура съ ея фанатическимъ самодовольствомъ, съ ея грубымъ деспотизмомъ, проявляющимъ себя варварствомъ и азіатскою хитростью и лестью, ни обратная сторона европейской цивилизаціи съ ея бездушнымъ, мелко-эгоистическимъ отношеніемъ къ человѣку и тысячей нигеуда непригодныхъ формулъ, подъ которыя хотятъ подвести жизнь человѣка. Это простая, цѣльная, свѣжая, здоровая натура, работающая не по извѣстной системѣ и не подъ вліяніемъ теоретическихъ соображеній, а по своему разумнію и по естественному побужденію дѣйствовать въ духѣ и на благо того народа, съ которымъ онъ живетъ нераздѣльною жизнію, и въ средѣ котораго дѣйствовать есть его истинное призваніе: вы можете замѣтить, что онъ измѣняетъ теоріи, но онъ никогда не измѣнитъ народу.

Къ сожалѣнію, такихъ личностей въ Сербіи становится все меньше; она успѣла обзавестись теоретиками, которые слумбютъ, хотя съ натяжкой, оправдать свои дѣйствія подъ извѣстнымъ политическимъ взглядомъ, но служеніе народу является у нихъ только вывѣской.

Много симпатичнаго найдется въ отцѣ Игнатіѣ и какъ въ частномъ характерѣ. Онъ имѣлъ несчастіе потерять всѣхъ сыновей и въ той порѣ, когда особенно жаль всякаго человѣка, именно

въ порѣ первой юности: одинъ сынъ умеръ въ Берлинѣ, гдѣ слушалъ лекціи въ какомъ-то высшемъ военно-учебномъ заведеніи; другой былъ въ петербургскомъ университетѣ и умеръ, кажется, по возвращеніи отсюда въ Бѣлградъ. Это его страшно убиваетъ, но по наружности вы не замѣтите; только оставаясь одинъ, онъ, говорятъ, отдается своему безысходному горю. Это нисколько не парализуетъ и его общественной дѣятельности. Всякое благотворительное или вообще полезное дѣло онъ всегда готовъ поддержать, сколько хватить его силъ. Есть у него одинъ талантъ или искусство—это фабрикація гуслы. Никто не сумѣетъ такъ хорошо выбрать дерева, дать такую форму и отдѣлку инструменту, чтобы простая шерстяная веревка, замѣняющая струну, издавала звуки, которые стонуть и задѣваютъ душу, несмотря на все ихъ однообразіе и негармоничность. Мнѣ говорили, что онъ своей работы гуслу подарилъ одному русскому путешественнику, который обѣщалъ ее передать какому-то общественному учрежденію.

До полночи провелъ я время въ пѣвческомъ обществѣ въ бесѣдѣ, сопровождавшейся пѣніемъ сербскихъ и другихъ славянскихъ народныхъ пѣсень, и здравицами, съ пожеланьями кому славы, кому счастья, а югославянству свободы и соединенія.

Когда мы вышли изъ бесѣды, на улицахъ была полнѣйшая тишина; все спало мертвымъ сномъ; только вдали слышно было глухое рокотанье Дрины, которая въ то время была въ наводненіи, и этотъ-то шумъ неволью обратилъ вниманіе и на ту сторону, гдѣ тѣ же сербы — бѣдная, угнетенная раія, безгласная, безправная, потерявшая даже сознаніе своей народности; неволью подумалось: когда-то и имъ «блеснетъ свободы лучъ»?...

На другой день я взбирался на гору, любовался роскошною растительностью, дикимъ стремленіемъ мутной Дрины. По ту сторону, я видѣлъ, шель рядъ невысокихъ горъ, покрытыхъ, какъ и въ Сербіи, сплошнымъ лѣсомъ, поднимающихся, что ни дальше, все выше, покуда не терялись онѣ совсѣмъ изъ виду, сливаясь въ туманной дали съ небомъ.

Въ тотъ же день я былъ уже на пути впередъ. Самое лучшее было бы идти по берегу Дрины, гдѣ пролегаетъ большая дорога; но мнѣ не совѣтовали, потому что тамъ были бы постоянныя остановки со стороны пограничной стражи. Впослѣдствіи я имѣлъ случай убѣдиться, что это одна изъ наибольшихъ неприяностей путешествія по Сербіи. Итакъ, я направился на мѣстечко Круманъ, въ которомъ живетъ *капетанъ*, завѣдующій срезомъ (нѣчто въ родѣ стана, въ полицейскомъ дѣленіи нашихъ

уѣздовъ). Часть пути привелось мнѣ сдѣлать съ попутчиномъ *селюкомъ*, который шелъ туда же. Помню я особенно одно мѣсто. Дорога шла по краю долины, въ глубинѣ которой пробиралась какая-то рѣчушка. Внизу видны были нагроможденные камни известняка; видно было, что тутъ же добывали изъ него и известъ; мѣстами скалы стояли прямо надъ краемъ и какъ-бы висѣли. Одна изъ такихъ скалъ особенно рѣзко выдавалась своимъ чисто монументальнымъ видомъ: это точно башня съ разрушенной крышей; на плоской верхушкѣ ея одиноко стояла бѣлая береза съ висящими вѣтвями и обвившимъ ее виноградомъ; плющъ со всѣхъ сторонъ свѣшивался внизъ длинными густыми космами,— все это такъ эффектно и какъ-бы рассчитанно, что невольно являлась мысль, не участвовала ли тутъ человѣческая рука.

Попутчикъ мой предупредилъ меня.

— А вонъ Дѣвичья скала, — сказалъ онъ, указывая на нее.

— Почему же она такъ называется?

— Дѣвка тутъ убилась.

— Нечаянно, или по своей волѣ?

— По своей волѣ, конечно: забралась на самый верхъ да и бухъ!

— Зачѣмъ же?

— Э! глупая была: не захотѣла замужъ идти.

Больше я отъ него не могъ ничего узнать, да и разяснить собственно нечего; дѣло такъ просто: дѣвица здѣсь не выходитъ замужъ, а ее выдаютъ, не справляясь съ ея желаніемъ или нежеланіемъ; эта несчастная, можетъ быть, любила другого, или суженый ея былъ настолько ужасенъ, что она предпочла ему смерть, и по мнѣнію серба сдѣлала это по глупости.

Былъ ли въ дѣйствительности подобный случай, или онъ приуроченъ къ данной мѣстности народной фантазіей, для насъ все равно. Легенда доказываетъ возможность подобнаго трагическаго происшествія и даетъ указаніе на положеніе сербской женщины, съ которымъ мы еще познакомимся. А теперь мы отмѣчаемъ одну мелкую черту изъ картины природы, напоминающую намъ черты изъ народной жизни. Незамѣтно дошли мы и до Крупня.

Маленькое мѣстечко, почти въ одну улицу, со всѣхъ сторонъ сжато горами такъ, что раздаться некуда. Указалъ мнѣ попутчикъ домъ начальника и самого начальника, сидѣвшаго на галлерей передъ домою, и простился со мною, своротивши въ сторону къ мельницѣ, которая, какъ въ щели, жалась между крутыми берегами горной рѣчки. Капетанъ чловѣкъ ужъ не молодой, въ обыкновенномъ, нѣмецкомъ платьѣ, съ фесомъ на

головѣ, самъ подошелъ ко мнѣ и узнать, что нужно, указалъ механу, гдѣ мнѣ остановиться, и затѣмъ попросилъ къ себѣ.

Дома онъ встрѣтилъ меня очень радушно, и выразилъ радость, когда узналъ, что я русскій путешественникъ. По сербскому обычаю, хозяйская дочь, дѣвушка лѣтъ 15-ти, подала угощеніе, но вмѣсто того, чтобы удалиться или стоять съ опущенными глазами, она сѣла тутъ же и начала меня спрашивать. Съ такимъ интересомъ и съ такою живостью говорила она, что отцу негдѣ было почти и слова вставить. Всю ночь вышла мать, братишка и еще кто-то, такъ что собралась вся семья. Я почувствовалъ себя будто не въ Сербіи, гдѣ по большей части гость остается только съ хозяиномъ, а остальная семья развѣ покажется на минутку. Но всего больше меня удивила дѣвочка простотою и снѣблостью обращенія и любовнательностью. Очень бы ей хотѣлось видѣть, какъ живутъ образованные народы, и пожить между ними; хотѣлось бы выучиться иностраннымъ языкамъ, чтобы читать на нихъ.

Почти изгладился изъ моей памяти этотъ туманный образъ: не вспомню имени ни ея, ни ея отца; но, глядя въ то время на нее, невольно задавался вопросомъ: что изъ нея выйдетъ? Не то же ли, что вообще изъ сербскихъ дѣтей: изъ живого, смѣлаго, не по лѣтамъ серьезнаго мальчика дѣлается со временемъ фалистеръ и чиновникъ по преимуществу, идущій только за мѣстомъ, наживой и наслажденіемъ?...

А какая кругомъ глушь въ этомъ Крупнѣ! На востокъ отъ внутренности Сербіи отдѣляются его отроги хребтовъ Влашича и Медвѣдника; между нимъ и Дриной высокой хребетъ Ягодня, и тамъ за нимъ, на берегу рѣки, по эту сторону турецкая крѣпостца Сакаръ, на той сторонѣ Зворнякъ, а къ югу, тоже за горами, злополучный Соколь, не такъ давно покинутый турками. Отсюда я направляюсь уже къ Дринѣ. Вѣбираюсь на гору, спускаюсь и опять поднимаюсь; Дрина уже подлѣ, я вижу, какъ она сверкаетъ сквозь зелень обступившаго ее лѣса, извиваясь между тѣснящими ее горами; а вотъ и она вся: подбвѣшившій подъ этотъ берегъ, она подымаетъ цѣлую гору; деревья сваливаются внизъ, своими густыми вершинами, держась иногда кореньями за берегъ. Рухнулась наконецъ цѣлая глыба, полетѣло съ нею и дерево, столѣтній дубъ, загрепали вѣтви, коснулся камень, взвилась пыль къверху, и ринулось дерево въ воду, гдѣ на время исчезло, а потомъ поднялось изъ воды, выставивъ наружу то голыя коренья, то зеленныя вѣтви, точно утопающій. Глыба за глыбой валится берегъ, увлекая за собою рядъ тополей, окаямлявшихъ его, и все это сначала крутится въ водоворотѣ,

потомъ, исчезая на нѣсколько мгновеній подъ водою, выносятся на середину и покрываютъ рѣку сплошною массою, собирая на себя всякій мусоръ и грязную желтую пѣну. Изъ глубины водоворота, изъ образовавшейся въ немъ воронки, слышится глухое ровотанье.

Картина дикая и грозная. А тамъ, на другой сторонѣ, ровный зеленый лугъ у подножія такой же зеленой горы, и за ней рядъ горъ, съ мягкими очертаніями исчезающихъ въ синей дали; все это слегка подернуто тонкою мглою или неуспѣвшимъ еще убраться утреннимъ туманомъ.

Засмотрѣлся я на чудную картину, заслушался диваго шума рѣвки, и не замѣтилъ, что подлѣ насется стадо овецъ: не видно ни пастуха, и никакихъ знаковъ присутствія человѣка; единственнымъ сторожемъ былъ огромный, сѣрый, лохматый песъ, который съ остервенѣніемъ устремился на меня. Подбѣжавши, онъ остановился, уставился на меня своими сѣрыми, умными глазами и, какъ будто убѣдившись въ моей безвредности, тотчасъ измѣнилъ свое обхожденіе; обнюхалъ, посмотрѣлъ еще и пошелъ прочь, какъ бы говоря: ступай себѣ своей дорогой.

Отдѣлавшись отъ пса, я вскорѣ наткнулся на человѣка. Это былъ пандуръ, который завидѣлъ меня издали и ждалъ только, когда я подойду. Первый спросъ былъ о паспортѣ; подаю; читаетъ онъ не умѣетъ и ведетъ дальше къ *карауль*, которая не что иное, какъ четырехсторонній срубъ въ родѣ башенки; жилье собственно наверху и передъ нимъ крылечко, а ходъ въ эту верхнюю часть или *чардакъ* — по лѣсенкѣ снаружи. Тамъ былъ *булюк-баша* — начальникъ караула, такой же простой сербъ и такой же безграмотный, пожилой и довольно разумный господинъ: сразу понялъ онъ, что я путешественникъ, котораго нечего опасаться, и пошелъ проводить дальше, чтобъ не остановили другіе пандуры.

Не такъ легко было отдѣлаться отъ болѣе цивилизованныхъ воиновъ, съ которыми мнѣ привелось имѣть дѣло въ Любовин, куда лежалъ мой путь.

Тамъ въ это время было военное ученье, и потому вкругомъ были расставлены пикеты. Здѣсь меня сразу же взяли подъ конвой два солдата съ ружьями и повели къ начальнику, т.-е. унтеръ-офицеру. Привели къ нему въ палатку, гдѣ сидѣло еще нѣсколько милиціонеровъ. Онъ съ важностью взялъ мой паспортъ и сталъ его разсматривать, не приглашая меня сѣсть; прочиталъ и понялъ, что было написано по-русски, но не могъ понять, зачѣмъ рядомъ то же самое по-нѣмецки, и началъ усматривать въ въ этомъ что-то не простое. Послѣ множества вопросовъ, задав-

ныхъ мнѣ отчасти съ цѣлью попытать, не собьюсь ли я, отчасти изъ пустого любопытства, онъ порѣшилъ отправить меня къ срезскому капетану, и мнѣ привелось еще тащиться порядочное разстояніе, такъ какъ лагерь былъ вѣдѣ мѣстечка. Капетама не оказалось дома; онъ былъ въ гостяхъ, гдѣ игралъ въ карты. Я прошу, чтобы меня отвели въ механу (гостиницу), откуда я не уйду, но что мнѣ пора отдохнуть, такъ какъ я далеко шелъ. Не тутъ-то было: пандуръ, которому передалъ меня солдатъ, самымъ грубымъ тономъ крикнулъ на меня: «Ама тьоти!» (молчи).

И я ждалъ до половины 11-го часа ночи въ комнатѣ, гдѣ не было ни стула, ни скамейки. Капетанъ пришелъ, посмотрѣлъ мой паспортъ, и оставивъ его у себя, велѣлъ меня проводить въ механу. Вслѣдствіе такой процедуры и тамъ отнеслись ко мнѣ, какъ къ человѣку, состоящему подъ стражей.

На другой день я поднялся очень рано, но мнѣ прислали паспортъ только къ 10 часамъ, потому что капетанъ все спалъ.

Признаюсь, мнѣ пріятно было оставить этихъ людей, creature тупой дисциплины, и очутиться лицомъ къ лицу съ одною природой, тогда какъ человѣкъ собственно и интересовалъ меня и составлялъ главную задачу моихъ путевыхъ штудій. Отсюда путь мой шелъ постоянно по-надъ Дриной.

Къ полдню, когда уже сильно припекало, я пришелъ въ селеніе Бачевци. Селеніе собственно было подале, а здѣсь одна механа, потому что Дрина тѣсно прижалась къ горѣ, и это узкое пространство было усыяно свалившимися камнями; между ними многіе были, видимо, обдѣланные человѣческими руками въ видѣ огромныхъ сундуковъ, нѣкоторые были съ римскими надписями и изображеніями,—это были остатки когда-то бывшихъ здѣсь римскихъ военныхъ поселеній. Войдя въ механу, я поѣлъ мяса, выпилъ *сайдликъ* (поль-бутылки) вина и легъ уснуть тутъ же на скамейкѣ. Когда я проснулся, то механа была полна народу. Всѣ сидѣли за столомъ и пили это вино, это кофе. Одинъ изъ нихъ первый поздоровался со мною, предложилъ выпить вина и сталъ спрашивать, кто я и проч. Въ концѣ-концовъ привелось-таки показать паспортъ. Грамотные читали и радовались, что они понимаютъ русскій языкъ, никогда не учившись ему; всѣ рѣшили, что русскіе говорятъ сербскимъ языкомъ. Скоро между нами завязалась самая живая и интимная бесѣда. Много между прочимъ они рассказывали объ отношеніяхъ къ боснякамъ. Постоянно они спрашиваютъ, когда придутъ къ нимъ сербы, и ждутъ они этого момента не дождутся, и не только христіане, но и магометане. Узнавши, что я итте-

ресуюсь стариной, они пошли показывать мнѣ камни съ надписями, таскали фесаи воду, чтобы обмыть ихъ, и радовались, когда мнѣ удавалось снять надпись или срисовать какое-нибудь изображение съ камня. Оказалось, что они знаютъ бѣградскій музей, нѣкоторые доставляли для него различныя древнія вещи и вполне понимаютъ, для чего дѣлаются эти собранія вещей. Не обошлось дѣло безъ жалобъ на Христича. Вдобавокъ, всѣ просили меня остаться погостить у нихъ.

Можно было бы здѣсь съ удовольствіемъ и съ пользою прожить хоть денекъ, но я торопился къ троицному дню попасть въ монастырь Рачу, гдѣ въ этотъ день *саборъ*, т.-е. празднество, на которое собирается народъ со всѣхъ сторонъ, слѣдовательно, можно будетъ видѣть различныя костюмы и типы, а отчасти, можетъ быть, и разницу нравовъ. Вотъ почему, какъ ни пріятно было бы остаться, я отправлялся дальше. Разставанье было самое сердечное и впечатлѣніе, произведенное на меня этими простыми людьми, совершенно изгладило воспоминаніе о мытарствѣ, претерпѣнномъ въ Любовіи.

Жаръ уже посвалилъ; шло легко и весело. Дрина, точно въ безповойствѣ, мечется туда и сюда: то ударится глубже въ Боснію и дастъ на этомъ берегу отлогость, то наоборотъ — жметъ въ сербской сторонѣ такъ, что рѣшительно негдѣ жизни пріютиться. Въ этихъ мѣстахъ всѣ отлогія мѣста были въ Босніи, потому здѣсь такая пустота и дичость. И тѣ маленькія пространства, на которыхъ возможно поселиться, такъ изолированы и другъ съ другомъ и съ остальными краями, что, кромѣ физическихъ неудобствъ, представляется постоянная опасность со стороны турецкой территоріи. На это очень ясно указываетъ одна сербская пѣсня:

Дрински вуче, што си обрѣдио?
Невоља е мене обрѣдјати:
Око Дрине не има оваца.
Една овца, а три чобавина;
Еданъ спава, други овцу чува,
Трети иде кући по ужину.

Дринскій волкъ! что ты исхудаешь?
По невољѣ исхудаешь:
Около Дрины нѣтъ овецъ.
Одна овца, а три пастуха;
Одинъ спитъ, другой овцу караулитъ,
Третій идетъ домой на ужинъ.

Къ вечеру, впрочемъ, довольно еще рано, я добрался до Охлетца, но селеніе было въ сторонѣ, а тутъ стояла только механа.

Живописное мѣстоположеніе.

Впереди, прямо изъ воды, поднимался отвѣсный утесъ съ нагроможденіями на самомъ верху; здѣсь Дрина дѣлаетъ крутой поворотъ и какъ-будто вытекаетъ изъ-подъ этого утеса; посре-

днѣ ея торчала скала и на-двое разбивала ея мутныя волны, которыя брызгами взлетали кверху и, огибая ея, съ ревомъ крутятся, сливались въ водоворотѣ. Солнце рано скрылось за горами и внизу все скоро потемнѣло; потомъ загорѣлась заря и краснымъ заревомъ своимъ облила обступившія кругомъ горы, надъ которыми высилась вершина Медвѣдника; побагровѣла и Дрина, отражая на темномъ фонѣ своемъ алое небо и кровавымъ дождемъ разлетались надъ скалою ея брызги.

Довольно обширная, но вся закопченная, механа смотрѣла какимъ-то вертепомъ. Грязно одѣтый хозяинъ сосалъ трубку, сидя передъ дверьми; у очага копался *момакъ* (слуга) съ попорченнымъ носомъ, оттопыренными татарскими ушами и вдобавокъ нѣмой. Непріятное впечатлѣніе производило его объясненіе съ хозяиномъ посредствомъ мимики, которая еще болѣе уродовала его и безъ того несчастную фізіономію.

Подойдя къ механѣ, я положительно рѣшился не вступать внутрь ея и расположился на дворѣ. Хозяинъ, съ красными, болящими глазами и сонливымъ выраженіемъ, смотрѣлъ такъ безучастно на все, что прямо его не задѣвало; онъ даже не расспрашивалъ меня ни о личности моей, ни о томъ, не желаю ли я поѣсть, а послѣднее, конечно, было бы встать. Какъ бы мнѣ хотѣлось уйти дальше, но не знаю, встрѣчу ли близко селеніе. Къ счастью, подошла цѣлая толпа крестьянъ изъ села, и ими только оживилась дикая мѣстность. Черезъ нѣсколько времени представилась довольно странная сцена: слѣпой старикъ сидѣлъ верхомъ на лошади, которую велъ въ поводѣ молодой паренъ. Старикъ, съ плачемъ, поднимая руки кверху, жаловался, что его ограбили въ какомъ-то мѣстѣ, гдѣ онъ былъ на ярмаркѣ или на базарѣ. Лошадь была поставлена у лавки, и пока онъ покупалъ товаръ, ее увели. Полиціи удалось отыскать лошадь, но сѣдло пропало, а въ немъ были и деньги. Вся эта сцена была для меня непонятна; я видѣлъ только, что здѣсь нужно беречься.

Пора однако и поѣсть; но кромѣ домашняго сыра и *прои* (хлѣбъ изъ кукурузы) нѣтъ ничего. Сыръ твердый, кислый, покрытый плѣсенью, вино въ родѣ уксуса, что, пожалуй, и встать при такомъ сырѣ: лучше растворить; проя — совершенно безвкусное вещество. Но разбирать нечего.

Вторая забота о ночлегѣ. Лѣтомъ это не составляетъ большой заботы: гдѣ сталь — тамъ и станъ. Въ механѣ же спать было невозможно: несмотря на полную ночь, рои мухъ жужжали точно пчелы въ ульѣ; другихъ насѣкомыхъ, по сознанію самого хозяина, также изобильно; главное же дѣло — грязь страшная. Вы-

бираю себѣ мѣстечко на пригорочкѣ: внизу, подѣ ногами, шумитъ Дрина, а сбоку журчитъ потокъ, на которомъ тутъ же неподалеку стоитъ мельница; чтобы не скатиться къ ручью, кладу бревно, а въ ногахъ нагромоздилъ каменье; подѣ себя пледъ, имѣ же накрылся; подѣ голову сумка.

Кругомъ совершенная тишь, точно нигдѣ нѣтъ живого существа, только шумъ отъ воды, но шумъ пріятный, убаюкивающей. Крѣпко я заснулъ, однако не надолго. Тяжелый, непріятный сонъ заставилъ меня пробудиться. Мнѣ снилось, будто съ той стороны знакомый мнѣ голосъ ребенка зоветъ на помощь и плачетъ; я кидаюсь въ волны, борюсь съ ними, переплываю, выхожу на берегъ, ищу ребенка и, вмѣсто него, вижу безобразную фигуру нѣмого момака съ ослабленной миной; возвращаюсь, снова слышу голосъ и снова тотъ же обманъ, и подѣ этимъ тяжелымъ впечатлѣніемъ просыпаюсь. Пледъ съ меня свалился; ночь свѣтлая; кругомъ также все безмолвно, также шумитъ Дрина, также обдаетъ плескомъ скалу, взбивая вверху серебристыя брызги. Пропищала неподалеку сова; кинулась отъ моего изголовья собака, искавшая какой-нибудь поживы; фыркнула кошка, испуганная ею, и кинулась на дерево; за рѣкой раздался выстрѣлъ: должно быть боснякъ, стоя на караулѣ, отъ скуки выпалилъ въ воздухъ или ударилъ по мѣсяцу въ зайца. Не спать и хозяйнѣ: я вижу его, сидящаго передъ очагомъ, и съ нимъ еще какія-то личности; у дверей привязаны двѣ лошади. Былъ 12-й часъ, когда гости уѣхали. А за ними явились и еще гости.

Станнымъ показалось это тогда, а потомъ меня увѣрили, что сербскій механджія, какъ бы онъ бѣденъ ни былъ, пользуется такимъ довѣріемъ, что всякій, пріѣхавшій въ нему, смѣло отдастъ ему кошелекъ съ деньгами, если боится, что у него ихъ могутъ вытащить. Но нравы мѣняются, и это могло быть когда-то прежде; въ этомъ случаѣ такой поздній пріемъ гостей наводилъ нѣкоторое сомнѣніе. Мнѣ, впрочемъ, нечего было бояться, потому что у меня было слишкомъ мало имущества, чтобы кто-нибудь на него польстился; въ этой увѣренности я снова заснулъ.

Рано утромъ, когда я проснулся, была сильная роса, съ деревьевъ просто капало, трава приклонилась точно отъ дождя, а на моемъ пледѣ нашла она мелкимъ бисеромъ. Въ Дринѣ вода поднялась вровень съ берегами и по лощинкѣ пошла въ разливы; скала исчезла, и шуму стало меньше.

Выпилъ я чашку кофе, закусилъ прои и, заплативъ за все

со вчерашнимъ ужиномъ 2¹/₂ гроша или 12¹/₂ коп., отправился дальше.

Десять дней я брожу все на Дринѣ или около нея, и не видалъ еще на ней не только ни одного судна или дощаника съ грузомъ, но и ни одной лодки, ни одной снасти рыболовной, а между тѣмъ, такое изобиліе воды! Правда, я видѣлъ ее въ наводненіе, но и въ обычное время она мало гдѣ даетъ броды, и на всемъ пройденномъ мною пространствѣ и нѣсколько выше, по отзывамъ людей знающихъ, по ней свободно можно бы сплавлять плоскодонныя суда съ грузомъ, по крайней мѣрѣ, по полутора тысячъ пудовъ. Выше Любови есть нѣсколько перекатовъ, которые однако легко уничтожить, и въ 1865 г. турецкимъ правительствомъ и было предпринято очищеніе русла до Вышеграда, лежащаго уже въ Босніи.

Долина Дрины довольно гѣсна для того, чтобы вмѣстить значительное населеніе и чтобы развилось въ ней въ широкихъ размѣрахъ земледѣліе; но при обиліи воды, со всѣхъ сторонъ стремящихся къ ней въ видѣ сильныхъ ручьевъ и горныхъ потоковъ, при богатствѣ лѣса, она представляетъ возможность развить въ широкихъ размѣрахъ промышленность; кромѣ того, здѣсь открыты, только вполнѣ не изслѣдованы, минеральныя богатства, есть серебряныя руды и мѣдныя. Но главное ея назначеніе—служить путемъ сообщенія. Теперь изъ сосѣднихъ турецкихъ областей идутъ караваны на лошадяхъ вьючнымъ способомъ, потому что кругомъ горы, представляющія большія затрудненія даже тамъ, гдѣ проложены шоссированныя дороги, вслѣдствіе ихъ значительной крутизны и трудности содержанія ихъ въ исправности при незначительности населенія. Поэтому, въ цѣломъ краю здѣсь тѣлѣга большая рѣдкость, и почтовое сообщеніе по единственной главной дорогѣ совершается если не верхомъ, то на одноколѣ; а о возѣ съ грузомъ нечего и думать.

А между тѣмъ, посмотрите на карту, какую обширную область она захватываетъ: вершины ея Пива, Тара и Лимъ обнимаютъ всю сѣверную границу Черногорья, половину Герцеговины и Старой Сербіи, и на нихъ находится нѣсколько городковъ, какъ Вышеградъ, Фоча, Преполье, Сѣница и недалеко Новый-Базаръ, города, которые когда-то процвѣтали, благодаря свободному сообщенію.

Въ настоящее же время, благодаря политическому неустройству и личной небезопасности, вся эта область остается дикою и пустынною.

Дрина въ народной пѣснѣ вездѣ называется «зеленою» и «холодною»; можно добавить къ этому, что она очень живописна, можно любоваться ею, но оживить ее должна свобода, которой такъ жадно ждутъ и просятъ ея несчастные обитатели по-ту сторону.

Мы, между тѣмъ, сдѣлаемъ еще одинъ переходъ вверхъ по Дринѣ. Часа черезъ два хода Дрина измѣняетъ направленіе: она дѣлаетъ изгибы къ югу и къ востоку—и совершенно перемѣняется характеръ мѣстности. По обѣ стороны идутъ значительныя отлогости; тутъ стелется лугъ, пересыпанный отдѣльными рощами смѣшаннаго лѣса и кустарниками, тамъ зеленѣетъ высокая кукуруза; на той сторонѣ также виднѣются полосы обработанной земли и сады; въ одномъ мѣстѣ лежитъ до десятка женщинъ; всѣ въ бѣломъ, какъ въ саванахъ, растянулись онѣ на зеленомъ пригоркѣ, предаваясь безмятежному сну—должно быть, успѣли ужъ наработаться. Становилось жарко и душно, чего я не испытывалъ во все время, пока шелъ по-надъ Дриной. Довольно мертво: ни одинъ листъ не шелохнетъ, ни одна птица не подастъ голоса; мелкія ящерицы быстро снуютъ туда и сюда, а на самой дорогѣ большая зеленая ящерица, съ голубыми щечками, повоится передъ солнышкомъ, перекинувшись черезъ чурбачокъ. Видимо, она нѣжится и находится въ пріятномъ полузабытѣ; хоть и открыты глаза, она не замѣчаетъ, что я стою надъ ней и люблюсь, и прыгнула тогда только, когда я протянулъ руку, чтобы дотронуться. Не знаю научнаго названія ея, а по-сербски она называется *зеленбачъ*. Тутъ же, подъ липой, сидитъ галка, разинувши отъ жара ротъ; зашевелилась она, завидѣвъ мое приближеніе, но не летитъ, а вскочивъ на вѣтви, пробирается по нимъ вверхъ, не желая покинуть свое тѣнистое убѣжище.

Дѣлаю рывокъ въ Байной-Баштѣ, гдѣ застаю большое стеченіе народа, отправляющагося въ Рачу на празднествъ. Механджія, рассчитывая на посѣтителей, припасъ всего, а главнымъ образомъ хорошаго вина и молодыхъ барашковъ. Лучшаго мяса мнѣ не приводилось ѣсть нигдѣ въ Сербіи, какъ здѣсь: не знаю, было ли причиною тутъ свойство мяса, или умѣнье механджіи испечь.

Тутъ завязываются у меня знакомства; между прочимъ знакомлюсь съ капетаномъ, котораго всѣ называютъ «господинъ Мита (Дмитрій)». Послѣ иду въ монастырь цѣлой компаніей. Игумена не было дома, и меня повели къ нему на кукурузу. У него *копам* (подбивали) кукурузу, и онъ, какъ ревностный хозяинъ, не только присутствуетъ на всѣхъ работахъ, но и самъ

работаетъ. Это крупный, довольно полный мужчина, лѣтъ сорока съ небольшимъ, съ крупными чертами лица, типъ работника и добродушнаго человѣка. Онъ имѣетъ страсть къ хозяйству, и потому прежде всего мы занялись имъ. Отличныя лошади, множество разной птицы, между прочимъ множество индюшекъ и павлиновъ, свиней откармливаютъ, а на потокѣ Рачѣ устроилъ лѣсопильную мельницу. Устройство, конечно, самое простое; но строитель ея сербъ не изъ княжества, а изъ Старой Сербіи. Водяной столбъ, приводящій весь механизмъ въ движеніе, вышиною въ три сажени, и все-таки мастеру этого мало: ему хотѣлось бы взять воду еще повыше.

Припомнилась мнѣ при этомъ другая страна, также населенная славянскимъ племенемъ, также сжатая горами и обильная только лѣсомъ и водой — это Шумава и Чешскій лѣсъ въ южной части Богеміи. На каждомъ шагу заводы и фабрики: лѣсопильныя, древодѣльныя, хрустальныя, зеркальныя, которыя приводятся въ движеніе водой. Только войдете туда, отовсюду доносится до васъ стужъ колесъ и шумъ падающей на нихъ воды; суровая природа, очень холодный климатъ и скудная болотная почва уступаютъ усиліямъ человѣка и мѣстность полна жизни.

Что же могло бы быть здѣсь, когда и почва, и климатъ даютъ возможность развить до высшей степени земледѣльческую культуру?

Недостаетъ Сербіи развитія и промышленнаго образованія. Игумень хотѣлъ бы и могъ бы развернуться, потому что имѣетъ всѣ средства, только не имѣетъ людей. Взять *шабу* (т.-е. австрійца) онъ боится, потому что случалось обманываться, и остается онъ со своимъ самоукомъ, свѣдаемый неудовлетворяемымъ желаніемъ поставить хозяйство на широкую ногу. Эксплуатація лѣса идетъ также страннымъ образомъ: онъ продаетъ изъ своей дачи всѣ деревья извѣстной мѣры и достоинства, такъ что черезъ нѣсколько времени у него не останется ничего годнаго лѣса.

Покуда мы осматривали хозяйство, со всѣхъ концовъ набирался народъ и группами размѣщался на луговинѣхъ подъ навѣсомъ тополей и липъ у подножія горы, на которой красовался монастырь Рача.

Забило клепало, призывая въ вечернѣ; потянулся народъ къ церкви. Мужчины входили внутрь, а женщины останавливались у крыльца: молились и потомъ, какъ нѣмыя, стояли молчаливо, сложивъ руки и смотря на церковь не то съ благоговѣніемъ, не то со страхомъ.

Большинство расположилось почевать на дворѣ, внизу; другіе помѣстились на монастырскомъ дворѣ, а инымъ нашлось помѣщеніе въ монастырскихъ покояхъ, и въ то время, какъ одни скромно закусывали, сидя у маленькаго огонька, другіе шумно пировали. Заутреню я пропустилъ; но и обѣдня была рано, часовъ въ шесть утра. Народу было не особенно много, потому что большинство приходило не надолго и, немного помолвившись, удалялось. По окончаніи обѣдни былъ крестный ходъ вокругъ Рачи и Баиной Вапты. Въ это время происходили приготовленія къ празднеству: устраивались временныя лавки и механы въ видѣ навѣсовъ изъ жердей и вѣтокъ; жарили мясо, разливали изъ бочекъ въ мелкую посуду вино и ракію, и съ возвращеніемъ образцовъ изъ крестнаго хода все было готово и началось народное торжество.

Торжество это было очень несложное: оно состояло въ продажѣ и покупкѣ яствъ и питій и въ истребленіи ихъ, и въ плясѣ «коло»; а въ отдѣльныхъ группахъ шли тихія бесѣды или шумные возгласы. Для почетныхъ лицъ у отца игумена былъ обѣдъ; а послѣ всѣ вышли и разсѣлись на горкѣ, кто на скамеечкѣ, кто прямо на землѣ, любуясь пестрою, чрезвычайною картиною внизу.

Я уже замѣчалъ о чрезвычайной сдержанности сербовъ. Какъ бы ни разгулялся сербъ, они никогда не выйдутъ изъ предѣловъ благопристойности. Въ этой массѣ народу до тысячи или болѣе, вы видите веселыхъ людей, которые пришли съ тѣмъ, чтобы погулять, повеселиться и при этомъ, конечно, выпить, но вы не видите здѣсь пьяныхъ, разгульныхъ, до неприличія распущенныхъ, какихъ вы непременно найдете у насъ даже при самомъ маломъ собраніи.

Въ одной механѣ собралось человѣкъ до 100, всѣ пьютъ, ѣдятъ и ведутъ шумную бесѣду; изъ нихъ два-три человѣка заставляютъ пѣсню, но пѣсня неидетъ; приходитъ гайдашъ (гайда—музыкальный инструментъ въ родѣ волынки): его угощаютъ виномъ, онъ наигрываетъ, а публика, увлекаясь, вторитъ ему и выкрикиваетъ; явился какой-то толстый, высокій парень въ одной рубашкѣ, безъ пояса, съ зобомъ на шеѣ, и пошелъ плясать топчась на мѣстѣ, какъ медвѣдь; по лицу видно, что это дурачокъ. Потѣшился кое-кто надъ нимъ, кто-то далъ ему шлепка по его жирному тѣлу, такъ что бѣдняга заплакалъ. Не понравилось это публикѣ, сдѣлали окрикъ на ударившаго, а несчастному бросили нѣсколько денегъ и прогнали. Тутъ же изъ публики кто-то оказался съ *услон*. Вытащилъ онъ ее, заскрипѣлъ на ней одно-

образно скрипучую ноту, и все насторожилось. Запѣлъ онъ про сербскихъ юнаковъ, про царя Лазаря, про косовскую битву, и все замерло, только и слышеть стонущій голосъ пѣвца, да въ антрактахъ нетерпѣливо ревущій звукъ гуслы.

А что дѣлается наружи?

Тамъ идетъ волю отъ самаго обѣда и будетъ идти до поздней ночи.

Коло—это не пляска собственно, хороводъ, только безъ пѣсни, которую замѣняютъ дудка или гайда; а можетъ замѣнять дудку и скрипка. Оно изображаетъ не обыденную житейскую сцену въ родѣ аллегорическаго изображенія отношеній жениха и невесты, мужа и жены или другихъ сторонъ семейной жизни, какъ это въ ббльшей части русскихъ хороводовъ, это скорѣе пляска, выражающая или отправленіе въ бой, или торжество побѣды.

Два или три парня схватили другъ друга за поясъ, или, положивши другъ другу руки на плечи, прыгаютъ на одномъ мѣстѣ, переминаясь съ ноги на ногу; къ нимъ пристають другіе парни и дѣвки, и когда ихъ наберется цѣлый рядъ, передній, *коловодья*, заворачиваетъ его въ кругъ спиралью, и такимъ образомъ человекъ до ста прыгаютъ, держась другъ за друга, на одномъ мѣстѣ, потомъ подвигаются впередъ, завивая кругъ, до тѣхъ поръ, пока будетъ ужъ некуда; тогда коловодья оборачивается назадъ, идетъ въ обратную сторону, и тутъ встрѣчаются два тока—одинъ впередъ, другой назадъ, и это самый живой моментъ и самая красивая фигура: мужчины страстно несутся впередъ, дѣлають порывистые прыжки и стремительно увлекаютъ за собою женщинъ, которыя тоже оживляются и отдаются общему порыву; лица у всѣхъ горятъ; мужчины и женщины, смотря другъ на друга черезъ плечо, въ обратномъ движеніи чуть не касаются страстными лицами, раздаются гиванье, топанье и шлепанье ногами, и звяканье нанизанныхъ на шеѣ и груди женщинъ монетъ и другихъ металлическихъ украшеній, и все несется, какъ вихрь, крутась и двигаясь впередъ. Въ коло участвуетъ не одна молодежь, но и пожилые люди,—всѣ, кто не утратилъ еще способности скакать и увлекаться, а сербы сохраняютъ юношескій жаръ до глубокой старости.

Коло въ Рачѣ совершенно было такое же, какое мнѣ привелось видѣть въ Бѣлградѣ. Разница въ томъ, что здѣсь было поменьше горожанъ и больше разнообразія женскихъ костюмовъ, которые, впрочемъ, главнымъ образомъ различались только головными уборами. У большинства дѣвушекъ волосы заплетены въ одну косу сзади, у многихъ они зачесаны съ лѣвой стороны на

правую и, зашдетенные въ мелкія косицы, положены на правой сторонѣ корзинкой, убранный цвѣтами; у нѣкоторыхъ волосы заплетены въ мелкія косички или просто распущены сзади, а на головѣ вѣнокъ изъ лентъ, убранный цвѣтами; у иныхъ косы положены вокругъ головы, посерединѣ противъ лба павлинье перо или зеркальце — повернется она противъ солнца, такъ и засвѣтитъ; нѣкоторыя на головахъ имѣли фесы безъ кисточки; прочій костюмъ состоитъ изъ рубашки, сверхъ которой у иныхъ юбки съ поперечными полосами по низу, разныхъ цвѣтовъ. У замужнихъ волосы скрыты подъ повязкой, сверхъ которой у иныхъ надѣвается въ видѣ коронки позолоченный ободокъ; подъ платкомъ иногда положена тарелка, такъ что верхняя часть выдается впередъ гребнемъ. Надо замѣтить, что костюмъ здѣсь разнится по мѣстности, а не по личному вкусу, и потому я удивился разнообразію на такомъ небольшомъ пространствѣ. Разность по мѣстности сопровождается различіемъ происхожденія населенія: здѣсь вы имѣете представителей болѣею частью изъ Герцеговины и Старой Сербіи, затѣмъ изъ Босніи, изъ Болгаріи, изъ Македоніи, и все это выражается въ фізіономіяхъ.

Мужчины были чрезвычайно красивы, но между женщинами красавицъ очень мало. Выдавалась изъ всѣхъ своею милостивостью одна бѣлокурая ужичанка, съ русою косой, съ голубыми глазами подъ темными рѣсницами и правильнымъ очерченіемъ лица; это было красивое личико, только казалось тупымъ или глупымъ вслѣдствіе особенной манеры держать себя, — манеры, усвоенной всякой благовоспитанной дѣвушкой, и обязательной для нея.

Лучше всего передаетъ это и поясняетъ народная пѣсня:

У Милице дуге трепавице
Покриле јой румен' ягодице,
Ягодице и бијело лице.
Ја и гледа три године дана,
Не мого јой очи сагледати,
Прне очи и бијело лице.
Ветъ сакупи коло девојка,
Не би ли јой очи сагледао.
Када коло на трави играше,
Беше ведро, пак се наоблачи,
По облаку засеваше мунѣ.
Све девојке небу погледаше;
Аг' не гледа Милица девојка,
Ветъ преда се у зелену траву.

Девојке јой тио говораше
Ој, Милице, наша другарице!

У Милице диннија рѣсници
Закрили ей румянна щечки,
Щечки и все бѣло лице.
Ја смотрѣхъ ихъ времени три года,
Не могъ размотрѣть у ней глазъ,
Черныхъ глазъ и бѣлаго лица.
Тогда собралъ ја дѣвицъ коло,
Не подсмотру ли ея глазъ.
Когда коло на травѣ играло,
Было ведро, потомъ нашла туча,
По тучѣ засверкали молни.
Всѣ дѣвицы стали смотрѣть въ небу;
Но не смотрѣть Милица,
А (смотрѣть) впередъ себя въ зеленую
траву.

Дѣвицы ей тихо говорили:
Ој, Милица, ты наша подружка!

Ил' си луда, ил' одвише мудра,
 Те све гледаш у зелену траву,
 А не гледаш с нама у облаке.
 Ал' говори Милица девојка:
 Ни сам луда, нит' одвише мудра,
 Ветъ девојка, да младам преда се.

Иль глупа ты, или мудра ужъ очень,
 И все смотришь въ зеленую траву,
 А не смотришь съ нами на тучу.
 Отвѣчаетъ тутъ Милица дѣвица:
 Не глупа я, и не слишкомъ мудра я,
 На то дѣвица я, чтобъ смотреть опе-
 редь себя.

Вниманіе публики привлекала не блѣдная и нѣмая красота блондинки, а съ огненными глазами и страстными порывами брюнетка лѣтъ подъ 20, съ круглымъ лицомъ, съ толстыми, черными волосами и зеркальцемъ наверху; она также смотритъ внизъ, но для того только, чтобъ потомъ вскинуть глазами и какъ огнемъ опалить.

Любуются ею старцы, сидя наверху на скамеечкѣ, расточаютъ ей похвалы, и отецъ игуменъ ласково улыбается; одинъ старецъ тутъ же затанулъ пѣсню, приблизительно такого содержанія и чуть ли не собственной композиціи: «Ой, дѣвица, убей тебя Богъ! Когда я проходилъ мимо твоего окна, ты смотрѣла въ него своими огненными очами и сквозъ стекло зажгла мое сердце». Есть и у Вука пѣсня, которая очамъ придаетъ такую силу, что отъ нихъ загорѣлся даже городъ:

Што се оно Травникъ замагил!
 Или гори, ил' га куга мори?
 Ил' га Янья очим' запалила?
 Нити гори, нит' га куга мори,
 Ветъ га Янья очим' запалила:
 Изгореше два нова дутьяна,
 Два духана и нова механа,
 И мештьема, где кадія суди.

Что это Травникъ затуманился!
 Иль горитъ онъ, или чума его морить?
 Иль зажгла его глазами Янья?
 Не горитъ, не морить его чума,
 А зажгла его глазами Янья:
 Сгорѣли двѣ новыя лавки,
 Два кабачка и новая механа,
 И палата, гдѣ кадія судить.

Коснувшись эстетической стороны серба, его понятія о красотѣ, кстати будетъ его собственными образами, словами его народной пѣсни охарактеризовать его идеалъ красоты. Вотъ какъ пѣсня описываетъ дѣвицу Хайкуну, сестру бега Любовича, «лучшій цвѣтъ, какой только когда-либо расцвѣталъ среди ровнаго поля Невесиньи» (въ Герцеговинѣ, откуда нынче началось возстаніе):

У струку е танка и висока,
 У образу бѣла и румена;
 Као да е до подне узрасла
 Према твом сунцу пролетнѣме.
 Очи су јой—два драга камена,
 А обрве—морске пјавице,
 Трепавице—крила ластовице,

Станомъ она тонкая и высокая,
 Лицомъ—бѣлая и румяная;
 Какъ будто выросла она до подня
 Противъ тихаго весеняго солнца.
 Глаза у ней—два дорогихъ камня,
 Брови—пјавицы морскія,
 Рѣсницы—ласточкныны крылья,

Руса коса—кита ибришима;
Уста су јой кутія шетъера,
Бъели зуби—два низа бисера;
Руке су јой крила лабудова,
Бъеле дојке—два сива голуба;
Кад говори—канда голуб гуче;

Кад се сміе—канда сунце гріе.
Лъепота се ньена разгласила
По свой Босни и Херцеговини.

Коса русая—плетенка изъ шелка,
Уста ея—коробочка сахару,
Бѣлые зубы—двѣ жемчужныя снивки;
Руки у ней—лебединыя крылья,
Бѣлыя груди—два сизые голуба;
Когда говоритъ—словно голубъ вор-
куеть;

Засмѣется—словно солнце грѣеть.
Красота ея разгласилась
По всей Боснѣ и Герцеговинѣ.

Красота дѣвицы еще больше возвышается, если она растетъ, что называется, не видя свѣта Божьяго и въ невинности, доходящей до полнѣйшаго невѣдѣнія самыхъ обыденныхъ вещей. Не разъ въ пѣсняхъ говорится:

Девойка е у кавезу расла,
Кажу, расла петнаест година,
Ни видѣла сунца, ни мьесеца,
Нити знаде, како жито расте.

Дѣвица росла въ клѣтѣхъ,
Росла, говорятъ, пятнадцать лѣтъ,
Не видѣла ни солнца, ни мѣсяца,
Не знала, какъ хлѣбъ растеть.

Нельзя не замѣтить, что тутъ ужъ видно вліаніе турецкое, потому что только у турокъ женщина содержится въ гаремѣ, въ сторонѣ отъ всякой тяжелой работы и внѣ заботъ о житейскихъ нуждахъ. Поэтому такими красавицами въ сербской пѣснѣ являются или Хайкуна, видимо турчанка, хоть и называется сестрою бѣга съ сербскимъ именемъ, или венеціанка Роксанда, но не простая сербская дѣвушка.

Еще особенность сербской народной поэзіи: она не любитъ изображать красоту въ деталяхъ, какъ въ приведенной выше пѣснѣ, которая, по-моему, не совсѣмъ чистаго происхожденія, и если не подправлена, то составилаь подъ чужимъ вліаніемъ; она не довольствуется голымъ описаніемъ красоты, а ловитъ моментъ, чтобы показать, какъ она дѣйствуетъ; даже не дозволяетъ вамъ разсматривать, а старается только чуть приподнять серывающее ее поерывало и поразить васъ моментально, неожиданно.

Въ одной пѣснѣ разсказывается, какъ сваты вели невѣсту къ жениху и не могли никакъ увидѣть ее, такъ какъ она была все время подъ покрываломъ; шли они нѣсколько дней и ночей, и только когда проходили ущельемъ, изъ горъ неожиданно ударилъ вѣтеръ и приподнял покрывало: тогда отъ лица ея лѣсъ и горы освѣтились.

То же самое повторяется и въ другой пѣснѣ:

Девойка е край горе стояла,
Сва се гора од лица сіяла,
А од лица и зелена венца.

Дѣвица возлѣ лѣсу стояла,
Цѣлый лѣсъ отъ ея лица сіялъ,
Отъ ея лица и зеленого вѣнца.

Или еще:

Тек што они у ріечи бяху,
На граду се отворише врата,
Изидоше два банова сына,
Изведоше конья зеленога,
Са сувіем окитъена златом,
И на конью Роксанду девойку,
Обасуту мрежом од бисера
Савр главе до зелене траве.

Только они стали говорить,
Отворились городскія ворота,
Вышли два банова сына,
Выводили коня сѣраго,
Убраннаго червоннымъ золотомъ,
И на конѣ дѣвицу Роксанду,
Осыпанную жемчужною сѣткой
Съ головы до зеленой травы.

Въ пѣснѣ, изображающей, какъ три югославянскихъ юнака Марко Кралевичъ, воевода Милошъ (Обиличъ) и Реля Крылатый, отправились въ Венецію сватать извѣстную красавицу Роксанду, сестру капитана Леки, чудную картину представляетъ выходъ ея предъ женихомъ. Лека, предупредивъ сестру, самъ пошелъ къ гостямъ, повелъ ихъ на высокой чардакъ (свѣтлица, комната наверху) и угощаетъ виномъ; въ это время—

Стаде звека висока чардака,
Зазвечаше ситни басамаци,

Потковице ситне на папучам',
Ал' это ти бульюк девојка,
Медью нѣма Росанда девојка.
А кад Роса дође на чардаке,
Сину чардак на четире стране,
Од њезина дивна одјела,
Од њезина стаса и образа.
Погледнуше три србске войводе,
Погледнуше, па се застидише,
Заисто се Роси зачудише.

Млого Марко чуда сагледао,
И видѣо виле на планини,

И имао виле посестрима,
Ни од шта се нѣ препануо,
Ни с'ода шта Марко застидио;
Баш се Роси бѣше зачудио,
И од Леке с' мало застидише,
Погледнуше у землицу мрну.

Поднялся звукъ по высокой свѣтлицѣ,
Зазвучали мелкія ступеньки (на лѣстницѣ),

Тонкія подювки на башмакахъ,
А вотъ вамъ толпа дѣвицъ,
Между ними Росанда дѣвица.
А когда Роса въ свѣтлицу вступила,
Просіяла свѣтлица на четырѣ стороны
Отъ ея дивнаго одѣянїя,
Отъ ея стана и липа.
Посмотрѣли трое сербскихъ воеводъ,
Посмотрѣли и застыдились,
По истинѣ Росѣ дивовалися.

Много Марко видывалъ чудестъ,
И видѣлъ онъ вилъ (русалки, нимфы)
въ горахъ,

Были у него вилы посестримы,
Ни отъ чего онъ такъ не полошился,
Ни отъ чего Марко не стыдился,
А вотъ Росѣ задивился,
И передъ Лекой нѣсколько сталостыдно,
Опустилъ глаза въ черную землю.

Надѣюсь, читатели не постыжуютъ на обиліе выписокъ и особенно на то, что я привожу ихъ въ оригиналѣ на языкѣ мало кому понятномъ. Послѣднему обстоятельству помогаетъ, конечно, мой подстрочный переводъ, но одинъ переводъ не передастъ бы всей прелести поэтическихъ образовъ, пластичности формъ и гармоніи языка, чтó однако такъ доступно русскому слуху и

чутью, даже и тогда, когда бы не былъ вполне понятенъ самый смыслъ.

Мнѣ остается еще досказать, чѣмъ кончился праздникъ. Я не дождался его конца и повинулъ въ тотъ моментъ, когда всѣ разгулялись. Господинъ Мита (капетанъ) былъ въ числѣ самыхъ неутомимыхъ коловодей, а когда онъ отставалъ, то подгулявшіе поселяне запросто тянули его и онъ не могъ отмолиться. Этотъ капетанъ былъ больше сербинъ, чѣмъ чиновникъ; впоследствии я узналъ его ближе и убѣдился, что онъ дѣйствительно былъ хороший человекъ, значить—народное чутье не ошибается.

Здѣсь былъ послѣдній пунктъ, до котораго я доходилъ на Дринѣ, и отсюда, двинувшись на Ужицы, я вступаю уже въ бассейнъ другой сербской рѣки—Моравы. Такъ какъ я отправлялся рано, то мнѣ не было ни одного попутчика, только одна женщина отправлялась туда же въ одно время со мною, и съ ней я могъ сдѣлать хоть часть пути, что для меня было очень важно, такъ какъ легче всего сбиться съ дороги около селеня.

Скоро мы съ ней раздѣлились и я, какъ и всегда, остался одинъ. Скоро смерлось, настала ночь, но свѣтлая, тихая; дорога отличная и красивая мѣстность: слѣва гора съ лѣсомъ, вправо глубокая долина, также наполненная лѣсомъ, и на самой глубинѣ ея шумить потокъ, а за нею при лунномъ освѣщеніи въ легкомъ силуэтѣ ризуются горы. На дорогу передо мной безпрестанно падаютъ свѣтляки и рассыпаются искорками, вспыхивая фосфорическимъ свѣтомъ. Мѣстность не совсѣмъ пустая: въ нѣсколькихъ мѣстахъ стада овецъ въ огороженныхъ пригонахъ, но людей не видать, ни собакъ; должно быть, подлѣ и самое селенье. Шмыгнувъ черезъ дорогу волею, подбираясь къ овечкамъ; а вонъ выходитъ изъ лѣсу на дорогу и человекъ съ длинною винтовкой за спиной (машицей) и съ большимъ ножомъ за поясомъ. Вотъ мнѣ и попутчикъ. Вышелъ онъ на дорогу и идетъ такъ медленно, — безъ сомнѣнія, поджидаетъ меня. Догналъ я его; поздоровались и идемъ рядомъ. Послѣ обычныхъ разспросовъ, онъ щупаетъ мою сумку и спрашиваетъ, что въ ней.

— Все, что мнѣ нужно, — отвѣчаю ему.

— И деньги есть? — Есть. — Что же; ты не одинъ здѣсь, за тобою вѣрно ѣдетъ лошадь?

— Нѣтъ, одинъ — и весь тутъ.

— Какъ же это! ты вѣдь здѣсь въ первый разъ и не знаешь дороги?

Поясняю ему, что у меня есть карта и описаніе, а въ тому же я вездѣ разспрашиваю людей.

Еще больше удивился, когда узналъ, что со мною нѣтъ ни револьвера, ни другого оружія.

— Какъ же такъ: одинъ, безъ оружія, съ деньгами, въ чужомъ краю?... Вѣдь здѣсь всякіе люди есть?

— Ну, слушай, я тебѣ объясню все: еслибъ кто-нибудь захотѣлъ убить меня, онъ убьетъ изъ лѣса, такъ что я его не увижу, и тогда револьверъ не помощь; но убиваютъ людей только разузнавши впередъ, есть ли у нихъ деньги и стоятъ ли эти деньги того, чтобы убить человѣка; если же это навѣрное неизвѣстно, то зря убивать человѣка никто не станетъ; увидѣвши человѣка въ первый разъ, да еще иностранца, всякій прежде всего полюбопытствуетъ узнать, кто онъ такой, и, узнавши, что я русскій и путешествую для того, чтобъ познакомиться и подружиться со своими единоплеменными и единовѣрными братьями сербами, никто никогда и не подумаетъ сдѣлать мнѣ какое бы то ни было зло. Такъ ли?

— Хорошо ты говоришь, братъ,—отвѣтилъ незнакомецъ съ видимымъ участіемъ:—въ сербской землѣ никто тебя не тронетъ, потому что русскихъ всѣ мы любимъ. Иди смѣло по всей сербской землѣ и никто тебя не тронетъ.

И пошла у насъ бесѣда на другой ладъ. Когда мы ужъ подходили къ селенію, незнакомецъ, сказавъ мнѣ «съ Богомъ», пошелъ назадъ и только крикнулъ, чтобъ я торопился, а то механу запрутъ.

Дѣйствительно, въ механѣ всѣ уже спали, кромѣ одного мама, который перемывалъ посуду. На мое счастье остался еще кусокъ мяса и, слѣдовательно, я былъ съ ужиномъ. Разказалъ я ему про всѣ свои встрѣчи, про волка и про человѣка, котораго счелъ за лѣсного сторожа. Встревожило его извѣстіе о волкѣ, тотчасъ побѣжалъ онъ послать кого-нибудь къ стаду, а про человѣка спокойно сказалъ: «але то е био айдукъ, зао посо» (то былъ разбойникъ, худое ремесло), потому что никакихъ лѣсныхъ сторожей у нихъ нѣтъ, и ни одинъ сербинъ ночью не станетъ шляться, а норовитъ какъ можно раньше завалиться спать. «А ты скажи,—добавилъ онъ мнѣ:—вала Богу, да сам добро дошо!»—слава Богу, что благополучно прибылъ!

II. Ровинскій.

КАКЪ МЫ ЖИВЕМЪ НЫНЧЕ

О ЧЕРКИ

ИЗЪ РОМАНА А. ТРОЛЛОПА.

Новѣйшій романъ Антони Троллопа ¹⁾ имѣеть цѣль, на которую указываетъ самое его заглавіе. Авторъ хотѣлъ показать измѣненіе, происшедшее въ обычаяхъ и воззрѣніяхъ современнаго англійскаго общества сравнительно съ весьма недавнимъ еще временемъ: ослабленіе исключительности и разборчивости, значеніе, легко приобретаемое нынѣ людьми новыми, вліяніе спекуляціи, кумовство въ печати, вообще, тѣ различныя явленія, которыя вызваны отчасти одинаковыми, отчасти разнородными причинами, повліявшими на прежній общественный складъ, общественные взгляды, вкусы и даже нравы. Обзорѣніе романа, состоящаго изъ четырехъ томовъ, всего на нѣсколькихъ десяткахъ страницъ представило бы нѣчто мало привлекательное для читателя. Притомъ, изъ такого обзора онъ не могъ бы, такъ-сказать, лично познакомиться съ главными типами. Мы предпочли представить нѣсколько цѣльныхъ очерковъ, сохранивъ обзорѣніе только для уясненія хода дѣйствія, а многими подробностями его и даже многими второстепенными лицами должны были, разумѣется, пожертвовать.

---

¹⁾ The way we live now, by Anthony Trollope, 1875—въ четырехъ томахъ.

I.

Леди Карбэри сидѣла за письменнымъ столомъ; ея книга, «Королевы-преступницы», только что вышла въ свѣтъ, и писательница, чувствуя необходимость поддержки со стороны вліятельныхъ газетъ, писала по этому предмету къ главамъ трехъ газетъ: «утренней», «вечерней» и «литературной», гг. Броуну, Альфу и Буверу. Всѣ трое бывали у нея въ домѣ, съ первымъ она была даже въ дружбѣ. Незадолго до сочиненія писемъ, о которыхъ теперь упоминается, между ними произошелъ нѣсколько странный фактъ, почти анекдотъ. Однажды леди Карбэри предлагала г. Броуну рядъ своихъ статей и высказала надежду на получение за нихъ гонорара по № 1-му, хорошо сознавая, что г. Броунъ тѣми статьями не особенно интересовался, а если и интересовался, то скорѣе въ размѣрахъ гонорара по № 2-му и даже 3-му. Леди Карбэри была вполне порядочная женщина; ей было 43 года, но она хорошо сохранилась, была женщина весьма красивая, и умѣла встать повліять на дѣла обаяніемъ красоты. Говоря съ увлеченіемъ о своихъ статьяхъ, она на минуту забыла свою мягкую, полную руку въ рукавъ г. Броуна, а тотъ въ увлеченіи съ своей стороны неожиданно поцѣловалъ писательницу, хотя былъ самъ человѣкъ пожилой и солидный. Изъ этого, конечно, ничего не произошло далѣе, и не могло произойти, такъ какъ леди Карбэри была дама порядочная. Результатъ былъ чисто-литературнаго свойства: г. Броунъ, получивъ дружескій выговоръ, принялъ статьи для газеты и обѣщалъ гонораръ по № 1-му, и потерпѣвъ такимъ образомъ поражение на всѣхъ пунктахъ, съ немалымъ смущеніемъ поѣхалъ читать свои корректуры.

Итакъ, просьбу о поддержкѣ «Королевамъ-преступницамъ» можно было высказать редактору «утренней» газеты прямѣе, чѣмъ другимъ редакторамъ. Просьба эта и высказывалась въ письмѣ къ нему совершенно ясно и просто, а затѣмъ все письмо было наполнено энтузіазмомъ писательницы къ избранному ею предмету, причѣмъ она наивно проговаривалась, что типъ Клеопатры заимствованъ ею у Шекспира, типы римскихъ императрицъ — у Гиббона, такъ что обнаруживалось, съ какою основательностью были составлены этюды; письмо входило еще въ подробности, почему къ историческимъ лицамъ писательница отнеслась такъ или иначе. Письмо, при всей краткости, обнаруживало не только громадность исполненной работы, но и страст-

ность, причудливость, артистичность природы самой писательницы, совершенно увлеченной, повидимому, своимъ предметомъ. Все это однакоже, если сказать правду впередъ, былъ вздоръ: и основательность работы, и страстность, причудливость и увлеченіе. Въ другомъ письмѣ, къ г. Букеру, редактору «литературной» газеты, леди Карбѣри была гораздо сдержаннѣе и просила отзыва о своей книгѣ также коротко, какъ коротко сообщала г. Букеру, что ей порученъ въ «утренней» газетѣ разборъ новой книги, которая написана имъ, г. Букеромъ, и что она желала бы знать, на что онъ хотѣлъ бы обратить вниманіе критиковъ своего сочиненія. Г. Букеръ не былъ издатель, а только редакторъ «литературной» газеты, за что и получалъ 500 фунтовъ въ годъ. Онъ былъ человѣкъ ученый и талантливый, человѣкъ съ литературнымъ вліяніемъ въ истинномъ смыслѣ. Но ему было 60 лѣтъ, онъ получалъ 500 фунтовъ въ годъ, и имѣлъ множество дочерей, изъ которыхъ одна была вдова съ дѣтьми, жившая у него же. Букеру былъ противенъ обмѣнъ «добрыхъ услугъ» въ родѣ того, какой ему предлагала теперь леди Карбѣри. Но безъ подобныхъ уступокъ онъ не могъ бы сводить конца съ концомъ въ своихъ дѣлахъ. Новые литературные обычаи были ему противны, но онъ былъ принужденъ имъ покоряться, то-есть, принужденъ, въ строгомъ смыслѣ слова, онъ не былъ, такъ какъ никто не запрещалъ ему бросить журналистику и пойти, напримѣръ, разбивать камни для мостовой. «Северно оно, северно,—думалъ про себя иногда г. Букеръ,—но что же дѣлать: не я сдѣлаю, другой сдѣлаетъ»,—и г. Букеръ обжился съ новыми обычаями. Онъ предвидѣлъ, конечно, что книга леди Карбѣри должна быть пустѣйшей, поверхностнѣйшей компиляціей, съ путаницею фактовъ и хронологіи; ему было смѣшно предложеніе такой писательницы воспользоваться его взглядами для разбора его же книги, взглядами, которыхъ онъ бы не могъ ей и объяснить. Но похвальный отзывъ объ его книгѣ въ «утренней» газетѣ; кѣмъ бы онъ ни былъ написанъ, могъ быть весьма полезенъ для продажи его книги, а распродажа книгъ, которыя онъ выпускалъ ежегодно, была необходимымъ прибавленіемъ къ его 500 фунтамъ жалованья.

Третье письмо леди Карбѣри было обращено къ редактору и главному собственнику «вечерней» газеты, г. Альфу. Кто былъ г. Альфъ—не было извѣстно съ достовѣрностью. Что была его газета—также трудно было опредѣлить. Относительно политическаго цвѣта «утренней» газеты не было сомнѣнія; она была органъ либеральный; относительно «литературной» газеты не

было сомнѣнiя, что она политическаго цѣнта вовсе не имѣла; но относительно газеты г. Альфа нельзя было сказать, какова ея политическая окраска, а между тѣмъ, она во всѣхъ вопросахъ, какъ литературныхъ, такъ и политическихъ, высказывала свои приговоры самымъ рѣшительнымъ образомъ. Она именно давала не мнѣнiе, но приговоры; всегда и всѣмъ она была недовольна; все явила болѣе или менѣе тонко. Тутъ нельзя было различить, кого она считала союзникомъ, кого—врагами. Тѣ, кого она явила, могли быть враги, это понятно; но они могли быть и друзья, только «вечерняя» газета относилась къ нимъ съ иронiею, потому что считала ихъ недостаточно-умными, недостаточно-усердными, недостаточно-рѣшительными, однимъ словомъ,—несостоятельными. Отсюда истекали два выгодныя для «вечерней» газеты послѣдствiя. Во-первыхъ, то, чего она не договаривала, очевидно должно было быть гораздо умнѣе того, что она повергала въ прахъ, такъ что, какъ бы умно ни поступилъ государственный человѣкъ, какую бы умную рѣчь ни сказалъ ораторъ, какую бы мудрую книгу ни написалъ признанный мудрецъ,—«вечерняя» газета казалась гораздо умнѣе каждаго изъ нихъ, хотя и не высказывала, что можно было бы сдѣлать на ихъ мѣстѣ. Во-вторыхъ,—«вечерняя» газета была занимательна; всегда было любопытно взглянуть, какъ тамъ отдѣлаютъ то и другое, и третье, а что отдѣлаютъ,—такъ это было несомнѣнно. Г. Альфъ сталъ извѣстенъ всего года два тому назадъ; откуда онъ явился—оставалось вопросомъ, который произвольно разрѣшался догадкою, будто онъ родился въ Германiи евреемъ. Но Англию онъ зналъ хорошо, зналъ англiйскiя обстоятельства такъ, какъ только англiчанинъ могъ ихъ знать. Успѣхъ «вечерней» газеты былъ несомнѣненъ, а г. Альфу уже принадлежалъ домикъ въ Бёркли-скверѣ и ежегодный доходъ съ газеты, приблизительно въ 6000 фунтовъ, изъ которыхъ онъ издерживалъ около половины. Онъ одѣвался просто, но отлично. Не звать г. Альфа, не быть съ нимъ въ хорошихъ отношенiяхъ—значило принадлежать къ допотопному міру и вырождающимся родамъ и видамъ творенiя.

Понятно, что и письмо къ нему леди Карбѣри было самое льстивое и смиренное. Она даже допускала, что ей достанется за невѣрность фактовъ и смѣлость братья за такой трудъ, но просила только, чтобы были оцѣнены «живненная правда» и «осмысленность» портретовъ.

Кто была сама леди Карбѣри? Будучи бѣдной дѣвушкой, она вышла за офицера, служившаго въ Индiи, Патрика Карбѣри, ко-

торый былъ слишкомъ вдвое старше ея. За военныя отличія, онъ получилъ званіе баронета, вслѣдствіе чего она и была лэди Карбэри. Онъ былъ человекъ грубый, пьяный и жестокой. Ее онъ билъ и оскорблялъ на всякомъ шагу. Это усилило въ ней природную склонность къ фальши. Еще дѣвужкой, даже ребенкомъ, она поняла, что красота ея давала ей право стать выше того скромнаго уровня, на которомъ она родилась, и что при умѣ можно было того достигнуть. Создать себѣ видное положеніе и сохранять, хотя бы внѣшнюю его обстановку—вотъ мысль, которая обратилась у ней въ природу. Она готовилась къ тому почти съ дѣтства, безъ расхода на то денегъ, которыхъ не было, и даже труда, просто одной догадливостью. Въ одномъ домѣ она схватила кое-какія верхушки общаго образованія, въ другомъ домѣ—свѣтскія манеры, въ третьемъ—нашла мужа, который могъ дать ей желанное положеніе. Все это не сдѣлало ее женщиною дурною, но пропитало ее фальшивостью. Мужъ ее билъ, и она всегда оставалась вѣрною женой, но употребляла всѣ средства, чтобы казаться довольною. Она улыбалась вскорѣ послѣ побоевъ. Однако однажды она-таки вынуждена была убѣжать отъ мужа, но потомъ возвратилась къ нему и ухаживала за нимъ до его смерти. У нихъ были сынъ и дочь. Сынъ сэра Патрика, еще будучи мистеромъ Карбэри, то-есть при жизни отца, поступилъ въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ. Сэръ Патрикъ оставилъ ему 1000 фунтовъ дохода, и женѣ своей съ дочерью ровно столько же. Но Феликсъ Карбэри, наслѣдовавшій послѣ смерти отца его титулъ, въ четыре года промоталъ весь свой капиталъ и надѣлалъ еще много долговъ. Такимъ образомъ, лэди Карбэри должна была на 1000 ф. дохода содержать себя, дочь и баронета. Отсюда явилась необходимость экономіи и работы. Лэди Карбэри, какъ женщина умная и пополнившая свое образованіе чтеніемъ, нашла себѣ работу литературную, какъ болѣе выгодную во-первыхъ, и во-вторыхъ, какъ болѣе отвѣчавшую ея вѣчному стремленію проложить себѣ путь въ свѣтъ, чѣмъ всякій иной трудъ, доступный женщинѣ. Но такъ какъ сэръ Феликсъ жилъ на ея счетъ и постоянно выпрашивалъ у нея деньги, то положеніе матери его было крайне стѣсненное. Она обожала сына-негодая, и это было единственное истинное ея чувство; все остальное въ ней было притворство или расчетъ. Къ дочери она относилась нѣсколько равнодушно и считала естественнымъ, что та должна жертвовать собой брату, какъ жертвовала собою она, мать, своему сыну. Обожаемый сынъ былъ красавецъ, и лэди Карбэри мечтала женить его на богатой наслѣдницѣ.

Сэръ Феликсъ былъ самъ вполне готовъ на это. Къ труду онъ былъ совсѣмъ неспособенъ, хотя не былъ глупъ. Онъ былъ даже настолько уменъ, что не казался занять собою. Но необыкновенная красота его бросалась всѣмъ въ глаза. При такомъ положеніи дѣлъ, вся забота матери заключалась въ томъ, чтобы какъ-нибудь продержаться своими средствами до богатой женитьбы сына. Для этого ей казалось необходимымъ, чтобы критика хвалила ея книги. Она работала весьма серьезно въ томъ смыслѣ, что производила въ короткое время массу исписанныхъ листовъ. При гибкости ума, ей не много стоило писать скоро и притомъ бойко, хотя и безсодержательно; притомъ она умѣла намазывать на бумагу весьма тонкимъ слоемъ все, что знала, такъ, чтобы знаніе ея покрывало возможно-большую поверхность. Въ сущности, она была равнодушна, хороша или дурна ея книга въ самомъ дѣлѣ; ей хотѣлось только, чтобы ея книгу хвалила критика. Еслибы г. Броунъ у себя въ кабинетѣ сказалъ ей, что ея книга—пустяки, но вмѣстѣ съ тѣмъ общалъ бы ей, что книга будетъ сильно расхвалена въ «утренней» газетѣ, то едвали бы даже пострадало ея самолюбіе. Однимъ словомъ, она была вся проникнута фальшью, но у ней была и хорошая сторона — ея любовь къ сыну. Вообще слухи, основывавшіеся главнымъ образомъ на ея временномъ бѣгствѣ отъ мужа, были гораздо хуже, чѣмъ она была сама въ дѣйствительности.

У нея была въ виду великолѣпная партія для сына, а именно миссъ Мельмотъ, дочь миллионера, пышно жившаго въ Гровеноръ-Скверѣ. Что касается дочери лэди Карбэри, Генріетты или Гетты, какъ ее обыкновенно называли, то, еслибы она хотѣла исполнить желаніе своей матери, ей стоило бы только сказать одно слово троюродному брату ея, Роджеру Карбэри, который былъ влюбленъ въ нее что называется безъ ума, несмотря на свои сорокъ лѣтъ. Но Геттѣ больше нравился другъ Роджера, молодой Поль Монтегю, хотя Роджера она искренно уважала.

II.

Въ Гровеноръ-Скверѣ ожидался большой балъ; балъ въ самомъ дѣлѣ большой, не потому только, что онъ стоилъ большихъ денегъ, но и потому, что дѣлались большія усилія, дабы залучить на него «большихъ» людей, и самыя приготовленія производили большой эффектъ, такъ что уже за двѣ недѣли о балѣ у Мельмота говорилось въ томъ мірѣ, для котораго съ открытіемъ

парламента открылся сезонъ: Герцогиня Стивенеджъ прибыла изъ своего замка Ольбэри нарочно, съ цѣлью украситъ балъ у Мельмота присутствіемъ своимъ и своихъ дочерей. Конечно, на то были причины. Извѣстно было, что братъ герцогини, лордъ Альфредъ Грендолль, находился въ весьма затруднительныхъ обстоятельствахъ, которыя неожиданно были поправлены изъ какого-то источника. Сверхъ того, второй сынъ лорда Альфреда, Майльзъ Грендолль, получилъ мѣсто въ какой-то компаніи, съ жалованьемъ, котораго, по мнѣнію его друзей, не могъ стоить его трудъ. Само собою разумѣлось, что туда, куда могла ѣхать герцогиня Стивенеджъ, всѣ должны были стремиться. За день до бала распространилось извѣстіе, что на немъ будетъ даже одинъ изъ принцевъ королевскаго дома. Какимъ образомъ онъ былъ привлеченъ туда, того, конечно, нельзя было знать съ достовѣрностію, но былъ такой слухъ, будто брилліанты нѣкоторой дамы, заложенные у ростовщика, были выкуплены. Одного такого слуха достаточно, чтобы понять, на какую ногу дѣлались «приготовленія» къ балу. Первый министръ, къ сожалѣнію, не могъ обѣщать своего присутствія; но другой министръ и два-три товарища министровъ обѣщали, потому что не ровень часъ, и Мельмотъ могъ заручиться вліятельными голосами въ парламентъ.

Этотъ великолѣпный балъ давалъ нѣкто Августъ Мельмотъ, отецъ той дѣвушки, на которую имѣли виды лэди Карбери и ея сынъ сэръ Феликсъ Карбери. Августъ Мельмотъ еще недавно почти-что считался въ Лондонѣ иностранцемъ; но такъ какъ онъ велъ огромныя дѣла, то свѣтъ повѣрилъ его увѣренію, что онъ родился въ Англіи, куда, впрочемъ, онъ прибылъ изъ Парижа всего года два назадъ. Поэтому его на конвертахъ стали называть Августъ Мельмотъ Esq., то-есть такъ, какъ писалось его имя въ спискахъ учредителей разныхъ компаній. Дочь его еще недавно называли м-ше Марі, но теперь также стали называть миссъ Мельмотъ. Зато жена его осталась въ общихъ понятіяхъ мадамъ, а не миссисъ Мельмотъ. Онъ самъ говорилъ, что она иностранка, да и не могъ говорить иначе, такъ она мало понимала по-англійски, между тѣмъ какъ у самого Мельмота и его дочери едва-едва замѣтенъ былъ въ говорѣ акцентъ иностранный. Мельмота вообще окружала тайна; а такъ какъ онъ былъ на виду, то о немъ и его семействѣ ходили разные слухи, мало достовѣрные. О женѣ его говорили, что она еврейка изъ Богеміи и будто она не жена; о дочери—будто она не дочь мадамъ Мельмотъ. О немъ самомъ было достовѣрно извѣстно только то, что разбогатѣлъ онъ не въ Англіи, но во Франціи. По слухамъ же, у него бывали

дѣла въ разныхъ странахъ; такъ говорили, что онъ построилъ одну желѣзную дорогу въ Россіи, ставилъ провіантъ южанской арміи въ Америкѣ, снабжалъ Австрію оружіемъ и однажды скупилъ все готовое желѣзо въ Англии. Мельмотъ могъ одной покупкой или продажей бумагъ на биржѣ создавать или уничтожать значеніе компаній, могъ сдѣлать такъ, что деньги становились обильны или рѣдки. Все это говорилось о немъ въ смыслѣ удивленія и хвалы. Но говорилось также, что въ Парижѣ онъ имѣлъ репутацію величайшаго мошенника, каковаго когда-либо производилъ свѣтъ; что ему въ Парижѣ дольше нельзя было оставаться; что онъ отсюда перенесъ-было центръ своихъ операцій въ Вѣну, но былъ приглашенъ тамошнею полиціей уѣхать, и что, наконецъ, его привлекла къ себѣ британская свобода. Теперь онъ жилъ въ Гровеноръ-Скверѣ, а контора его находилась въ Сити, въ Абчерчъ-Ленѣ. Все преобразование Мельмота изъ пріѣзжаго дѣльца въ признаннаго свѣтомъ богатаго англійскаго негоціанта произошло въ двѣнадцать мѣсяцевъ. И вотъ теперь—принцъ королевской крови, министръ ея величества и избранный букевъ герцогиня являлись гостями въ его женѣ, на балъ.

Мэри Мельмотъ танцевала съ сэромъ Феликсомъ Карбэри. Карбэри умѣлъ придавать своему голосу тотъ тонъ и своему лицу то выраженіе, которые обнаруживали влюбленность; но когда надо было сдѣлать признаніе въ любви, онъ оказывался несостоятельнымъ; всякое чувство было до такой степени чуждо его сухой, чисто-эгоистической натурѣ, что онъ не умѣлъ изобразить голосомъ страсть,—изображалъ, но не убѣдительно. Это странное обстоятельство было уже однажды причиною отказа, полученнаго имъ отъ дѣвушки съ приданымъ въ 40 тысячъ фунтовъ. Приданое Мэри Мельмотъ считалось безъ всякаго сравненія больше этой цифры. Карбэри мечталъ о немъ, но скучалъ необходимо любовныхъ объясненій. Впрочемъ, дѣло теперь было еще только вначалѣ и баронетъ могъ еще только «занграть» въ любовь, а это не превосходило его способностей.

— Какъ вы хорошо вальсируете, — сказалъ онъ, приведя Мэри къ стулу.

— Да? Въ первый разъ слышу. Со мной, впрочемъ, никто не говорилъ обо мнѣ.

— А я охотно рассказалъ бы вамъ все, что васъ касается.

— Вы ничего не знаете.

— Я бы открылъ. О многомъ просто догадался бы. Напримѣръ, кто могъ бы вамъ понравиться больше всѣхъ.

— Кто же это?

— Кто полюбилъ бы васъ больше всего на свѣтѣ.

— Положимъ; но какъ же узнать это?

— Иного средства нѣтъ, миссъ Мельмоть, какъ повѣрить.

— Ну, это не совсѣмъ надежно. Еслибы какая-нибудь дѣвушка сказала мнѣ, что любить меня болѣе всякой другой дѣвушки, я бы еще не знала, правда ли это. Надо было бы подождать и убѣдиться.

— А еслибы джентльмѣнъ сказалъ вамъ то же самое?

— Нисколько бы ему не повѣрила и не искала бы убѣдиться. Но въ самомъ дѣлѣ, мнѣ хотѣлось бы найти такую подругу, дѣвушку, которую я могла бы любить, о! въ десять разъ больше, чѣмъ самоё себя.

— И мнѣ хотѣлось бы.

— Развѣ у васъ нѣтъ друга?

— Я говорю, мнѣ тоже хотѣлось бы найти подругу въ такой дѣвушкѣ, которую я могъ бы любить, о! въ десять разъ больше, чѣмъ самого себя.

— Вы подтруниваете надъ тѣмъ, что я сказала, — отвѣтила миссъ Мельмоть.

Тутъ же, не далеко отъ нихъ, въ гостиной, разговаривали сестра Феликса Карбэри Генріѣтта и молодой Монтегю.

— Желательно бы знать, приведетъ ли это въ результату, — замѣтилъ Поль Монтегю, вида, что миссъ Карбэри смотрѣла на брата и его собесѣднику.

— Вы говорите о Феликсѣ и миссъ Мельмоть? Мнѣ противно думать о такихъ видахъ, г. Монтегю.

— Что-жъ, для него это былъ бы великолѣпный случай.

— Жениться на дочери пошлыхъ людей оттого только, что у нея много денегъ? Вѣдь не можетъ быть, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ былъ привязанъ къ ней.

— Да, но ему такъ настоятельно нужны деньги! Мнѣ кажется, что Феликсу не можетъ быть иной дороги въ свѣтѣ, какъ стать мужемъ богатой наслѣдницы.

— Тяжело думать такъ о братѣ.

— Но развѣ это неправда? Вѣдь онъ сдѣлалъ себя нищимъ.

— О, г. Монтегю.

— И васъ съ вашей мамѣ разорить въ концѣ.

— Я о себѣ не особенно беспокоюсь.

— Но другіе беспокоятся. — Эти слова онъ произнесъ, впрочемъ, не обращаясь къ ней, вполголоса, какъ будто съ досадою.

Между тѣмъ, г. Мельмоть и г-жа Мельмоть продолжали принимать вновь прибывавшихъ гостей. Мельмоть былъ высочій и

плотный мужчина, съ густыми бакенбардами, густыми, жесткими волосами на головѣ, и густыми же бровями; въ очертаніи его рта и подбородка обнаруживалось замѣчательное могущество воли. Эта черта такъ преобладала въ его лицѣ, что, благодаря именно ей, выраженіе его не было пошло. Но видъ его и вся его манера держаться и говорить были неприятны и внушали недоувѣріе. Въ немъ легко угадывался мѣшокъ набитый деньгами, и грубіанъ. Мадамъ Мельмотъ, если она была еврейка, не была похожа на еврейку тѣмъ, что была толстая блондинка. Она стояла въ немаломъ смущеніи посреди дома, обращеннаго нѣкоторымъ образомъ въ волшебный міръ, и почти изнемогала подъ тяжестью своей роли. Около Мельмота почти неотлучно находился лордъ Альфредъ Грендоль, братъ герцогини Стивенеджъ; сынъ его, Майльзъ Грендоль, по порученію тетушки, распорядился танцами. Герцогиня приложила нѣкоторую заботливость, чтобы балъ удался; вѣдь Мельмотъ содержалъ и самого лорда Альфреда, и все его семейство. Герцогиня заранѣе приказала своему старшему сыну лорду Бѣнтингфорду открыть балъ съ Мэри Мельмотъ. Лордъ Бѣнтингфордъ согласился на это не безъ затрудненій; онъ былъ человѣкъ съ аристократическими идеями, не любилъ танцевать, былъ человѣкъ дѣловой и вмѣстѣ застѣнчивый. По этому случаю дома происходилъ такой разговоръ:

— Разумѣется, они пошлы, стбитъ ли говорить объ этомъ,— сказала герцогиня;—это такъ ясно, что наши встрѣчи съ ними, по самой своей нелѣпости, не могутъ особенно претить намъ. Что онъ не честный человѣкъ, это нисколько не удивительно: развѣ честный можетъ такъ разбогатѣть? Что мы все это дѣлаемъ съ опредѣленной цѣлью—это тоже разумѣется; легко сказать, что не слѣдуетъ, но что же намъ дѣлать съ дѣтьми Альфреда? Вотъ Майльзъ уже получилъ мѣсто въ 500 фунтомъ, да, между нами—вѣдь Альфредовы векселя благополучно спрятаны у Мельмота въ шкапу; Альфредъ заплатитъ, когда самъ захочетъ.

— Ну, они долго пролежать въ шкапу,—сказалъ лордъ Бѣнтингфордъ.

— Такъ вотъ, какъ же имъ не ожидать, что и мы сдѣлаемъ что-нибудь для нихъ; что стбитъ протанцевать? ну, протанцуй съ ней разъ.

Лордъ Бѣнтингфордъ съ мягкостью протестовалъ и согласился.

Когда Мэри сказала сѣру Феликсу, что «никого не говорилъ съ нею—о ней», то это были не пустые слова; они имѣли свой смыслъ. Ее уже сватали не разъ, между прочимъ за лордовъ Ниддердэля и Грасслоу. Они дѣйствительно не говорили съ ней

—о ней; о ней они не заботились. Обоимъ нужны были ея деньги, а она представлялась не особенно пріятной придачей къ деньгамъ, хотя не была дурна, не была и совсѣмъ глупа, будучи однако дурочкой. Сперва она совсѣмъ свылалась съ мыслью выдти замужъ за перваго титулованнаго жениха, который будетъ ей указанъ отцомъ, не смѣла и думать о томъ, понравится ли ей женихъ и понравится ли она сама жениху. Но мало-по-малу въ ней стала возникать такая мысль; приведенныя слова ея обнаруживали начинавшійся уже въ ней переворотъ. Прежде, когда лордъ Ниддердаль, сперва избранный ея отцомъ, равнодушно пригласилъ ее быть его женою, какъ зовуть на танецъ, она и не ожидала ничего другого и тотчасъ согласилась исполнить желаніе отца. Но дѣло съ Ниддердалемъ разошлось. Его отецъ, маркизъ Ольдъ-Реки, требовалъ, чтобы сынъ взялъ въ приданое не менѣе полу-милліона фунтовъ. Мельмотъ не имѣлъ противъ этого ничего въ то время, такъ какъ съ герцогинями онъ еще знакомъ не былъ и сильно нуждался въ поддержкѣ маркизы. Но онъ хотѣлъ, чтобы капиталъ былъ записанъ на Мэри и оставался ея собственностью. Лордъ Ниддердаль требовалъ, чтобы капиталъ былъ врученъ ему, тѣмъ болѣе, что дѣла стараго маркиза были разстроены, а дѣла молодого лорда никогда не были особенно блестящи, но ужъ конечно не были поправлены расточительной жизнью лорда Ниддердаля. — «Какъ же я могу дать такую сумму такому человѣку?» возразилъ, нахмуривъ свои густыя брови, Мельмотъ, обращаясь къ нотаріусу маркиза, присланному въ нему для переговоровъ. — «Да вѣдь вы даете же ему единственное ваше дитя?» нашелся съ своей стороны нотаріусъ. Мельмотъ нѣсколько секундъ посмотрѣлъ на него, потомъ нахмурилъ брови еще болѣе, сказалъ, что этотъ отвѣтъ ничего не значить, и ушелъ прочь. Такъ дѣло и разстроилось, что впрочемъ не помѣшало матери бывшаго жениха, маркизѣ Ольдъ-Реки, присутствовать теперь на балѣ у Мельмота.

Возвратимся къ балу. Мэри правилось танцовать съ Феликсомъ Карбѣри; было новостью для нея самой, что она смѣла сознавать это. Она чувствовала, что выдти замужъ могло бы быть пріятно; изъ словъ и взглядовъ его ей казалось, что и она ему нравилась; а прекрасенъ онъ былъ какъ богъ. Вдругъ прошелъ по заламъ попотъ, что королевскій принцъ пріѣхалъ; Мельмотъ въ это время сидѣлъ за картами. Мэри все еще разговаривала съ Феликсомъ Карбѣри. Ей тотчасъ было объяснено, что она должна выдти танцовать съ принцемъ. Представленіе ея совершенно было совершенно дѣловымъ порядкомъ. Впередъ пошелъ Майльзъ Грендолль и нашелъ одну жертву этого торже-

ственного обряда—Мэри. По его слѣдамъ шла герцогиня Стивенедежъ съ другой жертвой—принцомъ; позади ихъ колыкалась мадамъ Мельмотъ, но ей не было предоставлено рѣшительно никакого участія въ этомъ дѣлѣ. Оркестръ, который игралъ галопъ, былъ внезапно остановленъ, въ полному замѣпательству танцовавшихъ. Въ двѣ минуты Майльсъ Грендолль устроилъ кадрили. Визави принцу и Мэри онъ сталъ самъ съ своей тѣткой, герцогиней Стивенедежъ, пока, уже на половинѣ кадрили, не былъ отысканъ молодой министръ остъ-индскихъ дѣлъ Леджъ-Уильсонъ, которому тогда Майльсъ и уступилъ свое мѣсто. Лордъ Бѣнтингфордъ уже уѣхалъ, но пошпаны были и поставлены на мѣста обѣ дочери герцогини, которымъ даны были въ кавалеры лордъ Грасслоу и сэръ Феликсъ Карбѣри, послѣднй за то, что былъ красивъ и все-таки имѣлъ имя. Были еще другія пары, все исключительно изъ лицъ титулованныхъ, такъ какъ предназначено было, чтобы въ печати упомянуть именно обѣ этомъ кадрилѣ съ именами. Наемный репортеръ былъ тутъ же, приготовляясь легѣтъ немедленно со спискомъ именъ въ рукахъ, какъ только кадрили перейдетъ въ область совершившихся фактовъ. Что касается принца, то онъ самъ не совѣмъ понималъ, зачѣмъ онъ здѣсь; тѣ, кто устраивали его ежедневную жизнь, устроили такъ, что въ настоящую минуту онъ былъ здѣсь. По всей вѣроятности, ему лично ничего даже не было извѣстно о выкупленныхъ брилльянтахъ одной дамы и о значительномъ пожертвованн въ пользу больницы св. Георгія, которое было истребовано отъ г. Мельмота въ видѣ воздаянн за ту честь, которой онъ добивался. Мэри не легко было перенести эту честь; въ первую минуту ей казалось даже, что она не въ состоянн выдержать этой чести, и она охотно убѣжала бы, еслибы возможно было спастись бѣгствомъ. Но страшная минута прошла очень скоро, и въ дѣйствительности оказалась даже не очень страшною. Принцъ говорилъ ей пару словъ между каждой фигурой и, казалось, не ожидалъ отвѣта или привѣтъ къ тому, чтобы облегчать бремя своего величя для тѣхъ, на кого оно случайно и на минуту возлагалось. Послѣ окончанн кадрили онъ тотчасъ уѣхалъ, исполнивъ впрочемъ еще одинъ обрядъ, а именно выпивъ одинъ бокалъ шампанскаго въ присутствн хозяйки. Съ замѣчательнымъ искусствомъ присутствн принца было скрыто отъ самого хозяина, Мельмота, до тѣхъ поръ, когда принцъ уже уѣхалъ. Мельмотъ, разумѣется, пожелалъ бы самъ налить, собственными руками, тотъ бокалъ вина и вдоволь напѣпить свой языкъ «королевскими высочествами», вообще ова-

зался бы надобдливимъ и неприятнымъ. Все это понималъ Майльзъ Грендолль и повелъ дѣло очень ловко.

— Какъ это... его королевское высочество уже пожаловалъ, и уже уѣхалъ!—воскликнулъ Мельмотъ.

— Вы были такъ заняты вистомъ съ моимъ батюшкой, — отвѣчалъ Майльзъ Грендолль, — что невозможно было васъ отргивать. — Мельмотъ не былъ глушь и понималъ все; понялъ не только, что сочли за лучшее избѣгнуть его разговора съ принцомъ, но что, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ это и было лучше. Ему нельзя было разомъ достигнуть всего. Майльзъ Грендолль былъ ему нуженъ, и Мельмотъ рѣшилъ въ умѣ не ссориться съ нимъ, по крайней мѣрѣ теперь.

— Альфредъ, не сыграемъ ли еще одинъ робберъ, — обратился онъ въ лорду Альфреду Грендоллю, когда уже разъѣзжались. Это была его фамиллярная манера съ братомъ герцогини Стивенеджъ, который былъ такъ много ему обязанъ. Не разъ, при подобныхъ фамиллярностяхъ, въ душѣ лорда Альфреда внезапно возникалъ вопросъ: не дать ли ему пинка? Физической смѣлости на это у лорда Альфреда хватало бы, хотя Мельмотъ былъ моложе его. Но ему каждый разъ, въ такихъ случаяхъ, приходила мысль о веселяхъ, лежащихъ въ извѣстномъ шкапу и о сновьяхъ. И вопросъ разрѣшался тѣмъ, что «Альфредъ» сыгрывалъ еще робберъ или выпивалъ еще стаканъ шампанскаго. Это было тѣмъ легче, что шампанское было отличное, и Альфредъ его любилъ, а робберы вончались обыкновенно въ его же пользу, такъ какъ Мельмотъ вовсе не заботился о выигрышѣ и проигрывалъ ему весьма охотно, прибавляя только послѣ роббера: «Альфредъ, не выпить ли еще стаканчикъ шампанскаго?» Но на этотъ разъ случилось такъ, что лордъ Альфредъ уже выпилъ этихъ стаканчиковъ болѣе обыкновеннаго числа, а потому на приведенное обращеніе Мельмота сказалъ:

— Къ чорту эту манеру: называйте людей какъ слѣдуетъ, — и, сказавъ это, удалился изъ дому Мельмота, не произнеся болѣе ни слова.

По окончаніи бала Мельмотъ произвелъ допросъ мадамъ Мельмотъ относительно всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ балъ и въ особенности о поведеніи Мэри. Мадамъ Мельмотъ не скривала, что дѣвушка разговаривала съ сэромъ Феликсомъ Карбэри болѣе, чѣмъ съ другими мужчинами. Мельмотъ не былъ еще готовъ тотчасъ положить на этомъ устномъ докладѣ резолюцію: одобрить или воспретить, потому что ничего не зналъ о средствахъ Карбэри; зналъ только, что онъ — баронетъ. Но онъ

и не подозрѣвалъ, что разговоръ молодыхъ людей уже завелъ ихъ довольно далеко. А именно, при прощаньи, сэръ Феликсъ прошепталъ:

— Вы вѣдь знаете сами, кому вы нравитесь больше всего на свѣтѣ.

— Никому; перестаньте, сэръ Феликсъ.

— Мнѣ.—Онъ выучилъ эти слова впередъ, какъ урокъ, и сказать его не дурно. Она же заснула эту ночь съ свѣтлымъ сознаниемъ, что вотъ напелся же человѣкъ, котораго она могла бы полюбить.

III.

— Скука смертная, — произнесъ сэръ Феликсъ, усаживаясь въ карету вмѣстѣ съ матерью и сестрой.

— А каково же было мнѣ, — возразила мать, — сидѣть ничего не дѣлая...

— Вотъ то-то и скука, что на мнѣ было дѣло. Кстати, — прибавилъ сэръ Феликсъ, — мнѣ надо заглянуть въ клубъ, прежде чѣмъ ѣхать домой. — И высунувшись изъ окна, онъ велѣлъ остановиться.

— Феликсъ, вѣдь два часа.

— Весьма вѣроятно, но я голоденъ; доброй ночи!

Дамы молча проѣхали домой. Только при прощаньи, мать поставила вопросъ:

— Играетъ онъ что-ли, какъ ты думаешь?

— У него нѣтъ денегъ.

— Нѣтъ, деньги я у него видала; если онъ играетъ, тогда все кончено. Мать простилась съ дочерью довольно холодно, потому что на замѣчаніе, вачѣмъ Гетта провела весь вечеръ съ Полемъ Монтегю, и что вѣрно изъ-за него она и отказывается своему троюродному брату, Гетта отвѣчала только, что отказываетъ не изъ-за Поля Монтегю, а такъ.

Между тѣмъ, въ томъ комфортабельномъ клубѣ для молодыхъ людей, который назывался «Медвѣжьей Ямой», два часа ночи были временемъ нисколько не позднимъ. Это былъ таковой удобный клубъ, что часа для закрытія его вовсе не полагалось; только подразумевалось, что послѣ шести часовъ утра ужинъ и напитки уже не подаются. Такимъ образомъ, къ восьми часамъ наступавшаго утра, наши партнеры: Долли Лонгестафъ, лордъ Грасслоу, Майльзъ Грендолль и Феликсъ Карбѣри уже въ теченіе двухъ по-

слѣднихъ часовъ продовольствовались однимъ табачнымъ дымомъ. Надо было, наконецъ, сосчитаться. Наличныхъ денегъ хватило только на начало игры, которая затѣмъ шла уже на бумажки съ надписью I. O. O. (I owe you, я вамъ долженъ), и прописаніемъ цифръ и начальныхъ буквъ именъ. Такихъ лоскутковъ бумаги въ восьми часамъ у Карбэри, которому везло, накопилось не мало. Отъ одного лорда Грасслоу ихъ поступило на 2000 фунтовъ; благородный лордъ горько сомнѣвался въ таковомъ фактѣ, но фактъ несомнѣнно удостовѣрялся собственными его надписями на бумажкахъ; даже Майльзъ Грендолль, который былъ признавъ сохранившимъ наиболѣе ясности въ сознаніи, не могъ сократить этого итога. Самъ Грендолль проигралъ Феликсу Карбэри тоже въ бумажкахъ, конечно—400 фунтовъ, но ему это было все равно: четыреста или сорокъ тысячъ фунтовъ—ему одинаково невозможно было достать денегъ въ то время. У лорда Грасслоу тоже денегъ не было, но былъ отецъ; правда, и отецъ этотъ былъ безденежный; но все-таки съ него можно было надѣяться получить когда-нибудь что-нибудь. Доли Лонгестаффа былъ совсѣмъ «готовъ», въ смыслѣ вахическомъ; онъ не могъ даже сдѣлать сложеніе, но Карбэри былъ съ нимъ пріятель; онъ отложилъ счетъ съ нимъ до другого времени.

— Вы вѣроятно будете здѣсь завтра,—то-есть сегодня вечеромъ?—сказалъ Майльзъ Феликсу.

— Конечно; но знаете что: мнѣ кажется, надо бы рассчитаться, прежде чѣмъ возобновлять игру.

— Въ какомъ смыслѣ вы это говорите? — задальчиво спросилъ Грасслоу.

— Дружокъ, въ таковомъ смыслѣ, что вѣдь мы когда играемъ, подразумеваемъ же, что играемъ на наличныя деньги. Но я васъ не буду притѣснять и вечеромъ дамъ реваншъ.

— Ну, конечно, все въ порядкѣ,—заключилъ Майльзъ Грендолль.

Но на него Карбэри былъ золъ за то, что онъ слишкомъ настоятельно велъ игру противъ него, явно вынуждая желаніе обыграть его, Феликса Карбэри.

— Я говорилъ съ лордомъ Грасслоу,—отвѣтилъ онъ Майльзу. —Мы съ нимъ старые пріатели. А вы, мистеръ Грендолль, были рѣзковаты сегодня.

— Рѣзковать? какого чорта вы хотите этимъ сказать?

— И я полагаю,—продолжалъ Феликсъ,—что прежде чѣмъ играть опять съ вами, слѣдуетъ намъ съ вами рассчитаться.

— Разсчетъ — разъ въ недѣлю, — вотъ мое правило, — сказалъ Майльзъ Грендолль.

Феликсъ Карбѣри, когда ѣхалъ домой, дѣлалъ въ головѣ такую выкладку, что еслибъ получить все, что онъ выигралъ, то у него было бы болѣе 3000 фунтовъ; онъ могъ бы начать сннова походить жизни, со всѣми такъ сказать принадлежностями, какъ-то: лошадьми, слугами и сибаритствами равнаго рода.

Роджеръ Карбѣри, владѣлецъ Карбѣри-Голля, небольшого имѣнія въ Соффольскомъ графствѣ, былъ глава рода Карбѣри. Родъ Карбѣри находился въ составѣ землевладѣльческаго сословія этого графства издавна; достоверно, по крайней мѣрѣ, что, въ эпоху войны «алой и бѣлой розъ», Карбѣри владѣли землями въ Соффолькѣ. Они всегда занимали положеніе почетное, но — не болѣе. Неизвѣстно даже, чтобы кто-либо изъ нихъ достигалъ хотя бы рыцарскаго званія до нѣкаго сара Патрика Карбѣри, который, перешагнувъ чрезъ это званіе, былъ сдѣланъ баронетомъ. Но они крѣпко держались своихъ земель, а земли держались при нихъ, несмотря на перевороты междуособныхъ войнъ, реформаціи, республики и второй революціи, и глава дома Карбѣри всегда владѣлъ Карбѣри-Голлемъ и пребывалъ въ этомъ имѣніи. При началѣ текущаго столѣтія, сквайръ Карбѣри былъ человекомъ значительнымъ, если не въ цѣломъ графствѣ, то въ своемъ округѣ графства. Доходъ, какой онъ получалъ съ имѣнія, давалъ ему возможность жить среди обилія, и, соблюдая гостепріимство, пить портувейнъ, держать адороваго скакуна для охоты и старомодную громоздкую карету для разѣздовъ жены. У него былъ старый дворецкій, который никогда не служивалъ въ иныхъ домахъ, и деревенскій мальчикъ, бывший чѣмъ-то въ родѣ помощника дворецкому. Была кукарна, которая не стѣдилась сама мыть посуду, были еще двѣ служанки, а управленіе хозяйствомъ находилось непосредственно въ рукахъ самой мисисъ Карбѣри. Она лично мѣтила и выдавала бѣлье, заготавливала варенье и наблюдала за конченіемъ окороковъ. Однимъ словомъ, въ 1800 году, карбѣрійское помѣстье было достаточно для содержанія дома Карбѣри.

Съ тѣхъ поръ имѣніе это значительно поднялось въ цѣнности и арендные платы съ фермеровъ возвысились. Но тѣмъ не менѣе, доходъ съ этого имѣнія оказывался уже недостаточнымъ для хозяйственныхъ потребностей англійскаго джентльмена. Въ наше время, когда человеку достается имѣніе, передъ нимъ возникаетъ вопросъ, не послужить ли еще это ему въ ущербъ, развѣ если вромѣ имѣнія ему достается еще и особый доходъ

для поддержанія этого имѣнія. Земельная собственность въ наши дни есть роскошь, и даже роскошь наиболѣе дорого стоющая. Между тѣмъ Карбѣри никогда не имѣли ничего, кромѣ земли. Никакихъ угольныхъ или желѣзныхъ рудъ въ Соффолькѣ не открывалось, никакого большого города не выросло вблизи карбѣрейскаго помѣстья. Никто изъ старшихъ сыновей, то-есть владѣльцевъ этого имѣнія, не пустился въ торговлю, не достигалъ высокаго положенія въ какой-нибудь профессіи такъ, чтобы имѣть средства къ поддержанію родового богатства. Наконецъ, ни одному изъ нихъ даже не привелось жениться на богатой наслѣдницѣ. Правда, съ другой стороны, домъ Карбѣри не подвергался разоренію или особому бѣдствію. Но въ конечномъ результатѣ оказалось, что въ настоящее время сквайръ Карбѣри, владѣлецъ Карбѣри-Голя, былъ человекъ бѣдный, вслѣдствіе богатства другихъ. Положимъ, что онъ имѣлъ годового дохода омоло двухъ тысячъ фунтовъ. Съ этими средствами онъ, конечно, могъ бы жить весьма недурно, но—за границею, еслибы рѣшился отдать свой домъ въ имѣніи въ наймы и поручить свои сношенія съ фермерами—управляющему. Но онъ жилъ не такъ; онъ пребывалъ на своей землѣ и жилъ въ средѣ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, слѣдуя примѣру всѣхъ прежнихъ Карбѣри. И вотъ онъ былъ бѣденъ, потому что сосѣди его были богаты. Такъ, владѣльцы Кавѣршема, семейство Лонгестаффовъ, которыхъ старшій сынъ и надежда былъ Долли Лонгестаффъ, считались весьма богатыми; между тѣмъ родоначальникомъ ихъ фамиліи былъ одинъ лондонскій лордъ-мэръ, по ремеслу своему не болѣе, не менѣе, какъ свѣчной торговецъ, не далѣе царствованія королевы Анны. Генвѣрты, другіе сосѣди, могли гордиться хорошей кровью, но не безъ примѣси, такъ какъ они женились на деньгахъ, недавно прибрѣтенныхъ недавними же людьми. Третьи сосѣди—Примеро, всего полвѣка тому назадъ были испанскіе купцы, хотя теперь за старшимъ Примеро и былъ признаваемъ титулъ сквайра Примеро; свое имѣніе Бондлешемъ они купили у нѣкоего магната-герцога. Это все были ближайшіе сосѣди Карбѣри; къ нимъ надо прибавить еще эльмѣскаго епископа. Каждый изъ нихъ затмѣвалъ сквайра Карбѣри. Пусть бы затмѣвалъ его епископъ, это бы ничего; нашъ сквайръ питалъ убѣжденіе, что епископы должны быть окружены богатствомъ; преобладаніе надъ нимъ епископа нисколько бы не было ему въ тягость. Но величіе Лонгестаффовъ и роскошь такихъ людей, какъ господъ Примеро, были ему въ тягость, хотя онъ былъ такой человекъ, который не сознался бы въ томъ и ближайшему другу. По его убѣжденію—которое онъ,

вырочемъ, высказывала только въ интимной бесѣдѣ — положеніе человѣка въ свѣтѣ не должно бы зависѣть отъ его богатства. Такъ, Примеро несомнѣнно должны бы стоять на общественной лѣстницѣ ниже его, хотя у каждаго изъ молодыхъ Примеро было по три верховыхъ лошади, и фазановъ эти молодые люди убивали цѣлые легионы, причемъ каждый собственный фазанъ стоилъ имъ не менѣе десяти шиллинговъ. Гепвѣртъ былъ порядочный человѣкъ, не напускавшій на себя никакого величія и понималъ свои обязанности сельскаго джентльмена; но вѣдь и онъ не могъ быть выше Карбэри — владѣльца Карбэри-Голла; а между тѣмъ у Гепвѣрта доходу было тысячъ семь фунтовъ. Что касается Лонгестаффовъ, то ихъ сосѣдство было всего тяжелѣе. У нихъ лакеи даже здѣсь, въ деревнѣ, были напудрены. Госпожа Лонгестаффъ носила титулъ лэди, по своему отцу, а именно называлась лэди Помона Лонгестаффъ. Дочери были воспитаны выдти замужъ за пэровъ. У Лонгестаффовъ былъ домъ въ Лондонѣ, собственный домъ, въ которомъ они жили во время сезона. Дѣвицы Лонгестаффъ всегда имѣли своихъ верховыхъ лошадей, какъ въ имѣніи, такъ и въ Лондонѣ. Сынъ старика — Лонгестаффа, Адольфъ, какъ уже сказано выше, имѣлъ отдѣльное имѣніе. Однимъ словомъ, Лонгестаффы жили съ роскошью, подавляющею обстановку старинныхъ мѣстныхъ родовъ. Мѣстные торговцы относились съ наибольшимъ уваженіемъ именно къ Лонгестаффамъ, которые и считались настоящими магнатами околотка. При всемъ томъ, у Лонгестаффовъ была постоянная нужда въ наличныхъ деньгахъ; счета они уплачивали нерегулярно и поздно, но, разумѣется, и не провѣряли ихъ съ точностію. За то къ Роджеру Карбэри торговцы никакого особеннаго уваженія не питали; онъ былъ человѣкъ умѣренныхъ средствъ, жившій въ скромной обстановкѣ, платившій регулярно, но платившій не дороже того, чего каждая вещь стоила. А потому, хотя въ мнѣніи его самого онъ, Роджеръ Карбэри, владѣлецъ Карбэри-Голла, то-есть носившій имя родового замка, которымъ владѣлъ, занималъ положеніе гораздо болѣе почетное, чѣмъ какіе-нибудь Лонгестаффы, — но въ глазахъ торговцевъ и буржуазіи вообще онъ былъ человѣкъ совсѣмъ не важный.

Одно было несомнѣнно для всѣхъ, а именно, что Роджеръ Карбэри былъ человѣкъ безупречный въ нравственномъ отношеніи, притомъ прямой, энергичный и серьезный. Ближайшими родственниками его были сэръ Феликсъ и Генриетта Карбэри. По смерти сэра Патрика Карбэри, вдова его съ дочерью прожили нѣкоторое время въ имѣніи своего рода, то-есть въ имѣніи

Роджера Карбэри, троюроднаго брата Феликса и Генриетты. Роджеру было сорокъ лѣтъ и голова его была увѣнчана лысиной. Это не помѣшало ему однако влюбиться въ кузину и сдѣлать ей предложеніе, которое дѣвушка отвергла. Роджеръ возобновлялъ его впоследствии и получилъ новый отказъ, несмотря на поддержку леди Карбэри, которой очень хотѣлось выдать дочь за человѣка обеспеченнаго и посвятить затѣмъ всѣ свои заботы баловню и негодяю — Феликсу.

Причина отказовъ дѣвушки уже была мимоходомъ указана выше. Она познакомилась съ Полемъ Монтэю, молодымъ челоувѣкомъ, который былъ многимъ обязанъ Роджеру и жилъ у него въ то время, когда вдова баронета гостила у него съ дочерью. Монтэю смотрѣлъ на Роджера какъ на старшаго брата, такъ много послѣдній сдѣлалъ для руководства его въ жизни, даже для его воспитанія. Но онъ не зналъ, что другъ его влюбленъ въ Гетту. Когда они обмѣнялись признаніями, то-есть Роджеръ и Поль Монтэю, было уже повдно для Монтэю устраниться, чтобы не стать соперникомъ своего друга. Монтэю уже самъ былъ рѣшительно влюбленъ въ Гетту, и дѣвушка была уже неравнодушна къ нему, хотя онъ и не зналъ этого. Все, что могъ обѣщать Монтэю Роджеру; было—не перебивать ему дороги формальнымъ предложеніемъ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ удостовѣренъ, что Гетта рѣшительно отвергнетъ Роджера; но затѣмъ, Монтэю оставлялъ за собой право выступить съ своимъ предложеніемъ. Роджеръ Карбэри во всемъ этомъ усмотрѣлъ самую непростительную неблагодарность своего друга, и они разстались съ тяжелымъ чувствомъ обиды на одной сторонѣ, несправедливости—на другой.

Когда миновалъ сезонъ, ознаменованный между прочимъ описаннымъ баломъ у Мельмота, леди Карбэри вновь приняла приглашеніе Роджера Карбэри погостить у него въ имѣніи, и поселилась у него съ своей дочерью, въ надеждѣ, что та согласится-таки выйти замужъ за своего кузена. Между тѣмъ у леди Карбэри была въ головѣ еще другая комбинація. Она знала, что въ это время Мельмоты будутъ гостить въ сосѣдствѣ, у Лонгестаффовъ, и рассчитывала на то, что сынъ можетъ навѣщать ее въ Карбэри-Голлѣ, а оттуда навѣдываться къ Лонгестаффамъ и тамъ найти случай окончательно «завладѣть сердцемъ» богатой наслѣдницы, миссъ Мэри Мельмотъ. Роджеръ Карбэри терпѣть не могъ, сэра Феликса, но дѣлать было нечего; пригласивъ мать и сестру его, онъ не могъ запереть двери ему. Онъ ограничился только рѣзкимъ протестомъ, въ бесѣдѣ съ леди Карбэри, прсливъ видокъ

Феликса на Мэри Мельмотъ и даже далъ понять, какъ ему не-приятно было, что эта «охота» на приданое будетъ производиться изъ его дома, что домъ его послужитъ какъ-бы стоянкой для этой охоты. Онъ понялъ, что сама лэди Карбэри пріѣхала къ нему и привезла свою дочь главнымъ образомъ именно въ этихъ видахъ. Лэди Карбэри, разумѣется, была «несчастлива» въ теченіе одного вечера послѣ таковаго разговора, и самъ же Роджеръ испугался впечатлѣнія, какое огорченіе вмѣ матери могло произ-вестъ на дочь, а потому сталъ только отмалчиваться, когда за-ходила рѣчь о Лонгестаффахъ и Мельмотахъ.

Сэръ Феликсъ пріѣхалъ, обошелся весьма «легко» съ своимъ кузеномъ и не терялъ времени. Было устроено такъ, что онъ остался въ саду у Лонгестаффовъ одинъ съ Мэри, и началъ раз-говоръ о любви въ третій разъ; во второй разъ разговоръ этотъ происходилъ еще во время сезона на вечерѣ у самой лэди Кар-бэри, куда Мельмоты однажды явились. Теперь, то-есть при третьемъ разговорѣ, произошло окончательное объясненіе. Мэри приняла признаніе и сама не только отвѣчала «да», но еще умоляла избраннаго ею жениха любить ее искренно. Для сэра Феликса разговоръ, дойдя до этой точки, сдѣлался пошлымъ, глу-пымъ, и онъ видѣлъ въ немъ скуку и божеское наказаніе. Онъ даже не могъ превозмочь себя, чтобы поцѣловать Мэри, которая очевидно того ожидала.

— О, Феликсъ, скажите, что вы меня любите...

— Конечно, люблю... Какъ вы думаете, здѣсь вѣдь, кажется, неудобно переговорить съ г. Мельмотомъ?

— Но онъ теперь—въ духѣ.

— Въ духѣ, да какъ же мнѣ остаться съ нимъ наединѣ? Не-удобно здѣсь.

— Неудобно?

— Да, да, знаете—въ чужомъ домѣ. Я лучше поговорю съ нимъ въ Сити, или у васъ въ домѣ.

IV.

Въ одно воскресенье, послѣ полудня, сэръ Феликсъ явился однако къ Мельмоту въ его домѣ, а не въ конторѣ, гдѣ ему показалось также неудобно.

Мельмотъ сидѣлъ у стола и курилъ сигару.

— Очень радъ васъ видѣть—и такъ далѣе, — сказалъ онъ,

увидя входящаго баронета, — но согласитесь, что этотъ день и часъ неудобны для дѣловыхъ объясненій.

Сѣру Феликсу при этихъ словахъ показалось, что гораздо лучше было бы сидѣть въ «Медвѣжьей Ямѣ».

— Миѣ было бы очень жаль, еслибъ я помѣшалъ вамъ, г. Мельмотъ,—сказалъ онъ.

— Вѣрно. Впрочемъ, я сказалъ только такъ, а то вы, пожалуй, стали бы говорить о желѣзно-дорожныхъ дѣлахъ.

— О, нѣтъ.

— Ваша матушка выражала миѣ, у Лонтестаффовъ, надежду, что вы усердно работаете въ нашемъ дѣлѣ. Я сказалъ ей, что тутъ вовсе не требуется работы.

— Матушка не понимаетъ этихъ дѣлъ, -- отвѣтилъ сѣръ Феликсъ.

— И вообще всѣ женщины. Ну, чѣмъ же я могу вамъ служить, такъ какъ вы пришли ко миѣ?

— Г. Мельмотъ, я пришелъ, — пришелъ, чтобы... Короче, г. Мельмотъ, я являюсь претендентомъ на руку вашей дочери.

— А, чортъ возьми! Неужели?

— Да, и надѣюсь на ваше согласіе.

— И она согласилась, чтобы вы обратились ко миѣ?

— Да, то-есть согласилась въ нѣкоторомъ родѣ. Разумѣется, она понимаетъ, что все зависитъ отъ васъ.

— Вовсе нѣтъ. Она совершеннолѣтняя. Пожелаетъ выдти замужъ за васъ, и можетъ выдти. Если вамъ только это надо, то ея согласія достаточно. Вы—баронетъ, кажется?

— О да, я—баронетъ.

— Стало бытъ, вы уже вступили во владѣніе вашимъ имуществомъ. Вамъ не надо выжидать смерти отца, и можетъ быть вопросъ о деньгахъ васъ не интересуесть?

Это было для баронета взглядъ совсѣмъ новый; необходимо казалось устранить таковой взглядъ на вещи, во что бы то ни стало.

— Не совсѣмъ,—сказалъ сѣръ Феликсъ. — Конечно, я полагаю, что вы дадите своей дочери состояніе.

— А! Въ такомъ случаѣ удивляюсь, почему вы не обратились прежде ко миѣ, а уже потомъ къ моей дочери. Если моя дочь выйдетъ замужъ согласно моимъ желаніямъ, я, конечно, дамъ ей деньги; сколько—это нейдетъ къ дѣлу. Если она выйдетъ замужъ согласно своему собственному желанію, безъ моего спроса, я ей не дамъ гроша.

— Но я надѣялся, что вы дадите ваше согласіе, г. Мельмотъ.

— Не знаю; можетъ быть. Вы — человекъ большого свѣта, имѣете собственный титулъ, и безъ сомнѣнiя — собственность. Если она достаточна для содержанiя моей дочери, я могу подумать объ этомъ; во всякомъ случаѣ. Какова ваша собственность, сэръ Феликсъ?

— Собственность, знаете, не очень большая.

— Меньше, чѣмъ у маркиза Уэстминстера ¹⁾? — сказала богатый, назальный мошенникъ.

— Да, будетъ поменьше, — отвѣтилъ баронетъ, болѣзненно усаживаясь.

— Но у васъ есть достаточно, чтобы жить какъ слѣдуетъ баронету? Гдѣ ваше родовое помѣстье?

— Замокъ Карбери, въ Соффолькѣ, въ сосѣдствѣ Лонгестаффовъ, вотъ помѣстье нашего рода.

— Значитъ, вы имъ не владѣете? — рѣзко спросилъ Мельмотъ.

— Еще нѣтъ. Но я — наследникъ.

Баронетъ просто лгалъ. Конечно, Роджеръ Карбери, не имѣя дѣтей, могъ завѣщать свое имѣнiе ближайшему родственнику — Феликсу, но былъ воленъ завѣщать кому хотѣлъ. Но английскiе законы о землевладѣнiи и титулахъ такъ сложны и непонятны для иностранцевъ, что Мельмотъ не могъ отдать себѣ яснаго отчета.

— А, такъ вы наследникъ. Но вѣдь титулъ баронета носите вы. Какимъ же образомъ онъ владѣетъ родовымъ помѣстьемъ прежде васъ? Вѣдь вы — глава рода?

— Разумѣется, я — глава рода, — солгалъ сэръ Феликсъ Карбери. — Но это слишкомъ долго было бы объяснять, однимъ словомъ: имѣнiе можетъ достаться мнѣ только послѣ его смерти.

— А молодъ онъ?

— Не то, чтобы молодъ, но и не старъ.

— Ну, а если онъ женится и родить дѣтей, тогда какъ будетъ?

Сэръ Феликсъ начиналъ приходить въ полное замѣшательство.

— Право, не знаю. Но я выросъ въ той мысли, что наследникъ — я. Онъ едвали женится.

— Хорошо. А поквитаться, какая же ваша личная собственность?

— Отецъ оставилъ нѣкоторый капиталъ въ бумагахъ. Кромѣ

¹⁾ Владѣлецъ цѣлаго квартала въ Лондонѣ.

того, я — наслѣдникъ моей матери; — говоря это, сэръ Феликсъ внутренне пылалъ негодованіемъ противъ презрѣннаго, безыменнаго торгаша, мошенника-спекулянта, который смѣлъ задавать такіе вопросы ему, баронету, бывшему гвардейскому офицеру, какъ будто бы не зналъ, что зять явится къ нему только съ тѣмъ, чтобы продать титулъ за деньги: Развѣ у него, баронета, не было титула? чего еще требовалось этому богатому пошляку! Но вмѣстѣ съ негодованіемъ, въ сэрѣ Феликсѣ, не менѣе громко говорило другое чувство, а именно — онъ душевно желалъ бы находиться въ эту минуту въ «Медвѣжьей Ямѣ», а не у Мельмота въ домѣ.

— Вы, кажется, не совсѣмъ ясно понимаете ваши собственные обстоятельства, сэръ Феликсъ, — сказала наконецъ Мельмотъ, послѣ нѣкоторыхъ минутъ обоюднаго молчанія. — Не лучше ли вамъ уполномочить вашего нотариуса написать мнѣ объ этомъ дѣлѣ?

— Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ лучше, — заключилъ влюбленный молодой человекъ, и всталъ.

— Сдѣлайте такъ, или оставьте эту мысль. Дочь моя будетъ имѣть деньги, но деньги требуютъ денегъ. Въ эту минуту вошелъ въ кабинетъ лордъ Альфредъ Грендолль. — Вы запоздали сегодня, Альфредъ, — обратился къ нему Мельмотъ. — Позвоните пожалуйста, и велите подать содовой воды и коньяку.

Сэръ Феликсъ помаялся, слегка поклонился своему товарищу по правленію желѣзной дороги и ушелъ.

— Вы знаете этого молодца? — спросилъ Мельмотъ лорда Альфреда, какъ только затворилась дверь за слугой.

— Онъ баронетъ безъ гроша въ карманѣ; былъ въ военной службѣ и долженъ былъ ее оставить, — отвѣчалъ лордъ Альфредъ, наклоняя лицо въ высокую кружку.

— Безъ гроша, — я такъ и думалъ. Но онъ наслѣдникъ помѣстья въ Соффолькѣ, а?

— Нисколько. Тоже имя и больше ничего. Оно — собственность г. Карбэри, который можетъ завтра отдать его кому хочетъ, хоть мнѣ; я бы взялъ, хотя имѣніе и маленькое. А этотъ мелодецъ никакого права на то имѣніе не имѣетъ.

— Такъ-таки и не имѣетъ? — воскликнулъ Мельмотъ, и призадумался на минуту. Безстыдство, выказанное баронетомъ, вызвало въ немъ почти сочувственное удивленіе.

Выше упомянуто, что на руву Генриетты Карбэри, сестры сэра Феликса, было два претендента: Поль Монтэгу и троюродный братъ ея, Роджеръ Карбэри. При томъ оба они были друзья

между собой. Но объ этомъ уже сказано; теперь надо рассказать о дѣлахъ и положеніи Монтэгу. Полю Монтэгу досталось отъ отца около 6000 фунтовъ. У него былъ дядя, тоже Монтэгу, давно поселившійся въ Калифорніи и занимавшійся тамъ фермерствомъ. Поль, не кончивъ курса въ Оксфордѣ, вслѣдствіе нѣкоторой ссоры, за которую онъ былъ исключенъ, отправился въ Америку, къ дядѣ, надѣясь нажить себѣ фермерствомъ нѣчто болѣе 6000 фунтовъ. Поживъ въ Калифорніи, похазайничавъ съ дядей, который принялъ его компаньономъ, наконецъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, не видя успѣха, уѣхалъ назадъ въ Англію, но своихъ 6000 фунтовъ отъ дяди получить не могъ, а вмѣсто того получилъ обѣщаніе опредѣленнаго дохода съ этого капитала. Но доходъ этотъ уплачивался не регулярно. Черезъ годъ, Поль опять поѣхалъ въ Калифорнію и ему удалось вырвать у дяди нѣсколько денегъ. Между тѣмъ, дядя Монтэгу имѣлъ другого компаньона, который назывался Гамильтонъ К. Фискеръ; этотъ, весьма изобрѣтательный компаньонъ построилъ на общій счетъ мукомольную мельницу. Онъ же уладилъ дѣло между дядей и племянникомъ, совершивъ актъ, въ силу котораго они составляли одну фирму: «Фискеръ, Монтэгу и Монтэгу»; капиталъ Поля оставался въ дѣлѣ, а ему долженъ былъ производиться ежегодный доходъ въ 12⁰/о. Поль терпѣть не могъ Фискера и охотно взялъ бы свои 6000 фунтовъ назадъ, но не могъ, а потому долженъ былъ возвратиться въ Англію членомъ американской фирмы.

Въ моментъ разсказа, Фискеръ неожиданно пріѣхалъ въ Лондонъ, узналъ отъ Поля Монтэгу, что тотъ былъ разъ на балѣ у Мельмота, и вытребовалъ у него рекомендательное письмо себѣ къ Мельмоту, для предложенія великому капиталисту проекта объ учрежденіи компаніи для постройки желѣзной дороги отъ линіи, соединяющей Санъ-Франсиско и Чикаго, чрезъ области Новую Мехику и Арizonу, на территорію Мехиканской республики, на городъ Мехико и затѣмъ къ порту Вера-Крусъ. Нивагихъ предварительныхъ изысканій еще сдѣлано не было, но была уже получена концессія сѣверо-американскаго конгресса и сдѣлано сношеніе съ правительствомъ мекхиканскимъ. Во всякомъ случаѣ, на-лицо были—красиво разрисованныя карты, съ видомъ поѣздовъ, снующихъ по берегамъ рѣкъ, уходящихъ въ туннели и выходящихъ изъ нихъ, съ изящными брошюрами, излагавшими программу предпріятія; на всемъ этомъ, въ разныхъ видныхъ мѣстахъ, красовалась фирма «Фискеръ, Монтэгу и Монтэгу». Поль сперва испугался, особенно когда узналъ, что мельница

уже продана, и догадался, что всё эти красивыя издѣлія типографскаго и литографскаго искусства были оплачены частью изъ его же денегъ. Но дѣло было уже сдѣлано, а между тѣмъ, Фискеръ предлагалъ ему быть представителемъ этой желѣзно-дорожной фирмы въ Англіи и увѣрялъ его, что весь его капиталъ ничто въ сравненіи съ доходомъ, какой онъ можетъ получить на первыхъ же порахъ.

— Откуда же возьмутся деньги?—спросилъ онъ.

— Откуда деньги, сэръ? Какъ вы полагаете, откуда они берутся во всѣхъ подобныхъ предпріятіяхъ? Если удастся пустить акціи въ ходъ, то денегъ будетъ довольно. Мы сами удерживаемъ ихъ въ нашихъ рукахъ на три милліона долларомъ, приобрѣтая ихъ по номинальной цѣнѣ. Пусть онѣ поднимутся только до 110, мы продаемъ по этой цѣнѣ и изъ вырученныхъ денегъ уплачиваемъ по 100 за взятые нами акціи. Вѣдь уже по 110 это составитъ 300 тысячъ долларомъ; но мы сдѣлаемъ лучше. Мнѣ положительно необходимо видѣться съ Мельмотомъ.

Фискеръ получилъ письмо отъ Поля Монтэгу къ Мельмоту, имѣлъ свиданіе съ великимъ капиталистомъ, показалъ ему свою концессию, карты и чертежи, предложилъ ему быть учредителемъ и предсѣдателемъ правленія общества этой дороги въ Англіи, предоставивъ ему назначить по усмотрѣнію его, Мельмота, прочихъ членомъ правленія, съ условіемъ, чтобъ въ числѣ ихъ былъ Поль Монтэгу, членъ американской фирмы, и—имѣлъ успѣхъ. Въ сущности, онъ предоставлялъ Мельмоту дѣлать что угодно съ почти неограниченнымъ количествомъ акцій, лишь бы Мельмотъ далъ свое имя, свою поддержку, чтобы пустить ихъ въ ходъ, создать имъ цѣнность на биржѣ. О самой постройкѣ желѣзной дороги заботились, конечно, наименѣе, если даже вообще и думали о ней сколько-нибудь. Последнія опасенія Поля Монтэгу за его капиталы были разсѣяны Фискеромъ, въ такихъ словахъ: «помилуйте, да если бы даже это предпріятіе лопнуло, то изъ обломковъ его, изъ его несостоятельности, для насъ уцѣлѣло бы несравненно больше того, что мы съ вами когда-либо бы приобрѣли на наши нищенскія тысячи долларомъ путемъ правильной торговли». Черезъ двѣ недѣли послѣ пріѣзда Фискера въ Лондонъ, предпріятіе было пущено въ Англіи, и англійская компанія составлена, съ правленіемъ, котораго предсѣдателемъ былъ г. Мельмотъ. Членами правленія были назначены лордъ Альфредъ Грендолль; сэръ Феликсъ Карбери, баронетъ; Самуилъ Когенлюгъ, эсвайръ, членъ парламента за Стейнсъ; и г. Поль Монтэгу, членъ американской фирмы учредителей «Фискеръ-Монтэгу и Монтэгу».

Акции весьма скоро пошли вверхъ. Лорду Альфреду Мельмотъ предоставилъ нѣкоторое количество акций въ полное распоряженіе, и тотъ, конечно, успѣшилъ продать ихъ. Поль Монтего также получилъ акций соотвѣтственно своему капиталу и суммѣ произведенныхъ на акции взносовъ. Но когда члены правленія, лордъ Ниддердэль и сэръ Феликсъ Карбэри стали просить, чтобы и имъ были выданы акции, въ силу которыхъ они значились членами правленія, то Мельмотъ объяснилъ имъ, что акции эти записаны за ними только номинально, въ томъ предположеніи, что они когда-нибудь произведутъ слѣдующіе по нимъ взносы; отданы же быть имъ въ руки онѣ могутъ только въ такомъ случаѣ, если они внесутъ въ дѣло соотвѣтствующій собственный капиталъ. Этотъ отвѣтъ имѣлъ послѣдствіемъ сдѣлку Феликса Карбэри съ молодымъ Лонгестаффомъ.

V.

Партнеръ сэра Феликса Карбэри въ «Медвѣжьей Ямѣ», Адольфъ Лонгестаффъ былъ въ проигрышѣ баронету свыше 1000 фунтовъ. Таковъ былъ расчетъ между ними въ то время, когда Мельмотъ сталъ покупать у Лонгестаффа-отца родовое имѣніе его, Пикверингъ. Это имѣніе, по англійскимъ законамъ, не могло быть продано безъ согласія ближайшаго наслѣдника, а наслѣдникомъ и былъ сынъ Лонгестаффа Адольфъ или Долли, какъ его фамиллярно звали. Но Долли былъ замѣчательнѣе тѣмъ, что онъ постоянно ссорился съ отцомъ. Онъ ни къ кому не былъ особенно придирчивъ, кромѣ какъ къ отцу; всѣ распоряженія отца казались ему ошибочны, и онъ старался, по крайней мѣрѣ, извлечь изъ нихъ личную для себя выгоду. Однажды Феликсъ Карбэри сообщилъ ему, по секрету, что видѣлъ, какъ Майльсъ Грендолль передергивалъ карты въ игрѣ, когда всѣ были на-веселѣ. Долли Лонгестаффъ не только не выказалъ намѣренія придраться за это къ Майльсу, но, наоборотъ, былъ очень не доволенъ тѣмъ, что Карбэри сообщилъ ему о своемъ открытіи: отчего именно ему — а не Ниддердэлю или кому другому, на примѣръ? Когда же Карбэри спросилъ его, неужели и послѣ этого онъ будетъ играть съ Майльсомъ, который вдобавокъ никогда не платитъ даже карточныхъ долговъ, то Долли Лонгестаффъ только сказалъ: «что-жъ дѣлать бѣднягѣ, когда ему платить нечѣмъ?» Такъ добродушенъ оказывался Долли въ этомъ случаѣ. Но когда потребовалось его согласіе для продажи имѣнія, то онъ напрямки

сказалъ отцу, что согласится не иначе, какъ получивъ въ руки, на свою часть, «половину добычи», то-есть 25 т. фунтовъ изъ 50 тысячъ, за каковую сумму продавалось имѣніе. Отецъ сталъ сердиться и усовѣщевать его, а онъ пригрозилъ отцу своимъ адвокатомъ, мистеромъ Свѣркомомъ, котораго Лонгестафъ сильно побаивался, видя въ немъ нѣкій Дамокловъ мечъ, повѣшенный надъ его головою собственнымъ его сыномъ.

— Хоть и жалко продавать родовое,—говорилъ Долли Лонгестафъ Феликсу Карбѣри,—но, разумѣется, слѣдуетъ продать Пикверингъ. Вѣдь имѣніе даетъ намъ три процента, а старикъ занимаетъ деньги по 6-ти, а я занимаю по 25-ти. Но я не выпущу его изъ своихъ рубъ иначе, какъ получивъ 25 тысячъ на свою долю; этой суммой я покрою долги на имѣніи, которымъ я владѣю, и которое досталось мнѣ отъ матери. Тогда у меня опять—широкій кредитъ и такъ далѣе. Теперь я слышу, старикъ подается, и Мельмоту извѣстно, что я долженъ получить съ него. Стало быть, если деньги вамъ такъ нужны, какъ вы говорите, такъ мы поѣдемъ въ Мельмоту вмѣстѣ и онъ возьметъ мой долгъ вамъ на себя или устроитъ это иначе, какъ тамъ слѣдуетъ.

Такъ и было рѣшено. Феликсъ Карбѣри потому и напомнилъ Лонгестаффу о карточномъ долгѣ, что слышалъ о предстоящей продажѣ имѣнія Лонгестаффовъ. А ему хотѣлось получить деньги съ особой цѣлью. Видя, что Поль Монтэгю, который вступилъ въ компанію мексиканской дороги съ малымъ капиталомъ, получилъ акціи и продавалъ ихъ съ барышомъ, Феликсъ Карбѣри, имѣвшій доселѣ только номинально акціи, въ качествѣ номинальнаго же члена правленія, желалъ купить нѣкоторое количество этихъ акцій и потомъ продавать ихъ, какъ Поль Монтэгю, только умнѣе его: продавать по цѣнѣ высокой, а когда онѣ упадутъ—опять покупать ихъ; потомъ, выждавъ повышеніе, опять продавать ихъ,—все продавать и покупать, постоянно съ выгодою. Вѣдь это могло составить почти регулярный доходъ. Дѣло очевидно стѣбало того, чтобы положить въ него 1000 фунтовъ и получать съ нихъ, можетъ быть, годовой доходъ въ ту же сумму.

Когда они явились въ контору Мельмота въ Сити, великій капиталистъ принялъ ихъ съ любезностью; разумѣется, не было и намека на Мэри и на «собственность» баронета. Г. Мельмотъ легко понялъ, въ чемъ было дѣло молодыхъ людей, не сдѣлалъ никакого вопроса, нашелъ все естественнымъ и посредствомъ всего двухъ подписей Долли Лонгестаффа и одной Феликса Бар-

бери дѣло было устроено: этой простой процедурой уже было произведено то, что г. Адольфъ Лонгестафъ уплатилъ сэру Феликсу Карбэри одну тысячу фунтовъ стерлинговъ, а сэръ Феликсъ довѣрилъ г. Мельмоту одну тысячу фунтовъ же стерлинговъ, для приобрѣтенія по курсу акцій желѣзной дороги на означенную сумму. Когда это было сдѣлано, сэръ Феликсъ хотѣлъ-было разъяснить свои финансовыя виды Мельмоту, на счетъ намѣренія продавать и покупать опять и т. д.; но Мельмотъ, несмотря на полную предупредительность, не могъ вникать въ подробности: все было въ порядкѣ, а тамъ, какъ угодно. — «Вы пожелаете послѣ снова продать? — очень хорошо; — мы будемъ слѣдить за курсомъ для васъ». Когда молодые люди выходили изъ конторы Мельмота, то едва-ли они даже отдавали себѣ ясный отчетъ, кто и чѣмъ обивался, хотя знали, что одинъ изъ нихъ заплатилъ другому, а другой приобрѣтаетъ акціи.

— Однако, отчего же онъ не далъ вамъ квитанціи? — спросилъ Долли, когда они шли въ направленіи къ западнымъ частямъ города.

— Чтѣ-жъ, я полагаю, у него это будетъ вѣрно, — сказалъ сэръ Феликсъ.

— Еще бы. Ему тысяча фунтовъ все-равно что намъ два шиллинга съ половиной. Конечно, у него — вѣрно. А все-таки онъ, знаете, — естественнѣйшій мошенникъ. — При такомъ замѣчаніи, сэръ Феликсъ едва не пожалѣлъ о своихъ тысячахъ фунтахъ.

Дѣла Мельмота рѣшительно шли въ гору. Компанія желѣзной дороги отъ Тихаго океана въ Мексику (South-Central-Pacific and Mexican railway—таковъ былъ ея полный титулъ) имѣла огромный успѣхъ. Новые потоки денегъ устремились въ кассы Мельмота, уже прежде, повидимому, вмѣщавшія несмѣтные капиталы или обязательства, представлявшія капиталы. Потомъ, во всѣхъ газетахъ, которыя уже приучались слѣдить за каждымъ шагомъ миллионера, котораго молва выставяла богатѣйшимъ человекомъ въ богатой Англій, было сообщено, что г. Мельмотъ приобрѣлъ покупкою отъ г. Лонгестаффа великолѣпное имѣніе Пиккерингъ и что домъ въ томъ имѣніи уже наполненъ столарами и обойщиками, которымъ было поручено придать ему роскошную отдѣлку, необходимую для проживанія тамъ семейства Мельмота. Затѣмъ — въ Уэстминстерѣ, то-есть части Лондона, открылась вакансія члена палаты общинъ, и Мельмотъ выступилъ кандидатомъ на избраніе въ члены парламента, кандидатомъ консервативной партіи, и громадное богатство такого кандидата обѣщало ему успѣхъ. Но это было еще не все. Въ то время Лон-

сланицы, десять важнѣйшихъ перовъ Англiи съ ихъ супругами, и пятнадцать крупнѣйшихъ негоціантовъ изъ Сити. Сочтено было также необходимымъ пригласить на банкетъ трехъ мудрецовъ, двухъ поэтовъ, трехъ независимыхъ членовъ палаты общины, двухъ членовъ королевской академіи искусствъ, трехъ издателей газетъ, одного знаменитаго путешественника по Африкѣ, который только-что возвратился оттуда, и одного романиста; во джентльмены всѣхъ этихъ послѣднихъ категорій были приглашены въ видѣ неженатыхъ, то-есть безъ супругъ, которымъ могли у нихъ быть. Три билета оставлены были про запасъ на случай неожиданнаго появленія въ числѣ кандидатовъ на обѣдъ такихъ особенно-надобѣдливыхъ людей, которые имѣли бы средства произвестъ большія непріятности. Наконецъ, десять билетовъ были оставлены въ рукахъ самого хозяина для его родственниковъ и друзей. Что касается раута, то пригласительныхъ билетовъ собственно на рауть, безъ обѣда, было выпущено восемьсотъ. Изъ-за этихъ-то послѣднихъ билетовъ и происходило наиболѣе борьбы и возни всякаго рода. Приглашенія на обѣдъ—какъ уже показано—были распределены съ дипломатической мудростью между силами признанными и авторитетами безспорными, въ соотвѣтствующемъ каждому размѣрѣ. Оттого на распределеніе ихъ и не было слышно жалобъ. Королевская фамилія, посланники и пары не жаловались, а жены перовъ если и жаловались, то ихъ жалобы только сливались съ потокомъ дамскихъ жалобъ относительно приглашеній на рауть. Три мудреца были избраны по лѣтамъ; поэтъ, носившій титулъ придворнаго лавреата, конечно, былъ приглашенъ, а съ нимъ и второй поэтъ, считавшійся его соперникомъ. Относительно академиковъ не было сомнѣнія, такъ какъ только двое изъ нихъ писали въ тотъ годъ портреты членовъ королевскаго дома; ихъ обоихъ и включили въ списокъ. Не трудно было избрать и троихъ независимыхъ ¹⁾ членовъ палаты общины, такъ какъ въ то время было именно только трое дерзкихъ и особенно-непріятныхъ независимыхъ членовъ въ парламентѣ. Что въ числѣ издателей газетъ были приглашены г. Альфъ и г. Броуъ, это нивого не удивило; но были нѣкоторыя ироническія недоумѣнія по поводу того факта, что третьимъ былъ приглашенъ г. Буверь. Почему онъ, будучи только редакторомъ, удостоился этой чести? Ужъ не оттого ли, что онъ хвалилъ переводъ Катулла, сдѣланный первымъ министромъ въ часы до-

¹⁾ Не принадлежащихъ къ партіямъ.

суга? ¹⁾ Африканскій путешественникъ самъ себя избралъ — тѣмъ, что пережилъ всѣ опасности и возвратился домой. Избранъ былъ одинъ романистъ; но такъ какъ въ моментъ разсылки приглашеній потребовался лишній билетъ для двора, то этого джентльмена пригласили только на вечеръ. Его гордое сердце не перенесло этого равнодушно, и онъ впоследствии насмѣхался надъ празднествомъ дружно съ своими собратьями.

Между тѣмъ, Мельмота безпокоили домашнiя дѣла. Переговоры между нимъ и маркизомъ Ольдъ-Рекеи о женитьбѣ сына маркиза, лорда Ниддердэля на Мэри возобновились и привели, наконецъ, къ результату. Мельмотъ предлагалъ теперь нѣсколько меньше, чѣмъ прежде, потому что уже не имѣлъ такой нужды въ поддержкѣ со стороны маркиза въ свѣтѣ, какъ прежде; Мельмотъ сталъ уже признанною силой, а Ниддердэлю деньги были еще нужнѣе, чѣмъ прежде, поѣтому и онъ, и отецъ его, въ виду измѣнившагося положенiя Мельмота, стали менѣе требовательны. Условлено было, что на Мэри и ея старшаго сына будетъ записанъ капиталъ съ ежегоднымъ доходомъ въ 15-ть тысячъ фунтовъ, а 20-ть тысячъ фунтовъ будутъ даны прямо въ руки Ниддердэлю, чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ свадьбы. Сверхъ того, Мельмотъ обязался купить и меблировать новобрачнымъ домъ въ Лондонѣ. Все это было условлено, но дѣло все-таки не устраивалось вслѣдствiе положительнаго отказа Мэри. Прежде она дала свое согласiе, но согласiе это было уничтожено тѣмъ, что сами отцы, т.-е. Мельмотъ и маркизь, разошлись, и мысль объ этомъ бракѣ была оставлена, какъ казалось, совсѣмъ. Теперь Мэри прямо объявила и отцу своему, и лорду Ниддердэлю, что она перемѣнила мнѣнiе, хотя отецъ гнѣвно твердилъ ей, что ея мнѣнiе тутъ не при чемъ.

— Объ этомъ нечего и говорить, папа, — сказала она, — такъ какъ я не люблю его.

— Это по случаю того, другого негодяя?—грозно спросилъ Мельмотъ.

— Если вы разумѣете — сэра Феликса Карбэри, то да, по случаю его. Вѣдь онъ говорилъ съ вами, а слѣдовательно и мнѣ молчать нечего.

— И помрете оба съ голоду; вотъ и все.—Ему было нѣбогда; онъ взялъ ее за плечи и встряхнулъ.

— Вотъ, ей-Богу, — закричалъ онъ, —если ты заартачишься послѣ всего, что я для тебя сдѣлалъ, я заставлю тебя постра-

¹⁾ Гладстонъ переводилъ Гомера.

дать за это. Ты глупа; вѣдь этотъ человекъ—нищій. Вѣдь ему не на что юбку купить или пару чулокъ. Вѣдь онъ смотритъ только на то, чего у тебя-то еще нѣтъ, и никогда не будетъ, если ты выйдешь за него. Онъ денегъ хочетъ, денегъ, а не тебя, дура ты.

Но послѣ этого разговора она еще болѣе утвердилась въ своемъ намѣреніи. Между тѣмъ, молодой лордъ, устроивъ все съ ея отцомъ, не ожидалъ съ ея стороны особенныхъ затрудненій; онъ думалъ, что съ ней легко будетъ поправить дѣло. Красно-рѣчиваго любовника онъ представлять не умѣлъ, но былъ человѣкъ добродушный, по своей природѣ наклонный къ тому, чтобы искать всѣмъ понравиться и не склонный къ тому, чтобы кому-либо дѣлать непріятности. Онъ все могъ прощать и охотно дѣлалъ всякому одолженіе, если только это не требовало отъ него особаго труда.

— Ну что, миссъ Мельмотъ,—спросилъ онъ дѣвушку:—папеньки—народъ строгій, не такъ ли?

— Вашъ папá строгъ, милордъ?

— То-есть, я хочу сказать, что сынкамъ и дочкамъ приходится покоряться имъ. Думаю, вы понимаете, что я хочу сказать. Я вѣдь, въ тотъ разъ, въ душѣ питалъ къ вамъ нѣжнѣйшія чувства, право питалъ.

— Надѣюсь, вы не были слишкомъ огорчены, лордъ Ниддердэль.

— Вотъ это похоже на женщину; совсѣмъ похоже. Да развѣ мы можемъ жениться безъ согласія давшихъ намъ бытіе?

— Да и съ согласіемъ ихъ не можемъ,—сказала Мэри, нѣсколько разъ наклонивъ голову.

— На светъ этого—не знаю. Тамъ было тогда какое-то недоразумѣніе—съ чьей стороны, право не знаю. (Недоразумѣніе было съ его же стороны, такъ какъ онъ требовалъ наличныхъ денегъ). Но теперь все въ порядкѣ. Старички сошлись между собой. Не можемъ ли мы составить-таки партію, миссъ Мельмотъ?

— Нѣтъ, лордъ Ниддердэль, не думаю.

— Вы говорите это серьезно?

— Серьезно, милордъ. Когда объ этомъ была рѣчь въ первый разъ, я не знала,—теперь я лучше понимаю вещи.

— И узнали кого-нибудь, кто больше вамъ понравился, чѣмъ я?

— Я не говорю объ этомъ, лордъ Ниддердэль. Мнѣ вѣзетъ, вамъ не слѣдовало бы осуждать меня, милордъ.

— Конечно, нѣтъ.

— Прежде было говорено, но вѣдь вы сами первый отступили, развѣ не такъ?

— Отступили-то, кажется, папеньки.

— Папеньки, вѣроятно, имѣютъ право отступать. Но я не думаю, чтобы который-нибудь папенька имѣлъ право принудить кого-либо къ браку съ вѣмь-либо.

— Въ этомъ я съ вами согласенъ, — даже совершенно согласенъ, — сказалъ лордъ Ниддердэль.

— И никакой папенька не можетъ принудить къ этому меня. Я много думала послѣ того, и вотъ къ какому убѣжденію пришла.

— Но я не вижу, почему бы вамъ не выдти за меня по другой причинѣ — ну, вотъ хоть по такой причинѣ, еслибы я вамъ нравился.

— Да потому — что этого нѣтъ. То-есть — вы собственно нравитесь мнѣ, лордъ Ниддердэль.

— Благодарю — много, много разъ.

— Вы мнѣ очень нравитесь, — но только выдти за человѣка замужь, — это, знаете, другое дѣло.

— Это, конечно, — резонъ, отчасти.

— И я даже, пожалуй, скажу вамъ, — прибавила Мэри съ выраженіемъ почти торжественнымъ, — такъ какъ вы добры и не захотите впутать меня въ несприятности, если это отъ васъ зависить, — что мнѣ нравится нѣкто другой, и еще какъ!

— Вотъ я это самое и предполагалъ.

— Вотъ это и есть.

— Какая жалость, однако. Папеньки все это ужъ было устроили, и мы ужасно бы весело зажили. Всякіе тамъ вкусы и фантази, на которые бы вы пошли, и я бы на нихъ пошелъ. И хотя вашъ-то папенька немножко и притѣснилъ насъ насчетъ финансовъ, однако денегъ намъ бы все-таки хватило на все это. А вы не подумаете объ этомъ еще разъ?

— Я вамъ сказала, милордъ, я — влюблена.

— О, а, — да... Вотъ что вы хотѣли сказать. Ужасная досада. Вотъ и все. Я все-таки приѣду къ вамъ на вечеръ, если вы пришлете мнѣ билетъ.

И молодой лордъ уѣхалъ, не совѣмъ однако потерявъ надежду, что, въ концѣ-вонцовъ, свадьба все-таки можетъ состояться. При всякихъ дѣлахъ, — такъ думалъ Ниддердэль, — обыкновенно бывають разныя скучныя препирательства, пока наконецъ все устроится.

VI.

За нѣсколько дней передъ этимъ разговоромъ, произошелъ странный случай: г. Броунъ сдѣлалъ самой леди Карбѣри формальное брачное предложеніе и получилъ отказъ, за который потомъ, обдумавъ хорошенько, былъ ей искренно благодаренъ. Поводомъ къ отказу леди Карбѣри былъ все тотъ же обожаемый ею сыновъ, сэръ Феликсъ Карбѣри; она жила для него; мужъ стѣснилъ бы ее, а его, по всей вѣроятности, прогналъ бы изъ дому. Но она еще вѣрила въ возможность для Феликса блестящей будущности. Слѣдуя ея внушеніямъ, получивъ отъ Мэри Мельмоть полное признаніе въ любви и встрѣтивъ рѣшительный отказъ со стороны Мельмота, онъ рѣшился наконецъ рискнуть всѣмъ или почти всѣмъ — увезти Мэри и обвѣнчаться съ нею тайно. Мать его, леди Карбѣри, увѣрила его, что Мельмоть долженъ будетъ простить дочь, такъ какъ ему нѣкому больше оставить свое состояніе. Но баронетъ имѣлъ въ виду еще нѣкоторые факты, неизвѣстные матери, побуждавшіе его къ рѣшительному шагу. Во-первыхъ, всѣ деньги, какія онъ доселѣ добылъ въ картъ, онъ снесъ на покупку акцій, а между тѣмъ выдачи акцій отъ Мельмота доселѣ не добился; во-вторыхъ, ему въ игрѣ болѣе не везло и у него не было денегъ; въ-третьихъ, онъ узналъ отъ Мэри Мельмоть, что у нея былъ отдѣльный капиталъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ фунтовъ, отложенный на ея имя въ банкъ въ то время, когда Мельмоть не былъ увѣренъ въ своей будущности и счелъ необходимымъ на всякій случай скрыть для себя средства въ капиталѣ, внесенномъ на имя дочери.

Мэри Мельмоть сама двигала своего обожателя на смѣлый шагъ, объяснила ему даже какъ можно было устроить бѣгство, при помощи ея гувернантки, мадамъ Дидонъ, за вознагражденіе. При этомъ Мэри выказала замѣчательную твердость воли и практической умъ. Условлено было, что миссъ Мельмоть тайно уѣдетъ съ мадамъ Дидонъ въ Ливерпуль во времени отплытія парохода изъ этого порта въ Нью-Йоркъ; что Феликсъ послѣдуетъ за ними въ другомъ поѣздѣ и подойдетъ къ нимъ на пароходѣ уже только тогда, когда берегъ скроется изъ виду; что затѣмъ они повѣнчаются тамъ же, на пароходѣ, если найдутъ пастора, или въ Нью-Йоркѣ. Билеты на пароходъ были уже взяты. Узнавъ, что у Феликса Карбѣри въ ту минуту не было денегъ, миссъ Мельмоть даже прислала ему съ мадамъ Дидонъ 250 фунтовъ,

полученныхъ изъ банка по чеку, подписанному Мельмотомъ и данному имъ въ числѣ безчисленныхъ чековъ, которые онъ выдавалъ женѣ на веденіе хозяйства, экипажи, наряды и т. д.

Но съ сэромъ Феликсомъ случилось несчастіе. Денегъ у него уже давненько не было и давненько онъ не игралъ въ карты. Впрочемъ, онъ сознавалъ опасность ѣхать въ «Медвѣжью Яму»: что, еслибы онъ проигралъ эти деньги? Но его тянуло въ клубъ. Въ понедѣльникъ онъ получилъ деньги, въ четвергъ онъ долженъ былъ ѣхать въ Ливерпуль съ поѣздомъ, отходившимъ въ пять часовъ пополудни изъ Лондона и приходившимъ въ Ливерпуль въ 11-мъ часу вечера; пароходъ отправлялся рано утромъ на слѣдующій день. Въ понедѣльникъ сэръ Феликсъ заѣхалъ въ клубъ, но не игралъ; во вторникъ онъ выпросилъ еще у матери послѣдніе ея 50 фунтовъ, сообщивъ ей о своемъ планѣ; въ среду онъ пошелъ не въ клубъ, но на музыкальный вечеръ, въ извѣстномъ народномъ залѣ, рассчитывая встрѣтить тамъ одну дѣвицу, бѣжавшую за нимъ въ Лондонъ изъ деревни, но не встрѣтилъ. Только тогда онъ кончилъ тѣмъ, что поѣхалъ-таки въ клубъ. Тамъ онъ засталъ игру, притомъ игру на наличныя деньги, и сталъ играть. Къ тремъ часамъ ночи онъ проигралъ сто фунтовъ, и продолжалъ игру на другой день, принеся свой чемоданъ въ клубъ. Къ часу ночи онъ проигралъ еще двѣсти фунтовъ, то-есть все, что у него было. Это было въ часъ ночи, между тѣмъ какъ ему еще въ пять часовъ вечера слѣдовало ѣхать въ Ливерпуль и ночевать тамъ, въ ожиданіи парохода. Но проигрывая и проигрывая, и надѣясь отыграться, сэръ Феликсъ все утѣшалъ себя мыслью, что онъ изъ клуба ночью отправится прямо въ Ливерпуль со слѣдующимъ поѣздомъ и еще поспѣетъ къ пароходу, лишь бы только вернуть деньги, безъ которыхъ нельзя было и ѣхать въ Нью-Йоркъ, потому что не на что было бы жить тамъ. Наконецъ, проигравъ все, онъ вышелъ пьяный изъ клуба, помня только свое горе, но не помня направленія улицъ; шелъ, спотыкался и сбивался съ дороги; зашелъ Богъ знаетъ куда; вспомнивъ, что чемоданъ его въ клубѣ, онъ хотѣлъ вернуться въ клубъ, но на половинѣ Бондъ-Стрита споткнулся. Подошелъ полицменъ съ разспросами; Феликсъ долженъ былъ сказать ему гдѣ живетъ, и, однажды сказавъ свой адресъ, уже не почувствовалъ въ себѣ силы вернуться въ клубъ, взять вещи и ѣхать въ Ливерпуль. Въ седьмомъ часу утра онъ постучался домой. Лэди Карбэри была крайне удивлена; она думала, что онъ — въ Ливерпулѣ.

— О, Феликсъ! — только воскликнула она.

— Все прр-пало, — сказалъ онъ, спотыкаясь на лѣстницѣ.

— Феликсъ, что случилось?

— Узнали!... будь они прокляты! Ста...ришь ост-н-вилъ насъ. — И пьяный онъ совралъ. А Мэри Мельмотъ, съ мадамъ Дидонъ, выйдя въ 10 час. 15 мин. на станцію въ Ливерпулѣ, были оставлены полицменомъ, по телеграммѣ изъ Лондона, давшей полиціи право задержать миссъ Мельмотъ въ случаѣ нужды, по дѣлу о кражѣ чека въ домѣ Мельмота. Къ утру, она возвратилась на станцію въ Лондонѣ, гдѣ ее ожидалъ экипажъ Мельмота. Приѣхавъ домой, она немедленно была введена къ отцу. Мельмотъ кричалъ, дергалъ ее за руку, угрожалъ преслѣдовать баронета судомъ за кражу чека. Она объяснила, что деньги, полученные по чеку, дала сѣру Феликсу она сама. Отецъ требовалъ, чтобы она тутъ же обѣщалась выдти за лорда Ниддердэля. Она отвѣтила:

— Этого не будетъ.

Тогда Мельмотъ трясъ ее до тѣхъ поръ, пока она стала кричать.

Бываетъ такъ, что какой-нибудь вздоръ неожиданно является препятствіемъ и даже немаловажнымъ препятствіемъ на пути къ достиженію великихъ цѣлей. Такъ любовь Мэри мѣшала ей отцу осуществить все еще важный для него планъ—породниться съ маркизомъ Ольдъ-Рекки, что, по мнѣнію Мельмота, должно было какимъ-то необыкновеннымъ и непонятнымъ образомъ поставить его собственное, личное положеніе внѣ всякихъ подозрѣній. Другой вздоръ — жадность молодого Долли Лонгестаффа къ полученію какихъ-то глупыхъ 25 тысячъ фунтовъ, повела-таки къ тому, что этотъ легкомысленный молодой человѣкъ напустилъ своего нотаріуса Сквѣркома на нотаріусовъ своего отца, а чрезъ нихъ на самого Мельмота. Нотаріусъ Сквѣркомъ былъ совсѣмъ не похожъ на традиционныхъ англійскихъ нотаріусовъ, въ ихъ торжественныхъ черныхъ фракахъ и вѣчныхъ безукоризненно бѣлыхъ галстукахъ. Онъ былъ «новый» нотаріусъ, какъ Мельмотъ былъ «новый» негоціантъ, какъ Лонгестаффъ былъ «новый» сквайръ, а герцогиня Стивенеджъ — герцогиня съ «новыми» взглядами. О Сквѣркомѣ, какъ и о Мельмотѣ, говорили, что онъ — еврей; то же самое говорили, съ бѣльшей достовѣрностью, о мистерѣ Когенлюпѣ, членѣ парламента и членѣ правленія знаменитой мексиканской дороги; о мистерѣ Брегертѣ, который былъ впрочемъ негоціантъ уважаемый, хотя и дерзнулъ предложить руку и сердце одной изъ дочерей сквайра Лонгестаффа; объ издателѣ «вечерней» газеты г. Альфѣ; о мистерѣ Фоснерѣ, который былъ экономомъ, кассиромъ и ростовщикомъ «Медвѣжьей

Ямы». Поводомъ въ такому слуху бываетъ именно фактъ, что человекъ взялся неизвѣстно откуда. Нотариусъ Свѣркомъ носилъ цѣвтные жилеты и сѣрые брюки, работалъ самъ и дѣйствовалъ очень скоро, въ противность всѣмъ англійскимъ понятіямъ веденія судебныхъ дѣлъ вообще. Долли Лонгестафъ узналъ, что отецъ его уже совершилъ купчую на Пиккерингъ съ Мельмотомъ, при помощи вѣрительнаго письма своего сына и наследника. Между тѣмъ Долли, хотя отецъ предлагалъ ему въ подписи равныя бумаги, относившіяся въ дѣламъ имѣнія, отлично помнилъ, что онъ этого вѣрительнаго письма не подписалъ, отказавшись сдѣлать это до получения обѣщанныхъ ему 25 тысячъ фунтовъ. Свѣркомъ былъ увѣренъ, что Долли Лонгестафъ говоритъ правду, а между тѣмъ узналъ стороною, что Мельмотъ, еще не уплативъ Лонгестаффу-отцу денегъ за Пиккерингъ, уже перезаложилъ это имѣніе въ полной суммѣ его цѣнности и получилъ деньги подъ эту закладную; узналъ еще, что значительное количество акцій мексиканской дороги было продано на биржѣ Когенлюпомъ, и еще, что Мельмотъ, занимавшійся, между прочимъ скупкою земель и домовъ въ восточныхъ кварталахъ Лондона, недавно продалъ значительные участки, даже половину цѣлой улицы, и долженъ былъ получить огромную сумму и отъ этой сдѣлки. Все это усилило подозрѣнія Свѣркома. Онъ сталъ дѣйствовать, чтобы разъяснить ихъ, но дѣйствовалъ такъ, что дѣйствія его породили непріятные для Мельмота слухи.

Приближался обѣдъ у Мельмота въ честь витайскаго императора, приближались выборы въ Уэстминстеръ, на которыхъ Мельмотъ являлся кандидатомъ, а между тѣмъ въ самомъ зданіи парламента говорили уже о слухѣ, будто отерты подлогъ, совершенный Мельмотомъ съ купчею на имѣніе Лонгестаффа; иные предполагали даже, что великій финансистъ будетъ уже арестованъ полиціею какъ разъ въ то время, когда въ его домѣ будутъ кормить витайскаго императора. Замѣтка, составленная въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, была уже пущена по этому предмету въ «вечерней» газетѣ г. Альфа, такъ какъ г. Альфъ выступалъ на выборахъ въ Уэстминстерѣ противникомъ Мельмота, кандидатомъ либеральной партіи.

Такіе слухи вызвали сильное пониженіе въ достоинствѣ пригласительныхъ билетовъ на знаменитый обѣдъ съ витайскимъ императоромъ. Никому не можетъ быть пріятно обѣдать въ домѣ человека, который завтра можетъ быть объявленъ мошенникомъ судебнымъ порядкомъ. Тѣмъ менѣе это могло быть пріятно правительству, которое включило обѣдъ у Мельмота въ программу

увеселеній брата солнца и испросило уже присутствіе на этомъ обѣдѣ королевской фамиліи, наконецъ обязалось само присутствовать тамъ же. Вождь оппозиціи имѣлъ по этому случаю частный разговоръ съ первымъ министромъ, но оба рѣшили, что теперь уже поздно дѣлать измѣненіе, что свезть высокихъ гостей къ человѣку, который оказался бы потомъ мошенникомъ, было бы, конечно, весьма не хорошо, но что еще хуже было бы сдѣлать внезапный отказъ и произвестъ скандалъ на основаніи одного слуха, еслибы потомъ слухъ этотъ оказался ложнымъ. Но не на всѣхъ приглашенныхъ въ Мельмоту лежала столь тяжелая отвѣтственность и весьма многіе разсудили, что благоразумнѣе не вѣхать, чтобы тѣнь могущей быть катастрофы не пала на нихъ. Конечно, еслибы каждый изъ нихъ въ отдѣльности могъ имѣть увѣренность, что всё будетъ, то съ радостью поѣхалъ бы и самъ показать себя, и жену, и дочерей, и ихъ брильянты, хотя бы у мошенника, но въ присутствіи китайскаго императора и королевскаго семейства. Но въ томъ-то и бѣда, что такой увѣренности велья было имѣть. Вдругъ случилось бы такъ, что мистеръ такой-то пріѣхалъ бы, а всѣ его знакомые, равные его, не пріѣхали бы, да въ послѣднюю минуту правительство одумалось бы, не пустило бы ни китайскаго императора, ни королевскаго семейства? Вѣдь тогда мистеръ такой-то сыгралъ бы плохую роль, точно скомпрометтировалъ бы себя.

VII.

Мельмотъ самъ ничего не зналъ о слухахъ. Въ торжественный часъ, онъ поставилъ жену въ гостинной, а самъ вышелъ на гѣстницу. Ровно въ назначенное время прибыли высочайшіе гости, и они прибыли всѣ. Достойный сожалѣнія въ эту минуту китайскій императоръ — нельзя не пожалѣть о монархѣ, на котораго возлагаютъ подобный трудъ — выступалъ съ невозмутимымъ и внушавшимъ благоговѣйный страхъ выраженіемъ достоинства въ своемъ лицѣ, предшествуемый г. Мельмотомъ, который шелъ задомъ впередъ, безпрестанно кланяясь и вѣроятно былъ принятъ императоромъ за особаго церемоніймейстера, избраннаго для этой роли именно за свое умѣнье ходить задомъ впередъ. Королевскіе принцы — которые тоже ничего не слышали — всѣ подали руку Мельмоту, а принцессы почтили его наклоненіемъ головы. Сверхъ этихъ высочайшихъ гостей только немногіе высокіе гости были собраны съ ними въ гостинной нижняго этажа, и от-

туда введены затѣмъ на верхъ въ залъ банкета. Прочіе гости собирались, подъ руководствомъ лорда Альфреда Грендолля, на другой половинѣ, во второмъ этажѣ. Лордъ Альфредъ тоже ничего не зналъ. Все казалось обстояло благополучно, и Мельмотъ чувствовалъ себя на высотѣ величія: сегодня такое торжество, а завтра—выборы въ Уэстминстерѣ, и вѣроятное его избраніе.

Но когда всѣ были выведены въ залъ банкета и сѣли за столъ, вдругъ оказались весьма замѣтные пробѣлы. Человѣкъ двадцать приглашенныхъ, вмѣстѣ съ женами, оказались отсутствующими; въ числѣ ихъ былъ лордъ-мэръ. Половина негодіантовъ изъ Сити, половина консервативныхъ членовъ палаты общинъ и нѣсколько лордовъ не пріѣхали. Были высочайшіе гости, министры, главные вожди консервативной партіи, архіепископъ, двѣ герцогини, и т. д., но тѣмъ не менѣе нѣсколько десятковъ незанятыхъ стульевъ бросались въ глаза и производили весьма непріятное впечатлѣніе. Лордъ Альфредъ Грендоλλη, уже только по пріѣздѣ въ домъ Мельмота, узналъ отъ своего сына Майльса о слухахъ, распространившихся въ Сити и объ уклоненіи многихъ приглашенныхъ.

— Чтѣ это значитъ? — обратился Мельмотъ къ лорду Альфреду, который сидѣлъ съ нимъ рядомъ. — Отчего столько пустыхъ мѣстъ?

— Не знаю, — сказалъ лордъ Альфредъ, качая головой и упорно отказываясь взглянуть на собраніе.

— Что за чортъ, — продолжалъ Мельмотъ попотомъ, — вѣдь вы распорядились, вы увѣрили меня, что лишняго человѣка некуда будетъ втиснуть?

— Не знаю чтѣ сказать, — отвѣчалъ лордъ Альфредъ, взирая взглядъ въ собственную тарелку.

— Чортъ меня возьми, если я не разъясню этого. Какая-нибудь дьявольская путаница или обманъ, что-ли: гдѣ сэръ Грегори Грейбъ?

— Вѣроятно, не пріѣхалъ.

— А гдѣ же лордъ-мэръ? — забывъ о присутствіи величества, Мельмотъ тутъ повернулся бокомъ къ столу. — Я знаю мѣсто каждаго изъ нихъ. Гдѣ же лордъ-мэръ?

— Не видалъ его.

— Гдѣ г. Килльгру и сэръ Давидъ Боссъ? Да тутъ множества недостаетъ. Половины недостаетъ. Альфредъ, что же это такое?

— Право, не знаю. Вѣдь я не могъ заставить ихъ силой пріѣхать. — Лордъ Альфредъ, видя, что Мельмотъ вертится и что

гости начинают замѣчать это, наконецъ, сказали: — если вы будете дѣлать скандалъ, я уйду. Сидите спокойно, въ свое время узнаете достаточно. — Но Мельмотъ сидѣлъ не долго; скоро онъ всталъ и пошелъ позади стульевъ своихъ гостей. Онъ обратился къ одному мистеру Тодду и спросилъ его; тотъ отвѣчалъ уклончиво: — «но я, видите, прѣхалъ». — Мельмотъ обратился къ одному изъ вожей консервативной партіи, съ тѣмъ же вопросомъ. Тотъ представилъ его своей женѣ, которая сидѣла рядомъ съ нимъ; а на вопросъ отвѣчалъ совершенно какъ мистеръ Тоддъ: «но я, видите, прѣхалъ».

Между тѣмъ императоръ торжественно сидѣлъ. Вокругъ него сидѣли принцы и принцессы; всѣ они были родные и у всѣхъ было о чемъ говорить. Императоръ слушалъ ихъ, но самъ говорилъ мало. Его языкъ былъ языкъ манджурскій; одинъ переводчикъ передавалъ его слова на китайскомъ языкѣ; другой переводчикъ передавалъ этотъ китайскій текстъ на англійскомъ языкѣ; поэтому оживленнаго разговора у императора съ сосѣдями не было. Онъ сидѣлъ тутъ часа два, въ гρονномъ, торжественномъ и молчаливомъ величїи; кушалъ мало — такъ какъ это не была его манера кушать; пилъ мало — такъ какъ это не была его манера пить; и быть можетъ въ умѣ удивлялся, въ чему, наконецъ, приходитъ мїръ, когда китайскій императоръ вынужденъ внѣшними обстоятельствами сидѣть тутъ, слушая жужжанье разговоровъ и стукъ ножей съ вилками. «И это, — быть можетъ думалъ онъ, — здѣсь на Западѣ называется подобающею монархамъ почестью».

Наконецъ, по какому-то знаку, кѣмъ-то данному, императора куда-то увели. Согласно программѣ, онъ и королевское семейство пили кофе въ особой комнатѣ, а потомъ вышли опять наверхъ, въ залъ, чтобы показаться всей массѣ гостей, которыхъ ожидали на раутъ вскорѣ послѣ обѣда. Все это было исполнено превосходно. Съ полчаса императоръ и другіе высочайшіе гости пробыли въ большомъ залѣ и удалились. А Мельмотъ сталъ блуждать по своему дому, отыскивая кого-то, и наконецъ нашелъ Майльва Грендолла.

— Скажите мнѣ, чтó значитъ эта исторія? — спросилъ онъ.

— Исторія, какая?

— Вы вѣдь знаете: полно, вѣдь надо же сказать мнѣ.

— Тамъ, въ Сити, что-то узнали, что-то толкуютъ о Пиккерингѣ.

— Толкуютъ, о... о Пиккерингѣ? Ну, и чтó же они говорятъ? Говорите же: неужели вы не понимаете, что мнѣ все равно, какую ложь про меня распускаютъ?

— Да, говорить будто есть подлогъ какой-то, по купчей, что-ли.

— А, такъ я совершилъ подлогъ? Вотъ чтó они говорятъ! И лордъ-мэръ не прѣхалъ ко мнѣ въ домъ, принявъ мое приглашеніе, потому что слышалъ подобный разговоръ? Хорошо, Майльзъ, больше мнѣ ничего не надо, — и миллионеръ удалился въ свои внутренніе апартаменты.

Понятно, что слухи эти были подхвачены на другой день, на выборахъ. Но если ихъ распространяли въ надеждѣ повредить избранію Мельмота, то ошиблись. Масса избирателей повѣрила агентамъ Мельмота, что слухи эти именно и были избирательными маневрами. Самъ Мельмотъ, человекъ, котораго не легко было сломить, человекъ, у котораго, во всякомъ случаѣ, не было недостатка въ мужествѣ и энергіи для борьбы, явился передъ избирателями и произнесъ двѣ рѣчи. Рѣчи эти не были особенно убѣдительны или изящны, такъ какъ онъ въ сущности только все твердилъ: «пусть же они докажутъ, а они не доказали»; но мужество Мельмота рѣшило вопросъ въ его пользу; онъ былъ избранъ членомъ палаты общинъ за Уэстминстеръ. За то, подвліяніемъ слуховъ, акціи мексиканской дороги, которая еще наканунѣ стояли 115, въ день выборовъ вдругъ упали ниже пары. Мистеръ Когенлюпъ, наиболѣе близкій къ дѣламъ Мельмота, былъ въ отчаяніи. Но самъ Мельмотъ не унывалъ; акціи — это было еще дѣло поправимое.

Сэръ Феликсъ Карбэри, послѣ обнаруженной имъ предъ самимъ собой и всѣмъ свѣтомъ несостоятельности въ предпріятіи увезти богатую наслѣдницу, долго сидѣлъ дома, по болѣшей части валяясь на кровати. Денегъ не было, играть было нельзя, да и не ловко идти въ «Медвѣжью Яму». Между тѣмъ, сестра его Генриетта, съ своей стороны давшая слово Полю Монтэгу, находилась въ это время въ большой тревогѣ вслѣдствіе любезно сообщеннаго ей братомъ факта, что Монтэгу обѣщаль одной американкѣ жениться на ней, то-есть на американкѣ, и постоянно посѣщаль ее. Монтэгу въ это время уже не былъ членомъ правленія мексиканской желѣзной дороги. Онъ успѣлъ продать свои акціи еще по хорошему курсу и подалъ въ отставку. На его мѣсто Мельмотъ назначилъ въ правленіе Лонгестаффа-отца. Сэръ Феликсъ Карбэри, въ теченіе времени, еще до своей попытки увезти Мэри Мельмотъ, успѣлъ выпросить у Мельмота 400 фунтовъ деньгами. Теперь, сидя безъ денегъ, онъ написалъ ему, требуя возвращенія остальныхъ 600 фунтовъ, такъ какъ акцій онъ не получилъ. Это было уже послѣ выборовъ. Въ отвѣтъ на

это пришелъ человекъ изъ конторы Мельмота, принесъ ему на 600 фунтовъ акцій мексиканской дороги и взялъ съ него росписку въ полномъ полученіи денегъ. Но этихъ акцій баронетъ не могъ продать; мѣнялы говорили ему, что онѣ стоютъ, быть можетъ, половину своей цѣны, но отказывались купить ихъ, такъ что онъ долженъ былъ оставить ихъ на комиссію, для продажи. Что касается самой Мэри, то она, разумѣется, узнала впоследствии, что еслибы ее не задержали на станціи въ Ливерпулѣ, она отправилась бы въ Америку одна съ мадамъ Дидонъ, такъ какъ женихъ ея вовсе не ѣздилъ въ Ливерпуль. Она узнала и причину; узнала, что онъ проигралъ ея деньги и напился пьянъ. Но все это было бы для нея неважно, еслибы она знала, что ея Феликсъ любитъ ее. Но онъ былъ такъ холоденъ въ ихъ объясненіяхъ, что она не могла объяснять себѣ и проигрыша имъ ея денегъ, и пьянства, и неприѣзда въ Ливерпуль иначе, какъ именно полнымъ равнодушіемъ его къ ней. Убѣжденіе это усилилось въ ней, когда она увидѣла, что баронетъ не подавалъ болѣе признаковъ жизни, не искалъ съ ней встрѣтиться и, очевидно, считалъ все дѣло конченнымъ.

Поэтому, встрѣтись на раутѣ въ честь китайскаго императора съ леди Карбэри и ея дочерью, Мэри подошла къ Генриеттѣ и созналась ей, что продолжаетъ всей душой любить ея брата, и просила ее прямо спросить сэра Феликса, любитъ ли онъ ее или не любитъ, и считаетъ все между ними конченнымъ. Гетта исполнила ея желаніе, считая это долгомъ. Она переговорила съ братомъ, услышала отъ него самого то, въ чемъ впередъ была увѣрена, а именно, что лично до Мэри ему не было никакого дѣла и, вооружась геройствомъ, явилась сама въ домъ Мельмота, чтобы окончательно разуверить Мэри и возвратитъ ей спокойствіе и свободу.

— Такъ вы думаете, онъ не хочетъ попытаться снова? — допрашивала Мэри.

— Я убѣждена, что не хочетъ.

— Не понимаю, чего онъ боится. Я ничего не боюсь. Мы имѣли бы право открыто выдти съ нимъ изъ нашего дома. Папá могъ бы только прогнать меня, больше ничего. Я бы рѣшилась, еслибы только онъ...

— Мнѣ нельзя слушать такихъ плановъ, — возразила Гетта, все еще не рѣшаясь прямо сказать этой дѣвушкѣ всю правду о своемъ братѣ и его расположеніи; — право, мнѣ нельзя слушать. Братъ мой положительно... не можетъ...

— Не можете любить меня, Гетта! Скажите прямо, если это правда.

— Это — правда. — Лицо Мэри измѣнилось; на немъ появилось суровое, гнѣвное и упрямое выраженіе, выраженіе самого Мельмота. — Мой другъ, я не хочу васъ огорчать, — поспѣшила прибавить Гетта, — но вѣдь вы настаиваете на томъ, чтобы знать правду.

— Да.

— Вѣдь мужчины не таковы, какъ мы.

— Какіе лгуны, какія низкія созданія они! — тихо проговорила Мэри. — Кто принуждалъ его лгать мнѣ?.. Я не буду больше любить его, я стану его ненавидѣть, я нарочно выйду за другого; вотъ, когда онъ увидитъ, что я богатая, небось хоть досада его возьметъ.

— Вы лучше просто простите ему, — сказала Гетта.

— Никогда. И не говорите ему, что я простила, запрещаю вамъ говорить это. Я, если встрѣчу его, взгляну на него такъ, что онъ никогда не забудетъ моего взгляда. Но скажите мнѣ, что, онъ такъ прямо и поручилъ вамъ передать мнѣ, что меня не любить?

— Напрасно, право, я пришла.

— Нѣтъ, вы добры, что пришли, благодарю васъ за это. Но поручилъ онъ сказать, что не любить?

— Нѣтъ, не поручилъ связать такъ.

— Такъ почему же вы знаете? Что же онъ сказалъ?

— Что все кончено.

— Потому что онъ боится папá? Да вы просто скажите мнѣ, какъ по вашему убѣжденію... вы сами убѣждены или нѣтъ, что онъ не любить меня?

— Убѣждена.

— Тогда онъ — скотъ, вонъ онъ что такое. Такъ и скажите ему, что я сказала, что онъ — бездушный лжець, что я топчу его ногой.

И Мэри ударила ступней по ковру. Тутъ она стала говорить громко, какъ будто ей все равно, пусть слышитъ это хочеть.

— Я презираю его, презираю. Всѣ они — свержные, но онъ — хуже всѣхъ. Папá меня бьетъ, но я сношу это. Мама́ ругаетъ меня, я и это сношу. Пусть бы онъ меня билъ, пусть бы онъ меня ругалъ, я бы это все переносила. Но думать, что все, все съ самаго начала, что онъ говорилъ — онъ лгалъ, этого я не могу перенести.

Тутъ она расплакалась.

Черезъ нѣсколько часовъ, въ тотъ же день, она вошла къ мадамъ Мельмотъ и сказала ей:

— Объявите папѣ, что я выйду за лорда Ниддердэля... Что я готова выдти за того человѣка, который мететь улицу; за кого онъ хочетъ. Да, я выйду за лорда Ниддердэля. Но я же устрою ему хорошую жизнь. Онъ раскается, что когда-либо встрѣтился со мной!

VIII.

Что бы ни говорили и что бы тамъ ни было въ дѣйствительности, но между тѣмъ Мельмотъ былъ членомъ парламента. Онъ былъ введенъ обычнымъ порядкомъ и сѣлъ на одну изъ заднихъ скамей оппозиціи. Сперва онъ сидѣлъ безъ шляпы, но замѣтивъ, что почти всѣ сидѣли въ шляпахъ, онъ тоже накрылся. Сидѣлъ онъ съ часъ, съ любопытствомъ посматривая кругомъ себя. До того времени онъ никогда не видалъ парламента. Зала казалась ему гораздо меньше, чѣмъ она представлялась ему въ воображеніи и вовсе не такъ страшна. Ему казалось, что ораторы говорили себѣ совершенно просто, какъ говорятъ люди въ другихъ мѣстахъ. Нѣкоторые изъ нихъ вставали только на одну минуту, чтобы сказать нѣсколько словъ, и опять садились. Однимъ словомъ, представленіе было самое обыкновенное. Но вотъ одинъ джентльмэнъ поднялся и началъ длинную рѣчь. Уставъ смотрѣть вокругъ, Мельмотъ сталъ прислушиваться, и услышалъ слова очень ему знакомыя. Ораторъ предлагалъ добавочную статью въ торговому трактату и сильно возставалъ противъ разорительной несправедливости, какую могло представить допущеніе въ Англію безъ пошлины перчатокъ, фабрикуемыхъ въ такихъ странахъ, гдѣ не существуетъ подоходнаго налога. Мельмотъ былъ равнодушенъ къ перчаткамъ и къ разоренію Англіи. Но при послѣдовавшихъ по этому предмету преніяхъ, возникъ вопросъ о цѣнности монеты, о размѣнѣ и обращеніи шиллинговъ въ доллары и франки. Это дѣло Мельмотъ понималъ отлично, и наострилъ уши. Одинъ изъ членовъ, нѣкто Броунъ (не издатель газеты), одинъ изъ тѣхъ негоціантовъ Сити, которые не пріѣхали къ нему на обѣдъ, хотя приняли его приглашеніе, стоялъ какъ разъ передъ нимъ, на его же сторонѣ палаты, съ трудомъ мямлил нѣчто о своихъ собственныхъ финансовыхъ соображеніяхъ, и Мельмоту показалось, что онъ говорилъ о томъ, чего совершенно не понималъ. Вотъ былъ прекрасный случай показать себя и вмѣстѣ отмстить Броуну,

и наконецъ доказать свѣту, что враговъ своихъ въ Сиги онъ, Мельмотъ, не боится. Правда, требовалось нѣкоторое мужество, чтобы выступать передъ палатой въ первый же день, не зная обычныхъ формъ. Но въ этомъ кризисѣ своей карьеры онъ постоянно твердилъ себѣ, что ничто не должно приводить его въ замѣшательство, ни передъ тѣмъ онъ не долженъ отступать. Мельмотъ почти уже рѣшился говорить, однако все еще колебался, какъ вдругъ Броунъ сѣлъ, и надѣлъ шляпу, безъ всякаго, по-видимому, заключенія своей рѣчи. Въ первую минуту никто не всталъ; предметъ не требовалъ дальнѣйшихъ преній и вся палата понимала, что это—такой предметъ, по которому неизбежно было выслушать нѣсколькихъ членовъ-негоціантовъ, имѣвшихъ своихъ «воньковъ», и затѣмъ продолжать обсужденіе главнаго вопроса.

Вдругъ Мельмотъ поднялся съ мѣста. Такая неслыханная новость, что новый членъ произносилъ рѣчь въ самый день своего вступленія въ палату и любопытство, окружавшее Мельмота въ то время вообще, вызвали всеобщее молчаніе и внимательность. Пронесся только шопотъ, свойства почти сочувственнаго смѣлости Мельмота. Но какъ только Мельмотъ всталъ и окинулъ взглядомъ палату, значительная доля смѣлости его оставила. Палата, вовсе не казавшаяся ему величественною въ то время, когда мямлил Броунъ, теперь вдругъ представилась ему внушающею страхъ; онъ увидѣлъ обращенные на себя глаза великихъ людей. Какъ Броунъ ни мямлилъ, его рѣчь все-таки вѣроятно была приготовлена дома, и такія рѣчи онъ произносилъ раза по четыре въ годъ, въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Мельмотъ же не зналъ, съ чего начать. Онъ полагалъ, что можетъ говорить такъ свободно, какъ говорилъ съ предсѣдательскаго кресла въ правленіи мексиканской дороги. Но теперь передъ нимъ были спикеръ и его три секретаря въ своихъ парикахъ, булава парламента, и—хуже всего—цѣлый рядъ государственныхъ людей на другой сторонѣ палаты! На одно мгновеніе онъ даже позабылъ тотъ пунктъ преній, о которомъ хотѣлъ-было что-то сказать. Но въ этомъ человѣкѣ было слишкомъ много мужества, чтобы отступить немедленно. Онъ былъ красенъ, чувствовалъ, что потѣеть, сознавалъ свое смущеніе, но рѣшился прямо ударить въ самую суть дѣла и тѣмъ спасти себя отъ этого замѣшательства.

— Мистеръ Броунъ совершенно неправъ,—произнесъ онъ. Начавъ говорить, онъ даже не снялъ шляпы. Броунъ медленно обернулся и посмотрѣлъ на него съ нижней скамейки. Кто-то сзади тронулъ Мельмота пальцемъ и сказалъ ему снять шляпу. Раздался крикъ «въ порядку», но Мельмотъ, разумѣется, не

понималъ его значенія. «Да, вы неправы», сказалъ онъ еще разъ, и притомъ съ гнѣвомъ, обращаясь уже лично къ бѣдному Броуну.

— Почтенный членъ,—произнесъ спикеръ самымъ добродушнымъ голосомъ,—вѣроятно еще не знаетъ, что ему не слѣдуетъ называть другого члена по имени. Ему слѣдовало бы относиться къ тому джентльмену, о которомъ онъ упомянулъ, въ качествѣ почтеннаго члена за Уайтчепель. И ему слѣдовало бы еще, произнося рѣчь, обращаться не къ кому-либо изъ почтенныхъ членовъ, но къ президенту.

— Снимите же шляпу,—повторилъ добрый джентльменъ, сидѣвшій позади Мельмота.

Что было дѣлать посреди столь сложныхъ наставленій, и возможно ли было исполнять ихъ и вмѣстѣ удерживать въ памяти ту линію аргументаціи, которой онъ хотѣлъ слѣдовать? Шляпу онъ снялъ, и разумѣется, еще больше вспотѣлъ и сконфузился.

— То, что онъ сказалъ, было все невѣрно,—продолжалъ Мельмотъ:—а казалось бы, что негодяи изъ Сити, каковъ мистеръ Броунъ, могъ бы знать дѣло получше.

Тогда нѣсколько разъ повторился крикъ: «къ порядку» и раздался громкій хохотъ на обѣихъ сторонахъ палаты. Ораторъ тѣмъ не менѣе все еще держался на ногахъ, собирая всю свою храбрость для новаго нападенія на Броуна, увѣряя себя, что никто не устраситъ его. Но никакъ не могъ найти словъ. Наконецъ, онъ произнесъ: «мнѣ этотъ вопросъ долженъ быть извѣстенъ»,—и сѣлъ.

— Мы убѣждены,—сказалъ руководитель палаты,—что почтенному члену за Уэстминстеръ вопросъ хорошо извѣстенъ, и будемъ очень рады выслушать его замѣчанія. Палата, я увѣренъ, извинитъ незнакомство съ ея правилами въ новомъ членѣ.

Но Мельмотъ не хотѣлъ болѣе встать. Имъ уже сдѣлано было большое усиліе, и во всякомъ случаѣ онъ показалъ, что не боится показывать себя, несмотря на слухи. Онъ просидѣлъ на мѣстѣ, пока послышалось обычное топанье, возвѣщавшее, что большая часть членовъ идетъ обѣдать.

— Ну, молодецъ же вы,—сказалъ ему Когенлюцъ, беря его подъ руку въ корридорѣ.—А что, Лонгестаффу деньги уплачены?

— Вы, пожалуйста, не безпокойтесь о Лонгестаффѣ, и о деньгахъ,—отвѣчалъ Мельмотъ, садясь въ экипажъ.—Когда люди играютъ въ такую игру, какъ мы съ вами, они должны понимать, что не слѣдуетъ имъ пугаться перваго встрѣчнаго слуха.

— О, конечно,—заключилъ Когенлюцъ;—надѣюсь, вы не

думаете, что я боюсь чего-нибудь?—Но въ эту самую минуту г. Когенлюпъ обдумывалъ, какъ бы покинуть опасную почву Англии, и гдѣ бы найти такую страну, для которой не обязательно исполненіе требованій британской полиціи.—Когда Мельмотъ пріѣхалъ домой, мадамъ Мельмотъ сообщила ему, что Мэри согласна выдти замужъ за лорда Ниддердэля, но не передала ему, конечно, тѣхъ прибавокъ, какими Мэри украсила свое согласіе.

Что же было вѣрнаго въ слухахъ, распространенныхъ о Мельмотѣ? Не будемъ говорить о другихъ дѣлахъ, кромѣ покупки имѣнія Лонгестаффа; главное обвиненіе заключалось въ подлогѣ по этому дѣлу, и обвиненіе это было справедливо. Мельмотъ въ это время жилъ уже не въ Гровеноръ-Скверѣ, но въ Брутонъ-Стритѣ, въ домѣ Лонгестаффа. Лонгестаффъ-отецъ былъ вынужденъ обстоятельствами отдать свой домъ въ Лондонѣ въ наймы, и Мельмотъ его нанялъ. Но Лонгестаффу нужно было имѣть комнату для пріѣздовъ его въ Лондонъ, и такъ какъ Мельмотъ былъ человѣкъ знакомый, то Лонгестаффъ оставилъ свой письменный столъ въ своемъ прежнемъ кабинетѣ; а Мельмотъ поставилъ въ этомъ же кабинетѣ свой столъ. Мельмотъ съумѣлъ, посредствомъ какого-то инструмента, отворить ящикъ въ столѣ Лонгестаффа, но не съумѣлъ послѣ запереть его опять. Онъ просмотрѣлъ бумаги Лонгестаффа, между прочимъ переписку его съ нотариусомъ относительно требованій сына, и нашелъ въ особомъ пакетѣ заготовленную нотариусомъ Лонгестаффа довѣренность ему отъ сына на совершеніе продажи Пикверинга. Будучи принужденъ скорѣе получить возможность взять подъ это имѣніе дополнительную ссуду и убѣдившись изъ переписки, что Долли Лонгестаффъ не согласится подписать довѣренность безъ выдачи ему 25 т. фунтовъ, то-есть половины всей суммы, которую Мельмотъ вовсе не думалъ платить до поправленія своихъ обстоятельствъ,—Мельмотъ скопировалъ на готовой довѣренности подпись Лонгестаффа-сына съ его писемъ и опустилъ конвертъ въ почтовой ящикъ. На конвертѣ былъ готовый адресъ нотариуса Лонгестаффа-отца, и нотариусъ, имѣя уже полномочіе отца и получивъ довѣренность сына, совершилъ продажу. Лонгестаффъ-отецъ, когда эта довѣренность была ему показана, сейчасъ узналъ эту бумагу и былъ убѣжденъ, что сынъ его подписалъ ее; а Долли Лонгестаффъ узналъ о дѣлѣ только тогда, когда оно уже совершилось. Онъ сталъ отрицать фактъ подписанія имъ довѣренности, но отецъ не хотѣлъ ему вѣрить, полагая, что это съ его стороны просто угроза, которую внушилъ Северкомъ, для скорѣй-

шаго полученія 25 т. фунтовъ. А какъ могъ Лонгестафъ-старшій отдать 25 т. ф. Лонгестаффу-младшему, когда онъ самъ не получилъ съ Мельмота за имѣнїе не только 50 тысячъ, но и одного гроша? Между тѣмъ, Мельмотъ успѣлъ получить подъ Пиккерингъ дополнительную ссуду и началъ тамъ работы по передѣлкѣ дома, чтобы убѣдить Лонгестаффа, что поводомъ къ приобрѣтенію имѣнїя было именно желаніе Мельмота жить въ немъ.

Когда Севѣркомъ, побуждаемый Долли Лонгестаффомъ, приступилъ къ дѣйствіямъ, когда даже нотариусъ старика Лонгестаффа, настоятельно потребовалъ уплаты за Пиккерингъ, то Мельмотъ еще быть можетъ какъ-нибудь извернулся бы, досталъ бы 50 т. ф. и уплатилъ бы Лонгестаффамъ; но кредитъ его внезапно былъ подорванъ тѣмъ, что Когенлюпъ бѣжалъ изъ Англіи и акціи мексиканской дороги обратились въ ничто. Мельмотъ принужденъ былъ отказаться отъ немедленной уплаты и предложилъ выдать Лонгестаффамъ вѣселя на 50 т. фунтовъ, на шестимѣсячный срокъ. Но нотариусы отвергли это предложеніе и обратились къ лорду-мэру, изъявивъ намѣреніе начать дѣло въ городскомъ судѣ. Тогда предъ Мельмотомъ явилась крайне неприятная альтернатива. У него были 50 тысячъ, и даже гораздо больше, чѣмъ 50 тысячъ; но это былъ капиталъ, внесенный имъ въ банкъ на имя дочери, капиталъ, который предназначался для того, чтобы, въ случаѣ несостоятельности, Мельмотъ могъ жить на него гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Онъ далъ себѣ торжественную клятву ни въ какомъ случаѣ не пускать этого запаснаго фонда въ свои обороты, хотя бы всѣ они должны были лопнуть. Но вѣдь теперь вопросъ былъ уже о несостоятельности только. Лонгестаффы, отецъ и сынъ, и ихъ нотариусы являлись въ Брутонъ-Стритъ и свидѣтельствовали замбѣ письменнаго стола; Долли и Сквѣркомъ громко твердили, что замокъ былъ открытъ Мельмотомъ и подпись поддѣлана имъ; они начинали дѣло въ судѣ. Все это еще можно было остановить, пожертвовавъ изъ запаснаго фонда 50 т. фунтовъ; получивъ свои деньги, Лонгестаффы тотчасъ прекратили бы дѣло.

Но тутъ явилось препятствіе, совершенно неожиданное. Мэри Мельмотъ, на имя которой капиталъ былъ внесенъ, когда отецъ велѣлъ ей подписать довѣренность на вынужтїе вклада, самъ не предполагая въ этомъ ничего, кромѣ одной формальности, наотрѣзъ отказалась дать свою подпись. Она привыкла не вѣрить отцу. Онъ убѣждалъ ее, что надъ нимъ виситъ полное разореніе; она не вѣрила. Онъ билъ ее, такъ что она упала на полъ; она съ тѣмъ бѣльшимъ упрямствомъ держалась за свой капиталъ,

понимая, что въ немъ одномъ—средство для нея со временемъ избавиться отъ побоевъ и зависимости. Мельмотъ шелъ все далѣе и далѣе, и путь его становился болѣе и болѣе рискованнымъ. Онъ преспокойно подписалъ необходимые документы подъ руку Мэри, поддѣлалъ подпись своего конторщика Кролля въ качествѣ свидѣтеля, и свезъ эти бумаги къ банкиру Брегерту, давъ Лонгестафамъ торжественное обѣщаніе уплатить имъ деньги чрезъ нѣсколько дней, если они подождутъ съ начатіемъ процесса. Но случилась бѣда. Надо было шесть подписей Мэри и шесть подписей свидѣтеля. Мельмотъ сдѣлалъ первыя шесть, а вторыхъ только пять; одну забылъ! Брегертъ, увидѣвъ пропускъ — хотя былъ убѣжденъ, что подписи подлинныя,—поѣхалъ въ контору Мельмота вечеромъ и засталъ тамъ только конторщика Кролля; ему Брегертъ показалъ эти бумаги и указалъ на пропускъ. Тогда между ними все обнаружилось; Кролля своимъ недоумѣніемъ, при видѣ своихъ поддѣланныхъ подписей, выдалъ этотъ подлогъ. Брегертъ, не сказавъ ни слова, оставилъ бумаги у него, и Кролля, принеся ихъ на другой день утромъ къ Мельмоту въ домъ, ограничился тѣмъ, что просилъ уволить его отъ должности. Мельмотъ понялъ, что не только Кроллю, но по всей вѣроятности и Брегерту дѣло было ясно. Однако онъ былъ увѣренъ, что они не станутъ возбуждать этого дѣла; вѣдь бумаги были возвращены въ его руки. Разореніе было неминуемо и вѣроятно, нѣчто худшее чѣмъ разореніе, вѣроятно — тюрьма, такъ какъ Лонгестаффы, не получивъ денегъ въ условленный срокъ, неминуемо начали бы дѣло о первомъ подлогѣ въ судѣ. Мельмотъ только приказалъ женѣ и дочери спрятать ихъ брилльянты и вообще драгоценности. Онъ долженъ былъ пасть. Это было неминуемо. Но у него было достаточно внутренней силы, чтобы, падая подъ ударами судьбы, завернуться въ тогу. Онъ рѣшился до конца показать «имъ всѣмъ» свою невозмутимость, до конца глядѣть прямо въ глаза всему враждебному ему нынѣ свѣту.

IX.

Какъ только распространилась вѣсть о бѣгствѣ Когенлюпа, весь кредитъ Мельмота исчезъ и всѣ были убѣждены въ полномъ его банкротствѣ. Грендолли, отецъ и сынъ, оставили его, никто не являлся болѣе къ нему въ домъ. Въ самой палатѣ общины, чрезъ два дня послѣ бѣгства Когенлюпа, банкротство Мельмота и вообще его судьба были главнымъ предметомъ частныхъ разговоровъ. Говорили, что начато дѣло о подлогѣ; гово-

рили, что Мельмотъ бѣжалъ по слѣдамъ Когенлюпа. Даже министры, сидя на своей скамьѣ и выдерживая обычную бомбардировку мелкихъ запросовъ, занимались между собой не этими запросами, но Мельмотомъ.

— Вамъ ничего неизвѣстно о немъ? — спросилъ канцлеръ казначейства министра внутреннихъ дѣлъ.

— Я имѣю свѣдѣнiе, что рѣшенiя объ арестованiи его пока не состоялось. По общему мнѣнiю, онъ совершилъ подлогъ; но еще вопросъ, достаточно ли собрано уличающихъ обстоятельствъ.

— Но все-таки онъ разорился, — сказалъ канцлеръ.

— Да я сомнѣваюсь даже, былъ ли онъ когда-нибудь богатъ. Одно вѣрно, — что онъ величайшiй плутъ, каковаго намъ случалось видѣть. Вѣдь онъ навѣрное издержалъ болѣе ста тысячъ фунтовъ въ теченiе этого года на личные расходы. Какъ-то императору это понравится, когда онъ узнаетъ правду, — прибавилъ министр. Другой членъ кабинета вставилъ тогда замѣчанiе, что вѣроятно китайскiй императоръ легче перенесетъ это, чѣмъ первый лордъ казначейства (то-есть первый министръ Англiи).

Въ эту минуту въ палатѣ воцарилось вдругъ такое удивительное молчанiе, которое само какъ будто было слышно. Такъ дѣйствуетъ на слухъ внезапное прекращенiе гула сдержанныхъ разговоровъ. Августъ Мельмотъ, членъ парламента за Уэстминстеръ, входилъ въ палату. Видъ его былъ нахальнѣе, чѣмъ когда-либо. Шляпу онъ всегда носилъ нѣсколько на бокренъ; теперь она была надѣта совсѣмъ на бокъ. Никто не поклонился ему, никто не сказалъ ему слова, никто не показалъ вида, что узнаетъ его. Ко всему этому Мельмотъ приготовился и твердо шелъ впередъ, какъ-будто ничего этого не замѣчая. Онъ хотѣлъ показать себя; рѣшился выдержать весь вечеръ въ этой обстановкѣ. Онъ уже разузналъ обычай палаты и, проходя мимо стола спикера и булавы, съ нѣкоторой аффектацiею вѣжливости, приподнял шляпу выше, чѣмъ требовалось. Затѣмъ онъ пробрался на свою скамью и сѣлъ. Злополучный лордъ Ниддѣрдаль сидѣлъ возлѣ того мѣста, которое онъ занялъ. Въ послѣднiе два дня отецъ Ниддѣрдэля и онъ самъ должны были, наконецъ, убѣдиться, что женитьба его на дочери Мельмота невозможна.

— Были сегодня на верху, у Мэри? — спросилъ Мельмотъ своего сосѣда, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Нѣтъ, — я не былъ, — отвѣчалъ молодой лордъ.

— Отчего же вы не бываете? Она теперь постоянно о васъ спрашиваетъ. Надѣюсь, что на будущей недѣлѣ мы опять переедемъ въ нашъ собственный домъ и увидимся съ вами тамъ.

«Неужели этотъ человѣкъ самъ не понимаетъ положенія своихъ дѣлъ?» думалось лорду Ниддѣрдэлю.

— Знаете, — сказалъ онъ, — вамъ бы слѣдовало опять пере-видѣться съ батюшкой.

— А что, развѣ что-нибудь?

— Право... не знаю, какъ вамъ сказать; но лучше вамъ повидаться; я теперь ухожу.

— Прощайте, дружокъ, — произнесъ Мельмотъ вслухъ, гораздо громче, чѣмъ обыкновенно ведутся частные разговоры въ палатѣ. Ниддѣрдэлъ въ смущеніи пошелъ къ двери; но едвали кто-нибудь въ палатѣ не понималъ истиннаго значенія всего, что происходило въ эту минуту. Въ дверяхъ съ Ниддѣрдэлемъ встрѣтился одинъ изъ консервативныхъ вождей.

— Слыхали? — спросилъ онъ.

— То-есть, о Мельмотѣ, вѣроятно?

— Да, да; я сейчасъ узналъ, что онъ только-что схваченъ въ своемъ домѣ, по обвиненію въ подлогѣ.

— Съ сожалѣніемъ долженъ сказать, что нѣтъ. Войдите, и вы увидите его: онъ тутъ сидитъ.

Мельмотъ сидѣлъ до семи часовъ; тогда пренія были отсрочены до девяти. Онъ поднялся съ мѣста одинъ изъ послѣднихъ и пошелъ величественными шагами въ буфетъ, заказывать себѣ обѣдъ. Онъ былъ все-таки членъ палаты; онъ имѣлъ право обѣдать въ ея буфетѣ. Никто не сказалъ ему ни слова. Отобѣдавъ, онъ пошелъ въ курительную комнату, закурилъ громадную сигару и предложилъ такую же — г. Броуну, тому самому члену, на котораго онъ недавно производилъ нападеніе. Мельмотъ былъ большого роста, крѣпкій, сильный человѣкъ во всей фигурѣ и въ выраженіи своего лица. Г. Броунъ былъ маленькій, толстенькій человѣчекъ, лѣтъ за шестьдесятъ, постоянно старавшійся придать себѣ важность сжиманіемъ губъ и нахмуриваніемъ бровей. Смѣшно было видѣть, какъ г. Броунъ отскочилъ отъ грѣха, представляемаго Мельмотомъ и съ двойнымъ усиленіемъ нахмурился.

— Вы напрасно такъ обижаетесь тѣмъ, что я тогда сказалъ, — объяснилъ ему Мельмотъ: — я не хотѣлъ оскорбить васъ. — Сказавъ это, онъ испустилъ громкій, хриплый смѣхъ, и посмотрѣлъ вокругъ себя, какъ-бы наслаждаясь своимъ торжествомъ. Потомъ онъ сѣлъ и молчалъ. Еще разъ громко захохоталъ, какъ будто ему пришла въ голову очень смѣшная мысль; но не заговаривалъ болѣе ни съ кѣмъ. Послѣ девяти часовъ, онъ опять вошелъ въ залъ собранія и сѣлъ на прежнее мѣсто. За обѣдомъ онъ пилъ шампанское и прибавилъ еще три стакана воды съ коньякомъ. Теперь у него хватило бы смѣлости уже на что

угодно. Обсуждался вопросъ, относившійся къ законамъ объ охотѣ; Мельмотъ рѣшительно не смыслилъ въ этомъ. Но когда одинъ ораторъ опустился на мѣсто, онъ — всталъ. Спикеръ нарочно посмотрѣлъ на другого члена, который всталъ въ то же время. Когда тотъ кончилъ говорить, Мельмотъ опять всталъ. Еще разъ, спикеръ открылъ кого-то, кто хотѣлъ подняться и стать смотрѣть на того, чтó и дало тому право слова. Но когда и тотъ кончилъ — Мельмотъ всталъ въ третій разъ; потомъ въ четвертый. Наконецъ, никто другой не поднимался; спикеръ сдѣлалъ гримасу, взглянувъ на Мельмота, и прислонился къ спинѣ своего кресла. Желая выказать свою смѣлость, Мельмотъ рѣшился говорить; онъ былъ пьянъ; однимъ колѣномъ онъ упирался въ переднюю скамью. Но онъ самъ не зналъ, чтó говорить. Вдругъ онъ оступился впередъ; поправился, посмотрѣлъ вѣрвугъ палаты и, еще разъ потерявъ равновѣсiе, упалъ головою внизъ на плечи одному изъ консервативныхъ вождей, сидѣвшему впереди его. Тотъ вскочилъ и хотѣлъ помочь пьяному. Но Мельмотъ поднялся скоро самъ, сѣлъ, надѣлъ шляпу, и попробовалъ смотрѣть такъ, какъ будто ничего особеннаго не случилось. Пренiя шли дальше, безъ всякихъ мѣръ, потому что нѣтъ правила, какъ поступать въ палатѣ въ случаѣ пьянаго состоянiя кого-либо изъ членовъ. Правила не предвидѣли этого. Около десяти минутъ Мельмотъ сидѣлъ еще, потомъ поднялся съ мѣста и пошелъ къ двери не совсѣмъ твердою поступью, но не натыкаясь ни на кого. У всѣхъ захватывало дыханiе въ ожиданiи, что что-нибудь случится. Но никто его не тронулъ; онъ прошелъ корридоры и сѣлъ въ свой экипажъ. Прiѣхавъ домой, онъ отправился въ свой кабинетъ и велѣлъ подать себѣ еще коньяку и воды. Въ двѣнадцатомъ часу ночи, человекъ его вышелъ въ послѣднiй разъ, оставивъ у него на столѣ бутылку коньяку, три или четыре бутылки содовой воды и ящикъ съ сигарами. Человеку онъ даже не показался особенно пьянъ. Но въ девять часовъ слѣдующаго утра, служанка, войдя къ нему въ комнату, увидѣла, что онъ лежалъ на полу, мертвый. Онъ былъ пьянъ, но онъ сознавалъ свое положенiе, предвидѣлъ чтó должно было случиться, и повончилъ всѣ затрудненiя дозой синильной кислоты.

Гетти Карбери была нѣкоторое время несчастна вслѣдствiе предполагаемой невѣрности Поля Монтэгу. Но дѣло вскорѣ объяснилось, при помощи того же великодушнаго ея кузена, Роджера Карбери. Онъ любилъ ее болѣе самого себя; онъ превозмогъ свое негодованiе противъ друга и рѣшился завѣщать свое имѣнiе сыну Гетты и Поля Монтэгу, съ тѣмъ, чтобы онъ носилъ

имя Карбери.—Дѣло матери и брата Генриетты устроилось такъ, что леди Карбери приняла вторично сдѣланное ей издателемъ «утренней» газеты, г. Броуномъ, предложеніе, а сэръ Феликсъ Карбери былъ отправленъ путешествовать — въ Берлинъ, подъ присмотромъ одного пастора, назначеннаго въ тамошнюю англиканскую церковь; при этомъ деньги на содержаніе баронета были вручены пастору.

Мэри Мельмотъ жалѣла о потерѣ сэра Феликса горячо, но не долго. Капиталь, внесенный на ея имя отцомъ, остался въ ея рукахъ. У нея осталось болѣе 100 тысячъ фунтовъ, которыхъ она была полной хозяйкой, такъ какъ по смерти Мельмота открылось, что мадамъ Мельмотъ рѣшительно не приходилась ей ничѣмъ. О происхожденіи самого Мельмота теперь стали говорить, что отецъ его былъ извѣстный дѣлатель фальшивой монеты въ Нью-Йоркѣ, ирландецъ, по фамиліи Мельмоди. Но Мэри не была законная дочь Мельмота, и капиталъ оставался при ней просто потому, что былъ положенъ на ея имя. Мадамъ Мельмотъ никакъ не могла понять, отчего весь уцѣлѣвшій капиталъ переходилъ такимъ образомъ въ руки одной Мэри; но та уступила ей всѣ притязанія на брилліанты, скрытые отъ конкурса, и это доставило вдовѣ утѣшеніе, хотя безъ всякаго сравненія меньшее, чѣмъ то, которое досталось дочери. Впрочемъ, вскорѣ явились и утѣшители. Фискеръ явился тотчасъ, когда узналъ о крушеніи компаніи, и сталъ распутывать дѣла, а вмѣстѣ сильно ухаживать за Мэри. Дѣла нельзя было распутывать безъ конторщика Мельмота, Кролля, и тотъ явился утѣшителемъ мадамъ Мельмотъ. Рѣшено было, что вдова и Кролля соединятся бракомъ. Фискеръ всѣхъ ихъ уговорилъ ѣхать въ Америку; но мадамъ Мельмотъ и Кролля не хотѣли ѣхать далѣе Нью-Йорка, а Мэри соглашалась ѣхать съ Фискеромъ въ Калифорнію, но не давала ему рѣшительнаго отвѣта на его предложенія. Она очень хорошо понимала ходъ дѣла и цѣнила свою независимость.

— Истинная дочь своего отца,—замѣтилъ о ней Фискеръ въ разговорѣ съ Кроллямъ.

— Ахъ, да! — отвѣчалъ нѣмецъ: — но побольше его. Онъ увлекался и терялъ голову, и лопнулъ отъ своего величія.

При этомъ Кролля жестомъ изобразилъ лягушку, надувающуюся до размѣровъ вола.

— И лопнулъ, г. Фискеръ. Онъ былъ большой человекъ, но чѣмъ больше онъ дѣлался, тѣмъ дѣлался менѣе и менѣе благоразуменъ. Онъ ѣлъ такъ много, что отъ жиру не могъ ужъ послѣ видѣть, сдѣдалъ ли онъ каждый день нужную порцію.

Такъ анализировалъ герръ Кролля характеръ своего компаня.

— Но мадмуазель, — а, она не такъ. Она никогда слишкомъ много не скушаетъ, но покушаетъ всегда.

Такъ анализироваль онъ характеръ хозяйской дочки.

— Гораздо благопріятнѣе для васъ, миссъ Мельмотъ, будетъ въѣхать въ Санъ-Франциско въ качествѣ замужней дамы или по крайней мѣрѣ дамы, уже давшей слово, — уговариваль Фискеръ.

— Развѣ незамужнія не пользуются уваженіемъ въ Калифорніи?

— Не то. Послушайте, миссъ Мельмотъ, вѣдь вы знаете, чтó я хочу сказать.

— Знаю.

— Соединимъ свои судьбы на жизнь. Оба мы благополучно устроились. Я издерживаю 30,000 долларовъ въ годъ, живу въ собственномъ домѣ. Вы все увидите. Съ тѣмъ, чтó у меня есть и съ тѣмъ, чтó у васъ есть, мы можемъ ступать ногой за гѣмъ угодно, — такъ я предполагаю.

— Я ужъ видѣла нѣчто въ этомъ родѣ, г. Фискеръ. Я не намѣрена ступать ногою туда, откуда нельзя ее вынуть обратно.

— Этого вы отъ меня не бойтесь, миссъ Мельмотъ. Я не буду имѣть права, по нашимъ законамъ, тронуть одного доллара изъ вашихъ денегъ. Такое торжество было бы въѣхать въ Франциско женой и мужемъ!

— Я не рѣшусь выдти замужъ, пока не осмотрюсь тамъ хорошенько.

— И не увидите дома? Ну, — въ этомъ есть резонъ. Только домъ есть, въ этомъ будьте увѣрены. И я не боюсь насчетъ того, что домъ вамъ навѣрное понравится. Наконецъ, какъ же вы одиѣ будете въ Санъ-Франциско? О, миссъ Мельмотъ, я цѣтаю къ вамъ такое чувство!

— Такъ я скажу вамъ, мы воѣ какъ сдѣлаемъ: вы можете считать себя моимъ женихомъ.

— Я, счастливѣйшій человѣкъ на этомъ континентѣ! — воскликнулъ Фискеръ, забывая, что онъ еще не въ Америкѣ.

— Но, — продолжала Мэри: — если по пріѣздѣ въ С.-Франциско я найду какой-нибудь поводъ измѣнить свое рѣшеніе, я измѣню его. Вы мнѣ довольно нравитесь, но я не хочу сканнуть куда-нибудь въ потемкахъ.

— Вѣрно, вѣрно; совершенно такъ.

Обѣ пары отплыли 3-го сентября изъ Ливерпуля въ Нью-Йоркъ. Вскорѣ по прибытіи въ Санъ-Франциско, Мэри вышла за Фискера.

ПО СЕЛАМЪ И ЗАХОЛУСТЪЯМЪ

ДЕРЕВЕНСКІЕ РАЗСКАЗЫ О. ЗАВЫТАГО.

VIII *).

Чтець, пѣвецъ и свѣщеносецъ.

I.

Антонъ Герасимычъ — человекъ «родовитый». Отецъ его былъ въ одномъ уѣздномъ городѣ протоіереемъ и, такъ-называемымъ, присутствующимъ. Въ уѣздѣ его считали весьма умнымъ и ученымъ «батюшкой». Онъ хорошо зналъ древніе языки и изъ новыхъ — французскій и нѣмецкій; часто говорилъ возвышенныя проповѣди, имѣлъ свою библіотеку и любилъ читать книги. Особенное уваженіе и даже удивленіе къ себѣ онъ возбуждалъ тѣмъ, что на храмовые праздники разсылалъ нѣкоторымъ изъ своихъ товарищей по курсу пригласительныя письма на еврейскомъ языкѣ. Но несмотря на такія достоинства, отецъ Герасимъ былъ совсѣмъ бесполезенъ для семьи. Его отношенія къ своимъ дѣтямъ были какія-то странныя, дикія. Вотъ какъ Антонъ Герасимычъ самъ послѣ рассказывалъ о своемъ воспитаніи.

«Тятенька мой, царство ему небесное, былъ умный человекъ, — ухъ, умный! — а чудакъ, и — Господи, — какой чудакъ! Онъ у насъ жилъ въ кабинетѣ, всегда въ кабинетѣ. Запретса тамъ

---

*) См. выше: май, 217; июнь, 736 стр.

и сидить—читаетъ, все читаетъ, все читаетъ, день и ночь читаетъ. Туда ему носили чай, тамъ онъ обѣдалъ и ужиналъ, тамъ и спалъ. Случится какая треба въ приходѣ,—сѣздить, и опять въ кабинетъ. Маменька моя и мы, дѣти, почти и не видали его, и боялись его, какъ звѣря лютаго. Бывало, кто скажетъ: тятенька идетъ,—мы всѣ отъ него въ рѣзсыпъ, кто куда! И не любилъ же онъ насъ—страсть!—терпѣть не могъ. Бывало, выйдетъ изъ кабинета, а мы, не замѣчая его, вертимся въ залѣ: онъ бацъ въ затылокъ—то того, то другого! Чертенята, скажетъ, вѣтакіе! Чтобы вашего духу здѣсь не было!... И поидетъ; а мы ухватимся за затылки, и—со всѣхъ ногъ—въ кухню. Ничему-то онъ насъ не училъ, какъ есть ничему. Всѣхъ насъ повывучила грамотѣ маменька, да и то тайкомъ. Бывало, залѣзешь съ часословомъ въ кухню, на палаты, и учишься, а маменька—сама стряпаеть, а сама подсказываетъ мнѣ. Разъ, сижу я такъ-то на палатахъ, вдругъ, откуда ни возмись, тятенька.—Антошка, что ты дѣлаешь?—«Ничего, тятенька».—Врешь, говоритъ, ты что-то дѣлаешь.—«Часословъ,—говорю,—читаю».—Я тебѣ,—говоритъ,—дамъ часословъ... и ушелъ. Однажды только, помню, тятенька былъ отчего-то веселъ, очень веселъ. Это было ночью. Ночь была свѣтлая, тихая. Вотъ тятенька вышелъ къ намъ и говоритъ: «ребята, поидемте на дворъ». Мы стоимъ. «Чего-жь вы,—говоритъ,—поидемте». Мы пошли, а сами прячемся другъ за друга, думаемъ: «батушки, что это онъ хочетъ съ нами дѣлать»... Только мы вышли на дворъ-то, тятенька и говоритъ: «смотрите, ребята, на небо». Мы стали смотрѣть на небо. И началъ намъ тутъ тятенька объяснять насчетъ неба, какая звѣзда какъ называется, отчего млечный путь, и долго, долго объяснялъ... А на другой день опять колотить... Пришло время меня везть въ шволу. Тятенька, сердитый-сердитый, отвезъ меня въ К., написалъ и съ тѣхъ поръ ни разу не ѣздилъ ни со мной, ни за мной,—а все, бывало, маменька. И плохо же мнѣ было жить! Протопопскій сынъ, а разуть, раздѣтъ былъ, книгъ у меня почти не было. И стали меня сѣчь, то и дѣло, бывало, сѣзуть. А тутъ тятенька померъ; взяли меня на казенное—и еще хуже мнѣ стало. Началъ я бѣгать изъ училища. Маменька, бывало, поколотитъ меня и поведетъ пѣшкомъ опять въ К. Дарить смотрителя ей было нечѣмъ, кромѣ утиральниковъ, да книгъ отцовскихъ. Всѣ книги и утиральники она передарила смотрителю, а меня все дерутъ и я все бѣгаю домой. Тринадцать разъ бѣгалъ! Какъ стали меня ребята дразнить: «тринадцатиразный бѣглякъ»,

и и говорю маменькѣ: «исключите меня, что-жъ тутъ?».. Она погоревала, погоревала—и исключила»...

II.

Получивъ желанное увольненіе, «тринадцатилетній бѣглець» очутился на распутии. Цѣлую недѣлю просидѣлъ онъ на печи у матери, придумывая для себя родъ жизни и дѣятельности.

— Въ солдаты пойду,—выкрикивалъ онъ изъ своего темнаго уединенія, послѣ долгаго молчанія.— Буду маршировать: разъ, два! Дослужусь до офицера, а тамъ и въ генералы; прійду домой вотъ съ этакими эполетами!..

— Дуракъ,—произносила мать, заложивъ чулочную спицу за ухо и посматривая на печку чрезъ громадные, двадцати-копѣечныя очки:—а какъ убьютъ на войнѣ, что ты тогда будешь дѣлать?

Антонъ, не предусмотрѣвшій возможности такого казуса, становился втупикъ, но только на время. Чрезъ нѣсколько минутъ услужливое и плодовитое воображеніе рисовало ему уже другую картину будущности, не менѣе привлекательную, и онъ выкрикивалъ:

— Въ мужики пойду! Буду воздѣлывать землю, продавать хлѣбъ, заведу постоянный дворъ, разбогачю и знать ничего не захочу.

— Оглашенный, что ты болтаешь?— снова возражала мать:— ну, что хорошаго ты нашель въ мужичествѣ? Мужикъ, какъ бы онъ богатъ ни былъ, все мужикъ; сиволапный да сиволапный,—только ему и чести. Какъ ты ни верти, лучше, благороднѣе нашего званія нѣтъ. У насъ и въ храму, и въ престолу божьему близко: удобнѣе и родителей поминать, и самому спасеніе приобрести. Ты выкинь изъ головы всякую пустопыль и ступай ко владыкѣ; прослезись и упади ему въ ноги: молъ, ваше пресвященство, пристройте меня въ престолу божьему. Получишь ты мѣстечко въ своемъ званіи и успокоишь мою старость. Вотъ тебѣ мой совѣтъ. Лучшаго тебѣ ничего не придумать.

Антонъ Герасимычъ принялъ совѣтъ матери, но не могъ сразу обуздать разыгравшагося воображенія. Ворочаясь на печи съ боку на бокъ, онъ нѣсколько времени продолжалъ еще вообразать себя въ различныхъ роляхъ: въ роли сапожника, приказнаго и т. п. Наконецъ, глубоко вздохнувъ, какъ-бы послѣ продолжительнаго, тяжелаго труда, онъ произнесъ: «пресвящен-

нѣйшій владыка... Господи... хоть бы, по крайности, въ городъ куда-нибудь»...

III.

Въ лѣто 18⁷⁷, мая 13-го дня, протоіерейскій сынъ, Антонъ Герасимовъ, былъ посвященъ «въ чтеца, пѣвца и свѣщеносца» къ Покровской церкви города К., со взятіемъ въ замужество дочери умершаго той же церкви пономаря, Коблучкова. Вмѣстѣ съ Серафимой Ивановной Антонъ Герасимовъ унаслѣдовалъ отъ своего предѣстника крошечный полуразвалившійся домишка. Домишка этотъ находился въ одномъ изъ самыхъ глухихъ переулковъ города и помѣщался по сосѣдству съ самымъ жалкимъ мѣщанствомъ. Группа мѣщанскихъ домишекъ бѣжала по косогору въ глубокую пропасть оврага, а домишекъ Антона Герасимова, какъ-бы совнавая привилегированное положеніе своего владѣльца, выступалъ изъ линіи своихъ «подлыхъ» сосѣдей и конфузливо и стыдливо прятался за заборомъ на дворѣ. Какъ-бы въ отищеніе за такую горделивость привилегированнаго домишка, сосѣдніе ребята постоянно изукрашивали заборъ Антона Герасимова злостными эпиграммами. На заборѣ его постоянно красовались сдѣланныя мѣломъ крупныя, безграмотныя надписи, въ родѣ слѣдующей: «ресторация, которая продающа пци сквозятенной». Антонъ Герасимовъ злился, негодовалъ на такое поношеніе, и каждый день преусердно стиралъ ветопшвой или мочалкой компрометирующія надписи; но злокозненныя надписи, какъ-бы по дѣйствию магической силы, каждое утро появлялись снова на привилегированномъ заборѣ. Потерявъ терпѣніе, Антонъ Герасимовъ, наконецъ, плюнулъ и пересталъ принимать мѣры противъ наглого поношенія. Выходя изъ дома и созерцая ненавистныя надписи, онъ каждый разъ ограничивался только ворчаньемъ: «у, дьяволы! Самимъ бы вамъ подавиться этими щами!...»

Домишекъ Антона Герасимова занималъ весьма ограниченную территорию, точно онъ помѣщался не въ обширной Россіи. Весь домъ его занималъ не болѣе восьми квадратныхъ аршинъ. Онъ раздѣлялся на двѣ половины крошечными сѣнями. Собственно такъ-называемые покои Антона Герасимова до того покосились на бокъ, что ведущая въ нихъ изъ сѣней дверь, казалось, не навѣшена была на петли, а приставлена къ притолкамъ подъ угломъ. Для сбереженія тепла въ комнатахъ въ холодное

время, хозяинъ набилъ на эту дверь безчисленное множество тряпоевъ, влововъ дерюги, рогожки и войлока, вслѣдствіе чего дверь сильно распухла и страшно отяжелѣла. Большія усилія требовались со стороны посѣтителя, чтобы эту укутанную дверь оттянуть отъ притолокъ на требуемое для прохода въ комнаты разстояніе. Но за то, когда посѣтитель начиналъ притворять дверь за собою, то она съ такимъ усердіемъ и съ такою быстротою спѣшила сберечь своему владѣльцу тепло, что неопытный и оплошный гость, не услѣвшій во-время принять мѣръ предосторожности, рисковалъ сдѣлать хозяину визитъ съ подшибленными или ободранными пятками. Внутренность покоевъ Антона Герасимыча раздѣлена была худенькими ширмами на три отдѣленія. Одно изъ нихъ занимала широкая, скрученная веревками, кровать счастливой четы; въ другомъ помѣщались два сундука, на которыхъ квартировалъ деревенскій мальчишка, Кузька, отданный Антону Герасимычу въ наученіе книжное; въ третьемъ находились: столъ, большой высокой сундукъ, накрывшій дерюгой и узурпаторски присвоившій себѣ значеніе дивана, три широкихъ, неокрашенныхъ стула и низенькая скамеечка. Вотъ весь комфортъ такъ-называемыхъ покоевъ Антона Герасимыча. Но, кромѣ этихъ покоевъ, у Антона Герасимыча была еще по другую сторону сѣней горница, величиною съ гардеробъ, которая, несмотря на существованіе въ ней микроскопической печки, называлась холодною,—вѣроятно потому, что квартировавшій въ ней за полтинникъ въ мѣсяцъ приказный хотя и прибавлялъ въ свою печку къ тремъ полѣнамъ хозяйскихъ дровъ нѣкоторое количество черновыхъ бумагъ и разнаго хлама, подобраннаго на улицѣ, но все-таки долженъ былъ вутаться въ шинель и упражняться въ скрежетѣ зубовъ.

IV.

Антонъ Герасимычъ былъ хозяинъ образцовый,—хозяинъ на всѣ руки. Дрова онъ покупалъ всегда самъ, покупалъ всегда во время и всегда выгодно; колодь ихъ на мельчайшія плашки также самъ, и затѣмъ выдавалъ плашки, какъ женѣ, такъ и квартиранту, по счету изъ-подъ замка. Замѣтитъ ли Антонъ Герасимычъ, что крыша протекаетъ въ какомъ-либо мѣстѣ—сейчасъ подыщетъ подходящую дощечку или щепочку, взгромоздится на чердакъ и мигомъ заложитъ предательскую дырку. Пойдетъ дождь,—Антонъ Герасимычъ поспѣшитъ на чердакъ, сядетъ подъ

своей недавней заплаткой и съ торжествомъ подтруниваетъ надъ безсиьной передъ его изобрѣтательностью стихией: «что, взялъ? взялъ? На-ка вотъ тебѣ! Не на того попалъ, братъ, палишь!»—съ сладкой улыбкой приговариваетъ онъ, сидя въ темнотѣ на корточкахъ.—Распатается ли столъ, прогнѣетъ ли подоконникъ, или обѣленная печка неосторожно обнажитъ красные кирпичи,—все это бдительный глазъ хозяина усмотритъ, а искусная, дѣловая рука его возстановитъ, исправитъ и приведетъ въ благоустроенное положеніе. Ни сапоговъ себѣ, ни башмаковъ женѣ онъ почти никогда не покупалъ и не заказывалъ, а все изготовлялъ самолично. Мастерству этому онъ обучился благодаря счастливой случайности. Это обстоятельство такъ замѣчательно, что стоить рассказать о немъ съ нѣкоторыми подробностями. Сторожъ Покровской церкви, при которой Антонъ Герасимычъ состоялъ церковнослужителемъ, былъ какъ-бы по призванію сапожникъ и весь свой досугъ употреблялъ на изготовленіе обуви, часто никому ненужной и нигуда несбываемой. Его-то искусство и эксплуатировалъ Антонъ Герасимычъ. Онъ былъ порядочный знатокъ души человѣческой и весьма искусно сумѣлъ подѣйствовать на слабую сторону сторожа Савельича, чтобы воспользоваться его почти даровыми уроками. (Говоримъ: почти даровыми, потому что можно ли считать достаточнымъ вознагражденіемъ за драгоценные уроки Савельича то, что Антонъ Герасимычъ иногда давалъ ему изъ своей табакерки понюхать, или въ иной праздникъ угощалъ его въ ближайшемъ кабацкѣ рюмкой водки?) Антонъ Герасимычъ давно слышалъ про таланты Савельича, но приступилъ къ нему не сразу, а исподоволь, чтобы не показатъ и вида, что онъ въ немъ нуждается (о, да и хитеръ же былъ Антонъ Герасимычъ!) Разъ была *его недѣля*. Это значило, что Антонъ Герасимычъ, оставивъ своего товарища по службѣ въ покоѣ, долженъ былъ въ теченіе недѣли каждый день благовѣститъ во всѣхъ службахъ и, стоя на правомъ клиросѣ, что называется, въ одно горло и пѣть, и читать почти всю службу. Вотъ, въ одинъ зимній, морозный будній день Антонъ Герасимычъ, взявши у попа ключи, отправился благовѣститъ къ ранней обѣднѣ. Благовѣсть къ ранней обѣднѣ полагался въ городѣ К. чрезвычайно рѣдкій, такъ что одинъ ударъ колокола слѣдовалъ за другимъ минуты черезъ три-четыре. Кромѣ того, въ будніе дни полагалось благовѣститъ въ сторожевой коловоколь, отъ котораго была протянута веревка къ двери церковной караулки; Антонъ Герасимычъ дернулъ за веревку, произвелъ на коловокольнѣ ударъ и юркнулъ въ караулку. Савельичъ, обложенный принадлежностями своего мастерства,

зажавъ между волѣнъ новый сапогъ, вбивалъ въ его подошву деревянные гвозди.

— Холодно, Савельичъ, обогрѣй, — проговорилъ Антонъ Герасимычъ, врякнувъ и потерявъ руки.

— Добро пожаловать, отвѣчалъ Савельичъ, замахиваясь на сапогъ молоткомъ.

— О, да и знатную же вещь ты сготовилъ! Кому это? не губернатору ли?

— Губернатору не губернатору, а не стыдно и ему надѣть, ежели не въ парадъ, то хоть для простого обихода.

— Да ужъ я тебя знаю: ты своей руки не испортишь. Золотыя у тебя руки, посмотрю я. Тебѣ равнѣ здѣсь шить-то? Тебѣ бы по настоящему на главную улицу, подъ золотую вывѣску: моль, Савелій Болотинъ! Да золотой сапогъ этакъ наотлетѣ, на желѣзномъ прутѣ... Вотъ какъ тебѣ по настоящему-то!

Сказавъ это, Антонъ Герасимычъ высочилъ изъ караулки, произвелъ новый ударъ и снова предсталъ передъ Савельича.

— Ты говоришь: золотыя руки, — самодовольно проговорилъ Савельичъ, — а ты думаешь, я родился съ этимъ мастерствомъ-то? Руки руками, а безъ собственного занятія тутъ ничего не подѣлаешь. Какъ возмѣлъ я непрестанное занятіе, вотъ и пошелъ. А то, братъ, нѣтъ... не дается. Мало ли изъ нашихъ темеръ... какъ есть не при чемъ, хоть что хопъ дѣлай; а все оттого, что къ занятію не способны.

— Да я вотъ, кажется, и очень способенъ, — вкрадчиво началъ Антонъ Герасимычъ, а безъ указанія ничего не могу произвести. Кажется, еслибы кто изъ опытныхъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ указаніе сдѣлалъ, вѣкъ бы такого человѣка уважать сталъ!

— Да ты вотъ ходи ко мнѣ, смотри да и навывай, — серьезно проговорилъ Савельичъ, откладывая конченный сапогъ въ сторону. Какой еще такой человѣкъ тебѣ нуженъ, коли есть вблизи свой опытный? Мы свои; бываетъ, и ты мнѣ на что-ни-на-есть пригоднись.

Опять высочилъ Антонъ Герасимычъ изъ караулки; съ особенной энергіей дернулъ онъ обѣими руками за веревку и, торопливо всочивъ на панерть, торжественно понюхалъ табаку...

Послѣ обѣдни Антонъ Герасимычъ домой же пошелъ, а отправился въ караулку и началъ тамъ свои желанныя уроки, вполнѣдствіи такъ пригодившіеся ему въ хозяйствѣ.

Бережливость Антона Герасимыча была вполнѣ достойна подражанія. Онъ обладалъ рѣдкимъ искусствомъ носить платье и обувь по нѣскольку лѣтъ, мало того что безъ починки, но даже

сохраняя въ нихъ свѣжесть и блескъ только-что сдѣланной об-
новки. Расколется ли ручка у ножа, Антонъ Герасимычъ тотчасъ
вдѣлаетъ черенокъ въ новую ручку. Липится ли чайная чашка
своей крупной ручке, Антонъ Герасимычъ и не подумаетъ изъять
безрукую чашку изъ употребленія, а заставитъ пить изъ нея до
тѣхъ поръ, пока она не обратится въ черепки. Одну безрукую
чайку Антонъ Герасимычъ даже предпочиталъ всякой новой и
особенно любилъ изъ нея пить чай. Это потому, что онъ видѣлъ
въ этой чашкѣ —

...Память лучшихъ дней
Жены теперешней своей,
Когда, наивна и мила,
Она невѣстою была...

Въ прозѣ это означаетъ то, что деликатная Серафима Ива-
новна, бывши еще невѣстою, подарила эту чашечку Антону
Герасимычу въ день его ангела.

У.

Антонъ Герасимычъ былъ не только хорошій хозяинъ, но и
любящій супругъ. Если и были у него съ супругою размолвки,
то большею частію изъ-за нѣкоторыхъ его слабостей, которыя
Антонъ Герасимычъ считалъ вполне извинительными, даже вовсе
почти не считалъ слабостями, но съ которыми Серафима Ива-
новна никакъ не могла примириться. Самою главною слабостію
его была *слабость къ приобретению злыхъ духовъ*, которыми
изукрашены были не только стѣны его покоевъ, но даже и
потолокъ. Тутъ можно было видѣть и бѣса, обвѣшеннаго тыкви-
цами и вдушаго соблазнить міръ, и группу бѣсовъ, поджари-
вающихъ въ котлѣ вѣдму, и бѣса, держащаго въ своихъ объ-
ятіяхъ Іуду съ кошелькомъ, и бѣсовскій танецъ въ келіи Ісавія
затворника, и толпу бѣсовъ, грозящихся кулаками изъ чаши лѣса
на преподобнаго Сергія и проч. и проч. Не довольствуясь этой
роскошною декорациею своихъ покоевъ, Антонъ Герасимычъ каж-
дый базарный день старался приобрести какого-нибудь еще «но-
ваго бѣса». Тутъ-то вотъ и происходили у него столкновения съ
Серафимой Ивановной. Сдѣлавши на толкучкѣ желанное при-
обрѣтеніе, и предвидя со стороны супруги неизбежную оппози-
цію, Антонъ Герасимычъ, для большей стойкости и свѣжести въ
предстоящей самозащитѣ, выпьетъ и, въ видахъ смягченія Сера-
фимы Ивановны, что-нибудь купить для нея (напримѣръ, гре-

бенку, половникъ или что-нибудь въ этомъ родѣ). Является онъ въ супругѣ, и начинается сцена.

— Вотъ я тебѣ, Серочка, половничокъ купилъ,—думаю: дай я ей что-нибудь по хозяйству...

— На что мнѣ твой половникъ? У меня есть.

— Дурочка ты этакая! Ну,—вдругъ расколется? Тогда, вѣдь, все равно надо покупать. А то вотъ онъ и есть, готовый. Надо смотрѣть впередъ.

— То-то впередъ!.. Я знаю, къ чему все это: небось опять за пазуху нечистой силы напекать?

— Я, душечка, только одного...

— Такъ и есть! Тыфу ты, навожденъ!..

— Очень ужъ хорошъ: никакъ нельзя было не купить. Посмотри-ка.

— Отойди ты отъ меня и вымой руки, а то и за столъ не пушу.

— Нѣтъ, ты посмотри: ей-Богу, у меня такого во всемъ домѣ нѣтъ. Крылышки колючіе, какъ у ерша, съ перепончовой, а отъ нихъ точно синій огонекъ, а морда точь-въ-точь какъ у нашего старосты. Это паче всего и прельстило меня, а то бы пожалуй и... тово...

— Грѣховодникъ! Какъ тебѣ не совѣстно? А еще христианинъ называешься... Добрые люди стараются стѣны-то честными иконами изукрасить, а онъ на нихъ нечисти налѣпилъ, да еще и любитъ! Да воскреснетъ Богъ и расточатся... Вѣдь ужъ въ комнатѣ-то страшно стало одной оставаться, а тебѣ все еще мало *изъ*... Чего оскалываешься-то? Съ тобой говорить — только языкъ сквернить, да еще наливавшись при этомъ...

— Ну, а ты молчи, чистая! Такихъ чистыхъ-то за хвостъ, да палкой... Наладила: нечистый, нечистый! Послушала бы ты, какъ объ этомъ умные люди толкуютъ, такъ иное бы понятіе получила въ разсужденіи этого предмета. Я вотъ недавно ходилъ на семинарскую квартиру стричь одного богослова, такъ онъ объ этомъ понимаетъ совсѣмъ напротивъ, и очень вѣрно понимаетъ. Что ты, въ самомъ дѣлѣ, плюешь на нечистыхъ-то? Да кабы я былъ уменъ и хитеръ, какъ бѣсъ, я бы тогда всѣхъ въ мірѣ важныхъ людей пересоблазнилъ и себѣ подъ сапогъ подложилъ! Да! У меня бы тогда всѣ подъ мою дудку заплясали; я бы тогда выстроилъ такія хоромы, что дворянское собраніе наше имъ въ подметку не годилось бы. Да! Понавѣшалъ бы люстры на потолокъ—страсть! и у меня было бы такое восплаженіе, какъ

въ соборѣ на храмовой праздникъ. Да! А то: нечистый, нечистый... Тогда ты первая сказала бы: чистый... Да!..

VI.

Антонъ Герасимычъ былъ въ значительной степени артистъ и даже нѣсколько поэтъ. Купивши на толкучкѣ скрипку за три четвертака, онъ самоучкой выучился играть на ней и въ добрыя минуты, обыкновенно вечеромъ послѣ чаю, услаждалъ слухъ Серафимы Ивановны. Сядетъ онъ на сундукъ, положить ноги на скамеечку, склонить голову на бокъ и подъ собственный аккомпаниментъ запоетъ: Реку Бо-гу, реку Бо-о-о-огу-у-у... Э-эхъ, —

Черная галка,
Чистая полянка...
Ты же Марусѣнка черноброва
Чего не ночуешь дома?..

Послѣднее слово Антонъ Герасимычъ вытянетъ отчаяннѣйшимъ фальцетомъ и откинетъ голову назадъ.

— О, да и скрипка же, — прелесть! — заключить онъ: — пяти рублей теперь за нее не возьму.

— Скрипка-то хороша, да скрипачъ-то безалаберный, — замѣтитъ Серафима Ивановна: — точно кто толкаетъ его съ божественнаго-то; ни одного духовнаго гѣснопѣнія до конца не допоетъ.

— Ну, ничего, ничего; ты только слушай, — успокоительно проговоритъ Антонъ Герасимычъ и продолжитъ свой винигретный концертъ.

Не рѣдко вдохновенная фантазія Антона Герасимыча проявляла свою дѣятельность въ созданіи каррикатуръ — на попа, на благочиннаго и т. п. Наиболѣе удачныя на его взглядъ каррикатуры онъ приклеивалъ надъ своей постелей, и, ложась спать, острилъ съ супругою надъ изображенными имъ лицами.

Особенно любилъ Антонъ Герасимычъ каррикурировать своего сотоварища — дьячка Ѳедота Ивановича, по прозванію Ребусъ. (Прозваніе это дали Ѳедоту Ивановичу квартировавшіе у него семинаристы, имѣя при этомъ въ виду не что иное, какъ извѣдѣнную оспію фізіономію своего хозяина). Въ какихъ только видахъ не изображалъ его Антонъ Герасимычъ! Причина, по которой онъ изощрялъ свое остроуміе надъ Ѳедотомъ Иванычемъ, заключалась въ томъ, что Ѳедотъ Иванычъ былъ задорный со-

перникъ и непримиримый врагъ Антона Герасимыча. Собственно говоря, Ѳедотъ Иванычъ былъ добрый человекъ, но какъ на солнцѣ есть пятна, такъ и въ этомъ добромъ человекѣ было нѣчто недоброе. Дѣло въ томъ, что Ѳедотъ Иванычъ страдалъ хроническимъ насморкомъ и поэтому вообразилъ, что у него есть бась. Это бы еще ничего: всякій человекъ можетъ заблуждаться; но Ѳедотъ Иванычъ мало того, что заблуждался, но — что важнѣе всего — гордился передъ Антономъ Герасимычемъ своимъ фиктивнымъ басомъ и часто поставлялъ ему на видъ свое превосходство передъ нимъ съ этой стороны. «Таковыя гордыни» Антонъ Герасимычъ никакъ не могъ перенести, ибо какъ супруга его, такъ и прихожане единодушно увѣряли его, что у него голосъ гораздо «прорѣзистѣ», чѣмъ у Ѳедота Иваныча, хотя и Антонъ Герасимычъ, — сказать по правдѣ, — не страдалъ настоящимъ басомъ. Вотъ Антонъ Герасимычъ и взялся досаждать своему дерзкому сопернику всѣмъ, чѣмъ только могъ. Не довольствуясь карриатурами на него, Антонъ Герасимычъ задумалъ прижать его въ дѣлежѣ. У него съ Ѳедотомъ Иванычемъ заключено было условіе дѣлить вѣнчальные *подножки* такимъ образомъ, чтобы отъ одной свадьбы пользовался подножками Антонъ Герасимычъ, а отъ другой Ѳедотъ Иванычъ и т. д. Случилась въ ихъ приходѣ свадьба. Подъ ногами вѣнчающихся оказался платокъ. Свадьба кончилась. Начался дѣлежъ. Антонъ Герасимычъ схватилъ платокъ, принадлежащій, по условію, Ѳедоту Ивановичу, и говорить:

— Не дамъ тебѣ одному платокъ; давай дѣлить каждыя подножки пополамъ.

— Да какъ же дѣлить пополамъ платокъ? — возразилъ Ѳедотъ Ивановичъ: — разорвешь его, что же изъ него выйдетъ?

— А мнѣ какое дѣло! Пополамъ, и кончено.

— Ну, рви съ угла на уголь: по крайности косынка выйдетъ.

— Не хочу съ угла на уголь, давай вдоль.

— Съ ума что ли ты сошелъ? Куда же мнѣ тогда влобъ платка-то дѣвать? Бросить?

— Ну, и брось.

— Такъ лучше ужъ возьми — подавись одинъ.

— Вотъ такъ-то лучше, — съ торжествомъ проговорилъ Антонъ Герасимычъ и спряталъ платокъ раздора за пазуху.

Долго потомъ Антонъ Герасимычъ вспоминалъ объ этомъ дѣлежѣ и отъ души хохоталъ надъ побѣжденнымъ противникомъ.

VII.

Когда Антону Герасимычу приходилось сходиться съ такими собратіями, между которыми онъ не видѣлъ себѣ соперниковъ, то не было предѣловъ его хвастовству и самодурству. Разъ онъ, измѣривъ своими стопами восьмидесятиверстное пространство, явился въ своему вятю, сельскому дьякону, на храмовой праздникъ. У дьякона первое мѣсто между гостями занималъ отецъ его, дьячокъ уѣзднаго города В. Дѣло было лѣтомъ. Почетный гость сидѣлъ въ святомъ углу, въ длинномъ ваточномъ суконномъ сюртукѣ. Страшная жара душила его, и онъ, тряся бортами разстегнутаго сюртука, метался въ стороны и въ волненіи бормоталъ: ой-ой-ой, Господи! Что-жъ это за жара такая, царница небесная!

Антонъ Герасимычъ, безцеремонно снявъ съ себя все, что обыкновенно снимають съ себя люди только ложась въ постель, сидѣлъ вовлѣ почетнаго гостя и помѣшивалъ ложечкой чай, наполовину разбавленный ромомъ.

— Стойте, молчите!—кричалъ Антонъ Герасимычъ:—съ бубенями ѣдутъ.

Всѣ стихли, но бубеней не оказалось. Черезъ минуту, Антонъ Герасимычъ, продолжая мѣшать ложечкой свой чай, снова остановилъ гостей тѣмъ же возгласомъ. Бубеней и на этотъ разъ не оказалось. Дѣло объяснилось тѣмъ, что Антонъ Герасимычъ, въ смутномъ состояніи своихъ мозговъ, принялъ звонъ ложечки въ своемъ стаканѣ за звукъ бубеней. Произошелъ всеобщій смѣхъ.

— Вы чего смѣетесь?—вскричалъ иллюзионеръ.—Каждый изъ васъ что такое? Нуль, ничего больше. Ты, бородачъ, чего залѣзъ въ большой уголъ? Не тебѣ, а мнѣ тамъ сидѣть. Я губернсвій, и имѣю басъ. Ты думаешь, у меня нѣтъ баса? Есть, только я берегу его для свадьбы; а коли хочешь, и сейчасъ покажу.

Антонъ Герасимычъ всталъ изъ-за стола, выпрямился и завопилъ: «а ж-жена да боится своего-о-о му-у-ужа»...

Онъ до того плѣнился своимъ басомъ, что почти неумолкаемо повелѣвалъ женѣ бояться своего мужа. Одна изъ племянницъ Антона Герасимыча приняла, наконецъ, мѣры противъ его горлодерства. Она взяла платокъ и, подсѣвши въ безпоясному дядѣ, закрывала ему ротъ при каждомъ покушеніи съ его стороны возгласить: «а ж-жена»...

Антонъ Герасимычъ окончательно терялъ равновѣсіе духа и крайне безалаберничалъ.

— Ваничка, душенька, вѣдь я тебя люблю, — обращался онъ къ почетному гостю; но, замѣтивъ на его лицѣ насмѣшливую улыбку, вдругъ перемѣнялъ тонъ. — О, рыжій дьяволъ! Чего же ты оскаленешься? Ты вспомни только, гдѣ ты живешь. Вѣдь ты живешь въ самомъ тухломъ городишкѣ. Я былъ тамъ; знаю его хорошо: двѣ церкви, одна улица, да два оврага. Зашель въ лавку вашего главнаго купца — тѣфу! — висять рукавицы, да двое возжишекъ въ нитку толщиной. Это у нихъ торговля! Я бы въ такомъ городишкѣ недѣли не прожилъ.

— Ну, вы, губернскіе! — поддразнилъ почетный гость. — Ужъ гдѣ найти такихъ лизоблюдовъ, какъ вы? Чуть вкрестить въ святцахъ — бухъ въ большой коловолъ! Клиторша именинница — бухъ въ большой коловолъ.

— А что-жь такое, — защищался Антонъ Герасимычъ: — у насъ по крайней мѣрѣ есть во что бухнуть: коловола-то чисто московскіе. А у васъ самый скверный коловолишка, у ямщика изъ-подъ дуги украли. А служба-то у насъ! Съ вашей что ли сравнить? По нашему, напримѣръ: а ж-же-на-а-а-бба!...

Племянница Антона Герасимыча запломбировавала при этомъ ему ротъ и обезобразила его возгласъ.

VIII.

Какъ ни странно было поведеніе Антона Герасимыча у родныхъ на праздникъ, онъ не только не потерялъ ихъ расположенія къ себѣ, но, отправляясь домой, получилъ отъ нихъ даже весьма важное порученіе — поучить уму-разуму и привѣтить племянника, который вскорѣ долженъ былъ поступить въ духовное училище города К.

Наступилъ сентябрь. Племянника Антона Герасимыча, Стѣпу, привезли въ губернский городъ и помѣстили въ огромную семинарскую артель, неподалеку отъ дома дядюшки.

— Будь ты ему, пожалуйста, вмѣсто отца родного, — въ десятый разъ упрашивала Антона Герасимыча мать Стѣпы, севозъ слезы: — наставь, вразуми, присмотри за нимъ. Самъ знаешь, дитя на чужой сторонѣ...

— Толковать тамъ еще! — съ достоинствомъ проговорилъ Антонъ Герасимычъ: — главное — пусть слушается, да не грубитъ, а ужъ я свое сдѣлаю.

Мать уѣхала, Стѣпа заскучалъ... Кончили уроки — скучно. Вышелъ за ворота, — посидѣлъ на скамеечкѣ — скучно. Куда дѣваться? Отпросился къ дядѣ.

— Ну, что, Стѣпа, скучно? — спросилъ Антонъ Герасимычъ, поздоровавшись съ племянникомъ.

— Скучно, дяденька, — тихо проговорилъ Стѣпа, комкая въ рукахъ фуражку.

— А ты убѣги домой, — спокойно и серьезно проговорилъ Антонъ Герасимычъ,ковыряя въ носу. — Что тутъ за жизнь? Каждый день учишь, ходи въ классъ, а тамъ еще накажутъ. Пожалѣть некому. Бормытъ плохо: щи да каша. А дома-то? Ты вспомни... Чай каждый день два раза, лепешки, пироги; маменька приласкаетъ; на улицѣ съ ребятами поиграешь. Какъ же можно сравнить? Убѣги да и все.

— Что ты болтаешь? Въ умѣ ли ты? — вступилась Серафима Ивановна: — самъ бѣгалъ — много набѣгалъ? И другимъ того же желаешь?.. Хорошо, у тебя своихъ-то дѣтей нѣтъ... Не слушай его, Стѣпа, не слушай, батюшка. Учишь изо-всѣхъ силъ, чтобы непременно быть священникомъ, а не прохвостомъ какимъ.

— А ты молчи, не мѣшай, — ограничилъ Антонъ Герасимычъ супругу: — онъ не тебѣ поручень, а мнѣ... Стѣпа, ты видѣлъ бѣсовъ? Посмотри-ка вотъ... хорошъ вѣдь? а? Это, братецъ ты мой, у него тыевицы понавѣшены.

Стѣпа мелькомъ взглянулъ на тыевицы и, закрывшись фуражкой, вдругъ зарыдалъ.

— Чего же ты, дурачокъ этакій? — мягко заговорилъ Антонъ Герасимычъ: — ты мальчишъ умненькій. Ну, перестань. Перейдешь въ семинарію — штаны тебѣ подарю. У меня есть отличные штаны, совершенно новенькіе, только они мнѣ велики. А ты будешь тѣло-сложенія виднаго, и они тебѣ, какъ разъ, тогда въ пору придутся. Да что тамъ штаны! Я тебѣ еще и картузь подарю, не такой, какъ у Ѳедотки Ребуса (ты, вѣдь, знаешь Ѳедотку Ребуса?) У него на козырькѣ-то семьдесятъ-семь воронъ усядутся; а у тебя козырекъ будетъ аккуратненькій и будетъ блестѣть, какъ зеркальце, точно лакомъ покрытый.

IX.

Но прежде чѣмъ успѣлъ Стѣпа дойти до семинаріи, въ жизни его дядюшки произошла весьма важная перемѣна, совершенно разрушившая впослѣдствіи его убогое благосостояніе. Антонъ Герасимычъ почему-то внезапно позавидовалъ зажиточности сельскаго духовенства и рѣшилъ, во что бы то ни стало, перейти въ село, несмотря на сопротивленіе Серафимы Ивановны. Случай представился, и Антонъ Герасимычъ, уложивъ въ сундукъ всѣхъ своихъ нечистыхъ духовъ, отправился на невѣдомое, но заманчивое новоселье.

Въ сельской глуши Антонъ Герасимычъ предался несчастной слабости, частію отъ тоски, частію отъ неудачъ, какія онъ терпѣлъ вслѣдствіе своего невѣжества въ *сельскомъ* хозяйствѣ. Боясь потерять мѣсто, онъ всячески старался подслужиться своему попу и почти закрѣпостился у него въ работники.

Между тѣмъ годы шли своимъ чередомъ. Стѣпа перешелъ въ семинарію. У новаго настоятеля Антона Герасимыча подростокъ сынъ и его положено было отвезти въ училище. Антонъ Герасимычъ вздумалъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для своихъ видовъ и порекомендовалъ своего племянника попу въ репетитора для его сына...

Въ одно осеннее послѣ-обѣда, Антонъ Герасимычъ вмѣстѣ съ своимъ священникомъ и его мальчуганомъ явился въ квартиру Стѣпы, ставшаго уже Степаномъ Семенычемъ.

Поздоровавшись съ племянникомъ, Антонъ Герасимычъ началъ рекомендовать ему своего настоятеля.

— Это вотъ... его высокоблагословеніе, нашъ батюшка...

— Священникъ села Звѣробойка, Иванъ Васильевичъ Стручковъ—свороговоркою докончило высокоблагословеніе.—Ваше имя и отчество?

— Степанъ Семенычъ.

— Вотъ, Степанъ Семенычъ, мой сыночекъ (поклонись, Вася!) котораго я желалъ бы... къ вашему покровительству.

— Извольте, извольте,—съ удовольствіемъ.

— Я человекъ... какъ видите... Вотъ и Антонъ тоже... Герасимычъ Антонъ тоже засвидѣтельствуетъ. Мы съ нимъ такъ, что... онъ то и дѣло ко мнѣ. Возьмите въ особенное вниманіе Васю моего, чтобы онъ не запалился и къ дѣлу былъ бы внимательнѣе.

— Да ужъ вы, ваше благословеніе, не беспокойтесь,—вмѣ-

пался Антонъ Герасимичъ: — онъ вамъ мальчика стотовить въ лучшемъ видѣ, такъ что и не узнаете, — вотъ какъ стотовить! Вы положитесь на меня. Вѣдь Степанъ-то мой; я его и воспитать-то, можно сказать... Стѣпка, слышишь? — неожиданно строго проговорилъ онъ, обратившись къ племяннику: чтобы было все въ лучшемъ видѣ, иначе я тебя, мерзавца, хуже этого картуза сдѣлаю!

И Антонъ Герасимичъ съ ожесточеніемъ смялъ въ кулакѣ свой засаленный картузъ.

Степанъ Семеновичъ почувствовалъ себя весьма неловко. Отецъ Иванъ постарался сдѣлаться какъ можно болѣе любезнымъ къ нему и затѣмъ поспѣшилъ удалиться, утащивъ съ собою и грознаго дядю его.

Х.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Степанъ Семеновичъ, кончивъ курсъ въ семинаріи, поступилъ въ академію. Вспомнилъ онъ какъ-то своего дядюшку и послалъ ему любовное письмо съ своей фотографической карточкой. Антонъ Герасимичъ расчувствовался и сочинилъ племяннику отвѣтное посланіе.

«Пречистый твой образъ, — писалъ онъ ему, — я получилъ и возрадовался, и поклоняюсь ему. Только, судя по художавости образа сего, хочу тебѣ по родству внушить замѣчаніе, въ разсужденіи твоего здоровья, а также и твоихъ занятій. Къ чему ты такъ убиваешься надъ наукой? Поналъ въ свое мѣсто, и дождайся своего высокаго рѣшенія. Твое отъ тебя теперь ужъ не уйдетъ. Вѣдь я знаю тебя съ училища еще. Ты, должно быть, и теперь такъ же, какъ и тогда: съ воскресенья готовишь уроки на среду. Ну, къ чему это? Ты подумай: сколько бы ты ни учился, Богомъ не будешь, и царемъ не будешь; стало быть, и толковать нечего. А здоровье вещь важная, — я по себѣ сужу! Я вотъ у попа надъ дровами какъ вѣдь себя надсадилъ — страсть. Утромъ насилу встанешь. Не могу ужъ и стихи сочинять. Вотъ теперь письмо-то тебѣ стихами бы слѣдовало, а не могу. Въ селѣ только и сочинилъ одинъ стихъ:

У попа нашего псовъ,
Что у меня въ избѣ бѣсовъ.

Душевный дядя твой Антонъ Вороновъ.

Незадолго до окончанія курса въ академіи, Степанъ Семеновичъ получилъ отъ дяди еще письмо, написанное самымъ жалостнымъ и униженнымъ тономъ.

«Возлюбленный мой Степанъ Семеновичъ! — зывалъ Антонъ Герасимычъ:— скоро ты придеши къ своему концу. Сподобляйся, голубчикъ, сподобляйся. Времена тяжкія, — къ кому мы приближимъ? Помнишь, какъ я бывало... съ тарелочкой обойду по церкви, сейчасъ и суну тебѣ копѣечку. Ну, да что объ этомъ толковать? Мы свои; отчего и не подѣлиться, когда есть чѣмъ?.. А пошь меня пуще прежняго нагнетаетъ, не взирая на то, что я у него и дрова колю, и воду ношу и прочее дѣлаю. Все грозить, по случаю неисправности, донести. Господи, Господи! Лучше бы я въ мастеровые... Это меня все маменька тогда... царство ей небесное! Къ престолу, говорить, ближе; вотъ и приблизился: какъ Іовъ на гноищѣ сижу. Жена здорово хвораетъ, того и гляди— къ маменькѣ отправится. Да ужъ и мнѣ, должно быть, скоро. Не забудь въ царствіи своемъ сокрушеннаго и смиреннаго дядю твоего Антона».

Черезъ полгода Степанъ Семеновичъ узналъ, что дядя его умеръ у попа въ сараѣ, «отъ нетрезвости», и что Серафима Ивановна отправилась «къ маменькѣ» нѣсколькими недѣлями ранѣе своего супруга.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е декабря, 1875.

Взятка прежде, и взятка теперь.—Московский Судный банкъ, и акцизное дѣло въ виленской губерніи.—Отчетъ Публичной библіотеки за 1874 г.—Поѣздка министра народнаго просвѣщенія на югъ.—Дѣла въ Коканѣ.—Сообщенія «Правительственнаго Вѣстника», и дѣйствія Англій въ Египтѣ. — Кончина В. К. Чевкина.

Современный русскій прогрессъ, какъ еще вѣзмъ памятно, начался съ весьма невиннаго дѣла, — съ обличенія взятокъ. Это было уже давно, дѣтъ восемнадцать тому назадъ, а пожалуй и больше, если включить въ нашу эпоху Гоголевскаго „Ревизора“. О пользѣ гласности заговорили прежде всего въ примѣненіи къ обличенію взяточничества, и первое употребленіе гласности было сдѣлано именно съ этой дѣлю. Повторяемъ,—это было давно, или кажется намъ давно, потому что мы пережили съ тѣхъ поръ нѣсколько умственныхъ поворотовъ. Какъ отдаленно представляется намъ теперь то время, когда Шедо-Ферротъ издалъ свою брошюру о „злоупотребленіяхъ и неспособности въ администраціи“, и когда комедія „Свѣтъ не безъ добрыхъ людей“ имѣла огромный успѣхъ. Самыя дѣла тогдашняго обличенія кажутся намъ нынѣ устарѣлыми, онѣ объявлены были впоследствии мелкими и вышли изъ моды. Одной причиною тому было нѣкоторое самообольщеніе добросовѣстной русской печати, предположившей, что она призвана къ болѣе видной роли, что для нея возможно непосредственное вліяніе на болѣе важныя дѣла. Но другою причиною было то обстоятельство, что просто вѣзмъ надобно обличеніе взяточниковъ мелкихъ.

Произведены были реформы, изъ которыхъ первою по времени была отмѣна откуповъ и введеніе акцизной системы сбора съ имѣй. Общество торжествовало успѣхъ; напрасно приверженцы стараго режима съ злорадствомъ повторяли слова Канкрина Биселеву при учрежденіи отдѣльнаго министерства государственныхъ имуществъ:

„такъ вы людей возьмете себѣ въ чиновники, а я, батюшка, полагаю, что вы возьмете ангеловъ“. Общество имѣло право торжествовать, радоваться само за себя: нашлись не ангелы, но люди порядочные для аквизной реформы, и она вполне удалась; далѣе, при осуществленіи величайшей изъ реформъ, нашлись еще порядочные люди — первые мировые посредники, которые честно и правильно поставили это дѣло, отбросивъ всякій сословный эгоизмъ. Общество радовалось за себя, радовалось такому свидѣтельству, что въ немъ сохранились элементы нравственного здоровья, несмотря на давній періодъ застоя. Съ благодарностью вспоминались свѣтлыя имена передовыхъ писателей, которые въ трудное время обязательнаго безмолвія или иносказанія сумѣли поддержать хоть въ нѣкоторой части русскаго общества стремленіе къ свѣту и правдѣ, стремленіе, которое спасло отъ полной деморализаціи цѣлое поколѣніе.

Но вотъ чрезъ русскую жизнь прошла новая пора условій, несовсѣмъ благоприятныхъ для того, чтобы мысль, однажды прояснившаяся, могла созрѣть и окрѣпнуть въ прочное, цѣльное и безспорное общественное мнѣніе. Пора эта принесла свои разочарованія, смутила чистый потокъ юной общественной мысли; доказала однимъ, что многое, о чемъ они мечтали, невозможно; другимъ, что возможно лишь то, о чемъ и мечтать не стоить; третьимъ, что при такихъ обстоятельствахъ вѣрнѣйшее средство для всаческаго успѣха во всякой карьерѣ есть фальшивый либерализмъ на явнѣ, съ бюрократизмомъ въ душѣ, служеніе общественному дѣлу на словахъ, и подставленіе ему всякихъ тормазовъ въ дѣйствительности, честность въ рѣчахъ, а на дѣлѣ набиванье своего кармана такимъ образомъ, чтобы и „невинность сохранить, и капиталъ приобрѣсти“. Такому подготовительному настроенію какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало то развитіе барышничества и спекуляціи всякаго рода, которое было вызвано быстрою постройкою желѣзныхъ дорогъ, до 15-ти тысячъ верстъ, въ какія-нибудь семь лѣтъ, созданіе многихъ цѣнностей, особенно удобныхъ для спекуляціи, и умноженіе бумажныхъ денегъ, которое, производя дороговизну, наталкивало людей какъ-бы насильно на побочные пути, и вмѣстѣ, по экономическому закону, вызывало къ жизни множество промышленныхъ предпріятій, преимущественно спекулятивнаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, промышленность производительная развивалась въ Россіи за это время безъ всякаго сравненія медленнѣе и туже, чѣмъ концессионное дѣло съ учрежденіемъ акціонерныхъ обществъ, или торговля бумажными цѣнностями и банковое дѣло, на половину опирающееся на помощь государственнаго банна, на четверть — на призраки, и только, быть можетъ, на одну четверть — на собственные капиталы.

Къ какимъ же нравственнымъ результатамъ пришли мы теперь, мы, которымъ вопросъ „о взяткахъ“, поднятый 18-тъ лѣтъ тому назадъ, кажется устарѣлымъ, мелкимъ, не заслуживающимъ и воспоминанія, какимъ-то смутнымъ преданіемъ изъ нашей дѣтской комнаты? Официальными заявленіями при новомъ преобразованіи учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, въ прошломъ году, положительно удостовѣрено, что „первыя“ мировые посредники было гораздо лучше вторыхъ и послѣднихъ; судебными преніями въ виленскомъ судѣ въ истекшемъ мѣсяцѣ выяснено, что „старые“ дѣятели по акцизному управленію были лучше новыхъ. А что мы въ октябрѣ видѣли въ одномъ изъ московскихъ банковъ, какое мнѣніе читали мы въ ноябрѣ, высказанное въ „Русскихъ“ и „Московскихъ“ вѣдомостяхъ недавно еще избраннымъ городскимъ головой Москвы, г. Шумахеромъ? Мы видѣли, что всѣ члены совѣта московскаго ссуднаго банка и два члена правленія были привлечены къ слѣдствію по уголовному обвиненію; что до 31-го октября потерпѣвшихъ отъ ихъ дѣйствій лицъ оказалось уже 598 человекъ, и убытокъ ихъ исчисляется въ болѣе 4¼ милл. рублей. Мы читали, что московскій городской голова, узнавъ объ опасномъ положеніи банка, въ которомъ онъ былъ членомъ совѣта, не только поспѣшилъ взять изъ него около 140 т. р. изъ своихъ вкладовъ на текущемъ счету, не только считалъ возможнымъ воспользоваться свѣдѣніемъ, какое онъ получилъ, какъ членъ совѣта, о положеніи дѣлъ банка, чтобы вынуть изъ него три-четверти своего капитала, въ то время, когда другіе вкладчики *не знали* о положеніи банка,—но еще объявляетъ такое дѣйствіе вполне дозволеннымъ, оправдываетъ себя тѣмъ, что оно не запрещено положительнымъ закономъ, увѣряетъ, что это дѣло „совершенно невинное“; что членъ совѣта—такой же вкладчикъ банка, какъ и всякій другой; что если при этомъ могъ быть вредъ для кого-нибудь, то „развѣ только другимъ вкладчикамъ банка (которые ничего не знали), то-есть такимъ лицамъ, отъ которыхъ онъ (г. Шумахеръ) никакого полномочія не имѣлъ“. Человекъ, который былъ облеченъ довѣріемъ не только акціонеровъ банка, но всего московскаго городского общества, человекъ, котораго должно во всякомъ случаѣ считать однимъ изъ виднѣйшихъ представителей всего русскаго общества, проповѣдуетъ такую мораль; онъ, членъ совѣта съ окладомъ, оправдываетъ себя въ катастрофѣ банка полнымъ *незнаніемъ* его операций до 5-го октября и неучастіемъ своимъ въ теченіи цѣлаго года въ періодическихъ ревизіяхъ; а тотъ фактъ, что затѣмъ *знаніе* свое онъ употребилъ прежде всего для того, чтобы вынуть три-четверти своихъ вкладовъ, объясняетъ такъ: „такое дѣяніе никакимъ закономъ (!) не преслѣдуется по той простой причинѣ, что въ немъ нѣтъ не только ничего преступнаго, но и пред-

осудительнаго". Если *такой* человекъ думаетъ оправдать себя *такими* соображеніями передъ тѣмъ обществомъ, котораго онъ служилъ представителемъ, то какого же онъ мнѣнія о нынѣшнихъ нравственныхъ воззрѣніяхъ русскаго общества? Какого мнѣнія мы сами должны быть о себѣ въ виду такихъ фактовъ?

Оставимъ въ сторонѣ приведенные примѣры. Каждому изъ насъ могутъ быть извѣстны другіе сходные, не менѣе краснорѣчивые, но пока еще не удостовѣренные гласно. Что такое вообще *дѣла*, въ настоящій моментъ русской жизни, какъ смотреть на *дѣла* большинство людей, которые ими занимаются? Струсбергъ, говорятъ, въ управѣ благочинія упоминалъ о какихъ-то 40-ка процентахъ. Но кому же неизвѣстно, что негласные проценты бываютъ у насъ нынѣ *въ большинствѣ дѣла*. Для всякаго дѣла, при началѣ его, и потомъ во всѣхъ его фазисахъ, нужно содѣйствіе лица или лицъ съ капиталомъ, и лица или лицъ со значеніемъ. Послѣднія у насъ необходимѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Какъ пріобрѣтается то и другое содѣйствіе? Не отнесется ли затѣвающій или ведущій дѣло прямо въ правленіе банка съ предложеніемъ принять участіе въ дѣлѣ, могущемъ дать этому банку выгоды? Не пойдетъ ли онъ прямо къ главному начальнику—объяснять ему пользы, могущія послѣдовать для государства или мѣстности отъ предлагаемаго предпріятія? О, нѣтъ. Такъ наивно поступаютъ у насъ нынѣ только такіе изобрѣтатели, которые предлагаютъ новое рѣшеніе квадратуры круга или, пожалуй, аэростатъ новаго устройства. За то для такихъ предложеній, во всѣхъ мѣстахъ и у всѣхъ лицъ, и заведены особенные картонны. Но не такъ поступаютъ дѣльцы „серьезные“, предлагающіе „серьезныя“ же дѣла, въ смыслѣ исходатайствованія себѣ въ распоряженіе значительной суммы или значительнаго права. Они сводятъ знакомство съ человекомъ, который можетъ познакомить ихъ только со знакомымъ какого-нибудь лица, близкаго тому человеку, который именно и нуженъ. Во всякомъ учрежденіи есть все-таки одинъ человекъ, отъ котораго наиболѣе все зависитъ. Спросите о желѣзныхъ дорогахъ, о банкахъ, *чьи* они? — Знающіе вамъ прямо назовутъ въ каждомъ дѣлѣ фамилію того, отъ кого оно преимущественно зависитъ. Другое дѣло—административное мѣсто, конечно; не только департаментъ, но и никакая административная контора, конечно, никому не могутъ принадлежать. Но все-таки въ каждомъ мѣстѣ есть такой человекъ, который особенно вліятеленъ и далеко не всегда онъ — начальникъ того мѣста. Старую поговорку можно нынѣ измѣнить такимъ образомъ, что „не мѣсто держитъ человека, но человекъ держитъ мѣсто“—въ своихъ рукахъ.

И вотъ, по знакомымъ домамъ, а часто и по ресторанамъ, богѣе или менѣе роскошнымъ, начинается ищущій блага карабкаться вверхъ

но нити, которая передъ нимъ постепенно развѣртывается. Его „сводить“ съ нужными людьми,—это техническій терминъ. А. свелъ его съ В., который можетъ свести его съ В., а тотъ можетъ уговорить Г., отъ котораго уже все зависить. Остальное—одна формальность, которая имѣетъ серьезное значеніе только для наивныхъ людей, идущихъ путемъ формальнымъ. При постепенныхъ знакомствахъ съ разными буквами азбуки, ипущій блага оставляетъ на хвостикѣ каждой изъ нихъ ключокъ собственного имущества и обѣщаніе доли изъ искомаго блага. Обѣщаніе это почти всегда исполняется; нѣтъ на Руси столь вѣрныхъ векселей и закладныхъ, какъ эти обѣщанія между четырехъ глазъ, безъ всякаго документа, потому что всякому будетъ еще нужда впредь по тому же дѣлу, а кто разъ не сдержалъ обѣщанія, не раздѣлил добычи, тому никогда болѣе не будетъ хода: „съ нимъ нельзя имѣть дѣла“ — вотъ каковъ будетъ убійственный ему приговоръ; и то, что дали, когда-нибудь при случаѣ отнимуть, навредивъ вдвое. Вотъ гдѣ проявляется настоящій-то нашъ русскій современный кредитъ, на неразвитость котораго жалуются добрые ученые экономисты: какаго же еще развитія кредита надо, когда вѣрятъ почти на слово и даютъ наживаться на чужой счетъ, вѣря въ честное исполненіе человѣкомъ даннаго имъ обѣщанія? Мимо того лица, которое свело его съ другимъ лицомъ, искатель блага уже никогда не долженъ и обращаться къ этому лицу, иначе прежній же посредникъ постарается испортить отношенія сведенныхъ имъ; если же и обращается прямо, то не иначе, какъ съ дѣлешкомъ для посредниковъ, такъ чтобы доля каждаго изъ добытыхъ имъ благъ досталась въ пользу каждаго изъ участвовавшихъ въ посредничествѣ. Между тѣмъ, посредники эти въ болѣе части случаевъ не то, что профессиональные маклера, такъ-называемые *courtiers* или комиссіонеры. Они занимаютъ общественныя должности и получаютъ не нимъ оклады жалованья; они секретари, бухгалтеры, товарищи по управленію тѣхъ самыхъ лицъ, съ которыми сводятъ искателей. Иногда они только ихъ пріятели. Итакъ, въ первомъ случаѣ посредники эти пользуются своей службой и оказываемымъ имъ довѣріемъ для пріобрѣтеній, которыя должны быть признаны взятками; во второмъ случаѣ, они учитываютъ на чистыя деньги, продаютъ по частямъ свое пріятельское отношеніе къ лицу вліятельному, свое нравственное на него вліяніе.

Такимъ образомъ, серьезный человѣкъ, принимаясь за дѣло, успѣваетъ порядочно поиздержаться и обременить себя обязательствами еще ранѣе, чѣмъ дѣло будетъ окончательно рѣшено и обставлено формальнымъ образомъ. Плодомъ этихъ предварительныхъ усилій и издержекъ бываетъ еще только склонность вліятельнаго человѣка

выслушать проектъ просителя и вступить съ нимъ въ переговоры. Въ этихъ переговорахъ, конечно, принимается въ разсмотрѣніе самая сущность дѣла, степень дѣйствительной выгоды его; но одно это соображеніе дѣла не рѣшаетъ, иногда оно даже не бываетъ главнымъ. Существенный вопросъ теперь въ томъ, сколько можетъ лично нажать на устройствѣ этого дѣла тотъ вліятельный человѣкъ, который готовъ оказать ему свое содѣйствіе. Если дѣло не общаетъ несомнѣнно-вѣрныхъ и скорныхъ доходовъ—а какое дѣло общаетъ ихъ?—то вліятельный человѣкъ можетъ не удовольствоваться 25-ю процентами, со всей суммы, которую онъ побудитъ общество выдать искателю; онъ можетъ сообразить, что надо будетъ еще кого-нибудь склонить и настроить тѣми же средствами къ той же цѣли, и потребовать 40, 50 процентовъ съ денегъ, которыя между тѣмъ вѣдь выдаются только какъ ссуда, подлежащая возвращенію изъ доходовъ, съ уплатою еще 6, 8 или 10 процентовъ! Итакъ, львиную часть въ дѣлѣжѣ, происходящемъ помимо того учрежденія, чьи деньги общаются въ ссуду, получаетъ вліятельный человѣкъ; это и есть его колоссальная взятка, это и есть настоящій его доходъ, безъ всякаго сравненія превышающій не только окладъ его жалованья, но и всѣ тѣ барыши, какіе онъ можетъ получить какъ участникъ учрежденія, если оно имѣетъ коммерческой, частный характеръ. Этимъ-то путемъ составляются въ нѣсколько лѣтъ состоянія, между тѣмъ какъ безкорыстный человѣкъ, пусть онъ по жизни былъ директоромъ департамента, министромъ и членомъ государственнаго совѣта, умереть, оставивъ послѣ себя наслѣдство въ какія-нибудь 30 тысячъ рублей, взятыя или за женой, или отложенныя годами изъ содержанія.

А при чемъ остается компанія или учрежденіе, которое выдало ссуду подъ вліяніемъ вліятельнаго сочлена? Положимъ, не при семи милліонахъ убытку, какъ московскій судный банкъ; но нерѣдко оно вытягивается такимъ путемъ въ безнадежное дѣло на милліонъ рублей для того, чтобы вліятельный сочленъ нажилъ 300 тысячъ личной выгоды.

Съ другой стороны, прожектёръ, который, получивъ наконецъ на свое предпріятіе, положимъ, 200 тысячъ, уже издержалъ изъ нихъ 50—75 тысячъ впередъ, за самое полученіе ссуды, долженъ теперь разсчитывать свое предпріятіе такъ, чтобы съ остальныхъ 150 или 125 тысячъ добывать такой чистый доходъ, который далъ бы ему возможность уплачивать 8% съ капитала въ 200 тысячъ и погасить эту ссуду въ опредѣленное число лѣтъ. Само собою разумѣется, что при правильной коммерческой дѣятельности это невозможно. Но оно можетъ оказаться возможнымъ при равныхъ добавочныхъ усло-

нѣяхъ. Если онъ успѣлъ заинтересовать въ своемъ дѣлѣ, посредствомъ уступки части его, лицо вліятельное въ другомъ мѣстѣ, онъ можетъ получить средства извлечь и изъ бѣснадежнаго, повидимому, дѣла большія выгоды. Такъ онъ можетъ получить казенный заказъ на такую сумму, что одни задатки дадутъ ему уже возможность возвратитъ прежнюю ссуду, если она была кратковременная, или часть ея. Залоги же, подъ задатки онъ найдетъ за проценты у тѣхъ же лицъ, которыя ему покровительствуютъ. Потомъ начинается исполненіе заказа, съ исходатайствованіемъ разныхъ отсрочекъ, льготъ и разсрочекъ субсидій. Въ концѣ-концовъ, выжавъ изъ дѣла, что можно, онъ, при покровительствѣ, можетъ учредить для его эксплуатаціи акціонерную компанію и при этомъ получить обычные барыши учредителя. Такимъ образомъ, само дѣло служитъ для настоящихъ дѣльцовъ только предлогомъ для финансовыхъ оборотовъ разнаго рода, полученія ссудъ и разсрочекъ, выпуска акцій и облигацій, и весьма часто случается, что на самое дѣло идетъ не болѣе половины тѣхъ денегъ, которыя были выручены разными лицами подъ его предлогомъ.

Не всѣмъ, конечно, выпадаетъ, завидная въ глазахъ массы посвященныхъ, роль покровительствуемаго концессіонера или предпринимателя. Не всѣмъ дѣльцамъ, хотя бы самымъ бойкимъ и безцеремоннымъ, достается положеніе вліятельныхъ членовъ. Само собою разумѣется, что куски соразмѣряются съ капиталомъ, связями, дѣятельностью и даже способностями каждаго. Но и меньшіе куски въ этой травлѣ акціонеровъ и вообще публики все-таки таковы, что въ сравненіи съ ними ничтоженъ самый высокій заработокъ. Серьезный дѣлецъ въ частномъ, то-есть коммерческомъ и преимущественно акціонерно-компанейскомъ быту, обыкновенно начинаетъ свою карьеру съ того, что, успѣвъ заслужитъ нѣкоторое довѣріе исполненіемъ комиссій, повышается къ роли фальшиваго, подставнаго акціонера въ общихъ собраніяхъ. Ему указывается, какъ подавать голосъ и предписывается что говорить, если онъ къ тому способенъ. Иногда отъ него не требуется даже много ораторскаго искусства, какъ только одна безцеремонность въ перерывахъ, восклицаніяхъ, знакахъ одобренія или неодобренія. За одну такую услугу, въ одно засѣданіе, онъ можетъ „заработать“ нѣсколько сотъ рублей, то-есть столько, сколько не заработаетъ въ одинъ день ни писатель, составившій эпоху въ своей литературѣ, ни величайшій государственный дѣятель, ни даже—модный докторъ. Удачное исполненіе такой роли, имѣющей значеніе интриги и обмана, даетъ дѣльцу виды на проведеніе его тѣмъ вліяніемъ, которому онъ служитъ, въ члены ревизіонной комиссіи. Здѣсь ему также не представляется никакой работы, въ прямомъ и

честномъ значеніи этого слова. Работу исполняютъ служащіе спеціалиты бухгалтеріи за малое, сравнительно, вознагражденіе. Его дѣло только въ томъ, чтобы „гнуть“ туда, куда слѣдуетъ. Человѣку, побывавшему членомъ ревизіонныхъ комиссій, отерывається доступъ въ члены правленія или совѣта. На этомъ мѣстѣ онъ все-таки работать нѣсколько не обязанъ; даже чѣмъ менѣе будетъ „соваться“, тѣмъ лучше. Ему внушается, что дѣлать и говорить. Но за то ему не запрещается быть членомъ правленія или совѣта въ нѣсколькихъ обществахъ—и вотъ гдѣ главная приманка для дѣльцовъ средней руки. Забирание нѣсколькихъ, весьма значительныхъ окладовъ въ однѣ руки, *le simul*,—вотъ что процвѣтаетъ на Руси въ настоящее время, и вотъ то увѣнчаніе зданія, какое имѣетъ въ виду начинающій дѣлецъ, лишенный капитала. Такимъ образомъ, люди безъ капитала и безъ особенныхъ способностей, успѣвають однако получать тысячь по двадцати въ годъ содержанія, а изъ этого итога уже и отложить что-нибудь можно. „Кумулированіе“ должностей процвѣтаетъ не въ однихъ акціонерныхъ учрежденіяхъ, но и въ административныхъ, какъ общественныхъ, такъ и коронныхъ. Есть люди, которые успѣвають такъ-сказать служить по всѣмъ „реформамъ“: и по судебной части, и по городскому управленію, и въ кредитныхъ учрежденіяхъ, и въ нѣсколькихъ акціонерныхъ обществахъ. Они-то и познали истинный глаголь „настоящаго времени, когда“ вопросъ уже не въ обличеніи другихъ, какъ въ доброе давнее время, но въ обезпеченіи себя. Само собою разумѣется, что при такомъ захватѣ однимъ человѣкомъ множества должностей, онъ ни одной изъ нихъ не въ состояніи исполнить порядочно, что, впрочемъ, отъ него и не требуется. Такимъ образомъ дѣлецъ средней руки, начавъ свою карьеру со взятковъ за сведеніе людей и съ подлога при составленіи такихъ акціонерныхъ собраній, которыя состоятъ не изъ акціонеровъ, но распоряжаются ихъ деньгами, кончаетъ свою карьеру полученіемъ нѣсколькихъ большихъ окладовъ за то, чтобы ничего не дѣлать, чтобы въ правленіи правилъ одинъ человѣкъ, а совѣтъ обращенъ былъ въ подписывательную машину. Это вошло въ нравы, никто повидимому этому не удивляется, никто не находитъ этого предосудительнымъ, и членъ совѣта московскаго ссуднаго банка, г. Шумахеръ, даже оправдывается тѣмъ, что о важнѣйшихъ операціяхъ банка и близкой его несостоятельности онъ ничего не зналъ до самаго того времени, когда знаніе уже пригодилось ему для востребованія его вкладовъ изъ банка, которому министръ финансовъ отказалъ въ помощи. Заведчики и предприниматели, покупающіе себѣ непомѣрными взятками ссуды изъ общественныхъ денегъ, затѣмъ становятся въ условія, невозможныя для правильной, нормальной производительности, и ста-

раются посредством новыхъ иснаній и соглашеній заручиться пособіями въ разныхъ видахъ отъ казны. Банки, въ свою очередь, выдавая ссуды подъ вліяніемъ „вліятельныхъ членовъ“, во-первыхъ, увеличиваютъ свои обороты безъ всякой соразмѣрности къ своему основному и запасному капиталамъ, а во-вторыхъ, принимаютъ иногда въ обезпеченіе—цѣнности и обязательства столь сомнительнаго свойства, что еслибы при внезапномъ сильномъ востребованіи необусловленныхъ сроковъ владовъ, потребовалась реализація портфеля, то быть можетъ ни одинъ частный банкъ не устоялъ бы, безъ особой помощи со стороны государственнаго банка, на которую они и рассчитываютъ. А государственный банкъ, оказавъ такую помощь, можетъ быть этимъ только отсрочивалъ бы кризисъ и помогать бы частнымъ банкамъ сдѣлать ихъ положеніе еще болѣе опаснымъ, такъ что когда-нибудь могъ бы наступить такой „крахъ“, который уже и государственный банкъ оказался бы безсильнымъ остановить.

Наконецъ, крупнѣйшіе дѣльцы, вліятельнѣйшіе члены всѣхъ возможныхъ предпріятій—желѣзно-дорожные концессионеры—не что иное, какъ представители новой системы откуповъ, которая можетъ доставлять обильные источники лицамъ, стоящимъ уже совершенно внѣ промышленной и коммерческой сферы,—лицамъ, которымъ должны подчиняться, уже и безъ дѣлежа, цѣлые ряды болѣе скромныхъ дѣятелей. Эти лица могутъ ходатайствовать о субсидіяхъ и заказывать тѣмъ предпріятіямъ, въ которыхъ имъ предоставлены акціи, имѣть свои заводы подъ чужими именами, и т. д. Однимъ словомъ, создается откупная система, со всѣми ея нравственными послѣдствіями для общества и самой администраціи, но только система гораздо болѣе могущественная, чѣмъ та, въ силу которой получали негласные оклады частные прѣстава, исправники и полиціймейстеры того времени.

Вотъ современное положеніе того вопроса о „взяткахъ“, который представляется нынѣ устарѣлымъ и забытымъ. У насъ не только не забыли брать взятки, но, наоборотъ, забыли, что взятку слѣдуетъ называть взяткой. Взятка въ новой формѣ стала называться „долею“, дозволеннымъ коммерческимъ вознагражденіемъ; приобрѣтеніе возможно большаго взятка такого рода стало только свидѣтельствомъ ума, коммерческой ловкости и опытности человѣка, оно вѣнчается ему въ заслугу, какъ вполнѣ современное отличіе. Такой человѣкъ слыветъ дѣльнымъ и даже либеральнымъ, потому что цѣнить не чины и кресты, но деньги. А между тѣмъ, сколько изъ такихъ людей должны быть признаны взятчиками самаго худшаго сорта. Мы никого не называемъ и не можемъ назвать по имени, а потому слова наши не должны быть относимы и къ тому имени, которое встрѣ-

тилось въ нашихъ нитатахъ. Полученіе оклада членомъ совѣта, безъ всякаго наблюденія съ его стороны за дѣлами банка, есть еще наименьшее и невиннѣйшее изъ золъ, на которыя выше указано.

Пора обществу очнуться и оцѣнить по достоинству всѣ нравственныя и матеріальныя послѣдствія, какія могутъ быть плодами такого положенія дѣлъ. Мы знаемъ, что для нравственнаго усилія, для нравственнаго поворота въ обществѣ условія неблагопріятны. Періоды общественной апатіи не прекращаются, пока дѣйствуютъ причины, ихъ вызвавшія. Но пусть хоть опасеніе серьезныхъ матеріальныхъ потерь, возможность повторенія у насъ, вслѣдствіе особыхъ нашихъ обстоятельствъ, еще ббльшаго „краха“, чѣмъ тотъ, который былъ недавно вызванъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ другими условіями, побудитъ общество требовать повѣрокъ, серьезнѣе относиться къ выбору лицъ, насколько оно можетъ имѣть вліяніе на ихъ избраніе, и не поощрять своимъ сочувствіемъ и вмѣстѣ своей завистью такихъ людей, которымъ вполне прилично прежде имя ввѣточниковъ.

Что наступленіе болѣе серьезнаго кризиса на биржевыхъ рынкахъ у насъ возможно, это доказано тѣмъ пониженіемъ цѣны бумагъ, которое послѣдовало за крушеніемъ одного банка въ Москвѣ. Такъ, напримѣръ, венгерскія займы упали, въ какія-нибудь пять недѣль, съ 237 и 229 до 195 и 189. При чемъ было крушеніе одного частнаго банка въ такомъ паденіи государственныхъ цѣнностей? Въ немъ ясно сказалось опасеніе, что кризисъ однимъ этимъ банкомъ не ограничится, что на продажу можетъ быть предъявлена цѣлая масса запасныхъ средствъ, а покупателей можетъ вовсе не оказаться. Правда, въ то же самое время за границей, въ Берлинѣ и въ Лондонѣ, упали русскіе фонды вообще, и это объяснялось газетами—причинами политическими, опасеніями за нарушеніе мира. Но паденіе бумагъ собственно у насъ означало вовсе не это. Фонды держались у насъ шрѣпко, и значительному пониженію подверглись только венгерскія займы, въ ихъ качествѣ бумагъ преимущественно спекулятивныхъ. Вмѣстѣ съ ними, значительно упали—было въ цѣнѣ другія спекулятивныя бумаги, какъ-то, московско-раванскія и рыбиско-бологовскія акціи. Значитъ, испугались именно спекуляціи. Вро-чемъ, еще болѣе положительное уваженіе на причину этого перелома у насъ давало одновременное паденіе цѣны акцій всѣхъ частныхъ банковъ и преимущественно волжско-камскаго. Значитъ, въ пониженіи отразился именно привракъ возможности „краха“.

По поводу несостоятельности московскаго ссуднаго банка, въ печати было высказано много соображеній о необходимости ограничить власть директоровъ-распорядителей, о придаваніи ббльшаго значенія совѣтамъ, о назначеніи болѣе частыхъ ревизій, даже объ измѣненіи

законовъ, въ смыслѣ предоставленія правительству большаго контроля въ банковомъ дѣлѣ, причѣмъ, какъ всегда, повторился споръ о пользѣ и вредѣ регламентаціи въ промышленномъ дѣлѣ. Но не трудно понять, что всѣ эти отдѣльныя мѣры, какъ бы онѣ хороши ни были, и какъ бы строго онѣ ни примѣнялись въ первые мѣсяцы послѣ испуга, будутъ значить не много сравнительно съ общимъ смысломъ всего нашего положенія. При существующихъ условіяхъ и при тѣхъ понятіяхъ, которыя нынѣ устанавливаются въ обществѣ, отдѣльныя мѣры весьма скоро теряютъ свою силу, и дѣло пойдетъ прежнимъ порядкомъ до новаго кризиса. Въ частности же, весь споръ о регламентаціи банковъ сводится на весьма простую альтернативу: если учрежденіе частнаго банка требуетъ законодательнаго утвержденія, а дѣйствія его подчинены контролю правительства въ известной мѣрѣ, то уже и слѣдуетъ держаться начала дѣйствительности этого контроля. Если же признать, что въ промышленномъ дѣлѣ конкуренція можетъ служить болѣе дѣйствительной гарантіей солидности и благоразумія предпріятій, чѣмъ регламентація, — въ такомъ случаѣ слѣдуетъ принять другое начало, а именно, осуществить принципъ свободы банковъ, такъ какъ нормальной и дѣйствительной конкуренціи не можетъ быть безъ свободы.

Переходя къ дѣлу, судившемуся въ истекшемъ мѣсяцѣ въ виленьской соединенной палатѣ уголовного и гражданского суда, по обвиненію въ разныхъ преступленіяхъ акцизныхъ чиновниковъ, гг. Ушакова и Чирикова — которые были оправданы — оставимъ сначала въ сторонѣ прамыя нарушенія закона, какія въ этомъ дѣлѣ отражались. Укажемъ сперва на весьма любопытный циркуляръ департамента неокладныхъ сборовъ, прочтенный при докладѣ этого дѣла: „Министръ финансовъ, — значитса въ этомъ документѣ, — приказалъ сообщить управляющимъ, что въ послѣднее время обнаружено нѣсколько случаевъ, что должностныя лица акцизнаго управленія довѣряли свои капиталы и имущество, за плату, винопромышленникамъ для представленія въ залогъ по рассрочкѣ акциза, дѣлали у нихъ займы денегъ и вообще входили съ лицами, торгующими предметами, подлежащими акцизному надзору, въ денежные расчеты и сдѣлки. Непозволительность подобныхъ дѣйствій, хотя бы они и не прямо воспрещались закономъ, — вродолжалъ циркуляръ, — очевидно и не нуждается въ объясненіи“. Непозволительность подобныхъ дѣйствій, хотя бы они и не прямо воспрещались закономъ, повторимъ мы, дѣйствительно очевидна для всякаго, кто сохранилъ твердыя нравственныя убѣжденія. Но, прибавимъ мы, не менѣе очевидна и распространенность подобныхъ неправоуказанныхъ дѣйствій, прямо закономъ не

воспрещенныхъ. Вѣдь, напримѣръ, все объясненіе г. Шумахера всецѣло построено на убѣжденіи, что дѣйствія, прямо закономъ не воспрещенныя, должны быть признаны позволенными, невинными и даже нравственно-безукоризненными. И еслибы тѣмъ акцизнымъ чиновникамъ, которыхъ имѣлъ въ виду приведенный циркуляръ, позволить сослаться на извѣстные всѣмъ или очень многимъ примѣры, то можно себѣ представить, какіе курьёзные факты изъ современной русской жизни были бы въ первый разъ переданы на письмѣ. Законъ, само собою разумѣется, всѣхъ не позволительныхъ дѣйствій предвидѣть и специфировать не можетъ. Въ законѣ не выражено, что вліятельное лицо не должно помѣщать своихъ капиталовъ въ такія предпріятія, на ходъ дѣлъ которыхъ оно можетъ оказывать вліяніе, пользуясь своимъ официальнымъ положеніемъ. Это дѣлали некрупные акцизные чиновники, какъ мы узнаемъ изъ циркуляра. Но мало ли кто это же дѣлалъ, въ гораздо большихъ размѣрахъ, о чемъ всѣмъ намъ, быть можетъ, извѣстно безъ помощи всякаго циркуляровъ.

Но въ томъ специальномъ дѣлѣ, о которомъ мы говоримъ теперь, косвенно обнаруживаются не только не позволительныя дѣйствія, прямо не воспрещенныя закономъ, а еще злоупотребленія, закономъ предвидѣнныя и составляющія прямое его нарушеніе. Дѣло о чиновникахъ Ушаковѣ и Чириковѣ имѣетъ значеніе не только по важности для государства отысканія злоупотребленій, уменьшающихъ главный государственный доходъ, но еще и по характеристичности самого того факта, что подъ судъ, какъ видно изъ судебного приговора, попали именно честные люди, постоянно стремившіеся къ раскрытію злоупотребленій.

Акцизный доходъ доставляетъ казнѣ 186 милл. рублей. Защитникъ подсудимыхъ, присяжный повѣренный Утинъ, въ рѣчи, которая можетъ почитаться образцовою, по усвоенію себѣ ея авторомъ весьма сложной технической стороны дѣла и замѣчательной ясности ея изложенія, а также по той логической силѣ, съ которою въ этой аргументаціи выяснена истинная роль обѣихъ сторонъ, — замѣтилъ, что если предположить, что по всей Россіи въ акцизномъ дѣлѣ будутъ совершаться такія злоупотребленія, какія были обнаружены по двумъ заводамъ виленской губерніи, то убытокъ казнѣ составилъ бы „болѣе 70 милліоновъ рублей, украденныхъ у казны и у народа“. Злоупотребленія совершаются преимущественно посредствомъ неправильнаго записыванія чиновникомъ показаній дѣйствующаго на каждомъ заводѣ контрольнаго снаряда. Этотъ снарядъ состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: барабана со счетчикомъ, который показываетъ повороты барабана и такимъ образомъ измѣряетъ, какое количество спирта въ ведрахъ и штофахъ прошло чрезъ снарядъ, — и пробника,

въ который при каждомъ оборотѣ барабана выдѣляется частица вина, такъ что въ пробникѣ собирается общая проба всего выкуреннаго вина, испытываемая впослѣдствіи акцизнымъ надзоромъ. Такимъ образомъ, получаютъ всѣ данныя для учета, а именно показаніе объема и крѣпости выкуреннаго вина. Отъ акцизнаго чиновника, разумѣется, зависитъ записать эти показанія вѣрно или невѣрно. Если онъ станетъ записывать невѣрно, чтобы облегчить пошлину для завода, то впослѣдствіи уже невозможно провѣрить несходство его удостовѣренія съ показаніемъ контрольнаго снаряда. Съ 1863 года, когда была введена въ дѣйствіе нынѣшняя акцизная система, сперва все шло хорошо, опредѣленные вначалѣ чиновники оказались и продолжаютъ оказываться честными до сихъ поръ. Но въ послѣдніе годы стали обнаруживаться злоупотребленія. Специально въ виленской губерніи съ конца 1871 года стало появляться корчемное вино, т.-е. такое, которое, не бывъ оплачено пошлиною, могло быть продаваемо дешевле оплаченнаго. Окружный надзиратель Чириковъ и бухгалтеръ Ушаковъ попали на слѣдъ злоупотребленій, которыя практиковались акцизными чиновниками на двухъ заводахъ, поставскомъ и будславскомъ, и раскрыли всю систему этихъ злоупотребленій. Провѣривъ заводскія книги, они нашли въ этихъ книгахъ очевидныя противорѣчія: въ винокуренной книгѣ показывалось выкуреннымъ вино, напр., въ 50 градусовъ крѣпости, а въ подвальной книгѣ показывалось отпущеннымъ съ завода вино крѣпостью въ 75 и до 87 градусовъ, то-есть такое, какое, судя по винокуренной книгѣ, на заводѣ совсѣмъ не выкуривалось. Чириковъ и Ушаковъ составили протоколъ и препроводили дѣло къ судебному слѣдователю; искъ казны въ этомъ дѣлѣ простирался до 150 т. руб. Но управляющій акцизными сборами въ губерніи, г. Дихеусъ, какъ то удостовѣрено прокуроромъ, принялъ всѣ мѣры, чтобы повестъ это дѣло не судебнымъ порядкомъ, а административнымъ путемъ и вообще остановить обнаруженіе злоупотребленій. Чирикову на его донесенія онъ писалъ: „отъ васъ не требовалось никакихъ объясненій“, и т. д. Чирикова онъ перевелъ въ другой округъ а Ушакову далъ повышеніе и вслѣдъ затѣмъ зачислилъ его, безъ жалованья, по акцизному управленію, то-есть уволилъ отъ должности. Ушаковъ отправился въ Петербургъ и подалъ министру финансовъ докладную записку, въ которой объяснилъ всю систему злоупотребленій. Министръ послалъ ревизоромъ г. Вентцеля. При производствѣ дознанія, всѣ старые чиновники, представители перваго поколѣнія акцизнаго вѣдомства, сдѣлали заявленія, совершенно согласныя съ содержаніемъ докладной записки Ушакова. Дѣло было передано судебному вѣдомству, но заводы представили объясненіе, что несоотвѣтствіе показаній въ кни-

какъ произошло оттого, что на заводахъ „гнали воду“, а не только вино. Департаментъ неокладныхъ сборовъ далъ отзывъ, что гонка воды на винокуренномъ заводѣ не запрещена закономъ, и привлеченные къ отвѣтственности были, на основаніи этого отзыва, освобождены отъ нея судомъ. Но замѣчательно, что затѣмъ заявленія чиновниковъ, согласныя съ докладомъ Ушакова, полученныя г. Вентцелемъ, не могли быть отысканы нигдѣ. Ревизоръ отозвался, что „оставилъ ихъ въ Петербургѣ“; департаментъ отозвался, что у него ихъ нѣтъ.

Далѣе, во время присутствія ревизора въ Вильнѣ, обнаружилось злоупотребленія на заводѣ краснянскомъ; гг. Дихеусъ и Вентцель оставили ихъ безъ вниманія; затѣмъ злоупотребленія обнаружались на другихъ заводахъ; здѣсь уже одинъ изъ винокуровъ самъ сознался, что они значительно уменьшали количество градусовъ. Но ни управляющій, ни ревизоръ не подвергли ихъ преслѣдованію; дѣло началось опять независимо отъ нихъ, по частному заявленію. Между тѣмъ акцизный сборъ по губерніи понизился на 33% за два послѣдніе года, несмотря на то, что размѣръ акциза былъ возвышенъ за это время съ 6-ти коп. до 7-ми, то-есть, что увеличена подать съ народа. Результатомъ было, что злоупотребленія раскрыты не были, устранены были даже данныя для ихъ раскрытія, заключавшіяся въ донесеніяхъ чиновниковъ, согласныхъ съ запискою Ушакова; но за то—эти чиновники были уволены управляющимъ отъ должностей, а Ушаковъ и Чириковъ, по его представленію, были преданы суду по обвиненію въ многоразличныхъ преступленіяхъ, числомъ до двадцати. Въ числѣ собранныхъ противъ нихъ и представлявшихъ всевозможныя натяжки обвиненій находились, напр., такія: обвиненіе въ покупке лѣса для дома по цѣнѣ низшей, чѣмъ во сколько обошелся лѣсъ продавцу; между тѣмъ слѣдствіе показало, что лѣсъ покупался у лица, которое никакого отношенія къ акцизному дѣлу и винокурению не имѣло; обвиненіе въ утайкѣ 10-ти рублей, между тѣмъ какъ разслѣдованіе обнаружило, что въ своевременномъ внесеніи этихъ денегъ въ уѣздное казначейство имѣлась квитанція, и т. п.

Мы отзываемся такимъ образомъ о дѣйствіяхъ управляющаго не на одномъ основаніи разсужденій защитника подсудимыхъ, но на отзывѣхъ прокурорской власти, какъ-то: „всѣ подобныя распоряженія и дѣйствія г. Дихеуса никакъ не соответствуютъ тому довѣрію, которымъ г. Дихеусъ былъ облеченъ, какъ управляющій акцизными сборами губерніи, и показываютъ, что онъ не желалъ ни обнаруженія нарушеній на заводахъ, ни возбужденія по нимъ преслѣдованія, и потому выражалъ свое неудовольствіе тѣмъ, кому принадлежалъ починъ открытія этихъ злоупотребленій“. Другой отзывъ прокурор-

скаго надзора по этому дѣлу: „изъ разбора настоящаго дѣла и всѣхъ указанныхъ въ немъ данныхъ, какъ общій выводъ, вытекають два обстоятельства: во-первыхъ, неосновательность и въ нѣкоторыхъ случаяхъ неблагоприятность обвиненій, вводимыхъ управляющимъ Дихеусомъ противъ бывшихъ надзирателя Чирикова и бухгалтера Ушакова, служебная дѣятельность которыхъ была вполне честнаго и полезнаго направленія; и во-вторыхъ — дѣйствія самого г. Дихеуса не только были направлены къ удаленію отъ службы честныхъ лицъ акцизнаго надзора и къ поощренію *противоположной* дѣятельности, но и сами по себѣ составляли нарушенія закона въ разныхъ видахъ“.

Все, что сказалъ и что могъ сказать защитникъ въ пользу обвиненныхъ и противъ ихъ обвинителей, — все это блѣднѣетъ предъ такими полномѣсными и рѣшительными отзывами прокурорскаго надзора. Разумѣется, гг. Чириковъ и Ушаковъ были судомъ оправданы; но всей вѣроятности, за этимъ процессомъ возникнетъ другое судебное дѣло. Но важнѣе, необыкновенно характеристиченъ тотъ фактъ, что первымъ результатомъ указанія на дѣйствительныя злоупотребленія было преданіе суду—кого?—тѣхъ лицъ, которыя хотѣли раскрыть эти злоупотребленія, хотѣли исполнить свой долгъ. Полюжимъ, они оправданы, и, благодаря суду надъ ними, открылась вѣроятность новыхъ, болѣе основательныхъ обвиненій. Но такой результатъ, какъ онъ самъ по себѣ ни утѣшительнѣе, не можетъ заслонить предъ нашими глазами той безотраднѣй картины, которой настоящее дѣло послужило зеркаломъ. Говорить, было время, когда почти всѣ брали взятки, а кто взятковъ не бралъ, такъ тотъ „за то въ Бога не вѣровалъ“. Говорить, эти времена прошли, они уже далеки отъ насъ. Но если оцѣнить по совѣсти то положеніе дѣлъ, которое отразилось хотя бы въ исторіи московскаго ссуднаго банка и въ дѣлѣ акцизныхъ злоупотребленій по виленской губерніи, то едва ли не слѣдуетъ сознаться, что упомянутыя времена вовсе еще не представляютъ баснословнаго періода, сравнительно съ нынѣшнимъ. Существенное различіе, быть можетъ, въ томъ только и состоитъ, что прежде, кто бралъ взятку, не скрывалъ ни отъ себя, ни отъ общества, что онъ беретъ взятку; вещи въ то время назывались по именамъ и новое поколѣніе подрастало безъ повязки на глазахъ. Молодые люди могли сознательно избирать путь грязный, подъ вліяніемъ грубаго эгоизма, или путь чистый, честный, подъ вліяніемъ своихъ добрыхъ инстинктовъ, путь, на который имъ указывали передовые писатели. Вотъ отчего въ то время, несмотря на поврежденіе общественной нравственности, могли возрасти люди, которые явились потомъ честными дѣятелями для осуществленія реформъ. Нынѣ бѣда въ томъ, что вещи по именамъ не называются, понятія спутались,

и подростяущему поколѣнію путь безчестнаго обогащенія можетъ представляться украшеннымъ самыми модными, самыми „современными“ словами. Итакъ, обличеніе взятки, во всѣхъ ея видахъ, нынѣ составляетъ для честной печати обязанность никакъ не менѣе важную, чѣмъ въ доброе старое время.

Отъ наблюдений надъ общественной нравственностью, невольно вызываемыхъ нѣкоторыми недавними фактами, перейдемъ къ болѣе успокоительнымъ и безмятежнымъ фактамъ,—къ почтенной дѣятельности одного изъ учреждений, служащихъ дѣлу общественнаго просвѣщенія. Мы хотимъ поговорить объ отчетѣ здѣшней Публичной библіотеки, вышедшемъ въ минувшемъ ноябрѣ. Самое появленіе отчета библіотеки, за 1874 годъ въ 1875 году, представляетъ уже замѣтный успѣхъ. Отчетъ за 1873 годъ явился только въ началѣ 1875 года, такъ что въ текущемъ году вышли два отчета библіотеки. Что касается расположенія и содержанія нынѣшняго отчета, то въ нынѣшнемъ отчетѣ есть нѣкоторыя новости, въ сравненіи съ прежними. Такъ, производствъ служащихъ въ библіотекѣ въ слѣдующіе чины въ печатномъ отчетѣ вовсе нѣтъ, а указаны только награды за особые заслуги по библіотекѣ; вообще личному составу посвящена всего одна страница. Главную часть отчета, по прежнему, занимаетъ подробное прописаніе заглавій всѣхъ приобрѣтеній библіотеки. Свѣдѣній объ общемъ составѣ самой библіотеки, то-есть о числѣ состоящихъ въ ней книгъ, рукописей, эстамповъ и т. д.—по прежнему не имѣется; нѣтъ и свѣдѣній объ общемъ достигнутомъ доселѣ результатѣ по каталогизаціи библіотеки. Вѣдомости о расходахъ, о посѣтителяхъ и требованіяхъ составлены по прежнимъ нормамъ. Распределеніе денежныхъ средствъ библіотеки въ 1874 году отличалось отъ предшествующаго года тѣмъ, что, при нѣсколько большихъ средствахъ, на содержаніе личнаго состава издержано было нѣсколько меньше, чѣмъ въ 1873 году. Сумма, употребленная на приобрѣтеніе новыхъ книгъ и рукописей и доставку ихъ изъ-за границы—17,030 р., весьма близка къ той, которая была употреблена съ той же цѣлью въ 1873 году. Затѣмъ, обратимся къ свѣдѣніямъ о пользованіи библіотекою, къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя въ отчетахъ наиболѣе разработаны.

Вѣдомости о числѣ читателей и посѣтителей библіотеки и числѣ выданныхъ книгъ въ теченіе 1874 года представляютъ явленіе благоприятное, въ противоположность предшествовавшему году. вмѣсто постепеннаго паденія этихъ цифръ за послѣдніе годы, за 1874 годъ оказывается значительное ихъ возрастаніе. Такъ, общее число читателей въ 1874 году было 164,895 чел., вмѣсто 113,553 чел., бывшихъ въ 1873 году; посѣтителей 4733, вмѣсто 3108. Книгъ было выдано

въ 1874 году, по отдѣленію сочиненій на русскомъ языкѣ—11,261 сочиненіе, вмѣсто 10,137 въ 1873 году; число отказовъ въ требованіяхъ нѣсколько уменьшилось: по русскому отдѣленію ихъ было въ 1874 году 3101, вмѣсто 3134, цифры предшествовавшаго года; по отдѣленіямъ книгъ на иностранныхъ языкахъ, въ 1874 году было выдано 6191 сочиненіе, противъ 5823, выданныхъ въ 1873 году; но число отказовъ здѣсь нѣсколько возросло, а именно было 2846; хотя это возрастаніе зависѣло, конечно, отъ возрастанія самаго числа требованій, но тѣмъ не менѣе цифра отказовъ вообще все-таки остается еще слишкомъ значительною. Распредѣленіе общей цифры отказовъ по причинамъ, ихъ вызвавшимъ, представляетъ ту же картину, на которую мы указывали въ апрѣлѣ нынѣшняго года, при разсмотрѣннн отчета библіотеки за 1873 годъ. Изъ 6200 отказовъ 2842 состоялись за неимѣніемъ сочиненій въ библіотекѣ и за неполученіемъ книгъ въ моментъ требованія изъ цензурныхъ установленій, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 840 требованіямъ (соотвѣтствующія цифры за 1873 годъ — 2772 и 763). Итакъ, главной причиной отказовъ остается все-таки неимѣніе въ библіотекѣ требуемыхъ книгъ. Мы не будемъ повторять уже сказаннаго нами о необходимости скорѣйшей выписки вновь выходящихъ книгъ изъ-за границы. Но вѣдь русскія книги всѣ представляются при самомъ же изданіи; стало быть, если библіотека получаетъ ихъ поздно, то это можетъ зависѣть отъ медленности доставленія ей назначенныхъ для нея экземпляровъ изъ канцелярій цензурныхъ комитетовъ. Стало быть, библіотекѣ слѣдовало бы сдѣлать сношеніе объ устраненіи этой медленности. Что касается пополненія библіотеки новѣйшими иностранными сочиненіями, то въ этомъ отношеніи новый отчетъ указываетъ на весьма утѣшительный фактъ: „изъ числа потребованныхъ читателями сочиненій, которыя не имѣлись въ библіотекѣ, совѣтъ ея выписалъ изъ-за границы болѣе 300 названій“,—сказано въ отчетѣ. Этотъ фактъ и представляетъ самый примѣтный успѣхъ изъ всѣхъ тѣхъ, на которые отчетъ указываетъ. Далѣе, второй главной причиною отказовъ остается то, что требуемое сочиненіе уже выдано другому лицу, находится въ чтеніи. По этой причинѣ изъ общаго числа 6200 отказовъ состоялось 2110; это также весьма много, и нельзя не выразить вновь желаніе, чтобы увеличено было число дублетовъ тѣхъ сочиненій, которыя особенно часто спрашиваются. Для этого достаточно было бы поручить дежурнымъ чиновникамъ библіотеки сортировать требовательные листки, по которымъ состоялся отказъ по этой причинѣ, на разряды, хотя бы по языкамъ, а затѣмъ собирать вмѣстѣ тѣ, которые относились къ одному и тому же заглавію. Тогда получились бы вѣрныя указанія, какіе дублеты полезно было бы приобрѣсть вновь. Число отка-

зовъ не случаю отдачи книгъ въ переплетъ, составляя около 6%, всего числа отказовъ, тоже слишкомъ велико; неужели нельзя переплестать скорѣе?

Въ одномъ изъ примѣчаній нынѣшняго отчета проглядываетъ какъ-бы жалоба начальства библиотеки на публику. Дѣло въ томъ, что изъ числа иностранныхъ періодическихъ изданій спеціальнаго характера вовсе не были потребованы 72 изданія, между тѣмъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ повременныхъ изданій были выписаны библиотекою именно по неоднократному требованію читателей. Вотъ, по-видимому, аргументъ, который можно представить въ опроверженіе допускаемаго нами общаго правила, что библиотека должна въ своихъ пріобрѣтеніяхъ принимать во вниманіе требованія публики. Но на самомъ дѣлѣ проявленіе такого факта за одинъ годъ еще ничего не значитъ. Читатели требовали нѣкоторыхъ изданій и, удостоверившись изъ неоднократныхъ отказовъ, что изданій тѣхъ въ библиотекѣ не получается, перестали ихъ требовать. Но они могутъ быть потребованы другими читателями или и прежними требователями, когда тѣ узнаютъ, что изданія эти теперь имѣются. Вообще же статистика требованій собственно въ журнальной комнатѣ библиотеки показываетъ, что комната эта служить преимущественно для чтенія журналовъ, а не для справокъ изъ нихъ, вызываемыхъ какими-либо учеными работами. Такъ, въ числѣ изданій, которыя въ теченіе цѣлаго года не были потребованы ни разу, находятся такія, какъ напр. *Mémoires de l'Académie des Sciences de St.-Petersbourg* и *Centralblatt für die gesammte Unterrichtsverwaltung in Preussen*. Во главѣ потребованныхъ повременныхъ изданій на русскомъ языкѣ за 1874 годъ стояли „Отечественныя Записки“ (4502 требованія), „Дѣло“ (4278) и „Вѣстникъ Европы“ (3750). Во главѣ періодическихъ изданій на другихъ языкахъ польскіе журналы для чтенія „*Kłosy*“ (1465) и „*Tygodnik illustrowany*“ (1092), а за ними „*Revue des deux Mondes*“ (696); далѣе, въ порядкѣ постепенности идутъ все польскія изданія, такъ что изъ 18-ти наиболѣе требованныхъ въ теченіе года повременныхъ изданій на другихъ языкахъ,—13-ть были польскія и только 5—французскія и нѣмецкія. Если же мы сравнимъ число требованій того русскаго журнала, который стоитъ во главѣ списка, а именно „Отечественныхъ Записокъ“, т.-е. 4502, съ числомъ требованій польскаго журнала „*Kłosy*“, 1465, то окажется, что первая цифра только втрое больше второй, между тѣмъ, какъ въ общемъ составѣ грамотнаго населенія Петербурга поляки конечно составляютъ не четвертую, а быть можетъ только десятую часть. Изъ вѣдомости, въ которой лица, взявшія билеты на чтеніе, распределены по званіямъ, оказывается достойнымъ примѣчанія фактъ, что одинъ петербургскій

университетъ доставлялъ библиотекѣ болѣе десятой части всего итога ея читателей, а именно: всѣхъ лицъ, взявшихъ въ 1874 году билеты, числилось 11,448; изъ нихъ 944 были студенты петербургскаго университета, 267—кандидаты, и 47 дѣйствительные студенты того же университета, то-есть 1258 чел., безъ магистровъ и профессоровъ. Далѣе, довольно значителенъ процентъ занимавшихся въ библиотекѣ учителей гимназій и прогимназій—129 человекъ, что по числу этихъ училищъ въ Петербургѣ—12—составляетъ цифру замѣтную. Нѣкоторыя же цифры замѣчательны по своей скромности. Такъ, изъ членовъ академіи наукъ ¹⁾ и изъ членовъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія за годъ побывало въ Публичной библиотекѣ только по одному, то-есть ровно столько, сколько побывало въ ней генералъ-адъютантовъ и сенаторовъ (тоже по одному), и гораздо менѣе, чѣмъ ретрировъ (12). Нѣкоторыя училища также замѣчательны по малому числу доставленныхъ ими Публичной библиотекѣ читателей: напр., пажескій корпусъ доставилъ всего 2-хъ, николаевское кавалерійское училище, повидимому—ни одного. Лицъ женскаго пола, взявшихъ билеты, было 980, значительно болѣе противъ цифры, найденной нами въ отчетѣ за 1873 годъ, а именно 848-ми.

Не выходя изъ круга дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія, къ которому принадлежитъ Публичная библиотека, мы можемъ упомянуть о нѣкоторыхъ фактахъ, послужившихъ въ минувшемъ мѣсяцѣ предметомъ заявленій и замѣчаній въ разныхъ газетахъ, какъ-то: „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“, „Голосъ“ и др. Въ послѣднее время поѣздка министра народнаго просвѣщенія на югъ и осмотръ имъ учебныхъ заведеній южныхъ округовъ подали поводъ разнымъ мѣстнымъ дѣятелямъ и обывателямъ выступить впередъ съ произнесеніемъ рѣчей, которыя, каково бы ни было достоинство тѣхъ рѣчей, быть можетъ составить событіе въ личной исторіи каждаго изъ этихъ ораторовъ. „Московскія Вѣдомости“ записывали аккуратно всѣ эти рѣчи и отвѣты, на нихъ послѣдовавшіе, въ свои лѣтописи. Часть этихъ заявленій удостоилась быть напечатанною въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, съ нѣкоторыми, впрочемъ, пропусками. Другая часть, вѣроятно, будетъ напечатана тамъ же впоследствии. Печатаніе похвальныхъ рѣчей министерству въ официальномъ органѣ этого министерства показываетъ, что, отложивъ скромность, быть можетъ излишнюю, признано было неизлишнимъ для укрѣпленія классической школы выставить сочувствіе той самой „семьи“, о которой, мѣсяца три тому

¹⁾ У которой, впрочемъ, есть своя богатая библиотека.

назадъ, въ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія говорилось, что семья школъ противодѣйствуетъ, и что школъ у насъ въ Россіи приходится еще перевоспитывать „семью“. Впрочемъ, быть можетъ, съ мая по сентябрь школа уже успѣла въ значительной степени достигнуть этой цѣли, успѣла перевоспитать семью.

Мы хранили доселѣ молчаніе по поводу заявленій, сопровождавшихъ поѣздки. Даже помѣщеніе части этихъ заявленій въ официальномъ органѣ того вѣдомства, которое ихъ вызвало, не побудило бы насъ заговорить объ этомъ предметѣ. Высказывать въ печати разногласіе съ похвальными рѣчами весьма трудно, и одного этого факта уже достаточно для того, чтобы опредѣлить значеніе тѣхъ заявленій, съ которыми выступать было легко и которыя легко нашли доступъ даже въ печать официальную. Но въ одной изъ корреспонденцій „Московскихъ Вѣдомостей“ за истекшій мѣсяцъ приведенъ былъ произнесенный въ Кишиневѣ отвѣтъ на похвальныя рѣчи, отвѣтъ, въ которомъ есть прямое обращеніе къ „нѣкоторымъ органамъ нашей печати“, которые рѣшались высказать свое мнѣніе объ учебной реформѣ, „забывъ, что педагогическое дѣло есть такая же специальность, какъ и всякія другія специальности“. Въ этомъ обращеніи говорится между прочимъ, что такіе органы „ввели въ заблужденіе общественное мнѣніе насчетъ самаго главнаго значенія и цѣли научнаго образованія“; что „они отвергали пользу изученія древнихъ языковъ, на которыхъ *не говорятъ* въ обществѣ“; что у насъ „говорили“, будто „классическая система отжила свой вѣкъ, что древніе языки—мертвечина, что это признано и всею Европой, желающею отбросить эту систему, замѣнить ее новою — *реальною!* Но всякій, кто бывалъ за границей,—разсуждалось въ томъ отвѣтѣ,—и не довольствовался тамъ ресторанами и театрами, кто заглядывалъ въ школы, тотъ знаетъ, справедливы ли эти толки. Остановитесь въ первомъ значительномъ городѣ Европы, куда васъ привезетъ паровая машина, хотя бы по сосѣдству вашему съ Австріей или на сѣверѣ съ Пруссіей, загляните въ школы и спросите: какаѣ здѣсь система воспитанія? Вы услышите вездѣ одинъ отвѣтъ, что система научнаго воспитанія въ Европѣ только одна,—*классическая*“. Далѣе, въ томъ же отвѣтѣ изъяснялось, что эта единственная, европейская система насаждена нынѣ и въ Россіи; что если смотрѣть на цѣль образованія исключительно съ утилитарной точки, какъ смотрѣли будто-бы „нѣкоторые органы нашей печати“, то легко можно доказать бесполезность всѣхъ предметовъ гимназическаго курса; что самъ министр народнаго просвѣщенія, изучившій „всю обширную область математики, несмотря на свое высокое официальное положеніе, не примѣнялъ въ жизни ничего болѣе, какъ четыре правила ариметики“ —

такъ говорилось въ отвѣтѣ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что высшая математика, которую знаетъ министръ народнаго просвѣщенія, безполезна? Въ отвѣтѣ упоминалось и о реальныхъ училищахъ, что они учреждены у насъ; но замѣчательно, что о нихъ не было сказано, что училища эти поставлены у насъ *такъ же, какъ въ Европѣ*, а говорилось только, что министерство „съ большою готовностію способствуетъ учрежденію повсюду школъ для подготовки полезныхъ практическихъ дѣятелей“; и при этомъ прибавлено, что противъ этихъ-то школъ, то-есть „противъ нашихъ реальныхъ училищъ, особенно ратовали наши такъ-называемые реалисты, которымъ нужно было только помѣшать дѣлу реформы и не допустить у насъ правильной европейской школы“. Въ заключеніе, въ отвѣтѣ сказано, что принятая у насъ система образованія „уже начинаетъ приносить плоды, которые видимы для всѣхъ и находятъ уже повсемѣстно сочувствіе и поддержку“. Эти послѣднія слова, произнесенныя съ столь компетентной стороны, представляются намъ утѣшительнымъ явленіемъ. Сопоставивъ ихъ съ извѣстнымъ циркуляромъ 24 мая нынѣшняго же года, мы должны снова утверждать, что школа въ послѣдніе мѣсяцы успѣла уже перевоспитать семью и настроить ее сочувственно къ себѣ, а это—фактъ весьма важный; при немъ можно ожидать, что и школа получить теперь новыя инструкціи въ смыслѣ сочувственнымъ семьѣ, а не въ смыслѣ извѣстныхъ циркуляровъ г. Филонова, заставлявшихъ о себѣ такъ много говорить въ послѣднее время.

Но намъ невозможно, при всемъ желаніи, выразить столько же сочувствія къ приведеннымъ выше полемическимъ разсужденіямъ, прямо направленнымъ противъ „нѣкоторыхъ органовъ нашей печати“. Разсужденія эти положительно принуждаютъ насъ коснуться предмета, который мы хотѣли бы обойти молчаніемъ. Но еслибы мы промолчали теперь, то, чего добраго, при свидѣтельствѣ столь компетентномъ, вся наша посильная дѣятельность при обсужденіи этого вопроса такъ и осталась бы въ воспоминаніи многихъ лицъ въ видѣ объявленія нами, будто бы, древнихъ языковъ „мертвечиною“, и ратованія спеціально противъ реальныхъ училищъ, съ цѣлью „не допустить у насъ правильной европейской школы“. Обсуждать все, чего коснулся „отвѣтъ“, мы не станемъ, это значило бы повторять всю нашу аргументацію. Но мы должны сказать, что мы не говорили *ровно ничего* изъ всего того, что въ этомъ отвѣтѣ приписывается „нѣкоторымъ органамъ нашей печати“. За другихъ мы возразить не станемъ; что-то не помнится намъ однако, чтобы кѣмъ-нибудь въ печати были высказаны положительно вышеприведенныя мнѣнія. Быть можетъ, память измѣняетъ намъ.

Но есть французская пословица: „нѣтъ дыма безъ огня“; зна-

читать, утверждалось же что-нибудь подобное въ нашей печати. Дѣйствительно, мы припоминаемъ, что во время дню „Московскія Вѣдомости“ имѣли обычай въ своей полемикѣ съ противниками навязывать имъ самыя странныя мысли, и увѣрять публику, что реалисты готовы даже съечь всѣхъ латинскихъ и греческихъ авторовъ и т. п. въ этомъ же родѣ. Что память насъ на этотъ разъ не обманываетъ, это видно изъ недавно напечатанныхъ въ „Голосѣ“ писемъ изъ Берлина („Русская Школа“, №№ 265 и 307):

„Изъ разговоровъ, — говоритъ берлинскій авторъ, — съ русскими педагогами и изъ внимательнаго чтенія педагогическихъ статей въ русскихъ журналахъ и газетахъ по поводу послѣдней училищной реформы, я вынесъ убѣжденіе, что въ Россіи всѣ считаютъ московскую газету самую ревностною, до фанатизма, поборницею классическаго образованія. Но такъ ли это въ дѣйствительности? Что касается меня, то, послѣ возможно тщательнаго изученія вопроса о преобразованіи русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, я пришелъ къ совершенно другому убѣжденію, именно, что всѣ энергическія усилія этой газеты направлены къ тому, чтобъ вообще не дать установиться въ Россіи никакой правильно устроенной средней общеобразовательной школѣ, ни классической, ни реальной. Я, конечно, не могу здѣсь представить вамъ, милостивые государи, во всѣхъ подробностяхъ тактику московской газеты въ данномъ вопросѣ и ограничусь только изложеніемъ самыхъ главныхъ приѣмовъ ея. Эти приѣмы — наши старые знакомые, точно такъ же, какъ и вся тактика газеты противъ несогласныхъ съ нею органовъ русской печати, о чемъ я уже подробно говорилъ въ моемъ первомъ чтеніи“.

Мы не станемъ приводить здѣсь изъ этого перваго чтенія подробностей объ этихъ приѣмахъ „Московскихъ Вѣдомостей“, и ограничимся только указаніемъ заключительнаго вывода: „всѣ эти крайне недобросовѣстные приѣмы, — говоритъ авторъ, — я, къ сожалѣнію моему, встрѣтилъ въ передовыхъ статьяхъ московской газеты, писанныхъ по поводу вышеупомянутаго пересмотра училищныхъ статутовъ 1862 года, которые я долженъ былъ вновь внимательно перечитать, чтобъ выяснить себѣ и представить вамъ дѣйствительныя причины настоящаго положенія русской школы. Во-истину, самый страшный вредъ, особенно по его обширнымъ, глубокимъ и продолжительнымъ послѣдствіямъ, причиняютъ странъ подобныя властолюбивыя органы печати, когда они устремляются на школу, и имъ удается обойти училищныя власти, получить руководящее на школу вліяніе и поселить въ ней *духъ своихъ партій* (курсивъ въ подлинникѣ).

„Духъ партій въ школѣ! Несчастныя дѣти, которымъ приходится учиться въ такой школѣ! Мы (нѣмцы) хорошо знаемъ, какое это зло,

потому что на себѣ испытали и теперь испытываемъ гибельныя послѣдствія духа партій, заразившаго нашу школу. Прежде всего, когда проникаетъ духъ партій въ школу, становится совершенно невозможнымъ твердое, спокойное, правильное веденіе священнаго дѣла воспитанія юношества. Всѣ честные дѣятели — ректоры, учителя, воспитатели, заботящіеся единственно только о правильномъ и основательномъ умственномъ и нравственномъ развитіи учащагося юношества, тотчасъ же оставляютъ школу, если имѣютъ хоть кануни-нибудь возможность пріобрѣсти средства на другихъ поприщахъ для своего существованія. Тѣ же изъ нихъ, которые, по своему безвыходному положенію, вынуждены оставаться въ школѣ, съ сокрушеннымъ сердцемъ и угнетеннымъ духомъ продолжаютъ свою безотрадную дѣятельность. Взаимнѣ этихъ честныхъ, опытныхъ дѣятелей, въ школу открывается широкій входъ всѣмъ людямъ вліяющей партіи — невѣждамъ, лицемерамъ, льстецамъ, ханжамъ, шпионамъ, иезуитамъ и т. д. Можетъ ли школа, при самомъ усиленномъ и сосредоточенномъ обученіи дѣтей древнимъ языкамъ, математикѣ или реальнымъ наукамъ, имѣть хотя какое-нибудь благотворное нравственное на нихъ вліяніе? У насъ еще до сихъ поръ высказывается нерѣдко мнѣніе, даже многими педагогами, что обученіе древнимъ языкамъ представляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и главное средство для нравственнаго воспитанія юношества. Это — одинъ изъ самыхъ вредныхъ и самыхъ нелѣпныхъ педагогическихъ предразсудковъ! Преподаваніе древнихъ языковъ, какъ и всѣхъ другихъ предметовъ, сообщаетъ только извѣстныя познанія и можетъ сообщить извѣстное умственное развитіе; правильное же или ложное нравственное развитіе и направленіе учащагося юношества зависитъ отъ нравственныхъ качествъ его наставниковъ и воспитателей. Какое же честное, здоровое нравственное направленіе можетъ получить учащееся юношество, если въ его школу проникъ духъ партій, изгнавшій изъ нея опытныхъ, честныхъ дѣятелей? Мы всѣ, наши семьи, наше общество, нашъ народъ, все наше отечество, вся Германія испытываютъ на себѣ пагубныя послѣдствія духа партій, утвердившагося въ нашей школѣ. Современная упорная борьба, которую ведетъ наше правительство съ клерикалами и которая еще Богъ знаетъ чѣмъ кончится, есть прямое слѣдствіе духа клерикальной партіи, въ которомъ воспитывалось все наше юношество, особенно во время министерства фонъ-Мюлера!“

Но обратимся къ нашему предмету. Въ виду сдѣланнаго заявленія, что у насъ были органы печати, считающіе классическую литературу „мертвечиной“, мы должны были сказать, что нами никогда не утверждалось ничего подобнаго; еще менѣе мы могли

утверждать, что изученіе древнихъ языковъ излишне, потому что на нихъ „не говорятъ“; мы даже готовы опровергать тѣхъ ораторовъ изъ керченскихъ грековъ, которые выражали благодарность министерству и усматривали въ классической системѣ распространеніе въ Россіи ихъ „родного языка“; такіа соображенія керченскихъ грековъ, претендующихъ на происхожденіе отъ Перикла, вовсе не основательны, и классическіе языки имѣютъ свой *raison d'être*, независимо отъ личныхъ выгодъ обывателей Керчи. Что не мы считали классическую литературу „мертвечиной“, доказательствомъ тому служить, наконецъ, и то, что мы допускали пользу преподаванія латинскаго языка въ реальныхъ училищахъ, подобно тому какъ оно введено въ реальныхъ училищахъ перваго разряда въ Германіи. Правда, мы не признавали обязательнымъ и полезнымъ для Россіи вводить на ново въ гимназіи все то, что въ Европѣ держится въ гимназіяхъ изстари, и потому именно не признавали, что вся новѣйшая исторія гимназіи въ Европѣ представляетъ рядъ отступленій отъ исключительнаго господства древнихъ языковъ въ пользу другихъ научныхъ предметовъ. Но вѣдь и не мы одни расходились съ приибромъ Европы. Читатель нашихъ статей и цитируемаго нами нынѣ „отвѣта“, если паровая машина привезетъ его въ Пруссію, убѣдится, что реальныя школы въ этой странѣ поставлены на строго научномъ основаніи, что онѣ дадутъ всестороннее общее образованіе, даже съ однимъ древнимъ языкомъ, а не имѣютъ исключительной цѣлю „подготовку практическихъ дѣятелей“; онъ убѣдится, что въ Пруссіи, на которую ссылается, между прочимъ, „отвѣтъ“, воспитанники высшихъ реальныхъ училищъ давно допущены на нѣкоторые университетскіе факультеты какъ разъ передъ тѣмъ фактомъ, что у насъ воспитанники реальныхъ гимназій безусловно были лишены этого права. Если при этомъ допущено было, что для Россіи необязателенъ примѣръ Германіи въ реальныхъ училищахъ, то почему же и мы не имѣли право допустить, что не все еще неотмѣненное доселѣ въ германскихъ гимназіяхъ безусловно обязательно для Россіи, гдѣ оно вводилось вновь? Почему же думать, что, высказывая такіа мнѣнія, мы только имѣли намѣреніе „помѣшать дѣлу реформы и не допустить у насъ правильной постановки европейской школы?“

Но все же нельзя не видѣть въ официальныхъ заявленіяхъ, вызванныхъ привѣтствіями и тостами во время поѣздки, одну утѣшительную сторону, а именно указаніе на фактъ, что министерство народнаго просвѣщенія, повидимому, дорожитъ заявленіемъ изъ среды общества и перестало подозрѣвать семью во враждебномъ настроеніи. Должно само собою разумѣться, что оно дорожитъ въ этомъ искренностью, а не похвалами только. Стало быть, и искреннія ука-

занія на недостатки должны найти въ немъ вниманіе. Безъ этого, какую же цѣну имѣли бы только однѣ похвалы? Что касается свойства рѣчей, произнесенныхъ при торжественныхъ случаяхъ и тостахъ мѣстными дѣятелями, то мы, нисколько не сомнѣваясь въ ихъ искренности и въ томъ, что представители всѣхъ другихъ мѣстностей имперіи повторили бы ихъ при подобныхъ же случаяхъ, а также отдали бы равную справедливость и заслугамъ всѣхъ другихъ министровъ, при посѣщеніи любымъ изъ нихъ нашихъ городовъ,—пожелали бы найти въ этихъ рѣчахъ нѣсколько болѣе опредѣленныхъ и живыхъ мыслей, чѣмъ сколько намъ случилось усмотрѣть нынѣ. Кромѣ искреннихъ выраженій благодарности и понятнаго сочувствія, мы не нашли въ этихъ рѣчахъ ничего такого, что могло бы служить полезнымъ указаніемъ для успѣха той самой реформы, къ которой сочувствіе выражалось такъ согласно со всѣхъ сторонъ. Въ Бердянскѣ сочувствіе учебной реформы, какъ она произведена въ Россіи, было даже высказано со стороны иностранныхъ державъ, въ лицѣ ихъ представителей. За обѣдомъ присутствовали консулы, и въ ихъ честь былъ провозглашенъ слѣдующій тостъ, переданный и „Московскими Вѣдомостями“ въ такихъ словахъ: „въ заключеніе министръ предложилъ тостъ за представителей (?) иностранныхъ державъ, своимъ присутствіемъ почтившихъ праздникъ русскаго народнаго образованія“. Вѣроятно, тостъ былъ переданъ московскою газетою невѣрно, такъ какъ изъ любого учебника международного права можно узнать, что консулы, которыхъ специальность—дѣла торговли, нигдѣ, кромѣ Азіи, представителями иностранныхъ державъ не признаются, и фактъ, что они въ Бердянскѣ были приглашены къ обѣду, вовсе не былъ равносильенъ признанію русской учебной реформы иностранными державами, какъ, быть можетъ, полагаютъ корреспондентъ московской газеты или сама редакция; такое незнаніе азбуки международного права съ ихъ стороны близко граничить съ классическимъ невѣжествомъ.

„Московскія Вѣдомости“ вообще легко впадаютъ еще и въ тотъ недостатокъ, который называется *indiscrétion*. Такъ, въ передовой статьѣ по поводу поѣздки русскаго министра, которая ничѣмъ въ сущности не отличалась отъ поѣздокъ другихъ русскихъ министровъ, развѣ напечатаніемъ рѣчей и тостовъ, московская газета сдѣлала слѣдующее сравненіе: „вообще, нынѣшнее путешествіе графа Д. А. Толстого, сопровождающееся рядомъ блестящихъ овацій, напоминающихъ оваціи въ честь прусскаго министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ д-ра Фалька въ Прирейнскихъ провинціяхъ, показываетъ, что дѣло недоброжелателей учебной реформы окончательно проиграно“. Сравненіе это не совсѣмъ вѣрно. Извѣстно, что оваціи въ При-

рейнской провинціи дѣлались г. Фальку не въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, но въ его качествѣ министра духовныхъ дѣлъ, и именно дѣлались противнику клерикальныхъ вліяній, автору законопроектовъ, устранившихъ всякое вліяніе духовенства на школы, и рѣшившемуся поддерживать на Рейнѣ реальныя училища въ ущербъ классическимъ, гдѣ преобладаютъ клерикалы и ультрамонтаны. Кромѣ того, оваціи въ честь Фалька дѣлались его избирателями, и имѣли значеніе политическаго факта. Но если, несмотря на такое несходство, оваціи, бывшія у насъ, могутъ свидѣтельствовать, что дѣло недоброжелателей учебной реформы окончательно проиграно, то мы первые тому порадуемся. Намъ останется только пожелать, чтобы министръ юстиціи совершилъ такое же путешествіе, и чтобы рѣчи сочувствія къ судебной реформѣ могли послужить залогомъ, что дѣло недоброжелателей ея въ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ проиграно окончательно.

Передъ русскою политикою въ Средней Азіи недавно вновь представлялся вопросъ, столь часто возникающій при соприкосновеніи европейскаго государства съ неустроенными, полуварварскими племенами: идти еще далѣе впередъ, для обезпеченія уже прибрѣтеннаго ранѣе, или отказаться, во что бы то ни стало, отъ дальнѣйшаго расширенія территоріи, расширенія, которому не предвидится конца. Событія въ коканскомъ ханствѣ, изгнаніе Худойра-кана и послѣдовавшее затѣмъ нападеніе коканцевъ на территорію, занятую нашими войсками, привели къ занятію нами столицы ханства. Для обезпеченія нашихъ владѣній, мѣстное начальство признаетъ нужнымъ отодвинуть нашу границу съ Коканомъ до береговъ Сыръ-Дарьи и впадающей въ нее рѣки Нарына. Присоединеніе этой сѣверо-западной части коканскаго ханства объясняется необходимостью отдалить его границу съ нами отъ главныхъ пунктовъ нашихъ поселеній и нашей торговли. Затѣмъ, представлялся вопросъ, что дѣлать съ остальной частью Кокана: оставить ли за нимъ такую вассальную самостоятельность, какая оставлена за Хивой, или включить все ханство цѣликомъ въ русскія владѣнія? Не трудно предвидѣть, что бывшія неурядицы и ихъ послѣдствія могутъ повториться, и что тогда пришлось бы, пожалуй, вновь дѣлать то, что уже было сдѣлано—по слухамъ, не безъ особеннаго счастья, — въ сраженіи подъ Махрамомъ? Но, съ другой стороны, противъ этого представляются весьма вѣскія соображенія. Во-первыхъ, гдѣ бы мы ни остановились, на половинѣ прежнихъ владѣній Кокана, или на крайней, юго-восточной его границѣ, исторія будетъ все та же, положеніе наше будетъ одинаково; сосѣдями нашими будутъ неустроенныя племена, съ которыми никакъ

кая граница не можетъ быть обезпечена. Во-вторыхъ, положеніе дѣлъ въ Европѣ теперь таково, что Россія должна быть на-сторожѣ. Теперь менѣе, чѣмъ когда-либо—время вдаваться гадательнымъ образомъ въ глубь Средней Азии и увеличивать сферу уязвимости нашей на далекомъ востока. Намъ долженъ занимать въ настоящій моментъ тотъ „восточный“ вопросъ, который ближе средне-азиатскаго и гораздо важнѣе его. Вотъ почему нельзя не пожелать, чтобы изъ Петербурга предписано было въ Ташкентъ не подвигаться болѣе впередъ ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ предлогомъ.

Восточный вопросъ, повидимому, приближается къ той порѣ, когда его можно будетъ назвать открытіемъ наслѣдства послѣ оттоманской имперіи. Герцеговинское возстаніе само по себѣ могло быть только эпизодомъ, неоднократно повторявшимся въ дѣлахъ Европейской Турціи. Оно уже казалось направленнымъ на пути переговоровъ въ границы самаго умѣреннаго дипломатическаго соглашенія. Австрійскому правительству предоставлено было начертать условія, которыя три союзныя имперіи взяли бы предложить Портѣ. По всей вѣроятности, условія эти предоставили бы возставшимъ округамъ нѣкоторую автономію; автономія областей, пограничныхъ съ Австрією, вѣроятно, поставила бы ихъ подъ австрійское вліяніе по самой сущности дѣла, а не потому только, что Австрія редижировала бы условія этой автономіи. Но вотъ, дѣло неожиданно усложнилось пріостановленіемъ платежей по иностраннымъ займамъ турецкой имперіей, короче—частнымъ банкротствомъ ея. Это обстоятельство рѣшительно повліяло на отношеніе къ вопросу о прочности оттоманской имперіи общественнаго мнѣнія Англии и мнѣнія ея правительства. Представилась возможность, безъ всякой опасности какихъ-либо столкновеній, сдѣлать для Герцеговины и Босніи болѣе, чѣмъ предполагалось сдѣлать сперва. Этотъ оборотъ былъ благопріятенъ для осуществленія тѣхъ желаній, которыя въ русской печати—между прочими органами и нами—высказывались съ самаго начала, но высказывались безъ увѣренности, что имъ суждено осуществиться. Уже въ прошломъ октябрѣ, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ появилось сообщеніе, въ которомъ, во-первыхъ, была та весьма примѣчательная черта, что согласіе трехъ дружественныхъ имперій въ первый разъ было названо *союзомъ*, причѣмъ было сказано, что „союзъ этотъ является предъ Европою не рѣшителемъ судьбы, а охранителемъ ея свободы и блюстителемъ ея спокойствія“, и прибавлялось, что „доступъ въ этотъ союзъ открытъ всѣмъ, ищущимъ мира“. Во-вторыхъ, въ томъ „сообщеніи“ высказывалось, что султанскаго „ираде“ не достаточно для успокоенія и обезпеченія

христіанскихъ жителей, которыхъ „довѣріе къ подобнымъ правительственнымъ актамъ поколеблено“. Заявлялось, что Россія не „принесла въ жертву союзу того сочувствія, которое питала постоянно къ угнетенному христіанскому населенію Турціи“, и въ заключеніе объявлялось, что „бѣдственный порядокъ вещей, продолжавшійся доселѣ въ Турціи, въ ущербъ интересамъ Порты, подданныхъ ея и Европы, долженъ будетъ прекратиться“.

Но за этимъ „сообщеніемъ“, вышедшимъ 17-го октября, появилось, 4-го ноября, второе. Въ промежуткѣ пережѣна въ настроеніи Англіи обозначилась настолько, что можно было не только обѣщать, что будетъ сдѣлано нѣчто серьезное для обезпеченія Герцеговины и Босніи, но и имѣть увѣренность, что усилія, къ этой цѣли направленные, не вызовутъ никакихъ столкновеній. Сообщение 4-го ноября опровергаетъ всѣ высказанныя въ европейской печати опасенія, и притомъ не упоминаетъ уже объ усиліяхъ трехъ имперій отдѣльно, но дважды говоритъ объ усиліяхъ трехъ сѣверныхъ державъ „при содѣйствіи другихъ европейскихъ кабинетовъ“, и приводитъ въ концѣ, какъ ручательство за мирное достиженіе благопріятнаго результата— „взаимное довѣріе и согласіе великихъ державъ“, то-есть всѣхъ шести главныхъ государствъ Европы.

Между тѣмъ, со стороны сентъ-джемскаго кабинета явилось неожиданное, но краснорѣчивое свидѣтельство о томъ, что сама Англія смотритъ нынѣ на восточный вопросъ діаметрально-противоположно преданіямъ Пальмерстоновской политики, а именно такъ, какъ смотрѣла на него Россія въ послѣдніе годы царствованія императора Николая, то-есть видитъ въ восточномъ вопросѣ вопросъ о близкомъ открытіи наслѣдства оттоманской имперіи. Не иначе, какъ въ виду близости ея разложенія, англійское правительство сочло нужнымъ обезпечить себѣ сообщеніе съ Индією другимъ путемъ, а именно прибрать въ свои руки Египетъ, который нынѣ, по справедливому замѣчанію газеты „Temps“, есть только „приложеніе (аппеке) Суэзскаго канала“. Англійское правительство приобрѣло у хедива принадлежащія ему, въ качествѣ главнаго владѣльца Суэзскаго канала, 177 тысячъ акцій компаніи этого канала, цѣною на 100 милліоновъ франковъ, съ открытіемъ хедиву кредита на эту сумму въ лондонскихъ банкахъ, по воспослѣдованіи утвержденія этой сдѣлки палатою общинъ. Мы придаемъ этому факту цѣну преимущественно въ томъ именно смыслѣ, что онъ удостовѣряетъ примиреніе Англіи съ мыслью о близкомъ разложеніи турецкой имперіи. Въ англійскихъ же газетахъ, которыя нынѣ, подъ вліяніемъ національнаго самолюбія, сильно уязвленнаго отнѣною нѣкоторыхъ статей трактата 1856 года и расширеніемъ нашихъ владѣній въ Средней Азіи, вообще

склонны привѣтствовать хотя бы малѣйшее проявленіе энергіи въ своемъ Foreign office, — неожиданный маневръ, произведенный графомъ Дѣрби и г. Дизраэли произвелъ нѣкоторый энтузіазмъ и вызвалъ выраженія самыхъ оптимистскихъ взглядовъ на будущность остъ-индскихъ владѣній, сохранность которыхъ нынѣ обезпечена подчиненіемъ Египта преобладанію Англій, являющейся въ качествѣ главнаго акціонера Суэзскаго канала. Намъ можетъ казаться, что англійское общественное мнѣніе за время управленія г. Гладстона слишкомъ привыкло смотрѣть на вещи съ исключительно-коммерческой точки зрѣнія и видѣть реальную силу преимущественно въ коммерческихъ соглашеніяхъ. Нѣтъ спору, что во время мира владѣніе 177-ю тысячами акцій Суэзскаго канала дастъ Англій преобладающей голосъ въ Египтѣ. Но вѣдь оно не дастъ ей права строить форты и содержать свои гарнизоны въ странѣ, остающейся независимой. А въ моментъ войны важно будетъ не то, кто сколько акціями владѣетъ въ суэзской компаніи, но кто можетъ высадить на Суэзскомъ перешейкѣ сто тысячъ человѣкъ, а кто только двадцать. Англія приобрѣла акціи, но тѣмъ самымъ произвела весьма неблагоприятное впечатлѣніе на Францію, то-есть единственнаго союзника, который въ моментъ опасности могъ бы обѣщать ей десантъ въ достаточныхъ размѣрахъ. Но, впрочемъ, это—дѣло Англій. Что же касается насъ, то такой оборотъ не можетъ представлять для Россіи ничего неблагоприятнаго; совсѣмъ напротивъ. Тѣмъ сильнѣе, очевиднѣе становится необходимость союза съ Россією, въ моментъ всякаго кризиса, Франціи, а также и Италіи, другой державы, имѣющей интересы въ Африкѣ и немогущей быть равнодушною къ преобладанію англійскаго вліянія на Суэзѣ и въ Египтѣ вообще. Стало быть, тѣмъ болѣе ручательства въ содѣйствіи намъ другихъ европейскихъ державъ, кромѣ двухъ дружественныхъ Россіи нынѣ имперій. Могущество Россіи въ Европѣ, которое такъ много выиграло отъ событій послѣдняго пятилѣтія, нынѣ, сколько можно предполагать, должно еще возрасти, и позволительно ожидать, что она воспользуется своимъ положеніемъ какъ для прочнаго, благоприятнаго христіанамъ рѣшенія герцеговинскаго вопроса, такъ и для направленія всего восточнаго вопроса въ смыслѣ, согласномъ съ сочувствіемъ русскаго общества и преданіями русской политики.

Въ истекшемъ мѣсяцѣ Россія лишилась одного изъ своихъ виднѣйшихъ государственныхъ дѣятелей за послѣднее двадцатилѣтіе; 3-го ноября скончался въ Ниццѣ *Константинъ Владиміровичъ Чевакинъ*. Начавъ свою дѣятельность въ военной службѣ, съ 1823 года,

К. В. Чевкинъ, благодаря своимъ блестящимъ способностямъ и обыкновенному трудолюбію, обратилъ на себя особое вниманіе покойнаго Государя и сдѣлалъ весьма быструю карьеру: черезъ девять лѣтъ по выходѣ изъ пажескаго корпуса онъ уже былъ генералъ-майоромъ. Военныя заслуги были имъ оказаны въ войнахъ персидской, турецкой и польской, въ чинахъ оберъ-офицерскихъ и штабъ-офицерскихъ; въ генералы онъ былъ произведенъ уже не въ военное время, и вслѣдъ за этимъ производствомъ былъ назначенъ начальникомъ штаба корпуса горныхъ инженеровъ. Онъ, съ обычной своей добросовѣстностью и рвеніемъ къ труду, сталъ изучать незнакомую ему горную специальность и не ограничился собственно ею, но вообще сталъ изучать инженерное и механическое дѣло, такъ что при учрежденіи комитета по постройкѣ первой большой желѣзной дороги въ Россіи былъ назначенъ его членомъ. Затѣмъ, въ 1856 году, онъ былъ назначенъ главноуправляющимъ путями сообщенія, послѣ графа Клейнмихеля, и при немъ положено было начало сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ учрежденіемъ „Главнаго общества“, которое, впрочемъ, далеко не исполнило своей программы, вошло въ долги передъ казною и было впоследствии преобразовано, съ усиленіемъ правительственнаго въ немъ вліянія. Специальность гражданскаго строительства не была для Чевкина совершенно чуждою, но самъ онъ все-таки работъ никогда не производилъ и специалистомъ не былъ. Но чего ему не доставало въ этомъ отношеніи, онъ старался восполнить добросовѣстнымъ усвоеніемъ себѣ каждаго дѣла въ отдѣльности, и можно сказать не было ни одного проекта, который онъ бы утверждалъ или представлялъ на утвержденіе, не усвоивъ себѣ въ совершенствѣ всѣ его основанія и условія. Если при этой дѣятельности Чевкина и произошли нѣкоторыя ошибки, то онѣ зависѣли не отъ непониманія имъ дѣла, но отъ недостатка полной самостоятельности; того личнаго вліянія, какое принадлежало его предмѣстнику, онъ не имѣлъ; быть можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ хотѣлъ бы дѣйствовать иначе, чѣмъ дѣйствовалъ.

Но главная заслуга Чевкина заключалась въ третьей специальной дѣятельности, къ которой онъ былъ призванъ въ званіи председателя департамента экономіи государственнаго совѣта. Уравновѣшеніе бюджета зависѣло отъ его неутомимыхъ трудовъ столько же, сколько отъ свѣтлыхъ идей и твердой воли покойнаго Татаринова и заботливости нынѣшняго министра финансовъ. Участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ и въ мѣрахъ по объединенію царства польскаго съ имперією дополняетъ рядъ государственныхъ заслугъ того способнаго и трудолюбиваго дѣятеля, котораго нынѣ лишилась Россія и котораго исторія ея помянетъ своимъ добрымъ словомъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 ноября, 1875.

Политическое и экономическое положеніе Германіи наканунѣ новой сессіи рейхстага.

Двѣ послѣднія мои корреспонденціи посвящены были исключительно экономическимъ и научнымъ вопросамъ; политическая сфера оставалась нетронутой почти въ теченіе шести мѣсяцевъ; но съ мая мѣсяца воинственные слухи, встревожившіе всю Европу, внезапно заглохли, и затѣмъ наступило полнѣйшее политическое затишье. Будущему историку нашей эпохи придется, по всей вѣроятности, посвятить Германіи за это полугодіе немного страницъ, такъ какъ за этотъ періодъ времени не произошло ни одного событія, сколько-нибудь выдающагося; даже самая поѣздка императора Вильгельма въ Миланъ, съ точки зрѣнія практическихъ результатовъ, прошла безслѣдною.

Когда князь Бисмаркъ уѣхалъ весною изъ Берлина, сессія прусскаго ландтага была еще не заключена. Она плелась безъ всякихъ интересныхъ происшествій и при полномъ безучастіи общества, особенно замѣтною, такъ какъ послѣ предшествовавшихъ воинственныхъ слуховъ наступила всеобщая апатія. Въ настоящее время трудно объяснить себѣ возникновеніе этихъ слуховъ, о которыхъ послѣднее слово еще не сказано. Только исторія можетъ разъяснить, дѣйствительно ли въ мартѣ и апрѣлѣ прошлаго года миру угрожала опасность, или все это была одна пустая тревога. Во всякомъ случаѣ всѣ очень обрадовались миру, такъ какъ несомнѣнно, что нѣмецкій народъ—народъ крайне миролюбивый и почти свободенъ отъ повинизма. Эти миролюбивыя наклонности только усиливаются всеобщей воинской повинностью, и я увѣренъ, что всякій народъ, хоть разъ серьезно воевавшій при условіяхъ всеобщей воинской повинности, сдѣлается весьма миролюбивымъ и можетъ быть съ успѣхомъ призывается къ оружію правительствомъ своей страны только въ тѣхъ крайнихъ случаяхъ, когда собственно война и умѣстна.

Но что бы ни думали о событіяхъ апрѣльскихъ и майскихъ, одно несомнѣнно, что въ ту пору въ политической сферѣ сказалось крайне мирное настроеніе. Алармисты въ Германіи и ихъ противники спорятъ теперь о томъ, кто былъ правъ, кто виноватъ. Первые утверждаютъ, что не будь этихъ слуховъ, французы пошли бы дальше, такъ что дѣло дошло бы, наконецъ, до настоящаго столкновенія; послѣдніе же говорятъ, что если слухи были распущены съ этою цѣлью,

то это было совсѣмъ лишнее, такъ какъ французы никогда серьезно и не помышляли о войнѣ. Быть можетъ, обѣ партіи неправы. Слухи могли быть безцѣльны, но что французы въ первыя времена по заключеніи мира серьезно помышляли о войнѣ—кажется мнѣ не подлежащимъ сомнѣнію. Хотя одна испанская поговорка и говоритъ: „месть—такое блюдо, которое слѣдуетъ ѣсть холоднымъ“, но большинство людей и націй предпочитаетъ не откладывать мщенія въ дальній ящикъ, и война возмездія съ бѣльшимъ одушевленіемъ будетъ вестись націей подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ непріятельскаго вторженія, чѣмъ тогда, когда воспоминаніе о немъ сгладится. Если позволено высказывать личные мнѣнія въ политическихъ дѣлахъ, то я откровенно сознаюсь, что до весны прошлаго года раздѣлялъ тотъ взглядъ, что французы предпримутъ войну возмездія при первой возможности, но что теперь я полагаю, — убѣдившись въ бесплодности войны возмездія, они спокойно занялись восстановленіемъ внутреннего порядка, преобразованіемъ арміи и будутъ выжидать благоприятнаго политическаго момента, такъ что съ этой стороны можно рассчитывать на продолжительный миръ.

Въ настоящее время очень легко смѣяться надъ тѣми, кого тревожили воинственныя стремленія Франціи; но если всѣ другіе аргументы за вѣроятность скорой войны возмездія и не выдерживаютъ критики, то слѣдующій безспоренъ, а именно: продолжительный миръ можетъ ослабить симпатизирующую французамъ партію въ Эльзасъ-Лотарингіи, подкрѣпить ту, которая симпатизируетъ Германіи и причитъ массу населенія къ отложенію отъ Франціи, къ присоединенію къ Германіи и вообще къ новому порядку вещей.

Стоить только поглядѣть на измѣнившійся образъ дѣйствій эльзасъ-лотарингскихъ депутатовъ въ рейхстагѣ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Хотя при обсужденіи бюджета Эльзасъ-Лотарингіи, происходившемъ на-дняхъ, Герберъ (лучшій ораторъ изъ эльзасъ-лотарингскихъ депутатовъ) заявилъ массу жалобъ, однако не такъ враждебно держалъ себя, какъ прежде. Герберъ, впрочемъ, принадлежитъ къ ультрамонтанамъ, которые явились сюда затѣмъ, чтобы подкрѣпить собой ряды ультрамонтанъ, засѣдающихъ въ рейхстагѣ, а настоящая партія протеста (т.-е. тѣ, которые были избраны лишь затѣмъ, чтобы своимъ единовременнымъ появленіемъ протестовать противъ присоединенія) держится въ сторонѣ отъ рейхстага; но населеніе, безъ сомнѣнія, вскорѣ придетъ къ заключенію, что участіе ихъ представителей въ рейхстагѣ можетъ дать имъ большія матеріальныя выгоды, а для массы это всегда сильная приманка.

Выгоды, представляемыя амальгамированіемъ Эльзасъ-Лотарингіи съ Германіей такъ очевидны, что германскіе государственные люди

должны были бы быть не въ мѣру воинственными, еслибы, несмотря на то, пожелали начать войну, такъ какъ что касается силы арміи, то Франція и Германія въ этомъ отношеніи могутъ поспорить другъ съ другомъ.

Настоящіе друзья правительства, имѣющіе значительныя политическія связи, не скрываютъ, что поднявшійся въ Германіи гвалтъ послужилъ предостереженіемъ для французовъ, но упрекаютъ правительство въ томъ, что этотъ воинственный гвалтъ чрезвычайно какъ повредилъ нѣмецкой промышленности, которая въ то время только-что начала оправляться отъ кризиса и приступать къ новымъ предпріятіямъ. Я не берусь рѣшить, основателенъ ли этотъ упрекъ, такъ какъ множество обстоятельствъ содѣйствовало тому, чтобы парализовать промышленность; а что касается биржи, условія которой, конечно, не тождественны съ условіями, въ какнхъ стоитъ промышленность, но которая однако должна служить барометромъ и для промышленности, то на ней совсѣмъ не отозвался великій воинственный гвалтъ; между тѣмъ съ тѣхъ поръ, какъ весь міръ убѣдился въ прочности мира, она пришла въ весьма жалкое состояніе.

Какъ бы то ни было, одно несомнѣнно, что уже въ іюнѣ ни одна душа не заботилась о политикѣ, что во всей странѣ царствовалъ глубокой миръ, такой глубокой, что когда князь Бисмаркъ объявилъ о своемъ намѣреніи взять отпускъ и дѣйствительно взялъ его, то это не произвело даже никакой сенсаци.

Исходъ Арнимскаго процесса, который, какъ извѣстно, уже въ декабрѣ мѣсяцѣ рѣшенъ былъ въ первой инстанціи, снова и ярко доказалъ, что князь Бисмаркъ превосходить знаніемъ политическаго положенія лицъ и проницательностью всѣхъ другихъ государственныхъ людей; но и это впечатлѣніе скоро улеглось, и только въ самое послѣднее время удалось графу Арниму снова привлечь вниманіе на этотъ фактъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что князь Бисмаркъ сталъ съ 1866 г. и въ особенности съ 1870 г. популярнымъ человѣкомъ въ Германіи, но лично онъ не симпатиченъ даже для своихъ ближайшихъ политическихъ единомышленниковъ и держится въ уединенномъ величіи и почти неприступной замкнутости, допуская въ свой интимный кружокъ два или три довѣренныхъ лица, которые однако не болѣе какъ его орудія и даже не могутъ назваться въ настоящемъ смыслѣ политическими дѣятелями. Эти послѣдніе, принадлежатъ ли они къ парламентскимъ или правительственнымъ кружкамъ, постоянно чувствуютъ себя неловко въ сношеніяхъ съ канцлеромъ и сознаютъ, что они нужны ему лишь временно, и что когда онъ достигнетъ своихъ цѣлей, то безъ церемоніи устранить ихъ съ своего пути. Эта безза-

стѣнчивость или, если хотите, этотъ эгоизмъ канцлера составляетъ неоспоримый фактъ, и хотя съ нимъ примиряетъ мысль, что онъ эгоистиченъ не для себя, а для государства, тѣмъ не менѣе примиреніе не легко для тѣхъ, кто становится жертвой его эгоизма. Напомню, для примѣра, хотя бы о томъ, какъ въ началѣ прошлаго года, когда рейхстагу предстояло обсуждать военный законъ, князь Бисмаркъ оставлялъ своихъ ближайшихъ политическихъ друзей въ увѣренности, что правительство будетъ стоять за законъ безусловно, и какъ потомъ онъ неожиданно заключилъ съ національ-либералами извѣстную сдѣлку, въ силу которой мирный наличный составъ войска опредѣленъ согласно удлинненному семилѣтнему сроку. Хотя консерваторы примкнули тогда къ сдѣлкѣ, но они не простили нанесеннаго имъ удара.

Политическіе дѣятели въ Германіи не поддерживаютъ другъ съ другомъ и съ своими единомышленниками такихъ постоянныхъ сношеній, какія существуютъ въ этомъ случаѣ въ Англіи и во Франціи. Какъ только въ этихъ послѣднихъ странахъ начнутся каникулы, такъ министры и депутаты предпринимаютъ различныя поѣздки съ цѣлью политической пропаганды. Въ Германіи каждый предается, послѣ совершеннаго труда, отдыху, какъ это дѣлали дѣды, занимается личными дѣлами, газеты ведутъ политику на свой собственный страхъ, и все обыкновенно приходитъ въ такой беспорядокъ, что при началѣ новой парламентской сессіи проходитъ нѣсколько недѣль, прежде чѣмъ политическіе единомышленники столкуются между собой. Что такой порядокъ вещей крайне невыгодно отражается на политической жизни, — которая благодаря ему идетъ какими-то скачками, — это очевидно. Немало содѣйствуетъ усиленію этой сумятицы замкнутость, въ какую заключило себя съ мая и держитъ по сіе время министерство иностранныхъ дѣлъ относительно прессы, съ которою прежде оно поддерживало многочисленныя, частію признанныя, частію непризнанныя сношенія. Тотъ чиновникъ, который руководилъ этими сношеніями, уволенъ въ отставку, и весь чиновничій міръ замкнулся въ ненарушимое молчаніе. Натурально, эти мѣры признаются за кару и отверженіе такъ называемой оффиціозной прессы, и эта послѣдняя, бывшая всегда и безъ того предметомъ жаркихъ нападокъ, теперь предоставлена въ жертву всеобщей ненависти и презрѣнію. Вамъ извѣстенъ, конечно, эпитетъ „пресмыкающихся“, которымъ обозначается эта пресса или, по крайней мѣрѣ, тѣ журналисты, которые въ ней участвуютъ. Происхожденіе его слѣдующее. Это слово уже съ давнихъ поръ довольно часто употреблялось въ политическихъ враждебныхъ партияхъ Англіи, и въ „Пиввикскомъ клубѣ“, Диккенса, враждебные другъ

другу журналисты маленькаго провинціального городка, гдѣ происходитъ комическая избирательная борьба, взаимно обыываютъ другъ друга „пресмыкающимися“. Быть можетъ князь Бисмаркъ, который любитъ английскую литературу, изъ нея почерпнулъ это слово, и употребилъ его въ рѣчи, которую произнесъ еще въ 1868 г. По случаю конфискаціи части имущества короля Георга Ганноверскаго, онъ говорилъ о тѣхъ людяхъ, которые для возстановленія Ганноверской династіи не пренебрегаютъ никакими средствами, даже союзомъ съ Франціей, о тайныхъ проискахъ нѣкоторыхъ агентовъ, и назвалъ этихъ людей пресмыкающимися, которыхъ слѣдуетъ истреблять въ ихъ норахъ. Это слово, пущенное въ ходъ Бисмаркомъ, было подхвачено его противниками и обращено противъ тѣхъ органовъ, которые поддерживали политику самого Бисмарка и считались официозными органами. Извѣстно, что нѣкоторый фондъ опредѣленъ на поддержку прессы, но я полагаю, что онъ тратится скорѣе на заграничные журналы, а внутри страны развѣ самая ничтожная сумма идетъ на это дѣло. Изъ берлинскихъ газетъ, напримѣръ, навѣрное ни одна не получаетъ ни одного пфеннига отъ правительства. Только строго официальный Staatsanzeiger издается на счетъ правительства, но суммы, употребляемыя на это, стоятъ въ бюджетѣ и ежегодно опредѣляются палатами. Я признаю, что между тѣми, кто нападаетъ на официозность прессы, есть много честныхъ людей. Несомнѣнно существуетъ опасность, что посредствомъ тайнаго вліянія правительства на органы, по наружности независимые, общественное мнѣніе будетъ ложно направляемо. Однако въ странѣ съ неограниченной свободой прессы правительство, въ конституціонномъ смыслѣ этого слова, не можетъ рассчитывать на прочное существованіе, если не будетъ имѣть за себя вліятельныхъ и многочисленныхъ представителей въ прессѣ. Въ Англии, до сихъ поръ еще остающейся образцомъ конституціонныхъ учрежденій, представительство это устраивается весьма легко и просто, такъ какъ пресса той партіи, изъ которой вышло министерство, беретъ на себя его защиту: сегодня консервативная, завтра либеральная пресса. Напротивъ того, въ Германіи министерства до сихъ поръ выходятъ не изъ парламентскихъ партій, а потому не могутъ рассчитывать на поддержку какой-бы то ни было части прессы, а тѣ газеты, которыя станутъ ихъ защищать, тотчасъ же будутъ сочтены всей оппозиціей за подчиненные, министерскіе, официозные органы. Если когда-нибудь образуется министерство изъ среды національно-либеральной партіи, то само собой разумѣется, что вліятельная національ-либеральная пресса станетъ его поддерживать. То же самое будетъ и съ министерствомъ прогрессивной партіи, когда она—что во всякомъ случаѣ будетъ не скоро—

выдѣлать изъ своей среды министерство. Когда установится такой порядокъ дѣлъ, тогда сами собой прекратятся взаимные переборы. Но можетъ, конечно, произойти и нѣчто иное. Независимость прессы— весьма хорошее слово и весьма благородное дѣло, очень часто понимается въ Германіи такъ, что ее слѣдуетъ удерживать даже и относительно политическихъ единомышленниковъ, разъ они попадаютъ въ члены правительства. На практикѣ это выражается обыкновенно такимъ образомъ, что газеты, которыя раздѣляютъ взгляды какого-нибудь политическаго дѣятеля, становятся къ нему въ оппозицію, какъ скоро онъ дѣлается министромъ, чтобы засвидѣтельствовать о своей независимости.

Въ Пруссіи такъ-называемое министерство новой эры (1859—1862), министерство либеральное, было такимъ образомъ оставлено либеральной прессой безъ всякой поддержки и потому самому пало. Мысль, что только оппозиція составляетъ политическую роль, достойную независимаго человѣка, весьма глубоко укоренилась въ Германіи. Она, конечно, доказываетъ политическую незрѣлость, потому что политическое развитіе только тогда и возможно, когда политическія идеи, возникшія внѣ министерства, выработанныя не-правительственными партіями, позднѣе становятся достояніемъ правительства, въ средѣ котораго онѣ нѣсколько видоизмѣняются. Консервативные министры въ Англіи становятся менѣе консервативными, чѣмъ они были съ того времени, какъ заняли мѣсто на министерской скамьѣ, а либерализмъ самыхъ ярыхъ либераловъ нѣсколько блѣднѣетъ, когда они получаютъ портфель. Несмотря на то, первый остался все тѣмъ же консерваторомъ, какимъ былъ прежде, а второй такимъ же либераломъ. Но только практика нѣчто иное, чѣмъ теорія. Рядомъ съ независимостью существуетъ еще и другой лозунгъ для прессы: здравый смыслъ. Многіе представители прессы хвалятся тѣмъ, что не принадлежатъ ни къ какой партіи, или, какъ они обыкновенно выражаются, стоятъ выше партій. Они проводятъ свои собственныя идеи, перескакиваютъ отъ одной партіи къ другой и иногда лично играютъ блестящую роль, если оригинальны и остроумны. Блистательнымъ образцомъ такой независимости является Эмиль-де Жиранденъ, но за то эта независимость самая худшая, какая только можетъ быть: она производитъ сумятицу въ партіяхъ, пріучаетъ массу публики къ нелогическому политическому мышленію, а въ современномъ государствѣ, какъ только оно доросло до конституціонныхъ формъ, постоянно прогрессивное движеніе возможно лишь при существованіи хорошо организованныхъ партій.

Неустойчивость внѣшней политики выказалась въ прессѣ особенно арко на одномъ событіи, дѣйствительной важности, а именно:

возстаніи въ Герцеговинѣ. Какой-то инстинктъ тотчасъ же подсказалъ, что это возстаніе нѣчто иное, чѣмъ тѣ маленькія вспышки, которыя почти каждое лѣто происходятъ на Балканскомъ полуостровѣ. Европейская дипломатія, безъ сомнѣнія, давно уже знала о характерѣ новаго возстанія, потому что уже первыя незначительныя извѣстія возбуждали большое вниманіе. Пресса молчала нѣкоторое время и ограничивалась только сообщеніемъ фактовъ, но когда событія приняли извѣстное опредѣленное направленіе, она заговорила и съ ббльшей рѣшимостью и единодушіемъ, чѣмъ когда-либо. Для каждого, кто слѣдилъ за развитіемъ общественнаго мнѣнія въ послѣднія 25 лѣтъ, было въ высшей степени любопытнымъ явленіемъ то обстоятельство, что наконецъ-то догадались, что турецкіе угнетенные подданные христіане уже въ качествѣ христіанъ заслуживаютъ симпатію всѣхъ остальныхъ. Задолго до крымской войны въ Германіи установился формальный культъ относительно турокъ, заимствованный отъ Англіи, гдѣ его пророкомъ бытъ извѣстный Урквардтъ. Для нѣмецкихъ и англійскихъ туркофиловъ, турокъ былъ любезнѣйшій человекъ въ мірѣ, справедливый, кроткій, храбрый, экономный, умѣренный и даже, полагаю, несмотря на полигамію, образецъ цѣломудрія. Во всякомъ случаѣ считалось, что онъ и физически и умственно стоитъ гораздо выше варварскихъ христіанскихъ племенъ, находящихся подъ его управленіемъ. Немного лѣтъ тому назадъ прогрессивный, умный и крайне либеральный депутатъ Цеглеръ могъ возставать въ сѣверо-германскомъ рейхстагѣ противъ закона, который долженъ былъ расширить права и полномочія нѣмецкихъ консуловъ на Востокѣ, и доказывать превосходство турецкой юрисдикціи въ рѣчи, торжественно заключенной имъ словами: „я пойду судиться къ кади“. Много обстоятельствъ способствовало тому, чтобы произвести такую путаницу въ умахъ. Считалось признакомъ хорошаго тона и особенно просвѣщеннаго взгляда не давать политическихъ преимуществъ христіанской вѣрѣ. Не малую роль играла при этомъ и прирожденная любовь нѣмцевъ ко всему чужеземному, наконецъ въ то время все еще существовали нѣкоторыя опасенія и антипатіи относительно Россіи, которыя въ новѣйшее время вполнѣ разсѣялись. Итакъ, первой мыслью прессы было, что турецкіе христіане, въ качествѣ христіанъ, заслуживаютъ симпатіи всѣхъ остальныхъ, а второе: дѣйствительно ли такъ безусловно необходимо поддерживать status quo въ Турціи, какъ это въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ утверждалось дипломатами Австріи и Англіи? Въ наше время столько незыблемыхъ на видъ политическихъ понятій развѣялось прахомъ, что естественно съ крайней недовѣрчивостью относиться къ политическимъ идоламъ. Я могу резюмировать результатъ въ слѣдующихъ

короткихъ словахъ: status quo уже больше не считается такой безусловной необходимостью. Всѣмъ ясно, что три европейскія восточныя державы могутъ, какъ скоро пожелаютъ, разрушить это status quo. Нѣмецкая пресса зашла еще далѣе. Она высказала мнѣніе, что австрійскому правительству слѣдуетъ воспользоваться представляющимъ случаемъ, расширить свое вліяніе на Востокъ и способствовать образованію новаго независимаго государства. Эта мысль встрѣтила въ Австріи съ одной стороны сильный отпоръ, а съ другой—живѣйшее сочувствіе. Но кажется, что австрійское правительство почувствовало себя оскорбленнымъ тѣмъ, что нѣмецкая пресса какъ бы навязываетъ ему извѣстный политическій образъ дѣйствій, а можетъ быть и то, что германское правительство побоялось щекотливости дружественнаго ему австрійскаго правительства,—но только въ одинъ прекрасный день появилось въ „Staatsanzeiger“ официальное заявленіе, безусловно отвергавшее гадательную политику нѣмецкихъ газетъ и завѣрявшее, что высказанные ею взгляды вовсе не гармонируютъ со взглядами на этотъ предметъ союзныхъ державъ. Этимъ положенъ былъ конецъ доброжелательнымъ усиліямъ прессы, и съ весьма понятнымъ смущеніемъ она оставила этотъ предметъ или, по крайней мѣрѣ, удержала при себѣ свои совѣты и предоставила дипломатіи рѣшать спорный вопросъ, который во всякомъ случаѣ имѣетъ меньшій прямой интересъ для Германіи, чѣмъ для Франціи или Россіи.

Объ ультрамонтанахъ въ послѣднее время что-то замолкли, хотя они и старались привлечь на себя вниманіе. Единственнымъ важнымъ моментомъ въ все еще не прекратившейся борьбы между государствомъ и церковью (кромя неудачной попытки баварскихъ ультрамонтанъ, низвергнуть настоящее министерство въ Баваріи), было присужденіе бреславльскаго архіепископа Гейнриха Фёрстера къ лишенію сана, послѣдовавшее во время пребыванія императора въ Баденъ и совершившееся безъ всякаго скандала, такъ какъ архіепископъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ предпочелъ удалиться въ австрійскій округъ своей епархіи. Но въ это самое время были пущены въ ходъ различныя уловки, чтобы повліять на императора, которому выставляли на видъ—какъ сильно негодованіе католическаго населенія на преслѣдованіе его достопочтенныхъ епископовъ; но это вліяніе по прежнему осталось втунѣ, и ультрамонтанамъ придется пережить еще грустное зрѣлище, а именно, что кѣльнскій архіепископъ будетъ также лишенъ своего сана. Послѣ неудачнаго похода въ Баваріи они нѣсколько присмирѣли, и такъ какъ отчаялись въ томъ, чтобы настроеніе императора Вильгельма измѣнилось въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ, то недавно сдѣлали новую попытку, въ

достоверности которой нельзя сомневаться и которая проливает интересный светъ на ихъ образъ мыслей. Они поручили одному изъ своихъ добиться свиданія съ кронпринцемъ, чтобъ узнать его мнѣніе о церковно-политическихъ дѣлахъ, и то, можно ли надѣяться при его управленіи на перемѣну системы.

Какъ и въ каждомъ монархическомъ государствѣ, гдѣ сверху поддерживается порядокъ, наследникъ престола не заявляетъ о своихъ политическихъ взглядахъ, такъ и кронпринцъ Фридрихъ-Вильгельмъ поступаетъ точно также, и естественно, что это обстоятельство порождаетъ самыя разнообразныя догадки и надежды.

Противники князя Бисмарка шепотомъ толкуютъ о томъ, что дни канцлера сочтены, когда императоръ Вильгельмъ закроетъ глаза, и ультрамонтаны увѣряютъ, что кронпринцъ ничего такъ не желаетъ, какъ возстановить миръ между государствомъ и церковью, т.-е. отмѣнить майскіе законы и предоставить епископамъ въ Пруссіи хозяйничать, какъ имъ вздумается. Правды въ этихъ обоихъ утвержденіяхъ нѣтъ нисколько. Всѣмъ извѣстно, да это и не тайна, а объ этомъ неоднократно заявлялось во всѣхъ газетахъ, что въ важныхъ случаяхъ кронпринцъ имѣлъ продолжительныя бесѣды съ княземъ Бисмаркомъ, напр. передъ тѣмъ, какъ онъ ѣздилъ въ прошломъ апрѣлѣ въ Италію, и нѣтъ никакого основанія не вѣрить людямъ, хорошо посвященнымъ въ эти дѣла, и которые утверждаютъ, что канцлеръ излагаетъ мотивы и цѣли своей политики кронпринцу такъ же, какъ и императору Вильгельму.

Съ ультрамонтанами повторилась та же исторія, что съ творцами послѣднихъ промышленныхъ мошенничествъ. Они такъ долго и успѣшно надували публику, что наконецъ сами повѣрили въ свои плутни, и въ большей части катастрофы стали ихъ первою жертвою. И такъ, какъ я уже выше сказалъ, ультрамонтаны подослали посредника, отъ котораго могли вдобавокъ удобно отречься, каноника графа фонъ-Шпее, бывшаго нѣкогда членомъ партіи центра, къ кронпринцу, чтобы вывѣдать мнѣнія послѣдняго. Но кронпринцъ сказалъ имъ правду и объявилъ, что онъ не питаетъ ни малѣйшей вражды ни къ католическому духовенству, ни къ епископамъ, но что и то и другіе обязаны подчиняться законамъ. Хотя ультрамонтаны и отрекались, чтобы кто-либо изъ ихъ среды принималъ на себя роль посредника, но это чистѣйшая игра словъ, основанная на томъ, что графъ Шпее больше не членъ рейхстага. Несмотря на то, онъ очень близокъ съ партіей центра и былъ весьма пригоденъ для роли посредника, причемъ его партія, всегда дожидаящаяся приказаній изъ Рима, могла считать себя ни къ чему не обязанной его посредничествомъ. Случай этотъ показываетъ, что ультрамонтаны очень утом-

лены. Они очень хорошо видятъ, какой громадный вредъ вытекаетъ для ихъ церкви и для духовенства изъ борьбы, безнадежно проигранной, и не сегодня—завтра охотно подчинились бы церковно-политическимъ законамъ, еслибы изъ Рима, гдѣ положеніе дѣлъ въ Германіи совсѣмъ неизвѣстно, а сама Германія ненавидится и презирается, не приходило обратныхъ приказаній. Католическое духовенство въ Германіи и преданная ему клика суть для римской курии безнадежные посты, которые должны держаться до послѣдняго человѣка, чтобы обезпечить благопріятный оборотъ дѣлъ для главной позиціи.

Можно было бы, пожалуй, счесть за дипломатическую тонкость обращеніе кронпринца съ каноникомъ Шпее, еслибы другія обстоятельства не поясняли образа мыслей кронпринца.

Въ числѣ знаменитыхъ противниковъ ультрамонтанства, стоитъ, послѣ князя Бисмарка, д-ръ Фалькъ, министръ просвѣщенія и ненавистнѣйшій для ультрамонтанъ человѣкъ, которому они не проускаютъ случая дать почувствовать свою ненависть.

Въ прошломъ году случилось такъ, что на одномъ придворномъ праздникѣ, императрица Августа прошла мимо д-ра Фалька, не удостоивъ его замѣтить. Случайно, недалеко отъ министра, стоялъ кронпринцъ, который ободрительно потрепалъ его по плечу и повторилъ ему тѣ слова, которыми одинъ храбрый рыцарь пытался утѣшить Лютера, когда этотъ послѣдній явился въ Вормсъ, чтобы отдать отчетъ въ своемъ еретичествѣ: „монашекъ, монашекъ, трудненько тебѣ приходится“.

Также и въ народѣ все больше и больше распространяется сознаніе, что движеніе ультрамонтанъ все болѣе и болѣе ослабѣваетъ. Аресты и низложенія епископовъ проходятъ почти совсѣмъ незамѣченными, недостатка въ священникахъ еще нигдѣ не проявлялось, и такъ какъ число такихъ, которые заявили о своей готовности повиноваться законамъ, ежедневно растетъ, то божественная служба совершается безпрепятственно. Надежды на усложненія во внѣшней политикѣ, которыя бы улучшили положеніе ультрамонтанъ, вполне разсѣялись, и пуще всего вожди этой борьбы убѣдились, что и сами они не годятся въ мученики, да и государство вовсе не намѣревается производить ихъ въ чинъ мучениковъ. Въ рейхстагѣ центръ держитъ себя пока въ выжидательномъ положеніи, и такой порядокъ дѣлъ долго продлится, если только либеральная партія не сдѣлаетъ какой-нибудь крупной ошибки.

Рейхстагъ, открывшійся 27-го октября, до сихъ поръ отличался совсѣмъ особенной фізіономіей. Единственное, чтб у него есть общаго съ прежними рейхстагами, это то, что въ своихъ первыхъ засѣда-

ніяхъ онъ былъ не въ томъ составѣ, какой требуется для постановки рѣшеній. Но за то прежніе рейхстаги, какъ скоро получали требуемый составъ, стремительно брались за дѣла и старались возможно больше вопросовъ порѣшить *in plenum*, чтобы избѣжать скучныхъ переговоровъ въ комиссіяхъ. Теперешній рейхстагъ мямлитъ, отсылаетъ одинъ проектъ за другимъ въ комиссіи, и приступилъ къ настоящей работѣ только послѣ трехнедѣльнаго существованія, всего нѣсколько дней тому назадъ, занявшись обсужденіемъ бюджета. Причину этого замедленія слѣдуетъ отчасти искать въ томъ, что не всѣ еще проекты правительства готовы. Однако все же недостатка въ нихъ не было, но и тѣ, которые уже готовы, не были обсуждаемы.

При этомъ замѣчается поразительный духъ оппозиціи: первой жертвой его сталъ генеральный почтъ-директоръ Стефанъ, обыкновенно пользовавшійся большою популярностью какъ въ самомъ рейхстагѣ, такъ и внѣ его, и которому предстоитъ теперь болѣе обширная сфера дѣятельности, такъ какъ телеграфное управленіе соединяется съ почтовымъ, и онъ будетъ стоять во главѣ того и другого. Первымъ изъ законопроектовъ, предложенныхъ на обсужденіе въ настоящую сессію, былъ проектъ о регулированіи отношеній почты къ желѣзнымъ дорогамъ, до сихъ поръ опиравшихся на разнообразныхъ опредѣленій различныхъ частныхъ законоположеній. Однимъ изъ важнѣйшихъ между ними былъ прусскій желѣзно-дорожный законъ 1838 г., который въ своихъ главныхъ чертахъ вошелъ въ составъ почтового закона, изданнаго рейхстагомъ 28-го октября 1871 г. Въ тридцатыхъ годахъ, когда построены были первыя желѣзныя дороги, правительство опасалось, какъ бы желѣзныя дороги не нанесли ущерба почтовой регалии, т.-е. почтовой перевозкѣ лицъ, писемъ и посылокъ. Поэтому концессіи желѣзно-дорожныя обставлялись тяжелыми обязательствами, главнымъ образомъ относительно безплатной доставки почты, и эти условія съ теченіемъ времени становились все обременительнѣе. Внесенный въ настоящее время въ рейхстагъ законъ имѣетъ въ виду одно лишь объединеніе всѣхъ этихъ законоположеній, тѣмъ не менѣе противъ него составила оппозиція, утверждающая, что желѣзныя дороги слишкомъ обременены ради выгодъ почты и что вообще всѣми признанное превосходство почтового управленія оплачивается желѣзными дорогами. Понятно, что почта можетъ удерживать крайне дешевыя цѣны лишь въ такомъ случаѣ, когда желѣзныя дороги довольствуются ничтожнымъ вознагражденіемъ, а это особенно чувствительно теперь, такъ какъ дивиденды желѣзныхъ дорогъ быстро понизились въ послѣдніе годы. Почтовое управленіе, конечно, весьма недовольно этой оппозиціей и объявляетъ, что если его лишать теперешнихъ привилегій, то оно натурально должно

будетъ повысить тарифъ и что такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ, публикѣ придется вознаграждать желѣзныя дороги. Вопросъ этотъ во всякомъ случаѣ крайне сложный. Въ интересѣ большинства несомнѣнно лежитъ дешевый почтовой тарифъ, но нарушеніе интересовъ желѣзныхъ дорогъ отнюдь тоже не лежитъ во всеобщемъ интересѣ, потому что если старыя желѣзныя дороги будутъ приносить худой доходъ, то не станутъ строить новыхъ. До сихъ поръ вопросъ этотъ обсуждался въ комиссіи, которая неблагоприятна требованіямъ почтоваго управленія. Но еще далеко не рѣшено, что рейхстагъ станетъ на ту же самую точку зрѣнія. По всей вѣроятности, генеральный почтъ-директоръ и на этотъ разъ одержитъ побѣду, но впервые онъ встрѣтилъ оппозицію, и блескъ гармоніи, существовавшей между нимъ и рейхстагомъ, омраченъ.

Пренія по этому дѣлу доставили новые аргументы тѣмъ лицамъ, которыя выставили на своемъ знамени отведеніе желѣзныхъ дорогъ въ вѣдомство правительства, потому что ясно, что столкновение интересовъ прекратится, какъ скоро почты и желѣзныя дороги будутъ въ вѣдѣніи правительства; всѣ расходы будутъ тогда оплачиваться изъ одной кассы, и всѣ приходы поступать въ одну кассу. Отведеніе желѣзныхъ дорогъ въ вѣдѣніе правительства—такая тѣма, которая часто обсуждалась, но безъ всякихъ практическихъ результатовъ. Въ прежнія времена руководящей нитью въ этихъ разсужденіяхъ служили главнымъ образомъ политическія соображенія. Противники правительственнаго завѣдыванія желѣзными дорогами исходили изъ той точки зрѣнія, что государство приобретаетъ съ нимъ слишкомъ большое вліяніе. Полчища его чиновниковъ, уже и безъ того значительныя, чрезвычайно какъ умножаются черезъ это, и вліяніе государства на выборы, напримѣръ, станетъ вдвое сильнѣе, чѣмъ теперь. Съ тѣхъ поръ, однако, взгляды нѣсколько измѣнились: Государство состоитъ, вѣдь, изъ всей массы народа и воля послѣдняго можетъ быть сдѣлана обязательной для правительства для созданія такихъ учреждений, которыя бы устранили зло, могущее произойти отъ слишкомъ большого числа чиновниковъ. Свободная конкуренція между желѣзными дорогами далеко не оказалась такою благодѣтельной, какъ того ожидали. Выгоды обращенія получились отъ нея небольшія, а самимъ желѣзнымъ дорогамъ она сильно повредила. Соперничающія вѣтви отправляютъ одновременно на одни и тѣ же пункты свои поѣзды, между тѣмъ какъ одного поѣзда было бы совершенно достаточно. Съ громадными издержками строятся два или три моста близко одинъ отъ другого, черезъ одну и ту же рѣку, между тѣмъ какъ одного изъ нихъ было бы вполне достаточно. Въ аккуратности, во вниманіи къ путешествующимъ, въ заботливости объ устраненіи несчастныхъ слу-

чаевъ, государственныя желѣзныя дороги нисколько не уступаютъ частнымъ, но даже превосходятъ ихъ. Какое упрощеніе, если государство возьметъ на себя все управленіе и будетъ направлять его къ одной общей цѣли, избѣгать излишнихъ издержекъ и наилучшимъ образомъ эксплуатировать каждую вѣтвь. Наконецъ, не малымъ преимуществомъ было бы и то, что, благодаря такой операціи, увеличился бы государственный долгъ, безъ всякаго отягощенія для страны, потому что суммы, пускаемыя въ подобныя обороты, въ высшей степени производительны. Чрезвычайно быстрое погашеніе государственнаго долга послѣ послѣдней войны имѣло, какъ извѣстно, сильное вліяніе на усиленіе мошенническихъ предпріятій, потому что частныя капиталы лишены были возможности пріобрѣтать государственныя бумаги. Большой консолидированный заемъ, какой существуетъ, на примѣръ, въ Англіи и во Франціи, произвелъ бы весьма благодѣтельный переворотъ во всѣхъ экономическихъ отношеніяхъ. Такая сильная рента держала бы въ рукахъ биржу, оставила бы достаточное поприще для спекуляціи, которыя нельзя совершенно убить, но вытѣснила бы съ биржи пропасть негодныхъ бумагъ, которыми публику надуваютъ самымъ нахальнымъ образомъ. Не бывало еще болѣе удобнаго момента для приведенія въ исполненіе подобной идеи, какъ теперешній, когда акціонеры болѣе части желѣзныхъ дорогъ, напуганные цѣлымъ рядомъ плохихъ годовъ, удовольствовались бы самымъ скромнымъ вознагражденіемъ, и истинно-геніальный финансистъ, конечно, сумѣлъ бы устроить такую операцію. Но, какъ кажется, Германіи недостаетъ такого финансиста.

Плохое состояніе желѣзно-дорожнаго дѣла находится въ тѣсной связи съ все еще продолжающимся и даже усиливающимся застоємъ въ промышленности, который вызвалъ въ послѣдніе мѣсяцы сильную агитацію въ пользу протекціонистской системы и можетъ произвести ожесточенную борьбу въ рейхстагѣ, предвозвѣстникомъ которой могутъ служить пренія въ рейхстагѣ по вопросу о бюджетѣ на 1876 г. Желѣзные промышленники первые выступили съ жалобами. Имъ, впрочемъ, всего сильнѣе грозитъ опасность разоренія, такъ какъ въ силу закона 7-го іюня 1873 г., начиная съ января мѣсяца 1877 г. желѣзные товары, до сихъ поръ обложенные пошлиной въ 10 зильбергрошей съ центнера, будутъ ввозиться безпошлинно. Желѣзная промышленность уже теперь сильно страдаетъ отъ неблагоприятныхъ внутреннихъ условій, равно какъ и отъ конкуренціи съ Англіей и Франціей, и желѣзные промышленники того мнѣнія, что отмѣна пошлины разоритъ ихъ въ конецъ. Въ качествѣ ихъ органа выступилъ извѣстный депутатъ фонъ-Кардорфъ, который въ брошюрѣ, озаглавленной „Противъ теченія“, возстаетъ на господствующую въ настоя-

щее время въ Германіи экономическую политику. Брошюра, къ которой приверженцы свободной торговли относится съ крайнимъ пренебреженіемъ, выдержала однако нѣсколько изданій и трактуеть о многихъ пунктахъ съ большимъ толкомъ и остроуміемъ. Такъ, напримеръ, господствующая въ настоящее время въ Германіи школа свободной торговли утверждаетъ, что свобода торговли—единственная при всѣхъ возможныхъ условіяхъ правильная система торговли, и что при этомъ рѣшительно все равно, держатся ли сосѣднія страны свободной торговли или нѣтъ. Та страна, гдѣ такая система существуетъ, будетъ въ такомъ случаѣ оазисомъ среди пустыни.

Фонъ-Кардорфъ съ настойчивостью опровергаетъ эти воззрѣнія, ссылаясь для примѣра на Англію, славящуюся какъ образецъ свободы торговли, и въ которой, какъ извѣстно, впервые зародилась теорія о свободной торговлѣ. Онъ говоритъ, что для Англіи свобода торговли, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, дѣйствительно наиболѣе благоприятная экономическая система, но что англичане ни мало не стѣсняются отмѣнять эту систему тамъ, гдѣ она оказывается для нихъ бесполезной. И Германія какъ разъ стала жертвой такой отмѣны. Высокая пошлина на спиртъ, существующая въ Англіи, дѣлаетъ невозможнымъ привозъ спирта изъ Германіи, въ особенности изъ Пруссіи, для восточныхъ провинцій которой винокуренье составляетъ главную отрасль сельскаго хозяйства. Далѣе: ввозъ скота въ Англію изъ сѣверной Германіи принялъ въ послѣдніе годы огромные размѣры. Подъ предлогомъ охраненія отъ заразы, которая въ Англіи существуетъ точно также, какъ и въ Германіи, изданы были такія мѣры, которыя сдѣлали почти невозможнымъ ввозъ скота изъ Германіи и нанесли значительный ущербъ сельскому хозяйству послѣдней. Если же, наконецъ, Англія, вообще говоря, и представляется страной, гдѣ свобода торговли процвѣтаетъ и особенно выгодна, то это потому, что Англія, гдѣ главную промышленность составляютъ бумагопрядильная и желѣзная, не только непомѣрно богата каменнымъ углемъ и желѣзомъ, но еще имѣетъ въ своихъ колоніяхъ дешевыхъ поставщиковъ сырыхъ продуктовъ и покупателей дорогихъ фабричныхъ издѣлій. Ей удалось вслѣдствіе этого сосредоточить невѣроятный капиталъ для машинной обработки сырыхъ продуктовъ, приобрести громадный рынокъ для сбыта и достигъ изумительныхъ успѣховъ въ техникѣ, и теперь она стала такимъ атлетомъ, съ которымъ, по крайней мѣрѣ по части бумагопрядильной и желѣзной промышленности, никто не въ состояніи тягаться. При этомъ немаловажную роль играетъ и богатство капиталовъ въ Англіи. Несмотря на существующую пошлину, англичане доставляютъ во всѣ прибрежныя области желѣзо по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ туземные (вестфальскіе и

верхнесилезскіе заводы). Само собой разумѣется, что доступная для англичанъ область значительно расширится съ отмѣной пошлины. Мало того, они станутъ на первое время работать въ убытокъ себѣ, съ тѣмъ, чтобы только убить нѣмецкую желѣзную промышленность, потому что, какъ скоро это случится, имъ можно будетъ установить какія угодно цѣны и съ избыткомъ вернуть то, что потеряли раньше.

Я былъ однажды свидѣтелемъ подобнаго эксперимента, который въ жизнь свою не забуду. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ построена была здѣсь однимъ англійскимъ обществомъ первая желѣзно-конная дорога, которая вела отъ одного пункта, неподалеку отъ дворца въ Шарлоттенбургѣ,—любимое гулянье берлинскихъ жителей. Обществу пришлось преодолѣть всевозможныя препятствія, прежде чѣмъ оно добилось концессіи. Такъ, ему не дозволили проложить двухколейные рельсы, потому что это стѣснило бы остальное обращеніе, не позволили вести путь черезъ улицу Подъ-Липами (которая была кратчайшимъ направлениемъ), такъ какъ это стѣснило бы проѣзжающихъ и прохожихъ и т. д. Берлинская публика точно также отнеслась несочувственно къ нововведенію, привыкнувъ къ старымъ omnibusамъ, ходившимъ въ Шарлоттенбургѣ, и оставалась имъ вѣрна. Желѣзно-конной дорогѣ приходилось плохо. Тогда она понизила цѣны до minimum'a (1 вильбергрошъ до Шарлоттенбурга, т.-е. за разстояніе въ 1 нѣмецкую милю, а абонементные билеты были еще дешевле). Это подѣйствовало. Omnibusы не выдержали конкуренціи и прекратили свои поѣзды. Въ тотъ день, какъ проѣхалъ послѣдній изъ нихъ, желѣзно-конная дорога снова возвысила свой тарифъ, такъ какъ мертвые не воскресаютъ и нельзя было больше опасаться конкуренціи omnibusовъ: въ непродолжительномъ времени акціи желѣзно-конной дороги повысились на 300%, сообразно съ высокимъ дивидендомъ, приносимымъ ими.

Этотъ экспериментъ отлично можетъ повториться и въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, причемъ потребуетъ только болѣе значительной затраты капитала. Но кто только осмѣливается высказать опасеніе, что англичане, послѣ отмѣны пошлины на желѣзо, могутъ воспользоваться этимъ случаемъ съ тѣмъ, чтобы убить желѣзную промышленность Пруссіи, того немедленно обываютъ приверженцемъ запретительной системы торговли, что составляетъ такое же пренебрежительное слово, какъ при другихъ обстоятельствахъ и съ другихъ сторонъ слово „реакціонеръ“. Если желѣзная промышленность не можетъ существовать безъ пошлины, то пусть погибаетъ! Вотъ послѣднее слово защитниковъ отмѣны пошлины; а сколько милліоновъ капитала погибаетъ при этомъ—объ этомъ они не думаютъ. На ихъ

сторонѣ все сельское населеніе восточныхъ провинцій и купечество приморскихъ городовъ. Крупные землевладѣльцы утверждаютъ, что отъ пошлины на желѣзныя издѣлія страшно дорого сельско-хозяйственнымъ машинны, въ которыхъ они крайне нуждаются. Въ этомъ они, конечно, правы, но забываютъ, что государство въ другихъ отношеніяхъ оказываетъ покровительство сельскому хозяйству, и это уравниваетъ невыгоду; такъ, наприимѣръ, пошлиной на ость-индскій сахаръ, благодаря которой стала возможна туземная свеклосахарная промышленность. При введеніи безусловной свободы торговли все это должно измѣниться. Землевладѣльцы, конечно, такъ же эгоистичны, какъ и промышленники. Вслѣдствіе этого они также яростно отвергаютъ пониженіе желѣзно-дорожнаго тарифа для перевозки на дальнія разстоянія и въ большихъ количествахъ различныхъ продуктовъ, которые сдѣлаютъ возможной дешевую доставку хлѣба и другихъ вещей изъ производительныхъ странъ. Благодаря этому тарифу, хлѣбъ сталъ дешевле, и если сельскимъ хозяевамъ это и не выгодно, за то все остальное населеніе въ выигрышѣ. Такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ сталкиваются самые разнообразные интересы, и если правительство не хочетъ или не можетъ уравнять ихъ, то принципъ свободной торговли, конечно, имѣетъ за себя многое, но только не слѣдуетъ тогда претендовать на жертвы, которыя оны потребуетъ отъ страны въ теченіе нѣкотораго и, быть можетъ, весьма продолжительнаго времени.

Сельско-хозяйственные вопросы сильно занимаютъ также и рейхстагъ, и самъ князь Бисмаркъ принимаетъ въ нихъ участіе.

Да! самъ князь Бисмаркъ, такъ какъ вардинскій пустынный монахъ снова прибылъ сюда въ прошлую субботу, и въ воскресенье имѣлъ аудіенцію у императора, а третьяго дня (въ понедѣльникъ) появился въ рейхстагъ, чтобы участвовать въ преніяхъ по вопросу о повышеніи налога на пиво.

Всѣмъ, конечно, любопытно было поглядѣть, каковъ собой на видъ канцлеръ, и общее мнѣніе таково: что оны очень постарѣлъ. Черты лица его осунулись и хотя оны все еще держится очень прямо, однако видно, что ему это стобитъ большихъ усилій. Но мрачнаго настроенія духа, которое ему приписывали, не было замѣтно и слѣда. Рѣчь его блистала тонкимъ юморомъ и вызывала неоднократный смѣхъ въ палатѣ, хотя оны и самъ сознавалъ, что защищаетъ проигранное дѣло, такъ какъ налогъ на пиво также непопуляренъ внутри палаты, какъ и виѣ ея, и министръ финансовъ въ нѣкоторомъ родѣ какъ бы сознался въ субботу, при обсужденіи вопроса о бюджетѣ, что оны равнодушно отнесется къ тому, если проектъ его будетъ отвергнутъ рейхстагомъ. Ну, а такое заявленіе не можетъ содѣй-

ствовать принятію новаго налога. Министръ финансовъ сознается, что въ 1876 г. нельзя опасаться дефицита, но онъ желаетъ обезпечить отъ дефицита и 1877 г. Но большинство того мнѣнія, что къ тому времени увеличатся также и приходы, и что неблагоприятно при существующихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ еще усиливать ихъ новыми налогами.

Затѣмъ, князь Бисмаркъ развивалъ свои взгляды о рациональной системѣ налоговъ. Онъ предпочитаетъ косвенные налоги прямымъ, желаетъ подоходнаго налога и чисто финансовыхъ пошлинъ, которыя бы падали на весьма ограниченное число предметовъ, но были бы очень высоки. Совсѣмъ тѣмъ Бисмаркъ самъ сознался, что такой планъ составляетъ пока чистѣйшую фантазію, и что какъ ни простъ съ виду его проектъ, а ввести его на практикѣ оказалось бы весьма труднымъ. Но вообще какъ Кампгаузенъ, такъ и Бисмаркъ вели себя вполне конституціонно. Оба неоднократно подтверждали, что правительство вовсе не желаетъ оспаривать или ограничивать права рейхстага и что рѣшенія его будутъ оставлены безъ измѣненія, но съ тѣмъ, чтобы и отвѣтственность за результаты падала на него.

Появленіе Бисмарка въ рейхстагѣ имѣло еще другое значеніе. Утверждали, будто между нимъ и Кампгаузеномъ существуетъ размова. Другіе увѣряли, что онъ разошелся съ національно-либеральной партіей и желаетъ сблизиться съ консервативной и образовать изъ консервативныхъ фракцій новую правительственную партію. Образъ дѣйствій Бисмарка не подтвердилъ ни одного изъ этихъ слуховъ, и совсѣмъ невѣроятно, чтобы въ моментъ удачнаго проведенія монетной реформы, тотъ человекъ, который главнымъ образомъ создалъ ее, былъ оттѣсненъ назадъ. Что касается второго слуха объ образованіи правительственной партіи, то князь Бисмаркъ часто высказывалъ, что такая партія была бы крайне необходима, но что онъ убѣдился въ невозможности ея образованія. Всего менѣе возможно образовать такое консервативное большинство въ строгомъ смыслѣ этого слова.

Демокритъ сказалъ, что никакъ нельзя выкупаться два раза сряду въ одной и той же водѣ. Не менѣе тѣмъ вода измѣнчиво и теченіе политической жизни. То, что было консервативно двадцать лѣтъ тому назадъ, теперь уже неконсервативно. Въ тѣ времена графъ Шверинъ и другіе, бывшіе впоследствии министрами, отвергались при выборахъ всѣмъ начальствомъ (какъ извѣстно, вліяніе на выборы было въ тѣ времена весьма сильно, и тогдашніе консерваторы утверждали, что въ этомъ и заключается настоящая избирательная свобода), и считались врагами короля; но нѣсколько лѣтъ позже они были министрами, и никто больше не сомнѣвался въ томъ, что они консер-

ваторы. Въ периоды быстрого развитія, понятія измѣняются весьма быстро. Либералы перваго національнаго французскаго собранія озадались консерваторами въ учредительномъ собраніи. Жирондисты были консерваторами сравнительно съ монтаньярами. Въ Испаніи недавно еще мы были свидѣтелями подобнаго превращенія партій, причемъ самые крайніе либералы вдругъ становились консерваторами. Германія не переживаетъ такого революціоннаго движенія, но между тѣмъ, какъ прогрессивная партія, если можно такъ выразиться, нѣсколько понизила свои требованія,—уровень консервативной партіи нѣсколько повысился. Только та партія можетъ претендовать на названіе консервативной, которая стоитъ на почвѣ совершившихся фактовъ и, слѣдовательно, признаетъ образованіе новѣйшей германской имперіи за базисъ для возведенія дальнѣйшаго политическаго зданія. Не такъ смотрятъ на вещи остатки старой консервативной партіи, которые ненавидятъ совершившіяся перемѣны, а потому движеніе остановится не прежде того, какъ національно-либеральная партія сдѣлается партией правительственной. Тогда она будетъ считаться консервативной и дѣйствительно станетъ ею, такъ какъ ей придется защищать то, что она создала вмѣстѣ съ княземъ Бисмаркомъ съ 1867 г.

Слѣдующія недѣли (къ Рождеству рейхстагъ долженъ покончить съ дѣлами) будутъ, конечно, весьма интересны и намѣренія князя Бисмарка обозначатся яснѣе.

Если только либеральная партія хоть сколько-нибудь понимаетъ свои интересы, она должна изъ всѣхъ силъ поддерживать канцлера, такъ какъ послѣдняя брошюра графа Арнима (*Pro nihilo*), о которой мы, конечно, уже знаете, снова доказала, съ какими трудностями приходится бороться князю Бисмарку. Изъ нея прежде всего вытекаетъ то, что вліяніе графа Арнима на императора Вильгельма долгое время парализовало вліяніе князя Бисмарка и помѣшало послѣднему оказывать правительству Тьера такую нравственную поддержку, какъ ему было желательно.

Кажется невѣроятнымъ, что, несмотря на свои непрерывныя нескромности, графъ Арнимъ считается противниками Бисмарка какъ его соперникъ, имѣющій большіе шансы на успѣхъ. Однако, это такъ и есть. Графа выдаютъ за невинную жертву ярости Бисмарка, и графъ распространяетъ, что онъ одинъ можетъ возстановить *миръ* съ католиками. Партія ультрамонтанъ готова будто бы покориться всѣмъ тѣмъ законамъ, противъ которыхъ нынѣ возстаетъ, если только графъ Арнимъ будетъ министромъ,—само собою разумѣется, въ той надеждѣ, что въ его рукахъ эти законы станутъ совсѣмъ безвредными.

Но надежда эта не оправдывается, если только не будетъ совершена громадная ошибка, и я полагаю, что въ ближайшемъ будущемъ

„борьба за культуру“ будет окончена, а ультрамонтаны спокойно подчинятся закону, безъ того, чтобы Бисмаркъ былъ принесенъ имъ въ жертву.

К.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

IX *).

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СЦЕНА ВЪ ПАРИЖѢ.

I.

Театральный сезонъ уже начался. Теперь самый удобный моментъ обозрѣть главныя парижскія сцены и изучить современное драматическое движеніе. Мнѣ всегда казалось, что объ интересахъ минуты стоить говорить лишь въ томъ смыслѣ, чтобы брать ихъ точной отправленія для развитія общихъ взглядовъ. Если мнѣ хочется потолковать о нашихъ театрахъ, о нашихъ комедіяхъ и драмахъ, обо всемъ, что происходитъ въ настоящую минуту за кулисами и на подмосткахъ, то главнымъ образомъ затѣмъ, чтобы показать, какой странный моментъ переживаетъ наша литература въ одной изъ своихъ самыхъ популярныхъ формъ.

Прежде всего я долженъ сознаться, что у меня очень рѣшительные взгляды на этотъ вопросъ. Я вполне увѣренъ, что мы накалили возрожденія. Мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы драматическое искусство не преобразилось и не расширило своихъ рамокъ въ очень близкомъ будущемъ. Я обсуждаю эту перемену чисто научнымъ образомъ. Какъ я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ, неудержимое стремленіе къ правдѣ и опытной наукѣ, которое съ прошлаго столѣтія все растетъ и охватываетъ всѣ сферы человѣческаго ума, роковымъ образомъ захватитъ и драматическую форму, когда пробьетъ тому положенный часъ. Стоить только прослѣдить за постепеннымъ развитіемъ, за побѣдами, одержанными „правдой“. Толчокъ былъ первоначально данъ новыми методами исслѣдованія, обратившимися къ изученію фактовъ. Исходя изъ этого пункта и создавъ прочное основаніе для

---

*) См. „В. Е.“ мартъ, 441; май, 482; июнь, 874; июль, 381; авг., 825; сент., 400; октябрь, 857; ноябрь, 401 стр.

науки, натуральная школа обновила критику и исторію, подчинивъ человѣка и его произведенія точному анализу, правдиво передающему всѣ обстоятельства, среду, свойства организма. Затѣмъ искусство и литература въ свою очередь подверглись вліянію этого великаго теченія. Живопись съ одной стороны стала совсѣмъ реальной; пейзажъ у насъ убилъ историческую школу. Съ другой стороны, романъ, этотъ всеобщій этюдъ, съ его столь подвижными рамками, постоянно расширявшимися, занялъ все мѣсто, вытѣснивъ мало-по-малу другіе литературные роды, классифицируемые въ прежнихъ риторикахъ. Все это несомнѣнные факты, которыхъ никто не станетъ отрицать. Неутомимая производительность человѣческаго творчества занята въ настоящую минуту созданіемъ правды. Въ этомъ заключается вся сила вѣка. Все движется дружнымъ фронтомъ въ извѣстную эпоху. Кто захочетъ вернуться назадъ или удалиться въ сторону, будетъ неизбежно раздавленъ всеобщимъ теченіемъ. Какъ! критика, исторія, искусство, литература постепенно пережили глубокія преобразованія, а драматическая литература останется неподвижной! Этого нельзя допустить. Всѣ формы мысли солидарны между собой; на всѣхъ отражается переворотъ, совершившійся въ которой-нибудь. Реальный романъ неизбежно поведетъ къ реальной драмѣ. Вотъ почему, повторяю, я убѣжденъ, что въ непродолжительномъ времени увижу, какъ натуральное движеніе захватитъ театръ, и внесетъ въ него силу правды, новую жизнь современнаго искусства.

Прежде чѣмъ идти дальше, необходимо сказать, что такое драматическое искусство во Франціи. Нашъ новѣйшій театръ—я имѣю въ виду послѣднее пятидесятилѣтіе,—такой милый и пользующійся расположеніемъ иностранцевъ за свою веселость, остроуміе, ловкую интригу, кончить тѣмъ, что станетъ нашимъ позоромъ, послѣ того, какъ составлялъ нашу славу. На нашей сторонѣ знаніе всѣхъ тонкостей ремесла, благодаря которому мы стали поставщиками водевилей на весь свѣтъ. Пьесы наши отличный товаръ для вывоза, фабрикуемый дюжинами по милымъ образцамъ. Но хуже всего здѣсь то, что такое ремесло неизбежно заражаетъ націю рутиной, ремесленнымъ направленіемъ искусства. Безъ сомнѣнія, не существуетъ народа, у котораго бы театръ находился въ болѣе жестокихъ тискахъ, чѣмъ у насъ. Всякое смѣлое нововведеніе намъ запрещено. У насъ есть извѣстныя формулы, отъ которыхъ ни критика, ни зрители не позволяютъ намъ отступать. Наши театральныя пьесы входятъ въ разрядъ того, что называется *l'article Paris*. Кроятъ, шьютъ, клеятъ, лакируютъ и производятъ прелестныя бездѣлки, живущія одинъ сезонъ. Само собой разумѣется, что для фабрикаціи этихъ бездѣлокъ

необходимы мастерскія. Необходимо имѣть общія выкройки, знать тонкости ремесла, знать, что можетъ понравиться покупателямъ. Поэтому существуетъ дѣльный кодексъ, который нужно изучить. Надо знать наизусть Скриба. Онъ учитъ, въ какой пропорціи можетъ входить любовь въ комедію; сколько можно подпустить въ нее злодѣйства; какимъ образомъ прилаживается развязка и какимъ образомъ наши дѣйствующія лица подвергаются превращеніямъ, точно отъ мановенія волшебнаго жезла. Онъ учитъ, словомъ, тому театральному „ремеслу“, котораго не зналъ Мольеръ, но которое признается въ настоящее время необходимымъ, если желаешь удостоиться чести заставить смѣяться или плавать своихъ современниковъ. И вотъ какимъ образомъ Скрибъ, этотъ ужасный Скрибъ, въ которомъ наши сосѣди имѣютъ неосторожность намъ завидовать, превратилъ нашъ театръ въ громадную мастерскую, двери которой заперты для всего оригинальнаго; она приучила публику къ пошлостямъ, отъ которыхъ не дозволяется больше отступать. Насъ, буквально, задушили наши успѣхи. Ахъ! сколько разъ я завидовалъ прекраснымъ, юнымъ вѣкамъ, свободнымъ и наивнымъ націямъ, литература которыхъ, еще неумѣлая, дозволяетъ произрастать всѣмъ смѣлымъ цвѣтамъ человѣческаго творчества!

Вотъ мы въ какомъ положеніи. Въ настоящую минуту у насъ есть комедія съ интригой, нѣчто въ родѣ игры въ насыансъ, игрушка, которою забавляютъ зрителей. Она царитъ, какъ совершенный типъ, и навязываетъ тотъ драматическій кодексъ, о которомъ я говорилъ выше и по которому все превращается въ длинноты. Вы обрисовываете характеръ—длиннота; вы развиваете драматическое положеніе—длиннота; вы увлекаетесь литературной фантазіей—длиннота. Въ наше время, безъ сомнѣнія, Мольеру посоветовали бы урѣзать „Мизантропа“ въ одинъ актъ. У насъ есть еще sentimentalная комедія, гдѣ проливаютъ глупыя слезы въ промежутокъ между двумя куплетами, бессмысленный родъ произведеній, составляющій радость чувствительныхъ душъ. Но у насъ въ особенности развита комедія съ идеями, проповѣдь, перенесенная въ театръ, драматическое искусство, посвященное на исправленіе человѣческаго рода. Это триумфъ нашего времени. Наши авторы бросили изученіе людей и занимаются только социальными вопросами. Они изучаютъ спеціальныя социальныя случаи, такъ что ихъ произведенія, черезъ десять лѣтъ, утрачиваютъ свой смыслъ и становятся непонятными для новыхъ зрителей. Во всемъ этомъ ни одинъ авторъ не пытается дать на сцену человѣческой этюды, отмѣченный правдой, развивающійся отъ начала до конца въ силу логики характера и фактовъ, безъ всякихъ ухищреній.

И что же вслѣдствіе этого вышло? А то, что драма угаснетъ во Франціи, если ее не обновитъ новый притокъ жизни. Надо влить свѣжую кровь въ ея трупъ. Говорятъ, что оперетка и волшебныя пьесы убиваютъ драму. Неправда; драма умираетъ естественной смертію; она умираетъ отъ своей нелѣпости, лжи и пошлости. Если комедія еще жива, среди крушенія нашего театра, то это потому, что она ближе къ дѣйствительной жизни, что она зачастую бываетъ правдива. Пусть послѣдніе изъ романтиковъ попробуютъ дать высокопарную драму; средневѣковое тряпье, какъ потаенныя двери, отравленныя вина и все остальное, заставятъ публику пожимать плечами. Мелодрама,—это буржуазное чадо романтической драмы, еще безнадежнѣе утратила симпатію публики: ея живая чувствительность, ея ходульныя выдумки объ уведенныхъ дѣтяхъ и найденныхъ бумагахъ; ея фанфаронады вызвали, наконецъ, такое всеобщее пренебреженіе къ ней, что всѣ пожимаютъ плечами, если она сдѣлаетъ видъ, будто бы собирается воскреснуть. Великія произведенія 1830 г., драмы Гюгô и Дюма, останутся какъ воинственныя пьесы, какъ литературныя памятники гигантскихъ усилій, опрокинувшихъ старое классическое зданіе. Но теперь, когда все повергнуто въ прахъ, шпаги и каски бесполезны; пора писать правдивыя произведенія. Замѣнить классическую традицію традиціей романтической значило бы очень плохо воспользоваться свободой, завоеванной нашими старшими братьями. Не существуетъ больше никакихъ шволь, никакихъ формулъ, никакихъ первосвященниковъ; существуетъ только жизнь, громадное поле, которое всякій можетъ изучать, сколько хочетъ.

Слѣдовательно, спасеніе заключается единственно лишь въ натуралистическомъ движеніи. Пусть мнѣ скажутъ, откуда можно ждать помощи, дуновения жизни, которое бы породило новыя великія произведенія. Конечно, прошлое умерло. Мы должны думать о будущемъ, а будущее—это человѣческая жизнь, изучаемая въ рамкахъ дѣйствительности, это отреченіе отъ всѣхъ басенъ, это драма и комедія, живущія двойной жизнью лицъ и среды, освобожденныя отъ бабьихъ сказокъ, отъ историческаго рублища, отъ глухихъ громкихъ словъ, отъ условныхъ пошлостей и фанфаронадъ. Гнилыя подмостки вчерашнихъ произведеній рушатся сами собой. Мѣсто должно быть расчищено. Извѣстные рецепты того, какъ завязывать и развязывать интригу, отжили свое время. Въ настоящее время нужно широкое изображеніе людей и вещей. За исключеніемъ нѣкоторыхъ специфическихъ требованій, то, что называется „ремесломъ“, есть просто сбродъ ремесленныхъ тонкостей, узкая традиція, унижающая сцену, курсъ условнаго языка и заранѣе опредѣленныхъ положеній, отъ котораго каждый оригинальный умъ энергически отречется. Мы должны

черпать у самаго источника драматическаго генія во Франціи. Наши образцовые драматическіе писатели, если устранить отъ нихъ условія ихъ времени, представляются натуралистами, которыхъ пора принять за образецъ. Достаточно связать разорванную цѣпь правды и справедливости. Слѣдуетъ вернуться къ описанію характеровъ, въ которое образцовые писатели вкладывали главный интересъ ихъ произведеній. Пусть наши авторы проникнутся прерзрѣніемъ къ хитро придуманнымъ исторіямъ; пусть они постараются создать живыхъ людей, вѣчные, правдивые типы; а главное, пусть они держатся современной среды, нашихъ нравовъ, костюмовъ, нашего общества. Метода проста: единственной цѣлью должна быть правда; средствомъ—свободная индивидуальность каждаго автора. Я желалъ бы, чтобы театръ былъ настѣжъ открытъ для анализа, для зрѣлища людской жизни, перенесенной съ улицы на сцену. Я хотѣлъ бы, чтобы Шекспиръ и Мольеръ ожили въ нашемъ обществѣ и изобразили бы его такъ, какъ его слѣдуетъ изобразить, безъ болванки, безъ смягченія, широкой и мощной кистью.

Бѣда въ томъ, что въ театрѣ всякое нововведеніе рискованно. Публика, когда ее приучили веселиться извѣстнымъ образомъ, не желаетъ больше веселиться на иной ладъ. Она становится ярымъ сообщникомъ традиціи и рутины. Поэтому литературныя революціи съ большимъ трудомъ сообщаются сценѣ. Понятно, что тамъ должна быть послѣдняя цитадель лжи, которую правдѣ приходится брать приступомъ. То, что можно спокойно позволить себѣ въ романѣ, становится крайне опаснымъ на сценѣ, потому что сужденія, произносимыя зрителями, равняются смертному приговору. Пьесу освищаютъ, не давъ себѣ, за частую, труда выслушать или обсудить ее. Отъ этого такъ трудно проводить свои идеи на сценѣ; надо умѣть убѣдить сразу. Но бываютъ и такіе моменты, когда публика становится безсознательной сообщницей новаторовъ; такими моментами бываютъ тѣ, когда, проникнувшись новыми идеями, наслучивъ вѣчнымъ вадоромъ, какимъ ее забавляютъ, она почувствуетъ непреодолимое стремленіе къ обновленію и оригинальности. Натуральная школа появится и восторжествуетъ на театрѣ, когда наступитъ такой психологическій моментъ.

II.

Мнѣ надо перейти къ событіямъ минуты, чтобы поддерѣпить мой этуль примѣрами. Начну съ театровъ, гдѣ даютъ драмы.

Недалеко то время, когда драма царилъ безусловно. Въ Парижѣ насчитывалось пять или шесть театровъ, на которыхъ она процвѣтала. Разрушеніе старинныхъ залъ на бульварѣ Тампля было, повидому, для нея первой катастрофой. Театрамъ пришлось разсѣяться по Парижу, публика пережѣнилась, наступили другія моды. Но упадокъ драмы происходитъ, главнымъ образомъ, какъ я уже сказалъ, отъ истощенія, отъ нелѣпныхъ и скучныхъ пьесъ, которыя мало-по-малу смѣнили мощныя произведенія поколѣнія 1830 г. Слѣдуетъ также прибавить безусловное отсутствіе новыхъ актеровъ, которые бы понимали и передавали этого рода пьесы, потому что каждая драматическая формула приноситъ съ собой своихъ истолкователей. Въ настоящее время, драма, изгоняемая съ одной сцены на другую, не имѣетъ больше театра, посвященнаго собственно ей. Кое-когда развѣ отвѣдутъ ей мѣсто среди другихъ пьесъ, бьющихъ на эффектъ. Я, впрочемъ, перечислю театры, и обрисую въ краткихъ чертахъ положеніе, въ какомъ находится каждый изъ нихъ, оставивъ пока въ сторонѣ „Comédie Française“ и „Одеонъ“, о которыхъ слѣдуетъ поговорить особо.

Театръ „Porte St. Martin“ подъ управленіемъ двухъ весьма ловкихъ людей, гг. Ритта и Ларошеля, для открытія своей новой залы, возобновилъ „Марію Тюдоръ“ Виктора Гюго. Они пытались-было ставить новыя драмы. Но сборъ дала только одна мелодрама Деннері: „Двѣ сироты“. Да и то, это могло только отсрочить разореніе, еслибы ихъ не поддержалъ колоссальный успѣхъ пьесы: „Восьмидесятидневное кругосвѣтное путешествіе“, о которомъ я буду говорить ниже. Въ настоящее время этотъ театръ, повидому, потерянъ для драмы. Розовымъ образомъ онъ будетъ возвращаться къ пьесамъ, бьющимъ на эффектъ, потому что онѣ одиѣ могутъ обогатить его. Когда подумаешь, что Викторъ Гюго и Александръ Дюма отдавали всѣ свои капитальныя произведенія театру Сежь-Мартенскихъ воротъ! Это достаточно характеризуетъ, къ чему мы пришли.

Въ театръ „Gaieté“ та же исторія. Оффенбахъ принялъ въ послѣдніе годы управленіе этимъ театромъ. Его одушевляли, повидому, наилучшія намѣренія. Онъ поставилъ съ большой тщательностью драму Сарду: „Ненависть“, провалившуюся съ такимъ трескомъ. Съ тѣхъ поръ онъ отказался отъ управленія, испугавшись пучины, гдѣ сотни тысячъ франковъ терялись, какъ капля воды.

Ему наслѣдовалъ Вицентини, но весьма сомнительно, чтобы онъ когда-нибудь обратился къ драмѣ. Онъ весь отдался опереткѣ и мечтаетъ, говорить, о народной оперѣ.

Исторія „Chatelet“ еще диковиннѣе. Шателэ — громадная зала, вмѣщающая отъ трехъ до четырехъ тысячъ человѣкъ и гдѣ всѣ управленія, одно за другимъ, разорались, потому что не могли заселить этой пустыни. Однако въ послѣдніе два года задача была разрѣшена обществомъ артистовъ, дававшимъ тамъ представленія. Расчетъ ихъ простъ: они возобновляютъ старыя пьесы, не тратятся ни на декораціи, ни на костюмы, понижаютъ цѣны на мѣста и такимъ образомъ достигаютъ того, что привлекаютъ публику и получаютъ сносный доходъ. Кастеллано, управлявшій уже „Историческимъ театромъ“, нанялъ Шателэ, чтобы эксплуатировать его на этотъ ладъ. Но если онъ не ограничится повтореніемъ стараго и рискнетъ поставить новую пьесу, то ему можетъ плохо придтись. Въ настоящее время Шателэ, силою вещей, осужденъ, повидимому, на возобновленіе старыхъ вещей, потому что дирекція не выдержитъ большихъ издержекъ.

Остаются „Историческій театр“ и „Ambigu“, гдѣ драма еще у себя дома. Историческій театръ не что иное, какъ „Лирический театр“, выстроенный заново послѣ пожара майскихъ дней 1871 г. Такъ какъ городъ отдалъ эту залу въ аренду съ аукціона, то ее арендовалъ Кастеллано, чтобы возобновить драмы, имѣвшія успѣхъ на бульварѣ Тампля, и попытаться поставить нѣсколько новыхъ драмъ. Попытка до сихъ поръ, повидимому, удастся. Что касается „Ambigu“, то никогда никакой еще театръ не страдалъ такимъ непрерывнымъ рядомъ убійственныхъ неудачъ. Просуществовавъ съ грѣхомъ пополамъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, подъ управленіемъ скупого директора, онъ былъ совсѣмъ понапрасну отдѣланъ заново и весь вызолоченъ; неудача преслѣдуетъ его, и пьесы проваливаются одна за другой. Вотъ гдѣ настоящій одръ смерти, на которомъ издыхаетъ драма. Въ непродолжительномъ времени мы, безъ сомнѣнія, увидимъ, что оперетка переселится въ „Ambigu“.

Такимъ образомъ, вотъ каковы въ настоящую минуту убѣжища драмы: два театра, изъ которыхъ одному грозитъ неминуемое разореніе, а другой ставитъ новую драму, какъ солдатъ тратитъ свой послѣдній зарядъ.

Спросите у авторовъ, у директоровъ, у актеровъ, они съ грустью отвѣтятъ вамъ, что публика не любитъ больше драмъ. Время отъ времени успѣхъ оживляетъ падающій духъ; но драма на сколькомъ пути и мало-по-малу скатывается въ пропасть забвенія. Если она и поднимается на минуту, то лишь затѣмъ, чтобы скатиться еще

ниже. Естественно—жалоба въ нѣтъ конца. Романтическій хвостъ въ особенности громко божится, что въ драмы нѣтъ спасенія для нашей литературы. Но ни одному автору не приходитъ въ голову, что если драма умираетъ, то это должно быть отъ старости, и что стоить только вдохнуть въ нее юность, чтобы открыть для нея славное поприще. Въ настоящее время драма такъ же безнадежно отжила, какъ и трагедія; это—истощенная форма, мастерскія произведенія которой могутъ быть помѣщены въ разрядъ классиковъ. Ихъ было двѣ формы: трагедія и драма, и наступилъ часъ найти третью форму или, вѣрнѣе, удержать драму, преобразовавъ ее согласно потребностямъ нашего времени. Весь вопросъ, мнѣ кажется, заключается въ этомъ. Борьба идетъ между романтической драмой и тѣмъ, что я называю драмой натуральной школы. Когда послѣдняя будетъ найдена, пущена въ ходъ двумя-тремя мощными умами, мы увидимъ, что драматическіе театры освѣтятъ свои фасады и толпа зрителей будетъ тѣсниться у ихъ кассъ.

Я долженъ пояснить, что я подразумѣваю подъ романтической драмой. Я называю этимъ именемъ всякую пьесу, искажающую правду событій и лицъ, въ которой разгуливаютъ маріонетки и, подъ предлогомъ какого-то идеала, неумѣло передразниваютъ Шекспира и Виктора Гюго. У каждой эпохи, повторяю, есть своя формула, и наша формула, разумѣется, не въ этомъ.

Мы прежде всего нуждаемся въ правдѣ, въ точномъ анализѣ. Напримѣръ, въ настоящую минуту употребляютъ невѣроятныя усилія, чтобы воскресить историческую драму. Толкуютъ о новой попыткѣ въ „Ambigu“. Одинъ журналистъ, Лафорэ, также ищетъ залу и набираетъ труппу, чтобы давать пять-шесть пьесъ, выбранныхъ по зрѣломъ размысленіи. Чего лучше! я не могу безусловно осудить историческую драму, несмотря на все мое предпочтеніе къ современнымъ сюжетамъ, но объявляю заранѣе, что историческія драмы будутъ имѣть мало цѣны, если будутъ скроены по образцамъ тѣхъ, которыя даются время отъ времени на нашихъ театрахъ. Ахъ! надо поглядѣть, какъ обращаются тамъ съ исторіей, какіхъ диковинныхъ лицъ выводятъ въ нихъ подъ именами королей, великихъ полководцевъ или великихъ артистовъ, какимъ ужаснымъ соусомъ приправляютъ тамъ наши лѣтописи! Такъ какъ дѣло идетъ о прошедшемъ, то тамъ считаютъ все дозволеннымъ, всякія неправдоподобности, картонныя лица, непоимѣрную глупость, недѣльныя безвкусицы мнимаго *coûleur locale*. И каковъ странный языкъ! Францискъ I говоритъ какъ бакалейщикъ изъ улицы Сенъ-Дени. Ришелье произноситъ тирады злодѣя изъ мелодрамы; Шарлотта Кордэ проливаетъ сантиментальныя слезы, какъ маленькая гризетка! Авторы этихъ чудовищныхъ драмъ,

повидимому, и не подозреваютъ, что историческій родъ самый неблагодарный и въ немъ всего необходимѣе тщательныя изслѣдованія: добросовѣстность, громадная способность наведенія и воскрешенія прошлаго. Я понимаю этого рода пьесы, когда онѣ написаны или гениальнымъ поэтомъ, или же людьми громадной учености, способными воскресить передъ зрителями цѣлую эпоху, съ ея особенностями, ея нравами, цивилизаціей. При такихъ условіяхъ создаются весьма любопытныя произведенія. Но только они очень рѣдки. Я знаю, что хотятъ воскресить приверженцы исторической драмы; а именно: старомодныя пьесы съ эффектами, съ трескучими фразами, пьесы живыя, ослѣпляющія глупую толпу, но повергающія въ уніе всѣхъ умныхъ людей. Мы вернемся, слѣдовательно, къ той самой романтической, живой, нелѣпой драмы, которая уже осуждена на вѣрную смерть. Это значитъ желать, чтобы наша драматическая литература сдѣлала шагъ назадъ. Повторяю еще разъ: возрожденіе совершится лишь тогда, когда драматурги внесутъ въ свои произведенія заботу о художественной правдѣ, которую романисты преслѣдуютъ въ настоящее время въ своихъ произведеніяхъ.

Конечно, сценическая обстановка иная. Приходится создавать новое искусство, чтобы публика не встала на дыбы. Я съ охотой признаю, что осуществленіе натуральной драмы не легко. Такимъ образомъ факты, повидимому, меня опровергаютъ. „Историческій театр“ возобновилъ свой сезонъ исторической драмой Жюль Клареси, писателя весьма ловкаго и умнаго. Пьеса называется: „Les Mucadins“, и дѣйствіе происходитъ при директоріи; интрига самая банальная: роялисты и республиканцы преслѣдуютъ другъ друга, убиваютъ, прощаютъ. Но вся эта исторія, довольно банальная, ловко спита: происходятъ баталіи на улицахъ, лошади скачутъ по сценѣ, а главное, дѣйствующія лица не произносятъ трехъ фразъ, не упомянувъ о Богѣ, отечествѣ, чести, свободѣ. Это рѣшило успѣхъ. Эта пьеса: стараго цирка приводитъ въ восторгъ патристическія души. Напротивъ того, на-дняхъ пьеса Адольфа Бело „La Vénus de Gordes“ была освистана въ „Ambigu“, за то, что слишкомъ безцеремонно, хотя впрочемъ и безъ особеннаго таланта, выставила драму изъ уголовныхъ анналовъ, повѣствующую о женщинѣ слишкомъ пылгаго темперамента, заставляющей своего любовника убить ея мужа, чтобы всецѣло принадлежать ему. Конечно, я желалъ бы, чтобы послѣдняя драма была написана съ бѣльшимъ талантомъ, но въ концѣ-концовъ стою за Бело противъ Клареси; я предпочитаю пьесу освистанную публикой, за безцеремонную откровенность, шовинистской пьесѣ, спекулирующей на сантиментальность публики, чтобы вызвать рукоплесканія. Вотъ въ чемъ великое препятствіе для оригинальныхъ попытокъ:

разбиваешься о лицемѣріе критики и воспитанной въ пошлости толпы. Эта толпа, начинающая смѣяться надъ ребяческими выходками иныхъ мелодраммъ, зачастую еще ловится на тирады о прекрасныхъ чувствахъ, точно такъ, какъ продолжаетъ сердиться, если ей покажутъ общественную рану безъ прикрасъ. Но публика мѣняется; публика Шекспира, публика Мольера, не та, что наша. Надо рассчитывать на движеніе умовъ, на потребность въ правдѣ, которая повсемѣстно растетъ. Сколько бы ни кричали послѣдніе романтики, что публика хочетъ того, что публика не хочетъ этого,—наступить день, когда зрители захотятъ изображенія дѣйствительности. Тогда наши драматическіе театры, въ настоящую минуту пустынные и унылые, не будутъ имѣть надобности возобновлять недѣльные мелодрамы, какъ: „Latude“, „La Tireuse des cartes“, „La tour de Londres“, „Le Fils du Diable“.

III.

Перехожу къ волшебнымъ пьесамъ, такъ-называемымъ *féeries*, смѣшившимъ драму, на старинномъ бульварѣ Тампля. Громкій успѣхъ, выпадавшій на долю этихъ представленій, сдѣлалъ ихъ весьма соблзнительными для директоровъ театровъ. Можно заработать отъ двухсотъ до трехсотъ тысячъ франковъ на волшебной пьесѣ, если она имѣетъ успѣхъ. Слѣдуетъ прибавить, что такъ какъ расходы на постановку весьма значительны, то директоръ разорится сразу, если у него провалятся двѣ фееріи. На этомъ поприщѣ можно въ одинъ годъ очутиться на соломѣ или завести экипажъ. Хуже всего то, что такъ какъ литературный вопросъ не играетъ тутъ никакой роли, то феерія, которая выдержитъ двѣсти представленій, похожа какъ двѣ капли воды на такую, что выдержитъ не болѣе двадцати. Чтобы поймать удачную, надо имѣть особое чутье. Случай замѣняетъ талантъ. Декораторъ и костюмеръ пособляютъ случаю.

Феерія, такъ, какъ ее понимаютъ теперь, является зрѣлищемъ для однихъ глазъ. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, въ эпоху, когда процвѣтали *Pied du mouton* и *Pilules du Diable*, феерія походила на большой водевилъ, перемежаемый куплетами, въ которомъ комизмъ игралъ важную роль. Тогда старались смѣшнить, а не ослѣплять. Въмѣсто дворцовъ, сверкающихъ золотомъ и драгоценными камнями, вмѣсто алкозевы съ полуобнаженными женщинами, зрителей угощали различными превращеніями, жареными утками, улетающими съ тарелки голоднаго человѣка, древесными сучьями, надѣлявшими пощечинами прохожихъ. Но такого рода шутки вышли изъ моды, ста-

ринная феерія показалаея устарѣвшей и слишкомъ наивной. Тогда, подъ предлогомъ обновленія этого рода, посредствомъ діалога, литературнаго достоинства текста, сократили на дѣлѣ до крайности діалогъ, превратили пьесу въ одинъ предлогъ для великолѣпной *mise en scène*. Ничего не можетъ быть пошлѣе сюжета фееріи; существуетъ планъ, принятый всѣми авторами: двое влюбленныхъ, любовь которыхъ подвергается гоненіямъ; причеиъ имъ покровительствуетъ добрый геній и мѣшаетъ злой, а въ концѣ-концовъ, при развязкѣ, ихъ обвинчаютъ послѣ сумасбродныхъ странствованій по всевозможнымъ странамъ. Странствованія и составляютъ главную суть дѣла, потому что позволяютъ декораторамъ и костюмерамъ водить насъ по заколдованнымъ лѣсамъ, по перламутровымъ гротамъ, черезъ невиданныя царства птицъ, рыбъ и гадовъ. Время отъ времени, авторы обмолвятся словечкомъ, но съ единственной цѣлью дать машинистамъ время установить какую-нибудь сложную декорацію позади задней кулисы. Понятно, что для того, чтобы ставить подобныя пьесы, соперничающіе театры борются между собою помощью банковыхъ билетовъ. Они другъ передъ другомъ стараются выдумать самыя разорительныя декораціи, самыя ослѣпительныя костюмы. Когда Парижъ узнаетъ, что такой-то директоръ истратилъ сто тысячъ франковъ на дворецъ десятой картины, Парижъ бѣжитъ смотреть на этотъ дворецъ. Дошли до неслыханной роскоши, до безумныхъ гратъ, ослѣпляющихъ залу.

Сознаюсь, что не въ силахъ сердиться. Если разъ признано, что гуть всякая литературная претензія отсутствуетъ, то для глазъ дѣйствительно представляется ослѣпительное зрѣлище. Актеры становятся нѣмыми и богато наряженными лицами, теряющимися въ какой-то необъятной грѣзѣ. Можно представить себѣ, сидя въ театрѣ, что спишь и грешишь о золотѣ и блескѣ, и даже самыя глупыя слова, которыя слышишь противъ воли, только представляютъ естественныя геныя пятна, портящія самыя лучшіе сны.

Балетъ обыкновенно бываетъ очарователеиъ, потому что танцовщицѣ ничего не приходится говорить. Всегда бываетъ двѣ-три хоушенькихъ актрисы, обнаженныхъ до послѣдней возможности. Тепло, ждишь спокойно, смотришь, ни о чемъ не думаешь, убаюканный привою музыкой. И когда наконецъ уйдешь изъ театра, то сознаешь, что провелъ пріятный вечеръ.

Два театра въ особенности производятъ фуроръ въ настоящую минуту: *Porte St. Martin* и *Gaieté*. Но они даютъ особенныя феиіи, заслуживающія упоминенія. Надо сказать прежде всего, то когда Оффенбахъ былъ директоромъ *Gaieté*, онъ истощилъ всѣ ресурсы великолѣпія. Его издержки доходили до такой цифры, что

даже при полномъ сборѣ онъ не получалъ никакой выгоды. Въ теченіи двухъ лѣтъ онъ столько денегъ бросалъ за окошко, что двери оказались слишкомъ тѣсны, чтобы пропустить ихъ обратно. Поэтому, какъ я сказалъ выше, онъ удалился, чтобы избѣжать окончательной финансовой катастрофы. Но ударъ былъ нанесенъ. Ни одинъ директоръ не рѣшался подражать его безумнымъ издержкамъ, самой публикѣ пріѣхала выставка богатства, которую ей подносили. Феерія угрожала серьезная опасность, когда гг. Вернь и Деннери изобрѣли научную феерію. Я объясню, въ чемъ состоитъ этотъ новый родъ. Созданы были новыя рамки, и для большихъ и малыхъ дѣтей явилась возможность провести еще нѣсколько веселыхъ вечеровъ.

Жюль-Вернь—писатель остроумный, съ большимъ успѣхомъ популяризирующій науку для невѣждъ, драматизируя ее въ маленькихъ романахъ, исполненныхъ живого интереса. Въ числѣ этихъ романовъ одинъ, напримѣръ, доказываетъ, что съ помощью пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ можно объѣхать вокругъ свѣта въ восемьдесятъ дней. Все это пересыпано забавными эпизодами и любопытными географическими примѣчаніями. Вотъ на сюжетъ этого романа Деннери и построилъ свою феерію. По правдѣ сказать, ему не пришлось особенно ломать голову. И тутъ, какъ и въ старинныхъ пьесахъ, все дѣло въ странствіяхъ по бѣлу-свѣту. Но только никакъ нельзя было ввести ни фей, ни волшебниковъ. Верну и Деннери пришлось прибѣгать время отъ времени къ чисто-матеріальнымъ и житейскимъ препятствіямъ, для прегражденія пути своимъ героямъ. Вотъ, впрочемъ, въ краткихъ словахъ содержаніе ихъ пьесы. Одинъ англичанинъ, Филеасъ Фоггъ, членъ клуба эксцентриковъ, держитъ пари, что объѣдетъ вокругъ свѣта въ восемьдесятъ дней. Но, по прибытіи въ Александрію, его принимаетъ полицейскій агентъ Фиксъ за вора, котораго розыскиваетъ англійскій банкъ. Отсюда завязывается борьба между ними; одинъ пробирается впередъ, несмотря на всѣ препятствія, другой стремится задержать его. Такимъ образомъ они пробираются черезъ Индію, Тихій океанъ, Америку. Изъ всѣхъ эпизодовъ, я укажу только на одинъ: Филеасъ Фоггъ освобождаетъ индусскую вдову, которую брамины хотятъ сжечь на кострѣ мужа; онъ, естественно, въ нее влюбляется и женится на ней при развязкѣ. Наконецъ, вырвавшись изъ рукъ краснокожихъ, взорвавъ свое судно, для того, чтобы прибыть въ назначенный день, Филеасъ Фоггъ воображаетъ, что онездаль на двадцать-четыре часа, когда вдругъ открывается, что выгадалъ цѣлый астрономическій день, объѣзжая вокругъ свѣта. Въ этомъ главная перипетія пьесы. Онъ выигрываетъ свое пари. Вотъ вамъ и знаменитое „Восьмидесяти-дневное путеше-

ствіе вокругъ свѣта“, которое уже больше года не сходитъ съ афиши театра Сентъ-Мартенскихъ воротъ.

И знаете ли? Я сожалѣю о старинной фееріи, о фееріи, щеголявшей недѣльной роскошью и насмѣкавшейся надъ научными истинами и надъ самымъ здравымъ смысломъ. Конечно, я не противъ того, чтобы наука выступала на театрѣ; напротивъ того, я призываю ее туда всѣми помыслами души. Но я не хочу, чтобы, подъ предлогомъ популяризаціи истинъ, которыми научаешься въ четвертомъ классѣ гимназій, давались пошлыя вещи, болѣе живыя, чѣмъ сказки въ родѣ „Ослиной кожи“ и „Сандрильоны“. Полудейскій агентъ, преслѣдующій по пятамъ вора на разстояніи многихъ тысячъ льѣ, на мой взглядъ самая недѣльная выдумка въ мірѣ, и я ничего не знаю взыщительнѣе индусской вдовы, которую Филеасъ Фоггъ таскаетъ за собой изъ Калькутты въ Лондонъ, чтобы жениться на ней. Не понимаю, какимъ образомъ такія пошлости не возбуждаютъ въ публикѣ смѣха. Есть тамъ также предводитель краснокожихъ, оплакивающий свои льса, такъ, какъ бы французъ сталъ оплакивать Эльзасъ и Лотарингію,—одно изъ самыхъ недѣльныхъ лицъ, какія я только знаю. Стоитъ ли тревожить науку, чтобы прилетать ее къ такому низкому ходу литературы. Я сержусь, видя научный ярлыкъ, прилѣпленный къ самой балаганной пьесѣ въ мірѣ. И декорациі бѣдны, и костюмы жалки. Думаешь, что увидишь артистическую попытку, оригинальную и смѣлую попытку извлечь драму изъ географическихъ данныхъ, и, вмѣсто того, находишь пьесу съ сюрпризами ремесленника, состарившагося и опончившагося въ ремеслѣ. Но что меня бѣситъ всего болѣе, такъ это успѣхъ этой дурацкой пьесы, успѣхъ колоссальный, неслыханный, какого не запомнить: слишкомъ триста-шестьдесятъ представленій сряду. На прошедшей недѣли театръ Сентъ-Мартенскихъ воротъ праздновалъ годовщину перваго представленія. Право, можно отчаяться въ умѣ, въ артистическомъ воспитаніи публики. Главной причиною этого успѣха является то, что въ пьесѣ есть слонъ, маленькій, очень безобразный слонъ, который проходитъ черезъ всю сцену. Парижъ въ теченіе года бѣгалъ смотрѣть, какъ этотъ слонъ выходитъ изъ одной кулисы и заходитъ за другую. Надо прибавить также, что это семейная пьеса, на которую можно водить благонаправныхъ дѣтей. Но что-жъ изъ этого! Зала Сентъ-Мартенскихъ воротъ, въ которой Риш-Блазъ произносилъ свои пламенные рѣчи, заслуживаетъ лучшей публики, чѣмъ праздные гимназисты и унтеръ-офицеры, приводящіе своихъ землячекъ посмотреть на слона.

Великій успѣхъ „Восьмидневнаго кругосвѣтнаго путешествія“, натурально, навелъ на размышленіе фабрикантовъ театральныхъ пьесъ, жадно слѣдящихъ за модой. Поэтому недавно въ „Gaieté“ по-

ставлено „Путешествіе на луну“, гг. Ванлоо, Летеррье и Мортъе. И дѣло на этомъ не остановится; всё свѣтлага пройдутъ передъ нами поочередно. Путешествіе на луну совершается самымъ оригинальнымъ способомъ. Герои садятся во внутренность громаднаго ядра, которое выбрасываетъ гигантская пушка въ двадцать-лѣтъ длиной. Потомъ, когда они выходятъ изъ ядра на поверхность нашего спутника, то науку оставляютъ уже совсѣмъ въ сторонѣ, и ихъ путешествіе становится лишь предлогомъ къ довольно-остроумной подчасъ сатиры; натурально, луна представляетъ карикатуру на землю или, вѣрнѣе сказать, идеальную землю, на которой жители безпрестанно поучаютъ другъ друга. Декораціи и костюмы здѣсь также гораздо оригинальнѣе. Упомяну о картинѣ потухшаго вулкана, снова просыпающагося, извергающаго лаву и цѣлый дождь пепла. Упомяну также о лунномъ пейзажѣ, весьма любопытномъ воспроизведеніи одной изъ тѣхъ каменистыхъ равнинъ, сѣрыхъ, унылыхъ, какія намъ показываетъ телескопъ. Въ послѣдней картинѣ на горизонтѣ луны восходитъ земля, великолѣпная, яркая, свѣтъ которой медленно заливаешь сцену огнемъ апогеоза. Лестъ очень пріятна, и зрители сильно апплодируютъ. Наконецъ, не могу умолчать о прелестномъ балетѣ, который исполняютъ изящныя женщины, покрытыя снѣгомъ. Я, слѣдовательно, сиисходительнѣе отношусь къ фееріи въ „Gaieté“. У ней нѣтъ ложной претензіи на науку; она витаетъ въ странѣ химеръ; сама пушка ея—забавный фарсъ, заставляющій улыбаться. Сколько инженеръ, строящій ее, ни стрѣляетъ въ публику страшными вычисленіями, ихъ не принимаютъ въ серъезъ. Мы ни на минуту не выходимъ изъ страны грёзъ, и я вовсе не впадаю при этомъ въ противорѣчіе съ самимъ собой. Я всегда и вездѣ хочу стоять за правду. Но только рядомъ съ точнымъ анализомъ, непрерывнымъ анализомъ романиста и драматическаго автора, я допускаю свободную фантазію поэта. Слѣдуетъ предоставить широкое поле для воображенія. При изображеніи самой правды бываетъ иногда порываніе въ страну грёзъ. И сколько гениальныхъ произведеній создано этими прогулками внѣ времени и пространства! Для театра, феерія представляетъ готовую рамку для такихъ мечтательныхъ прогулокъ. Конечно, трудно придумать болѣе чудесный родъ, соединяющій столько обаянія. Я скажу, какой бы фееріи мнѣ хотѣлось. Величайшій изъ нашихъ лирическихъ поэтовъ написалъ бы стихи, извѣстнѣйшій изъ музыкантовъ сочинилъ бы музыку; декораціи я поручилъ бы живописцамъ, составляющимъ славу нашей школы, и призвалъ бы первѣйшихъ изъ нашихъ скульпторовъ, чтобы разставить группы и наблюсти за совершенствомъ пластики. Но это не все: для того, чтобы разыграть эту феерію, понадобились бы красивыя женщины, силачи мужчины, актеры, знаменитые своимъ

искусствомъ въ пѣвнн, драмѣ и комедн. Такимъ образомъ, всѣ чело-вѣческія искусства, поэзія, музыка, живопись, скульптура, драма-тическій геній, и при этомъ красота и сила соединились бы для воспроизведенія такого зрѣлища, которое бы очаровывало всѣ чув-ства. Феерія входитъ въ область поэта. Развѣ Шекспиръ не напи-салъ „Сонъ въ лѣтнюю ночь“? О! пора бы очистить сцену отъ грязныхъ пародій, пачкающихъ подмостки нашихъ лучшихъ теат-ровъ, забросить въ помойную яму дурачкіе либретто, вся соль кото-рыхъ заключается въ черствыхъ каламбурахъ и кривляньи, и пош-лыя партитуры, вѣчно повторяющія одни и тѣ же площадные на-пѣвы; бросить великолѣпныя декорации, нелѣпо и буржуазно разукра-шенныя. Возвратите эти театры великимъ поэтамъ, великимъ музы-кантамъ, великимъ творцамъ. При нашихъ новѣйшихъ изслѣдова-ніяхъ, послѣ дневного рассвѣченія труповъ, феерія была бы вечеромъ сномъ на яву, грѣзой, въ которой снилась бы челоѣвѣческая красота и челоѣвѣческое величіе.

IV.

Если къ фееріи можно отнестись милостиво, благодаря поэтиче-скому раздолью, которое она представляетъ для творческой фантазіи, то оперетка является общественнымъ бичомъ, и ее слѣдовало бы раз-давить позади бутки суфлера, какъ зловерное насѣкомое. Въ на-стоящую минуту она выражаетъ собой самую популярную формулу французской пошлости. Успѣхъ ея можно сравнить съ успѣхомъ тѣхъ идиотическихъ пѣсень, которыя во время дню раздавались на ули-цахъ и оглушали всѣхъ, хотя никто не могъ отдать себѣ отчета, откуда онѣ берутся. Съ тѣхъ поръ, какъ воцарилась оперетка, улич-ныя пѣсни исчезли; она ихъ замѣнила; она доставляетъ матеріаль- для шарманокъ, она дѣлаетъ еще нестерпимѣе фортепьянное брен-чанье честныхъ и безчестныхъ женщинъ. Губительное владычество ея до того растетъ, что людямъ со вкусомъ придется, наконецъ, принимать мѣры и составлять заговоры для ея истребленія.

Оперетка первоначально была водевилемъ съ куплетами. Затѣмъ, она выросла до размѣровъ небольшой оперы-буффъ. То были еще времена скромнаго дѣтства; она дурачилась и ее терпѣли, потому что она занимала мало мѣста. Къ тому же ей не придавали ника-кого значенія; она обезоруживала критику сумасбродствомъ своихъ пріемовъ. Но мало-по-малу она выросла, съ каждымъ днемъ стано-ваясь, нахальнѣе, и изъ лягушки превратилась въ вола. Но хуже всего то, что она разрослась, не утративъ своего грубаго характера, не пріобрѣтя ни капельки таланта, отличаясь нелѣпнѣйшимъ сумасброд-

ствомъ, наводящимъ на мысль о кельяхъ дома умалишенныхъ. Изъ одного акта она разрослась до пяти. Публика, видѣсто того, чтобы, какъ въ былое время, посмѣяться съ полчася, привыкла въ теченіе цѣлаго вечера глядѣть на эти припадки тупоумнаго бѣснованія. Съ тѣхъ поръ, почувствовавъ себя госпожей, она сбросила всякую узду. Она принялась канканировать безъ удержа; разоблачилась до послѣдней возможности. Она прославила актрису, весь талантъ которыхъ заключался въ безстыдныхъ тѣлодвиженіяхъ. Весь парижскій порокъ набросился на нее, и можно назвать женщину, которымъ умѣнье подчеркивать гривуазные куплеты принесло блистательные доходы. Но это еще не все. Оперетка возмечтала объ апопеезѣ. Оффенбахъ, во время управленія театровъ „Gaieté“ выкопалъ свои старыя оперетки-буффъ, между прочимъ, „Орфея въ аду“, разыгрывавшагося въ былое время при скромной сравнительно обстановкѣ. Онъ выкопалъ ихъ и превратилъ въ эффектные представленія, избрѣтая новыя картины, великолѣпныя декорации, одѣвая актеровъ въ пышные костюмы, избирая рамками для глупыхъ діалоговъ и музыкальныхъ кривляній весь Олимпъ. Однимъ прыжкомъ оперетка захотѣла достигъ величія лирической фееріи. Дальше идти ей некуда. Ея несообразности, ея глупый смѣхъ, ея непристойныя прыжки, ея проза и стихи, написанные для кабачныхъ посѣтителей, на одно мгновеніе озарились пышнымъ блескомъ, точно грязь, упавшая на блестящее свѣтило. Но она забралась слишкомъ высоко, и чуть-было не сломала себѣ шею. Оффенбахъ больше не директоръ театра, и надо думать, что ни одинъ театръ не рискнетъ снова бросить двѣсти или триста тысячъ франковъ, чтобы показать драмменькую пѣвицу, раздѣтую до невозможности, и визжащую скверную пѣсню, при блескѣ электрическихъ огней. Все равно! Оперетка вознеслась было на самое небо—и урокъ поучителенъ и страшенъ.

Я не стану перечислять злодѣяній оперетки. Въ сущности, я ненавижу ее не какъ моралистъ, а ненавижу ее, какъ негодующій художникъ. Для меня худшее изъ ея преступленій заключается въ томъ, что она занимаетъ слишкомъ много мѣста, отвлекаетъ общественное вниманіе отъ серьезныхъ произведеній, доставляетъ пошлое и отупляющее развлеченіе, которое увлекаетъ толпу и портитъ ей вкусъ. Старинный водевилъ былъ предпочтительнѣе. Онъ сохранялъ по крайней мѣрѣ дѣтское простодушіе. Съ другой стороны, несомнѣнно, что можно было чаще встрѣтить хорошій водевилъ, чѣмъ сносную оперетку. Причина этого очень проста. Авторы, набредя на забавную мысль, довольствовались тѣмъ, что разрабатывали ее въ одномъ актѣ, который выходилъ довольно выдержаннымъ и, вслѣдствіе этого, интересъ не ослаблялся до послѣдней минуты. Теперь нужно ту же мысль

развести на цѣлыхъ три, а иногда и на пять актовъ. Тутъ, роковымъ образомъ, авторы растягиваютъ сцены, разбавляютъ сюжетъ, вводятъ посторонніе эпизоды, замедляющіе все дѣйствіе. Это объясняетъ, почему чаще всего первый актъ оперетокъ бываетъ забавенъ, второй блѣднѣе, а третій совсѣмъ безцвѣтенъ. Во что бы то ни стало надо занять весь вечеръ, чтобы ни съ кѣмъ не дѣлать доходовъ съ публики. А самое обычное завуалированное мнѣніе, это: музыка все скрасить.

Оффенбахъ—великій преступникъ. Его живая, искрометная, не лишённая истиннаго дарованія музыка, составила успѣхъ оперетки. Безъ него ей никогда не восторжествовать бы такъ рѣшительно. Надо прибавить, что ему, конечно, много помогли и гг. Мейльякъ и Галеви, либретто которыхъ остаются, безъ сомнѣнія, образцовыми въ своемъ родѣ. Они не поддавались въ ходячимъ пошлостямъ, они создали свой родъ, утрируя нѣсколько комичныя положенія, но все же сохраняя извѣстное парижское остроуміе и нѣкоторое изящество формы. Можно сказать объ ихъ опереткахъ, что онѣ забавныя карикатуры, главный недостатокъ которыхъ заключается въ томъ, что онѣ силятся достичь размѣровъ высокой комедіи. Что касается до ихъ подражателей, которыхъ я не хочу даже называть, то они-то и увлекли оперетку въ грязь, гдѣ она теперь барахтается. Они, кажется, серьёзно воображали, что стоить только быть глупымъ, чтобы смѣшнить. Когда либретто никуда не годно, а оперетка все же имѣетъ успѣхъ, то она этимъ обязана музыкантамъ. Оффенбахъ образовалъ школу. Гг. Лекюкъ, Герье и другіе производятъ фуроръ. Весь Парижъ ихъ пѣлъ. Лекюкъ въ особенности своей „La fille de madame Angot“ прозвучалъ во всемъ мірѣ. Странные успѣхи, создаваемые неизвѣстно чѣмъ, зажигающіеся и горячіе точно пороховой фитиль и вызываемые, конечно, столбовеніемъ легкомысленной посредственности автора съ снисходительной посредственностью публики! Слова, понятныя для всѣхъ умовъ, наивны, доступные всякимъ голосамъ—вотъ элементы, изъ которыхъ слагаются увлеченія толпы.

Существуетъ, однако, нѣкоторое утѣшеніе: нынѣшней зимой замѣчается значительное охлажденіе публики къ опереткѣ. Четыре театра пробавляются исключительно этого рода представленіями: „Renaissance“, „Bouffes“, „Variétés“, „Folies dramatiques“. Между тѣмъ, ни одному изъ нихъ не посчастливилось набрести, для открытія сезона, на такую пьесу, которая бы имѣла большой и прочный успѣхъ. Всѣ четыре новыя пьесы провалились болѣе или менѣе рѣшительно.

„Renaissance“,—зала, украденная опереткой у драмы. Когда этотъ театръ былъ выстроенъ, то долженъ былъ быть вторымъ „Gymnase“, только болѣе смѣлымъ и не отступающимъ отъ новѣйшаго анализа.

Но нѣсколько послѣдовательныхъ неудачъ поставили управленіе въ страшныя денежныя затрудненія, и пришлось на слѣдующую зиму прибѣгнуть къ опереткѣ. Въ послѣдніе два года оперетка царить въ немъ. На его подмосткахъ увидѣла свѣтъ Божій „La jolie rag-fumeuse“; на нихъ же впервые появилась „Giroflé-Girofla“. Зала, толковали, слишкомъ нова и нарядна для драмы. Я надѣюсь, что драма или комедія вернутся со временемъ на эту сцену, построенную для нихъ, и отсюда ихъ согнала авантюристка, уличная гуляка. Нѣтъ театра въ Парижѣ, который я съ бѣльшей радостью избавилъ бы отъ позора бездарныхъ куплетовъ. „Renaissance“ для открытія своего сезона дала „Les filleules du roi“, шлепнувшуюся безъ милосердія. Три дня спустя ей пришлось прибѣгнуть къ прошлогоднимъ новинкамъ „Giroflé-Girofla“ и „La reine Indigo“. Конечно, она готовитъ еще иное. Но, сознаюсь, что я горячо желаю, чтобы это иное было освистано безъ жалости. Еслибы директоры театровъ, гдѣ даются оперетки, обанкрутились одинъ за другимъ—я бы этому очень порадовался. Только утомленіе публики и разореніе директоровъ могутъ насъ избавить отъ этой мерзости.

Въ „Буффахъ“ давали „Креолку“, слова Мильо, музыка Оффенбаха. Публика не особенно ею восхищалась и успѣхъ оперетки незначительный. Но судьбу этого рода пьесъ трудно заранѣе опредѣлить. Зачастую самыя глупыя нравятся всего больше. Къ тому же, авторы принадлежать обыкновенно къ легкой прессѣ и умѣютъ шумѣть о своихъ произведеніяхъ. Когда цѣлая зала звѣщаетъ отъ ихъ произведеній, дружественныя журналы кричатъ, что никогда публики столько не хохотала. Наконецъ, сами зрители нетребовательны и полагаютъ, что слѣдуетъ посмотрѣть пьесу, если театру удастся продержатъ ее на афишѣ дней пятьдесятъ сряду; а тамъ дальше уже нѣтъ причины пьесѣ не удержаться и на болѣе долгое время. Со всѣмъ тѣмъ, „Креолка“ должна доставлять мало дохода „Буффамъ“, и я надѣюсь, что театръ вынужденъ будетъ дать въ непродолжительномъ времени новую оперетку, которая будетъ имѣть еще меньше успѣха.

Но самое серьезное пораженіе потерпѣла оперетка въ „Variétés“. Тамъ все было сдѣлано, чтобы обезпечить успѣхъ. Разсчитывали на новую „Belle-Hélène“. Гг. Мейльякъ и Галеви написали либретто; Оффенбахъ взялъ на себя музыку. Кромѣ того, заглавіе: „La boulangère a des écus“, казалось, должно было привлечь публику. Въ оперетку включена была игривая пѣсенка эпохи регентства, тоже не малая приманка. Ну, и что же! Денежная булочница, несмотря на то, что должна была быть булочницей весьма легкаго поведенія, была холодно принята въ первый вечеръ, и въ настоящую минуту умираетъ естественной смертью. У булочницы, быть можетъ, и во-

дятся дашьжонки, но она не доставить ихъ въ кассу „Variétés“. Конечно, гг. Мейльягъ и Галеви талантливые авторы, и я очень люблю ихъ остроуміе. Тѣмъ не менѣе я радуюсь ихъ неудачѣ. Какъ они не понимаютъ, что унижаютъ себя, составляя балаганные либретто. Увѣряютъ, что они постигли наконецъ, что компрометируютъ свой талантъ. Говорятъ, будто одинъ изъ нихъ побожился, что не станетъ больше писать оперетокъ послѣ того, какъ выполнитъ принятые уже раньше обязательства.

Наконецъ, третья неудача постигла „Folies-Dramatiques“. „Le Pom-pom“, музыка котораго написана Легомомъ, была просто освистана. Музыкантъ проигралъ крупное сраженіе. Послѣ колоссальнаго успѣха „La fille de madame Angot“, общее вниманіе было устремлено на него, а онъ оказался ниже самого себя, что много значитъ. Я надѣюсь, что онъ больше не встанетъ и что онъ окончательно сломалъ себѣ шею. Ненависть къ опереткѣ дѣлаетъ меня свирѣпымъ.

Итакъ, вотъ на чемъ мы пока остановились. Увы! я никакъ не рассчитываю, чтобы четыре проигранныхъ сраженія рѣшили дѣло. Быть можетъ, завтра оперетка, болѣе глупая, чѣмъ ея старшія сестры, будетъ имѣть одинъ изъ тѣхъ необъяснимыхъ успѣховъ, которые поддержать моду на этотъ жанръ еще на нѣсколько лѣтъ. Но несомнѣнно, что оперетка уже стоитъ на закатѣ своей славы. Она достигла своего апогея въ „Gaieté“ при Оффенбахѣ. Теперь она клонится къ упадку. Все дѣло во времени и прихотяхъ моды. Къ тому же, противъ нея воздвигнуто цѣлое гоненіе. Многіе критики, изъ самыхъ вліятельныхъ, преслѣдуютъ ее непримиримой враждой. Они знаютъ какой вредъ она приноситъ французскому уму. Когда мы отъ нея отдѣлаемся, то, конечно, изъ ея навоза вырастетъ новый чудовищный грибокъ, потому что надо же, чтобы глупость находила себѣ исходъ; но я сомнѣваюсь, чтобы насъ постигло худшее зло.

V.

Исторія нашихъ театровъ *жанра* плачевна. Въ продолженіи слишкомъ пятидесяти лѣтъ, они служили выраженіемъ французскаго драматическаго гения. Ихъ репертуаръ, переведенный на всѣ языки, сдѣлалъ насъ поставщиками театровъ цѣлаго міра. Они были настоящими мастерскими, откуда выходили тѣ драмы и комедіи, предназначенныя для вывоза, о которыхъ я говорилъ выше. Если наши водевили обошли всю Европу, то мы имъ обязаны этой международной популярностью. А теперь они находятся при послѣднемъ изды-

ханіи и не знаютъ, какъ имъ привлечь успѣхъ, повернувшись къ нимъ спиной.

Этихъ театровъ три: „Gymnase“, „Vaudeville“, „Palais-Royal“. У каждаго своя особенная исторія, которую мнѣ надо разсказать, чтобы быть понятнымъ.

„Gymnase“ былъ какъ-бы храмъ *буржуазіи*. Громкіе успѣхи Скриба сдѣлали изъ него самый счастливый театръ Парижа, чистенькій, литературный, приносящій громадные доходы. Надо прибавить, что имъ управлялъ человѣкъ весьма искусный, г. Монтиньи, чутье котораго обратилось въ пословицу. Всякая пьеса, принятая имъ, увѣнчивалась успѣхомъ. Монтиньи все еще управляетъ этимъ театромъ, но повидимому утратилъ свое чутье, потому что въ послѣдніе годы переживаетъ одну неудачу за другой. Въ концѣ каждаго сезона я слышу, какъ говорятъ: „Монтиньи потерялъ сто тысячъ франковъ; Монтиньи потерялъ пятьдесятъ тысячъ франковъ“. И фраза эта звучитъ, какъ похоронная пѣснь для „Gymnase“, если только къ Монтиньи не вернется его былое чутье, благодаря которому онъ узнавалъ, будетъ ли имѣть успѣхъ пьеса, какъ только раскроетъ рукопись. Я, по правдѣ сказать, думаю, что директоръ „Gymnase“ остался ловкимъ администраторомъ, человѣкомъ съ большимъ умомъ и тактомъ. Чутье не покинуло его; но времена перемѣнились; авторы не тѣ; публика не та; не тѣ актеры, моды; не то литературное направленіе. Когда все измѣняется, театръ не долженъ оставаться неподвижнымъ. Поклонники Скриба отжили свой вѣкъ, а также и вивѣры Баррьера, да даже и трехъ или пяти-актные проповѣди Дюма. Недавно мнѣ случилось разговаривать съ Монтиньи. Я предсказывалъ ему то, что случается, я утверждалъ, что не выходя изъ своей обычной программы и не привлекая къ себѣ новыхъ авторовъ, онъ обратитъ въ окончательную пустыню свой театръ. Вчерашняя драматическая формула истощена, публикѣ надоѣдаютъ вѣчныя повторенія, мало-по-малу толпа устремляется въ другое мѣсто: въ оперетки, въ пьесы съ эффектной постановкой. Онъ качалъ головою и отвѣчалъ, что знаетъ гдѣ успѣхъ, и называлъ мнѣ: Дюма, Сарду, гг. Мейльяна и Галеви. Да, конечно, успѣхъ тамъ, но успѣхъ временный, успѣхъ непрочный. Мы натываемся тутъ на рану, разтѣдающую наши театры.

Вотъ какъ разсуждаютъ директора нашихъ театровъ *жанра*. Въ настоящее время въ Парижѣ существуютъ четыре или пять авторовъ, пользующихся полной благосклонностью публики. Слѣдовательно, нужно имѣть дѣло только съ ними. Вся штука заключается въ томъ, чтобы заставить на зиму произведеніемъ кого-либо изъ этихъ господъ. Потомъ, когда контрактъ подписанъ, то весь сезонъ

посвящается этой пьесѣ; всѣхъ другихъ авторовъ устраняютъ; играютъ одні посредственныя пьесы, чтобы лучше выставить свѣтло; тратятъ громадныя суммы на вербовку труппы и постановку. Если пьеса падаетъ, — что иногда бываетъ, — убытки громадны. Но допуская даже успѣхъ, результатъ все-таки не блистательный, потому что репертуаръ разстроены и зачастую тераются цѣлые мѣсяцы, весь сезонъ въ ожиданіи новой пьесы какого-нибудь извѣстнаго фабриканта. Къ тому же, все имѣетъ конецъ. Какъ я и говорилъ Монтиньи, я нахожу директоровъ страшно непредусмотрительными: они ставятъ все свое состояніе на одну карту; они не думаютъ о томъ, что гг. Дюма, Сарду, Мейльякъ и Галеви могутъ сойти со сцены: умереть или утратить любовь публики, и что, такимъ образомъ, они останутся совсѣмъ безъ пьесъ и безъ авторовъ. На всѣ эти доводы директоры отвѣчаютъ, что они были бы и рады давать мастерскія произведенія, да ихъ не откуда взять; что еслибы они знали, что существуетъ хорошая пьеса въ какомъ-нибудь глухомъ предмѣстьѣ, гдѣ-нибудь на чердакѣ какой-нибудь лачуги, на самой окраинѣ города, они бы пѣшкомъ, въ проливной дождь, пошли бы за ней, только бы не упустить единственнаго случая. Все это вполне искренно, но дѣло въ томъ, что директоры прикованы къ одному роду произведений и трусятъ всякой новой попытки, пѣвляются за прошлое съ отчаяніемъ людей, нажившихъ много денегъ на извѣстнаго рода товарѣ и не могущихъ никакъ въ толкѣ взять, отчего этотъ товаръ больше не въ ходу. Еслибы появилась новая драма съ мощнымъ анализомъ, Монтиньи не посмѣлъ бы конечно ее дать; а между тѣмъ спасеніе театра *жанра*, если только онъ не хочетъ перейти къ опереткѣ, заключается въ появленіи болѣе или менѣе близкомъ реальныя пьесъ, которыхъ я желаю быть апостоломъ.

Я признаю справедливымъ затрудненіе, въ которое поставлены директора тѣмъ обстоятельствомъ, что никакъ не могутъ, несмотря на всѣ поиски, найти хорошую пьесу. Я вѣрю, что въ настоящую минуту нѣтъ спасенія внѣ гг. Дюма, Сарду, Мейльяка и Галеви. Но тѣмъ не менѣе утверждаю, что театръ погибнетъ, если драматическая формула не будетъ обновлена въ непродолжительномъ времени, если онъ не произведетъ новыхъ писателей, которые внесутъ въ него новую жизнь.

Положеніе „Vaudeville“ еще бѣдственнѣе. Въ былое время на него смотрѣли какъ на сцену, на которой все было дозволено. Когда авторъ писалъ драму или комедію, въ которой по его мнѣнію онъ безцеремонно отнесся къ публикѣ, онъ относилъ ее въ „Vaudeville“. Театръ помѣщался тогда на биржевой площади. Съ тѣхъ поръ онъ перенесся на новое мѣсто; основался на бульварѣ, на углу

Шоссе-д'Антенъ. Это ли переселеніе нанесло ему роковой ударъ, какъ утверждаютъ? Оно ли привлекло къ нему общество гудакъ обоюга пола, неспособныхъ цѣнить литературу? Быть можетъ, въ этомъ мнѣніи есть своя доля правды. Но дѣло въ томъ, что неудачи начались уже на Биржевой площади. Причина гибели въ сущности та же, что и у „Gympase“. Пьесы модныхъ писателей производятъ пустоту, приучаютъ публику къ ударамъ грома и мѣшаютъ всякимъ новымъ попыткамъ. Въ послѣднія лѣтъ десять „Vaudeville“ бѣдствуетъ. Два-три успѣха, которые имѣлъ на немъ Сарду, только лучше освѣщаютъ пропасть, въ которую вслѣдъ затѣмъ скатывался театръ.

Въ „Gympase“ сезонъ начался съ неудачи новой пьесы „Wagon de Valjoli“. Къ тому же эта пьеса, весьма посредственная, предназначена, быть можетъ, только на то, чтобы служить фономъ для „Férol“, великой комедіи Сарду, съ которою рассчитываютъ провести зиму. Идутъ уже послѣднія репетиціи; быть можетъ, она будетъ дана на будущей недѣлѣ. Если она провалится, то Монтиньи очутится въ большомъ затрудненіи, потому что у него нѣтъ, мнѣ говорили, никакой другой пьесы. Сезонъ былъ бы для него потерянъ. Пришлось бы прибѣгнуть къ старому репертуару, который уже очень износился. „Vaudeville“ пробавлялся все лѣто „Procés Veauradioux“, забавнымъ трехактнымъ фарсомъ Геннекена. Кромѣ того, онъ далъ первое представленіе пьесы Теодора Баррьера: „Un scandale d'hier“. Сюжетъ не страдаетъ наивностью. Дѣло идетъ о барышнѣ-компаньонкѣ, скомпрометтированной любовникомъ маркизы, у которой она живетъ; позднѣе, когда она выходитъ замужъ за одного молодого графа, ей бросаютъ въ лицо, какъ упрекъ, ея мнимое паденіе, и весь интересъ драмы заключается въ томъ, какъ она оправдывается. Впрочемъ, эта пьеса хорошо написана, но ужь конечно не она обновитъ современный театръ. Если „Vaudeville'ю“ удастся продержатъ ее два мѣсяца на афинѣхъ—тѣмъ лучше. Ждутъ мастерскихъ произведеній.

Мнѣ остается поговорить о пале-рояльскомъ театрѣ. Здѣсь мы сталкиваемся лицомъ къ лицу съ весьма счастливымъ исключеніемъ. Лѣтъ уже тридцать сряду доходы его не измѣняются; они все попрежнему великолѣпны. Неудачи въ Пале-роялѣ весьма рѣдки; успѣхъ тамъ постояненъ. Конечно, часть этого успѣха можно поставить на счетъ трехъ директоровъ—гг. Плюнета, Колера и Дормейля. Но однимъ умомъ этихъ господъ нельзя объяснить этого результата. Я ставлю на первомъ ряду тотъ родъ произведеній, какія на немъ даются: чистѣйшіе фарсы или весьма тонкія комедіи, но всегда съ приправой фарса! Затѣмъ, у нихъ несомнѣнно лучшая труппа въ Парижѣ, та, въ которой замѣчается наиболѣе ансамбля и оригинальности; инымъ изъ ихъ актеровъ удается набрести, несмотря на

экстажерацию, на правдивые типы, выхваченные изъ дѣйствительной жизни, которую наши французскіе комедіанты такъ рѣдко умѣютъ передавать. Наконецъ, традиція приводитъ къ нимъ, кромѣ парижской публики, всѣхъ провинціаловъ и всѣхъ иностранцевъ, которые наѣзжаютъ въ Парижъ. Во время оно „Gymnase“ также посѣщался путешественниками, но въ настоящее время они позабыли къ нему дорогу. Послѣ оперы, „Comédie Française“, они отправляются въ Пале-рояль. Лѣтомъ въ особенности, благодаря этой кочующей публикѣ, послѣдній театръ менѣе всего страдаетъ отъ пустоты, производимой жарой во всѣхъ театральныхъ залахъ. Пале-рояльскіе фарсы зачастую бывають гораздо превосходнѣе комедій, даваемыхъ на болѣе серьезныхъ сценахъ. Сюда гг. Мейльякъ и Галеви внесли лучшую часть своего остроумія, между тѣмъ какъ гг. Гондине и Лабиншъ весьма близко подходили къ высокой комедіи, оставаясь въ сферѣ неудержимаго смѣха. Конечно, желательнo было бы болѣе литературнаго фарса, съ болѣе смѣлымъ пошибомъ, такого, какой писалъ Мольеръ. Но если Мольеръ и отсутствуетъ, то тѣмъ не менѣе Пале-рояль дѣлаетъ похвальныя усилія, чтобы не дать захвнуть на театрѣ французской веселости. Впрочемъ, труппа вполне способна разыграть и мастерское произведеніе, еслибы таковое было доставлено директорамъ. Первый актъ „Cagnotte“, первый актъ „Boule“ остались какъ образцы творческаго комизма. Повторяю мое желаніе: требуютъ мастерскихъ произведеній.

Слѣдуетъ, полагаю, сдѣлать слѣдующій выводъ изъ процвѣтанія Пале-рояля и медленнаго разоренія „Gymnase“ и „Vaudeville“. Публика, совсѣмъ безсознательно, идетъ туда, гдѣ чувствуетъ жизнь. А жизнь сосредоточилась въ Пале-роялѣ, въ тѣхъ новѣйшихъ комедіяхъ, гдѣ раздается громкій хохотъ, по котораго тѣмъ не менѣе носятъ отпечатокъ дѣйствительности. На этомъ театрѣ драматическое искусство несомнѣнно всего живучѣе, наименѣе заморожено условными понятіями; въ немъ можно изучать нравы, заходить такъ далеко, какъ хочешь, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы маскировать мерзости людскія преувеличеннымъ комизмомъ. Публика не возмущается и даже рукоплещетъ, потому что не считаетъ себя обязанной быть щепетильной и чопорной.

Я знаю одного автора, у котораго въ портфельѣ была свирѣпая комедія, крайне безцеремонная и рѣзкая по формѣ; ни одинъ театръ не осмѣливался дать ее; ему пришлось пойти дальше, довести крайность до безумія, и его пьеса имѣла большой успѣхъ въ Пале-роялѣ. Разъ авторъ смѣшитъ, онъ можетъ третировать зрителей такъ безцеремонно, какъ только хочетъ. Итакъ, публика обѣгаетъ „Vaudeville“ и „Gymnase“, гдѣ ей надобно старыя формулы, гдѣ она безсозна-

тельно чувствуетъ ледяную агонію этихъ пьесъ, которыхъ не одушевляютъ никакое дуновение жизни, предпочитая сумасбродные водевили, въ которыхъ среди самыхъ нелѣпныхъ выдумокъ попадаются уголки точнаго анализа. Но пусть только драматическое искусство обновится, пусть только жизнь проснется въ комедіяхъ и драмахъ, и если въ Пале-роаля ходятъ кататься со смѣху, то въ „Gympase“ и „Vaudeville“ пойдутъ затѣмъ, чтобы смѣяться и плакать болѣе возвышеннымъ образомъ.

VI.

Я умолчалъ объ Одеонѣ и „Comédie-Française“, чтобы отвести имъ особое мѣсто. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ театрами, получающими денежную субсидію отъ правительства, и которые являются какъ-бы консерваторіей для мастерскихъ произведеній нашего языка. Кромѣ того, на нихъ возложена миссія, по возможности, удлиннять списокъ этихъ произведеній, давая лучшія вещи новѣйшаго времени.

Одеонъ находится въ настоящую минуту не въ блистательномъ положеніи. Теперешній директоръ его, Дювенель, повидимому, заботится гораздо больше о томъ, чтобы положить субсидію себѣ въ карманъ, чѣмъ о томъ, чтобы употреблять ее на интересныя литературныя попытки. У него, кромѣ того, такая плохая труппа, что знаменитые авторы не рѣшаются отдавать ему своихъ произведеній. При открытіи каждаго сезона, онъ, кажется, рассчитываетъ прожить съ грѣхомъ пополамъ насчетъ одной какой-нибудь пьесы. Такимъ образомъ онъ выжималъ сокъ до послѣдней капли изъ „Jeunesse de Louis XIV“ и „Maitresse légitime“. Конечно, его бездѣятельность обусловливается финансовымъ расчетомъ: онъ не желаетъ рисковать субсидіей и предоставляетъ театру влачить жалкое существованіе. Всѣ драматическіе авторы жалуются на такое положеніе дѣлъ; Одеонъ какъ-будто не существуетъ. Надѣялись, что Дювенель удалится, но министерство не обращаетъ на него вниманія, и такое положеніе дѣлъ рискуетъ, кажется, продлиться. Въ этомъ году Одеонъ не могъ быть открытъ въ обыкновенное время. Въ немъ происходили значительныя передѣлки, благодаря которымъ двери его были заперты до послѣдняго времени. На немъ должна пойти въ непродолжительномъ времени драма русскаго автора, имя котораго остается тайной. Заглавіе пьесы: „Данишеви“. Говорятъ, что рукопись доставлена Дюма-сыномъ, такъ какъ пьеса, будучи сатирой, могла бы навлечь непріятности автору. Кромѣ того, Одеонъ приготовляетъ пьесу Дюма-отца, просмотрѣнную Дюма-сыномъ. Поговариваютъ такъже о пьесѣ Жоржъ-Зандъ. Но всѣ эти обѣщанія меня не увлекаютъ.¹ Одеонъ въ нынѣш-

немъ году, конечно, будетъ, какъ и въ прошломъ, большимъ провинціальнымъ театромъ, холоднымъ и меланхолическимъ, въ которомъ будетъ мерзнуть юношество нашихъ училищъ. Во главѣ этого театра требовался бы артистическій умъ, смѣльчакъ, который бы надѣлалъ долговъ, въ случаѣ крайности, чтобы провести дебютанта.

Что касается „Comédie-Française“, то она остается торжественнымъ, величественнымъ, непогрѣшимымъ судилищемъ. Она отличается большими достоинствами; ея труппа выше всякихъ похвалъ; она несомнѣнно, хотя и нѣсколько узко, заботится объ искусствѣ; приемы у нея самые приличные, даже слишкомъ изысканные. Словомъ, она составляетъ нашу славу. Ни въ одной странѣ, думаю, не существуетъ такого храма, такого корпуса драматическихъ первосвященниковъ, служащихъ во имя прекраснаго. Я, право, не рѣшаюсь упрекать ее за отсутствіе смѣлости. Это вовсе не ея назначеніе. Когда менѣе священные театры, какъ, напримѣръ, „Gymnase“ отступаютъ передъ пьесой, содержащей какія-нибудь человѣческія истины, маломальски рѣзко высказанныя, то какимъ образомъ требовать болѣе смѣлости отъ „Comédie-Française“. Она музей, въ которомъ приличія требуютъ, чтобы говорили вполголоса. Всякаго рода традиціи, не говоря уже о приличіяхъ, не допускаютъ никакихъ смѣлыхъ выходовъ. Къ тому же, если она отказывается ставить рискованныя пьесы, когда онѣ подписаны спорнымъ именемъ, за то преспокойно заимствуетъ у другихъ театровъ вещи, имѣвшія успѣхъ, казавшіяся нѣкогда рѣзкими, но у которыхъ время смягчило углы. Такимъ образомъ прошлой зимой она похитила у „Gymnase“ „Demi Monde“, которую во время оно считала слишкомъ неприличной пьесой. Она также снисходительно относится къ авторамъ-академикамъ, гг. Эмилю Ожье, Октаву Фейлье, Жюлю Самдó. Эти господа могли бы позволить себѣ все, что угодно; она бы и не поморщилась; правда и то, что они вовсе не злоупотребляютъ предоставленной имъ свободой. Ея крайняя строгость обрушивается, значить, главнымъ образомъ на новичковъ. О, эти послѣдніе должны быть примѣрнаго поведенія, если желаютъ, чтобы время отъ времени она удостоила принять отъ нихъ коротенькую вещицу въ одинъ актъ и въ стихахъ. Да и тутъ она все-таки предпочитаетъ, чтобы они поставили ее сначала въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. И, повторяю, нѣтъ силы на нее сердиться, потому что она кажется такою величественною особой, что не можешь представить ее себѣ въ пошлой, низменной средѣ. Съ своей стороны я жалѣю только объ одномъ, а именно, что такіе превосходные артисты потеряны для пьесъ дебютантовъ, произведенія которыхъ зачастую могли бы получить яркое освѣщеніе только отъ такого исполненія.

„Comédie Française“ имѣла въ послѣднее время большой успѣхъ съ драмой въ стихахъ г. Борнье: „Дочь Роланда“. Стихи очень посредственны, но произведеніе довольно живо. Оно имѣло успѣхъ главнымъ образомъ потому, что было неожиданно, и публика, слушая ее, отдыхала отъ пошлостей послѣднихъ лѣтъ. Я былъ бы однако очень удивленъ, еслибы она произвела серьезное обращеніе къ героической драмѣ. Подождемъ Борнье на его второй пьесѣ. „Comédie Française“ получила также хорошій сборъ, возобновивъ „Demi-Monde“, который однако показался вышедшимъ изъ моды и устарѣвшимъ, по первымъ актамъ. Теперь театръ взволнованъ „Иностранкой“, новой комедіей Дюма, которую авторъ прочиталъ недавно комитету и которая пойдетъ въ первыхъ числахъ будущаго года. Нельзя представить себѣ, какой восторгъ возбудитъ особа г. Дюма. Объ его пьесѣ, вполне неизвѣстной публикѣ, толкуется больше, чѣмъ о всѣхъ пьесахъ, которыя играли въ послѣдній мѣсяцъ, вмѣстѣ взятыхъ. Чтеніе „Иностранки“ было великимъ событіемъ, о которомъ журналы возвѣщали за двѣ недѣли впередъ. На другой день послѣ этого торжества, одинъ журналъ напечаталъ длинную статью, въ которой сообщались мельчайшія подробности о томъ, какъ читалъ авторъ, о вниманіи, съ какимъ его слушали семеро актеровъ, составляющихъ комитетъ, о всѣхъ мелкихъ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ это чтеніе. Все это, разумѣется, составлено такъ, чтобы не проронить ни одного лишняго слова, которое могло бы ослабить интересъ новинки, но обмолвившись нѣкоторыми, могущими затронуть всеобщее любопытство. Дюма—богъ, слѣды котораго цѣлуютъ; всѣмъ извѣстно, какъ онъ ѣстъ, какъ онъ работаетъ, какъ онъ спитъ. Къ его особѣ прикомандированы поклонники-журналисты, воспѣвающіе тѣ три капли духовъ, которыми онъ душитъ свой носовой платокъ. Никогда и никто изъ нашихъ великихъ людей, ни Мольеръ, ни Вольтеръ, ни Викторъ Гюго—не пользовались такой популярностью въ среднемъ классѣ. Чтобы объяснить это явленіе, пришлось бы затронуть весьма сложные вопросы, показать, какими сторонами онъ закупаетъ публику, дѣлая при этомъ видъ, что беретъ ея восхищеніе съ бою. Я уже пытался сдѣлать это, но все еще не могу придти въ себя отъ этого поклоненія передъ человѣкомъ таланта ординарнаго и далеко не занимающаго въ настоящую минуту перваго мѣста въ средѣ нашихъ писателей.

Желаю, впрочемъ, „Comédie Française“ всякаго успѣха съ „Иностранкой“. Я сожалею только о томъ, что Эмиль Ожье слишкомъ долго безмолвствуетъ, а Октавъ Фейлье пользуется этимъ молчаніемъ, чтобы чаще подносить себя публикѣ. Эмиль Ожье—самый мужественный талантъ въ нашей драматической литературѣ. Рядомъ съ нимъ

Октавъ Фейлье только пріятный писатель, весьма приличный, пишущій специально для салоновъ. Онъ пишетъ банально и правильно, а когда пускается въ раяныя страсти, то предоставляет толкователямъ придавать силу его прозѣ. „Comédie-Française“ управляетъ въ настоящую минуту очень умнымъ человекомъ, Перреномъ, мечты котораго сводятся на великолѣпную постановку, роскошныя декорации. Онъ первый ввелъ, рядомъ съ древними, классическими декорациями, новыя, составившія эпоху; между прочимъ, декорация пятаго акта „Jean de Thommeau“, видъ на набережныя и Сену, вечеромъ, при газовомъ освѣщеніи, снятый съ угла улицы Сентъ-Пересъ. Никогда не видывалъ я такого правдоподобнаго горизонта, уходящаго вдаль, подъ небомъ, на которомъ бѣгаютъ маленькія облачка, освѣщенныя луной. Казалось, какъ-будто вдыхаешь свѣжій воздухъ, доносящійся съ рѣки ночной порой. Перренъ открылъ правдивыя и грандіозныя декорации, о которыхъ я мечтаю для натуральной драмы.

Прежде чѣмъ кончить, хочу сказать нѣсколько словъ о Росси, великомъ итальянскомъ артистѣ, дающемъ въ настоящую минуту представленія въ Парижѣ. Онъ играетъ Шекспира, Александра Дюма-отца, Виктора Гюго, съ большимъ пониманіемъ ролей и весьма замѣчательнымъ одушевленіемъ. Талантъ его главнымъ образомъ основанъ на обдуманности, съ какою онъ относится къ своимъ ролямъ. Онъ производитъ большой эффектъ, благодаря ловкимъ переходамъ отъ мягкости къ энергіи. Но, сознаюсь, несмотря на его достоинства, онъ не приводитъ меня въ восторгъ. Итальянское театральное искусство, безъ сомнѣнія, самое фальшивое, какое только я знаю. Исполненныя манерности, всегда напыщенные, итальянскіе актеры играютъ глазами, ртомъ, пальцами, не заботясь о равновѣсіи и правдѣ изображаемыхъ ими типовъ. Они не выходятъ изъ рамокъ своего стариннаго фарса, даже когда изображаютъ самую реальную драму. Росси слишкомъ талантливъ, чтобы впадать въ эти грубыя ошибки, но въ немъ бессознательно проявляется итальянская напыщенность, осуждающая его на легендарныя роли. Нельзя себѣ представить его въ сюртукѣ, играющимъ въ новѣйшей пьесѣ. Прошлое принадлежитъ ему всецѣло; но будущее, полагаю, принадлежитъ другимъ.

Вопросъ объ актеряхъ, объ исполнителяхъ—вопросъ первой важности. Они чаще всего рѣшаютъ успѣхъ представленія. Процвѣтаніе Пале-Рояля опирается на превосходномъ составѣ труппы; если „Gympase“ упалъ во мнѣніи публики, то это отчасти потому, что Монтиньи не сумѣлъ сохранить прекраснаго ансамбля, необходимаго для полной художественной передачи произведенія. Наконецъ „Comédie-Française“ обязана своимъ успѣхомъ знаменитымъ артистамъ, появившимся въ ней одинъ за другимъ. Но исполнители, я говорю

о гениальнѣхъ, имѣютъ еще болѣе сильное вліяніе, прямое вліяніе на литературу своего времени. Когда рождается какая-нибудь Рапелль, то трагедія какъ-бы воскресаетъ лѣтъ на двадцать. Когда литературное движеніе наталкивается на такого актера, какъ Фредерикъ Леметръ, то всякія сраженія и всякія побѣды становятся возможными. При этомъ представляется вопросъ: романтическое ли движеніе создало Фредерика Леметра, или Фредерикъ Леметръ создалъ романтическое движеніе? Полагаю, что бесплодно рассуждать объ этомъ, и предпочитаю помириться на компромиссъ и вѣрить въ счастливое совпаденіе. Актеръ появился вмѣстѣ съ писателями своего поколѣнія; онъ неиявѣнно сталъ ихъ истолкователемъ; онъ присоединилъ свой гений къ ихъ гению. Истина та, что послѣ Фредерика Леметра ни одинъ актеръ не былъ въ состояніи передать съ достаточной полнотою его ролей; романтическія драмы состарились и вышли изъ моды вмѣстѣ съ нимъ.

Часто думаю я объ этихъ вещахъ, которыя постараюсь формулировать въ одной фразѣ: каждая драматическая форма должна найти гениальнаго исполнителя, чтобы имѣть успѣхъ. Гдѣ же тогда тотъ великій актеръ, о которомъ я мечтаю для натуральной драмы? Я ежегодно обозрѣваю всѣ наши театры, и не нахожу его. Намъ нуженъ былъ бы человѣкъ, который отказался бы отъ традицій и согласился бы не играть больше пьесъ, а переживать ихъ; человѣкъ, наблюдательный и гениальный, который бы сбросилъ трагическія драпировки и ветошь исторической драмы, нашелъ бы трагизмъ, одѣтый въ пальто, страшную драму обиденной и дѣйствительной жизни. Когда подумаешь, что театральнй міръ есть міръ совсѣмъ условный, что первоначально учать воспитанниковъ его не быть правдивыми, гдѣть голосомъ, жестами и позами, то понимаешь, какъ трудно для современной драмы найти такого актера, который бы сумѣлъ ее воплотить. А между тѣмъ, повторяю, нужно, чтобы таковой актеръ сыскался, если мы желаемъ имѣть успѣхъ. Въ настоящее время, когда писатели-реалисты пытаются обратиться къ французской сценѣ, то они встрѣчаютъ такое полное непониманіе своихъ намѣреній у исполнителей, такое безусловное недоброжелательство въ режиссѣрахъ и во всемъ театральномъ персоналѣ, что ихъ произведенія, и безъ того трудно находящія себѣ доступъ на сцену, претерпѣваютъ искусственныя фіаско. Неужели мы живемъ въ самую неблагоприятную эпоху? Неужели мы пройдемъ, не встрѣтивъ желаннаго актера? Это было бы жестоко и несправедливо. За что же наша участь должна быть злополучнѣе участи нашихъ старшихъ братьевъ? Нѣтъ, любовь къ правдѣ выростетъ въ какой-нибудь великой душѣ гениальнаго актера. У насъ будетъ свой Тальма и свой

Фредерикъ Леметръ, не Агамемнонь Расина, не Рюи-Блазь Виктора Гюго, но гражданинъ нашей эпохи, такой же великій и болѣе правдивый.

Вотъ характеристическій примѣръ необходимости для актера родиться въ эпоху, которой толкователемъ онъ является. Одинъ актеръ „Comédie-Française“, снискавшій громкую славу, Муне-Сюлли, подавалъ великія надежды при первыхъ своихъ дебютахъ. Онъ игралъ Ореста, Нерона и другія трагическія роли съ нѣсколько натакнутой, но весьма любопытной оригинальностью. Въ роли Дидье, въ „Maison Deloigne“ онъ показался блѣднѣе, подавленный воспоминаніемъ о Фредерикѣ Леметрѣ. Наконецъ, когда онъ взялся за современную роль въ „Jean de Thommeray“, то оказался ниже самого себя. Вотъ значитъ актеръ, который по крайней мѣрѣ сорока годами опоздалъ родиться на свѣтъ. Онъ живетъ не въ свое время, ему слѣдовало жить въ 1830 г. Хуже всего то, что его несомнѣнныя качества пропадаютъ даромъ для насъ, мечтающихъ о правдѣ. Если натуральная формула возьметъ верхъ на театрѣ, для него не будетъ новыхъ ролей, и ему придется ограничиться старыми репертуарами. Менѣе вдохновенный актеръ, но болѣе заботящійся о точномъ анализѣ движеній человѣческой души, былъ бы для насъ полезнѣе.

VII.

Я долженъ кончить. Интересъ минуты ничего не значитъ; настоящій часъ пролетаетъ и оставляетъ свободное поле для будущаго. Плохія драмы, которыя проваливаются, идіотическія оперетки, имѣющія успѣхъ, счастливая или несчастливая для директоровъ парижскихъ театровъ зима—имѣютъ лишь относительное значеніе, когда посмотришь на постоянное движеніе драматической литературы. Ничто не остается неизмѣннымъ, формулы старѣются и видоизмѣняются одна за другой. Старинныя мистеріи превратились въ трагедію, которая въ свою очередь превратилась въ романтическую драму. Воображать, что человѣчество остановится на этой послѣдней формѣ, значило бы отрицать умственное движеніе, предсказывать ближайшую гибель французскаго языка. Мы, слѣдовательно, присутствуемъ въ настоящій моментъ при новомъ зарожденіи: изъ драмы романтической развивается натуральная драма. Это неизбѣжный исходъ въ силу всѣхъ тѣхъ причинъ, которыя я высказалъ въ началѣ этого этюда.

Вѣчная работа, полное тревоги ожиданіе, не покидающее меня, заставляетъ по истеченіи каждаго года вопрошать себя, кто среди

насъ окажется гениальнымъ человѣкомъ. Если натуральной драмѣ предстоитъ осуществиться, то ее можетъ создать только гениальный человѣкъ. Очевидно, что великій драматургъ такъ же нуженъ намъ, какъ и великій актеръ. Корнель и Расинъ создали трагедію. Викторъ Гюгô создалъ романтическую драму. Гдѣ же тотъ неизвѣстный писатель, который долженъ создать натуральную драму? Въ послѣднія пять-шесть лѣтъ въ попыткахъ не было недостатка; я могъ бы назвать имена авторовъ, заглавія пьесъ; но потому ли, что публика не готова, потому ли, что нѣто изъ этихъ дебютантовъ не обладалъ необходимымъ талантомъ, но только ни одна изъ этихъ попытокъ не увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Въ этого рода борьбѣ, маленькія побѣды ничего не значатъ, необходимы триумфы, которые бы раздавили противниковъ, увлекли бы публику. Передъ истинно сильнымъ человѣкомъ зрители преклонились бы и признали бы все, что отрицаютъ въ настоящую минуту. Притомъ, этотъ человѣкъ принесъ бы съ собою ожидаемое слово, рѣшеніе задачи, какъ слѣдуетъ переносить дѣйствительную жизнь на сцену, приспособляя ее къ необходимымъ оптическимъ законамъ театра. Словомъ, онъ осуществилъ бы то, чего тщетно ищутъ дебютанты: умѣнье быть достаточно искуснымъ или достаточно сильнымъ, чтобы овладѣть умами, и при этомъ оставаться достаточно правдивымъ, чтобы искусство не могло привести его ко лжи.

А какое громадное мѣсто въ нашей литературѣ занялъ бы этотъ новаторъ, этотъ обновитель! Онъ возвысился бы головой надъ состарившимися или выдохшимися авторами. Онъ построилъ бы себѣ памятникъ среди безплодной пустыни, черезъ которую мы переходимъ, среди грязныхъ лачугъ, которыми загромождены подмостки современнаго театра. Ему пришлось бы все передѣлать, расчистить засоренныя подмостки, создать міръ, элементъ котораго онъ бы вынулъ изъ жизни, помимо принятыхъ традицій. Въ числѣ честолюбивыхъ мечтаній, которыми можетъ увлекаться писатель, конечно нѣтъ ни одного, которое было бы грандіознѣе. Въ настоящую минуту неувядаемая слава ждетъ гениальнаго человѣка, который, явившись продолжателемъ Мольера, выхватитъ изъ дѣйствительной жизни живую комедію, правдивую драму современнаго общества...

Эмиль Зола.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Новый сводъ русскихъ былинь.

Книга о киевскихъ богатыряхъ. Сводъ 24 избранныхъ былинь древне-киевского эпоса. Составилъ В. П. Авенариусъ. Съ портретомъ гѣнца былинь Рябинина, работы Д. А. Сѣрякова, и 12 картинокъ, гравированными на деревѣ, по рисункамъ А. В. Прохорова, въ ксилограф. заведеніи Кляча и Рохлицера въ Лейпцигѣ. Спб. 1876.

Составитель этой книги возмѣлъ благое намѣреніе заняться изученіемъ былинь и составить таковой ихъ сводъ, который могъ бы сдѣлать ихъ доступными для большой публики, не нарушая ихъ подлиннаго стиля и только связывая ихъ темы въ болѣе цѣльное изложеніе. „Задача наша была,—говоритъ авторъ,—дать русскимъ читателямъ, и въ особенности русскому юношеству, возможность въ одной, не слишкомъ объемистой книгѣ (книга г. Авенариуса занимаетъ до 330 страницъ) близко ознакомиться съ лучшими перлами древне-киевского эпоса. Съ этою цѣлью сличивъ, по стихамъ, всѣ извѣстные варианты избранныхъ былинь какъ Владимірова круга, такъ и предшествующаго ему круга „старшихъ богатырей“, тѣсно связаннаго съ нимъ мѣстомъ дѣйствія (въ киевской Руси) и лицами (старшимъ богатыремъ Святогоромъ и дочерью старшаго же богатыря Микулы Селяниновича), выбравъ лучшіе, по нашему мнѣнію, стихи, устранивъ или смягчивъ все слишкомъ грубое и сгладивъ шероховатости стихосложенія, затруднявшія плавное теченіе стиховъ,—мы составили возможно полный сводъ каждой былины, причѣмъ не пренебрегли, конечно, ни былинами съ полуразрушеннымъ стихомъ или такъ-называемыми „побывальщинами“, ни прозаическими „богатырскими сказками“, представляющими только послѣднюю стадію разложенія былинь. Расположивъ затѣмъ былины въ хронологическомъ порядкѣ, мы позволили себѣ для болѣе интересности разсказа послѣдовать примѣру нѣмца Зимрока и финляндца Лѣнрота, которые, въ новѣйшее время, разрозненные отрывки древне-германской „пѣсни объ Амелунгахъ“ и финской „Калевалы“ сгруппировали въ связныя поэмы: не касаясь существа былинь, мы связали ихъ въ возможно послѣдовательную хронику; стоявшія же отдѣльно отъ Владимірова круга былины о „старшихъ“ богатыряхъ вложили въ уста славнаго „загусельщика“—Добрыни Никитича, какъ то часто встрѣчается и въ другихъ народныхъ эпическихъ пѣсняхъ“.

Составитель исполнилъ свой планъ очень удовлетворительно, и книга его съ пользой можетъ служить той публикѣ, которой трудно было бы одолѣть подлинныя изданія, наполненныя сложной массой вариантовъ и не всѣмъ доступныя по цѣнѣ. Настоящій сводъ обни-

масть всѣ существенные сюжеты такъ-называемаго кievскаго цикла, и, соединяя въ одну нить разнообразіе вариантовъ, безъ сомнѣнія можетъ облегчить для большой публики и для юношества знакомство съ этимъ отдѣломъ народной поэзіи. Въ началѣ своей книги составитель дѣлаетъ общую характеристику былинной поэзіи, указываетъ размѣры ея стиха, а въ концѣ прибавилъ рядъ примѣчаній, для объясненія разныхъ частныхъ содержанія былинъ и наконецъ указатель собственныхъ именъ и необычныхъ словъ, встрѣчающихся въ былинахъ. Въ своей работѣ онъ пользовался указаніями г. Ореста Миллера, извѣстнаго специалиста по части былинъ.

Но въ этой характеристикѣ былинъ,—которую и необходимо было дать читателямъ,—можно бы только желать отъ автора ббльшаго знакомства съ положеніемъ вопроса въ литературѣ. Этотъ вопросъ еще нельзя считать установленнымъ, и споръ, который еще недавно велся о происхожденіи былинъ, по нашему мнѣнію, рано считать порѣшеннымъ. Но и кромѣ этого спора, въ литературѣ были, въ послѣднее время, высказаны мысли, сдѣланы указанія на новыя стороны дѣла,—которыхъ не слѣдовало упускать изъ виду. Авторъ предисловія, конечно, не ученый специалистъ,—но вся литература этого предмета такъ невелика, что познакомиться съ нею не представляло особеннаго труда. При этомъ знакомствѣ авторъ, быть можетъ, поставилъ бы нѣсколько иначе свои опредѣленія о былинныхъ „циклахъ“, ихъ хронологіи, ихъ историческомъ развитіи въ народной поэзіи. Правда, предметъ еще мало выясненъ и въ самой ученой критикѣ,—но положеніе дѣла таково, что мы не удивились бы, если бы было со временемъ найдено, что, напримѣръ, „старшіе“ богатыри, въ родѣ Святогора или Микулы Селяниновича—не старшіе, а скорѣе младшіе; что первый источникъ нѣкоторыхъ изъ былинъ была не своя „сѣдая“ до-историческая древность, а весьма историческая книга, чужой рассказъ, доступный историческому опредѣленію, и т. п.

Понятно само собою, что какъ бы ни рѣшался историческій вопросъ о происхожденіи былинъ, это не измѣнитъ ихъ интереса, какъ замѣчательнаго произведенія народной поэзіи, и въ настоящемъ случаѣ нѣкоторыя неточности въ объясненіяхъ автора не мѣшаютъ своду былинъ быть полезнымъ приобрѣтеніемъ для популярной литературы.

Рисунки, сдѣланные г. Прохоровымъ, очень недурны и въ сочиненіи ихъ видно стараніе соблюсти характеръ былинной старины; но нѣкоторымъ не помѣшало бы, если бы они были попроще и не имѣли той балетной манеры, которою отличается, напримѣръ, фигура героя въ рисункѣ къ шестой былинѣ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСПОВѢДЬ

ГРАФА А. К. ТОЛСТОГО.

 Письмо къ проф. Андж. Де-Гувирнатису, во Флоренци ¹⁾.

Ментона. 4-го марта, 1874.

Вилла „Pays Tranquille“.

Любезнѣйшій Д. Г., моя постоянная невралгія въ головѣ и удушье, оставляющія меня въ покоѣ рѣдко и ненадолго, мѣшали мнѣ до этой минуты поблагодарить васъ за присылку вашей драмы и за ваше дружеское намѣреніе говорить обо мнѣ на публичномъ чтеніи. Моя жена и я, мы читали вмѣстѣ *Romolo* и восхищались и вашимъ новымъ литературнымъ приѣмомъ, и добросовѣстною эрудиціею, и поэтическою формою драмы. Съ своей стороны прибавлю, что хотя я вообще не партизанъ символизма въ поэзіи, но все же дѣлаю исключеніе для вашего *Romolo*, ради большой искренности вашихъ идей и той оригинальной окраски, какую вы умѣли имъ придать. Въ своемъ письмѣ къ моей женѣ вы просите біографическихъ подробностей относительно моего литературнаго поприща. Она вамъ писала на это, но и я, съ своей стороны, хотѣлъ бы доставить вамъ свою исповѣдь, полную по возможности: пусть это послужитъ вамъ доказательствомъ, насколько я признателенъ вамъ за ваше вниманіе, и какъ я пѣню то, чтобъ человѣкъ, подобный вамъ, имѣлъ обо мнѣ свѣдѣнія. Не пеняйте потому на меня, если такое желаніе сдѣлаетъ меня многословнымъ. Вы можете остановиться на томъ, что вамъ понравится, а за остальное вы меня простите во имя величайшаго моего довѣрія къ вамъ. Итакъ, я начинаю.

Я родился въ Петербургѣ въ 1817 г.; шестинедѣльнымъ меня увезли въ Малороссію мать и мой дядя съ матерней стороны, Алексѣй Перовскій, впоследствии попечитель харьковскаго университета, извѣстный въ русской литературѣ подъ псевдонимомъ Антона Пого-

---

¹⁾ Копію письма, писаннаго авторомъ по-французски, намъ обязательно доставилъ профессоръ Де-Гувирнатисъ, имя котораго давно уже знакомо нашимъ читателямъ. Оригиналъ будетъ напечатанъ, а можетъ быть въ эту минуту уже и вышелъ въ свѣтъ, въ „Rivista Eugorea“. Для будущаго біографа поэта настоящая его исповѣдь—весьма важный матеріалъ. Вышепомѣщенный этюдъ О. Э. Миллера о Толстомъ, какъ лирическомъ поэтѣ, многое разъясняетъ въ этихъ признаніяхъ поэта, и во многомъ самъ найдетъ въ нихъ подтвержденіе своимъ выводамъ. Во всякомъ случаѣ это—интересный документъ, за сообщеніе котораго мы весьма благодарны г-ну Де-Гувирнатису.—Ред.

рѣльскаго. Онъ меня воспиталъ, и первые мои годы прошли въ его имѣнїи, почему я смотрю на Малороссїю, какъ на мое истинное отечество. Мое дѣтство было чрезвычайно счастливо и оставило во мнѣ чудныя воспоминанїя. Бывъ единственнымъ сыномъ, не имѣвъ товарища игръ и одаренный пылкимъ воображенїемъ, я рано привыкъ къ мечтательности, которая вскорѣ сложилась въ рѣшительную склонность къ поэзїи. Мѣстная природа, окружавшая меня, много тому содѣйствовала; воздухъ и видъ нашихъ большихъ лѣсовъ, страстно любимыхъ мною, оставили во мнѣ глубокое впечатлѣнїе, имѣвшее вліяніе на мой характеръ и жизнь, и не изгладившееся до сей поры. Мое воспитанїе продолжалось все дома. Восьми или девяти лѣтъ я поѣхалъ съ родителями въ Петербургъ, гдѣ я былъ представленъ великому князю цесаревичу, нынѣ Государю Императору, и допущенъ въ число дѣтей, составлявшихъ Его воскресное общество. Съ того времени благосклонность Его ко мнѣ никогда не оставляла меня. Въ слѣдующемъ году я отправился съ матерью и дядею въ Германїю. Во время пребыванїя нашего въ Веймарѣ, дядя свелъ меня къ Гёте, къ которому я инстинктивно проникся величайшимъ почтенїемъ за ту манеру, съ которою онъ говорилъ. Отъ этого посѣщенїя у меня сохранились въ памяти величественныя черты Гёте, и еще то, что я у него сидѣлъ на колѣняхъ. Съ той эпохи и до 17-ти-лѣтняго возраста, когда я выдержалъ выпускной экзаменъ въ московскомъ университетѣ, я безпрестанно путешествовалъ съ моими родителями, то по Россїи, то за-границей, но часто возвращался въ деревню, гдѣ провелъ свои первые годы, и никогда я не могъ видѣть тѣхъ мѣстъ безъ особеннаго волненїя. По смерти моего дяди, сдѣлавшаго меня своимъ наследникомъ, я былъ, въ 1836 г., по желанїю матери, прикомандированъ къ русскому посольству при нѣмецкомъ сеймѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ; позже, я поступилъ во II-е Отдѣленїе Собственной Его Величества канцелярїи, гдѣ редактируются законы. Въ 1855 г. я записался въ число охотниковъ, образовавшихъ стрѣлковый полкъ императорской фамиліи, съ тѣмъ, чтобы отправиться въ крымскую кампанїю; но нашъ полкъ не имѣлъ случая быть въ дѣлѣ и достигъ только Одессы, гдѣ мы потеряли болѣе тысячи человекъ отъ тифа, полученнаго также и мною. Императоръ Александръ II-й, во время коронаціи въ Москвѣ, изволилъ назначить меня своимъ флигель-адъютантомъ. Но такъ какъ я вовсе не готовился быть военнымъ, и, поступаая въ стрѣлки, имѣлъ намѣренїе оставить службу тотчасъ по окончанїи войны, то я и представилъ мои сомнѣнїя Его Величеству, и Государь Императоръ принялъ мою просьбу съ обычнымъ Ему благодушїемъ и назначилъ меня егермейстеромъ; этотъ титулъ я сохраняю и до настоящаго времени. Вотъ исторїя

моей вѣшной жизни. Что же касается до исторіи моей души, то я постараюсь разсказать вамъ и ее, какъ сумѣю.

Съ шестилѣтняго возраста началъ я мараить бумагу и писать стихи—такъ было поражено мое воображеніе произведеніями нашихъ лучшихъ поэтовъ, найденными мною въ какомъ-то толстомъ сборникѣ, дурно напечатанномъ и плохо перелетенномъ въ грязную красную обертку. Видъ этой книги отпечатлѣлся въ моей памяти и заставлялъ биться сердце всякій разъ, когда она мнѣ снова попадалась на глаза. Я таскалъ ее бывало съ собою всюду и прятался въ садъ или въ лѣсу, чтобы, лежа подъ деревьями, изучать ее часами. Скоро я зналъ ее наизусть; я упивался музыкою разнообразныхъ ритмовъ и усваивалъ себѣ ихъ технику. Какъ ни были нелѣпы мои первые опыты, я долженъ однако сказать, что въ метрическомъ отношеніи они были безупречны. Я продолжалъ учиться такимъ образомъ, усовершенствуя себя, насколько во мнѣ было силъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, и появился въ печати только въ 1842 г., когда я дебютировалъ не стихами, но нѣсколькими разсказами въ прозѣ. Въ 1855 г. я отдалъ въ различные журналы ¹⁾ въ первый разъ мои лирическія и эпическія стихотворенія, а позже я помѣщалъ ихъ ежегодно въ „Вѣстникъ Европы“ или въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

Такъ какъ вы желали имѣть характеристику моей нравственной жизни, то я вамъ скажу, что, независимо отъ поэзіи, я всегда испытывалъ непреодолимое влеченіе къ искусству вообще, во всѣхъ его проявленіяхъ. Та или другая картина или статуя, или прекрасная музыка, производили на меня такое сильное впечатлѣніе, что у меня волосы буквально поднимались на головѣ. Мнѣ было тринадцать лѣтъ, когда я сдѣлалъ первое путешествіе въ Италію. Невозможно изобразить силы моихъ впечатлѣній и переворота, совершившагося въ моей душѣ, когда я въ первый разъ увидѣлъ тѣ сокровища, о которыхъ имѣлъ уже смутныя понятія, прежде нежели встрѣтился съ ними. Мы начали съ Венеціи, гдѣ мой дядя сдѣлалъ большія новупки въ старомъ дворцѣ Гримани. Между прочимъ, былъ купленъ бюстъ молодого фауна, приписываемый Микель-Анджело,—великолѣпный экземпляръ, какой когда-либо мнѣ случалось видѣть: онъ находится теперь въ Петербургѣ и принадлежитъ графу Павлу Строганову. Когда статую перенесли въ нашу отель, я не отходилъ отъ нея. Я вставалъ ночью посматрѣть на нее, и мое воображеніе мучилось нелѣпѣйшими подозрѣніями. Я задавалъ себѣ вопросъ, что мнѣ дѣлать, если вспыхнетъ пожаръ въ отелѣ, и дѣлалъ опыты, могу ли я, въ случаѣ, унести статую на своихъ рукахъ. Изъ Венеціи мы отправились въ Миланъ, Флоренцію, Римъ и Неаполь; при каждомъ

1) „Современникъ“, „Русская Бесѣда“ и „Русскій Вѣстникъ“.

посѣщеніи мой восторгъ и любовь къ искусству возрастали; дѣло дошло до того, что, по возвращеніи въ Россію, я впалъ въ настоящую „тоску“ по Италіи, доходилъ до какаго-то отчаянія, которое заставляло меня днемъ отказываться отъ пищи, а ночью рыдать, когда мои слуги заносили меня въ мой потерянный рай. Подлѣ этой страсти къ Италіи вскорѣ началъ развиваться странный контрастъ, который съ перваго взгляда можетъ показаться противорѣчіемъ: это была страсть къ охотѣ. Съ двадцатаго года моей жизни она приобрѣла надо мною такую силу, и я предавался ей съ такимъ жаромъ, что охотѣ посвящалось все мое свободное время. Въ эту эпоху я былъ при дворѣ императора Николая и велъ весьма свѣтскую жизнь, которая для меня была не безъ приманки, но я часто ускользалъ отъ нея, чтобы проводить цѣлыя недѣли въ лѣсахъ, иногда съ товарищемъ, но обыкновенно въ одиночку. Между записными охотниками я скоро приобрѣлъ извѣстную репутацію за мою охоту на медвѣдей и лосей, и я, очертя голову, предался дѣлу, которое тѣмъ не менѣе согласовалось и съ моими артистическими инстинктами, и съ моимъ официальнымъ положеніемъ; оно даже не осталось безъ вліянія на окраску моей поэзіи. Мнѣ кажется, я обязанъ этой жизни охотника тѣмъ, что моя поэзія почти всегда писана въ мажорномъ тонѣ, между тѣмъ какъ мои соотечественники воспѣваютъ по большей части въ минорномъ. Я откладываю до дней моей старости описаніе многих и трогательныхъ эпизодовъ этой жизни лѣсовъ, какую я велъ въ лучшіе годы моей жизни, и которая, благодаря моей настоящей болѣзни, быть можетъ, закрыта для меня навсегда. Теперь я ограничусь однимъ замѣчаніемъ: моя любовь къ нашей дикой природѣ отразилась на моей поэзіи почти столько же, какъ и чувство пластической красоты.

Что касается нравственнаго направленія моихъ произведеній, то я могу характеризовать его, съ одной стороны, отвращеніемъ къ произволу, съ другой — отвращеніемъ къ тому псевдо-либерализму, который желаетъ не низкое поднять до высокаго, а высокое опустить до низкаго. Я полагаю впрочемъ, что это мое двойное отвращеніе собственно есть одно и то же чувство — ненависти къ произволу, въ какой формѣ онъ ни представлялся бы мнѣ. Я могу къ этому присоединить мое отвращеніе къ плоской доктринѣ объ утилитаризмѣ въ поэзіи... Мое убѣжденіе таково, что миссія поэта состоитъ не въ томъ, чтобы принести людямъ барышъ, или непосредственную выгоду, — поэзія должна возвышать ихъ нравственный уровень, внушая имъ любовь къ прекрасному, которая служить сама найти себѣ примѣненіе, безъ того, чтобы ей нужна была та или другая поддержка.

Мое первое большое произведеніе — историческій романъ: *Князь Серебряный*. Оно имѣло три изданія; въ Россіи оно очень любимо, особенно низшими классами. Его перевели на французскій, нѣмецкій, англійскій, польскій и итальянскій языки. Этотъ послѣдній переводъ, сдѣланный въ Веронѣ профессоромъ Патуцци, при помощи нашего соотечественника, г. Задлера, появился, три года тому назадъ, въ миланскомъ журналѣ „Perseveranza“. Оно очень хорошо и выполнено весьма добросовѣстно. Затѣмъ, я написалъ трилогію: *Борись Годуновъ*, въ трехъ отдѣльныхъ драмахъ; изъ нихъ первая, *Смерть Иоанна Грознаго*, повторялась часто въ Петербургѣ и въ провинціи, гдѣ впрочемъ она теперь запрещена. Ее ставили на сцену въ Веймарѣ, и съ большимъ успѣхомъ, въ прекрасномъ переводѣ г-жи Павловой. Есть также переводы французскій, англійскій и польскій. Вторая драма трилогіи, *Царь Федоръ* (переведенная на нѣмецкій и польскій), была запрещена для сцены еще во время ея появленія въ свѣтъ. Изъ всего, чтó я написалъ въ стихахъ и въ прозѣ, это—самое лучшее, и на это обрушилось больше всего нападеній въ печати. Здѣсь я только укажу на брошюру, которую я посвятилъ объясненію постановки на сцену этой драмы, и гдѣ, между прочимъ, я опровергаю доводы, на основаніи которыхъ она попала въ театральнй „Index“. Третья часть трилогіи, *Царь Борисъ*, также не была допущена на сцену.

Есть еще одно собраніе моей лирической и эпической поэзии, куда я присоединилъ драматическую поэму: *Донъ-Жуанъ*, переведенную на нѣмецкій г-жею Павловой. Со времени изданія этого сборника (1867) я напечаталъ много балладъ и лирическихъ стихотвореній, разбѣянныхъ главнымъ образомъ въ „Вѣстникѣ Европы“ и въ „Русскомъ Вѣстникѣ“; я надѣюсь скоро составить изъ этого новый сборникъ...

Чтобы дать вамъ вератцѣ понятіе о моемъ положеніи въ нашей литературѣ, я могу сказать, не безъ нѣкотораго удовольствія, что я преслѣдуемъ одними, и любимъ другими. Еще курьезный фактъ: — между тѣмъ какъ одни считаютъ меня ретроградомъ, административныя власти видятъ во мнѣ чуть не революціонера.

Вотъ моя внутренняя и внѣшняя исторія. Я боюсь, что она вамъ покажется слишкомъ длинною, но за то я избавилъ васъ отъ разсказовъ о положеніи моего сердца, которое, если принять въ соображеніе степень моихъ страданій, играло не малую роль въ моей жизни и должно было отдаваться и на моихъ сочиненіяхъ. Я полагаю, впрочемъ, что въ этомъ отношеніи я испыталъ участь, общую всѣмъ поэтамъ. Я кончаю этимъ мое безконечное письмо... Да сохранитъ васъ всѣхъ Богъ! Вашъ отъ всего сердца—

Алексѣй Толстой.

ИЗВѢСТІЯ.

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданія комитета 15-го сентября 1875 г.

1) Выслано 100 р. писателю, поставленному временно въ крайне затруднительное положеніе.

2) Определено уплатить 60 р. за воспитаніе малолѣтняго сына писателя, не оставившаго послѣ своей смерти никакого состоянія.

3) Определено внести 60 р. за обученіе дочери умершаго писателя въ одной изъ женскихъ гимназій.

4) Выдано 50 р. больному писателю, не имѣющему средствъ на леченіе.

5) Выдано 100 р. писателю и бывшему издателю журнала, болѣе 10 лѣтъ разбитому параличемъ и почти не встающему съ постели.

6) Выдано 75 р. въ пособіе и на уплату за слушаніе лекцій молодому писателю и переводчику, находящемуся безъ всякихъ средствъ къ жизни.

7) Выслано 150 р. стипендіату имени Е. П. Ковалевскаго въ харьковскомъ университетѣ.

8) Выслано 120 р. въ пособіе двумъ студентамъ юридическаго факультета харьковскаго университета.

9) Сообщено писателю о высылкѣ ему, по ходатайству комитета, редакціею одной газеты причитавшейся ему платы за напечатанныя статьи его.

10) Отказано въ пособіи одному лицу, за неимѣніемъ оснований къ выдачѣ, и другому — за неоднократными и недавними выдачами.

11) Отказано одному лицу въ сношеніи съ издателемъ перевода его умершаго отца, такъ какъ комитетъ не принимаетъ никакого участія въ условіяхъ переводчика съ издателемъ.

12) Выдано въ ссуду одному лицу 180 р.

13) Изъявлена благодарность общества В. Н. Бестужеву-Рюмину и П. Е. Басистову за содѣйствіе комитету.

14) Прочитанъ отчетъ казначея за августъ. Къ 1 августа въ кассѣ было 65,166 р. 78 к. Поступило: пожертвованныхъ Государынею Императрицею 300 р., пожертвованныхъ М. А. Варшавскимъ 25 р. и Н. Бѣлелюбскимъ 6 р. и годовыхъ взносовъ 70 р. (по 10 р. за 1875 годъ отъ А. К. Гожева, К. И. Кессель, А. И.

Кишшенскаго, Е. Е. Ковалевскаго, И. А. Корсакова, Д. Л. Мордовцева и М. А. Сердечнаго), всего 401 р. Израсходовано: на пенсіи 2 лицамъ 200 р., въ единовременное пособіе 2 лицамъ и на погребеніе 1 лица 350 р., въ продолжительное пособіе одному лицу 100 р. и на воспитаніе одного лица 70 р., всего 720 р. Въ кассѣ въ 1-му сентября 64,847 р. 78 к.

II. Отчетъ Совѣта Общества РАСПРОСТРАНЕНІЯ ГРАМОТНОСТИ въ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ съ 1-го ноября 1874 г. по 1-е ноября 1875 г.

[Прочитанъ и утвержденъ въ Общемъ Собраніи членовъ, 2-го ноября 1875 г.]

Мн. Гг. Минуло три года со дня учрежденія Общества, и § 35 нашего устава даетъ намъ право просить дозволенія правительства объ измѣненіи или дополненіи устава на основаніи указаній опыта.

Въ видахъ ббльшаго удобства для гг. членовъ, которые пожелали бы изслѣдовать со всею подробностію, въ чемъ состоятъ отличительныя черты нашей дѣятельности за истекшій годъ по сравненію съ прошлымъ, Совѣтъ принялъ для настоящаго отчета прошлогоднюю программу.

I. Составъ Совѣта, и средства Общества.

Въ началѣ отчетнаго года составъ Совѣта былъ слѣдующій: предсѣдатель П. И. Носовичъ; члены: З. Я. Остафьева, А. А. Шипова, А. С. Гацискій, П. П. Ивановъ, священникъ Е. И. Мегорскій и А. Н. Столпаковъ.

Минувшимъ лѣтомъ выбылъ изъ числа членовъ Совѣта свящ. Е. И. Мегорскій, по случаю назначенія ректоромъ семинаріи въ Новгородъ. О. Мегорскій въ теченіе болѣе 1½ года исправлялъ обязанности секретаря Совѣта; въ прошломъ 1873—74 году онъ имѣлъ очень много дѣла вслѣдствіе значительнаго количества сношеній со школами. Совѣтъ отложилъ избраніе новаго члена вмѣсто о. Мегорскаго до настоящаго засѣданія потому, что въ отчетномъ году и особенно съ мая мѣсяца сношенія Совѣта были такъ ограниченны, что можно было легко обходиться безъ особливаго секретаря.

Членовъ Общества состоятъ теперь 342 человекъ, однимъ болѣе противъ прошлаго года. Изъ нихъ только 102 сдѣлали взносъ за отчетный годъ.

КАССА Общества.

I. Къ 1-му ноября 1874 г. въ кассѣ было.	2186 р. 81 к.
II. Въ теченіе отчетнаго года вновь поступило.	1005 „ 18 „ (въ 1874 г.: 1789 р. 85 к.)
	3141 „ 99 „
III. Израсходовано.	811 „ 66 „
Къ 1-му ноября 1875 г. въ кассѣ на лицо.	2380 „ 33 „

II. Занятія Совѣта.

Въ теченіи цѣлаго года Совѣтъ имѣлъ только 8 засѣданій; въ прошломъ году было 26 засѣданій.

Занятія Совѣта состояли въ разсмотрѣніи разныхъ сообщений нашихъ членовъ-корреспондентовъ, а также и нѣкоторыхъ другихъ лицъ и учреждений, а именно:

1) По примѣру прежнихъ лѣтъ, Совѣтъ старался входить въ сношенія со школами въ видахъ оказанія пособія. Гг. члены не безъ интереса, вѣроятно, выслушаютъ о распредѣленіи по уѣздамъ школъ, съ которыми мы были въ сношеніи въ отчетномъ году сравнительно съ прошедшимъ годомъ:

въ Нижегородскомъ уѣздѣ	съ 8-ми школами,	а въ прошломъ году	съ 32 школами.
„ Луконовскомъ	„ „ 8	„ „ „ „	„ „ 17
„ Арзамасскомъ	„ „ 5	„ „ „ „	„ „ 28
„ Горбатовскомъ	„ „ 1	„ „ „ „	„ „ 13
„ Сергачскомъ	„ „ 1	„ „ „ „	„ „ 8
„ Балахнинскомъ	„ „ 1	„ „ „ „	„ „ 6
„ Макарьевскомъ	„ „ 2	„ „ „ „	„ „ 5
„ Ардатовскомъ	„	} ни съ одной	„ „ „ „ 29
„ Васильскомъ	„		
„ Княгининскомъ	„		
„ Семеновскомъ	„		

Итого въ отчетномъ году съ 21-й школой, а въ прошломъ съ 138-ю.

Нѣкоторые изъ полученныхъ сообщений о школахъ не лишены интереса, хотя вообще представляютъ развитіе положеній, высказанныхъ въ прошлогоднемъ отчетѣ. Совѣтъ полагаетъ поэтому болѣе удобнымъ, не называя авторовъ, ограничиться выраженіемъ искреннѣйшей признательности корреспондентамъ нашимъ. Соображенія подобнаго же рода вынуждаютъ Совѣтъ не приводить фактовъ, свидѣтельствующихъ о продолженіи паденія церковно-приходскихъ школъ. Въ виду особеннаго расположенія народа къ такимъ школамъ, нельзя не придавать значенія этому явленію, и Совѣтъ обращаетъ вниманіе гг. членовъ на данныя, изложенныя въ заключеніи настоящаго отчета, которыя, быть можетъ, выяснятъ, что, кромѣ мѣстныхъ обстоятельствъ, существуетъ болѣе общая причина, препятствующая развитію и учрежденію церковно-приходскихъ школъ.

2) Губернаторъ увѣдомилъ, что на устройство книжныхъ складовъ и библиотекъ для чтенія въ селеніяхъ разрѣшенія не послѣдовало. По сообщеніи изложеннаго землевладѣльцу Сергачскаго уѣзда А. М. Ермолову, имѣвшему въ виду открыть въ селѣ Черновскомъ народную библиотеку, г. Ермоловъ поспѣшилъ всѣ пожертвованныя для этой библиотеки книги возвратитъ жертвователямъ. Такимъ образомъ, вопросъ объ учрежденіи народныхъ библиотекъ въ нашей губерніи имѣетъ до сихъ поръ исключительно теоретическое значеніе, и въ этихъ видахъ нельзя не пожалѣть о неудачѣ опыта, предпринятаго А. М. Ермоловымъ, который, какъ извѣстно гг. чле-

намъ Общества, понимая, съ какою осторожностію слѣдуетъ приступать въ выбору книгъ, предлагаемыхъ для чтенія простому народу.

Директоръ Самарской учительской семинаріи, отъ 29-го іюня № 246, увѣдомилъ, что одинъ изъ двухъ стипендіатовъ Общества, пробывъ два года въ 1-мъ классѣ, уволенъ „за малоусиѣнность“.

III. Заключеніе.

Скудны были доходы Общества, но еще скуднѣе, какъ можно было убѣдиться изъ предыдущаго, дѣятельность Совѣта, съ которымъ школы, по учрежденіи дирекціи народныхъ училищъ, совершенно почти прекратили сношенія.

Заканчивая столь неутѣшительнымъ результатомъ третій годъ своей дѣятельности, Совѣтъ долгомъ считаетъ, съ возможною откровенностію, высказать гг. членамъ Общества главнѣйшую причину упомянутой неудачи.

Причина эта заключается въ данной Совѣтомъ постановкѣ задачи нашего Общества—постановкѣ, одобренной предыдущими общими собраніями и которой Совѣтъ держался неуклонно съ перваго своего засѣданія.

Въ отчетѣ за первый годъ существованія Общества (1872—73 г.), когда Совѣтъ только приступалъ къ организаціи нашей дѣятельности, были приведены слова, сказанныя лѣтомъ 1873 года г. министромъ народнаго просвѣщенія на торжественномъ обѣдѣ, предложенномъ его сіятельству въ г. Кіевѣ. „Посмотрите,—сказалъ графъ,—что происходитъ въ Европѣ: перемѣняются министры, измѣняются самыя формы государственнаго правленія, а учебная система остается неизблемою“...

„Слова эти“, позволили мы себѣ прибавить въ упомянутомъ отчетѣ, „по всей справедливости, заслуживаютъ самой обширной извѣстности. Дѣйствительно, въ нашемъ отечествѣ невозможно, къ прискорбію, наблюдать столь высоко цѣнимой г. министромъ устойчивости европейскіхъ учреждений: у насъ обыкновенно періодически возникаетъ потребность радикальныхъ передѣлокъ или частныхъ ломокъ, и нерѣдко, при новыхъ постройкахъ, мы переходимъ къ старому, отъ котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ отказывались, преслѣдуя съ свойственнымъ намъ увлеченіемъ какую-либо предвзятую идею, болѣею частію заимствованную за предѣлами нашего отчества“.

Мы бываемъ обыкновенно мало расположены отыскивать самостоятельно рѣшеніе нашихъ общественныхъ задачъ и очень склонны къ спѣшнымъ заимствованіямъ изъ странъ, опередившихъ насъ. Вотъ почему исполнѣ установившаяся догматика для дѣла, только-что возникающаго—самое обыкновенное явленіе при многихъ изъ начинаній нашихъ. Земскія средства крайне ограничены, бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія, особенно по начальному образованію, далеко не отличается роскошью, содержаніе и цѣль курса народной школы еще не установились до сихъ поръ ни на практикѣ, ни въ сознаніи мыслящей части нашей публики, а уже много

лѣтъ тому назадъ и въ земскихъ собраніяхъ, и въ газетахъ и журналахъ всевозможныхъ направленій ломаются копья за и противъ обязательности первоначальнаго ученія!... Громадное множество школъ расположены въ церковныхъ караулахъ и тому подобныхъ помѣщеніяхъ, лишены свѣта, тепла, чистаго воздуха, а на политехнической выставкѣ въ Москвѣ было возведено довольно обширное школьное зданіе, какъ будто главная причина нищеты школьной обстановки заключается въ томъ, что у насъ мало въ ходу проектовъ школьныхъ зданій!... Значительное число учителей не обладаетъ простою грамотностію, а имъ безпрестанно предлагаютъ разныя системы собранія всяческихъ коллекцій съ бѣдными деревенскими мальчиками!... Научная подготовка молодыхъ людей, поступающихъ въ учительскія семинаріи, не удовлетворяетъ самымъ скромнымъ требованіямъ, а наши народолюбцы не стѣсняются предложеніемъ широчайшихъ программъ для учебнаго курса семинарій!... Народъ религіозенъ, преданъ Государю, покоренъ правительству, а консервативный догматизмъ готовъ на самыя широкія денежныя жертвы для развитія въ народѣ тѣхъ чувствъ, которыя сохранены имъ въ теченіе многихъ столѣтій безъ содѣйствія какихъ-бы то ни было охранителей и вопреки немалого количества неблагоприятнѣйшихъ историческихъ условій!...

Вотъ причины, которыя заставляли насъ придавать величайшее значеніе вышеприведеннымъ словамъ г. министра народнаго просвѣщенія. Дѣйствительно, у насъ до сихъ поръ какъ бы признается, что просвѣщеніе водворено въ Россіи только со вчерашняго дня и что только та мѣра на педагогическомъ поприщѣ плодотворна, которая самымъ радикальнымъ образомъ отрицаетъ все наше прошлое. А между тѣмъ, одно только прошлое можетъ сообщить устойчивость какимъ-бы то ни было общественнымъ учрежденіямъ. Поэтому, въ дѣятельности своей, Совѣтъ придавалъ всегда преимущественное значеніе возможно подробному изученію условій и способовъ къ умственному образованію, выработавшихся въ Нижегородскомъ Поволжѣ путемъ медленнаго процесса. Часть свѣдѣній, собранныхъ въ этомъ отношеніи, помѣщена въ прошломъ отчетѣ и вѣроятно пока-зана гг. членамъ, какъ много въ губерніи лицъ, искренно преданныхъ дѣлу народнаго образованія, но, съ сожалѣнію, разобщенныхъ между собою на громадномъ пространствѣ губерніи. Совѣтъ предполагалъ сдѣлаться со временемъ центромъ сближенія и обмѣна мыслей и наблюденій для всѣхъ такихъ дѣятелей. Поэтому, кромѣ помѣщенія въ прошлогоднемъ отчетѣ выше-упомянутыхъ свѣдѣній, было предложено надать особую книжку замѣчательнѣйшія изъ корреспонденцій Совѣта. Удовлетворяя прямой цѣли своей—сближенію посвятившихъ свою дѣятельность на образованіе народа—такое изданіе представило-бы, кромѣ того, нѣкоторыя доказательства слѣдующихъ положеній, постоянно служившихъ Совѣту руководящими началами:

Во-1-хъ. Данныя изъ разныхъ мѣстъ нашего края должны быть признаваемы болѣе надежнымъ критеріемъ для обсужденія вопросовъ по народному образованію, чѣмъ свѣдѣнія, наскоро собираемыя за границей.

Во-2-хъ. Организація какихъ-бы то ни было учебныхъ заведеній,

основанная на рабочемъ заимствованіи схемъ, выработанныхъ при иныхъ историческихъ условіяхъ, безъ предварительнаго глубокаго изученія отечественныхъ данныхъ, не можетъ имѣть залоговъ къ дальнѣйшему плодотворному развитію и угрожаетъ школамъ опасностью обратитъ ихъ въ расадники всякихъ космополитическихъ ученій.

Въ 3-хъ. Охранительный надзоръ за школой долженъ опираться, главнымъ образомъ, на патріотическія чувства мѣстнаго населенія, а не исключительно на одну только регламентацію, которая, въ самомъ лучшемъ случаѣ, производитъ всегда нѣкоторое количество религіознаго или политическаго индифферентизма.

Предположенное изданіе не состоялось: Общество не имѣло достаточныхъ денежныхъ средствъ, а очередное Губернское Земское Собраніе 1874 года отказало въ выдачѣ денегъ для напечатанія собранныхъ матеріаловъ. Полученный Совѣтомъ отказъ (отъ 17-го марта 1875 г. № 1337) мотивированъ тѣмъ, что „новыми законоположеніями поощреніе о народномъ образованіи предоставлено совмѣстно съ земствомъ только дворянству“. Мотивъ этотъ врядъ ли можно признать достаточнымъ, и не слѣдуетъ ли считать болѣе вѣроятною причиною отказа убѣжденіе губернскихъ земскихъ гласныхъ въ томъ, что, послѣ учрежденія дирекціи народныхъ училищъ, предположенное Совѣтомъ изданіе не можетъ имѣть никакого практическаго значенія. Дѣйствительно, распоряженія министерства нар. просвѣщенія, послѣдовавшія по изданіи положенія о народныхъ училищахъ, образовали вполне обособленное вѣдомство, главнѣйшими органами котораго служатъ въ каждой губерніи:

- 1) училищныя совѣты—губернскій и уѣздные;
- 2) предводители дворянства—губернскій и уѣздные; они же предсѣдатели соответствующихъ совѣтовъ.
- 3) директоръ и нѣсколько подчиненныхъ ему инспекторовъ (въ нижегородск. губ. двое) ¹⁾.

Инспекторамъ ввѣрено завѣдываніе всѣми училищами, на какія бы средства они ни были учреждены — земскія, городскія или частныя.

Инспекторы разрѣшаютъ открытіе училищъ (ст. 10), закрываютъ временно училища въ случаѣ безпорядка или вреднаго направленія ученія (ст. 11), назначаютъ преподавателей (ст. 18), устраняютъ неблагонадежныхъ, по ихъ мнѣнію, преподавателей (ст. 24), постановляютъ всякія рѣшенія касательно учебной части училищъ (ст. 31), обязываются, своими замѣчаніями относительно способовъ и приѣмовъ преподаванія *всѣхъ безъ исключенія предметовъ*, содѣйствовать возможно лучшему усвоенію ихъ учащимися (ст. 31); право это не предоставлено никому кромѣ инспекторовъ.

Инспекторы, завѣдывая училищами на изложенныхъ основаніяхъ,

¹⁾ Мы не называемъ епархіальныхъ архіереевъ, которымъ предоставлено (ст. 17) только „высшее наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божія и религіозно-нравственнымъ направленіемъ обученія“ и которымъ, въ случаѣ замѣченныхъ ими упущеній, не дозволено дѣлать какія-либо распоряженія, но за то дарована возможность сообщать свои замѣчанія и соображенія непосредственно самому министру народнаго просвѣщенія.

состоять въ исключительномъ и непосредственномъ подчиненіи директора, который, въ свою очередь, подчиняется на такомъ же основаніи попечителю.

Подобно тому, какъ архіереямъ предоставлено высшее наблюденіе за религиозно-нравственнымъ направленіемъ обученія, съ правомъ доводить свои замѣчанія до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія, такъ и предводителямъ дворянства рекомендуется, „по общему званію попечителей народныхъ училищъ“, посѣщать училища, вникать во всѣ нужды ихъ и изыскивать всѣ мѣстные способы къ удовлетворенію этихъ нуждъ (ст. 39). При этомъ, безъ сомнѣнія, дабы не умалять значенія инспекторовъ введеніемъ вреднаго принципа многоначалія, предводителямъ не предоставлено никакого права дѣлать кавія-либо распоряженія въ училищахъ, кромѣ устраненія неблагонадежныхъ преподавателей (ст. 24). Избавленные такимъ образомъ отъ необходимости распоряжаться текущими дѣлами народныхъ училищъ, что всецѣло подлежитъ инспекторамъ, директору и попечителю, предводители облечены за то правомъ „по всѣмъ дѣламъ, заслуживающимъ особаго вниманія“, входить въ сношенія съ попечителемъ округа помимо инспекторовъ и директора и даже съ самимъ министромъ народнаго просвѣщенія, въ случаѣ, разумѣется, особой важности (ст. 42). Послѣднее право предоставлено также и высшему охранителю государственныхъ основъ въ губерніи—губернатору (ст. 43), которому рекомендуется относиться прямо къ министру, минуя даже попечителя.

Мы не останавливаемся на нѣкоторыхъ другихъ не столь важныхъ правахъ и обязанностяхъ предводителей, каково, напримѣръ, предоставленное статьею 10-ю право давать свое согласіе, когда инспекторъ разрѣшаетъ открыть училище, право собирать училищные совѣты непременно въ присутствіи чиновника министерства народнаго просвѣщенія для дѣйствительности рѣшеній совѣта (ст. 30) и тому подобныя.

Что касается до училищныхъ совѣтовъ, то законъ возлагаетъ на нихъ „попеченіе объ удовлетвореніи потребностей населенія въ начальномъ образованіи и о надлежащемъ нравственномъ направленіи онаго“ (ст. 19) и, кромѣ того, нѣкоторыя другія дѣйствія, въ родѣ, напримѣръ, снабженія училищъ учебными пособиями, утвержденіе въ должности учителей (ст. 29), опредѣленныхъ уже инспекторомъ и т. п. Роль совѣтовъ охарактеризована довольно выразительно въ утвержденныхъ, 5-го августа текущаго года, г. министромъ народнаго просвѣщенія „правилахъ о временныхъ педагогическихъ курсахъ для учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ школъ“. По статьѣ 3-й этихъ правилъ, предположеніе объ открытіи курсовъ можетъ (но не должно) исходить отъ уѣзднаго училищнаго совѣта, который, „если имѣетъ для того достаточныя денежныя средства“, обязывается, по статьѣ 4-й, поручить „инспектору народныхъ училищъ составить соображенія о предполагаемыхъ курсахъ и дать имъ надлежащій ходъ“, состоящей въ томъ, что инспекторъ препровождаетъ соображенія свои не въ совѣтъ для окончательнаго обсужденія, а директору, который представляетъ проектъ инспектора на утвержденіе попечителя только въ томъ случаѣ, если одобрить этотъ проектъ

(ст. 5). Такимъ образомъ, уѣздные училищные совѣты освобождены министерскими правилами не только отъ обязанностей разработать подробности устройства педагогическихъ курсовъ, но даже и отъ всякихъ заботъ по исходатайствованію утвержденія попечителя. Затѣмъ, все дѣло открытія, руководства и закрытія курсовъ находится, по изданнымъ правиламъ, внѣ всякаго вѣдѣнія училищнаго совѣта, чѣмъ, разумѣется, значительно упрощена возложенная закономъ на совѣтъ обязанность „попеченія объ удовлетвореніи потребностей населенія въ начальномъ образованіи и о надлежащемъ нравственномъ направленіи онаго“ (ст. 19). Упомянутыя правила предоставляютъ, впрочемъ, совѣту право ходатайствовать у инспектора о допущеніи къ курсамъ извѣстныхъ совѣту кандидатовъ на учительскую должность. Практика покажетъ, въ какой формѣ будутъ производиться эти ходатайства отъ дѣлой коллегіи у одного изъ членовъ ея.

Совѣтъ Общества считалъ необходимымъ обратить вниманіе гг. членовъ на организацію вновь возникшаго вѣдомства, съ тою преимущественно цѣлю, чтобы показать полную его обособленность. Роль, предоставленная училищнымъ совѣтамъ въ дѣлѣ народнаго образованія, не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что значительная замѣнутость признана существеннѣйшимъ условіемъ развитія этого вѣдомства. Относительно нашего Общества замѣнутость эта выразилась, во-1-хъ, тѣмъ, какъ выше упомянуто, что, съ учрежденіемъ дирекціи, школы начали прекращать сношенія съ Совѣтомъ, и во-2-хъ, что теперь, съ возникновеніемъ дѣлага вѣдомства, сосредоточившаго въ свое исключительное завѣдываніе всѣ вопросы по народному образованію, Совѣтъ не можетъ болѣе слѣдовать избранному имъ пути къ достиженію цѣлей, опредѣленныхъ въ уставѣ Общества, не надѣется также на открытіе иныхъ путей, такъ какъ изученію состоянія народнаго образованія въ губерніи положена преграда.

Такимъ образомъ, при настоящемъ составѣ своемъ, Совѣтъ не выполняетъ болѣе задачи Общества въ той постановкѣ, которая заслужила нѣсколько разъ одобреніе общихъ собраній. Убѣжденія членовъ Совѣта были и остаются неизмѣнными. Мы питали искреннѣйшее желаніе содѣйствовать прочной организаціи народнаго образованія и полагали, что въ этихъ видахъ, кромѣ всесторонняго изученія мѣстныхъ данныхъ, необходимо еще всѣмъ входящимъ въ какія-бы то ни было сношенія съ народной школой держаться строго законной почвы... Требованіе отнюдь оттого не такъ удобоисполнимо при настоящей фазѣ развитія вновь зарождающагося вѣдомства, какъ это кажется съ перваго взгляда. Въ доказательство приведемъ дословно § 91 инструкціи, для двухъ классовъ и одноклассныхъ училищъ, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія 4-го іюня текущаго года: „кромѣ правилъ, изложенныхъ въ сей инструкціи, по отношенію къ двухъ классовымъ и однокласснымъ училищамъ, соблюдаются и тѣ правила, касающіяся сихъ училищъ, кои опредѣлены въ Высочайше утвержденной 29-го октября 1871 года инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ и не измѣняются настоящею инструкціею“...

Гг. члены Общества убѣдились вѣроятно теперь, что при нашемъ взглядѣ на роль и дѣятельность Общества распространенія грамот-

ности въ Нижегородской губерніи мы не можемъ болѣе управлять дѣлами Общества.

Отъ редакціи. — Въ редакціи получены: разсказъ Ив. С. Тургенева и повѣсть Ал. А. Потѣхина, и приготовленъ къ печати переводъ неизданнаго романа Зола, «Его Превосходительство, Эженъ Ругонъ», изъ времянь второй имперіи.

ПОПРАВКА.

На страницѣ 481, строка 12, вмѣсто:

Чтобъ вышелъ толкъ — толкайте, или....

слѣдуетъ читать:

Толкайте гостю вашу, или...

На стран. 572, строка 8 сл., вмѣсто: выжи, чит.: выжи.

М. Стасюлевичъ.

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1875 году.

Въ 1875-мъ году, экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

экз.		экз.		экз.	
Акмолдинская обл. (260,000 жит.)		Ленкорань	1	Кутно	3
Акмолы	3	Куба	4	Бросневца	1
Петропавловскъ	3		26	Гостынинъ	1
Атбасарскъ	1	Бессарабская губ. (1.091,000 жит.)		Ловичъ	1
Омскъ	17	Клишинево	41	Минскъ (Ново-минскъ)	1
	24	Хотинъ	4	Калушинъ	1
Амурская обл. (22,000 жит.)		Сталиненбургская	1		98
Благовѣщенскъ	3	Липсканъ	1	Вилненская губ. (1.019,000 жит.)	
Албазинъ	3	Купчинская	3	Вильно, г. г.	37
	6	Глинная	1	Ошмянн.	2
Архангельская губ. (281,000 жит.)		Вильца	6	Сморгонн	1
Архангельскъ, г. г.	13	Банештская	2	Вилейка	1
Кемь	1	Новоселица	1	Свенцянн	1
Онега	1	Оргѣвъ	2	Дясна	2
Холмогорн	2	Сороки	6	Безданн	1
Шенкурскъ	1	Скулянн	3	Жосли	1
Емецкая	1	Бричанн	2		46
	19	Секурянская	1	Витебская губ. (884,000 жит.)	
Астраханская губ. (593,000 жит.)		Единца	1	Витебскъ	14
Астрахань, г. г.	27	Аккерманъ	3	Зарѣчье	1
Царевъ	1	Саратская	1	Невель	1
Черный Яръ	2	Камратъ, колонія	2	Сеньковская	1
Красный Яръ	2	Бендерн	5	Динабургъ	7
	32		86	Рѣжца	1
Бакинская губ. (513,000 жит.)		Варшавская губ. (1.004,000 жит.)		Креславль	1
Баку, г. г.	14	Варшава, г. г.	77	Полоць	7
Гочайская	1	Новый Дворъ	4	Делель	1
Шемаха	4	Сохачевъ	1	Бѣшенковичи	1
Самьянн	2	Скверевичи	2	Суражъ	1
		Александровъ Погран	1	Антопольскъ	1
		Влоцлавскъ	4		37
		Радѣевъ	1		

Владимирская губ. (1.259,000 жит.)		экз.	Екатеринославская губ. (1,147,000 жит.)		экз.
Владимиръ, г. г.	13	Бобровъ	8	Екатеринославъ, г. г.	33
Александровъ	2	Острогоякъ	13	Нагнѣбдинская	1
Биржачъ ст.	1	Королюкъ	3	Тошляная	1
Переяславъ-Залѣсскій .	1	Землянскъ	6	Нейенбургъ	1
Рязанцевская	1	Валуикъ	6	Канцерополь	1
Судога	2	Вирючь	3	Александровскъ	17
Вязники	3	Богучаръ	1	Верхнедѣпровскъ	9
Муромъ	5	Шестаковская	1	Никомоль	2
Ковровъ	1	Павловскъ	7	Ростовъ	38
Лежнева	1	Бычковская	2	Чумбургская	1
Никольское	1	Калачъ, слобода	2	Нахичевань	1
Шуя	3	Задонскъ	5	Ейскъ	1
Палеха	1	Михайловка	1	Азовъ	1
Иваново-Вознесенское .	8		98	Бахмутъ	4
Озьябликово	1	Выборгская губ. (243,000 жит.)		Блягодатное	4
Гороховецъ	2	Выборгъ, г. г.	3	Ивановская	1
Суздаль	2	Вильманстрандтъ	2	Луганскій зав.	7
Юрьевъ-Польскій	2	Фридрихсгамъ	2	Михайловская	3
Орѣховская	1		7	Славяносербскъ	3
Второвская	1	Вятская губ. (2.442,000 жит.)		Орѣховская	2
	52	Вятка, г. г.	10	Таганрогъ	16
Вологодская губ. (1.008,000 жит.)		Орловъ	1	Мардуполь	6
Вологда, г. г.	19	Слободскій	5	Покровская	1
Бѣлый Устюгъ	3	Глазовъ	3	Константиновская	1
Устьсиньольскъ	2	Ноллинскъ	1	Павлоградъ	4
Вельскъ	2	Уржумъ	1	Новомосковскъ	8
Кадниковъ	1	Иранскъ	2	Перещепина	3
Тотьма	2	Котельничъ	2	Гришинская	1
	29	Малмыжъ	3	Надеждино	2
Волынская губ. (1.737,000 жит.)		Саранулъ	5	Васильево	1
Житомиръ, г. г.	20	Ижевскій заводъ	4		174
Владимиръ	2	Елабуга	7	Елисаветпольская губ. (529,000 жит.)	
Ковель	2	Воткинскій заводъ	1	Елисаветполь, губ. г.	7
Луцкъ	2		45	Нуха	2
Дубно	3	Гродненская губ. (1.021,000 жит.)		Делижанъ	1
Кременецъ	2	Гродно, г. г.	11	Тертерская	1
Радзивиловъ	2	Соколка	2	Шуша	4
Ровно	5	Друсеники	1		15
Колки	1	Волковискъ	1	Енисейская губ. (529,000 жит.)	
Гощанская	1	Зельвы ст.	1	Красноярскъ, губ. г.	9
Новоградъ Волынскъ .	3	Слонимъ	2	Минусинскъ	2
Любарская	2	Пружаны	2	Корелино	1
Острогъ	3	Залопье	1	Абаканская	1
Староковстантинновъ .	5	Бѣлестокъ	6	Енисейскъ	2
Купель	2	Бѣльскъ	3		15
Волочискъ	3	Высоколитовскъ	1	Забайкальская обл. (419,000 жит.)	
Фасовея	1	Кобринъ	2	Кяхта	9
Овручь	4	Брестъ-Литовскъ	8	Троицкосавскъ	1
Кривинъ	1		41	Верхнеудинскъ	1
Здолбуново	1	Дагестанская область. (448,000 жит.)		Укрянская	1
	65	Темиръ-Ханъ-Шура	16	Петровский	2
Воронежская губ. (2.184,000 жит.)		Гунибъ	2	Селенгинскъ	1
Воронежъ, г. г.	32	Дашлагаръ	1	Чита	7
Бутурлиновка	4	Дербентъ	2	Кайдаловская	1
Новохоперскъ	3	Петровское	6	Нерчинскъ	4
Востужевская	1	Чирь-Юргъ	2	Нерчинскій заводъ	2
			29	Шелопугинская	2

экс.	Кіевская губ. (2,215,000 жит.).	экс.	экс.
Стрийская		Ветлуга	3
Средняя кара		Наректа	6
Горбиченская			59
36		Кубанская область. (672,000 жит.).	
Закарпатскій округ. (56,000 жит.).		Екатеринодаръ	19
Закарпатн		Ейскъ	6
Иркутская губ. (372,000 жит.).		Уманская ст.	2
Иркутскъ, губ. г.		Тифлисская ст.	2
Киренскъ		Усть-Лабанская ст.	5
Витимскъ		Майкопъ	5
Орлинскъ		Лабинская	2
Качугская пристань		Прочный Озопъ	6
Черемковская		Крымское	2
Тулуновская		Темризь	5
		Славянская	1
		Кубанская	1
			56
43		Куюшская губ. (210,000 жит.).	
Казанская губ. (1,726,000 жит.).		Куюно, губ. г.	1
Казань, губ. г.		Курляндская губ. (620,000 жит.).	
Чебоксары		Митава, губ. г.	6
Цивильскъ		Гольдингенъ	1
Ядринъ		Бененъ	1
Свияжскъ		Либава	5
Спаскъ		Иллукста	1
Мамадинскъ		Фридрихштадтъ	1
Норманская		Ляобштадтъ	1
Чистополь			16
Дашевъ		Курская губ. (1,955,000 жит.).	
Алексѣевская		Курскъ, губ. г.	24
		Фатежъ	3
		Старый-Осколь	4
95		Вѣлгородъ	6
Калининская губ. (678,000 жит.).		Грайворонъ	1
Калинъ, губ. г.		Новый-Осколь	7
Велинъ		Борисовка	1
Верушевъ		Тамаровская	1
Серадьвѣ		Короча	3
Прашка		Щигры	8
Ленчица		Льговъ	1
Конинъ		Дмитріевъ на Свѣжѣ	4
Турекъ		Суджа	4
		Рымскъ	6
		Мирополье	2
		Тянь	3
		Обоянъ	1
		Золотухино	1
		Кривоя	1
		Весела Лопанъ	1
		Дьяконово	1
		Коренево	2
		Глушкова	1
		Колонтаева	1
			90
15			
Калужская губ. (1,132,000 жит.).		Костромская губ. (1,132,000 жит.).	
Калуга, губ. г.		Кострома, губ. г.	31
Александровскій хуторъ		Судиславль	2
Таруса		Воронье	1
Малоярославецъ		Макарьевъ	1
Медунъ		Евдокимово	1
Михѣевская		Галачъ	4
Жиздра		Буй	2
Козельскъ		Чухлома	1
Дихвинъ		Солигаличъ	3
Мещовскъ		Кологривъ	1
Врынъ		Кинешма	8
Роговичи		Вичуга	3
Троицкая		Юрьевецъ-Повольскій	2
Карася			
			51

Кутанская губ. (605,000 жит.).		экс.	экс.		экс.	
Кутанскъ, губ. г.	14	Несвижь	2	Лукояновъ	5	
Поти	3	Домщицы	1	Починки	3	
Зугиды	1	Симоновичи	1	Арзамасъ	7	
Квирильская	2	Руденскъ	1	Воскресенское	2	
	20		47	Ардатовъ	2	
		(Могилевская губ.).		Балахна	1	
		(958,000 жит.).		Городецъ	1	63
Кълвенская губ. (529,000 жит.).		Могилевъ, губ. г.	16	Новгородская губ. (1.011,000 жит.).		
Кълвцы, губ. г.	2	Рудня	1	Новгородъ, губ. г.	19	
Пинчевъ	1	Черниковъ	2	Веребьинская	1	
Стопница	1	Орша	2	Бологое	2	
Михайловицы	1	Горы-Горки	4	Чудово Ямъ	1	
Пляца	1	Сънно	2	Устьешна	1	
	6	Копысь	1	Кирилловъ	2	
		Гомель	3	Тихвинъ	2	
Лифляндская губ. (1.901,000 жит.).		Рогачевъ	2	Оскупская	1	
Рига, губ. г.	17	Быховъ	1	Кукуйская	1	
Дерптъ	7	Чечерскъ	1	Валдай	1	
Перновъ	1	Климовичи	5	Вороничи	5	
Динаминдъ	2	Кричевъ	1	Череповецъ	7	
Венденъ	1		41	Вълозерскъ	4	
	28	Московская губ. (1.757,000 жит.).		Вахмаровская	1	
		Москва:		Старая Русса	1	
Ломжинская губ. (489,000 жит.).		Москва:	106	Демянскъ	1	
Дожа, губ. г.	8	Черезъ газет. экспед.	106	Крестцы	1	
Остроленка	2	Черезъ книжн. магаз.		Медвѣдь	1	
Щучинъ	1	Соловьева	316	Бронницы	1	
Чижевъ	1	Черезъ книжн. магаз.		Сомино	2	
Островъ	1	Живарева	82	Торбино	1	56
Путускъ	3	Черезъ книжн. магаз.				
Маковъ	1	Мамонтова	26	Ниоландская губ. (167,000 жит.).		
Граево (посадъ)	1		530	Гельсингфорсъ, г. г.	7	
	18	Серпуховъ	8	Свеаборгъ	3	
		Подольскъ	1	Ойскъ	1	11
Люблинская губ. (701,000 жит.).		Каменка	1	Область Войска Донскаго. (1.147,000 жит.).		
Люблинъ, губ. г.	5	Бронницы	2	Новочеркасскъ	38	
Ивангородъ	2	Коломна	2	Кагальницкая	1	
Новая-Александрия	3	Завидовская	2	Есауловская	1	
Замостье	1	Клинъ	3	Голодаевка	1	
Красноставъ	2	Волоколамскъ	1	Шалевская	2	
Хельмъ (Холмъ)	2	Подсолнечная	2	Боковская	1	
Щебржещинъ	1	Звенигородъ	1	Урюпинская	2	
Томашевъ	1	Сергѣевскій посадъ	3	Серебряковъ	1	
Яновъ-Замостьскій	1	Богородскъ	2	Устьмедвѣдницкая	5	
	18	Верея	3	Тиховская	1	
		Дмитровъ	3	Константиновская	2	
Минская губ. (1.178,000 жит.).		Можайскъ	3	Тарасовка	1	
Минскъ, губ. г.	18	Руза	2	Грушевская	4	
Борисовъ	3	Раменское	2	Каменская	6	
Городище	1		571	Нижнечирская	3	
Пинскъ	3	Нижегородская губ. (1.273,000 жит.).		Цимлянская	1	
Врбруйскъ	6	Нижний Новгородъ	36	Матвѣевъ Курганъ	1	
Мозырь	1	Горбатовъ	1	Филоново	2	
Якимовская	1	Лысково	2	Илова	2	
Рѣчица	2	Лысково	2			
Слуцкъ	3	Сергачъ	1			
Городно	2	Мангушевская	1			
Марьино-Горская	2	Княгининъ	1			
Новогрудокъ	1					

ез.	ез.	ез.
Котлубань 1	Исса 1	Дунаевцы 1
Судань 1	Краснослободскъ 4	Ямполь 5
77	Нечаевскій - Уметь 1	Ровенская 1
Олонекская губ. (297,000 жит.).	Мокшанн 4	Хмѣльняк 1
Петроаводскъ, г. г. 10	Титово 2	Проскуровъ 6
Оштинскій погостъ 1	Воейково 1	Баръ 2
Олонекъ 1	Симанщина 1	Ярмолицы 2
Виттегра 4	72	Летичевъ 1
Бадожко-Конеккая 1	Пермская губ. (2.212,000 жит.)	Меджибожь 1
Каргополь 1	Пермь губ. г. 25	Брацлавъ 2
18	Екатеринбургъ 28	Гайсинъ 7
Оренбургская губ. (980,000 жит.).	Вогословскій заводъ 2	Тульчинъ 4
Оренбургъ, губ. г. 30	Верхогурье 2	Ольгополь 7
Челябинскъ 4	Долматовъ 1	Винницы 7
Троицкъ 2	Ирбитъ 3	Немировъ 4
Звѣриноголовская 1	Каменскій заводъ 1	Литинъ 2
Минскій заводъ 1	Кушвинскій заводъ 2	Калиновка 1
Косельская 1	Нельскій заводъ 4	Рахны-Львовская 1
Орскъ 2	Нижнетагильскій зав. 4	Круты 4
Верхнеуральскъ 2	Шадринскъ 6	Кривое-оверо 4
43	Сисертская 1	Балта 4
Орловская губ. (1.589,000 жит.)	Вилимбаевскій заводъ 5	Дережня 2
Орель, г. г. 38	Веретя 2	Волковцы 2
Брянскъ 6	Солнгамскъ 2	Жмеринка 1
Карачевъ 7	Красноуфимскъ 3	Вапняра 1
Трубчевскъ 3	Чердынъ 2	Попелюхи 3
Дмитровскъ 2	Камышловъ 1	96
Кромы 1	Сугатская 1	Полтавская губ. (2.102,000 жит.).
Котомки 1	Кунгуръ 5	Полтава, губ. г. 47
Дросково 3	Ключевская 1	Золотоноша 8
Мценскъ 6	Оханскъ 4	Переяславъ 9
Болховъ 2	Оса 2	Борисполь 1
Малоярхангельскъ 5	169	Ромны 12
Сѣвскъ 2	Петроковская губ. (696,000 жит.).	Гадячь 8
Ливны 10	Петроковъ, губ. г. 5	Миргородъ 5
Елецъ 13	Лохъ 2	Лохвица 4
Задонскъ 5	Згержь 1	Зеньковъ 4
Становой-Колодезь 3	Рава 1	Опошня 1
Александровка 1	Ченстоховъ 5	Хороль 5
Измайлово 2	Сосновицы 1	Пирятинъ 5
Хотынецъ 1	Граница 1	Прилуки 14
Русскій Бродъ 1	Бендинъ-Домброва 1	Яготино 2
107	Домброва 1	Лубны 11
Пензенская губ. (1.173,000 жит.)	18	Рѣшетиллова 3
Пенза губ. 36	Плоцкая губ. (480,000 жит.).	Бѣлоцерковка 2
Керенскъ 1	Плоцкъ 8	Кобеляки 11
Нижній-Домовъ 3	Праснынь 1	Кременчугъ 20
Наровчатъ 1	Млава 1	Градизскъ 3
Чембаръ 3	Добржинъ 1	Жуки 1
Каменка 1	Ляпно 1	Семеновская 2
Городище 1	12	Константиноградъ 6
Садовка 1	Подольская губ. (1,961,000 жит.).	Карловская 3
Борисовская 1	Каменецъ, губ. г. 14	Дмитровка 2
Саранскъ 7	Могилевъ 3	Вѣлки 1
Инсаръ 3	Новая-Ушица (Ушица) 3	Гановеа 1
		191
		Примерская область. (43,000 жит.).
		Николаевскъ 4
		Софійскъ 1

Хабаровская	эвз.	3
Владивостокъ		7
Новгородской		1
Камень-Рыболовъ		2
		18
Исковская губ. (786,000 жит.).		
Исковъ, губ. г.		20
Порховъ		6
Боровичи		2
Островъ		9
Холмъ		2
Св. Горы		1
Новоржевъ		2
Новгородка		2
Торопецъ		3
Тяполовская		1
Опочка		4
Великіе-Луки		2
Бѣжаницы		1
Сольцы		1
Орли		1
		57
Радомская губ. (540,000 жит.).		
Радомъ, губ. г.		8
Козеницы		1
Опатовъ		1
Сандомиръ		1
Пжишуха		1
Конскъ		1
		18
Рязанская губ. (1.496,000 жит.).		
Рязань г. г.		18
Раменбургъ		3
Данковъ		3
Скопань		3
Пронскъ		3
Рязскъ		2
Саложскъ		4
Касимовъ		4
Михайловъ		3
Спасскъ		2
Ижевское		3
Ерматурская		2
Егорьевскъ		3
Гавриловское		2
Ухоловская		1
Зарайскъ		2
Борки		2
Алексѣевка		1
		61
Самарская губ. (1.868,000 жит.).		
Самара г. г., ...		24
Бугурусланъ		2
Павловская		2
Бузулувъ		4
Сорочинская		1
Зиминкова		2

Бугульма	эвз.	8
Ставрополь		1
Мелекскъ		1
Чердаклинская		4
Николаевскъ		3
Новый-Узень		2
		49
С.-Петербургская губ. (1.291,000 жит.).		
С.-Петербургъ: По городской почтѣ	810	
Черезъ книжный ма- газинъ Вазунова	330	
Черезъ книжный ма- газинъ Черкесова	102	
Черезъ Конт. ред.	102	
		1344
Гатчино		5
Луга		8
Гдовъ		4
Чарковичи		1
Ямбургъ		2
Нарва		3
Иевве, ст.		1
Тосна		2
Сестрорѣцкѣ		1
Новая Ладога		2
Минихинская		1
Павловскъ		3
Царское Село		16
Петергофъ		4
Ораниенбаумъ		5
Красное Село		4
Кронштадтъ		17
		1418
Саратовская губ. (1.773,000 жит.).		
Саратовъ, г. г.	42	
Балашевъ	5	
Царицынъ	7	
Сосновка	1	
Аткарскъ	4	
Колено	3	
Турки	1	
Беково	2	
Камышинъ	4	
Дубовскій посадь	1	
Каменка	3	
Петровскъ	3	
Кузнецкъ	6	
Камышкеръ	1	
Чунки	1	
Сердобскъ	4	
Кандалъ	2	
Ключи	1	
Хвалыинскъ	3	
Вольскъ	6	
Самтукоевъ	1	
Маринская	1	
		102

С.-Никольская. (155,000 жит.).	эвз.	
Нейшлотъ		1
Семипалатинская. (350,000 жит.).		
Семипалатинскъ		6
Каргараны		1
Бухорма		1
Зайсанскій постъ		1
		9
Семирѣченская обл. (543,000 жит.).		
Вѣрный, обл. г.		7
Лепсинскъ		2
Копаль		2
Токмакъ		1
Караколъ		3
		15
Симбирская губ. (1.222,000 жит.).		
Симбирскъ, г. г.		27
Краснососенская		2
Юрдовская		3
Ардатовъ		7
Алатырь		2
Волховская		1
Курмышъ		3
Пиловальные заводы		3
Промзино городище		1
Тагаевская		4
Корсунъ		6
Сенгилей		2
Сызрань		5
Теренгульская		4
Репьевка		1
		71
Смоленская губ. (1.121,000 жит.).		
Смоленскъ, г. г.		22
Рославль		1
Софійская		1
Знаменское		3
Юхновъ		1
Починскъ		2
Ивановская		1
Бѣлой		6
Духовщина		4
Пречистенская		1
Етенстено		1
Порѣчье		1
Дорогобужъ		6
Ельня		2
Красный		1
Сычевка		2
Гжатскъ		4
Вязьма		10
Уваровская		1
Издѣйково		1
Ярцево		1
Духовская		1
		73

Ставропольская губ. (437,000 жит.)		эвз.	Терская область. (485,000 жит.)		эвз.
Ставрополь, губ. г.	21	Перевозъ	1	Владикавказъ, г. г.	18
Прасковей, село . . .	3	Мелитополь	5	Славяновская	2
Пестчановопольская . . .	2	Спироговская	1	Кизляръ	4
	26	Геническъ	2	Нальчикъ	1
Сувалкская губ. (531,000 жит.)		Бердянскъ	7	Моздокъ	8
Сувалки, г. г.	7	Нагайскъ	1	Грозный	10
Верхоболовъ (Кибарты).	1	Віськъ-Дамбатъ	1	Хасафъ-Юртъ	2
Маріамполь	1		192	Шелковзаводская	1
Кальварія	1	Тамбовская губ. (2,157,000 жит.)		Георгіевскъ	5
Владиславовъ	1	Тамбовъ, г. г.	34	Пятигорскъ	12
Августовъ	1	Козловъ	14		58
Вилковички	1	Усманы	4	Тифлисская губ.	
	18	Липецкъ	5	Тифлисъ, г. г.	105
Сухумскій округъ. (70,000 жит.)		Лебедянь	3	Царскіе Колодцы	2
Сухумъ-Кале	4	Шацкъ	3	Лагодекская	1
Сѣдлецкая губ. (542,000 жит.)		Моршанскъ	5	Телавъ	4
Сѣдлецъ, г. г.	6	Спаскъ	2	Ахалцихъ	4
Венгровъ	1	Грязи	3	Ахалкалаки	1
Гарволинъ	1	Новочеркутино	1	Сигнахъ	1
Вля	3	Борисоглебскъ	8	Гори	5
Луковъ	1	Разсказово	1	Сурамская	1
Мендыржецъ	2	Кирсановъ	10	Вазіанская	1
	14	Томень	5	Вѣднй-Ключъ	1
Сырѣ-Дарьинская обл. (835,000 жит.)		Тара	1	Думеть	1
Ташкентъ	25	Курганъ	2		127
Казалинскъ	6	Ишимъ	2	Тобольская губ. (1,105,000 жит.)	
Перовскъ	1	Елатъма	2	Тобольскъ, губ. г.	8
Чимкентъ	1	Темниговъ	1	Томень	5
Аулие-ата, укр.	1	Кадоми-посадъ	1	Тара	1
Самаркандъ	8	Толстинковская	1	Курганъ	2
Ходжентъ	4	Кулики	1	Ишимъ	2
Катты-Курганъ	2	Муравьевская	1		18
Чиназъ	1	Сенцевка	2	Томская губ. (784,000 жит.)	
	49	Хомутова	1	Томскъ, губ. г.	12
Тавастгустская губ. (185,000 жит.)		Мордово	1	Колыванъ	1
Ойскъ	1	Токарева	2	Берская	1
Талришская губ. (716,000 жит.)		Уметъ	1	Барнаулъ	6
Симферополь, г. г.	83		117	Війскъ	1
Оудаль	1	Тверская губ. (1,509,000 жит.)		Змиѣногорскъ	5
Балаклава	1	Тверь, губ. г.	15	Маріинскъ	2
Евпаторія	1	Торжокъ	6		28
Багчисарай	1	Корчева	3	Тургайская обл. (350,000 жит.)	
Алушта	1	Кимры	2	Илецкая Защита	2
Севастополь	16	Старица	4	Уральское, укрѣпл.	3
Феодосія	9	Ржевъ	9	Тульская губ. (1,178,000 жит.)	
Керчь-Ениколь	6	Зубцевъ	3	Тула, губ. г.	25
Ялта	15	Красный-Холмъ	2	Алексинъ	3
Карасубазаръ	4	Възденъ	5	Епифанъ	4
Гельбштадтъ	1	Весьегонскъ	1	Богородицъ	4
Орѣховъ	8	Кашинъ	7	Дробяно	2
Большой Томакъ	2	Калезинъ	3	Дукьяновская ст.	1
Каховка	3	Вышній-Волочокъ	1	Чернь	2
Азани	2	Осташковъ	1	Новосиль	2
		Селижаровъ	1	Одоевъ	3
		Выдропускъ	1	Ясенки	1
		Осташковская	1	Кранива	1
		Спировская	1		
		Троицкая	1		
		Максатиха	2		
			59		

	вѣз.		вѣз.	Нѣжинъ	10
Хомутово	1	Очаковъ	2	Борзна	4
Каштра	1	Джемурѣвская	1	Плиски	3
Веневъ	2	Новая-Прага	5	Бобровицы	3
Ефремовъ	9	Песчаный бродъ	1	Красное	3
Бѣлевъ	5	Вознесенскъ	5		113
	66	Березовка	2	Черноморскій округъ	
Уральская область.		Покровская	1	(15,000 жит.).	
(520,000 жит.).		Александрия	8	Туапсе	2
Нижнеуральскъ	5	Липецкая	1	Новороссійскъ	3
Гурьевъ	3	Бобринецъ	2		5
	8	Максимовская	3	Эриванская губ.	
Уфимская губ.		Новогеоргіевскъ	3	(452,000 жит.).	
(1,495,000 жит.).		Ново-украинка	4	Эриванъ, г. г.	11
Уфа, губ. г.	17	Елисаветградъ	19	Новый-Баззетъ	1
Стерлитамакъ	3	Дубоссары	6	Карагинскъ	2
Саткинский заводъ	2	Ольвиополь	5	Александрополь	6
Дуванейская	2	Новомиргородъ	2	Вагаршапдская	2
Поддубовская	1	Ананьевъ	6	Нахичеванъ	2
Златоустовскій зав.	3	Марьяновская	3	Джульфи	1
Бирскъ	1	Петровѣровская	1		24
Мензелинскъ	4	Павлышская	2	Эстляндская губ.	
Байсарово	1	Тирасполь	5	(323,000 жит.).	
	34	Искровка	2	Ревель, г. г.	12
Харьковская губ.		Ново-Воронцовка	8	Вейсенштейнъ	1
(1,820,000 жит.).		Бериславъ	2	Тапсъ	1
Харьковъ, губ. г.	80	Пантаевка	1		14
Ахтырка	6	Бирзула	1	Якутская обл.	
Лебедянь	7	Затишье	1	Якутскъ	3
Котельва, слобода	1	Ивановка	1	Нохтуйскъ	3
Сумы	14	Раздѣльная	1		6
Боромля	2	Кущовка	2	Ярославская губ.	
Бѣлополье	2	Новый Бугъ	1	(988,000 жит.).	
Валки	2	Бандурно	1	Ярославль, губ. г.	27
Змиевъ	4		264	Рѣбянскъ	5
Волчанскъ	8	Черниговская губ.		Романовъ-Борисоглѣбскъ	6
Богодуховъ	4	(1,669,000 жит.).		Помехонье	3
Чугуевъ	4	Черниговъ, губ. г.	28	Мышкинъ	1
Волохово-орская	2	Городня	3	Угличъ	1
Изюмъ	6	Новгородъ-сѣверскій	6	Молога	1
Купянскъ	9	Стародубъ	3	Ростовъ	3
Сеньковская	1	Погаръ	1	Борисоглѣбскія слободы	1
Новоекатеринославъ	4	Новозбковъ	2	Даниловъ	2
Старобѣльскъ	4	Еліонское (Еліонка		Еваново	1
Бѣловодскъ	1	тоже)	2		51
Водолагская	2	Понуровская	1	За границей:	
Барвенкова	3	Новый Ролскъ	3	Англія	8
Славянскъ	3	Сосница	5	Бельгія	2
Рубежное	1	Почепъ	3	Германія	61
Дергачи	1	Мглинъ	3	Греція	3
Новоселки	1	Суражъ	3	Италія	9
Алексѣевка	1	Клинцы	3	Китай	2
Коломакъ	1	Красный Рогъ	1	Молдавія	1
Тарановка	1	Козелецъ	3	Остъ-Индія	1
Алексѣевка	1	Остеръ	1	Придунайскія княжест.	1
Дружкова	2	Воронежъ	1	Сербія	1
Куляково поле	1	Березна	1	С. Америка	3
	179	Рѣпки	3	Турція	4
Херсонская губ.		Шостка	1	Франція	29
(1,661,000 жит.).		Глуховъ	4	Швейцарія	8
Херсонъ, г. г.	18	Бролевецъ	3	Швеція	1
Одесса	106	Алтынговская ст.	1	Японія	3
Николаевъ	32	Семипольская	1		137
		Конотопъ	9		

ОБЩІЙ ИТОГЪ.

I. Въ губерніяхъ:

	эвз.		эвз.		эвз.
1. Херсонская.	264	32. Кубанск. об.	56	63. Люблинская.	18
2. Киевская.	243	33. Новгородск.	56	64. Олонецкая.	18
3. Полтавская.	191	34. Владимирск.	52	65. Петроковск.	18
4. Харьковская	179	35. Калужская.	51	66. Примор. об.	18
5. Екатериносл.	174	36. Ярославская	51	67. Тобольская.	18
6. Тифлисская.	127	37. Самарская.	49	68. Елисаветпол.	15
7. Таврическая	122	38. Сыръ-Д. об.	49	69. Енисейская.	15
8. Тамбовская.	117	39. Минская. . .	47	70. Калининск.	15
9. Черниговск.	113	40. Виленская.	46	71. Курляндск.	16
10. Орловская.	107	41. Вятская. . .	45	72. Семирѣченск.	15
11. Пермская.	103	42. Иркутская.	43	73. Съдлецкая.	14
12. Саратовская	102	43. Оренбургск.	43	74. Эстляндская	14
13. Варшавская.	98	44. Гродненская	41	75. Радомская.	13
14. Воронежская	98	45. Могилеская.	41	76. Сувальская.	13
15. Подольская.	96	46. Московская.	41	77. Плоцкая. . .	12
16. Казанская.	95	47. Ковенская.	38	78. Ньюландская	11
17. Курская. . .	90	48. Витебская.	37	79. Семинал. об.	9
18. Бессарабск.	86	49. Забайк. об.	36	80. Уральск. об.	8
19. Обл. В. Дон.	77	50. Уфимская.	34	81. Выборгская.	7
20. С.-Петербур.	74	51. Астраханск.	32	82. Амурск. об.	6
21. Смоленская.	73	52. Вологодская	29	83. Клязевая. . .	6
22. Пензенская.	72	53. Дагест. обл.	29	84. Якутск. об.	6
23. Симбирская.	71	54. Лифляндск.	28	85. Черном. об.	5
24. Тверская. . .	69	55. Томская. . .	28	86. Сухумск. об.	4
25. Тульская. . .	66	56. Баянская.	26	87. Тургайс. об.	3
26. Волынская.	65	57. Ставропол.	26	88. Закал. об.	1
27. Нижегород.	63	58. Авмол. об.	24	89. Куопіоская.	1
28. Рязанская.	61	59. Эриванская.	24	90. С.-Михельск.	1
29. Костромская	59	60. Бутанская.	20	91. Тавастгустск.	1
30. Тверская. . .	58	61. Архангельск.	19		
31. Псковская.	57	62. Домжинская.	18		
					4780
II. Въ С.-Петербурѣ.					1344
III. Въ Москвѣ.					530
IV. За границей.					137
				Всего: эвз.	6741

А. Хомиковскій
директоръ редакціи.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ»

въ 1875 году.

А., В. Наше законодательство о раскольничьихъ бракахъ. Историческій очеркъ (февраль, 775).

А—въ, Л. Какъ мы живемъ нынче. Очерки изъ романа Троллопа (дек. 726).

Арсеньевъ, К. К. Движеніе умовъ въ римской имперіи при Флавіяхъ, Траянѣ и Адрианѣ (дек. 609).

В., А. Изъ Гейне. Стихотвореніе (январь, 250). См.: Отъ редакціи, фев. 876.

Воборыкинъ, Н. Д. Въ усадьбѣ и на порядкѣ. Повѣсть (январь, 5).

Вагнеръ, Н. П. По поводу спиритизма. Письмо въ редактору (апрѣль, 855).

Вейнбергъ, П. И. Мелодія изъ дома сумасшедшихъ. Стихотвореніе изъ Сырокомли (февраль, 513).—Изъ Давтова ада. Пѣснь третья (май, 115).

Веселовскій, А. Н. Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ: I. Поэма о Дигенисѣ — II. Девгеній-Дигенясъ. — III. Дигенисъ-Аника и старшіе богатыри (апрѣль, 750).

Г., М. Первые представленія комедіи «Горе отъ ума» въ 1827—1832 г. Изъ воспоминаній участника (юль, 319).

Г., Ю. Торговый балансъ и его значеніе (юнь, 792).

Гербель, Н. В. Жалоба Тасса. Изъ Байрона (февраль, 559).—Миньона. Изъ Гёте (юнь, 671).

Герье, В. И. Консерватизмъ у римлянъ (сентябрь, 224).

Гиляровъ, Алексѣй. Изъ Гейне. Лирическія стихотворенія (юль, 124).

—**дѣл.** Лора Дей. Баллада Клемента Брентано (ноябрь, 95).

Давыдовъ, И. Н. Смоленское земство (ноябрь, 313).

Д—евъ. Признанія литературныхъ отцовъ. Théophile Gauthier и Champfleury (январь, 196; февраль, 519).—Пьеръ-Жозефъ Прудонъ (мартъ, 154; май, 78; юль, 32; авг., 528; сен. 113; окт., 530; ноябрь, 221; дек. 573).

Драгомановъ, М. П. Евреи и поляки въ юго-западномъ краѣ (юль, 133).—Ново-кельтское и провансальское движеніе во Франціи (августъ, 688; сентябрь, 153).

Забѣтый, О. По словамъ и заголосьямъ. Деревенскіе рассказы: I.—Христославы. — II. Прощенный день (май, 217). — III. Встрѣча. — IV. Широкая дуна. — V. На роду написано. — VI. Новый праздникъ. — VII. Ночь подъ Крещенье (июнь, 739); VIII. Чтець, пѣвецъ и свѣщеносецъ (дек. 780).

Зола, Эм. Проступокъ аббата Мура. Романъ (январь, 253; фев. 694; мартъ, 271). — Парижскія письма: I. Новый академикъ. По поводу пріема А. Дюма-сына во французскую академию (мартъ, 441). — II. Парижъ въ апрѣлѣ (май, 432). — III. Выставка картинъ въ Парижѣ (июнь, 874). — IV. Шарль де-Ремюза. — Скачки и игра. — Торжество въ память Бовальдѣ. — Осужденіе Лафонтена. — Трагическій Парижъ (июль, 381). — V. Наводненіе (августъ, 825). — VI. Романы гг. Гомбургъ (сентябрь, 400). — VII. Шатобрианъ и празднество въ Сент-Мало (октябрь, 857). — VIII. Флюберъ и его сочиненія (ноябрь, 401). — IX. Драматическая сцена въ Парижѣ (дек. 845).

Ивановъ. Поѣздка на обновленные кавказскія воды. Путевныя замѣтки (октябрь, 678).

Б—нъ, И. Сто-первый отвѣтъ на вопросъ: что такое полиція? (октябрь, 827).

Кавелинъ, Е. Д. Психологическая критика. Замѣчанія Ю. О. Самарина на книгу: «Задачи Психологій» (май, 361; июнь, 777; июль, 333).

Каразинъ, Н. Н. Въ низовьяхъ Аму. Путевныя очерки (февраль, 651; мартъ, 186).

Кауфманъ, И. И. Реформа кредитной денежной системы (мартъ, 365).

Костомаровъ, И. И. Кудеаръ. Историческая хроника, въ трехъ книгахъ (апрѣль, 461; май, 5; июнь, 465).

Крестовскій, В. (Псевдонимъ) Альбомъ. Группы и портреты (февраль, 437; сентябрь, 5).

Курбскій, А. Американскіе пионеры (июль, 214; августъ, 568).

Л., Е. Эмигрантъ. Сажиринскій романъ Яна Лама (июль, 278; августъ, 425).

Лебедевъ, Амф. С. Исторія церкви, какъ предметъ университетскаго преподаванія (октябрь, 782).

М., А. Изъ «Лазаря», Гейне (дек. 601).

Марковъ, Евг. Л. Послѣдніе могилы русскою педагогій. По поводу статей гг. Л. Н. Толстого и К. И. Цвѣткова (май, 291).

Мечниковъ, И. И. Антропология и дарвинизмъ (январь, 159).

Миллеръ, О. О. Графъ А. К. Толстой, какъ лирическій поэтъ (дек. 557).

Минаевъ, Д. Д. Ученія барыни. Ком. Мольера (дек. 441).

Минаевъ, И. П. Львиный островъ. Письма съ острова Цейлона (февраль, 568; июнь, 672). — Въ Непалѣ. Изъ путевыхъ замѣтокъ (сентябрь, 297).

Н., А. Англійскій переводъ Лермонтовскаго демона (октябрь, 884). — Материалы для русскаго обычнаго права. Обычное право, Е. Якушкина (ноябрь, 429). — Новый сводъ русскихъ былинъ (декабрь, 875).

Н., В. Нѣсколько мыслей по поводу письма проф. Вагнера о спиритизмѣ (май, 458).

Н., В. Ученый диспутъ въ Москвѣ, въ связи съ университетскимъ вопросомъ (июнь, 900). — Нащъ аргументы. По поводу новыхъ статей и новыхъ идей г. Любимова въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (августъ, 741).

Орловъ, Ал. Паоло и Франческа. Изъ Данта (августъ, 610).

П., В. Изъ записокъ рядового, первого призыва (сентябрь, 269).

П., Л. Дневникъ французскаго односторонняго волонтера (сентябрь, 340).

Петровскій, Н. О. Очерки Коканскаго ханства (октябрь, 722).

Полонскій, Л. А. Современный романъ въ Англии. Литературныя очерки (ноябрь, 245).

Половъ, Ш. А. Воинный городъ Краковъ. 1815—1846 г. (январь, 107; февраль, 460; мартъ, 100; апрѣль, 618; май, 266; июнь, 689).

Погѣхннъ, А. А. Хай-дѣвка. Повѣсть (мартъ, 5).

Праховъ, Адр. Микель-Анджело Бонаротти, зодчій, ваятель и живописецъ. 1476—1564. (июль, 5).

Пышинъ, А. Н. В. Г. Бѣлинскій. Опытъ биографіи (февраль, 591; апрѣль, 549; май, 120; июнь, 549).—О сравнительно-историческомъ изученіи русской литературы (октябрь, 641).—Древній періодъ русской литературы и образованности: I. Племя; народность (ноябрь, 99); II. Византіицы (дек. 655).

Р., Ю. Специальный журналъ для русской публицистики. Сборникъ государственныхъ знаній, т. I. (апрѣль, 776).

Ренъяръ, А. Наука и литература въ современной Англіи. Письма изъ Англіи (январь, 330; июль, 180).

Ровинскій, П. А. Воспоминанія изъ путешествія по Сербіи, въ 1867 году (ноябрь, 5; дек. 699).

С., Ш. Университетскій вопросъ въ Германіи (сентябрь, 319).—Некрологъ. Гр. Алексѣй Константиновичъ Толстой (ноябрь, 435).

Свистунова, Ш. П. Грибоѣдовская Москва въ письмахъ М. А. Волковой къ В. И. Ланской (январь, 219; мартъ, 230; августъ, 660).

Соловьевъ, С. М. Наблюденія надъ историческою жизнью народовъ.—2.— Политическое соединеніе Италіи, Галліи и Германіи при Каролингахъ (апрѣль, 593).

Стоюнинъ, В. Я. Педагогическіе вопросы: Гдѣ же гнѣздилося наше зло? (октябрь, 758).

Студли, Ф. С. Два раза замужемъ. Повѣсть (апрѣль, 670).

Суриковъ, И. З. По берегу моря.

Легенда (мартъ, 150).—Богатырская жена. Былина (ноябрь, 35).

Терентьевъ, М. Туркестанъ и туркестанцы (сентябрь, 65; октябрь, 499; ноябрь, 142).

Толстой, графъ А. Е. Стихотворенія: I. Ты почто, злая кручинушка.—II. Прозрачныхъ облаковъ словойное движеніе (январь, 157).—Драконъ. Разсказъ XII-го вѣка, въ стихахъ (октябрь, 581).—Литературная исповѣдь, въ письмѣ къ Де-Губернатису (дек. 877).

Толстой, Ю. В. Англія и ея видъ на Россію въ XVI-мъ вѣкѣ. По новымъ документамъ (августъ, 477).

Трачевскій, А. С. Германія наканунѣ революціи. Историческіе этюды (май, 193; июнь, 595; июль, 78; августъ, 618).

Тургеневъ, И. С. Письмо къ редактору. По поводу смерти графа А. К. Толстого (ноябрь, 433).

Шелешовская, О. Сельцо Малиновка. Повѣсть (ноябрь, 173).

Шкляревскій, А. С. Что думать о спиритизмѣ? По поводу письма проф. Вагнера (июнь, 906; июль, 409).

Э., А. Жермини Ласерте. Романъ Э. и Ж. де-Гонкуръ (октябрь, 427).

Ядринцевъ, Н. Положеніе ссыльныхъ въ Сибири (ноябрь, 282; дек. 529).

Языковъ, А. И. Предсмертная пѣснь пѣвца конунга Рагнара (февраль, 692).—Стихотворенія: I. Бабушка.—II. Изъ Гейне.—III. Чешская пѣсня, (апрѣль, 613).

Якунинъ, Ив. Холера въ Тамбовѣ въ 1830 году. По разсказамъ очевидцевъ (сентябрь, 204).

Яксонъ, Ю. Э. Населеніе Петербурга и его экономическій и социальный составъ по переписи 1869 года (октябрь, 606; ноябрь, 55).

Хроника.

I. Внутреннее Обозрѣніе. Январь: Вопросъ 1874 года 1875 году и послѣдующимъ: Что важнѣе: чѣмъ намъ быть? или: какъ намъ быть? Огульная характеристика современнаго общества и его печати.—„Лѣтняя мѣтѣна“ и ихъ европейскіе корни.—Начало всеословности на Западѣ.—Самоуправленіе въ московской и до-московской Руси.—Правильность исторической почвы новѣйшихъ преобразованій.—„Культурный“ слой въ древней и новой Россіи.—Опытъ его самоуправления.—Вопросы будущаго развитія (371 стр.).—Февраль: По поводу новой финансовой росписи. Десятилѣтіе судебной реформы.—Нынѣшнее ея положеніе.—Уголовная статистика за 1873 годъ.—Улучшеніе въ ея приемахъ.—Особенности въ дѣятельности судовъ.—Вопросъ о преступленіяхъ, ускользящихъ отъ наказанія.—Отношеніе грамотныхъ.—Слухи въ печати о новыхъ правилахъ относительно высшихъ училищъ.—Прочальный объѣздъ В. О. Коршу (791 стр.).—Мартъ: Бюджетъ на 1875 годъ.—Финансовое хозяйство и печать.—Балансъ нынѣшней росписи.—Отчетъ контроля за 1873 годъ.—Примѣрная роспись на основаніи отчетовъ.—Вопросъ объ ограниченіи сверхсѣтѣнныхъ расходовъ.—Проектъ устава о наймѣ рабочихъ.—Избіеніе адвокатовъ г. Марковымъ, по избіеніи литераторовъ г-ми Катковымъ и Леонтьевымъ (400 стр.).—Апрѣль: Судебная реформа въ царствѣ польскомъ.—Сессія петербургскаго дворянства.—Всесловная волость.—Дѣло г. Безобразова.—Приговоръ по дѣлу Исаева.—Общество и полиція.—Послѣдній отчетъ Императорской Публичной Библиотеки. (796 стр.).—Май: Преобразованія въ церковномъ управленіи и устройствѣ.—Отношенія церкви и государства.—Отчетъ обер-прокурора св. синода за 1873 годъ.—Древніе польскіе архивы въ Россіи.—Вопросъ о передачѣ польской метрики.—Дѣло Карлова и Казненко и приговоры присяжныхъ.—Вопросъ о дуэли.—Оговорка о росписи на 1875 годъ (392

стр.).—Июнь: Всеобщаго дѣла докладъ министра народнаго просвѣщенія о пересмотрѣ университетскаго устава.—Отчетъ шестилѣтія почтоваго управленія.—Почтовое вѣдомство и почтовое дѣло.—Отчетъ рижской городской гимназій.—Нѣмецкія училища въ Петербургѣ.—Петербургскіе гимназій.—Полицейскія правила.—Особый видъ общественной „самодѣятельности“.—Съѣздъ машиностроителей (831 стр.).—Июль: Десятилѣтіе земскихъ учрежденій.—Городовое положеніе въ западныхъ губерніяхъ.—Вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій въ области войска донскаго.—Историческій взглядъ на военное управленіе областью.—Вопросъ о подвѣдомственности донскаго земства.—Земство уфимское.—Обзоръ дѣятельности разанскаго земства.—Литературныя диковины (стр. 356).—Августъ: Наше финансовое положеніе.—Пятый выпускъ консолей.—Сравненіе возрастанія расходовъ и доходовъ.—Производительность отдѣльныхъ статей доходовъ.—Отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1873 г.—Выпускные экзамены въ гимназіяхъ въ 1874 г.—Рѣшеніе вопроса о медико-хирургической академіи.—Полемика объ училищахъ военнаго вѣдомства (стр. 765).—Сентябрь: Вопросъ о желѣзно-дорожномъ строительствѣ.—Новая сѣть желѣзныхъ дорогъ.—Новыя правила о выдачѣ концессій.—Проектъ образованія таганрогской губерніи.—Вопросъ о мѣсскомъ округѣ.—Разрѣшеніе вольной продажи пороха.—Вопросъ о введеніи Городоваго положенія въ остзейскомъ краѣ.—Юбилей въ петербургской думѣ (стр. 360).—Октябрь: Взглядъ на русскую печать.—Судебная реформа въ Остзейскомъ краѣ.—Обязательность начальнаго обученія въ Петербургѣ.—Средства города.—Положеніе дѣтей на фабрикахъ и заводахъ (стр. 800).—Ноябрь: Вопросъ о вліяніи духовенства на народную нравственность.—Проектъ комисіи объ уменьшеніи разгула въ народѣ.—Роль сельскихъ священниковъ.—Наставленіе преосвященнаго Хрисанова.—Взгляды въ печати на бытъ народа.—Необходимость экономическихъ ре-

формы, какъ противобѣса всякимъ вліяніямъ. — Отвѣтъ „досужимъ“ журналовъ „недосужимъ“ (стр. 869). — Декабрь: Вятка прежде, и вятка теперь. — Московскій Судный банкъ, и акціонное дѣло въ виленской губерніи. — Отчетъ Публичной Библиотеки за 1874 г. — Поѣздка министра нар. просвѣщенія на югъ. — Дѣла въ Кованѣ. — Сообщенія „Правит. Вѣстника“ и дѣйствія Англіи въ Египтѣ (стр. 797).

II. Иностранное Обзорѣніе. Январь: Министерскій кризисъ въ Берлинѣ. — Столкновение Арнима съ Бисмаркомъ. — Дипломатическія разоблаченія. — Судъ надъ Арнимомъ. — Положеніе дѣлъ во Франціи (408 стр.). — Февраль: Отказъ Гладстона отъ управленія партіею. — Положеніе либеральной партіи въ парламентѣ. — Современныя ея эпитоны. — Маркизъ Гарлингтонъ. — Гладстонъ — публицистъ. — Новый переворотъ въ Испаніи. — Несостоятельность всѣхъ партій. — Необходимость воцаренія Альфонса (819 стр.). — Мартъ: Денеша англійскаго правительства объ опредѣленіи законовъ войны. — Два парламентскихъ избранія. — Слухи объ удаленіи германскаго канцлера. — Статистика политическаго репрессіи Германіи. — Сессія французскаго собранія. — Конституціонныя законы. — Соглашеніе центровъ. — Установленіе республики. (423 стр.). — Апрель: Программа министерства Бюффе. — Закрытіе сессіи національнаго собранія. — Докладъ Савари. — Прокламація Кабреры. — Его прошлое и его отношеніе къ довь-Карлосу. — Ходъ военныхъ дѣйствій (818 стр.). — Сентябрь: Восстаніе въ Герцеговинѣ и восточный вопросъ. — Измѣненіе въ условіяхъ этого вопроса. — Положеніе дѣлъ въ 1862 году. — Султанъ Абдуль-Азисъ и администрація. — Турецкіе финансы. — Положеніе райевъ. — Сербія и Черногорія. — Отношенія между державами.

III. Корреспонденціи. — I. Берлинъ: Общественныя замѣтки (февраль 834 стр.). — Обзоръ сессіи прусскаго ландтага (апр. 832 стр.). — Политическія тревоги (июнь

856 стр.). — Финансовыя затрудненія и оппозиція. — Выборы въ Баваріи (августъ, 792 стр.). — Профессора и университеты въ Австріи и Германіи (окт. 887 стр.). — Политическое и экономическое положеніе Германіи наканунѣ новой сессіи рейхстага (дек. 827) — II. Лондонъ: Вѣдѣнія политика Англіи и средне-азиатскій вопросъ (фев. 855 стр.). — Англія на воюѣ (май, 418 стр.). — Рабочій классъ и англійское законодательство (авг. 808 стр.). — Армія и флотъ въ Англіи (ноябрь, 836 стр.). —

IV. Библиографическій Листокъ. Январь: Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. XIII. — Исторія воссоединенія Руси. П. А. Кулиша, т. I. — Міровоззрѣніе талмудистовъ, въ выдержкахъ изъ главнѣйшихъ книгъ раввинской письменности. Составл. по подлин. С. I. Финомъ и X. Л. Кацеленбогеномъ; пер. Л. О. Леванди, съ примѣч. Л. О. Гордона, т. I. — Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ. Г. Маудсли. Переводъ съ англ., съ дополн. Д. А. Четотта. — Вопросы о жизни и духѣ. Дж. Г. Льюиса. Перев. съ англ. — Жизнь европейскіхъ народовъ. Географическіе рассказы, т. I. Жители юга. Е. Н. Водозовой, съ 25 рис. В. М. Васнецова. — Февраль: Замѣтки о русской адвокатурѣ, 1866—1874 г.г. К. К. Арсеньева. — Вопросъ о незаконнорожденныхъ. — Соч. А. И. — Монголія и страна Тангутовъ. Трехлѣтнее путешествіе въ восточной нагорной Азіи. Н. Пржевальскаго, т. I. — Природа и жизнь. Научно-литературный сборникъ, для дѣтей старшаго возраста, съ 38 политип., изд. М. Малышевой и А. Пѣловой. — Для народнаго чтенія. Изданія московскаго комитета грамотности. Шестъ выпусковъ. — Полное собраніе сочиненій Гофмана, перев. и изд. п. р. Н. В. Гербеля и А. Л. Соболевскаго. — Мартъ: Василій Андреевичъ Жуковскій. Русская Библиотека, томъ IV. — Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго, пр. Спб. Univ., т. I. О государственномъ устройствѣ. — Руководство къ изученію

сценическаго искусства, въ 2-хъ частяхъ. Состав. Н. Сѣдѣнцовъ, преподав. сценич. искусства въ имп. театр. училищѣ. — Устройство и управленіе городовъ Россіи, т. I. Введеніе: города Россіи въ XVIII столѣтіи. И. Дитятина. — Астрономическій атласъ Брунса, профес. унв. и дирек. Лейпциг. Обсерваторіи. Второе изданіе. Перев. Е. А. Сысоевой, подъ ред. Р. Н. Гришнина. Съ 12 таблицами. — Русскій рабочий у сѣверо-американскаго плантатора. Воспоминанія, очерки и замѣтки. А. С. Курбскаго. — Исторія маленькой дѣвочки. Сочиненіе Е. А. С—вой. — Апрель: Путешествіе въ Туркестанъ. А. П. Федченко. т. I, ч. II. Въ Кованскомъ ханствѣ. Тетр. I-ая. Съ портретомъ, 8-ми картами, географіей, 4-ми литографіями и 9-ю политик. — Германская конституція. Ч. I. Историческій очеркъ германскихъ союанныхъ учрежденій въ XIX вѣкѣ. А. Градовскаго. — Соловки. Воспоминанія и рассказы изъ поѣздки съ богомольцами. В. И. Немировича-Данченко. — Априорная философія или положительная наука? По поводу диссертациі г. В. Соловьева. К. Кавелина. — Рѣчи, по-русски произнесенныя въ еврейскомъ молитвенномъ домѣ, въ Москвѣ, раввиномъ Э. Миноромъ. Вып. I. — Май: Александръ Сергѣевичъ Грибоедовъ. Русская Библиотека, томъ V. Портретъ, біографія, изъ критики Бѣлинскаго и Пушкина. — Англійскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Состав. Ник. Вас. Гербель. — Записки Имп. Рус. Геогр. Общества. По общей географіи, т. V. — Ученіе о слуховныхъ ощущеніяхъ, какъ физиологическая основа для теоріи музыки. Г. Гельмгольца. Перев. съ 3-ю нѣм. изд. М. Пѣтухова. — Отдыхъ. Два разсказа для дѣтей. Е. Васильевской. — Июнь: Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами. Состав. Ф. Мартенсъ, проф. Спб. Универ., т. II. — Семнадцать первыхъ лѣтъ жизни императора Петра Великаго. Соч. М. П. Погодина. — Полное собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей, издан. п. р. Н. В. Гербеля, т. I. Изд. 5-ое. — Опытъ исторіи

мысли. Томъ первый, выпускъ 1-ый. — Путеводитель по Европѣ, томъ IV: Сѣверная Италия и Флоренція; томъ V: Римъ и южная Италия. Якубовича. — Июль: Сельско-хозяйственное дѣло Европы и Америки на вѣнской всемирной выставкѣ 1873 года и въ эпоху ел. А. Ермолова. — Новая азбука графа Л. Н. Толстого. — Изъ 25-лѣтней практики сельскаго учителя. — Воспоминанія, очерки и замѣтки Е. Стрѣльцова. Ч. I. Сельская школа, 1849—1864. — Барчуки. Картины прошлаго. Евгения Маркова. — Августъ: Новая русская литература (отъ Петра до настоящаго времени). Учебникъ для мужскихъ и женскихъ институтовъ, гимназій и учительскихъ семинарій. Составилъ П. В. Евстафьевъ. — Общинное земледѣіе. А. Посникова. Выпускъ I. — Пожарная книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Составилъ А. Н—въ. Въ текстѣ политическіе рисунки. — Сентябрь: Сборникъ Государственныхъ знаній, подъ редакціей В. П. Безобразова, т. II. — Историческая хрестоматія. Учебное пособіе для учащихся и преподавателей. Курсъ новой исторіи. Составлена А. Овсянниковымъ. Т. I. — У океана. Жизнь на крайнемъ сѣверѣ. В. И. Немировича-Данченко. — Октябрь: Россія и Англія. Первые сорокъ лѣтъ сношеній между Россіей и Англією. 1558—1593 г. Грамоты, собранныя, переписанныя и изданныя Юріемъ Толстымъ. — Очерки исторіи и догматики международнаго права. Орд. пр. А. Н. Стоянова. Харьковъ. 1875 г. — Людвигъ Экардтъ. Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій, съ приложеніемъ примѣчаній и краткаго учебника теоріи поэзіи. Для мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній перевели и составили приложенія Н. Максимовъ и В. Островскій. — Женское специальное образованіе въ Петербургѣ. Состав. М. Л. Златковский. — Сцены изъ цыганской жизни (*Scènes de la vie de bohème*). Г. Мюрге. Переводъ съ французскаго. — Очеркъ исторіи русскаго дворянства отъ половини IX до

конца XVIII вѣка. Сочиненіе И. А. По-
рай-Кошица.—Ноябрь: Архив Государ-
ственного совѣта. Т. I. V, ч. 1-ая и 2-ая.—
Дача на Рейнѣ. Романъ въ пяти частяхъ.
Б. Ауэрбаха. Съ предисловіемъ И. С.
Тургенева. Перев. съ нѣм. Три тома.—
Курсъ гражданскаго судопроизводства.
Соч. Крон. Малышева. Т. II.—Герцего-
вина въ историческомъ, географическомъ
и экономическомъ отношеніяхъ.—Солдат-
ское житье. Очерки изъ туркестанской
жизни. Д. Иванова. — Декабрь: Сбор-
никъ Рус. Ист. Общества. Т. XIV. —
Исторія Россіи, С. Соловьева. Т. XXV.
—Шиллеръ и его время. Соч. I. Шерра.
—Обязательственное право. Ф. К. Са-
виньи, пер. Фувъ и Мандро. — Эпизодъ
пруско-франц. войны. Э. Ватсона.—Руко-
водство къ геологін. Германа Креднера.
Т. I.—Статистика русскихъ банковъ. Ч.
П. И. И. Кауфмана.

V. Извѣстія. Общество для пособія
нуждающимся литераторамъ и ученымъ
(январь, 426; февраль, 874; мартъ, 460;
апрѣль, 876; июнь, 919; июль, 419; августъ,
853; октябрь, 888; декабрь, 882).—Отчетъ
о дѣятельности комитета общества вспомо-
жествованія студентамъ с.-петербург-
скаго университета (январь, 426). —
Отъ редакціи (февраль, 876.). — Отчетъ
Комитета общества для пособія лицамъ
женскаго пола, обучающимся на курсахъ
ученыхъ акушеровъ при медико-хирурги-
ческой академіи и въ Педагогическихъ
курсахъ (июнь, 919.). — Высшіе женскіе
курсы въ Москвѣ (июнь, 919). — Коми-
тетъ общества земледѣльческихъ колоній
(июнь, 919). — II. Отчетъ Совѣта Обще-
ства распространенія грамотности въ
нижегородской губерніи, за 1874—75
годъ (дек. 883).

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ

НОВЯБРЬ—ДЕКАБРЬ, 1875.

Книга одиннадцатая.—Ноябрь.

	СТР.
Воспоминанія изъ путешествія по Скывіц, въ 1867 г.—I-II.—П. А. РОВИНСКАГО.	5
Богатырская жена.—Былина.—И. З. СУРИКОВА	35
Населеніе Петербурга и его экономической и социальный составъ, по переписи 1869 года.—III-IV.—Окончаніе.—Ю. Э. ЯНСОНА	55
Дора Лей.—Баллада Климента Брентано.—ДТЬ	95
Древній періодъ русской литературы и образованности.—Сравнительно-историческіе очерки.—I. Племя, народность.—А. Н. ПЫПИНА	99
Туркестанъ и туркестанцы.—III.—Окончаніе.—М. А. ТЕРЕНТЬЕВА	142
Сельцо Малиновка.—Повѣсть.—О. ШЕЛЕШОВСКОЙ	178
Пьеръ-Жозефъ Прудонъ въ письмахъ.—Correspondance de P.-J. Proudhon.—Статья четвертая.—I-III.—Д—ЕВА	221
Современный романъ въ Англии.—Литературные очерки.—Л. А. ПОДОНСКАГО.	245
Положеніе осѣльныхъ въ Сибири.—I-III.—Н. ЯДРИНЦЕВА	282
Хроника.—Смоленское земство.—По поводу вопроса объ упадкѣ благосостоянія смоленской губерніи.—И. Н. ДАВЫДОВА	318
Внутреннее Овозрѣніе.—Вопросъ о вліяніи духовенства на народную нравственность.—Проектъ комиссіи объ уменьшеніи разгула въ народѣ.—Роль сельскихъ священниковъ.—Наставленіе преосвященнаго Хрисаноя.—Взгляды въ печати на бытъ народа.—Необходимость экономическихъ реформъ, какъ противоязія всякимъ вліяніямъ.—Отвѣтъ „досуужихъ“ журналистовъ „недосуужимъ“	363
Корреспонденція изъ Лондона.—Армія и флотъ въ Англии.—R.	386
Парижскія письма.—VIII.—Фловеръ и его сочиненія.—ЭМ. ЗОЛА	401
Литературная замѣтка.—Материалы для русскаго общаго права.—Общное право, Е. Якушкина.—А. Н.	429
Письмо къ редактору.—По поводу смерти графа А. К. Толстого.—И. С. ТУРГЕНЕВА	433
Некрологъ.—Гр. Алексѣй Константиновичъ Толстой.—М. С.	435
Библиографическій Листокъ.	

Книга двѣнадцатая.—Декабрь.

	стр.
Ученныя варни.—Комедія Мольера, въ пяти дѣйствіяхъ.—Д. Д. МИНАЕВА.	441
Положеніе осмысленныхъ въ Сивирѣ.—IV-V.—Окончаніе.—Н. М. ЯДРИНЦЕВА.	529
Графъ А. К. Толстой, какъ лирической поэтъ.—О. Ф. МИЛЛЕРА.	557
Пьерръ-Жозефъ Прудонъ въ письмахъ.—Correspondance de P.-J. Proudhon.— Статья четвертая.—IV-VI.—Окончаніе.—Д.—ЕВЪ.	573
Изъ „Лазаря“ Гейне.—I-X.—Пер. А. М.	601
Движеніе умовъ въ римской имперіи при Флавіяхъ, Траянѣ и Адрианѣ.—98— 138 гг.—А. Hausgrath Neutestamentliche Zeitgeschichte, Dritter Theil.— К. К. АРСЕНЬЕВА.	609
Древній періодъ русской литературы и образованности.—Сравнительно-истори- ческіе очерки.—II.—Византийцы.—А. Н. ПЫПИНА	655
Воспоминанія изъ путешествія по Сербіи, въ 1867 году.—III.—П. А. РОВИН- СКАГО	699
Какъ мы живемъ нынче.—Очерки изъ романа А. Треллопа—Л. А-ВЪ.	726
По селамъ и захоумствамъ.—VIII.—Чтець, пѣвецъ и священносець.—Дере- венскіе рассказы.—О. ЗАБЫТАГО	780
Хроника.—Внутреннее Овозраженіе.—Взятка прежде и взятка теперь.—Москов- скій Судный банкъ и акціонное дѣло въ виленской губерніи.—Отчетъ Публичной библіотеки за 1874 г.—Поѣздка министра народнаго просвѣ- щенія на югъ.—Дѣла въ Кованѣ.—Сообщенія „Правительственнаго Вѣст- ника“, и дѣйствія Англіи въ Египтѣ.—Кончина В. К. Чевкина	797
Корреспонденція изъ Берлина.—Политическое и экономическое положе- ніе Германіи наканунѣ новой сессіи рейхстага.—К.	827
Парижскія письма.—IX.—Драматическая сцена во Франціи.—ЭМ. ЗОЛА.	845
Библиографическая замѣтка.—Новый сводъ русскихъ вылинъ.—Книга о киевскихъ богатиряхъ, В. П. Авенаріуса.—А. Н.	875
Литературная исповѣдь графа А. К. Толстого, въ письмѣ къ проф. Де-Губерна- тису во Флоренціи.	877
Извѣстія.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.— II. Отчетъ съѣзда Общества распространенія грамотности въ нижегород- ской губерніи, за 1874—75 г.	882
Материалы журнальной статистики.—„Вѣстникъ Европы“ въ 1875 году	891
Алфавитный указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Европы“ за 1875 годъ	900
Библиографическій Листокъ.	

КОНЕЦЪ ДЕСЯТАГО ГОДА.

ВИБ. ПОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

внѣ Императорскаго русскаго историческаго Общества, Т. XIV, Сиб. 1875, Стр. 544. Ц. 3 руб.

Настоящій выпускъ „Сборника“ служитъ продолженіемъ историческихъ свѣдѣній объ Екатерининской комиссіи, и составляетъ именитый ихъ томъ. Это уже петербургскія записки 1768 года; депутаты разсуждаютъ о закахъ, отнесенныхъ до устройства и производства суда. Мы ограничиваемся теперь однимъ такимъ указаніемъ на выходъ въ свѣтъ новаго выпуска этихъ интереснѣхъ и важнѣхъ для науки свѣдѣній, такъ какъ въ ближайшей книжкѣ журнала посвящается этому предмету особая статья.

Юга Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. Серія Соловьева. Т. XXV, М. 1875, Стр. 379. Ц. 2 руб.

Въ нынѣшняго выпуска нашъ почтенный историкъ вступаетъ въ великую эпоху—царствованіе императрицы П. Только первая глава посвящена современному правленію имп. Петра III, а послѣднія останавливаются на одномъ перь годѣ новаго царствованія. Такъ далеко въ такомъ широкомъ масштабѣ русская исторія не заходила; со времени Екатерины II, можно сказать, она приобретаетъ весь интересъ современности, а потому начало новой книжки въ трудѣ С. М. Соловьева и все дальнейшее продолженіе должно возбудить интересъ не только въ любознательныхъ, но и въ боитыхъ. Авторъ не забываеетъ своей прежней системы изложенія: безъ обобщеній, безъ оцѣнокъ, безъ характеристикъ, онъ разсказываетъ фактъ за фактомъ, правда, разсказываетъ, какъ то позволяють теперь новѣйшія изданія документовъ и открытый ему, до известной степени, доступъ въ государственные архивы. Потому долгое время самый трудъ нашего историка будетъ имѣть прежде всего значеніе историческаго акта. Настоящій выпускъ анализируется на вопросъ объ избраніи польскаго короля въ 1763 г., и приводитъ всѣ наши свѣдѣнія по этому дѣлу съ западными державами.

Шерръ и его время. Соч. Г. Шерра. Пер. съ нѣм. М. 1875. Стр. 428. Ц. 2 р. 50 к.

Мы имѣемъ на русскомъ языкѣ полное собраніе сочиненій Шерра, а теперь весьма кстати видна переводъ лучшей его биографіи. Кратковременная жизнь великаго поэта (44 года жизни), ознаменовавшая собою весь образованный вѣкъ, вся состояла главнымъ образомъ изъ фактовъ творчества его гѣнія; и Шерръ потому и даетъ биографію Шиллера въ порядкѣ его извѣдѣній, группируя около нихъ личную обстановку и частную судьбу поэта. Потому къ Шерру можетъ служить вмѣстѣ живымъ памятникомъ къ поэзіи Шиллера.

Историческое право. Ф. К. Савиньи. Пер. съ нѣм. В. Фуксъ и Н. Леандро. М. 1876. Стр. 579. Ц. 3 р.

Весьма характеристично для предшествующей намъ эпохи, что ни одно изъ капитальныхъ сочиненій Савиньи не было въ свое время переведено на русскій языкъ. Появленіе настоящаго перевода обязано своимъ существованіемъ новому сѣзду русскихъ юристовъ въ Москвѣ амьчанію Н. В. Калачева, что резолюція его необходимости рассмотреть наши народныя права и признать за ними, гдѣ слѣдуетъ,

трудомъ Савиньи переведены весьма удачно и выразилъ его „*Obligationenrecht*“, такъ какъ болѣе близкое знакомство съ ними представляеть самую настоятельную потребность для нашихъ юристовъ. Въ предисловіи помещена весьма обстоятельная биографическая очеркъ Савиньи и приложенъ шлодѣ удовлетворительный его портретъ. Авторъ разматриваетъ свой предметъ съ двухъ его сторонъ, и потому вся книга раздѣляется на двѣ главы: природа обязательствъ и источники ихъ происхожденія.

Эпизодъ прусско-французской войны. Очеркъ исторіи парижской коммуны 1871 г. Э. Ватсона. Сиб. 1876. Стр. 221. Ц. 1 р. 50 к.

Признавая весьма справедливо невозможность въ наше время „исторіи“ парижской коммуны, при отсутствіи полнаго собранія матеріаловъ, авторъ задается мыслью собрать въ формѣ очерковъ только несомнѣнные факты и наблюденія лицъ, отъ которыхъ можно ожидать большаго безпристрастія. Называя, въ заключеніи, всю эту десятидѣльную междоусобную борьбу „*трагикомедіей*“, авторъ тѣмъ не менѣе изслѣдуетъ въ началѣ весьма основательно причины движенія 18-го марта въ событіяхъ послѣднихъ лѣтъ существованія второй имперіи; прусская осада представляла только удобный случай къ окончательному шаршу. Вотъ потому авторъ даетъ болѣе вѣры тѣмъ показаніямъ, которые утверждаютъ, что скорѣе бонапартисты, нежели пруссаки, поддерживали коммуны, такъ какъ бонапартисты вообще не пренебрегаютъ никакими мѣрами для достиженія своихъ цѣлей. Въ изслѣзованіи г. Ватсона, какъ то и слѣдовало, обращено особенное вниманіе на обширный доклад самодѣльной комиссіи, изслѣдовавшей событія 18-го марта—28 мал. по порученію національнаго собранія въ Версаи.

Руководство къ геологіи. Германа Креднера. Перев. съ нѣм. (съ дополненіями) М. Ребиндера, А. Штувенберга и М. Тарасова. Т. I. Сиб. 1875 г. Стр. 371 и 7 таб. рис.

Руководство Креднера, весьма недавно появившееся въ оригиналѣ, успѣло выдержать уже нѣсколько изданій. Всѣ существенныя и важныя геологическія вопросы обслѣдованы въ немъ съ тою полнотою, какой только можно требовать при его сжатомъ изложеніи. Для русскихъ читателей особенно важенъ отдѣлъ о петрографической геологіи, какъ составленный на основаніи новѣйшихъ данныхъ науки. Хотя книга главнымъ образомъ предназначается для нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, и даже издатели позаботились пополнить тѣ пробѣлы, въ которыхъ книга Креднера наиболѣе отстаетъ отъ учебнаго курса, но тѣмъ не менѣе это руководство можетъ съ пользою заинтересовать собою вообще спеціалистовъ и практиковъ.

Статистика русскихъ банковъ. По поруч. цент. стат. ком. обработанъ И. И. Кауфманъ. Ч. II. Сиб. 1875. Стр. 545.

Все, что относится къ разъясненію банковаго дѣла, представляеть теперь большой современный интересъ, а громадный трудъ, состоящій изъ однихъ таблицъ, г. Кауфмана, дать въ руки спеціалистовъ солиднаго матеріала. Въ нынѣшнемъ выпускѣ замеченъ подробный сводъ ежемѣсячныхъ балансовъ отдѣленій Госуд. Банка, съ дополнителными свѣдѣніями объ его операціяхъ, а

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНІЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ: Книжный магазинъ Н. И. Мамонтова (А. И. Глазунова),
на Кузнецкомъ-Мосту.

НА 1876-й годъ:

Подписная цѣна на годовой экземпляръ журнала, 12-ть книгъ:
Городскіе

въ С.-Петербургѣ: { 15 р. 50 коп. безъ доставки.
16 р. — „ съ доставкою на домъ.

Иногородные:

1) въ Москвѣ: { 16 р. — „ безъ доставки.
17 р. — „ съ доставкою на домъ.
2) въ губерніи: 17 р. — „ съ пересылкою.

Иностраные:

19 р. — вся Европа (кроме Франціи), Египетъ и Сѣв.-Ам.
Штаты; 21 р. — Франція; 24 р. — Азія; 25 р. — остальная
Америка.

Примѣчаніе. Подписывавшіеся въ московскомъ Отдѣленіи Главной Конторы, въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова (бывш. А. И. Глазунова), на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе номера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою

Отъ редакціи. Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почте* въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстоожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ въ иногородныхъ въ иностраные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государству.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно обязательству отъ Почтоваго департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 15 коп. почтовыхъ марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Спб., Галерная, 20.

Вас. Остр. 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр. Академ. пер., 9.

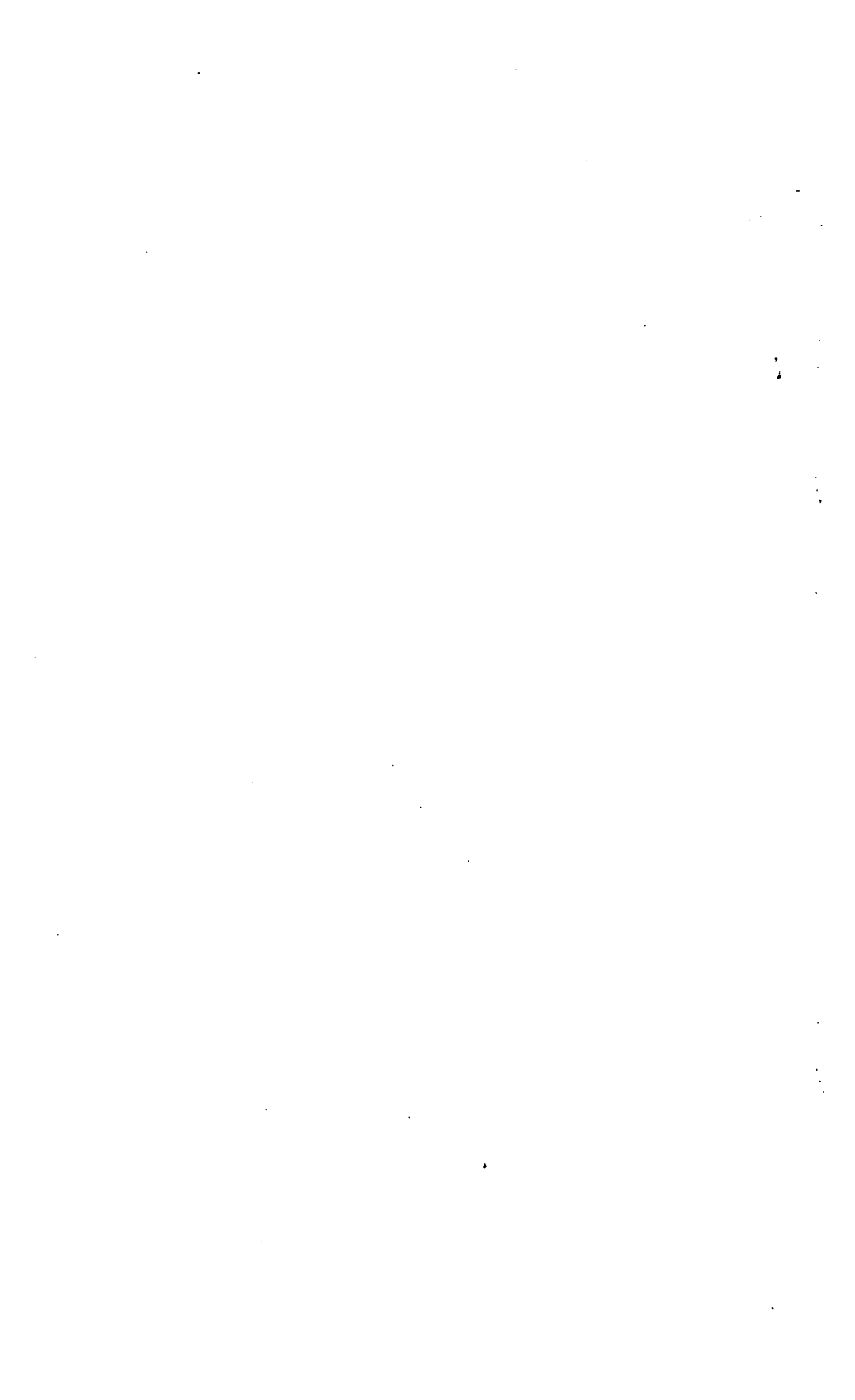
ОСОБЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ. Для иногородныхъ—1) о подпискѣ на 1876 г. на модный и литературный журналъ „Новый Русскій Базаръ“; 2) отъ книжнаго маг. Н. И. Мамонтова; 3) отъ книжнаго маг. М. О. Вольфа; 4) отъ Картографическаго заведенія А. Шляна; 5) о подпискѣ на иллюстр. еженед. журналъ „Живописное Обозрѣніе“.—Для городскихъ и иногородныхъ—1) о подпискѣ на 1876 г. на иллюстр. журналъ „Нива“; 2) о подпискѣ на 1876 г. на иллюстр. журналъ „Всемирная Иллюстрація“; 3) отъ редакціи „Кіевского Народнаго Календаря“.

3 2044 019 213 883

